

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е.Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С.А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К.К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор

В.И. Елинский
доктор юридических наук, профессор,
Почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А.Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

С.С. Жевлакович,
кандидат социологических наук, доцент,
Заслуженный работник высшей школы РФ

О.В. Зиборов,
доктор юридических наук, доцент

И.А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

В.Л. Кубышко,
кандидат педагогических наук

В.О. Лучин,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ

С.С. Маляев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Румянцев,
доктор юридических наук

М.В. Саудаханов,
кандидат юридических наук

Д. Субошич,
кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В.Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

Ю.А. Цыпкин,
доктор экономических наук, профессор

Б.С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

E.N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S.A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G.A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K.K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V.I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A.E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S.S. Zhevlakovich,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O.V. Ziborov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

I.A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

V.L. Kubyshko,
Candidate of Pedagogical Sciences

V.O. Luchin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia

S.S. Mailyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A.L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N.V. Rumyantsev,
Doctor of Legal Sciences

M.V. Saudakhanov,
Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,
PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V.Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu.A. Tsyppkin,
Doctor of Economic Sciences, Professor

B.S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N.D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of
Russia in the Field of Science and Technology

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального
образования РФ, Почетный работник науки и техники РФ

Ю.М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

А.В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А.Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор

Е.В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С.А. Боголюбов,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

Т.М. Гандилов,
доктор юридических наук профессор,
Заслуженный юрист России

А.В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

О.Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник прокуратуры РФ

С.М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С.В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н.Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р.А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В.П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего образования РФ

И.Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

А.И. Клименко,
доктор юридических наук, доцент

Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

И.И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р.А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

С.Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

Н.П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ

LEGAL SCIENCES

S.V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary
Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honorary Worker of Science and Technology of Russia

Yu.M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A.V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A.R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

E.V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S.A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

G.A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

T.M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

A.V. Endoltseva,
Doctor of Law, Professor

O.D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S.M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S.V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O.Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N.G. Kadnikov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

R.A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V.P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

I.B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A.I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

N.A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

I.I. Kotlyarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A.N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R.A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S.Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A.N. Levushkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N.P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

В.П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Н.Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г.Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Н.В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Р.С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н.Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Республики Татарстан

С.Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Ш.М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А.М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

А.С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

К.Е. Сигалов,
доктор юридических наук, доцент

А.В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д.П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л.В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Е.Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О.В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Л.А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.П. Шергин,
доктор юридических наук,
Заслуженный деятель науки РФ

Б.С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ, судья Конституционного суда
РФ (в отставке)

А.Б. Янишевский,
доктор юридических наук

V.P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N.F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G.B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N.V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R.S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N.G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S.L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S.M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A.M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A.S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K.E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A.V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D.P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L.V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E.N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O.V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

L.A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N.M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A.P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B.S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge of the Constitutional Court
of Russia (retired)

A.B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю.Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В.И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р.П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л.П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Д.В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T.A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu.T. Akhvediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V.I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R.P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L.P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D.V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

А.Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р.В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В.Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е.Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М.А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е.И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н.П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

И.А. Майбуков,
доктор экономических наук, профессор

В.Б. Мانتусов,
доктор экономических наук, профессор

В.С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г.Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С.Г. Симягина,
профессор экономических наук, профессор

Н.В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

A.F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R.V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V.G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E.N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M.A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E.I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N.P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

I.A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V.B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V.S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G.B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S.G. Simagina,
Professor of Economic Sciences, Professor

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И.В. Грошев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ

А.Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии

В.М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л.Н. Костина,
доктор психологических наук, доцент

И.Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

А.Н. Сухов,
доктор психологических наук, профессор

С.Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В.Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

Г.С. Човдырова,
доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V.S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I.V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

A.G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Winner of the State Award

V.M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L.N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

I.B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A.N. Suhov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S.N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V.L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

G.S. Chovdyrova,
Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Medical Sciences, Professor

С.Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В.Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А.Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А.Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

S.R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V.Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A.L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A.D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор
Н.Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
М.В. Саудаханов
кандидат юридических наук

Ответственный секретарь
Д.Е. Барикаева

В подготовке номера
участвовали:

Л.С. Антоненко,
М.И. Никитин,
А.И. Антошина

Верстка номера
А.П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации
№ 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс» — 84629

Подписано в печать 23.04.2021 г.
Цена договорная

Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official
https://www.instagram.com/
mosumvd.official/

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 2 • 2021

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

АХМЕДОВ Р.М. Основные принципы организации и деятельности сетевого религиозного «супермаркета»	11
ГРЕШНЫХ А.А., УТКИН Н.И., ШЕНШИН В.М. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-Западе России как фактор обеспечения национальной безопасности	14
ГРОШЕВ С.Н. К вопросу о проблематике происхождения Руси	20
ЛУКАШЕВИЧ Д.А. Конституционно-правовое оформление перехода СССР к рыночной экономике	24
ЧЕРВОНЮК В.И. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 2. Техничко- юридический инструментарий и технологии в сфере действия права: традиционные взгляды и необходимость их переоценки	31
АМЕЛЬЧАКОВ О.И. Эволюция конституционного регулирования государственного гарантирования права на жизнь в России	36
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ГУСЕВ Н.Н. Теоретические аспекты адаптации и интеграции мигрантов в социальной среде российского общества как методологическая основа их правового регулирования	40
ЗИНЧЕНКО Е.Ю., ХАЗОВ Е.Н. Конституционная модель современного российского федерализма	46
КАЗАКОВА В.Л. Конституционно-правовой анализ законодательства об отмене гражданства и практики его применения: проблемы и пути решения	51
САУДАХАНОВ М.В. Социально-экономические права и свободы человека и гражданина и социальное государство	56
ДОРОШЕНКО О.М. Правовые и социальные аспекты оптимальной стратегии борьбы с проституцией несовершеннолетних	60
ОЛИМПИЕВ А.Ю. Понятие и источники правового регулирования банковской тайны. Понятие и юридическая природа банковской тайны	63
ПРОКОПОВИЧ Г.А. Преференциальный режим осуществления предпринимательской деятельности	67
УСТИМОВА С.А., РАССКАЗОВА Е.Н. Привлечение контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве	71
ЩЕРБАЧЕВА Л.В. Виды цифровой продукции как объекты авторского права	74
РУМЯНЦЕВ Н.В., АНДРЕЕВА С.Н. Социальное партнерство: субъекты, принципы, проблематика	82
АМИНОВ Д.И. Роль средств массовой информации в продуцировании правосознания социума в условиях пандемии	86
БОЙЦОВА Ж.А., КАЛИНИНСКАЯ Я.С. К вопросу об объекте преступления, предусматривающего ответственность за порчу земли	89
БОРОДКИНА Т.Н., САМОЛАЕВА Е.Ю. Административная преюдиция уголовной ответственности за загрязнение вод: как не допустить экологического бедствия	93
ВЛАСЕНКО В.В., ЖЕРЕБЧЕНКО А.В. Государственные региональные и муниципальные программы в сфере профилактики правонарушений (опыт Ставропольского края)	97
ДАВИТАДЗЕ М.Д., МАЙСТРЕНКО Г.А. Криминологическая характеристика личности осужденного, дезорганизирующего деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	102
ЖАРКИХ И.А. Место провокации преступления в системе уголовного права: концептуальный подход	106

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

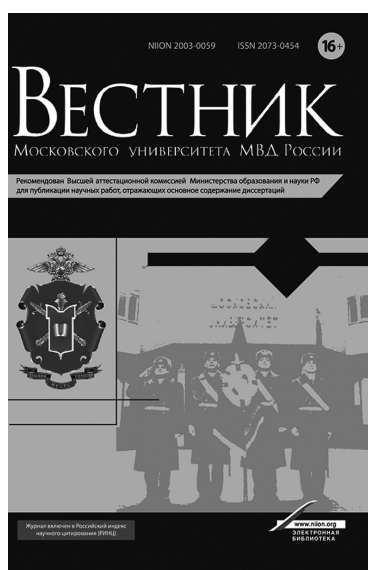
• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

**Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

КОПЫЛОВ В.В., ПРОКОФЬЕВ О.М., СОЛДАТОВ А.А. Перспективы применения криминалистической техники для изучения и анализа данных мобильных устройств в учреждениях ФСИН РФ	113
МОЛЧАНОВА Т.В. Статистическое описание преступлений в сфере экономической деятельности: прогнозные тенденции.....	117
ОСОКИН Р.Б., КОКОРЕВ В.Г. К вопросу о повышении интенсивности криминализации деяния, сопряженного с нарушением правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ).....	121
ПРОНИНА М.П. Теоретические основы законотворчества в интенсивно развивающейся правовой системе России	125
САЛЕЕВА Ю.Е., САЛЕЕВ Т.Ф. Дискурс об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних в Российской Федерации	131
ФАДЕЕВ В.Н. Метафизический взгляд на развитие юридической науки и образования	139
ШЕГАБУДИНОВ Р.Ш. Криминологический аспект деятельности по предупреждению экономической преступности, сопряженной с коррупцией и организованной преступной деятельностью	143
ЮДИНА У.С. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества.....	148
ВО КИМ ЗУНГ. Обеспечение прав и законных интересов юридических лиц, заявивших о преступлении, на стадии возбуждения уголовного дела: сравнительно-правовой анализ УПК России и УПК Вьетнама	153
ГРАЧЕВА А.С. Специфика реализации мер по охране жилища подозреваемого (обвиняемого), к которому применена мера принуждения, связанная с ограничением свободы	158
ГРИГОРЯН Т.А. Становление и развитие института доказательств в российском уголовном процессе	162
КЛЕВЦОВ К.К. Процессуальный статус и показания заподозренного лица – старые песни о главном.....	166
НЕЧАЕВ В.В., ГРИШКО Л.Е. Уголовно-процессуальное управление как особый вид социального управления в системе правоприменительной деятельности	170
ХАМГОКОВ М.М. К вопросу о некоторых актуальных проблемах, возникающих при производстве дознания по уголовным делам.....	174
КОННОВ В.А., ПУЗЫРЕВА Ю.В. Международно-правовые основы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации	178
КЛЕЩЕНКО Ю.Г. Субъекты доказывания по уголовным делам о преступлениях, связанных с формированием бюджета Российской Федерации (налоговом преступлении).....	185
ЛОСЕВ П.А. Исследование «гипотетического» значения скорости движения транспортного средства в момент наезда на пешехода при применении водителем торможения в заданный момент возникновения опасности	193
МОЗГОВАЯ Д.А. О месте преступления в структуре криминалистической характеристики подделки, изготовления или оборота поддельных документов.....	196
ТАРАСОВ М.Ю. Основания и условия объявления в международный розыск.....	199
ФЕДОРОВИЧ В.Ю., ХИМИЧЕВА О.В., АНДРЕЕВ А.В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства	205
ВИХЛЯЕВ А.А., ШАТКОВСКАЯ И.И. Актуальные вопросы функционирования системы государственного управления и предоставления государственных услуг населению в контексте реализации программы региональной цифровизации национального проекта «Цифровое государственное управление» на современном этапе.....	211

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК Минобрнауки России журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в утвержденный Министерством образования и науки РФ Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

КУЗНЕЦОВ В.В., ГОРБАТЕНКО Д.С., ПОРТАШНИКОВ О.М.	
Профилактика дорожно-транспортной аварийности по вине водителей в возрасте 60 лет и старше.....	215
МЫШКО Ф.Г. Об административных правонарушениях против окружающей среды в Российской Федерации.....	219
СОСНОВСКАЯ Ю.Н., МАРКИНА Э.В. К вопросу о правовом статусе государственных корпораций.....	223
ФЕДОРОВА И.В. Пути и средства воспитательно-профилактического воздействия на личность несовершеннолетнего правонарушителя сотрудниками ПДН.....	228

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГОРШЕНЕВА И.А., КУЖЕВСКАЯ Е.Б., ВАСИЛЬЕВ М.К.	
Анализ мирового уровня мошенничества и его влияние на организации, осуществляющие экономическую деятельность.....	232
ГРОШЕВ И.В., КРАСНОСЛОБОДЦЕВ А.А., ЭРИАШВИЛИ Н.Д.	
Региональная креативность и цифровой регионализм.....	236
КУШХОВА А.А., КУПРЕЩЕНКО Н.П. Повышение уровня экономической безопасности на основе регулирования миграционных процессов.....	255
МИНАКОВ А.В., ЕГОРОВА Е.В. Обеспечение экономической безопасности России в условиях глобальной нестабильности.....	260
СМИРНОВА Л.Я. Органы внутренних дел в обеспечении экономической безопасности государства.....	268
ЦХАДАДЗЕ Н.В. Экономическая эффективность технологий искусственного интеллекта.....	271
ИЛЬИН С.Ю., ОСТАЕВ Г.Я., ХОСИЕВ Б.Н. Общественные финансы: разработка инструментария для современных условий хозяйствования.....	275
ДИАНОВ Д.В., КУЗЬМИЧЕВ А.В. Статистическая оценка влияния рынков продовольственных, потребительских и промышленных товаров на экономическую преступность.....	281
КИРИЛЛОВ И.Е., МОРОЗОВ И.Н., МУРАШЕВ П.М., БОГАТИКОВ В.Н. Построение информационной модели горно-обогатительных предприятий.....	288

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

КАБАНОВ А.Ю. Информатизация как естественный процесс в современной образовательной системе.....	292
МАЛЮШИНА Ю.А., ФЕДОРОВА О.Б. Психологические аспекты состава преступления и классификация несовершеннолетних правонарушителей.....	295
МИХАЙЛОВА С.Ю. Теоретико-методологические проблемы формирования профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел.....	299
РЕАН А.А., МОЛЧАНОВА Д.В., КОНОВАЛОВ И.А. Ролевая модель как предиктор заинтересованного отношения подростков к семейному будущему.....	305
ВАСИЛЬЕВА И.В., ИВАНЦОВ С.В. Психорегуляционное обеспечение доминирующих психических состояний сотрудников отдела конвоирования ФСИН.....	315
СУХОВ А.Н. Последствия деструктивных социальных конфликтов: историко-практический аспект.....	323
МОЛОДКИНА Л.В. Роман Ингарден о психологии эстетического восприятия.....	327

ГАВРИЛИН Ю.В. Рецензия на монографию А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича «Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики».....	332

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific Editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and
technics, Doctor of Economic
Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Candidate of Historical
Sciences, Professor*
N.D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief
M.V. Saudakhanov
Candidate of Legal Sciences

Executive secretary
D.E. Barikaeva

*In edition preparation
participated:*
L.S. Antonenko,
M.I. Nikitin,
A.I. Antoshina

Imposition
A.P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the
Agency «Ural-Press» — 84629**

*It is sent for the press 23.04.2021
Contractual price*

Editorial Staff adress:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2.
Tel. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>
[https://www.instagram.com/](https://www.instagram.com/mosumvd.official/)
[mosumvd.official/](https://www.instagram.com/mosumvd.official/)

VESTNIK**MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA MVD ROSSII**

Contents № 2 • 2021

JURISPRUDENCE

AKHMEDOV R.M. Basic principles of organization and activity of a network religious «supermarket».....	11
GRESHNYKH A.A., UTKIN N.I., SHENSHIN V.M. Support for the protection of regional public security in the north-west of Russia as a factor in ensuring national security	14
GROSHEV S.N. On the problem of the origin of Russia.....	20
LUKASHEVICH D.A. Constitutional formalization of the USSR's transition to a market economy	24
CHERVONYUK V.I. Innovation in law: modern legal technologies in the context of digital reality. Article 2. Technical and legal tools and technologies in the field of action rights: traditional views and the need to reassess them.....	31
AMELCHAKOV O.I. Evolution of the constitutional regulation of the state guarantee of the right to life in Russia	36
BELSKY V.YU., GUSEV N.N. Theoretical aspects of adaptation and integration of migrants in the social environment of Russian society as a methodological basis for their legal regulation.....	40
ZINCHENKO E.YU., KHAZOV E.N. Constitutional model of modern Russian federalism.....	46
KAZAKOVA V.L. Constitutional and legal analysis of legislation on the abolition of citizenship and the practice of its application: problems and solutions	51
SAUDAKHANOV M.V. Socio-economic rights and freedoms of man and citizen and the social state.....	56
DOROSHENKO O.M. Legal and social aspects of an optimal strategy to combat prostitution of minors.....	60
OLIMPIEV A.YU. Concept and sources of legal regulation of the banking secrecy. The concept and legal nature of banking secrecy	63
PROKOPOVICH G.A. Preferential treatment of business activities.....	67
USTIMOVA S.A., RASSKAZOVA E.N. Bringing the persons controlling the debtor to liability in bankruptcy.....	71
SHCHERBACHEVA L.V. Types of digital products as copyright objects	74
RUMYANTSEV N.V., ANDREEVA S.N. Social partnership: subjects, principles, problems.....	82
AMINOV D.I. The role of the mass media in producing the legal consciousness of the society in the conditions of the pandemic	86
BOYTSOVA ZH.A., KALININSKAYA YA.S. On the issue of the object of the crime providing for liability for damage to the land	89
BORODKINA T.N., SAMOLAEVA E.YU. Administrative prediction of criminal responsibility for water pollution: how to avoid environmental disaster.....	93
VLASENKO V.V., ZHEREBCHENKO A.V. State regional and municipal programs in the field of crime prevention (experience of the Stavropol territory).....	97
DAVITADZE M.D., MAYSTRENKO G.A. Criminological characteristics of the convict's personality that disorganizes the activities of institutions that provide isolation from society	102
ZHARKIKH I.A. The place of crime provocation in the criminal law system: a conceptual approach.....	106

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii» the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

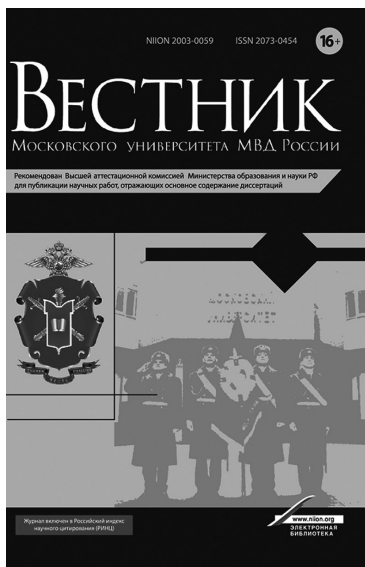
Offset printing

**Circulation 1500 copies
(1st batch—300)**

**Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

KOPYLOV V.V., PROKOF'EV O.M., SOLDATOV A.A. Prospects for the use of forensic technology for the study and analysis of mobile device data in institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation	113
MOLCHANOVA T.V. Statistical description of crimes in the sphere of economic activity: forecast trends	117
OSOKIN R.B., KOKOREV V.G. To the question of increasing the intensity of the criminalization of action connecting to the violation of the rules of the road trafficking by a person affected by an administrative punishment (art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian federation).....	121
PRONINA M.P. Theoretical foundations of lawmaking in the rapidly developing legal system of Russia	125
SALEEVA YU.E., SALEEV T.F. Discourse on criminal responsibility and punishment of minors in the Russian federation.....	131
FADEEV V.N. Metaphysical view on the development of legal science and education	139
SHEGABUDINOV R.SH. Criminological dimension of the prevention of economic crime involving corruption and organized criminal activity	143
YUDINA U.S. On the issue of differentiation of criminal liability for the destruction or damage of other people's property	148
VO KIM DUNG. Ensuring the rights and legitimate interests of legal entities that have reported a crime at the stage of excitation criminal charges: comparative legal analysis of the Criminal Procedure Code of Russia and the Criminal Procedure Code of Vietnam	153
GRACHEVA A.S. Specifics of the implementation of measures to protect the home of a suspect (accused) who has been subjected to a coercive measure related to restriction of freedom.....	158
GRIGORYAN T.A. Formation and development of the institute of evidence in Russian criminal proceedings.....	162
KLEVTSOV K.K. The process status and indications of the suspected person – old songs about the main	166
NECHAEV V.V., GRISHKO L.E. Criminal procedure department as a special type of social management in the system of law enforcement activity	170
KHAMGOKOV M.M. On the question of some urgent problems arising during the production of an inquiry in criminal cases	174
KONNOV V.A., PUZYIREVA YU.V. International legal framework for the implementation of the state migration policy of the Russian Federation	178
KLESHCHENKO YU.G. Subjects of evidence in criminal cases of crimes related to the formation of the budget of the Russian Federation (tax crimes).....	185
LOSEV P.A. Investigation of the “hypothetical” value of the vehicle speed at the moment of hitting a pedestrian when the driver applies braking at a given moment of danger occurrence	193
MOZGOVAYA D.A. About the crime scene in the structure of the forensic characteristics of forgery, production or turnover of forged documents	196
TARASOV M.YU. Basis and conditions for announcement in the international search	199
FEDOROVICH V.YU., KHIMICHEVA O.V., ANDREEV A.V. Introduction of informatization and artificial intelligence technologies as prospective directions of development of modern criminal proceedings.....	205
VIKHLIAEV A.A., SHATKOVSKAYA I.I. Current issues of the functioning of the public administration system and the provision of public services to the population in the context of implementation of the regional digitalization program of the national digital project at the present stage.....	211

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of Russia, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, which should publish the main scientific results of the dissertation for the degree of doctor and candidate of science.

Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press» 84629, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

KUZNETSOV V.V., GORBATENKO D.S., PORTASHNIKOV O.M.	
Prevention of road transport accidents by drivers aged 60 and over.....	215
MYSHKO F.G. On administrative violations against the environment	
in the Russian Federation	219
SOSNOWSKAYA YU.N., MARKINA E.V. On the issue	
of the legal status of state corporations.....	223
FEDOROVA I.V. Ways and means of educational and preventive	
influence on the personality of a minor offender by PD officers	228

ECONOMIC SCIENCE

GORSHENYOVA I.A., KUZHEVSKAYA E.B., VASILYEV M.K.	
Analysis of the global level of fraud and its impact	
on organizations engaged in economic activities	232
GROSHEV I.V., KRASNOSLOBODTSEV A.A., ERIASHVILI N.D.	
Regional creativity and digital regionalism	236
KUSHKHOVA A.A., KUPRESHENKO N.P. Increasing	
the level of economic security on the basis	
of regulating migration processes	255
MINAKOV A.V., EGOROVA E.V. Ensuring the economic security	
of Russia in the context of global instability.....	260
SMIRNOVA L.YA. Internal affairs bodies in ensuring	
the economic security of the state	268
TSKHADADZE N.V. Economic efficiency of artificial	
intelligence technologies	271
ILYIN S.YU., OSTAEV G.YA., KHOSIEV B.N. Public finance:	
developing tools for modern business conditions	275
DIANOV D.V., KUZMICHEV A.V. Statistical assessment	
of the impact of food, consumer and industrial goods markets	
on economic crime	281
KIRILLOV I.E., MOROZOV I.N., MURASHEV P.M., BOGATIKOV V.N.	
Building an information model for mining and processing enterprises.....	288

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

KABANOV A.YU. Informatization as a standard process in the modern	
educational system.....	292
MALYUSHINA JU.A., FEDOROVA O.B. Psychological aspects	
of the corpus delicti and classification of juvenile offenders	295
MIKHAILOVA S.YU. Theoretical and methodological problems	
of forming professional consciousness of internal affairs employees	299
REAN A.A., MOLCHANOVA D.V., KONOVALOV I.A. Role model	
as a predictor of adolescents' attitudes to the family future	305
VASILEVA I.V., IVANTSOV S.V. Psycho-regulatory support	
of the dominant mental states of the convoy department	
of the Federal Penal Correction Service system	315
SUKHOV A.N. Consequences of destructive social conflicts:	
historical and practical aspect	323
MOLODKINA L.V. Roman Ingarden on the psychology	
of aesthetic perception.....	327

GAVRILIN YU.V. Review of the monograph by A.F. Volynsky	
and V.A. Prorvich "Computer criminalistics in the system	
of criminal legal protection of the "traditional" and digital economy"	332

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕТЕВОГО РЕЛИГИОЗНОГО «СУПЕРМАРКЕТА»

Руслан Маратович Ахмедов, доцент кафедры государственного и административного права, кандидат юридических наук, доцент
Российский технологический университет (МИРЭА) (119454 г. Москва, проспект Вернадского, дом 78)
E-mail: ahmedov@list.ru

Аннотация. Представлен авторский взгляд по вопросу о принципах организации и текущей деятельности сетевых религиозных сообществ, их сервис-сайтов. Дается содержательная характеристика этих сообществ с учетом специфики их деятельности.

Ключевые слова: сетевое религиозное сообщество, принципы, киберпространство, религия, церковь, цифровые платформы, Сеть.

BASIC PRINCIPLES OF ORGANIZATION AND ACTIVITY OF A NETWORK RELIGIOUS «SUPERMARKET»

Ruslan M. Akhmedov, Associate Professor of the Department of State and Administrative law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Russian technological University (MIREA) (119454, Moscow, Vernadskogo Avenue, 78)
E-mail: ahmedov@list.ru

Abstract. The paper presents the author's view on the principles of organization and current activities of network religious communities, their service sites. Their content characteristics are given, taking into account the specifics of the activities of online religious communities.

Keywords: online religious community, principles, cyberspace, religion, church, digital platforms, Network.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Ахмедов Р.М. Основные принципы организации и деятельности сетевого религиозного «супермаркета». Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):11-3.

Деятельность цифровых религий является неотъемлемой частью киберпространства, где посредством этих сетевых религиозных сообществ отображаются существующие в реальном сообществе индивидуальные либо групповые мировоззренческие культурно-идеологические ценности, которые не всегда соответствуют официальной позиций традиционных мировых религиозных объединений.

Однако, как и любая другая сфера деятельности человеческой мысли, сетевые сообщества также проецируют те идеи, исходные внутренние убеждения, которые объединяют в своем составе единомышленников. Следовательно, принципы деятельности, являются неотъемлемым атрибутом любой социальной

консолидации, в том числе и виртуальной. В принципах проецируются ключевые направления достижения текущих и перспективных целей сообщества. В них отображается специфика содержательной сути и функционального предназначения формируемого социума.

Рассмотрим наиболее характерные принципы организации и функциональной деятельности сетевых религиозных интернет-ресурсов.

Доступность. Сетевые религиозные сообщества характеризуются определенным уровнем реальных научно-технических инноваций, благодаря чему человек приобретает возможность доступа к ранее закрытым источникам информации. Чтобы найти искомый

ответ по религиозному вопросу, достаточно ввести в любую поисковую систему название сетевого религиозного движения, религиозного культа и получить положительный результат.

Открытость. Новые сетевые сообщества распространяются посредством создания сайтов, виртуальных сервисов, блогов к которым могут обратиться и получить доступ практически неограниченное количество людей одновременно. Сеть, тем самым, становится средством пропаганды, миссионерства и продвижения религиозного движения в информационном пространстве.

Эффективность. Цифровые платформы позволяют экономить время, благодаря тому, что быстро и эффективно организуют выполнение задач, предоставив пользователю доступ по запросу к большому количеству информации. Однако, эффективность предполагает правильное распределение времени на изучение сайта либо необходимо контента. В противном случае многочисленные гиперссылки, обновления сообщений способны поглотить большее количество времени, чем рассчитывал пользователь цифрового ресурса.

Визуальная интерактивность. Сайты, сервисы, приложения сетевых религиозных сообществ выглядят весьма эффектно, где применена высококачественная графика, визуальные эффекты, приятный, эстетический внешний вид и размещено много информации, что является практически стандартом для цифровых религий. Большинство виртуальных религиозных движений в «живую» в электронном виде реагируют на запросы посетителей. Предлагают принять участие в лекциях, беседе, ознакомиться с основными догматами учения. Предоставляют возможность виртуально посетить храм, церковь. Прослушать музыку либо загрузить текстовые, графические, музыкальные файлы, тем самым устанавливая эмоциональную связь с человеком. На уровне зрительно-слуховых технических приемов способны вызвать у пользователя чувство реального присутствия на религиозном церемониале либо ритуальном действии.

Многомерная коммуникация религиозной виртуальности. Сетевое религиозное сообщество одновременно предлагает несколько контекстов для онлайн среды: оцифрованные священные тексты; участие в работе форума, в чате; чтение блогов религиозных деятелей; киберпаломничество; онлайн молитвы и многое другое, которые сконструированы в виде виртуальных коммуникационных потоков информации. Основная цель – в поддержании одновременной коммуникации «всех со всеми» в сформировавшемся виртуальном социуме, преодолевая огромные географические территории, что ранее было невозможно.

Конвергенция виртуальной среды с религиозной реальностью. Разработчики виртуальной среды, с целью широкой трансляции своего вероучения, активно адаптируют привычные формы коммуникации традиционных религиозных институтов, что стимулирует к появлению новых и нехарактерных для традиционных религий ритуального поведения у кибердептов (киберпаломничество; онлайн молитвы; виртуальные церемониалы).

Гипертекстуальность. Путем наличия гиперссылок на сайтах, системы ссылок, перенаправляют запрос в другое сетевое религиозное сообщество, где возможно размещен ответ на запрос пользователя. Как правило, в отсылочных сайтах возможно больше размещено контента по теме запроса, чем в исходном сервис-сайте. Что, в свою очередь, создает условия и увеличивает шансы поисковика в Сети предоставить по запросу более полную информацию и удерживать на страничке ресурса человека, изучающего информационный материал. Осуществить интенсивное взаимодействие в рамках сетевого сообщества.

Полицентричность. В отличие от религиозных структур реального мира, возникающих на основе локаций в физическом и социальном пространстве либо принадлежности к различным социальным группам, индивидам, топология виртуального пространства формируется как полицентричная система межсубъектных коммуникации. Сетевые религиозные сообщества формируются как контакты между различными узлами сети. В сетевых сообществах свободно обсуждаются различные доктринальные вопросы, которые становятся условием нового коллективного опыта верующих. Благодаря чему виртуальное сообщество превращается в самостоятельный социальный институт с автономным религиозным пространством.

Анонимность. Многие современные сервис-сайты скрывают разработчиков. Также предоставляется «отчасти» конфиденциальность для пользователей, что, в свою очередь, затрудняет определить авторитетность, компетентность сформировавшегося сетевого сообщества, лиц скрывающихся под аватарками, никами. Участникам сообщества позволено, практически без оглядки на законодательство, выкладывать свои соображения, мнения относительно различных, выносимых на обсуждение вопросов. Это дает питательную среду для образования разного рода децентрализованных сетевых религиозно-общественных движений. Однако, абсолютная анонимность в Сети невозможна. Порой сетевые ресурсы знают о нас больше, чем человек живущий вместе с вами. Причиной тому то, что пользователь оставляет «следы», которые позволяют, при желании его идентифицировать.

Идентичность. В сетевых религиозных сообществах предпочтения отдаются индивидуальным либо небольшим групповым ценностным предпочтениям. Благодаря чему религиозные представления приобретают многовариативный характер без символической привязки к исторической памяти по запросу пользователя.

Отцентрованность. Как справедливо утверждает М.С. Петрушевич, сетевое общение происходит с людьми, которые мыслят и чувствуют одинаково. Это приводит, с одной стороны, к гармонии в локальном масштабе, с другой – к поляризации в масштабе глобальном. Поэтому сетевые религиозные сообщества, фактически отгораживают своих пользователей от всего мира [4].

В заключение, необходимо отметить, что представленный перечень принципов организации и деятельности религиозных сетевых формации и их сервис-сайтов, является неокончательным. По мере дальнейшей широкоформатной цифровизации всех сфер человеческой деятельности, по мере алгоритмизации киберпространства под руководством искусственного интеллекта, исходные идеи и убеждения об организации и функционировании деятельности сетевых социальных формаций, также будут трансформироваться и видоизменяться. Однако, останется неизменной единственная цель – вовлечь в состав своего сообщества как можно больше единомышленников, которые руководствуются исходными осознанными принципами.

Литература

1. Ахмедов Д.Р. К вопросу о правовом воздействии на экстремистские формы проявлений в виртуальном пространстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2020. № 2 (25). С. 104-106.
2. Ахмедов Р.М. «Digital religion» и традиционные религиозные ценности: особенности

соотношения (по материалам электронных ресурсов): монография / Р.М. Ахмедов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

3. Ахмедов Р.М. Современные институциональные механизмы реализации государственно-конфессиональных отношений в российском обществе // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 11-16.
4. Петрушевич М.С. Религиозная коммуникация: особенности интернет-практик в Украине // Свеча – 2013. Том 25. Религия, religio и религиозность в региональном и глобальном измерении / Международная конференция «Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении» (30-31 октября 2013 г., Владимир). Владимир, 2013. С. 61-77.

References

1. Akhmedov D.R. On the question of the legal impact on extremist forms of manifestations in the virtual space // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. 2020. No. 2 (25). pp. 104-106.
2. Akhmedov R.M. "Digital religion" and traditional religious values: features of the ratio (based on the materials of electronic resources): monograph / R.M. Akhmedov. M.: UNITY-DANA, 2021.
3. Akhmedov R.M. Modern institutional mechanisms for the implementation of state-confessional relations in Russian society // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 5. Pp. 11-16.
4. Petrushevich M.S. Religious communication: features of Internet practices in Ukraine // Svecha-2013. Volume 25. Religion, religio and religiosity in the regional and Global Dimension / International Conference "Religion and Religiosity in the local and Global dimension" (October 30-31, 2013, Vladimir). Vladimir, 2013. pp. 61-77.

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Антонина Адольфовна Грешных, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр-т, 149)
E-mail: g.antonina@mail.ru

Николай Иванович Уткин, профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр-т, 149)
E-mail: utkinnick@mail.ru

Виктор Михайлович Шеншин, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр-т, 149)
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Аннотация. Исследуется ряд проблем, направленных на обеспечение национальной безопасности российского государства через призму обеспечения региональной общественной безопасности, а также иных составных элементов такой безопасности. Делается вывод о необходимости более активного претворения в жизнь мероприятий по обеспечению безопасности Северо-запада России. Проводится соотношение понятий регион и субъект, указывается, что между данными понятиями знак равенства ставить не целесообразно. Выделяется положительная тенденция, направленная на укрупнение субъектов Российской Федерации. Акцентируется внимание на том, что на сегодняшний день не потерял своей актуальности и остроты политический, экономический и военный аспект обеспечения безопасности государственной границы.

Ключевые слова: национальная безопасность, региональная государственность, федерализм.

SUPPORT FOR THE PROTECTION OF REGIONAL PUBLIC SECURITY IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA AS A FACTOR IN ENSURING NATIONAL SECURITY

Antonina A. Greshnykh, Dean of the Faculty of Training of Highly Qualified Personnel of the Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation
Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovskiy prospekt, 149)
E-mail: g.antonina@mail.ru

Nikolai I. Utkin, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovskiy prospekt, 149)
E-mail: utkinnick@mail.ru

Viktor M. Shenshin, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovskiy prospekt, 149)
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of a number of problems aimed at ensuring the national security of the Russian state through the prism of ensuring regional public security, as well as other components of such security. The conclusion is made about the need for more active implementation of measures to ensure the security of the North-West of Russia. The correlation of the concepts of region and subject is carried out, it is indicated that it is not advisable to put an equal sign between these concepts. There is a positive trend aimed at the consolidation of the subjects of the Russian Federation. Attention is focused on the fact that

today the political, economic and military aspect of ensuring the security of the state border has not lost its relevance and sharpness.

Keywords: national security, regional statehood, federalism.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Грешных А.А., Уткин Н.И., Шеншин В.М. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-Западе России как фактор обеспечения национальной безопасности. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):14-9.

Проводимая сегодня административная реформа вскрывает новые и обостряет ранее существовавшие проблемы, к которым относятся, в том числе и необходимость эффективного обеспечения механизма национальной безопасности.

Н.В. Макарейко, например, механизм обеспечения национальной безопасности, раскрывает через синтез правовой, субъектной, инструментальной, технологической подсистем, где правовой блок определяется в виде совокупности нормативных правовых актов, издаваемых различными органами государственной власти, регулирующих национальную безопасность. Субъектный аспект проявляется в системе субъектов, имеющих отношение к регулированию национальной безопасности сквозь призму предоставленных им государственно-властных полномочий. Инструментальный подход выражается с помощью специфических методов, с помощью которых осуществляется государственное принуждение. Для последней подсистемы присущи правотворческая, правосистематизирующая, правоинтерпретационная, правоприменительная деятельность [4].

Соответственно трудности в обеспечении национальной безопасности вызывают много споров и дискуссий, переходящих в практическую плоскость. Поэтому государством осуществляется постоянный поиск и применение наиболее эффективных мер обеспечения национальной безопасности.

В последнее время наблюдается крен в сторону развития федеративного признака развития государственности с приданием ему акцента в пользу развития региональной политики имеющей приоритетное направление. Отметим, что от эффективности такой политики зависит единство, целостность, стабильность и, в том числе, безопасность государства [1]. История показывает, что не всегда для нашего государства все складывалось благополучно, даже в современных условиях мы можем услышать отголоски проводимой ранее Царской Россией и Советским Союзом политики: это и проблемы островов южной Курильской гряды, и вопросы, возникающие в отношении Крыма, хотя эта ситуация, как сказал Президент России, снята с повестки дня, и т.п.

Не менее актуальным выглядит вопрос об обеспечении безопасности Северо-западного региона России, который всегда приковывал к себе пристальное внимание, что обуславливается геополитическим расположением, выходом к Северному морскому пути, а значит

и к рынкам сбыта, развитием в последнее десятилетие транспортной инфраструктуры, благодаря которой товары перемещаются с востока на запад страны за неделю. При этом сохраняются также транспортные и энергетические ограничения, препятствующие увеличению масштабов хозяйственного освоения Арктики, а также повышению значения Северного морского пути как международного транспортного коридора. Отсюда, на повестку дня выходят вопросы обеспечения безопасности Северо-Западного региона страны, факультативным признаком которого выступает необходимость обеспечения безопасности границ. В настоящее время этот вопрос урегулирован международными договорами и двусторонними соглашениями. Большая часть государственной границы Российской Федерации, проходящей на Северо-Западную часть России, проходит по территории Республики Карелия [6, с. 3], из чего вытекает важность обеспечения интересов безопасности в указанном регионе, что, несомненно, является гарантом стабильности и безопасности государства.

Следовательно, развитие региональной государственности прослеживается в исторической динамике, на которую в основе своей оказывали и продолжают оказывать воздействие формирование федеральной государственности, а также современных моделей изменения мирового сообщества.

Обратимся к характеристике понятия «регион», которое юридическая наука трактует по-разному. С английского слово «region» переводится как «край», «область», «округ», «район». Толковый словарь русского языка под словом «регион» подразумевает местный, относящийся к какой-нибудь области, региону [5, с. 661].

В своей основе чаще всего между понятиями «регион» и «субъект» ставят знак равенства, что является не совсем верным [7]. В Конституции Российской Федерации общепринятым является выражение «субъект». Вместе с тем, в пункте 36 статьи 3 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» упоминается о макрорегионе, как части территории Российской Федерации, включающей в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования.

В то же время Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном

представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» созданы федеральные округа, в которые входят по несколько субъектов Российской Федерации.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» введено понятие «геостратегическая территория Российской Федерации», под которой понимается территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности.

При этом возникает закономерный вопрос о взаимоотношении части и целого, региона и центра. Развитие России сегодня, с учетом ее федерализации (в состав Российской Федерации входит 85 субъектов), довольно протяженной территории, существующих различий между регионами, позволяет вести речь о развитии структурной связи между федеральным округом и центром. Именно федеральный округ ложится в основу понятия «регион». Вместе с тем органы государственной власти субъектов Российской Федерации сформировались ранее, нежели чем федеральные округа, что на сегодня оказывает существенное значение во взаимоотношениях центра и регионов.

Поэтому мы согласны с Е.Г. Ляховым и А.Г. Поповым, которые под «регионом» понимают: «Совокупность смежных государственно-политических или административно-правовых единиц, связанных географическими, историческими, политическими и иными узами, находящихся в определенных политико-правовых связях в вопросах обеспечения безопасности личности, общества, государства, международного сообщества» [3, с. 219].

Практика развития показывает непродуманность и контрпродуктивность региональной политики федеральным центром, что, в первую очередь, выдвигает на первый план неравномерное развитие регионов. Нарастающие диспропорции в экономике, материальном обеспечении являются мощным криминогенным фактором [8, с. 23].

На наш взгляд, изначальное разделение Российской Федерации на 89 субъектов (на сегодня их 85), заложило в их развитии неравномерность, финансирование в разных пропорциях, что было положено в основу дотационности последних. Отсюда необходимо говорить о положительном эффекте в свете проводимой политики по укрупнению субъектов Российской Федерации.

Главной стратегической угрозой национальной безопасности в области экономики выступает неравномерное развитие регионов. Стабильное состояние национальной безопасности на региональном уровне

обеспечивается путем сбалансированного, комплексного и системного развития субъектов Российской Федерации, расширения и укрепления хозяйственных связей между ними.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее по тексту – Стратегия), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 впервые предусмотрено, что одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне (на среднесрочную перспективу) является создание механизма сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации путем сбалансированного территориального развития страны, устранения инфраструктурных ограничений, введения механизма координации размещения транспортной, инженерной и социальной инфраструктур всех уровней, совершенствования системы стратегического и территориального планирования, обеспечения взаимной согласованности отраслевого и территориального развития, совершенствования национальной системы расселения и системы размещения производительных сил на территории Российской Федерации (пункт 65). Вместе с тем, в распоряжении Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р отмечается, что в Российской Федерации в течение последних 10 лет в результате проводимой государственной политики регионального развития наблюдается сокращение межрегиональных социально-экономических диспропорций, что, конечно же, создает предпосылки к комплексному подходу при уяснении указанных параметров.

В Стратегии указывается о том, что в долгосрочной перспективе устранить угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией развития регионов России, целесообразно путем стимулирования самостоятельного экономического развития субъектов Российской Федерации и их кооперации, повышения инвестиционной и предпринимательской активности, укрепления бюджетной обеспеченности, совершенствования межбюджетных отношений, расширения количества центров экономического роста, в том числе территорий опережающего социально-экономического развития (пункт 66).

Объединение субъектов Российской Федерации в федеральные округа, по нашему мнению, выступает важным шагом в формировании стабильности экономической и политической составляющей регионов с учетом их специфики. Мировая практика свидетельствует о том, что условия, при которых происходит региональное развитие, превращаются из тормозящего фактора в фактор мобилизации преобразований в стране.

Отметим, что развитие федеративных отношений характеризуется двумя противоречивыми особенностями: во-первых, происходит усиление ответственности регионов за социально-экономическую, политическую составляющие, а также за обеспечение региональной общественной безопасности, а во-

вторых, мы видим усиление регулирующей роли федерального центра в отношении регионов. Поэтому, считаем необходимым, акцентировать внимание на активном сотрудничестве и взаимодействии федерального центра и Северо-западного региона России, повышение его в консолидированной политике государства, направленной на обеспечение национальной безопасности.

Так уж повелось, что обеспечение национальной безопасности ассоциируется с множественностью нерешенных проблем. Поэтому при таких условиях безопасность Российской Федерации определяется способностью государства и конечно общества решать наиболее сложные внутренние политико-правовые, социально-экономические и иные задачи. Для этого необходимо в дальнейшем осуществлять правовое регулирование в сфере обеспечения безопасности Северо-западного региона России.

Так, в Стратегии определено – наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создают угрозу национальной безопасности (пункт 15).

В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» устанавливаются основы государственной политики в области обеспечения общественной и иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Как видим, в указанном законе понятия безопасность и национальная безопасность отождествляются.

Д.А. Липинский и Н.В. Макарейко делают вывод в этом плане о неудачном юридико-техническом решении, принятом законодателем, поскольку отсутствие дефиниции «национальная безопасность» служит правовой основой для принятия соответствующих актов органами государственной власти различного уровня [2].

Пунктом 6 Стратегии данный недостаток устраняется. Национальная безопасность определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Следовательно, национальную безопасность мы определяем как многогранное и многоаспектное явление, включающее государственную и общественную безопасность, а также оборону страны, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности и все иные виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодатель-

ством Российской Федерации.

В один ряд с магистральными направлениями государственного строительства, безусловно, может быть поставлена деятельность по установлению и защите государственной границы Российской Федерации. Становление государственной границы и ее охрана предполагают решение сложного комплекса политических, экономических, организационных и иных мер. Каждый из указанных элементов заслуживает пристального внимания и требует особого рассмотрения. Вместе с тем, эти вопросы не являются предметом настоящего исследования, поэтому исследователи, вкратце затронули лишь экономическую составляющую обеспечения государственной границы Российской Федерации, поскольку от развития экономики в первую очередь зависит эффективное обеспечение национальной безопасности.

Владимир Путин в 2004 году обозначил этот вопрос так: «Интеграция российской экономики в мировое хозяйство, усиление конкуренции на мировых рынках побуждают нас по новому взглянуть на обеспечение национальной безопасности государства и нерушимость его границ»¹.

Так как административные границы далеко не бесспорны в историческом, этнографическом, правовом отношениях, их превращение в государственные границы создавало ряд трудностей, приводящих к многочисленным конфликтам и резкому ограничению перемещения и контактов людей. Безусловно, такого рода опасения не лишены оснований и сегодня. Поэтому многое зависит от «технологии» реализации решений по охране и защите государственной границы.

Границы российского государства во все времена являлись предметом особой заботы, важным фактором обеспечения безопасности. И сегодня не потерял своей актуальности и остроты политический, экономический и военный аспект рассматриваемого вопроса. Концентрация значительных интересов в приграничном пространстве обуславливает необходимость создания здесь правового поля, обеспечивающего легитимность надежного функционирования системы национальной безопасности.

Так, в Стратегии сформулировано положение в соответствии с которым обеспечение национальной безопасности в пограничном пространстве осуществляется путем развертывания на государственной границе Российской Федерации высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов и систем, повышения эффективности пограничной деятельности, совершенствования межведомственного взаимодействия и межгосударственного пограничного сотрудничества, активизации процесса международно-правового оформления государственной границы и социально-экономического развития приграничных территорий Российской Федерации (пункт 48).

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.05.2004 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Росс.газ. 2004. 27 мая.

Определяющим фактором в отношениях с НАТО остается неприемлемость для Российской Федерации наращивания военной активности альянса и приближения его военной инфраструктуры к российским границам, создания системы противоракетной обороны, попыток наделения блока глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права (пункт 108).

По этому поводу начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации Валерий Герасимов на брифинге для иностранных атташе отметил возросшую у российских границ провокационную деятельность НАТО, а также антироссийскую направленность мероприятий альянса. А, заместитель министра обороны Александр Фомин указал на то, что увеличившаяся активность альянса около границ Российской Федерации может привести к серьезным инцидентам¹.

Последовательное укрепление Вооруженных Сил Российской Федерации позволяет соизмерять задачи, стоящие перед российским государством с возможностями экономики, а также с характером потенциальных угроз и динамикой международной обстановки. Вместе с тем подписание, ратификация и выполнение на практике государствами Варшавского договора и НАТО Договора об обычных вооруженных силах в Европе накладывает на наше государство некоторые ограничения. На Северо-Западе у России не осталось ни одного управления армейского и корпусного масштаба. Фактически Россия имеет «фланговые ограничения» на юге и севере. Однако, наши партнеры, даже не ратифицировали адаптированный Договор. Все это означает, что они ведут себя как минимум некорректно, используя сложившуюся ситуацию, наращивают возле наших границ систему военных баз. Россия и дальше намерена выступать с инициативной ролью в процессах экономической интеграции. И как раз это тот случай, когда экономика выступает как синоним безопасности наших границ².

И совсем не случайно в Основном законе страны в пункте «д» статьи 106 продекларировано, что обязательному рассмотрению в Совете Федерации подлежат принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросу о статусе и защите государственной границы Российской Федерации.

Считаем, что качественное отстаивание законодательного регулирования, всей нормативно-правовой составляющей обеспечения национальной безопасности, и такого ее элемента, как обеспечение защиты и охраны государственной границы, от потребностей практики государственного строительства и закономерностей развития правовой действительности, не позволительная роскошь сегодня. Задача по наращи-

ванию нормативно-правовой составляющей должна решаться комплексно, дифференцированно, с учетом развития международных и государственных отношений. Более гибкой систему правового регулирования национальной безопасности делает возможность активного участия в его обеспечении органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Они наделены полномочиями по конкретизации перечня, содержания, пространственных и временных пределов действия, а также круга лиц, в отношении которых те или иные правила действуют. При этом не следует допускать местничества, нанесения ущерба интересам национальной безопасности под предлогом учета региональной специфики.

Отсутствие автономии у регионов, возможности у региональных властей мобилизовать факторы развития конкретной территории и организовать социальное партнерство, отсутствие стимулов в поиске и развитии инновационных подходов, выбора технологий заставляют органы государственной власти по новому подходить к проблеме региональной государственности. Так, например, распоряжением Правительства РФ от 07.10.2020 № 2577-р «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» утверждена Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации, которая содержит цели, факторы и направления деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере приграничного сотрудничества.

Приграничное сотрудничество является важной составляющей международных отношений Российской Федерации и направлено на установление и развитие конструктивного диалога субъектов приграничного сотрудничества Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств.

Приграничное сотрудничество осуществляется с учетом имеющихся перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации, определенных Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

Помимо указанного распоряжения Правительства Российской Федерации, устанавливающего особенности приграничного сотрудничества в Российской Федерации, в том числе и на Северо-западе России, принят Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 483-ФЗ «О ратификации Протокола № 3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, касающегося европейских региональных объединений сотрудничества (ЕвРОС)» в соответствии с которым ратифицирован Протокол № 3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, касающийся европейских региональных объединений сотрудничества (ЕвРОС). Так, Россия подписала протокол 8 июня

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/44865713/?frommail=1>.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // <https://rg.ru/2007/04/27/poslanie.html>.

2012 г. в Страсбурге. К настоящему времени он подписан 13 государствами, ратифицирован 6. Протокол направлен на упрощение сотрудничества территориальных сообществ и властей, при этом последние не наделяются какими-либо полномочиями. Протокол подлежал ратификации, так как российское законодательство не определяло порядок участия субъектов Федерации и муниципальных образований в создании ЕвРОС и осуществлении их деятельности совместно с иностранными партнерами.

Важнейшим направлением развития Северо-запада России на сегодняшний день выступает переход к инновационному принципу экономического развития, ярким примером которого выступает федеральный проект по освоению Северного морского пути, имеющий ключевое значение для обеспечения жизнедеятельности населения, а также в связи с освоением природных ресурсов в Арктике.

Таким образом, идея регионализации довольно плодотворна, поскольку учитывает особенности развития приграничных регионов России и контролируемого управления ими в сфере политического, социально-экономического, пространственного регионального развития, оформленного в виде различных нормативных правовых актов и программ. Дальнейшее развитие государственности, общества, несовершенство федеративного устройства, позволяют вести речь о поддержании интереса к проблеме развития российских регионов, а также учета специфики их функционирования с позиций обеспечения национальной безопасности.

Государственная политика, направленная на развитие потенциала каждого региона, определяет направления к стимулированию конкурентоспособности регионов, применению прорывных технологий, привлечению инвестиций и производству инноваций, укреплению взаимодействия бизнеса и государственной власти.

В ходе проведенного исследования, мы еще раз наглядно убедились в том, что проблема обеспечения национальной безопасности как на федеральном, так и на региональном уровне, на примере нормативно-правового регулирования, представляется не до конца разрешенной и требующей постоянного мониторинга складывающейся ситуации и внесения необходимых изменений и дополнений в законодательство.

Целью государственной и региональной политики в сфере обеспечения национальной безопасности является создание комфортных, защищенных законодательством, условий для достойной жизни граждан. Практические действия в указанном направлении продолжают совершенствоваться, занимая более высокое место в системе координат, выстраиваемых гражданским обществом и государством.

Литература

1. Антошин В.А., Пилявский А.П., Романова И.В. Региональная политика в сфере обеспечения

национальной безопасности Российской Федерации // Вестник ЗабГУ. 2016. Т. 22. № 4. С. 54-62.

2. Липинский Д.А., Макарейко Н.В. О понятии и признаках национальной безопасности // Теория государства и права. 2019. № 3. С. 98-201.
3. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. Монография. Ростов-на-Дону. РЮИ МВД России. 1999. 354 с.
4. Макарейко Н.В. Проблемы нормативного правового регулирования национальной безопасности // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 118-123.
5. Ожегов С.И., Швецова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство: М.: ИТИ Технологии. 1999. 944 с.
6. Уткин Н.И. Карельская национальная государственность и безопасность Северо-запада России (историко-правовой анализ): Автореф. ... докт. юрид. наук. СПб. 2000. 52 с.
7. Шеншин В.М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики // Юридическое образование и наука. 2018. № 6. С. 27-31.
8. Шульга В.И. Региональные проблемы преступности: материалы круглого стола // Государство и право. 2002. № 4.

References

1. Antoshin V.A., Pilyavsky A.P., Romanova I.V. Regional policy in the sphere of ensuring national security of the Russian Federation // Vestnik ZabGU. 2016. T. 22. No. 4. pp. 54-62.
2. Lipinsky D.A., Makareiko N.V. On the concept and signs of national security // Theory of State and Law. 2019. No. 3. pp. 98-201.
3. Lyakhov E.G., Popov A.V. Terrorism: National, regional and international control. Monograph. Rostov-on-Don. RUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1999. 354 p.
4. Makareiko N.V. Problems of normative legal regulation of national security // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. pp. 118-123.
5. Ozhegov S.I., Shvetsova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Publisher: M.: ITI Technologies. 1999. 944 p.
6. Utkin N.I. Karelian national statehood and security of the North-West of Russia (historical and legal analysis): Autoref. ... doct. jurid. nauk. SPb. 2000. 52 p.
7. Shenshin V.M. On the regional factor of the implementation of the criminal and environmental policy // Legal Education and Science. 2018. No. 6. pp. 27-31.
8. Shulga V.I. Regional problems of crime: materials of the round table // State and Law. 2002. № 4.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУСИ

Сергей Николаевич Грошев, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирский институт МВД России (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110)
E-mail: groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблематика происхождения Руси как политического, правового и культурного феномена. Анализируют концепции и теории генезиса славян как государствообразующего народа России. Настоящая статья не претендует на масштабное исследование указанной проблематики, выступая скорее кратким очерком, который позволит неискушенному читателю понять суть теорий происхождения Древней Руси.

Ключевые слова: Русь, норманнская теория, генезис, славяне, Повесть временных лет, Артания, Славия, Куявия, Русская правда, этнос, конвергенция.

ON THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF RUSSIA

Sergey N. Groshev, Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines
Eastern Syberian Institute of the MIA of Russia (664074, Irkutsk, Lermontova str., 110)
E-mail: groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of the origin of Russia as a political, legal and cultural phenomenon. The author of the article analyzes the concepts and theories of the Genesis of the Slavs as the state-forming people of Russia. This article does not pretend to be a large-scale study of this problem, but rather a brief essay that will allow the unsophisticated reader to understand the essence of the theories of the origin of Ancient Russia.

Keywords: Rus, Norman theory, Genesis, Slavs, Tale of bygone years, Artania, Slavia, Kuyavia, Russian truth, ethnos, convergence.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Грошев С.Н. К вопросу о проблематике происхождения Руси. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):20-3.

История государства и права России на сегодняшний день является крайне актуальной в свете политических событий, которые происходят в пределах нашей страны и за ее рубежами. «Крымская весна», политический катаклизм в Украине, Белоруссии, массовые информационные атаки, пытающиеся дискредитировать российскую историографию заставляют даже далеких от исторического анализа людей интересоваться проблематикой происхождения Руси как государственного, правового и политического феномена в мировой истории. Однако, необходимо подчеркнуть, что решить проблему происхождения Руси, является в высшей степени затруднительным, по той причине, что культура всех народов без исключения имеет свои особенности [12, с. 223].

Исследуя зарождение государственности Древней

Руси, мы сталкиваемся с крайне сложной проблемой, по причине разногласия и тенденциозности отечественных и зарубежных источников, а политизация этого вопроса и в частности пресловутая теория «о призвании варягов» не помогает в её решении, а окончательно ставит в тупик даже самых прозорливых ученых.

Несмотря на важность исследования проблемы зарождения древнерусской государственности историческая наука вплоть до второй половины XVIII века не имела удовлетворительного ответа на вопрос о происхождении славян и их государственности.

Положение о том, что известные еще античным исследователям древнейшие племена вандалов, фракийцев, иллирийцев, аланов, гетов и др. ничего не связывает между собой, прочно закрепилось в принципах

исследования генезиса славян. В частности, Л. Нидерле полагает, что эти народы не обладают культурной и генетической общностью, а простая преемственность территорий и некоего общего сходства не выступает детерминантой их общего происхождения. Указанный исследователь отстаивает идею о том, что нет ни одного доказанного исторического факта либо генеалогии мифологических аспектов, которые бы смогли достоверно решить проблему генезиса славян. Л. Нидерле полагает, что славяне как этнос и культурная общность появились сразу как сформировавшийся во всех правовых, государственных и политических моментах народ и никакую преемственность славян с иными народами проследить невозможно. Единственным источником, раскрывающим проблематику происхождения славян Л. Нидерле считает «Повесть временных лет» Нестора [6, с. 11-12].

Чешский археолог и историк Любор Нидерле, толлику взглядов коего были указаны выше, умер в 1944 году, и, следовательно, до конца Второй Мировой войны не дожил. Тем не менее, к концу своей жизни он должен был бы пронаблюдать на практике, что очередные «варяги» пришедшие на Русь были с позором выдворены, как и «варяги Наполеона» и «крестоносные варяги» латинского запада. Сама жизнь опровергает противоречивый документ монаха Нестора, пытавшегося представить славянский народ недочеловеками, безнадежно отставшими от «просвещенного» и «гуманного» Запада. Крайне подозрительно, что компиляцию, которую принято называть «Повесть временных лет», кратко ПВЛ, историки выпячивают, а более древние исследования Деметрия Скепсийского, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Корнелия Тацита, Прокопия Кесарийского, Иордана, Павла Дьякона, Феофилакта Симокатта и многих других античных и раннесредневековых авторов, нередко упоминавших о прото – и праславянах придают забвению. Из произведений этих древних авторов следует, что венеты, анты, венды, геты, венеды были славянами и проживали преимущественно на южном побережье Балтийского моря, либо к северу от Черного моря. По мнению некоторых историков, предки древних славян обладают мифологической интегрированностью в историю древней Греции, в частности упоминается факт участия славян в Троянской войне, причём как на стороне защитников этого легендарного города, так и на стороне агрессоров, под именем племени мирмедионов возглавляемых Ахиллесом [2, с. 8-9]. При этом, если учесть мнение академика Б.А. Рыбакова, о протославянах можно говорить, начиная с конца III – начала II тысячелетия, а о праславянах – с середины II тысячелетия до новой эры [8, с. 220].

Необходимо отметить, что искажение древнесла-

вянской истории началось примерно со второй половины XVIII столетия, когда в силу различных причин изучением истории славян стали заниматься в основном немецкие учёные. За свою ярко выраженную антиславянскую направленность представители «немецкой исторической школы» часто подвергались критике со стороны патриотически-мыслящих русских учёных. За исследование проблематики происхождения Руси по сути впервые взялись именно немецкие ученые и это выразилось замалчивании, искажении генезиса славян, как государственно образующего народа Российской империи [9, с. 50].

Безусловно, нельзя совместить вдумчивый исторический анализ генезиса того, или иного этноса к банальному восхвалению его права, государственности и культуры, опираясь лишь на эмоции, вызванные патриотизмом и привязанностью к своему отечеству. Однако и сознательное искажение истории любого народа допускаться не должно, так как толерантное и уважительное отношение ко всем без исключения этносам на сегодняшний день является основополагающим принципом науки.

«Не станем много говорить о тех, – писал российский дворянин, казак по происхождению Е.И. Клас-сен, – которые ставили себе в обязанность унижать всё то, что относится до славян, в особенности до руссов; к этим недобросовестным лицам принадлежат: Байер, Мюллер, Шлёцер, Гебгарди, Паррот, Галлинг, Георги и целая фаланга их последователей... Мы знаем, что история не должна быть панегириком, но не дозволим же им обращать русскую историю в сатиру» [5, с. 8-9]. Возмущение патриотически-мыслящих русских историков вполне понятны. Ненависть ко всему славянскому и русскому проявляется даже в их мало-значимых «научных» изысканиях и их доводы просто оскорбительны для русского народа. Так, например, А.Л. Шлёцер производил славянское слово «дева» от германского «tiffe» – сука, а Г.З. Байер доказывал, что славянское имя Осмомысл – «мыслящий за восьмь-рых» или «имеющий на каждое дело восемь мнений» произошло от шведского «osmak» – дурно, противный запах.

К сожалению, в современной правовой и исторической науке и по сей день, господствует норманнская теория, опровергнутая ещё три столетия назад величайшими русскими историками В.Н. Татищевым и М.В. Ломоносовым, а Русскую правду полагают самым древним источником русского права [7, с. 215]. Поразительное упорство, с которым нам продолжают навязывать идею о том, что Русь была основана викингами (с ними норманнисты отождествляют варягов), наталкивает на мрачные размышления. Норманнская теория царит в параграфах школьных учебников, в

главах серьёзных монографий и даже в официальной идеологии. Безусловно, современный норманизм нельзя отождествлять с примитивными схемами его вдохновителей – Г.З. Байера и Г.Ф. Миллера. Однако в идеологическом отношении эта теория сохраняет своё значение с тех времён, когда норманистам покровительствовал мрачный регент Бирон. В научном отношении норманизм балансирует на скользкой основе и поддерживается только идеологическими заказами Запада.

С момента своего зарождения в начале XVIII века норманизм был теорией политического обоснования господства иноземцев. Известный любитель древностей А. Васильев однажды писал: «многие немцы и вообще иностранцы, войдя гражданами в состав России, имеют полное право на дружбу, даже благодарность россиян; но немцы времён Бирона были волки, которыми он травил Россию» [1, с. 90]. Если же обратиться к трудам патристически мыслящих учёных историков, то можно обнаружить довольно интересные мысли и концепции в отношении происхождения Руси. Прослеживая процесс расселения древних славян на обширных пространствах Европы, некоторые учёные, опираясь на мнение известных античных и средневековых историков, утверждали: По падению Македонского царства, часть македонцев в середине II столетия до н.э. переселилась к Балтийскому морю: народ этот там стал известен под именем Бодричей, сохранивший до самого падения своего герб Александра Македонского, изображавший буцефала и грифа. Бодричи говорили на славянском языке и впоследствии основали свои торговые фактории на оз. Ильмень и реке Ловать [9, с. 59].

Впоследствии произошёл следующий исход славян. Так В.В. Седов считает, что выделение славян из древнеевропейской общности происходит на реке Висле [10, с. 136-137]. По мнению этого автора, в связи с наступившим похолоданием, которое сопровождалось увеличением осадков и заболачиванием почв, в конце IV в. славянские племена из района Вислы начинают переселяться в направлении озёр Псковского и Ильмень, где вступают во взаимодействие с балтами и финнами [11, с. 210].

Дискуссионным является вопрос о легендарных славянских центрах Славии, Куявии и Артании. Не вызывает сомнений, что легендарный центр восточного славянства Куявия находился в районе Киева. Центр Славия – это общепризнано образовался на территории расселения словен. Сложнее идентифицировать местонахождение Артании. И.А. Исаев полагает, что Артания находилась в пределах юго-восточной части обитания славян (Рязань) [4, с. 10]. В свою очередь В.М. Клеандрова полагает, что Арта-

ния располагалась на территории Таманского полуострова (Тмутаракань) [3, с. 13]. Уважая мнения этих учёных, тем не менее, мы не можем с ним согласиться, так как юго-восточные земли в тот период находились под сильным влиянием Хазарского каганата и могли быть славянским центром только в том случае, если мы признаем хазар славянским племенем. В свою очередь можно предположить, что легендарная Артания находилась в середине торгового пути «из варяг в греки», возможно на территории кривичей. Тем не менее, если выйти из узкой концепции происхождения славян, то место нахождения Артании можно представить и в Паннонии, и на островах Рюген, Готланд или Саарема. Ведь если мы не будем учитывать характер и место проживания западных славян, то можно прийти к ошибочному выводу о местонахождении древнеславянских центров.

Эти и другие материалы позволяют нам взглянуть на историю славян, а, следовательно, и исторической политической и культурной роли России под другим углом. Великая конвергенция народов, вызванная многоэтапным переселением племён, затрудняет поиск, и однозначный ответ на вопрос, откуда произошла Русь, где истоки ее права и государственности, является ли Византия единственной предтечей Российской империи и следует ли России ориентироваться на Запад, как на образец для культурного и политического подражания. При историческом исследовании с использованием различных источников мы получаем довольно калейдоскопичную концепцию происхождения славян. Но тем не менее, даже не получив целостной концепции мы можем себе позволить отказаться от западных теорий происхождения Руси как не отвечающих требованиям научности, достоверности и политической картины современного мира.

Литература

1. Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времён Рюрика, и откуда пришёл Рюрик и его варяги. СПб., 1858. 175 с.
2. Еремян В.В. Очерки муниципальной историографии. Древняя Русь (от общины – рода к общине – государству): Монография. М.: Академия права и управления, 2003. 394 с.
3. История государства и права России. Учебник / под ред. Ю.П. Титова. М.: «Проспект», 1999. 544 с.
4. Исаев И.А. История государства и права России: Полный курс лекций. М.: Юрист, 1994. 447 с.
5. Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов

- до рюриковских времен в особенности с лёгким очерком истории руссов до рождения христов. Выпуск 1-3. 1854-1861. М.: «Белые альвы», 2005. 313 с.
6. Нидерле Л. Славянские древности / Пер. с чешского. Т.Ковалёвой, М.Хазанова. М.: «Алетейя», 2000. 590 с.
 7. Никитин А.В. Исторические аспекты становления судебной системы России // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. № 2. 2019. С. 314-319.
 8. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: София, Гелиос, 2002. 586 с.
 9. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: «Вече», 2002. 459 с.
 10. Седов В.В. Славяне в древности. Москва: Издательство «Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994. 344 с.
 11. Седов В. В. Название: Славяне в раннем средневековье. Выходные данные, страницы: М.: Институт археологии РАН, 1995. 416 с.
 12. Фидель Е.С., Петрова К.А., Мунаев А.А. Сравнение исторически культурных традиций русского и чеченского народов, на примере свадебных церемоний // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. № 3. 2020. С. 223-224.
- References**
1. Vasiliev A. About the ancient history of the Northern Slavs before the time of Rurik, and where Rurik and his Varangians came from. St. Petersburg, 1858. 175 p.
 2. Eremyan V.V. Essays on municipal historiography. The ancient Rus (from the community – kind to the community – the state): Monograph. M.: Academy of law and management, 2003. 394 p.
 3. History of the state and law of Russia. The textbook / under the editorship of Y.P. Titov. M.: “Prospect”, 1999. 544 p.
 4. Isaev I.A. History of the state and law of Russia: Full course of lectures. Moscow: Lawyer, 1994. 447 p.
 5. Klassen E.I. New materials for the ancient history of the Slavs in General and the Slavic-Russ before Rurik times in particular with a light sketch of the history of the Russ before the birth of Christ. Issue 1-3. 1854-1861. Moscow: “White Alva”, 2005. 313 p.
 6. Niederle L. Slavic antiquities / TRANS. from Czech. T. Kovaleva, M. Khazanova. M.: “aleteya”, 2000. 590 p.
 7. Nikitin A.V. Historical aspects of the formation of the judicial system of Russia // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. No. 2. 2019. Pp. 314-319.
 8. Rybakov B.A. Paganism of the ancient Slavs. Moscow: Sofia, Helios, 2002. 586 p.
 9. Savelyev E.P. Ancient history of the Cossacks. M.: “Veche”, 2002. 459 p.
 10. Sedov V.V. Slavs in ancient times. Moscow: Publishing house “Scientific and production charitable society “Fund of archeology”, 1994. 344 p.
 11. Sedov V.V. Title: Slavs in the early middle ages. Output data, pages: Moscow: Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences, 1995. 416 p.
 12. Fidel E.S., Petrova K.A., Munaev A.A. Comparison of historical and cultural traditions of the Russian and Chechen peoples, on the example of wedding ceremonies // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. No. 3. 2020. P. 223-224.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПЕРЕХОДА СССР К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Дмитрий Александрович Лукашевич, старший научный сотрудник НИИ Образования и науки,
кандидат юридических наук
(123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1, издательство «Юнити-Дана»)
E-mail: kremlin2024@mail.ru

Аннотация. Фундаментальные экономические изменения, произошедшие в СССР во второй половине 1980-х гг., нашли отражение в нормах конституционного права. Особенно активно конституционное законодательство развивалось в союзных и автономных республиках, что было обусловлено «парадом суверенитетов». В отличие от республик, конституционные изменения на уровне Союза ССР были более «скромными», поскольку внимание союзного законодателя было сосредоточено на разработке проекта нового союзного договора.

Ключевые слова: рыночная экономика, частная собственность, союзные республики, перестройка, радикальная экономическая реформа.

CONSTITUTIONAL FORMALIZATION OF THE USSR'S TRANSITION TO A MARKET ECONOMY

Dmitry A. Lukashevich, Senior Researcher at the Research Institute of Education and Science, Candidate of Legal Sciences
(123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1, Unity-Dana publishing house)
E-mail: kremlin2024@mail.ru

Abstract. Fundamental economic changes that occurred in the USSR in the second half of the 1980s were reflected in the norms of constitutional law. Constitutional legislation developed especially actively in the Union and Autonomous republics, which was due to the “parade of sovereignties”. In contrast to the republics, the constitutional changes at the level of the USSR were more “modest”, since the attention of the Union legislator was switched to the development of the draft of a new Union Treaty.

Keywords: market economy, private property, Union republics, perestroika, radical economic reform.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Лукашевич Д.А. Конституционно-правовое оформление перехода СССР к рыночной экономике. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):24-30.

Переход СССР к рыночным отношениям нашел отражение в советском конституционном законодательстве, причем, в основном, на уровне союзных республик.

В Конституции СССР 14 марта 1990 г. были лишь отражены поправки, связанные с закреплением новой системы форм собственности: государственной, коллективной и индивидуальной (собственность граждан

СССР)¹. В ст. 12 Конституции СССР была закреплена коллективная собственность арендных предприятий, коллективных предприятий, кооперативов, акционерных обществ, хозяйственных организаций и других объединений. Признание коллективной собственности акционерных обществ фактически оз-

¹ Закон СССР от 14.03.1990 № 1360-I «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

начало признание права частной собственности. При этом в Конституции СССР сохранялась «социалистическая» преамбула, норма о государственной монополии внешней торговли, о народнохозяйственном планировании и так далее. Думается, что такое невнимание союзного законодателя к экономическим нормам Конституции СССР вызвано разработкой проекта нового союзного договора.

Все официально опубликованные проекты нового союзного договора не содержали даже упоминания социализма и закрепляли разнообразие и равноправие всех форм собственности¹. Интересно, что июньский и июльский 1991 г. проекты союзного договора предполагали новое наименование государства – СССР (Союз Советских Суверенных Республик), то есть из названия было убрано именно упоминание «социалистических»².

Несколько иной была ситуация с проектами Конституции СССР. Некоторые проекты были построены с закреплением рыночных экономических основ [3, с. 503-508], другие – сохраняли нормы о социалистической плановой экономике³, третьи сочетали нормы о социалистическом планировании с нормами о рыночной экономике [3, с. 120].

Однако осуществленные конституционно-правовые изменения произошли на уровне союзных республик.

Как и в случае с коренными политическими преобразованиями [4, с. 223-225], «первопроходцами» среди союзных республик по переходу к рынку стали прибалтийские республики.

16 ноября 1988 г. Эстонская ССР приняла конституционную поправку достаточно интересного содержания: «Основу экономической системы Эстонской ССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной, кооперативной собственности, а также собственности общественных организаций и общественных движений.

В экономическую систему Эстонской ССР входят также личная, частная и смешанная собственность. Государство защищает все формы собственности и создает условия для приумножения соответствующего этим формам имущества»⁴.

Получалось, что, с одной стороны, оставался «священным и неприкосновенным» фундамент социалистической экономики – социалистическая собственность на средства производства, но, с другой стороны, впервые в конституции советской социалистической республики была закреплена возможность существования частной собственности. Причем последнее – было главным, центральным в новой редакции конституционной нормы, поскольку положение о социалистической собственности на средства производства появилось не в 1988 г., а изначально, после принятия Конституции Эстонской ССР 1978 г.⁵, а нормы о частной собственности не было⁶. При обсуждении данной конституционной поправки официально отмечалось, что закрепление частной собственности является необходимым юридическим следствием экономических изменений, произошедших в СССР за несколько лет перестройки⁷. Понятно, что в условиях 1988 г., когда официально КПСС заявляла о развитии и укреплении социализма, о построении «социализма с человеческим лицом», прямо закрепить в основном законе республики переход к рыночным отношениям было невозможно, поэтому приходилось подтверждать приверженность социализму и сохранять норму о «социалистической собственности на средства производства», но главная норма для капитализма – признание и защита частной собственности – появилась. Рубикон был перейден.

Закон об экономической самостоятельности Лит-

¹ Союзный договор (проект) // Правда. 1990, 24 нояб.; Договор о союзе суверенных республик (проект) // Известия. 1991, 9 мар.; Договор о союзе суверенных государств (проект) // Правда. 1991, 27 июня; Договор о союзе суверенных государств (согласован 23 июля 1991 г.) // Правда. 1991, 15 авг.; Договор о Союзе Суверенных Государств (проект) // Правда. 1991, 27 нояб.

² Договор о союзе суверенных государств (проект) // Правда. 1991, 27 июня; Договор о союзе суверенных государств (согласован 23 июля 1991 г.) // Правда. 1991, 15 авг.

³ Конституция Союза Суверенных Советских Республик (основные положения, проект подготовлен В.И. Митрохиным) / Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.). Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990-1993 гг.). Под общ. ред. канд. юрид. наук. О.Г. Румянцев. М., 2009. С. 303-317.

⁴ Закон Эстонской ССР от 16.11.1988 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР» // Ведомости ВС и Правительства Эстонской ССР. 1988. № 48. Ст. 684.

⁵ Ст. 10 Конституции Эстонской ССР 1978 г. (в ред. от 13.04.1978 г.) / Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Социалистических Республик. М., 1985. С. 706

⁶ Неслучайно Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.1988 г., отменивший впоследствии данную конституционную поправку Эстонской ССР, установил, что введенная норма о частной собственности «не соответствует статьям 10 и 13 Конституции СССР, которые среди форм собственности в СССР частную собственность не предусматривают» / Указ Президиума Верховного Совета СССР № 9836 – XI от 26.11.1988 «О несоответствии закона Эстонской ССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР» и Декларации Верховного Совета Эстонской ССР о суверенитете Эстонской ССР, принятых 16 ноября 1988 г., Конституции СССР и Законам СССР» // Ведомости ВС СССР. 1988. № 48. Ст. 720.

⁷ Внеочередная восьмая сессия Верховного Совета Эстонской ССР одиннадцатого созыва 16 ноября 1988 г. Стенографический отчет. Таллинн, 1989. С. 35.

вы¹ гарантировал свободу хозяйственной деятельности, рыночные отношения и многообразие форм собственности. Ст. 7 закона – «Рыночные отношения» – устанавливала, что в Литве действуют рынки средств производства, предметов потребления и услуг, инноваций, рабочей силы, капитала и валюты².

Латвийская ССР провозглашала сотрудничество с другими союзными республиками на основе товарно-денежных отношений, многообразие и одинаковую защиту форм собственности, свободу хозяйственной деятельности и создание условий для конкуренции между предприятиями³. Законодательно допускалось создание коммерческих, инвестиционных банков и иных кредитных учреждений, а сама республика «свободно включалась в мировую экономическую систему»⁴.

При обсуждении закона об экономической самостоятельности Латвийской ССР говорилось о необходимости при переходе к рынку активно использовать такие экономические инструменты, как прибыль, кредит, цены, договор⁵. При этом также необходимо развивать частную собственность⁶.

Изначально Конституция СССР 1977 г. устанавливало союзное ведение в отношении вопросов руководства экономикой страны и проведения единой социально-экономической политики (ч. 5 ст. 73 Конституции СССР 1977 г.). Однако затем союзный законодатель признал экономическую самостоятельность союзных республик, при этом особо подчеркивалось, что республики формируют общесоюзный рынок, основой которого является самостоятельность и свобода товаропроизводителей на основе состязательности и равноправия всех форм собственности «с учетом антимонopolного и иного законодательства о рынке»⁷.

При этом создание правовых основ функционирования общесоюзного рынка относилось к совместному ведению Союза ССР и союзных республик⁸.

Добровольная передача союзным центром вопросов правового регулирования отношений руководства экономикой ускорило процесс появления союзных республиках конституционно-правовых норм, оформляющих переход республик к новой экономической системе.

В Туркменской ССР о переходе к рыночным отношениям свидетельствовали конституционные нормы о разнообразии и равноправии форм собственности⁹. Аналогично – в Казахской ССР¹⁰ и РСФСР¹¹.

В РСФСР переход к рыночной экономике также был закреплен в изменении преамбулы Конституции республики и отказе от упоминания в ней «Великой Октябрьской Социалистической революции», «социализма», «коммунизма», «свержения власти капиталистов и помещиков»¹². Также кардинально изменилось определение общественно-экономической сущности государства РСФСР – формулировка «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народов республик» была заменена на: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами»¹³.

1 ноября 1991 г. из Конституции РСФСР была исключена ст. 16, предусматривавшая, что экономика РСФСР является частью единого народно-хозяйственного комплекса, а руководство экономикой республики осуществляется на основании государственных планов экономического и социального развития

¹ Закон Литовской ССР от 18.05.1989 № XI – 2959 «Об основах экономической самостоятельности Литовской ССР» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской ССР. 1989. № 15. Ст. 168.

² Там же.

³ Закон Латвийской ССР от 27.07.1989 «Об экономической самостоятельности Латвийской ССР» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР. 1989. № 32. Ст. 450.

⁴ Там же.

⁵ О проекте Закона Латвийской ССР «Об экономической самостоятельности Латвийской ССР» и проекте концепции экономической самостоятельности (самоуправления и самофинансирования) Латвийской ССР / Заседания Верховного Совета Латвийской ССР одиннадцатого созыва. Двенадцатая сессия. 27, 28 и 29 июля 1989 года. Стенографический отчет. Рига, 1990. С. 33.

⁶ Заседания Верховного Совета Латвийской ССР одиннадцатого созыва. Двенадцатая сессия. 27, 28 и 29 июля 1989 года. Стенографический отчет. Рига, 1990. С. 37.

⁷ Закон СССР от 10.04.1990 № 1421-1 «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 270.

⁸ Закон СССР от 26.04.1990 «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 19. Ст. 329.

⁹ Закон Туркменской ССР от 25.05.1990 № 216-XII «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Туркменской ССР» // Ведомости Верховного Совета Туркменской ССР. 1990. № 10. Ст. 123. См. также: Декларация о государственном суверенитете Туркменской Советской Социалистической Республики (от 22.08.1990 № 249-XII) // Ведомости Верховного Совета Туркменской ССР. 1990. № 15-16. Ст. 152.

¹⁰ Постановление Верховного Совета Казахской ССР от 25.10.1990 № 307-XII «О Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1990. № 44. Ст. 408.

¹¹ Закон РСФСР от 15.12.1990 № 423-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395.

¹² Закон РСФСР от 15.12.1990 № 423-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР».

¹³ Там же.

СССР¹.

ССР Молдова признавала переход к рыночным отношениям «основным путем оздоровления экономики республики»², по этой причине в Молдове разрабатывалась собственная программа перехода к рынку, а Президент Молдова с целью контроля за разработкой и исполнением программы наделялся чрезвычайными³ полномочиями⁴.

Поддержан переход к рыночной экономике был и в Таджикской ССР⁵, в том числе, путем допущения разнообразных форм собственности⁶.

Закон Украинской ССР от 03.08.1990 № 142 – XII «Об экономической самостоятельности Украинской ССР»⁷, как было сказано в самом акте, был направлен «на постепенный переход к рыночной экономике». Закон гарантировал разнообразие и равноправие форм собственности, децентрализацию собственности и разгосударствление экономики, свободу предпринимательства и защищенность внутреннего рынка. Верховным Советом УССР было поручено Совету Министров УССР подготовить к началу октября 1990 г. ряд законов, детально регулирующих формирующиеся рыночные отношения: о собственности, о земле, о предпринимательстве, об акционерных обществах, о банках, о разгосударствлении собственности, о ценных бумагах и фондовом рынке и т.д.⁸

Декларация о независимости Армении об экономическом строе упоминала вскользь, указывая, что в республике существует «многообразие видов

собственности»⁹.

В Киргизии 15 декабря 1990 г. была принята Декларация № 273–XII «О Государственном суверенитете Республики Кыргызстан»¹⁰, статья 10 которой устанавливала, что республика проводит свою самостоятельную экономическую политику. В республике допускаются разнообразные формы собственности, имеющие равный правовой режим и являющиеся «основой формирования и развития рыночных отношений». День принятия декларации – 15 декабря 1990 г. – был объявлен «Днем Республики Кыргызстан»¹¹.

Конституционный закон Азербайджанской Республики от 25.05.1991 № 116–XII «Об основах экономической самостоятельности Азербайджанской Республики»¹² одним из принципов организации экономической системы называл равноправие и правовую защищенность всех форм собственности, свободу предпринимательства, «рыночные отношения спроса и предложения», защищенность иностранных инвестиций¹³.

Поправка в ст. 10 Конституции Грузии устанавливала, что «основу экономической системы Республики Грузия составляет рыночное хозяйство, основными принципами функционирования которого являются свободный труд и гарантия социальных прав, разнообразие форм собственности, предпринимательство и конкуренция»¹⁴. При этом государственное регулирование экономики допускалось только рыночными средствами¹⁵.

Отказ от социализма и переход к рынку закреплялся и в Конституциях автономных республик.

Декларация о государственном суверенитете Советской Республики Тува (утв. 12.12.1990 г.) провозглашала равноправие и разнообразие форм собственности, поддержание и развитие арендной, акционерной, кооперативной и иных форм коллективной собственности; создание условий для развития пред-

¹ Закон РСФСР от 01.11.1991 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // СПС «Гарант».

² Постановление Верховного Совета ССР Молдова от 25.07.1990 № 186 – XII «О концепции перехода к рыночной экономике в ССР Молдова» // Ведомости Верховного Совета и Правительства ССР Молдова. 1990. № 25. Ст. 194.

³ В постановлении не было указано, какие полномочия относятся к чрезвычайным.

⁴ Постановление Верховного Совета ССР Молдова от 01.10.1990 № 288 – XII «О проектах программ стабилизации экономики и перехода к рыночной экономике в СССР (обсужденных по предложению Президента СССР М.С. Горбачева)» // Ведомости Верховного Совета и Правительства ССР Молдова. 1990. № 10. Ст. 245.

⁵ Постановление Верховного Совета Таджикской ССР от 05.10.1990 № 141 «Об отношении Верховного Совета Таджикской ССР к программам стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике» // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. 1990. № 19. Ст. 323.

⁶ Закон Таджикской ССР от 07.12.1990 № 166 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Таджикской ССР» // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. 1990. № 23. Ст. 381.

⁷ Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1990. № 34. Ст. 499.

⁸ Постановление Верховного Совета Украинской ССР от 03.08.1990 № 143 – XII «О реализации Закона «Об экономической самостоятельности Украинской ССР» // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1990. № 34. Ст. 500.

⁹ Декларация Верховного Совета Армянской ССР от 23.08.1990 № С-0072–XII «О независимости Армении» // Ведомости ВС Армянской ССР. 1990. № 16. Ст. 256.

¹⁰ Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. 1990. № 21. Ст. 318.

¹¹ Закон Республики Кыргызстан от 15.12.1990 № 274–XII «О Дне Республики Кыргызстан» // Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. 1990. № 21. Ст. 318.

¹² Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики. 1991. № 9–10. Ст. 150.

¹³ Там же.

¹⁴ Закон Республики Грузия от 14.06.1991 «О внесении изменений в Конституцию Республики Грузия» // Ведомости Верховного Совета Республики Грузия. 1991. № 6. Ст. 442.

¹⁵ Закон Республики Грузия от 14.06.1991 «Об основах экономической системы республики Грузия» // Ведомости Верховного Совета Республики Грузия. 1991. № 6. Ст. 444.

принимательской деятельности; объявлялось о формировании антимонопольного законодательства¹.

Согласно изменениям, в республике Коми признавались и одинаково защищались различные формы собственности, при этом частная собственность объявлялась «личным достоянием гражданина»; государство поощряло свободу хозяйственной деятельности, гарантировало свободу предпринимательства и самостоятельности².

В соответствии с конституционной поправкой в Марийской ССР допускались разнообразные формы собственности, устанавливалась их равная правовая защита; законодательно определялись пределы свободной экономической деятельности; создавалась и поощрялась предпринимательская деятельность; обеспечивалось развитие рыночного механизма³.

Карельская АССР предусматривала обеспечение «равных прав и защиты всех форм собственности, в том числе собственности других республик, иностранных государств и их граждан»⁴. Аналогичные положения были в актах некоторых других автономных республик⁵.

Необычный подход применил якутский законодатель – с одной стороны, он гарантировал многообразие форм собственности, «включая частную и интеллектуальную собственность», с другой стороны, предусмотрел, что вопросы собственности на средства производства решаются в соответствии с федеративным и союзным договорами, а также законодательством Якутской-Саха ССР⁶.

Интересно, что не во всех автономных республи-

ках заявляли о безоговорочном переходе к рынку.

Конституционные поправки грузинской автономии – Абхазской ССР, закрепляли различные формы собственности, но избегали термина «частная собственность», поэтому к формам собственности были отнесены: собственность граждан, коллективная, государственная и смешанная собственность⁷. Кроме того, устанавливалась, что исключительная собственность государства сохраняется не только на землю, недра и природные ресурсы, но и на основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, имущество торговых и коммунальных предприятий, предприятий бытового обслуживания, а также на любое иное имущество, необходимое для выполнения задач республики⁸.

Следующим важнейшим конституционно-правовым источником, закреплявшим переход СССР к рыночным отношениям, стал Закон «О собственности в СССР»⁹.

Закон предусматривал следующие формы собственности: собственность граждан СССР, коллективная собственность¹⁰ (собственность арендных предприятий, коллективных предприятий, кооперативов, хозяйственных товариществ и обществ и т.д.), государственная собственность, собственность совместных предприятий, иностранных граждан, организаций и государств. Несмотря на то что Закон не употреблял термин «частная собственность», тем не менее она была Законом легализована. Это подтверждается тем, что уже статья 1 Закона о собственности в СССР прямо устанавливала, что «собственник вправе ... заключать договоры с гражданами об использовании их труда при осуществлении принадлежащего ему права собственности». То есть главный признак частной собственности – возможность получения прибавочной стоимости за счет эксплуатации чужого труда – был нормативно закреплён. Кроме того, легализовывалось право частной собственности на сред-

¹ Тувинская правда. 1991, 23 янв.

² См., напр.: Закон Коми ССР от 10.04.1991 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Коми Советской Социалистической Республики» // Красное знамя. 1991. 24 апр.

³ Закон Марийской ССР от 17.04.1991 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Марийской ССР» // Пятая сессия Верховного Совета Марийской ССР (двенадцатый созыв). 16-18, 29 апреля 1991 г. Стенографический отчет. Йошкар-ола, 1992. С. 190-194. См. также: Декларация о государственном суверенитете Марийской Советской Социалистической Республики (принята 22.10.1990) // Третья Внеочередная сессия Верховного Совета Марийской ССР (двенадцатый созыв). 22 октября 1990. Стенографический отчет. Йошкар-ола, 1991. С. 103-106.

⁴ Декларация Верховного Совета Карельской АССР от 09.08.1990 «О государственном суверенитете Карельской Автономной Советской Социалистической Республики» // Ленинская правда. 1990, 11 авг.

⁵ Декларация Верховного Совета Удмуртской АССР от 20.09.1990 «О государственном суверенитете Удмуртской Республики» // Удмуртская правда. 1990, 22 сент.; Декларация Верховного Совета Калмыцкой АССР от 18.10.1990 «О государственном суверенитете Калмыцкой Советской Социалистической Республики» // Советская Калмыкия. 1990, 23 окт.

⁶ Декларация Верховного Совета Якутской-Саха Советской Социалистической Республики // Социалистическая Якутия. 1990, 30 сент.

⁷ Закон Абхазской АССР от 04.12.1990 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Абхазской ССР» // Советская Абхазия. 1990, 8 дек.

⁸ Там же.

⁹ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164. Е.А. Лукьянова справедливо указывает, что Закон о собственности имел «ярко выраженное конституционное содержание» / Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917 – 1993). М., 2000. С. 87.

¹⁰ Термин «коллективная собственность» признавался советскими специалистами по гражданскому праву неудачным, вызывающим сомнения и по юридическому содержанию, и по значению / Стенограмма заседания Комиссии по подготовке проекта Закона «О собственности в СССР» для опубликования. 13 ноября 1989 года // ГАРФ. Ф. Р9654. О. 7. Д. 46. Л. 117.

ства производства.

Законы о собственности, закрепившие фундаментальные экономические изменения, произошедшие в СССР, были приняты и в республиках – союзных¹ и

¹ Закон Киргизской ССР от 14.04.1990 № 58-XII «О собственности в Киргизской ССР» // Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. 1990. № 8. Ст. 110; Закон Туркменской ССР от 12.10.1990 № 303 – XII «О собственности в Туркменской ССР» // Ведомости Верховного Совета Туркменской ССР. 1990. № 19-20. Ст. 197; Закон Казахской ССР от 15.12.1990 № 4236 – XII «О собственности в Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1991. № 1. Ст. 18; Закон Украинской ССР от 07.02.1991 № 697-XII «О собственности» // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1991. № 20. Ст. 249; Закон Республики Грузия от 14.06.1991 «О внесении изменений в Конституцию Республики Грузия» // Ведомости Верховного Совета Республики Грузия. 1991. № 6. Ст. 442; Закон Республики Грузия от 14.06.1991 «Об основах экономической системы Республики Грузия» // Ведомости Верховного Совета Республики Грузия. 1991. № 6. Ст. 444. Закон Киргизской ССР от 14.04.1990 № 58-XII «О собственности в Киргизской ССР» // Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. 1990. № 8. Ст. 110; Закон Туркменской ССР от 12.10.1990 № 303 – XII «О собственности в Туркменской ССР» // Ведомости Верховного Совета Туркменской ССР. 1990. № 19-20. Ст. 197; Закон Казахской ССР от 15.12.1990 № 4236 – XII «О собственности в Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1991. № 1. Ст. 18; Закон Украинской ССР от 07.02.1991 № 697-XII «О собственности» // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1991. № 20. Ст. 249; Закон Республики Грузия от 14.06.1991 «О внесении изменений в Конституцию Республики Грузия» // Ведомости Верховного Совета Республики Грузия. 1991. № 6. Ст. 442; Закон Республики Грузия от 14.06.1991 «Об основах экономической системы Республики Грузия» // Ведомости Верховного Совета Республики Грузия. 1991. № 6. Ст. 444. Закон Киргизской ССР от 14.04.1990 № 58-XII «О собственности в Киргизской ССР» // Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. 1990. № 8. Ст. 110; Закон Туркменской ССР от 12.10.1990 № 303 – XII «О собственности в Туркменской ССР» // Ведомости Верховного Совета Туркменской ССР. 1990. № 19-20. Ст. 197; Закон Казахской ССР от 15.12.1990 № 4236 – XII «О собственности в Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1991. № 1. Ст. 18; Закон Украинской ССР от 07.02.1991 № 697-XII «О собственности» // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1991. № 20. Ст. 249; Закон Республики Грузия от 14.06.1991 «О внесении изменений в Конституцию Республики Грузия» // Ведомости Верховного Совета Республики Грузия. 1991. № 6. Ст. 442; Закон Республики Грузия от 14.06.1991 «Об основах экономической системы Республики Грузия» // Ведомости Верховного Совета Республики Грузия. 1991. № 6. Ст. 444.

автономных².

Важным конституционно-правовым показателем построения в республиках новой экономической системы являлось изменение официальных наименований союзных и автономных республик, исключавших теперь указание не только на «советская», но и на «социалистическая»³. Прежние названия казались анахронизмом, не отвечающим новому политическому и экономическому пути, выбранному республиками.

Как видно из анализа нормативных актов союзных и автономных республик, некоторые республики прямо закрепляли переход своих экономик к рыночным отношениям, другие – опосредованно, через легализацию многообразия форм собственности, их равного правового режима и защиты, через установление гарантий развития предпринимательской деятельности. Были и такие республики (Республика Абхазия), которые отказывались признавать рынок.

Конституционный переход к капиталистическому экономическому укладу оформлялся неодинаково:

² Закон Коми АССР от 21.11.1990 «О собственности в Коми АССР» // Красное знамя. 1990, 21 нояб.; Закон Карельской АССР от 30.03.1991 № XII-6/157 «О собственности в Карельской АССР» // Ведомости Верховного Совета КАСР 1992 г.; Закон Якутской-Саха ССР от 02.03.1991 № 416-XII «О собственности в Якутской-Саха ССР» // Якутские ведомости. 1991. № 3; Закон Марийской Советской Социалистической Республики от 18.04.1991 N 156-III «О собственности в Марийской ССР» // Пятая сессия Верховного Совета Марийской ССР (двенадцатый созыв). 16-18, 29 апреля 1991 года. Стенографический отчет. Йошкар-Ола, 1992. С. 277-295; Закон Республики Татарстан от 19.10.1991 № 1244-XII «О собственности в Республике Татарстан» // Советская Татария. 1991, 10 дек.; Закон Мордовской ССР от 01.11.91 № 508-XII «О собственности в Мордовской ССР» // Ведомости ВС Мордовской ССР. 1993. № 1; Закон Башкирской ССР от 20.03.1991 «О собственности в Башкирской ССР» // Закон Башкирской «О собственности в Башкирской ССР». Принят на пятой сессии Верховного Совета Башкирской ССР двенадцатого созыва 20 марта 1991 г. Уфа, 1992. С. 3-20. Закон Мордовской ССР от 01.11.91 № 508-XII «О собственности в Мордовской ССР» // Ведомости ВС Мордовской ССР. 1993. № 1; Закон Башкирской ССР от 20.03.1991 «О собственности в Башкирской ССР» // Закон Башкирской «О собственности в Башкирской ССР». Принят на пятой сессии Верховного Совета Башкирской ССР двенадцатого созыва 20 марта 1991 г. Уфа, 1992. С. 3-20.

³ См., напр.: Закон Литовской Республики от 11.03.1990 «О наименовании государства и гербе» // Советская Литва. 1990, 13 марта; Закон Армянской ССР от 24.08.1990 № С-0075-I «О переименовании Армянской ССР» // Ведомости ВС Армянской ССР. 1990. № 16. Ст. 257; Закон Белорусской ССР от 19.09.1991 № 1085-XII «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР» // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1991. № 30. Ст. 490; Закон РСФСР от 25.12.1991 № 2094-1 «Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 2. Ст. 62; Декларация Совета народных депутатов Юго-Осетинской автономной области от 20.09.1990 «О государственном суверенитете Юго-Осетинской Советской Демократической Республики» // Ведомости Верховного Совета Грузинской ССР. 1990. № 3. Ст. 52.

одни республики предпочитали по этому поводу вносить изменения в свои конституции, включать нормы об экономике в декларации о государственном суверенитете, другие – добавляли к этому специальные законы об экономической самостоятельности, об экономической системе.

Важное значение в отражении экономических изменений в республиках имело изменение их официального наименования, исключившего упоминание социалистического строя.

Был различен временной нормативный переход республик к рыночной экономике – некоторые из них осуществили его раньше, чем Союз ССР, другие – позже, учитывая изменившуюся общесоюзную экономическую политику.

Союзный законодатель внес в Конституцию СССР достаточно ограниченные конституционно-правовые поправки, закрепившие рыночные отношения. По-прежнему союзная Конституция сохраняла «социалистическую преамбулу», нормы о народнохозяйственном планировании, государственной монополии внешней торговли и другие положения. Представляется, что это было следствием пристального внимания законодателя не к Конституции, а к разработке проекта нового союзного договора.

Литература

1. Авакян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000.
2. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стено-

граммы, материалы, документы (1990-1993 гг.). Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990-1993 гг.). Под общ. ред. канд.юрид.наук. О.Г. Румянцев. М., 2009.

3. Концепция новой Конституции Союза ССР (предложения Института государства и права АН СССР) / Конституционная реформа в СССР: актуальные проблемы. М., 1990.
4. Лукашевич Д.А. Юридический механизм разрушения СССР. М., 2016.
5. Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917 – 1993). М., 2000.

References

1. Avakian S.A. Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. Moscow, 2000.
2. From the history of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990-1993). Vol. 5: Alternative drafts of the Constitution of the Russian Federation (1990-1993).
3. The concept of the new Constitution of the USSR (the proposals of the Institute of state and law of the USSR) / Constitutional reform in the Soviet Union: current problems. M., 1990.
4. Lukashevich D. A. Legal framework destruction of the USSR. M., 2016.
5. Yelena Lukyanova Russian statehood and constitutional law in Russia (1917 – 1993). M., 2000.

ИННОВАЦИИ В ПРАВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

СТАТЬЯ 2. ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА: ТРАДИЦИОННЫЕ ВЗГЛЯДЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ ПЕРЕОЦЕНКИ

Владимир Иванович Червонюк, доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Цифровизация, технологизация, роботизация, развитие систем искусственного интеллекта – взаимосвязанные, а в новейших условиях и взаимозависимые величины; все более усиливающиеся между ними интеракции существенно влияют на правовую жизнь современного социума, правовую политику государства, подчиняют своему влиянию правовые структуры, формируют новые юридические практики, трансформируют правовое восприятие и правовое поведение коммуницирующих субъектов, предопределяют необходимость появления инновационных правовых регуляторов.

В условиях XXI века юридические технологии наряду с функцией рационализации поведения социальных субъектов в сфере действия права применяются для достижения масштабных задач правовой политики – внедрения новых или перераспределения действующих методов правового регулирования, конструирования, апробации и введения в правовую систему страны инновационных правовых режимов, использования механизмов дерегулирования в экономике, трансплантации в практику новых видов процессуальных и контрольно-надзорных производств, систематики крупных законодательных массивов и таким образом придания праву необходимой структурности и системного характера действия.

Инновационные правовые технологии – это производство нового продукта средствами и приемами ранее не известными практике. В контексте целей и задач цифровизации ощущается острая необходимость в широком использовании инструментария «правовой инженерии» в различных областях государственного управления, в законодательной и правоприменительной деятельности, в сфере правоохраны и в организации правового поведения непосредственных правопользователей. Фактор техносферы и нарождающейся цифровой реальности не только изменяет характер действия права (и правового регулирования), но и реструктурирует предметные области юридической науки, влияет на их содержание и формат юридических исследований. В сферу научного анализа вовлекаются не имевшие аналогов новые объекты; разрабатываемая проблематика полностью подчинена потребностям развивающейся практики.

Предлагаемый проект композиционно охватывает объединенные единым замыслом девять статей, объектом анализа в которых являются инновационные юридические технологии.

В этой связи применительно к разработанным правовой доктриной циклам действия права – правовому воздействию, восприятию права, правовым действиям и правовому порядку – предложен анализ технологий применения Больших данных (Big data) в законодательствовании; исследуется методология и технологии применения в отдельных сферах (зонах, участках) правового регулирования экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц»); освещены правовые инновации в сфере дерегулирования, внедрения механизмов «регуляторной гильотины» и др. Представлен анализ пределов технологизации (и цифровизации); доказывается необходимость осмысления рисков, сопряженных с цифровыми технологиями, предлагается обоснование мер противодействия агрессивным проявлениям «цифровой среды».

Ключевые слова: технологизация правовой деятельности, цифровизация в праве, цифровизация права, социально-правовая ценность юридических технологий, уровни применения юридических технологий, «правовая инженерия», законодательные технологии, технологии согласования интересов в законодательной деятельности, технологии Больших данных в законодательствовании, технологии опережающего правотворчества, экспериментальный правовой режим, технологии создания «регуляторных песочниц», законодательство об обязательных требованиях, инновации в сфере дерегулирования, механизмы «регуляторной гильотины» методология и технологии оценки регулирующего воздействия, парламентский контроль за реализацией законов, технологии восприятия права, информационно-правовые технологии, дигитализация в праве, «цифровой юрист», «цифровой социальный омбудсмен», правоприменительные технологии, технологии формирования правовых (конституционных) порядков, технологии обеспечения правомерного поведения, технологии восстановительного правосудия, электронное правосудие, предикативное правосудие (predictive justice), цифровизация судопроизводства, системы искусственного интеллекта в сфере правоохраны, нейросетевые технологии, технологии оценки состояния социально-правовой среды, метод событийного анализа, пределы технологизации (и цифровизации), «цифровая диктатура», неправомерное вторжение в частную жизнь, право на защиту геолокации, критерии допустимости цифровизации в праве.

INNOVATION IN LAW: MODERN LEGAL TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL REALITY.

ARTICLE 2. TECHNICAL AND LEGAL TOOLS AND TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF ACTION RIGHTS: TRADITIONAL VIEWS AND THE NEED TO REASSESS THEM

Vladimir I. Chervonyuk, Doctor of Legal Sciences, Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. Digitalization, technologization, robotization, development of artificial intelligence systems are interconnected, and in the latest conditions are interdependent quantities; the ever-increasing interactions between them significantly affect the legal life of modern society, the legal policy of the state, subordinate legal structures to their influence, form new legal practices, transform legal perception and legal behavior of communicating subjects, predetermine the need for innovative legal regulators.

In the twenty century legal technologies along with the function of rationalizing the behavior of social actors in the sphere of law are used to achieve large scale tasks of legal policy – introduction of new or redistribution of existing methods of legal regulation, design, testing and introduction of innovative legal regimes into the country's legal system, use of mechanisms for deregulation in the economy, transplantation of new types of procedural and control and Supervisory proceedings, systematization of large legislative arrays, and thus giving the law the necessary structure and systematic nature of action.

Innovative legal technologies are the production of a new product by means and techniques previously unknown to practice. In the context of the goals and objectives of digitalization, there is an urgent need for the wide use of «legal engineering» tools in various areas of public administration, in legislative and law enforcement activities, in the field of law enforcement and in the organization of legal behavior of direct legal users. The factor of the technosphere and the emerging digital reality not only changes the nature of law (and legal regulation), but also restructures the subject areas of legal science, affects their content and format of legal research. The sphere of scientific analysis involves new objects that had no analogues; the developed problems are completely subordinated to the needs of developing practice.

The proposed project compositionally covers nine articles united by a single concept, the object of analysis in which is the Innovative legal technologies.

In this is developed legal doctrine in relation to the cycles of law – legal influence, perception of law, legal actions and legal order – an analysis of technologies for applying data in legislation is proposed; the methodology and technologies for applying experimental legal regimes («regulatory sandboxes») in certain areas (zones, sections) of legal regulation are investigated; legal innovations in the field of deregulation, the introduction of «regulatory guillotine» mechanisms, etc. are highlighted. The analysis of the limits of technologization (and digitalization) is presented; the necessity of understanding the risks associated with digital technologies is proved, and the justification of measures to counter aggressive manifestations of the «digital environment» is proposed.

Keywords: technologization of legal activity, digitalization in law, digitalization of law, social and legal value of legal technologies, levels of application of legal technologies, «legal engineering», legislative technologies, technologies for coordinating interests in legislative activity, Big data technologies in legislation, technologies of advanced lawmaking, experimental legal regime, technologies for creating «regulatory sandboxes», legislation on mandatory requirements, innovations in the field of deregulation, mechanisms of the «regulatory guillotine» methodology and technologies for assessing regulatory impact, parliamentary control over the implementation of laws, technologies for the perception of law, information and legal technologies, digitalization in law, «digital lawyer», «digital social Ombudsman», law enforcement technologies, technologies for the formation of legal (constitutional) orders, technologies for ensuring lawful behavior, technologies for restorative justice, electronic justice, predicative justice, digitalization of judicial proceedings, artificial intelligence systems in the field of environmental protection, neural network technologies, technologies for assessing the state of the socio-legal environment, the method of event analysis, the limits of technologization (and digitalization), «digital dictatorship», illegal invasion of privacy, the right to protect geolocation, criteria for the validity (admissibility) of digitalization in the law.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Червонюк В.И. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 2. Техноико-юридический инструментарий и технологии в сфере действия права: традиционные взгляды и необходимость их переоценки. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):31-5.

Известно, что юриспруденция является достаточно консервативной и в теоретической области, и, в особенности, в практической. Этому можно найти достаточно весомые объяснения: поспешные, неточные выводы, суждения, формирующиеся на их основе научные подходы и концепции, крайне отрицательно

влияют как на профессиональную деятельность юридических учреждений, так и дезориентируют правовое поведение граждан. Может быть, и по этой причине юристы крайне неохотно исследуют все то, что так или иначе связано с правовыми технологиями. Собственно гносеологическим фактором, блокирующим разработки в сфере правовых технологий, является сложившееся в теории права отношение к юридической технике. Даже в тех случаях, когда юрист оперирует с технико-юридическим инструментарием, он склонен вести речь не о технологиях, а о технике. Видимо и по этой причине сущностная оценка юридических технологий остается стандартной, укладывающаяся в предметную область догмы права. Традиционно юридические технологии связывают исключительно или преимущественно с юридической техникой.

В определенном смысле, можно было бы сказать, что проблема юридических технологий произрастает из проблематики юридической техники. Однако такое допущение было бы сильным преувеличением и не способствовало бы поиску истины в нужном направлении, а следовательно, в обнаружении сущности рассматриваемого феномена, в определении его действительного значения в правовой жизни современного общества.

Не углубляясь в проблему соотношения юридической техники и юридических технологий¹, отметим что некогда достаточно распространенный взгляд, согласно которому юридическая техника охватывает своим содержанием и юридическую технологию (Т. В. Кашанина, В. М. Сырых, Ю. А. Тихомиров и др.), в определенной мере можно считать преодоленным².

¹ Такой анализ представлен в более ранних работах автора. См., например: Червонюк В. И. Правовые технологии («Правовая инженерия», или прикладная юриспруденция: методологические и дидактико-методические проблемы внедрения в систему вузовской подготовки правоведов) // Юридическая техника. Специальный выпуск. 2009. № 3. С. 368–381; Эриашвили Н. Д., Чухвичев Д. В., Червонюк В. И. Законодательная техника. 3-е изд., перераб. и доп. / Н. Д. Эриашвили, Д. В. Чухвичев, В. И. Червонюк. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 18–20, 24–29.

² Однако и новейшая литература не избавлена от явно устаревших взглядов на проблему. Так, в частности, отмечается, что «законодательная техника регламентирует общие закономерности осуществления законодательной деятельности, а также систему правил, приемов, методов и принципов подготовки, принятия, изменение и систематизации наиболее совершенных по форме, содержанию структуре проектов законодательства», а именно: «принципы, методы и правила формирования нормативных правовых актов; понятия и элементы системы законодательства; понятие, содержание законодательства; социальные факторы, влияющие на процесс создания нормативных предписаний; логика, стиль и язык нормативных правовых актов; структура законодательных актов» (Законодательная техника: учебник / Г.М. Морозова и др.; под ред. д.ю.н., проф. И.В. Рукавишниковой, д.ю.н., проф. И.Г. Напалковой. Ростов н/Д, 2017. С. 6). «Размашистый» подход к оценке содержания законодательной техники посредством включения в нее всего объема законодательных действий и процедур порождает иллюзию относительно возможности инструментарием законодательной техники создать качественный закон, оградить законодателя в его волюнтаризме (ничем не ограниченной дискреции) и некомпетентности.

В строго практическом значении правовую (как и всякую иную) технологию образует определенная последовательность операций, притом что все операции расставлены в нужном порядке и выпадение любой из них делает схему (технологическую цепочку) бессмысленной. Технологией в указанном значении можно обозначать юридически значимые действия, процедуры их осуществления, технологико-юридические требования, применяемые в этой связи правила, стандарты. Отсюда правовая технология – это совокупность параллельно или последовательно выполняемых операций и процедур, применяемых в процессе реализации права, организации правового поведения и деятельности компетентных органов и должностных лиц с использованием различного инструментария, в особенности правовых средств.

Хотя применение технологий действительно связано с широким привлечением технико-юридического инструментария, тем не менее вывод о том, что юридические технологии – это применение использование (юридической техники, что они (юридические технологии) инкорпорируют своим содержанием технико-юридический инструментарий³, не корректен и методологически уязвимый: это имеющие разное целевое назначение, разнопорядковые правовые феномены. Применение юридических технологий не ограничивается исключительно технико-юридическим инструментарием, но нередко «обходится» без него, как это, к примеру, может иметь в место в технологиях согласования интересов в законодательной деятельности или в технологиях их (интересов) лоббирования. Отвлечены от арсенала законодательной техники многочисленные случаи применения в юридической практике информационных технологий, так называемых облачных технологий, диджитал-технологии и нейролингвистические технологии в законодательной деятельности, технологии формирования цифрового нормативного языка, множество технологий, применяемых не только в сфере правоохраны, например, нейросетевые технологии (в частности для прогнозирования вероятности правонарушителя совершить новое преступление в будущем – уголовные суды США используют алгоритм COMPAS, позволяющий в 30-40% определить будущих жертв, распознавание личностей лиц, прячущих свое лицо), но и собственно в конституционной практике, например, при использовании избирательных технологий; это также использование методов и инструментов смежных отраслей знания: риск-ориентированный подход, метод ситуационного анализа и др.

³ См.: Бахвалов С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. С. 22 и сл.

Следовательно, содержание правовых технологий не ограничивается возможностью применения технико-юридического инструментария. Иное понимание современных юридических технологий не соответствует их природе и назначению, не учитывает то принципиально новое, что привносит в технологизацию юридической деятельности цифровизация. В указанном смысле юридические технологии это применение в профессиональной юридической деятельности комбинации технико-юридического инструментария, правовых средств в сочетании с иными, не противоречащими праву инструментами¹.

Значит, «состав» правовой технологии отнюдь не сводится к технике права. Правовая технология представляет собой синтез теоретического, прикладного и процессуального, как единство теоретических положений, прикладных положений и механизма их реализации в конкретной среде, во времени и пространстве. В сравнении с «консервативной» юридической техникой правовая технология отличается необычайным динамизмом, подвержена множеству факторов внутрисистемного и метаюридического свойства.

Юридическая техника все же отличается универсальностью, технико-юридический арсенал права одинаково «успешно» проявляет себя вне зависимости от типа правовой семьи (разве что мусульманская правовая семья сохраняет присущую ей самобытность). С этой точки зрения ошибочно и не соответствует современным правовым реалиям систем общего права утверждение о том, что «...аналитическая, анатомическая проработка той или иной ситуации – это в основном удел романо-германского права, непосредственно воплотивших культуру римского права. Для прецедентного права, американской правовой системы в особенности, главным является суд, его деятельность, лежащие в ее основе факторы, причем не юридические, а моральные, деловые, психологические и т. п. В правовом настрое юристов этих стран на первом месте не требования аналитической юриспруденции, а «реалистические» и «социологические» подходы, относящиеся к психологии, поведенческим критериям»².

Логично было бы заключить, что значение техники в англо-американском праве не существенно, технология, напротив, имеет безусловный примат. Однако специально-юридические, технико-юридические в

том числе, факторы для судов этой группы стран имеют принципиально важное значение. Предоставляемая судебным органам широкая свобода усмотрения (нередко ассоциируемая с дискреционностью полномочий) базируется не только на высокой профессионально-правовой культуре судей, но и имеет прочные нормативно-правовые основания как в разветвленной системе правовых обычаев, традиций, так и в статутном праве. Об этом, в частности, свидетельствует принятый в 1978 г. в Соединенном Королевстве Великобритании закон «О правилах толкования», содержащий технико-юридические алгоритмы интерпретации правовых установлений. Известно и то, какое важное значение в странах общего права при подготовке законопроектов придается лингвистическому аспекту, иным аспектам формальной логики. При этом, если в странах континентальной Европы законопроекты разрабатываются административными органами, ответственными за содержание политики или законодательства, то в странах общего права эта деятельность имеет специализированный характер, законопроекты обычно готовятся специальными службами. В Великобритании эту работу выполняют профессиональные чиновники – так называемые «драфтсмены» (draftsmen) (законосоставители) – служащие, сведущие в особенностях английской законодательной техники.

Понятно, что при таком подходе технико-юридическая сторона законотворчества приобретает особое значение. Симптоматично поэтому, что юрислингвистика возникает именно в указанных странах³.

В отличие от юридической техники, отличающейся главным образом «технико-юридическими последствиями» в правовой сфере, правовая технология почти всегда имеет социальный оттенок. Применение правовых технологий реально влияет на структуру интересов, фиксируемых в принимаемом нормотворческом органе правовом акте. С этой точки зрения, издаваемые правящим в стране политическим классом нормативные акты могут использоваться для имитации правового регулирования отношений, создания видимости закрепления в праве каких-либо интересов и стоящими за ними ценностей. Декларируемые в юридических установлениях такие интересы не реализуются на практике или реализуются частично. Концентрирующие набор таких установлений нормативные акты создаются для того, чтобы сформировать позитивный имидж государства, создать политическую рекламу правящей группе, обмануть население своей страны и зарубежную общественность [4].

¹ Это обстоятельство не всегда учитывается в специальной литературе. На этом основании презюмируется весьма спорное утверждение о том, что «юридическая техника есть классическая часть правовых технологий» (См.: Хабриева Т.Я. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал рос. права. 2008. № 7. С. 146–148).

² См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и пути решения. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 11.

³ См.: David R. Miers / Alan C. Page. Legislation. 1990 (second edition). P. 51.

Литература

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и пути решения. М.: Издательство НОРМА, 2001.
2. Бахвалов С. В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006.
3. Законодательная техника: учебник / Г.М. Морозова и др.; под ред. д.ю.н., проф. И.В. Руквишниковой, д.ю.н., проф. И.Г. Напалковой. Ростов п/Д, 2017.
4. Нормография: теория и методология нормотворчества: учебник для вузов / Ю. Г. Арзамасов [и др.]; под ред. Ю. Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020.
5. Хабриева Т.Я. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал рос. права. 2008. № 7. С. 146–148.
6. Червонюк В.И. Правовые технологии («Правовая инженерия», или прикладная юриспруденция: методологические и дидактико-методические проблемы внедрения в систему вузовской подготовки правоведов) // Юридическая техника. Специальный выпуск. 2009. № 3. С. 368–381.
7. Эриашвили Н. Д., Чухвичев Д. В., Червонюк В. И. Законодательная техника. 3-е изд., перераб. и доп. / Н. Д. Эриашвили, Д. В. Чухвичев, В. И. Червонюк. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
8. David R. Miers / Alan C. Page. Legislation. 1990

References

1. Alekseev S.S. Ascent to the law. Searches and ways of solution. M.: Publishing House NORMA, 2001.
2. Bakhvalov S.V. Legislative technology (some problems of theory and methodology): dis. ... cand. jurid. sciences'. Yaroslavl, 2006.
3. Legislative technique: textbook / G.M. Morozova et al.; ed. by Dy.u.n., prof. I.V. Rukavishnikova, Dy.u.n., prof. I.G. Napalkova. Rostov p/D, 2017.
4. Normography: theory and methodology of norm-making: textbook for universities / Yu.G. Arzamasov [et al.]; edited by Yu.G. Arzamasov. 2nd ed., ispr. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020.
5. Khabrieva T.Ya. The Third International school-practicum of young scientists and specialists in jurisprudence on the topic “The effectiveness of legislation and modern legal technologies”. 2008. No. 7. pp. 146-148.
6. Chervonyuk V.I. Pravovye tekhnologii (“Pravovaya enginiya”, or applied jurisprudence: methodological and didactic-methodological problems of introduction into the system of university training of lawyers) // Yuridicheskaya tekhnika. Special issue. 2009. No. 3. pp. 368-381.
7. Eriashvili N.D., Chukhvicev D.V., Chervonyuk V.I. Legislative technique. 3rd ed., reprint. and add. / N.D. Eriashvili, D.V. Chukhvicev, V.I. Chervonyuk. M.: UNITY-DANA, 2019.
8. David R. Miers / Alan C. Page. Legislation. 1990 (second edition). P. 51.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГАРАНТИРОВАНИЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В РОССИИ

Олег Игоревич Амелчаков, аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, г. Белгород, ул. Победы, 85)

E-mail: oleg_amelchakov94@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук **М.В. Мархгейм**

Аннотация. Рассмотрены основные этапы эволюции конституционного регулирования государственного гарантирования права на жизнь. В целях обеспечения конституционного права на жизнь каждого человека и гражданина государство создает условия и гарантии его реализации, охраны и защиты. На протяжении нескольких веков прослеживается гуманистическая тенденция, выразившаяся в запрете на кровную месть, сокращении оснований для смертной казни, забота о сохранении здоровья граждан страны. Однако человечество пользуется гарантированным правом на жизнь на протяжении менее 50 лет из всей своей истории. Опыт закрепления права на жизнь в конституционных актах российского законодательства показывает развитие отечественной конституционно-правовой науки и переход от пренебрежения гражданскими правами граждан и излишней идеологизации нормативных актов к имплементации международных норм, в том числе права на жизнь, в российское законодательство и утверждению международно-правовых стандартов защиты права на жизнь.

Ключевые слова: конституция, право на жизнь, государственные гарантии, Международный пакт о гражданских и политических правах, смертная казнь.

EVOLUTION OF THE CONSTITUTIONAL REGULATION OF THE STATE GUARANTEE OF THE RIGHT TO LIFE IN RUSSIA

Oleg I. Amelchakov, Graduate

Belgorod State National Research University (308015, Belgorod, Pobedy str., 85)

E-mail: oleg_amelchakov94@mail.ru

Scientific chief: Doctor of Legal Sciences **M.V. Markheyem**

Abstract. It is considered the main stages of the evolution of the constitutional regulation of the state guarantee of the right to life. In order to ensure the constitutional right to life of every person and citizen, the state creates conditions and guarantees for its implementation, protection and protection. For several centuries, there has been a humanistic trend, expressed in the prohibition of blood feuds, the reduction of the grounds for the death penalty, and concern for the preservation of the health of the country's citizens. However, humanity has enjoyed a guaranteed right to life for less than 50 years of its entire history. Experience enshrine the right to life in the constitutional acts of the Russian legislation shows the development of the domestic constitutional law of science and the transition from the neglect of the civil rights of citizens and excessive indoctrination regulations to implement international norms, including the right to life, in the Russian legislation and the adoption of international legal standards for the protection of the right to life.

Keywords: constitution, right to life, State guarantees, International Covenant on Civil and Political Rights, death penalty.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Амелчаков О.И. Эволюция конституционного регулирования государственного гарантирования права на жизнь в России. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):36-9.

В современном правовом пространстве права и свободы человека стали общепризнанной правовой категорией. Проблема правового регулирования, обеспечения и защиты прав человека, прошедшая тысячелетия, остается актуальной на сегодняшний день и находится в центре внимания философской, поли-

тической, религиозной и правовой мысли. Одним из абсолютных прав является право человека на жизнь, которое занимает центральное место в конституционном порядке современных государств. Вопросы конституционно-правовой регламентации права на жизнь затрагивались в работах отечественных и зарубежных ученых, в том числе специалистов по конституционному праву, теории государства и права, истории государства и права. В их числе М.В. Баглай [1, с. 188, 194, 207-208], Н.В. Киричек [2], С.М. Шахрай [3, с. 175-179] и др. Указанные ученые внесли большой вклад в исследование правовой регламентации конституционных прав человека и гражданина. Однако работ, уделяющих внимание конституционной регламентации конкретно права на жизнь недостаточно. В связи с чем, видится целесообразность изучения эволюции конституционного регулирования государственного гарантирования права на жизнь в России.

Правовое регулирование личных прав и свобод имеет длинную историю в российском государстве. История отечественного права знает около 150 российских актов конституционного значения, начиная от «Приговора земского собора первого ополчения» от 30 июня 1611 г. и «Соборного уложения» от 29 января 1649 г. до Конституции Российской Федерации в редакции 2020 г. За период 420 летней истории права, которая может быть отслежена по доступным исследователям документам прослеживается гуманистическая тенденция, выразившаяся в запрете на кровную месть, сокращении оснований для смертной казни, забота о сохранении здоровья граждан страны (правда, в период до второго десятилетия 20 века в значительной мере обусловленная социально-классовой принадлежностью).

Право на жизнь, безусловно признаваемое в настоящее время практически всеми государствами мира, было сформулировано и вошло в акты конституционного значения лишь во второй половине 20 века, когда в 1976 г. вступил в действие Международный пакт о гражданских и политических правах. До этого, в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Всемирная декларация прав человека, но этот документ носил рекомендательный характер. По сути, человечество пользуется гарантированным правом на жизнь лишь на протяжении менее 50 лет из всей своей истории, насчитывающей 200 тысяч лет с момента появления Homo Sapiens. Современным человеком право на жизнь воспринимается как что-то само собой разумеющееся, и это говорит о величайшем прогрессе и тектонических изменениях в общечеловеческом мировоззрении.

Право на жизнь присутствует в отечественном

конституционном праве с 1976 г., когда вступил в силу Международный пакт о гражданских и политических правах, являющийся составной частью Международного билля о правах человека. Советский Союз подписал Международный пакт о гражданских и политических правах 18 марта 1968 г. и ратифицировал его. Несмотря на то, что Международный пакт о гражданских и политических правах был принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН еще в 1966 г., он вступил в силу только через десять лет в марте 1976 г. К этому времени в нашей стране действовала уже третья с начала 20-го века конституция РСФСР и вторая Конституция СССР.

Российские акты, конституционного значения в период до 1918 г., когда была принята первая конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), не устанавливали права на жизнь и не гарантировали его, хотя и ограничивали перечень оснований для смертной казни.

Конституция Российской Советской Республики РСФСР, принятая 1918 года V Всероссийским съездом Советов, действовала до 1925 г. [4]. Вопрос прав граждан первого в мире государства трудящихся действительно стоял в качестве первоочередного. Поэтому в числе первых документов советской власти, по причинам скорее политического, нежели сугубо юридического, характера была принята Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Как видно из названия документа, она отнюдь не охватывала права всех граждан страны, а лишь той части населения — хотя и действительно наиболее многочисленной — которая по своему социально-экономическому статусу была наиболее ущемлена в правах до революционных событий 1917 г.

Утвержденная III Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 г. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа вместе с утвержденной V Всероссийским Съездом Советов Конституцией Советской Республики составили единый основной закон Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [5]. Право на жизнь в какой-бы то ни было формулировке, трактовке, на каком-либо теоретико-правовом основании в Конституции РСФСР 1918 г. не гарантируется и даже не упоминается. В этом конституционном акте речь шла лишь о политических правах. Как ни странно, Конституция РСФСР 1918 г. содержит довольно обширную статью о предоставлении иностранцам прав российских граждан и прав российского гражданства «без всяких затруднительных формальностей», хотя в чем заключаются права российских граждан и права российского гражданства, а также механизм их реализации в данном до-

кументе не определено. Тем не менее, нельзя не признать справедливость выводов Фроловой О.Е., которая пишет: «именно Конституция 1918 г. представляет собой первый шаг в создании новой правовой коммуникации между представителями власти и гражданами на столь высоком законодательном уровне» [6, с.28].

В первой Конституции СССР, утвержденной резолюцией II Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г., содержащем Декларацию об образовании СССР, гражданские права граждан Союза ССР, включая право на жизнь, также не регламентируются ни в одной из редакций этого конституционного акта.

В связи с вхождением РСФСР в состав новообразованного СССР и необходимостью приведения российского законодательства в соответствие союзному, в 1925 г. была принята новая Конституция РСФСР. Однако ее текст близок к тексту Конституции 1918 г. и не вносит никаких изменений с точки зрения регулирования права на жизнь, как, впрочем, и других гражданских прав.

Следующая Конституция СССР 1936 г., получившая неофициальные названия «Сталинская конституция», носила демократический характер. В тексте данной Конституции впервые уделялось внимание правам и свободам в совокупности с обязанностями. Глава X Конституции СССР 1936 г. под заголовком «основные права и обязанности граждан» устанавливает ряд прав граждан, среди которых не упоминалось и не гарантировалось право на жизнь.

Несмотря на тот факт, что Конституция СССР 1936 г., в отличие от предыдущих конституционных актов нашей страны, гарантировала гражданам СССР существенно расширенный перечень гражданских прав и свобод, причем в значительно более однозначной и более нейтральной, лишенной политической аффектации формулировок, тем не менее в ней появилась норма, которая впоследствии на практике показала полное отсутствие гарантии права на жизнь в Советском Союзе. Статья 131 Конституции СССР 1936 г. содержала положение о том, что «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». Фактически, эта норма о врагах народа дала конституционное обоснование репрессиям в отношении большого числа граждан СССР, вина которых не была доказана. Другими словами, в Конституции СССР 1936 г. не только не было гарантировано право на жизнь, а наоборот, присутствовала норма, позволяющая принудительно лишать жизни людей безо всякого законного на то основания. Можно сказать, что данный нормативный акт, имеющий статус конституционного, содержал норму скорее о гарантиях лишения жизни, а не ее сохранения.

Принятие Конституции РСФСР 1937 г. вновь было

обусловлено необходимостью приведения Основного закона РСФСР в соответствие с новой Конституцией СССР. Новая Конституция внесла изменения в государственное устройство РСФСР, однако никаких изменений в конституционной регламентации государственного гарантирования права на жизнь не произошло.

Несмотря на тот факт, что сталинский режим был развенчан и осужден официальными документами КПСС и советского государства, норма о том, что «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа», сохранилась в тексте Конституции до 1977 г. – до самого конца действия этого нормативного акта.

Разработка новой Конституции СССР началась ещё в 1962 году. За период с 1962 г. по 1977 г. произошел ряд событий международного масштаба, оказавших влияние на текст новой Конституции и перечень гражданских прав, который она гарантировала гражданам Советского Союза. В 1966 г. резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи был принят Международный пакт о гражданских и политических правах. В 1968 г. СССР подписал этот Международный пакт. В 1973 г. Пакт был ратифицирован со стороны СССР. В 1975 г. СССР принимает участие в Совещании по Безопасности и Сотрудничестве в Европе, пришедшем в Хельсинки. В 1976 г. Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в действие. Наступил этап имплементации в российское законодательство международных норм.

Глава 7 нового текста Конституции 1977 г. под названием «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР» содержала довольно широкий перечень гражданских прав. Социалистический строй обеспечивает расширение прав и свобод, непрерывное улучшение условий жизни граждан по мере выполнения программ социально-экономического и культурного развития. Тем не менее, право на жизнь как одно из важнейших гражданских прав Конституцией СССР 1977 г. не упоминает. Вместе с тем, следует обратить внимание, что в конституционном акте появились гарантии улучшения условий жизни.

В 1978 г. была принята очередная Конституция РСФСР, которая по структуре и содержанию соответствовала новой Конституции СССР 1977 г. Новая Конституция РСФСР углубила систематизацию конституционных норм по сравнению с Конституцией РСФСР 1937 г., однако ее текст практически полностью дублирует текст Конституции СССР 1977 г. в части прав и свобод и не упоминает право на жизнь как неотъемлемое право человека и гражданина.

После распада СССР вместе со становлением нового государства происходит формирование совре-

менной законодательной системы, которое признает важнейшие приоритеты и принципы, изложенные в международных документах.

Последствием целого ряда политических событий стал Указ Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 г., согласно которому Съезд народных депутатов и Верховный Совет должны были прекратить свою деятельность, а разработка новой Конституции должна была завершиться к 12 декабря 1993 году.

Было разработано несколько проектов Конституции 1993 г. Среди них были излишне теоретизированные проекты, например, так называемый Саратовский проект, или концептуально иллюзорные, каковым был проект народного депутата СССР академика А.Д. Сахарова. Большинство проектов текста Конституции все-таки были более реалистичны и в большей степени соответствовали своему времени. К их числу относятся проекты: Конституционной комиссии Съезда народных депутатов; рабочей группы под руководством С.М. Шахрая; Политсовета Российского Движения демократических реформ; Конституционной комиссии. Эти проекты содержали международно-правовые стандарты защиты права на жизнь, однако, вместе с тем допускали смертную казнь по решению суда. По результатам рассмотрения было высказано мнение, что проект Конституционного совещания наиболее соответствует задачам, поставленным перед разработчиками новой Конституции, и был принят за основу при окончательной доработке текста основного закона с привлечением субъектов Российской Федерации, депутатов, специалистов, рабочих групп. Конституция РФ 1993 г. впервые в истории российского законодательства закрепила право человека на жизнь как высшую ценность.

Таким образом, развитие правовой регламентации права на жизнь прослеживается при анализе текстов конституций Российского государства. Первоначально основной акцент в конституционных актах делался на институциональные аспекты, в частности на то, что касается организации государства и системы его органов, не уделяя должного внимания праву на жизнь и его защите. Как показал анализ актов конституционного значения России, начиная с 1936 г. их положения носят демократический характер. В целом развитие конституционного регулирования государственного гарантирования права на жизнь в России осуществлялось постепенно посредством перехода от пренебрежения гражданскими правами граждан и излишней

идеологизации нормативных актов к имплементации международных норм.

Литература

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. 784 с.
2. Киричек Е.В. Эволюция конституционных прав и свобод человека и гражданина // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. №1 (1). С. 26-41.
3. Шахрай С.М., Клишас А.А. Конституционное право Российской Федерации. 3-е издание, доп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 736 с.
4. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1987.
5. Портнов В.П., Славин М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России 1917-1920 гг. / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Наука, 1987.
6. Фролова О.Е. Конституция РСФСР 1918 г.: лингвистический портрет текста // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 3 (178). С. 27-43.

References

1. Baglai M.V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook. for universities / M.V.Baglai. 6th ed., Rev. and add. M.: Norma, 2007.784 p.
2. Kirichek E.V. Evolution of constitutional rights and freedoms of man and citizen // Legal science and law enforcement practice. 2006. No. 1 (1). P. 26-41.
3. Shakhrai S.M., Klishas A.A. Constitutional law of the Russian Federation. 3rd edition, add. M.: OLMA Media Group, 2011.736 p.
4. Kukushkin Y.S., Chistyakov O.I. Essay on the history of the Soviet Constitution. Ed. 2nd, add. Moscow: Politizdat, 1987.
5. Portnov V.P, Slavin M.M. Formation and development of the constitutional legislation of Soviet Russia 1917-1920. / Resp. ed. B.N. Topornin. Moscow: Nauka, 1987.
6. Frolova O.E. The Constitution of the RSFSR of 1918: a linguistic portrait of the text // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 2, Humanities. 2018. Vol. 20, №. 3 (178). P. 27-43.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Виталий Юрьевич Бельский, профессор кафедры философии, доктор философских наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Николай Николаевич Гусев, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются адаптация и интеграция мигрантов как социальная проблема и объект правового регулирования. Раскрываются позитивные и негативные условия и факторы адаптации и интеграции мигрантов в социальной среде Российской Федерации как принимающей страны, которые обуславливают задачи их правового регулирования.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, социальная интеграция, интериоризация, мигранты, трудовая миграция, социальная среда, факторы адаптации и интеграции, правовое регулирование, поведенческие стандарты, натурализация, этническая диаспора, национальное самосознание, ксенофобия, экстремизм.

THEORETICAL ASPECTS OF ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS IN THE SOCIAL ENVIRONMENT OF RUSSIAN SOCIETY AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR THEIR LEGAL REGULATION

Vitaliy Yu. Belsky, Professor of the Department of Philosophy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Nikolay N. Gusev, Associate Professor of the Department of Philosophy, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
Email: nikolay.n.gusev@mail.ru

Abstract. Adaptation and integration of migrants as a social problem and object of legal regulation are considered. The article reveals the positive and negative conditions and factors of adaptation and integration of migrants in the social environment of the Russian Federation as a host country, which determine the tasks of their legal regulation.

Keywords: socio-cultural adaptation, social integration, interiorization, migrants, labor migration, social environment, factors of adaptation and integration, legal regulation, behavioral standards, naturalization, ethnic diaspora, national identity, xenophobia, extremism.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Бельский В.Ю., Гусев Н.Н. Теоретические аспекты адаптации и интеграции мигрантов в социальной среде российского общества как методологическая основа их правового регулирования. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):40-5.

Миграционные процессы являются неотъемлемой частью жизнедеятельности современного российского общества. Они протекают с различной степенью интенсивности и степенью влияния на повседневное бытие как самих мигрантов, так и коренного населения. Для них характерны и позитивные, и негативные последствия и результаты.

Как всякое массовое явление с присущими ему факторами риска для национальной безопасности¹ они требуют контроля и управляющих воздействий в интересах поддержания стабильности общественной системы. В этом проявляется первостепенная заинтересованность российского государства, которое как главный субъект управления обществом имеет все необходимые средства воздействия на миграционные процессы в интересах всего общества с учетом заинтересованности и позиций сторон, участвующих в них.

Одним из важнейших средств управления миграционными процессами является их правовое регулирование. Оно охватывает фактически все аспекты, связанные с миграцией от количественных и качественных показателей участников процесса, обеспечения их жильем и занятости до адаптации к новым условиям жизнедеятельности и интеграции в российское общество.

В последние годы на первый план как наиболее актуальная проблема выступила необходимость правового регулирования именно адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации. Это обусловлено увеличением потока прибывающих трудовых мигрантов из сопредельных государств, незнанием ими русского языка как средства межнационального общения в России, культуры и поведенческих стандартов местного населения и как следствие этого трудности ориентации в социокультурной среде и установления позитивных контактов и взаимодействия с коренным населением.

Как известно, для обеспечения эффективности правового регулирования в первую очередь требуется, чтобы оно опиралось на знание сущности объекта, его функциональных проявлений, присущих ему противоречий и тенденций эволюции. В отношении правового регулирования адаптации и интеграции мигрантов это означает необходимость иметь четкие представления, во-первых, об адаптации и интегра-

ции как социальных явлениях, во-вторых, о самих мигрантах, в-третьих, о состоянии социальной среды, к которой они адаптируются и в которую могут интегрироваться, в-четвертых, о характере взаимодействия мигрантов и социальной среды в ходе адаптации и интеграции.

По сути, речь идет об анализе и оценке социально-политической обстановки в стране, уровня толерантности граждан и вновь прибывших, повседневных и перспективных проблем мигрантов, их способности к адаптации к новым условиям жизни, возможностей и каналов криминализации, вовлечения в террористическую деятельность, склонности к проявлению экстремизма, а также о соотношении миграционной политики с экономическими возможностями государства.

Адаптация как социальное явление объясняется как приспособление, привыкание, вживаемость. Так или иначе социальная адаптация означает включенность в наш случай мигрантов в социальную среду, взаимодействие с ней по принципу подобия, сознательного воспроизводства в поведении господствующих поведенческих стандартов, как необходимую предпосылку и условие собственного существования в ней. При этом социальная среда продолжает восприниматься мигрантами как чуждая, не во всем понятая и представляющая в силу этого определенную опасность для субъекта адаптации.

Следует отметить, что и социальная среда в подавляющем большинстве настроений коренных жителей воспринимает мигрантов как чужих. Однако, отмечается существенное различие в отношении к представителям внутренней и внешней этнической миграции. Так, относительно внутренней миграции можно наблюдать некий консенсус в гражданском обществе по вопросу как самого процесса, так и проблем адаптации сограждан к новому месту проживания и работы, который воспринимается как закономерная и правомерная реализация гражданских прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации в рамках защиты и обеспечения прав человека и гражданина.

Что же касается проблемы иммиграции в целом и трудовых мигрантов в частности, можно видеть существенные различия в их оценке государством и населением. Общественное мнение большей частью негативно относится к этим явлениям, высказывает сомнения в ее необходимости, а также обеспокоенность по поводу ее последствий, которые стали ощутимы уже в настоящее время. К ним относятся такие как социальная напряженность в обществе, возникающая вследствие возникновения конкуренции за рабочие места между коренным населением и мигрантами и их потомками; изменение этнического и конфессионального состава населения принимающих стран в резуль-

¹ См.: Балашова Т.Н. Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействие // Общество и право. Научно-практический журнал. Краснодар: Изд-во Краснодар, ун-та МВД России, 2008, № 1; Балашов З., Балашова Т., Голик Ю., Дук Ю. Нелегальная и криминальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Уголовное право. 2008, № 2; Герасимова И.В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. Москва. 2019. Т. 7. № 4.

тате прибытия значительного количества мигрантов; сохранение национальной идентичности мигрантов, препятствующее их ассимиляции и способствующее сегментации государства в национальном отношении; риск анклавизации как мегаполисов, так и отдельных регионов страны, связанный с компактным расселением мигрантов определенных этнических групп; культурная несовместимость мигрантов и коренного населения; криминализация мигрантской среды, рост преступности и правонарушений, совершаемых мигрантами; рост коррупции в органах власти и правоохранительной системе¹.

В связи с высокой рождаемостью в семьях внешних мигрантов россиянами осознается опасность постепенного превращения коренного населения в меньшинство². В результате 78% граждан четко выражают запрос к государству в ограничении притока иностранных мигрантов в Россию³. Все эти обстоятельства усложняют практику включения различных категорий мигрантов в жизнедеятельность российского общества, их адаптации к новой социокультурной среде и интеграцию в нее.

Вместе с тем, следует видеть и иное отношение к проблеме внешней миграции, характерное для определенной части общественности, прежде всего заинтересованной в использовании иностранной наемной рабочей силы. Вполне логичной является их заинтересованность в обеспечении собственных интересов в составе и содержании миграционного законодательства. И государство в этом вопросе последовательно реализует установки социального заказа российских предпринимателей, как части политического класса, ориентирующейся на использование иностранной рабочей силы. Соответственно вся система правового регулирования процессов адаптации и интеграции мигрантов формируется для обеспечения достижения целей этого социального заказа. В то же время государство, учитывая противоречивый и конфликтный характер взаимоотношений мигрантов и коренного населения, вырабатывает и осуществляет политику в сфере миграции в соответствии с задачами поддержания стабильности социальной системы. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с миграционными процессами, выстраивается на основе этой политики государства и нацеливается на наиболее полный охват всего комплекса проблем вза-

имоотношений собственно мигрантов с государственными и муниципальными органами, общественными организациями, системами здравоохранения и образования, а также с коренным населением.

Проблема адаптации мигрантов конкретизируется для них в необходимости так выстраивать отношения с непривычной средой обитания, чтобы они обеспечивали комфортное с точки зрения самоощущения проживание в этой среде. Однако сама комфортность связана с чувствами понятности и привычности, безопасности и защищенности. По прибытии в принимающую страну мигрант испытывает первичное удовлетворение реализацией своего плана переезда, чувство новизны и начала новой жизни. Несмотря на это возникает и чувство настороженности к новым жизненным обстоятельствам. Со временем языковые и культурные изменения, изоляция, одиночество, ощущение «непринадлежности», понижение социального статуса (отсутствие документов и возможностей для работы, плохие жилищные условия), неудачи в новой стране приводят к угнетению адаптационных способностей человека.

Социальная и культурная адаптация представляет собой сложный вид социального взаимодействия, в котором мигранты выступают и в качестве субъектов создания социально-культурной среды повседневной жизни, и в качестве объектов, которые подвергаются воздействиям различных социальных субъектов (институтов, общностей, групп, индивидов) включенных в совместную жизнедеятельность⁴. В связи с этим у них есть выбор того, в какой форме⁵ и как осуществлять собственную аккультурацию в рамках процесса адаптации.

Обычно выделяют такие формы адаптивной аккультурации как сепарация, маргинализация, интеграция, ассимиляция⁶. Естественно, ни в сепарации, ни в маргинализации мигрантов принимающее обще-

¹ См.: Бадалянц С.В. Оптимизация управления процессами адаптации мигрантов в современной России: дисс. канд. социологических наук 22.00.08 Ростов-на-Дону. 2013. <https://www.dissercat.com/content/optimizatsiya-upravleniya-protsessami-adaptatsii-migrantov-v-sovremennoi-rossii>.

² См.: <http://www.rosbalt.ru/main/poll/725/results/>

³ См.: <https://mresearcher.com/2016/11/vtsiom-otnoshenie-rossiyan-k-migrantam.html>

⁴ См.: Мозговая, Е.И. Проблемы оптимизации адаптационных процессов в миграционной политике современной России / Е.И. Мозговая, Д.А. Кулабухов // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы V междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 5-6 дек. 2013 г. / НИУ БелГУ, Белорусский государственный университет, Институт охраны здоровья детей и подростков НАМН Украины и др.; под ред. М.С. Жирова, О.А. Волковой, В.В. Бахарева и др. Белгород, 2013. С. 352-355. <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/21042>

⁵ См. подробно: Залитайло И.В. Механизмы адаптации мигрантов в инокультурной среде. // Аналитика культурологии. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2004. №2; Ионцев В. А., Ивахнюк И. В. Модели интеграции мигрантов в современной России [Электронный ресурс]. КАРИМ-Восток Консорциум прикладных исследований по международной миграции [Офф. сайт]. Режим доступа: URL: http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-12_RU.pdf.

⁶ Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation. Appl Psychol. 1997; 46:5-68. [Links]. Цит. по https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1516-44462017005018103&lng=en&nrm=iso&tlng=en

ство не заинтересовано. Современные социальные процессы, фактически, во всех странах имеют достаточно факторов, обуславливающих рост и среди коренного населения маргинальных слоев и закрытых социальных групп на всех уровнях общественной системы. Поэтому важно выявить категории мигрантов, склонных к подобного рода «обустройству» в жизни страны, и предусмотреть меры, ставящие правовой заслон их прибытию в страну.

Соответственно, практически политический и общественный интерес представляют мигранты, ориентированные на ассимиляцию и интеграцию. При этом проблема ассимиляции является предметом личного выбора прибывших и выступает своеобразным продолжением процесса адаптации и интеграции.

Следует подчеркнуть, что востребованные принимающим обществом ассимиляция и интеграция на практике сопряжены со значительными трудностями объективного и субъективного порядка. Расставание с родиной, привычным окружением влияет на моральное состояние и психику людей. Постоянную адаптацию к новой среде считают одним из основных хронических стрессоров, который может вызывать психологические или соматические проблемы и привести к развитию разного рода патологий, включая клиническую депрессию, психоз и суицидальный синдром (в том числе с трагическим исходом)¹. Зарубежные исследователи отмечают, что посттравматическое стрессовое расстройство диагностируется у 47%² эмигрантов. В группу риска попадают люди, которые имеют травматичный опыт, связанный с переездом в другую страну: расовая дискриминация, жестокое обращение сотрудников правоохранительных органов, принудительное выселение, разлучение с семьей, задержание, депортация. Но нередко это расстройство возникает и у тех, для кого переезд прошел вполне благополучно³.

Таким образом, неустойчивые психические состояния в миграционной среде могут приобретать массовый характер и сопровождаться поведенческими девиациями вплоть до делинквентности. Это вызывает необходимость проведения с мигрантами специальной работы по их социально-психологической и культурной адаптации, оказания необходимой психологической поддержки и психиатрической помощи на основе разработки и принятия правовых актов, регулирующих этот процесс.

Определенно важной ступенью процессов адаптации и интеграции выступает натурализация. Миграционное законодательство уже предусматривает облегченную процедуру и сроки получения российского гражданства для соотечественников и лиц, владеющих русским языком. Вместе с тем, требует соответствующей поддержки и стремление инонациональных мигрантов к получению гражданства, так как натурализация — это первый шаг к последующей интеграции.

Социальная и культурная интеграция мигрантов является наиболее эффективной и результативной в тех странах, где государство проявляет прямую заинтересованность в пополнении новыми гражданами, а не просто жителями. В России с ее историческим опытом интегрированного проживания в стране многих этносов ставка сделана на развитие интеграционного единства в новых демографических и геополитических условиях.

Социальная интеграция индивида означает его включенность в общественную систему, которая воспринимает его как свой собственный элемент; одновременно и он воспринимает социум в целом и взаимодействие с ним и его компонентами (социальными институтами, группами и внутри них) как неотъемлемые условия собственной жизнедеятельности и личностной сущности. По сути, социальная интеграция превращает мигранта в полноценного члена общества. При этом необходимо подчеркнуть, что социальная интеграция неразрывно связана с интеграцией культурной. Степень, в которой индивид чувствует принадлежность к группе либо коллективу на основе разделяемых с объединением убеждений, ценностей, норм определяет его социокультурную интегрированность в общество. Показательным является тот факт, что интеграция в жизнь российского общества легче проходит у детей мигрантов. Более того, сами эти дети доброжелательно воспринимаются социальной средой.

Механизм такой интеграции построен на явлении интериоризации, который представляет собой процесс превращения внешних социальных форм общения в устойчивые внутренние качества личности через усвоение индивидом выработанных в обществе (общности) норм, ценностей, верований, установок, представлений, образцов поведения. Поэтому интегрированность мигрантов оценивается как степень интериоризации норм и ценностей, образцов поведения страны реципиента, социально-профессиональной группы, кругов повседневного общения и межличностного взаимодействия граждан в сознание и практическое взаимодействие с социальной средой. Данные социологических исследований об отношении

¹ См.: https://knife.media/poor-mmigrants/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

² См.: https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1516-44462017005018103&lng=en&nrm=iso&tlng=en

³ См. подробнее: https://knife.media/poor-mmigrants/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

к детям мигрантов характеризуют процесс адаптации и интеграции положительно, отмечается некоторая проблемность лишь у 9% опрошенных мигрантов¹.

Российское общество и государство заинтересованы в эффективности интеграции мигрантов, а также в том, чтобы этот процесс не затягивался во времени. В связи с этим требуется создание системы условий способствующих интеграции иммигрантов, а также специализированных институтов, работающих в этом направлении, и соответствующей правовой базы по обеспечению решения сопутствующих проблем.

Как представляется, одним из главных требований к деятельности по формированию и оптимизации интеграции этнических мигрантов, ее правовой базе следует отнести обеспечение интересов национальной безопасности и необратимости интеграционных процессов. Гарантацией этого может стать система отбора мигрантов, въезжающих в страну с правовым закреплением основных принципов такого отбора. При таком подходе можно ожидать снижение среди прибывающих мигрантов доли лиц с низким уровнем образованности и культуры, а также обеспечить привлечение мигрантов с высшим образованием, высокой профессиональной квалификацией в наукоемких отраслях промышленности и науки, владеющих русским языком на достаточном уровне.

Было бы рационально обоснованным создание юридически закрепленных преград для пресечения проникновения в Россию антисоциальных и асоциальных элементов².

Среди условий и факторов, влияющих на адаптацию и интеграцию мигрантов, особое место занимают национальные диаспоры. На поставленный много лет назад вопрос, чем являются диаспоры: дополнительным ресурсом или скрытой угрозой³, ответ оказался очевидным и тем, и другим.

Этнические диаспоры, компактно проживающие на определенной территории, часто обладают особой социальной закрытостью как для конструктивного взаимодействия с ними, так и для выявления экстремистских настроений. Это относится, прежде всего, к привлекаемым в страну иностранным рабочим, иммигрантам и беженцам. Внутри диаспоры при компактном территориальном расположении происходит ее «схлопывание», установление трудно преодолимых

границ выхода во внешнюю социальную среду и входа из нее. Так и возникает явление закрытости диаспоры.

Эта закрытость для внешнего мира обусловлена избранной формой компактного проживания представителей своего этноса, что обеспечивает наиболее тесные связи внутри общности, формирование социально групповых признаков и установление четких границ во взаимоотношениях с окружающей социальной средой по принципу «свой – чужой» и нежеланием интегрироваться в социум. Общие интересы, осознаваемые как жизненно важные для этноса, доверительный характер и позитивная эмоциональная составляющая внутриэтнических контактов создают своеобразный кокон, скрывающий информацию о настроениях и намерениях.

Внутренняя интеграция и сплоченность представителей этнической диаспоры приводят, в конечном счете, к возникновению организационных форм внутриэтнической социальной кооперации, в том числе и в криминальной сфере⁴. При этом массовые экстремистские настроения в диаспоре играют роль дополнительного весьма эффективного сцепляющего членов фактора.

Итогом всех перечисленных процессов внутри диаспоры при ее компактном территориальном расположении является формирование в том или ином виде общины и приобретение ей свойств закрытых и полужакрытых социальных групп, отличающихся особой сплоченностью и внутренней солидарностью. Эти социальные характеристики, приобретаемые этнической диаспорой в целом, важно учитывать в профилактической работе. Сюда относятся особенности социально-психологического восприятия ими отношений с этническим большинством, наличием проблем, представляющихся неразрешимыми в период жизни одного поколения, а также наличием реальных или мнимых ущемлений прав и свобод как данного меньшинства в целом, так и отдельных его представителей.

Сочетание названных факторов может привести к возникновению мотивированной ксенофобии, проявляющейся в «зацикленности» массового этнического сознания на «неразрешимости» собственных проблем в связи с нежеланием общества вне диаспоры способствовать их преодолению. Часто это сопровождается сознательным культивированием экстремистскими группировками специфических гипертрофированных форм национального самосознания, чувств национальной исключительности и превосходства над дру-

¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-diaspory-adaptivnyy-i-integratsionnyy-potentsial-v-transgranichnyh-regionah-rossii>

² См.: Бадалянц С.В. Оптимизация управления процессами адаптации мигрантов в современной России: дисс. канд. социологических наук 22.00.08. Ростов-на-Дону. 2013. <https://www.dissercat.com/content/optimizatsiya-upravleniya-protsessami-adaptatsii-migrantov-v-sovremennoi-rossii>

³ Арутюнов С., Козлов С. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс. – Независимая газета, 23.11.2005.

⁴ См.: Латентный экстремизм в этнических диаспорах, его диагностика и профилактика в российском обществе // терроризм в исторической ретроспективе и в современных условиях: монография; под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 356.

гими, обиды и желания отмщения¹.

В целом получается, что этнические диаспоры мигрантов при их некомпактном проживании имеют меньше возможностей для негативного воздействия своей агрессивной неадаптантной части на остальных членов диаспоры. Соответственно та часть миграционной политики государства, которая направлена на такие диаспоры может быть ориентирована на конструктивное взаимодействие с ними, что предполагает принятие специальных правовых актов, устанавливающих правовой статус диаспор и регулирующих их отношения с внешним по отношению к ним социальным миром.

В отношении этнических групп компактного проживания трудовых мигрантов, в силу их закрытости и присущих им негативных, общественно опасных явлений, о которых говорилось выше, целесообразно предусмотреть политико-правовые меры, препятствующие компактному поселению и проживанию таких этнических групп мигрантов. Это во многом способствовало бы социализации мигрантов на индивидуальном уровне посредством увеличения частоты и продолжительности контактов с новой социальной средой, что ускоряет процесс адаптации. В принципе, нет препятствий для урегулирования вопроса о найме рабочей силы за рубежом посредством специализированных агентств, действующих с территории России. При соответствующей правовой базе это снизит затраты государства на решение проблем, связанных с трудовой миграцией, переложит расходы на заинтересованные хозяйственные субъекты.

Важным аспектом адаптации и интеграции мигрантов является заинтересованное участие в них институтов гражданского общества. Привлечение мигрантов к элементарному участию в общественной жизни на местном уровне, вовлечение наиболее

адаптированной их части в совместную деятельность и решение проблем самих мигрантов позволяет создавать необходимую психологическую атмосферу для толерантного отношения в миграционной среде к коренному населению, его культуре и стилю жизнедеятельности. Как представляется, в плане правового регулирования этого процесса было бы целесообразно использовать накопленный в нашей стране опыт создания правовой базы участия институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля над исполнением миграционного законодательства Российской Федерации².

Таким образом, правовое регулирование в Российской Федерации строится на методологической базе социологического, социально-психологического и социально-политического анализа и оценки условий и факторов социальной среды российского общества, практики реализации норм миграционного законодательства, а также проблем, связанных с угрозами национальной безопасности, которые несут миграционные процессы.

Формирование норм правового регулирования адаптации и интеграции мигрантов осуществляется в соответствии с нормами Конституции Российской Федерации, задачами государственной миграционной политики при соблюдении прав человека и гражданина.

Правовое регулирование адаптации и интеграции мигрантов в России направлено на обеспечение в первую очередь интересов российского общества и государства, а также на создание позитивной мотивации и благоприятных условий вновь прибывающим жителям страны для их приспособления к новым жизненным обстоятельствам и полноценного включения в экономическую, социальную и культурную жизнь российского общества.

¹ См.: Латентный экстремизм в этнических диаспорах, его диагностика и профилактика в российском обществе // терроризм в исторической ретроспективе и в современных условиях: монография; под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 357. См. там же. С. 357.

² См.: Бельский В.Ю., Гусев Н.Н. Основные направления повышения эффективности участия институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля над исполнением миграционного законодательства Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С.14-19.

КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Елена Юрьевна Зинченко, профессор кафедры конституционного и муниципального права, кандидат юридических наук, профессор

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: elena9998863@yandex.ru

Евгений Николаевич Хазов, профессор кафедры конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается конституционная модель современного российского федерализма. Дается характеристика конституционно-правового статуса субъектов РФ их особенности, нормативного закрепления в Конституции Российской Федерации и конституционном законодательстве, а также обсуждаются проблемы в данной сфере, которые могут быть решены в рамках поправок, вносимых в Конституцию Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, федеративное устройство, конституционно-правовой статус субъектов РФ, федеральные территории, предметы ведения, ответственность.

CONSTITUTIONAL MODEL OF MODERN RUSSIAN FEDERALISM

Elena Yu. Zinchenko, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Candidate of Legal Sciences, Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: elena9998863@yandex.ru

Evgeny N. Khazov, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Doctor of Legal Sciences, Professor Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: evg.hazow@yandex.ru

Abstract. The constitutional model of modern Russian federalism is considered. The article describes the constitutional and legal status of the subjects of the Russian Federation, their peculiarities, the normative consolidation in the Constitution of the Russian Federation and constitutional legislation, and also discusses the problems in this area that can be solved within the framework of amendments to the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: state, federal structure, constitutional and legal status of the subjects of the Russian Federation, federal territories, subjects of jurisdiction, responsibility.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Конституционная модель современного российского федерализма. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):46-50.

Федеративная природа современного российского государства является одной из основополагающих его характеристик, закрепленных непосредственно в его определении – в части 1 статьи 1 Конституции Рос-

сийской Федерации¹.

Не останавливаясь подробно на основных консти-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020) . <http://www.pravo.gov.ru>.

туционно-правовых характеристиках и классификациях федераций (и дискуссиях о симметричной или асимметричной, конституционной или договорной, территориальной или национально-территориальной природе Российской Федерации), о которых написано большое количество научных работ отечественных исследователей-конституционалистов¹, обратимся к **новым тенденциям, актуальным трендам в развитии конституционной модели российского федерализма.**

Прежде всего, отметим, что мы исходим из понимания **федерализма** не как некоего «слепок» сложившейся схемы федеративного устройства, а как **постоянного процесса** реализации публичных функций и полномочий органов власти федерации и ее субъектов, а также муниципальных образований, направленного на сбалансированное (в том числе по финансовым, организационным и иным ресурсам) достижение общих целей, выражающихся в улучшении качества жизни граждан, гармонизации развития общества, укреплении безопасности государства [8].

Именно такое – центростремительное, интеграционное, а не центробежное – восприятие федерализма, на наш взгляд, прослеживается в конституционных и законодательных новациях на современном этапе развития конституционной модели российского федерализма.

1. Новая опция в территориальном устройстве – возможность создания федеральных территорий.

Базовые принципы федеративного устройства², закрепленные в статье 5 Конституции Российской Федерации, характеризуют нашу страну как симметричную федерацию (хотя на практике она имеет элементы

асимметрии, например, в части правового статуса республик, а также существенной специфики городов федерального значения). При этом до принятия конституционных поправок, вступивших в силу 4 июля 2020 года, схема федеративного устройства предполагала, что вся территория страны покрывается территориями субъектов Федерации. Однако в настоящее время введена конституционная возможность существования **федеральных территорий** – территориальных единиц с особым статусом. Имея достаточно широкое распространение в иностранных федеративных государствах³, для России этот институт является принципиальной новацией, ранее нашей Конституцией не предусмотренной [17].

Согласно новой редакции части 1 статьи 67 Конституции Российской Федерации на территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом.

Анализ формулировки приведенных конституционных норм позволяет сделать вывод, что возможно принятие не общего закона о федеральных территориях, их статусе и организации публичной власти, а конкретных федеральных законов по каждой создаваемой федеральной территории. В настоящее время складывается именно такой прецедент: в Государственную Думу внесен проект федерального закона «О федеральной территории «Сириус»⁴.

Важным вопросом в контексте темы о развитии модели российского федерализма является вопрос о том, «изымается» ли территория, которая становится федеральной, из территории соответствующего субъекта Российской Федерации (в случае с «Сириусом» – из Краснодарского края) или остается в ее составе и лишь «уходит» из-под юрисдикции органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Анализ текста указанного внесенного законопроекта

¹ См. подробнее, в частности: Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2000; Топорнин Б.Н. Федерализм: теория, институты отношения (сравнительно-правовое исследование). М.: Юрист, 2001; Добрынин Н.М. Новый федерализм: модели будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2003; Он же. Федерализм: историко-методологические аспекты. Новосибирск, 2005; Глигич-Золотарева М.В. Теории и практика федерализма: системный подход. Новосибирск, 2009; Калининцева А.С. Симметричная и асимметричная модели федеративных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14; Бутенко А.В. К вопросу о современной модели российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10; Шайхеев Т.И. Российский федерализм: особенности конституционной модели и проблемы ее практической реализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6; Гошуляк В.В. Конституционная модель российского федерализма в перспективе решений Венецианской комиссии // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9 и др.

² Как известно, к основам конституционного строя России относятся такие базовые принципы федерализма, как равноправный статус субъектов Российской Федерации и их равноправие между собой во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти, государственная целостность Российской Федерации, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации, равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации.

³ См. подробнее, например: Праскова С.В. О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543-1551.

⁴ Проект федерального закона № 1051718-7 «О федеральной территории «Сириус» – внесен в Государственную Думу 9 ноября 2020 года сенатором Российской Федерации А.А. Клишасом и депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым, размещен в системе СОЗД на официальном интернет-сайте Государственной Думы. В законопроекте предусматривается, что «федеральной территорией «Сириус» признается имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование, в котором в соответствии с данным Федеральным законом в целях обеспечения комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, повышения ее инвестиционной привлекательности, необходимости сохранения олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, создания благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации устанавливаются особенности организации публичной власти и осуществления экономической и иной деятельности».

и приложений 1 и 2 к нему, в которых приводятся картографическое и текстовое описание территории «Сириуса», позволяет прийти к выводу, что предлагается второй вариант – просто выведение из-под юрисдикции региональной власти. Однако полагаем, что это следует более четко и однозначно прописать в предлагаемых нормах, а также дать четкий ответ на вопрос, каким образом федеральная территория, находящаяся на территории субъекта Российской Федерации, должна быть отражена в его конституции или уставе (в рассматриваемом случае – в Уставе Краснодарского края).

В целом отметим, что появление федеральных территорий (а в дальнейшем возможно создание какого угодно их количества) ставит и перед российской юридической наукой, и перед законодателем задачу глубокой проработки их правовой и организационной природы и всех необходимых механизмов, которые позволят органично встроить их особенности в систему российского законодательства (разных отраслей, в том числе бюджетного, налогового и т.д.) и систему федеративных отношений.

2. Усиление «вертикальных связей» и «горизонтальной координации» в рамках единой системы публичной власти.

Помимо оставшейся неизменной нормы части 2 статьи 77 федеральной Конституции, согласно которой в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации, в основном законе также появилось положение о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в **единую систему публичной власти** в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (часть 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации). Также предусмотрено, что особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом (часть 3 статьи 131 Конституции Российской Федерации) [15].

Обновленные конституционные нормы дают основание в **правовую концепцию федерализма на современном этапе в большей степени включать и уровень местного самоуправления**, механизмы его взаимодействия с двумя уровнями государственной власти. Согласимся с А.В. Бутенко, который пишет, что «авторами при рассмотрении современных

моделей федерализма вопросу о взаимоотношениях центральной власти с местным самоуправлением не уделяется внимания. Однако местное самоуправление является третьим уровнем, которым реализуются публично-властные полномочия, в том числе и в отношении центральной власти, поэтому не принимать его во внимание – значит совершать ошибку» [1].

Реализация названного конституционного новшества предполагает, на наш взгляд, развитие **механизмов координации** усилий органов власти всех уровней, консолидации используемых ресурсов (не нарушающих, конечно, принцип бюджетной самостоятельности публично-правовых образований).

Центральным институтом такой координации, исходя из обновленных конституционных норм, послужит **Государственный Совет Российской Федерации**.

Согласно принятому федеральному закону об этом органе¹ Государственный Совет является конституционным государственным органом, формируемым Президентом Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства [6].

Не случайно именно в этом новом Федеральном законе в развитие конституционных норм закрепляется **определение понятия единой системы публичной власти**, под которой понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства [7].

Это представляет собой, по сути, квинтэссенцию взаимоотношений между публично-правовыми образованиями в рамках современного российского федерализма. Образно говоря, эпоха децентрализации

¹ Проект федерального закона № 1036217-7 «О Государственном Совете Российской Федерации» был внесен в Государственную Думу Президентом Российской Федерации 14 октября 2020 года, принят в третьем чтении Государственной Думой 25 ноября 2020 года, одобрен Советом Федерации 2 декабря 2020 года, размещен в системе СОЗД на официальном интернет-сайте Государственной Думы.

функций и полномочий сменяется эпохой **федеративной централизации**, которая, не посягая на природу равноправных и самостоятельных в конституционных рамках субъектов Федерации, предполагает гораздо большую консолидацию и скоординированность функций, полномочий и обеспечивающих их реализацию ресурсов Федерации, регионов и муниципалитетов.

3. Развитие инструментов бюджетного федерализма.

Важной составной частью федеративных отношений является бюджетный федерализм¹.

В последние годы наблюдается развитие механизмов выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Совершенствуются порядок и сроки предоставления бюджетам регионов и муниципалитетов из федерального бюджета бюджетных кредитов на пополнение остатков средств на счете бюджета. Значимым нововведением 2020 года является возможность предоставления «горизонтальных» бюджетных кредитов из бюджета субъекта Российской Федерации бюджету другого субъекта Российской Федерации на срок до трех лет, а также «горизонтальных» бюджетных кредитов из бюджета одного муниципального образования бюджету другого муниципального образования, входящих в состав одного субъекта Российской Федерации.

Эти и другие инструменты служат повышению бюджетной обеспеченности публично-правовых образований и совместному эффективному исполнению ими социально-значимых функций и полномочий [11].

Таким образом, конституционная модель российского федерализма, сохраняя прежние базовые контуры, на современном этапе своего развития **значительно совершенствуется**.

Представляется важным высказать следующее **предложение**: по нашему мнению, необходимо **усиливать координацию стратегического планирования, осуществляемого на всех трех уровнях публичной власти** в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации»².

Стратегии, программы, прогнозы и другие документы стратегического планирования субъектов Российской Федерации должны быть в большей степени скорреспондированы с документами федерального уровня, а также при их подготовке следует в большей мере учитывать аналогичные документы соседних ре-

гионов.

В свою очередь документы стратегического планирования, принимаемые в муниципалитетах, должны «взаимоувязываться» по целям, задачам и ключевым ориентирам с документами соответствующих субъектов Российской Федерации, а также при их подготовке следует в большей мере учитывать аналогичные документы соседних муниципальных образований.

Реализация этого предложения позволит усилить положительные эффекты вышеназванных новых тенденций развития модели российского федерализма, будет способствовать социально-экономическому развитию регионов и муниципалитетов и в целом – гармонизации федеративных отношений.

Литература

1. Бутенко А.В. К вопросу о современной модели российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 25-29.
2. Гошуляк В.В. Конституционная модель российского федерализма в перспективе решений Венецианской комиссии // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9.
3. Глигич-Золотарева М.В. Теории и практика федерализма: системный подход. Новосибирск, 2009.
4. Добрынин Н.М. Новый федерализм: модели будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2003.
5. Добрынин Н.М. Федерализм: историко-методологические аспекты. Новосибирск, 2005.
6. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Проблемы реализации конституционных норм в современной России в свете новых конституционных поправок. В сборнике: Конституционализм и правоохранительная деятельность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Составитель С.Ю. Андрейцо. 2020. С. 76-81.
7. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Деятельность органов публичной власти в рамках предстоящей конституционной реформы в современной России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 3. С. 38-42.
8. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Теоретико-правовые аспекты обеспечения государственной и общественной безопасности России. В сборнике: Войска национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности. 2019. С. 75-80.
9. Калиничева А.С. Симметричная и асимметричная модели федеративных отношений // Конституционное и муниципальное право.

¹ См. подробнее, например: Лагутин И.Б. Особенности региональных бюджетных отношений и развитие российской модели бюджетного федерализма // Финансовое право. 2012. № 8. С. 15-18.

² Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.06.2014.

2008. № 14.
10. Лагутин И.Б. Особенности региональных бюджетных отношений и развитие российской модели бюджетного федерализма // Финансовое право. 2012. № 8. С. 15-18.
 11. Лучин В.О., Эбзеев Б.С., Хазов Е.Н. и др. Конституционное право России. Под научной редакцией В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева; под общей редакцией Е.Н. Хазова, Н.П. Чепурновой, А.С. Прудникова. Москва, 2020.
 12. Праскова С.В. О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543-1551.
 13. Топорнин Б.Н. Федерализм: теория, институты отношения (сравнительно-правовое исследование). М.: Юрист, 2001.
 14. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2000.
 15. Хазов Е.Н., Зинченко Е.Ю., Померлян А.Н. и др. Внесение изменений в Конституцию Российской Федерации (конституционные поправки-2020) / Новосибирск, 2020.
 16. Шайхеев Т.И. Российский федерализм: особенности конституционной модели и проблемы ее практической реализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6.
 17. Эбзеев Б.С., Лучин В.О., Белоновский В.Н. и др. Актуальные проблемы конституционного права России. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2019.
 - methodological aspects. Novosibirsk, 2005.
 6. Zinchenko E.Yu., Khazov E.N. Problems of implementation of constitutional norms in modern Russia in the light of new constitutional amendments. In the collection: Constitutionalism and law enforcement. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Compiled by S. Y. Andreyzo. 2020. pp. 76-81.
 7. Zinchenko E.Yu., Khazov E.N. Activity of public authorities in the framework of the upcoming constitutional reform in modern Russia // International Journal of Constitutional and State Law. 2020. No. 3. pp. 38-42.
 8. Zinchenko E.Yu., Khazov E.N. Theoretical and legal aspects of ensuring state and public security in Russia. In the collection: National Guard troops in the system of ensuring state and public security. 2019. pp. 75-80.
 9. Kalinicheva A.S. Symmetric and asymmetric models of federal relations // Constitutional and Municipal law. 2008. No. 14.
 10. Lagutin I.B. Features of regional budget relations and the development of the Russian model of budget federalism. 2012. No. 8. pp. 15-18.
 11. Luchin V.O., Ebzeev B.S., Khazov E.N., etc. Constitutional Law of Russia. Under the scientific editorship of V.O. Luchin, B.S. Ebzeev; under the general editorship of E.N. Khazov, N.P. Chepurnova, A.S. Prudnikov. Moscow, 2020.
 12. Praskova S.V. On federal territorial units // Actual problems of Russian law. 2013. No. 12. pp. 1543-1551.
 13. Topornin B.N. Federalism: theory, institutions of relations (comparative legal research). Moscow: Yurist, 2001.
 14. Umnova I.A. Constitutional foundations of modern Russian federalism. Moscow: Delo, 2000.
 15. Khazov E.N., Zinchenko E.Yu., Pomerlian A.N., etc. Introduction of amendments to the Constitution of the Russian Federation (constitutional amendments-2020) / Novosibirsk, 2020.
 16. Shaikheev T.I. Russian federalism: features of the constitutional model and problems of its practical implementation // State power and local self-government. 2015. No. 6.
 17. Ebzeev B.S., Luchin V.O., Belonovsky V.N., etc. Actual problems of the constitutional law of Russia. 2nd ed., reprint. and add. Moscow, 2019.

References

1. Butenko A.V. On the question of the modern model of Russian federalism // Constitutional and Municipal Law. 2012. No. 10. pp. 25-29.
2. Goshulyak V.V. The constitutional model of Russian federalism in the perspective of the decisions of the Venice Commission // Constitutional and Municipal Law. 2019. № 9.
3. Gligich-Zolotareva M.V. Theory and practice of federalism: a systematic approach. Novosibirsk, 2009.
4. Dobrynin N.M. New federalism: models of the future state structure of the Russian Federation. Novosibirsk, 2003.
5. Dobrynin N.M. Federalism: historical and

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТМЕНЕ ГРАЖДАНСТВА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Валентина Львовна Казакова, соискатель кафедры конституционного и муниципального права
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: vlkazakova@yandex.ru
Научный руководитель: доктор юридических наук В.И. Червонюк

Аннотация. Анализируется современное состояние законодательства об отмене гражданства и практики его применения. В контексте конституционно определенных ценностей обоснована необходимость усовершенствования законодательной конструкции отмены гражданства. В этой связи предлагается включить в разрабатываемый проект закона о гражданстве ряд новелл, содействующих, по мнению автора, усилению материально-правовых и процессуально-правовых гарантий, исключающих принятие на практике необоснованных (неправовых) решений об отмене гражданства. Обращено внимание на актуальность разрешения в новом законодательстве о гражданстве получившей на практике распространение проблемы изъятия паспорта гражданина Российской Федерации у лиц, которые в установленном порядке не приобрели гражданство и в отношении которых вынесено заключение об отсутствии российского гражданства. Презюмируется, что правовые последствия изъятия паспорта аналогичны случаям отмены гражданства.

Ключевые слова: гражданство, натурализация, денатурализация, основания отмены гражданства, пресекаемые сроки при отмене гражданства, действительность акта об отмене гражданства, правовые последствия отмены гражданства, изъятие паспорта гражданина Российской Федерации.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS OF LEGISLATION ON THE ABOLITION OF CITIZENSHIP AND THE PRACTICE OF ITS APPLICATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Valentina L. Kazakova, Degree Applicant at the Department of Constitutional and Municipal Law
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: vlkazakova@yandex.ru
Scientific supervisor: Doctor of Legal Sciences V.I. Chervonyuk

Abstract. The article presents an analysis of the current state of legislation on the abolition of citizenship and the practice of its application. In the context of constitutionally defined values, the need to improve the legislative design of the abolition of citizenship is justified. In this regard, it is possible to include a number of novelties in the draft law on citizenship that contributes to the strengthening of substantive and procedural legal guarantees that exclude the adoption in practice of unreasonable (illegal) decisions to abolish citizenship. Attention to the relevance of the permit in the new legislation on citizenship, which in practice spread the problem of withdrawing the passport of a citizen of the Russian Federation, was drawn. The article presumes that the legal consequences of the withdrawal of a passport are similar to cases of revocation of citizenship.

Keywords: citizenship, naturalization, denaturalization, basis for revocation of citizenship, time limits for revocation of citizenship, validity of act on revocation of citizenship, legal consequences of revocation of citizenship, withdrawal of passport of citizen of the Russian Federation.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Казакова В.Л. Конституционно-правовой анализ законодательства об отмене гражданства и практики его применения: проблемы и пути решения. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):51-5.

Гражданство как неотъемлемая составляющая бытия цивилизованного человека свидетельствует о его принадлежности к определенному государству, наличию права говорить на языке своей страны и проживать

на ее территории. При этом самой распространенной формой права на гражданство является его признание в результате рождения либо в силу обстоятельств, которые определены законодательством государства (например, наличие определенных условий на день вступления в силу нормативных правовых актов). Современные миграционные процессы свидетельствуют о глобальном перемещении лиц из одного государства в другое, в результате чего становится востребованной другая форма права на гражданство, его приобретение (натурализация). Приобретение гражданства возможно при совокупности определенных оснований и условий, для чего лицу необходимо совершить предписанные законодательством определенные действия, представляющие в своем единстве сложный юридический факт, или фактический состав. Приобретение гражданства невозможно без волеизъявления лица.

При анализе законодательства о гражданстве различных государств обращает на себя внимание то обстоятельство, что подходы, связанные с приобретением гражданства (натурализацией) очень сопоставимы, а с денатурализацией значительно различаются. И это, прежде всего, связано и используемой терминологией, такой как «утрата гражданства», «лишение гражданства», «отмена решения о приобретении гражданства», «прекращение гражданства». Каждый термин подразумевает определенный инструментарий, закрепленный в законодательстве.

Российское законодательство определяет денатурализацию, как отмену решения о приобретении гражданства. Натурализация осуществляется полномочными органами, ведающими делами о гражданстве, которые определены ст. 28 Федерального закона от 31 мая 2002 г. «О гражданстве Российской Федерации» № 62-ФЗ (далее – Федеральный закон № 62-ФЗ)¹. К полномочным органам Законом отнесены: Президент Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации и его территориальные органы и Министерство иностранных дел и его учреждения, находящиеся за пределами Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации в ст. 6 закрепляет, что гражданство Российской Федерации является единым и равным, независимо от оснований его приобретения. Однако, если гражданство Российской Федерации было определено в результате признания, то его изменение возможно только по волеизъявлению самого гражданина.

Приобретение гражданства при определенных обстоятельствах не исключает его денатурализацию, то есть принятие решения об отмене гражданства, исходя из воли государства. Отмена решения о приобретении гражданства на территории России возможна исключительно по основаниям, предусмотренным

ст. 22 Федерального закона № 62-ФЗ:

- во-первых, если установлено, что решение о приобретении гражданства принято на основании представленных заявителем подложных документов. Например, в ходе дополнительных проверок по запросам заинтересованных уполномоченных органов по истечении некоторого времени будет определено, что документ об образовании или сертификат о знании русского языка является поддельным;
- во-вторых, сообщение заявителем ложных сведений. Как правило, это связано с информацией о своей личности: установочные данные, принадлежность к гражданству того или иного государства;
- в-третьих, отказ от принесения присяги, например, по соображениям веры. В соответствии со статьей 37 Федерального закона № 62-ФЗ датой приобретения гражданства считается дата принесения присяги, за исключением случаев, когда лицо освобождено от принесения присяги в соответствии с законодательством;
- в-четвертых, вступление в законную силу приговора суда о совершении лицом хотя бы одного преступления террористического или экстремистского характера (ч. 2 ст. 22 Федерального закона № 62-ФЗ). Данная норма, которая установлена вступившим в силу с 1 сентября 2017 г. Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», к сообщению заявителем ложных сведений в отношении обязательств соблюдать Конституцию Российской Федерации приравняла установление вступившим в законную силу приговора суда факта совершения лицом хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, ч. 2 ст. 205.2, ст.ст. 205.3 – 205.5, 206, 208, ч. 4 ст. 211, ст.ст. 281, 282.1 – 282.3 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст.ст. 277 – 279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности².

Отмена решения о приобретении гражданства осуществляется тем же полномочным органом, который

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2031.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (Часть I), ст. 4792.

принял решение о приобретении гражданства Российской Федерации. Это обусловлено тем, что основания для отмены решения о приобретении гражданства идентичны отдельным основаниям отклонения заявлений о приеме в гражданство Российской Федерации (ст. 16 Федерального закона № 62-ФЗ). При рассмотрении заявления о приобретении гражданства правоприменитель обязан исследовать все представленные заявителем документы, изложенные в заявлении сведения, а также соответствие условий тем основаниям, которые определены законодателем как основания приобретения гражданства.

Также следует учитывать, что в отличие от норм ст. 24 Закона Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации», ст.ст. 22 («Основания отмены решений по вопросам гражданства Российской Федерации») и 23 («Порядок отмены решений по вопросам гражданства Российской Федерации и последствия такой отмены») Федерального закона № 62-ФЗ, не содержат пресекательных сроков для отмены ранее принятых решений о приобретении гражданства Российской Федерации. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в соответствии с ч. 2 ст. 23 Федерального закона № 62-ФЗ, решение по вопросам гражданства в случае отмены считается недействительным со дня принятия такого решения.

С 2018 года по ноябрь 2020 года территориальными органами МВД России отменено 622 решения о приобретении гражданства Российской Федерации, из них 42 в отношении лиц, совершивших преступления (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренные статьями 205, 205.1, частью второй статьи 205.2, статьями 205.3 – 205.5, 206, 208, частью четвертой статьи 211, статьями 281, 282.1 – 282.3 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации. Отдельно по годам это выглядит следующим образом: за 2018 год отменено 197 решений из них 10 по выше обозначенным обстоятельствам, в 2019 года из 241 решения 13 и в 2020 году из 184 решений 19¹.

Анализ статистических данных и, непосредственно, самих решений об отмене решения о приобретении гражданства, свидетельствует о том, что на протяжении нескольких лет отмена решения о приобретении гражданства осуществлялась на основании установления судами факта предоставления ложных сведений. При этом выявленные «ложные» сведения не имеют ничего общего с основанием приобретения гражданства. Например, гражданка Украины Л. при заполнении заявления о приобретении гражданства не указала сведения о браке и двух детях, гражданин Азербайджана А. также не указал в заявлении сведения о браке, гражданин Таджикистана Ш. не указал сведения о жене и детях. Данные обстоятельства, как

правило, обнаруживаются спустя много лет, например, при обращении гражданина с заявлением о приобретении гражданства детьми.

В своих Определениях Конституционный Суд Российской Федерации от 25 октября 2016 г. № 2211-О, от 15 января 2019 г. № 267-О, обращает внимание на то обстоятельство, что «предоставление подложных документов или сообщение заведомо ложных сведений в заявлении о приеме в гражданство Российской Федерации, выявленные после его приобретения, влекут отмену решения о приеме в гражданство Российской Федерации лишь при установлении соответствующих фактов в судебном порядке». Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации уточняет, что такое установление не является безусловным основанием для отмены решения о приеме в российское гражданство, поскольку из содержания чч. 1 и 2 ст. 22 Федерального закона № 62-ФЗ вытекает, что они распространяются только на случаи, когда отсутствовали законные основания для приобретения российского гражданства и возникновения устойчивой правовой связи лица с Российской Федерацией, выражающейся в совокупности их взаимных прав и обязанностей (ст. 3 Федерального закона № 62-ФЗ).

Иными словами необходима проверка законности и обоснованности правоприменительных актов и оценка того, является ли установленный в судебном порядке факт сообщения заявителем ложных сведений об отсутствии близких родственников достаточным основанием для отмены решения о его приеме в гражданство Российской Федерации. Немаловажным является и временной фактор, то есть срок, прошедший с момента приобретения российского гражданства. Необдуманные действия и формальный подход порождает нарушение конституционных прав лиц, которые приобрели гражданство Российской Федерации.

В настоящее время с учетом реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 гг. (далее – Концепция)² Положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325 (в действ. ред.)³, определен перечень подложных документов и заведомо ложных сведений, а именно:

документы, содержащие недостоверную информацию о заявителе (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, гражданство либо отсутствие гражданства);

подложные документы о наличии установленных Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» оснований и соблюдении условий приобретения или прекращения гражданства Российской Федерации

¹ <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 45, ст. 6917.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 26, ст. 4085.

Федерации либо заведомо ложные сведения об этом (при отсутствии таких оснований и несоблюдении таких условий);

подложные документы об отсутствии предусмотренных статьями 16 и 20 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» оснований отклонения заявлений об изменении гражданства Российской Федерации либо заведомо ложные сведения об этом (при наличии таких оснований).

В июле 2017 года в Федеральный закон № 62-ФЗ была введена норма, позволяющая отменять решение о приеме в гражданство Российской Федерации лица, в отношении которого вступил в законную силу приговор суда об осуждении такого лица за совершение преступления террористической или экстремистской направленности (Федеральный закон № 243-ФЗ)¹.

Конституцией Российской Федерации определено, что законы, устанавливающие или изменяющие ответственность, должны соответствовать конституционным правилам действия во времени: закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет; никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением (чч. 1 и 2 ст. 54).

В этой связи общим (основным) принципом действия закона во времени является распространение его на отношения, возникшие после введения его в действие, и только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые основания, которые возникли до введения соответствующих норм в действие, то есть придать закону обратную силу. При этом установление правил действия новых норм во времени и по кругу лиц, закрепляющих, либо изменяющих права граждан, должно осуществляться законодателем с соблюдением требований Конституции Российской Федерации (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.2005 г. № 7-О).

Указанному требованию корреспондирует норма ч. 1 ст. 38 Федерального закона № 62-ФЗ, согласно которой, копии вступившего в законную силу приговора осуждения лица за совершение одного из предусмотренных ч. 2 ст. 22 Федерального закона № 62-ФЗ преступлений (приготовление к преступлению или покушение на преступление) направляются судом первой инстанции в полномочные органы, ведающие делами о гражданстве Российской Федерации, в пятидневный срок со дня вступления в законную силу.

Итак, лицо приобрело гражданство, имеет устойчивую правовую связь с государством. На протяжении нескольких лет (отсчитывая с 6 февраля 1992 года, это может быть 28 лет), такой гражданин России

имел права, исполнял обязанности. Отмена решения о приобретении гражданства в своих последствиях порождает не только проблему, связанную с конституционно-правовым статусом самого лица, но несет определенную угрозу государственно-правовым отношениям, участником которых он являлся. Например, лицо, в отношении которого отменено решение о приобретении гражданства было назначено судьей, прокурором, нотариусом и т. д. От имени государства выносились приговоры и реализовывались другие властные полномочия.

Кроме того, данное лицо, находясь в статусе российского гражданина могло получать различные социальные блага такие как, выплаты в виде пособий, материнского капитала, пенсии, оказания медицинской помощи, льготного налогообложения, бесплатного высшего образования. Учитывая, что отмена решения о приеме в гражданство фактически «обнуляет» правовое положение лица, «обнуляются» и все действия, совершенные в статусе гражданина Российской Федерации. В действующем Федеральном законе № 62-ФЗ правовые последствия отмены решения о приобретении гражданства не нашли своего отражения.

С учетом реализации Концепции в настоящее время ведется подготовка проекта федерального закона², которым будут регулироваться правоотношения в сфере гражданства. И? безусловно, в данном проекте должны найти решения следующие проблемные вопросы.

Во-первых, в разрабатываемом проекте федерального закона необходимо четко определить правовой статус лица после отмены решения о приобретении гражданства. Например, предоставление права постоянного проживания на территории Российской Федерации с четкой регламентацией оформления данного статуса. При этом, если отменено решение о приобретении гражданства в отношении лица без гражданства, которое осуждено за совершение преступления террористического или экстремистского характера, статус постоянного проживания он получить не сможет из-за наличия оснований отклонения его заявления из-за совершения преступлений. Но и покинуть территорию Российской Федерации будучи лицом без гражданства он также не сможет. Для такой категории, МВД России совместно с федеральными органами исполнительной власти подготовлен законопроект об удостоверении личности лица без гражданства. В настоящее время законопроект находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации.

Во-вторых, необходимо закрепить действительность изданных актов лица, которые могут иметь

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (Часть I), ст. 4792.

² Такая задача поставлена в Перечне поручений Президента Российской Федерации по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. (утв. Президентом РФ 06.03.2020 № Пр-469) (<http://www.kremlin.ru> по состоянию на 10.03.2020).

юридически значимые последствия. А также, в зависимости от основания отмены решения о приобретении гражданства, предусмотреть возможность предъявления гражданского иска от имени государства по возмещению затрат, которые государство потратило на данное лицо. Такие меры могут способствовать минимизации предоставления лицом ложных сведений или подложных документов.

В-третьих, необходимо определить различные сроки повторного обращения с заявлением о приобретении гражданства исходя из конкретных обстоятельств отмены решения. В большинстве случаев, отмена решения о приобретении гражданства с учетом действующего законодательства позволяет лицу через год обратиться в компетентные органы с новым заявлением о приобретении гражданства. Такой подход фактически сводит на нет все предыдущие действия должностных лиц.

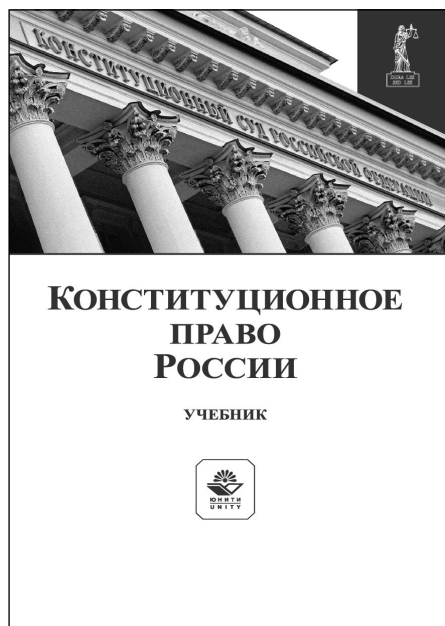
В-четвертых, отменяя решение о приеме в гражданство в отношении лица, которое становится лицом без гражданства мы вступаем в некоторое конституционно-правовое противоречие. Несмотря на то, что Российская Федерация не является участником Конвенции о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 г., в соответствии с ч. 6 ст. 4 Федерального закона № 62-ФЗ Российская Федерация поощряет приобретение гражданства Российской Федерации лицами без гражданства, проживающими на территории Российской Федерации.

В-пятых, необходимо определить пресекательный срок отмены решения о приобретении гражданства в

зависимости от имеющихся оснований. Представляется неоправданной отмена решения о приобретении гражданства лицом, особенно по отдельным основаниям, когда прошло определенное количество лет и налицо устойчивая правовая связь между гражданином и государством. Срок исковой давности имеет место быть даже по тяжким преступлениям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Еще одна проблема, которая остро стоит на повестке дня, косвенно связана с вопросом отмены решения о приобретении гражданства. Это изъятие паспорта гражданина Российской Федерации у лица не приобретшего гражданства и в отношении которого вынесено заключение об отсутствии гражданства. Эта тема неоднократно затрагивалась Верховным Судом Российской Федерации (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2006 г. № КАС06-300, Решение Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2006 г. № ГКПИ06-337, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2007 г., Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27 августа 2007 г. ГПИ07-787). Несмотря на нормативное закрепление в Федеральном законе № 62-ФЗ (глава VIII.1)¹ механизма урегулирования правового статуса этой категории лиц, правовые последствия изъятия паспорта аналогичны выше указанным проблемам и требуют своего разрешения в проекте федерального закона по вопросам гражданства.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 30, ст. 4138.

Конституционное право России. Учебник. Под науч. ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина; под общ. ред. К.К. Гасанова, Л.Т. Чихладзе. 471 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Марат Вильданович Саудаханов, кандидат юридических наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: viento_del_norte@bk.ru

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,

Заслуженный юрист РФ **Б.С. Эбзеев**

Аннотация. Рассмотрены конституционные положения и научные публикации по указанному вопросу. Показана важность взаимодействия социально-экономических прав человека с институтами социального государства в России. Особое внимание уделено анализу поправок, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г., касающихся существа социально-государства. Раскрыта авторская позиция о тенденции взаимоотношений социально-экономических прав и свобод человека и социального государства.

Ключевые слова: социальное государство, социально-экономические права, конституционный строй, поправки к Конституции, принципы социального государства.

SOCIO-ECONOMIC RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN AND THE SOCIAL STATE

Marat V. Saudakhanov, Candidate of Legal Sciences

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: viento_del_norte@bk.ru

Scientific consultant: Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **B.S. Ebzeev**

Abstract. The article analyzes the constitutional provisions and scientific publications on this issue. The importance of the interaction of socio-economic human rights with the institutions of the social state in Russia is shown. Special attention is paid to the analysis of the amendments made to the Constitution of the Russian Federation in 2020 concerning the essence of the social state. The author's position on the trend of the relationship between socio-economic rights and freedoms of a person and the social state is revealed.

Keywords: social state, socio-economic rights, constitutional system, amendments to the Constitution, principles of the social state.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Саудаханов М.В. Социально-экономические права и свободы человека и гражданина и социальное государство. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):56-9.

Постановка проблемы. В социальных государствах особенно заметна тесная взаимосвязь между социально-экономическими правами и функционированием государства, его органов власти. И там, где ее нет, нередко возникают проблемы. Так, некоторые авторы отмечают, что современная мировая конституционная практика «отчетливо демонстрирует, что практически все внутренние кризисы в государствах

обусловлены в той или иной степени проблематикой социальной справедливости. Подлинные массовые протестные акции граждан, часто следующие за этим легитимная смена власти или государственные перевороты, имеют под собой экономическую основу, детерминирующую выдвижение проблематики социальной справедливости на первый план» [8, с. 36].

Вместе с тем, в отечественном законодательстве

подобная взаимосвязь урегулирована недостаточно. Да и в конституционно-правовой литературе взаимосвязь социально-экономических прав с функционированием государства изучены не в полной мере.

Анализ последних исследований и публикаций.

Большинство авторов, которые проводят исследования в данной сфере, пишут либо преимущественно о социально-экономических правах [1; 2; 5, с. 137-141], либо только о социальном государстве [4, с. 14; 6; 7; 9]. Практически нет публикаций о взаимосвязи между правами человека и функционированием социального государства. Вышеозначенная проблема в указанной сфере делает актуальной необходимость проведения специального исследования для выработки предложений по ее разрешению.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Как видно из содержания предыдущего абзаца, большинство публикаций, посвященных особенностям социального государства, исследуют отдельно признаки и природу указанного государства и отдельно социально-экономические права, которые это государство регулирует, гарантирует и обеспечивает.

Формулирование целей статьи. Поэтому автор статьи поставил задачу проанализировать социально-экономические права и свободы человека и гражданина в их взаимосвязи с деятельностью органов власти социального государства.

Изложение основного материала. Конституционно-правовая реализация теории социального государства началась сравнительно недавно. Одной из первых реализацию указанной теории провозгласила Конституция Германии 1949 г., п. 1 ст. 20 которой установила, что «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством»¹.

За столь короткий промежуток времени не могло сложиться ни единообразного конституционного закрепления данного института, ни единой научной концепции социального государства. Например, в России в отличие от Германии ч. 1 ст. 7 Конституции провозглашает: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»².

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в науке. Одни авторы рассматривают социальное государство и социальный характер государства как синонимы: «Социальное государство или социальный характер государства является системно-функциональной характеристикой, не имеющей мирового эталона и получившей теоретически проработанную сигнатуру

лишь с признанием демократии как «единственного и правильного» режима управления» [8, с. 37].

Другие авторы считают, что основное содержание социального государства «может быть сведено к конституированию самостоятельной социальной функции Российского государства» [4, с. 15-16].

Третьи – что «это – государство, которое несет ответственность за достойное существование общества, влияет на распределение экономических благ в духе принципов справедливости, для обеспечения каждому человеку достойной жизни и свободного развития, подчеркивает существование обязанностей по отношению к другим людям и обществу в целом, предоставляет социальную защиту малоимущим и социально уязвимым гражданам (инвалидам, старикам, детям и т.д.), проводит социальную политику, признающую за каждым членом общества право на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания его самого и его семьи» [7, с. 7-8].

Если не вдаваться в детали, то подобные концепции с той или иной степенью подробности говорят об одном: социальное государство – государство-благодетель, заботящийся об обеспечении минимально приемлемого уровня жизни для подавляющего большинства населения.

Кроме того, подобные концепции вольно или невольно толкают граждан (в том числе здоровых, активных и трудоспособных) на иждивенчество и роль потребителей готового. Другими словами, между социальным государством в таком его понимании и гражданами неминуемо возникает взаимное отчуждение.

Тем более что в отечественной конституционно-правовой литературе сложились разные понятия о социально-экономических правах. Например, одни авторы косвенно способствуют указанному в предыдущем абзаце взаимному отчуждению, когда считают, что социальное государство обязано материальными, юридическими и другими гарантиями обеспечить всех рабочими местами и всеобщей занятостью³.

Хотя можно частично согласиться с авторами, которые выделяют два полярных взгляда на содержание социально-экономических прав в зависимости от признания национальным законодательством социальных международных стандартов в области прав человека. Первый взгляд сводится к тому, что большая часть стран-участников международных договоров не принимала участия в их разработке, а их признание – вынужденная мера и, как следствие, фиктивная реализация. Второй взгляд состоит в необходимости включения положений международных стандартов в «национальную правовую систему и обеспечение их

¹ URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/BRD.HTM> [Электронный ресурс] (дата обращения 25.02.2021 г.).

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [Электронный ресурс] (дата обращения: 25.02.2021 г.).

³ См., например: Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д.ю.н., проф. Ю.И. Лейбо и д.ю.н., проф. Л. М. Энтина. М.: Норма, 2004. С. 89–90.

национальной и международной защиты в случае нарушения» [8, с. 37].

Второй взгляд представляется более жизнеспособным и востребованным обществом, поскольку присоединение к национальному праву международных стандартов в области прав человека не только обогащает национальное законодательство и правоприменение в данной сфере, но и предоставляет дополнительные возможности активным гражданам для реализации (тем более самореализации) в разных формах своих потребностей и талантов в экономической сфере.

Эффект от реализации функций социального государства и потребностей индивида значительно усилится при объединении их усилий. Имеется в виду существенное изменение законодательства, нацеленного на солидарное созидание в социально-экономической сфере государства, общества и человека. Чтобы социальное государство было не только и не столько распределителем материальных и социальных благ, а человек – не пассивным их потребителем.

Значительный вклад в создание новой модели социального государства и социального солидарного партнерства «государство – общество – человек» внес своими постановлениями Конституционный Суд РФ. В частности, в постановлениях от 24 января 2002 года № 3-П¹, от 15 марта 2005 года № 3-П², от 14 июля 2020 г. № 35-П³ Суд сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой федеральный законодатель должен обеспечивать баланс конституционных прав и свобод, справедливое согласование прав и законных интересов участников социально-экономических отношений в целях их гармонизации в Российской Федерации как социальном правовом государстве. Именно солидарное социальное партнерство трех наиболее заинтересованных субъектов: государства, общества и индивида – через активное их сотрудничество и взаимодействие позволяет в максимальной степени обеспечить социальную гармонию экономических отношений.

О том, что представления о социальном государстве в России и месте в нем человека, его социально-экономических прав и свобод начали изменяться свидетельствуют некоторые преобразования в государственной социальной политике. Например, заместитель министра труда и социальной защиты России А. Черкасов в выступлении в 2019 г. на 57-й сессии Ко-

миссии социального развития ООН отметил положительные сдвиги по сокращению неравенства в доходах в России во многом за счет повышения минимального размера оплаты труда, который сейчас установлен в размере прожиточного минимума трудоспособного населения. На это направлена также реализация 12 национальных проектов⁴.

А также поправки, внесенные в 2020 г. в Конституцию РФ. Например, новая редакция п. 6 ст. 75, в котором речь идет о действующих в России принципах всеобщности, справедливости и солидарности. Кроме того, положения новой ст. 75.1 Конституции РФ, в соответствии с которой в России создаются условия для повышения благосостояния граждан, взаимного доверия государства и общества, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность⁵.

Вместе с тем, поскольку значительная часть отношений в экономической сфере, установленных Конституцией, требуют конкретизации текущим законодательством, судьба реализации конституционных изменений, касающихся сущности социального государства, будет во многом определяться тенденцией законодательного регулирования.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. Таким образом, с момента вступления в силу Конституции РФ в 1993 г. в науке, текущем законодательстве произошли существенные изменения, касающиеся роли и места социального государства в жизни общества и человека.

Из государства-патрона, распределяющего социальные блага, социальное государство все больше становится государством-партнером гражданского общества. В основе такого государства, как мы уже отмечали, лежит солидарное социальное партнерство, которое значительно расширяет возможности самого государства за счет взаимодействия с институтами гражданского общества. Гражданское общество в целом, его институты и отдельные люди через участие в реализации социально-экономических вопросов становятся заинтересованными в достижении конкретных результатов, берут на себя определенную ответственность. А социально-экономические права и свободы человека и гражданина получают возможность более полной реализации. Поскольку индивид,

¹ СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35210/ [Электронный ресурс] (дата обращения 25.02.2021 г.).

² СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52349/ [Электронный ресурс] (дата обращения 25.02.2021 г.).

³ СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357300/ [Электронный ресурс] (дата обращения 25.02.2021 г.).

⁴ Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации URL: <https://mintrud.gov.ru/social/cooperation/219> [Электронный ресурс] (дата обращения 24.02.2021 г.).

⁵ Официальный сайт издания «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/10/824662-konstitutsiya-polniitekstoppravkami?fbclid=IwAR1ToGNhdJyCSrI84qR5iCJ83Zu1Os9LZPKRcTTrlwhdu1x_X_b-PhfZAM [Электронный ресурс] (дата обращения 24.02.2021 г.).

являясь участником производственного процесса и членом того или иного общественного объединения, становится активным и заинтересованным в повышении благосостояния.

Литература

1. Гвоздева О.М. Конституционные основы обеспечения реализации социально-экономических прав граждан на уровне субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.
2. Качур К.В. Конституционно-правовые гарантии права частной собственности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
3. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д.ю.н., проф. Ю.И. Лейбо и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004.
4. Невинский В.В. Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов // Российский юридический журнал. 2004. № 1.
5. Осавелюк А.М. Конституционно-правовое регулирование права частной собственности (духовно-нравственный аспект) // Конституция и экономика: мат. кругл. стола 1 окт. 2012 г. / Под ред. И.А. Алебастровой. М.: МГЮА, 2013.
6. Осавелюк А.М. Конституционные основы экономической системы России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 3. С. 5–8.
7. Старшова У.А. Конституционные основы социального государства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
8. Трусов Н.А., Цветков В.В. Отсутствие конституционно-правового регулирования форм взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления как негативный фактор в обеспечении социальных прав и свобод граждан // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии

МВД России. 2020. № 2 (50).

9. Шарков Ф.И. Основы социального государства. М., 2012.

References

1. Gvozdeva O.M. Constitutional foundations for ensuring the implementation of socio-economic rights of citizens at the level of the subject of the Russian Federation: abstract of the Cand. jurid. sciences'. Omsk, 2008.
2. Kachur K.V. Constitutional and legal guarantees of the right of private property in the Russian Federation: autoref. dis. ... cand. jurid. M., 2017.
3. Constitutional law of foreign countries: Textbook for universities / Under the general editorship of the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, prof. M.V. Baglaya, d.yu.n., prof. Yu.I. Leibo and d.yu.n., prof. L.M. Entin. M.: Norma, 2004.
4. Nevinsky V.V. Fundamentals of the constitutional system of the Russian Federation as a system of constitutional principles. 2004. № 1.
5. Osavelyuk A.M. Constitutional and legal regulation of the right of private property (spiritual and moral aspect) // Constitution and economy: mat. krugl. stolya 1 oct. 2012 / Ed. by I.A. Alabastrova. M.: MGyUA, 2013.
6. Osavelyuk A.M. Constitutional foundations of the economic system of Russia // International Journal of Constitutional and State Law. 2019. No. 3. pp. 5-8.
7. Starshova U.A. Constitutional foundations of the social state in the Russian Federation: abstract of the Cand. jurid. sciences'. Saratov, 2004.
8. Trusov N.A., Tsvetkov V.V. The lack of constitutional and legal regulation of forms of interaction between state authorities and local self-government bodies as a negative factor in ensuring social rights and freedoms of citizens. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2 (50).
9. Sharkov F.I. Fundamentals of the social state. Moscow, 2012.

Научная специальность 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право; международное частное право

ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПТИМАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С ПРОСТИТУЦИЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ольга Марковна Дорошенко, заместитель начальника кафедры педагогики, доцент кафедры частного права ГУУ, кандидат юридических наук, профессор РАЕ
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: olka-olga@yandex.ru

Аннотация. Проституция чрезвычайно разнообразна с точки зрения ее социальной организации и связанных с ней властных отношений. Практически в каждой стране мира существует иерархия как женской, так и мужской проституции, в том числе подростковой. Лица приходят к проституции как индивидуумы определенного возраста и с особыми личными историями и опытом, и это оставляет некоторых более открытыми для эксплуатации и более подверженными риску насилия и венерических заболеваний, чем других.

Ключевые слова: деятельность, подросток, поведение, сексуальность, наркотики, преступление, полиция.

LEGAL AND SOCIAL ASPECTS OF AN OPTIMAL STRATEGY TO COMBAT PROSTITUTION OF MINORS

Olga M. Doroshenko, Deputy Head of the Department of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Private Law of GUU, Candidate of Legal Sciences, Professor of RAE
Moscow University of MIA of Russia named after V.Ya. Kikot (117997, Moscow, Akademika Volgina st., 12)
E-mail: olka-olga@yandex.ru

Abstract. Prostitution is extremely diverse in terms of its social organization and related power relations. Almost every country in the world has a hierarchy of both female and male prostitution, including teenage prostitution. Individuals come to prostitution as individuals of a certain age and with special personal histories and experiences, and this leaves some more open to exploitation and more at risk of violence and sexually transmitted diseases than others.

Keywords: activity, teenager, behavior, sexuality, drugs, crime, police.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Дорошенко О.М. Правовые и социальные аспекты оптимальной стратегии борьбы с проституцией несовершеннолетних. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):60-2.

Проститутка – это любое лицо, которое занимается сексуальной деятельностью за плату. Такая деятельность зачастую незаконна и поэтому не регулируется. Уличные проститутки, например, определяются их готовностью садиться в автомобили или заходить в гостиничные номера с незнакомыми мужчинами и совершать половые акты в уединенных местах, вдали от свидетелей. Это увеличивает их подверженность потенциальным нападениям, изнасилованиям, грабёжам, похищениям и даже убийствам. Не говоря уже о рисках, связанных со злоупотреблением наркотиками и венерическими заболеваниями, которые образуют преступную и криминальную связь с проституцией.

Подростковая женская проституция во многих

случаях является печальным результатом жестокого обращения или пренебрежения. Молодые женщины с различными эмоциональными шрамами чувствуют себя никчемными, униженными и подавленными. Исследования показывают, что многие из этих молодых женщин проходили лечение от психических расстройств или злоупотребления психоактивными веществами в стационарных учреждениях и имеют более высокий уровень суицидальных мыслей или попыток [1, с. 19-23]. Многие из этих подростков имеют различные эмоциональные проблемы, которые заставляют их искать и участвовать в проституции (Wilson & Widom, 2009).

Проституция чрезвычайно разнообразна с точки

зрения ее социальной организации и связанных с ней властных отношений. Практически в каждой стране мира существует иерархия как женской, так и мужской проституции (West 1992, Agglton 1999). На их вершине находятся независимые, самостоятельно занятые взрослые проститутки, которые осуществляют относительно высокий уровень контроля в сделках с клиентами и чьи доходы относительно высоки. В их основе лежат индивидуумы, которые получают мало или вообще не получают никакого финансового вознаграждения от своей деятельности (проституции) и сами не осуществляют даже самый небольшой контроль над собой (например: контроль над использованием презервативов). Это может быть связано с тем, что они физически принуждаются к определенному режиму работы третьим лицом-сутенером или содержанием борделя, но это также может быть связано с тем, что крайняя экономическая и социальная маргинализация и/или молодежь, и/или наркомания делают их ужасно бессильными в рамках таких сделок.

Между этими двумя крайностями находятся проститутки, которые либо работают самостоятельно, либо вступают в какую-то форму трудовых отношений с третьим лицом. Степень контроля, который они осуществляют над тем, занимаются ли они проституцией. Когда, как часто и на каких условиях, варьируется в зависимости от целого ряда факторов, включая уровень их экономического отчаяния; договорную форму обмена проститутками и клиентами, в которую они вступают; и конкретный правовой, институциональный, социальный, политический и идеологический контекст, в котором они занимаются проституцией. Существуют, например, ситуации, в которых закон о проституции настолько жестко наказывает независимую проститутку, что он фактически действует как давление на проститутку, чтобы она вступала и оставалась в контролируемой третьей стороной проституции, независимо от того, насколько эксплуататорской может быть третья сторона. Точно так же в условиях, когда определенные социальные группы (например, женщины, дети, гомосексуалисты, мигранты, особые «касты» или расовые меньшинства), как правило, обесцениваются и/или лишаются полной юридической субъектности и/или независимого доступа к социальной поддержке, их уязвимость перед проституцией и третьими лицами эксплуатация и жестокое обращение внутри него усиливаются. Следует также отметить, что люди приходят к проституции как индивидуумы определенного возраста и с особыми личными историями и опытом, и это оставляет некоторых более открытыми для эксплуатации и более подверженными риску насилия и венерических заболеваний, чем других [2, с. 2-10].

Женщины из всех регионов мира сообщают, что сексуальная эксплуатация женщин и девочек растет. Во всем мире бордели и проституционные сети существуют под землей в небольших масштабах, и во все большем масштабе целые районы городов неофициально разделены на бордели, бары и клубы, которые размещают и часто порабощают женщин для целей проституции. Масштабы и насилие этой практики сексуальной эксплуатации представляют собой международный правозащитный кризис современного рабства. *Проституция*: форма современного рабства

Дорхен Лейдхольдт, исполнительный директор коалиции по борьбе с торговлей женщинами, изучает определения рабства и показывает, как проституция и связанные с ней формы сексуальной эксплуатации вписываются в определенные формы рабства [3, с. 3-7].

Хотя совокупность сексуальных преступлений и преступной деятельности, связанной с проституцией, обширна, многие из тех, кто работает в правоохранительных органах, выборочно применяют законы о проституции. Патрульные и следователи, как правило, знают, где происходит проституция и кто в ней участвует, но часто не желают производить аресты из-за нехватки ресурсов, усталости от ареста (например, «зачем беспокоиться; они вернутся на улицу через час») [4, с. 3-6] или отсутствия достаточного общественного интереса.

Коммерческая сексуальная эксплуатация детей – это преступление, которое только недавно получило значительное внимание в Соединенных Штатах и во всем мире. В то время как Министерство юстиции США оценивает, что число детей (в возрасте до 18 лет) в настоящее время участвует в проституции [5, с.2-8], детской порнографии и торговли людьми может быть где угодно от 100 000 до 3 млн.[6, с. 6-9] (Фридман, 2005), можно обнаружить, что знание ЕГЭ и общественный резонанс к проблеме все-таки развивается (Фаррелл, Макдевитт, & Фахи, 2008). Существует растущая и убедительная литература о внутренней сексуальной торговле девочками в Соединенных Штатах (Clawson & Grace, 2007; Albanese, 2007; Gragg et al., 2007; Lloyd, 2005; Friedman, 2005; Priebe & Suhr, 2005), а также некоторые сведения о CSE девочек и мальчиков (Curtis et al., 2008). Кроме того, интересны высказывания непосредственно от женщин, переживших CSE (GEMS, 2008; Lloyd, 2011). До настоящего времени было трудно получить национальные оценки и описания широты, масштаба и характера CSE¹ (Estes & Weiner, 2001; Curtis et al., 2008; Фридман, 2005). В настоящее время проводятся исследования его заболеваемости и распространенности.

В то время как в юрисдикции различаются в зависимости от конкретного возраста, наиболее широко используемые определения гласят, что CSE молодежи происходит, когда лицо в возрасте 17 лет или моложе вовлечено, вымогается или принуждается к сексуальному поведению или совершению сексуальных актов в обмен на плату, еду, наркотики, жилье, одежду, подарки или другие товары. Сексуальное поведение может включать в себя любой прямой сексуальный контакт или живое, снятое или сфотографированное представление или другие действия (например, разде-

¹ CSE – цереброваскулярная болезнь характеризуется поражением сосудов головного мозга, в результате которого нарушается снабжение клеток головного мозга кислородом, начинается кислородное голодание, нарушаются функции мозга.

вание), связанные с половыми актами или для сексуального удовлетворения других лиц. В федеральном законодательстве США (закон о защите жертв торговли людьми – TVPA 2000, пересмотрен в 2008 году), финансировании и поддерживаемой Министерством юстиции США деятельности целевой группы по-прежнему уделяется основное внимание внутренней сексуальной торговле детьми в Соединенных Штатах, хотя большая часть этого внимания была сосредоточена на CSE девочек. Эта деятельность включает в себя внимание к торговцам людьми, которые принуждают детей и молодежь вступать в коммерческую секс-индустрию с помощью различных механизмов вербовки и контроля, а также вовлекают детей в эксплуатацию в стриптиз-клубах, уличной проституции, эскорт-услугах и публичных домах. Имеются данные на местах о том, что домашние секс-торговцы нацелены на уязвимую молодежь, такую как сбежавшая и бездомная молодежь, и часто сообщается, что для женщин средний возраст вступления в проституцию в Соединенных Штатах составляет 12-13 лет.

Хотя предпринимались некоторые попытки подсчитать число молодых людей, ставших жертвами КСП, по многим причинам достоверные оценки этого преступления были недостоверны. Получение подсчетов от полиции затруднено не только из-за способов, которыми преступления могут быть классифицированы, но и потому, что большая часть CSE не попадает в поле зрения полиции. В то время как исследования показали, что около 25% бездомной молодежи обменяли секс на деньги, еду или место для проживания (Tyler, Whitbeck, Hoyt, & Cause, 2004), многие агентства (такие как, приюты для бездомной молодежи, центры для беглецов и программы лечения наркомании) не стремятся выявлять жертв CSE среди тех молодых людей, с которыми они сталкиваются. В некоторых случаях это происходит потому, что они не осведомлены о потенциальном риске для CSE среди молодежи, которой они служат, или в их географическом местоположении, у них есть ограниченные ресурсы для решения этой проблемы в своем сообществе, или они не спрашивают, потому что они не хотят сообщать о CSE властям вопреки желанию молодежи, которой они пытаются служить. Кроме того, жертвы CSE часто не желают или неохотно раскрывают этот опыт. На сегодня нет достаточных данных о том, является ли CSE более распространенным в некоторых районах Соединенных Штатов, если модели различаются по расе, этнической принадлежности или полу, и как правильно подсчитать заболеваемость и распространенность среди молодежи, которая, вероятно, будет очень скоротечной и передвигаться по стране (Williams & Frederick, 2009).

В 2008 году, используя применение статистических методов выборки на основе респондентов (RDS),

Curtis & Collectors (2008) подсчитали, что в Нью-Йорке насчитывалось 3946 жертв CSEC. В это число не входят те молодые люди, которые не могут быть направлены с помощью методов РДС (например, девочки, проданные в страну, или которые находятся под жестким контролем взрослых в помещении, или которые не общаются с другими молодыми людьми). Кертис и его коллеги теперь получили финансирование для разработки оценок числа жертв по всей стране.

В их нью-йоркской выборке из 249 человек было 48% женщин, 45% мужчин и 8% трансгендерной молодежи, а средний возраст вступления в CSE составлял 15 лет. В этой выборке Нью-Йорка афроамериканская и смешанная расовая молодежь составляла 48% молодежи, и чуть более четверти были белыми (24%) или латиноамериканцами (23%). В то время как более половины молодежи сообщили, что они родом из Нью-Йорка (56%), многие из них были из других юрисдикций, и только 8% сообщили, что они родились за пределами Соединенных Штатов. Многие молодые люди в настоящее время бездомны, причем 32% характеризуют свое жилищное положение как жизнь на улице [7, с. 3].

Таким образом, лучшее доказательство, которое имеется сегодня, состоит в том, что где CSE наиболее распространен, так это среди молодежи, живущей в крайней нищете, часто без значительной поддержки семьи и которая оказывается живущей «жизнью на улице» как бездомная, беглая или выброшенная молодежь. Именно в этих ситуациях повышается уязвимость к CSE (Tyler et al., 2004).

Литература

1. Stacey L. Shipley, Bruce A. Arrigo, «Судебная психология и политические последствия» in Introduction to Forensic Psychology (Third Edition), 2012.
2. O'Connell Davidson «Проституция, власть и свобода». 1998. https://www.researchgate.net/publication/37704329_Prostitution_Power_and_Freedom.
3. Джулиан Д. Форд, ... Christine A. Courtois, in Posttraumatic Stress Disorder (Second Edition), 2015.
4. Стэн Краудер ... Brent E. Turvey «Этические вопросы для сотрудников полиции и следователей по уголовным делам» in Краудер... Брент Э. Турви, Ин Ethical Justice, 2013.
5. Линда М. Уильямс, в Справочнике по детской и подростковой сексуальности, 2013 г. Заболеваемость и распространенность.
6. «Свобода выбора» (Freedom of Choose, 1980).
7. Advances and Applications in Bioinformatics and Chemistry 2008. № 1. Curtis et al. с. 3.

Научная специальность 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право; международное частное право

ПОНЯТИЕ И ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ. ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ

Анатолий Юрьевич Олимпиев, заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук
Институт социальных наук (105005, г. Москва, улица Радио, д. 20)
E-mail: a.olimpiev@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены нормы действующего законодательства, регулирующие режим банковской тайны в Российской Федерации, а также правоприменительная и судебная практика. Исследуются существующие теоретические подходы к определению понятия и юридической природы банковской тайны. В настоящее время значительное влияние на развитие банковской тайны оказывают процессы цифровизации.

Анализируются особенности правового регулирования объектов банковской тайны.

Ключевые слова: банковская тайна, коммерческая тайна, врачебная тайна, профессиональная тайна, информация, банковское право, Гражданский кодекс, цифровизация.

CONCEPT AND SOURCES OF LEGAL REGULATION OF THE BANKING SECRECY. THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF BANKING SECRECY

Anatoly Yu. Olimpiyev, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences
Institute of Social Sciences (105005, Moscow, st., Radio, 20)
E-mail: a.olimpiev@yandex.ru

Abstract. The article considers the norms of the current legislation regulating the banking secrecy regime in the Russian Federation, as well as law enforcement and judicial practice. The existing theoretical approaches to the definition of the concept and legal nature of banking secrecy are investigated. Currently, digitalization processes have a significant impact on the development of banking secrecy.

The analysis of the peculiarities of legal regulation of objects of bank secrecy is carried out.

Keywords: banking secrecy, commercial secret, medical secret, professional secrecy, information banking law, civil code, digitalization.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Олимпиев А.Ю. Понятие и источники правового регулирования банковской тайны. Понятие и юридическая природа банковской тайны. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):63-6.

Банковская тайна является одним из самостоятельных видов охраняемых законодательством тайн (таких, например, как коммерческая тайна, врачебная тайна, профессиональная тайна), в отношении которого обеспечивается специальный режим конфиденциальности.

Обращаясь к понятию банковской тайны, необходимо отметить, что законодательное определение данного понятия отсутствует. Отсутствие определения данного понятия в нормативно-правовых актах Российской Федерации вызывает сложности при осуществлении правоприменительной практики. Так, возникает вероятность неверной трактовки сведений,

составляющих банковскую тайну и, как следствие, отсутствия необходимой защиты банковской тайны.

Также отсутствие законодательного определения банковской тайны ведет к сложностям, связанным с определением ее правовой природы. При этом, данная проблема свойственна не только банковской тайне, но и иным категориям конфиденциальной информации [3, с. 216].

В результате отсутствия законодательного определения банковской тайны данный пробел восполняется научной литературой, в которой представлено множество подходов к определению такого вида информации.

Так, в научной литературе можно встретить достаточно узкий подход, который предполагает рассмотрение банковской тайны, как обязательства профессиональных субъектов банковского права, перечисленных в ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹ (далее – Федеральный закон № 395-1) и их сотрудников гарантировать своим клиентам тайну об операциях, о счетах и вкладах, а также об иных сведениях последних [8, с. 152; 4, с. 13; 5, с. 65]. Существуют и иные достаточно узкие подходы, предполагающие выделение отдельных особенностей правового режима банковской тайны как конфиденциальной информации. Например, некоторые исследователи настаивают на ограничении признаков банковской тайны, предлагая отнести к их числу исключительно ограниченность доступа к банковской тайне [1, с. 3; 6, с. 42; 7, с. 137] или необходимость обеспечения ее охраны как конфиденциальной информации [11, с. 604].

Определенный исследовательский интерес представляет небесспорный подход ряда исследователей, отстаивающих дуалистическую природу банковской тайны и предлагающих рассматривать ее с одной стороны, в качестве особой разновидности объектов гражданских прав, а с другой стороны, в качестве особого подвида информации [2, с. 67]. Данный подход подвергается критике в связи с отсутствием легального закрепления информации в качестве объекта гражданских прав в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ). Также в научной литературе отмечается, что информация является объектом отдельной отрасли права – информационного права, что свидетельствует о невозможности распространения на данный объект положений гражданского права.

Не согласимся с вышеизложенной точкой зрения на том основании, что информация в случае приобретения ею экономической ценности становится имуществом. В свою очередь, имущество – это объект гражданских прав, установленный положениями ст. 128 ГК РФ. В ранее действовавшем законодательстве, к числу информации, которая имеет экономическую ценность, относились информация, составляющая коммерческую или служебную тайну. В настоящее время в действующем законодательстве к числу информации, имеющей экономическую ценность, относятся также персональные данные, цифровые профили и др., но при этом законодательство никак не определяет правовой режим такой информации, что препятствует нормальному развитию правовых отношений, создает

сложности при осуществлении гражданского оборота.

Сложность разработки адекватного регулирования отношений по поводу упомянутой информации во многом обусловлена тем, что сегодня информация создается, хранится, обрабатывается, передается не в письменной или устной, а в электронной форме. Именно эта относительно новая форма существования информации порождает массу дополнительных вопросов при разработке регулятивных и охранительных норм.

Правовое регулирование цифровой информации подразумевает учет технических особенностей ее использования, передачи, хранения. Для передачи цифровой информации используются различные каналы связи. Необходимо отметить сложности правового регулирования процесса передачи цифровой информации. Гражданское право на сегодняшний день не предусматривает возможность передачи информации, а допускает исключительно возможность передачи (перехода) имущественных прав на информацию.

Кроме того, в соответствии со ст. 128 ГК РФ к имуществу, как объекту гражданских прав относятся вещи (являющиеся материальными объектами) и нематериальные объекты (средства индивидуализации и результаты интеллектуальной деятельности). Обозначенные в гражданском законодательстве нематериальные объекты являются объектами гражданских прав и не выступают объектами гражданского оборота. Объектами гражданского оборота могут выступать не сами нематериальные объекты, а исключительные права на них, что обуславливает их нематериальной природой. Таким образом, гражданско-правовые сделки заключаются не в отношении нематериальных объектов, а в отношении исключительных прав на них [9, с. 123].

В связи с этим, информация, которая имеет экономическую ценность и является нематериальным объектом, не может выступать объектом гражданского оборота. Тем не менее, гражданско-правовые сделки могут совершаться с исключительными правами на информацию, которая имеет экономическую ценность, исключительные права на такую информацию могут переходить от одного лица к другому.

В результате всего вышеизложенного и основываясь на положении п. 1 ст. 2 ГК РФ, устанавливающего, что отношения, связанные с имуществом, и основанные на принципах имущественной самостоятельности субъектов, автономии воли и равенства должны быть отнесены к гражданско-правовой сфере регулирования, сделан вывод, что имущественные отношения, связанные с информацией не относятся к сфере информационного права. Гражданское право регламентирует отношения, связанные с оборотом прав на информацию.

Таким образом, в результате всего вышеизложенного установлено, что информация выступает объектом гражданских прав даже несмотря на то, что она не

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2019) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

включена в перечень объектов гражданских прав, который содержится в ст. 128 ГК РФ. Данный перечень является открытым, вследствие чего действие данной статьи распространяется на любой объект, имеющий экономическую ценность, даже без прямого указания на это в названной статье.

Рассматривая существующие в научной литературе подходы к определению банковской тайны можно отметить, что в общем виде они делятся на широкий и узкий подходы. Узкий подход предполагает, что банковская тайна представляет собой совокупность законодательных положений, закрепляющих определенный (закрытый) перечень сведений, относящихся к банковской тайне, а также состав субъектов, осуществляющих деятельность в этой сфере. Широкий подход к определению банковской тайны предполагает, что законодательство не закрепляет четкого перечня указанных сведений и данный перечень является открытым.

В настоящее время институту банковской тайны в большей степени соответствует широкий подход, предполагающий защиту всех сведений о клиентах банков. Данное суждение подтверждается судебной практикой. Так, в этой связи отметим Определение КС РФ от 19 января 2005 г. № 10-О, в котором при определении банковской тайны, в числе прочего, указываются любые сведения, разглашение которых способно привести к нарушению прав клиентов¹.

Под сведениями, относящимися к банковской тайне, может пониматься достаточно широкий круг сведений:

- паспортные данные;
- банковские реквизиты;
- реестр требований кредиторов;
- бухгалтерские балансы и иная информация, содержащая сведения о результатах финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц;
- справки, сведения о движении средств;
- договоры и иные документы и сведения, которые содержатся в электронной форме или на бумажных носителях и находятся в распоряжении кредитных организаций.

Таким образом, под такими сведениями можно понимать сведения любого характера, которые непосредственно связаны с клиентами и соответствуют широкому подходу к определению банковской тайны.

При этом данные сведения должны отвечать определенным признакам, отличающим банковскую тайну как конфиденциальную информацию:

- должна быть известна субъектам, которые указаны в Федеральном законе № 395-1 и имеют к

ней доступ в силу специфики их деятельности;

- данная информация должна иметь документированную форму;
- данная информация должна быть неизвестна для третьих лиц;
- должна подлежать защите соответствующими субъектами [10, с. 125].

В результате анализа подходов к определению банковской тайны и ее признаков можно дать следующее определение – это правовой режим документированной информации (совокупность установленных законом сведений) с ограниченным доступом, вводимый в отношении любых сведений, которые непосредственно связаны с клиентами, и получены кредитными организациями, Банком России, страховыми организациями (в рамках обязательного страхования вкладов) при осуществлении ими своей основной деятельности и гарантируется определенными законом субъектами.

Рассматривая вопрос юридической природы банковской тайны необходимо отметить, что в научной литературе отсутствует единство мнений по данному вопросу. Так, часть авторов настаивают на том, что правовая природа банковской тайны имеет частно-правовой характер, основанный на договорных отношениях между клиентами и кредитными учреждениями.

Другие авторы указывают на публично-правовую природу банковской тайны, и в этой связи, допускают наличие более широкого субъектного состава отношений, связанных с банковской тайной, включающего различные органы и должностные лица, которые имеют право доступа к информации, составляющей банковскую тайну.

Представляется, что наиболее верным выступает компромиссный подход, предполагающий комплексную правовую природу банковской тайны, включающую частно-правовые и публично-правовые элементы. Частно-правовые элементы, в этом случае, обусловлены договорными отношениями между клиентами и кредитными учреждениями, а публично-правовые элементы, обусловлены необходимостью осуществления уполномоченными органами контрольных и надзорных мероприятий, в рамках которых они могут затребовать доступ к информации, составляющей банковскую тайну.

Таким образом, установлено отсутствие в законодательстве определения понятия «банковская тайна», в результате чего возникают сложности при установлении круга информации, составляющей банковскую тайну. В параграфе предложено определение банковской тайны. По своей юридической природе банковская тайна носит комплексный частно-публичный характер, сочетая в себе и частно-правовые и публично-правовые элементы.

Выводы

В настоящее время в законодательстве РФ отсут-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19.01.2005 № 10-О «По жалобе открытого акционерного общества «Универсальный коммерческий банк «Эра» на нарушение конституционных прав и свобод частями второй и четвертой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52804.

стствует определение понятия «банковская тайна», что вызывает сложности при осуществлении правоприменительной практики, в частности, при установлении круга информации, составляющей банковскую тайну. Возникает вероятность неверной трактовки сведений, составляющих банковскую тайну и, как следствие, отсутствия необходимой защиты банковской тайны.

Также отсутствие законодательного определения банковской тайны ведет к сложностям, связанным с определением ее правовой природы. При этом, данная проблема свойственна не только банковской тайне, но и иным категориям конфиденциальной информации.

По результатам анализа существующих теоретических подходов к определению рассматриваемого понятия, предложено определение банковской тайны. По своей юридической природе банковская тайна носит комплексный частно-публичный характер, сочетая в себе и частно-правовые и публично-правовые элементы.

В результате исследования юридической природы банковской тайны установлено, что в научной литературе отсутствует единство мнений по данному вопросу. Так, часть авторов настаивают на том, что правовая природа банковской тайны имеет частно-правовой характер, основанный на договорных отношениях между клиентами и кредитными учреждениями.

Другие авторы указывают на публично-правовую природу банковской тайны, и в этой связи, допускают наличие более широкого субъектного состава отношений, связанных с банковской тайной, включающего различные органы и должностные лица, которые имеют право доступа к информации, составляющей банковскую тайну.

Представляется, что наиболее верным выступает компромиссный подход, предполагающий комплексную правовую природу банковской тайны, включающую частно-правовые и публично-правовые элементы. Частно-правовые элементы, в этом случае, обусловлены договорными отношениями между клиентами и кредитными учреждениями, а публично-правовые элементы, обусловлены необходимостью осуществления уполномоченными органами контрольных и надзорных мероприятий, в рамках которых они могут затребовать доступ к информации, составляющей банковскую тайну.

Литература

1. Акимов А. Есть ли у банков тайны от налоговой полиции? // *Эж-Юрист*. 2002. № 27.
2. Викулин А.Ю. Банковская тайна как объект правового регулирования // *Государство и право*. 1998. № 7.
3. Волкова С.В., Казанкова Т.Н. Понятие банковской тайны в действующем законодательстве Российской Федерации // *Modern science*. 2019. № 5-4.

4. Жуков С. Банковская тайна и современное российское законодательство // *Банковское дело*. 1996. № 4.
5. Куршаков Д. Банковская тайна // *Закон*. 1998. № 2.
6. Маркелова К. Особенности банковской тайны как правовой категории // *Банковское право*. 2000. № 1.
7. Олейник О. Правовые проблемы банковской тайны // *Хозяйство и право*. 1997. № 6.
8. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах / под ред. М.М. Агаркова. 3-е изд., стереотип. М.: Волтерс Клувер, 2005.
9. Рожкова М.А. § 2.1 Концепция, положенная в основу раздела VII ГК РФ // *Гражданско-правовая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: Монография* / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2018.
10. Рощина Д.С., Афанасьева С.А. Правовое регулирование банковской тайны в Российской Федерации // *Инновационная наука*. 2017. № 2-2.
11. Сумская М.Ю., Бакуева Д.Х. К вопросу о понятии и правовой природе банковской тайны // *Аллея науки*. 2017. № 15.

References

1. Akimov A. Do banks have secrets from the tax police? // *Ezh-Yurist*. 2002. No. 27.
2. Vikulin A.Yu. Bank Secrecy as an object of legal regulation // *State and law*. 1998. No. 7.
3. Volkova S.V., Kazankova T.N. The concept of bank secrecy in the current legislation of the Russian Federation. 2019. No. 5-4.
4. Zhukov S. Bankovskaya taina i sovremennoe rossiyskoe zakonodatelstvo [Banking Secrecy and Modern Russian Legislation]. 1996. No. 4.
5. Kurshakov D. Bankovskaya taina // *Zakon*. 1998. No. 2.
6. Markelova K. Features of bank secrecy as a legal category // *Banking Law*. 2000. No. 1.
7. Oleynik O. Legal problems of bank secrecy // *Economy and law*. 1997. No. 6.
8. Fundamentals of banking Law. The doctrine of securities / ed. by M.M. Agarkov. 3-e ed., stereotype. M.: Volters Kluwer, 2005.
9. Rozhkova M.A. § 2.1 The concept laid down in the basis of section VII of the Civil Code of the Russian Federation // *Civilistic concept of intellectual property in the system of Russian law: Monograph* / Under the general editorship of M.A. Rozhkova. M.: Statut, 2018.
10. Roshchina D.S., Afanasyeva S.A. Legal regulation of bank secrecy in the Russian Federation. 2017. No. 2-2.
11. Sumskaya M.Yu., Bakueva D.Kh. On the question of the concept and legal nature of bank secrecy. 2017. No. 15.

Научная специальность 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право; международное частное право

ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Галина Алексеевна Прокопович, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева, доктор юридических наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1)
E-mail: galina-prokopovich@yandex.ru

Аннотация. Исследуются проблемы предоставления отдельным государствам льгот и преференций при осуществлении предпринимательской деятельности, проводится анализ современного состояния системы предоставления преференций и вносятся предложения по её совершенствованию.

Ключевые слова: торговля, политика, льготы, преференции, тарифы.

PREFERENTIAL TREATMENT OF BUSINESS ACTIVITIES

Galina A. Prokopovich, Professor of the Department of Theory of State and Law of G.V. Maltsev, Doctor of Legal Sciences
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (119571, Moscow, Vernadskogo prospect, 82, build.1)
E-mail: galina-prokopovich@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems of providing individual states with benefits and preferences in the conduct of entrepreneurial activities, analyses the current state of the system of granting preferences and makes proposals for its improvement.

Keywords: trade, policies, benefits, preferences, tariffs.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Прокопович Г.А. Преференциальный режим осуществления предпринимательской деятельности. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):67-70.

Преференции являются эффективным средством проведения торгово-экономической политики. Они предназначены для конкурентной борьбы за рынки сбыта, сырьевые ресурсы и инвестиционные сферы.

Статья 36 Закона РФ от 21.05.1993 г. № 5003-1 «О таможенном тарифе» содержит определение тарифной преференции, под которой понимается освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из стран, образующих вместе с Российской Федерацией зону свободной торговли либо подписавших соглашения, имеющие целью создание такой зоны, или снижение ставок ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из развивающихся или наименее развитых стран, пользующихся единой системой тарифных преференций Таможенного союза¹.

Тарифные льготы (тарифные преференции) соглас-

но ст. 34 Закона «О таможенном тарифе» – это льготы, предоставляемые на условиях взаимности или в одностороннем порядке при реализации торговой политики Российской Федерации, в виде освобождения от уплаты таможенной пошлины или снижения ставки таможенной пошлины².

Преференциальный режим, как особый льготный экономический режим, предоставляется одним государством другому, но на третьи страны не распространяется. Его суть состоит в освобождении от уплаты пошлин, либо в их снижении, а также в возможности установления тарифных квот на преференциальный ввоз.

В связи с интенсивно происходящими глобализационными и интеграционными процессами, участниками которых является Россия, национальная система преференций не только значительно расширилась, но и вынужденно усложнилась. Однако, появление зако-

¹ Закон РФ от 21.05.1993 № 5003-1 «О таможенном тарифе» // «Российская газета», № 107, 05.06.1993.

² Там же.

нодательной базы позволило регламентировать порядок формирования и применения таможенно-тарифного регулирования и Россия получила собственную автономную систему преференций. Но в рамках участия России в ЕАЭС следует руководствоваться Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 6 апреля 2016 г № 47 (ред. от 19.12.2019) «Об утверждении Положения об условиях и порядке применения единой системы тарифных преференций Евразийского экономического союза», которое определяет условия и порядок применения единой системы тарифных преференций в отношении товаров, происходящих из развивающихся и наименее развитых стран – пользователей единой системы тарифных преференций Евразийского экономического союза.

Далее исследуем особенности предоставления тарифных преференций в Российской Федерации.

Имеющаяся база данных тарифных преференций даёт возможность установить ту категорию стран, которые относятся к странам с режимом наибольшего благоприятствования в торговле. Соответственно, та или иная категория страны связана с кодом Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее ТН ВЭД ЕАЭС) и перечнем товаров, происходящих и ввозимых из развивающихся и наименее развитых стран, при ввозе которых предоставляются тарифные преференции. Правильное определение кода ТН ВЭД ЕАЭС позволяет определить коэффициент таможенной пошлины при импорте товаров на территорию стран Евразийского экономического союза и установить членство этой страны в таможенной конвенции о временном ввозе по карнету АТА.

И здесь имеют место нарушения, вытекающие не только из прямого умысла участника внешнеэкономической деятельности (далее ВЭД) на занижение таможенной стоимости товаров, но и по ряду других причин, связанных со сложностью проведения классификации товаров и специфики классификатора ТН ВЭД ЕАЭС.

Наиболее распространёнными причинами нарушения являются: неверное толкование и применение основных правил интерпретации, неверное применение и понимание примечаний и пояснений, а также неполное или недостоверное описание товара в графе 31 таможенной декларации¹.

Однако, за недостоверную классификацию товаров, которая повлекла занижение таможенной стоимости, возникает ответственность, как административная, так и уголовная.

Состав административного правонарушения закреплён в ч. 2 ст. 16.2 Кодекса Российской Федера-

ции об Административных правонарушениях (далее КоАП РФ), а с 2021 года в новой редакции указанного кодекса данный состав регламентируется ст. 32.2 «Исполнение постановления о наложении административного штрафа».

Обращаясь к действующей редакции КоАП РФ, состав ч. 2 ст. 16.2 применяется только в том случае, если занижение стоимости произошло по причине недостоверного кода товара. Однако, квалификация по данному составу применима в том случае, если сумма неуплаченных таможенных платежей за товары, перемещённые через таможенную границу, в том числе в одной или нескольких партиях, не превышает 2 миллионов рублей².

В случае превышения указанной суммы наступает не административная ответственность, а уголовная. Данный состав закреплён в ст. 194 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) – «Уклонение от таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица»³. Её главным отличием от ст. 16.2 является то, что она не производит конкретизацию оснований и способов совершения уклонения от уплаты таможенных платежей, поскольку важен только сам факт уклонения.

Кроме того, необходимо учитывать особенность, которая заключается в том, что уклонение от уплаты таможенных платежей совершается с прямым умыслом, а, следовательно, исключается неосторожность.

Для более детального изучения данной проблемы необходимо провести анализ судебной практики, который позволит выявить наиболее сложные аспекты и тенденции, связанные с классификацией товаров по ТН ВЭД ЕАЭС.

Ввиду двух видов ответственности за недостоверную классификацию товаров по ТН ВЭД ЕАЭС рассмотрение будет проводиться, как в отношении административных дел, так и уголовных.

В большинстве случаев источником нарушения выступает недостоверный код товара. Однако, причины могут заключаться в неполном или недостоверном описании товара.

Чтобы оценить распространённость подобного правонарушения, необходимо проанализировать статистические данные, которые являются официальными и доступными, и содержатся в ежегодных отчётах ФТС России.

Отчёты ФТС России содержат сведения о количестве правонарушений и статьям КоАП РФ, по которым они были допущены, а также сведения о наиболее рас-

¹ Сайт компании Альта-софт [электронный ресурс] URL <http://www.alt.ru> (дата обращения 15.03.2021).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) [электронный ресурс] <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 15.03.2021).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020). [Электронный ресурс] <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 15.03.2021).

пространённых в практике таможенного дела правонарушений. Однако ст. 16.2 КоАП РФ содержит два состава – недекларирование товаров и недостоверное декларирование товаров. Учитывая тот факт, что в отчёте указывается только количество правонарушений по статье 16.2 КоАП РФ, то становится невозможно определить по какой части ст. 16.2 КоАП РФ они были совершены.

Таким образом, отчёт, представленный ФТС России, не может в полной мере отразить распространённость данного состава по причине несовершенства законодательства.

Кроме того, судебная практика отражает только дела, которые оспаривались. Таким образом, если административное дело было возбуждено, но в суде не оспаривалось, то целый сегмент административных дел остаётся нерассмотренным.

Это говорит о том, что судебная практика позволяет определить особенности административных правонарушений не в полной мере, а также может показать неполную картину происходящего.

Совсем иначе обстоит дело с уголовными преступлениями, поскольку ввиду их тяжести все дела без исключения рассматриваются в суде. Таким образом, с помощью судебной практики возможно сформировать более полное представление о количестве и характере правонарушений. Согласно годовому отчёту ФТС за 2019 год было возбуждено 2014 уголовных дел. Из них 344 по статье 194 УК РФ. От общей доли это составляет 17%¹.

Тем не менее, при анализе судебной практики данного состава выявляется другая проблема. Как и было сказано ранее, статья 194 УК РФ не уточняет, каким способом произошло уклонение от уплаты таможенных платежей, поскольку важен сам факт уклонения от их уплаты.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ судебной практики по оспариванию кода ТН ВЭД, как в административных делах, так и в уголовных, не даёт полной картины правонарушений, которая возникает при классификации товаров. Однако, проблема снижения правонарушений, связанных с классификацией товаров по ТН ВЭД, остаётся актуальной.

Существуют два способа её решения. Первым способом является создание дополнительных нормативных правовых актов, а также разъяснений и рабочих материалов для участников внешнеэкономической деятельности, которые способны объяснить специфику классификации определённых групп товаров по ТН ВЭД ЕАЭС.

Достоинством данного способа является то, что участники ВЭД самостоятельно, не прибегая к посто-

ронней помощи, способны определить код товара и тем самым избежать нарушения законодательства. А недостаток состоит в трудностях, возникающих при создании дополнительных актов и материалов, т.к. ассортимент товаров увеличивается в геометрической прогрессии и появляется необходимость в систематическом внесении в них изменений или в издании новых.

Вторым способом снижения правонарушений, связанных с классификацией товаров по ТН ВЭД ЕАЭС, является создание со стороны государственного органа механизма, регламентируемого законодательством, который осуществлял бы определение достоверных кодов товаров по ТН ВЭД ЕАЭС.

Безусловное достоинство данного способа заключается в том, что классификация осуществляется учреждением, которое уполномочено производить данную деятельность, а, следовательно, имеет опыт в данной сфере, что позволяет провести достоверную классификацию.

Однако, такой способ не лишён недостатков. В частности, если данная услуга осуществляется на платной основе (что наиболее вероятно), то участникам ВЭД необходимо учитывать в планируемых затратах денежные средства на её осуществление.

Таким образом, чтобы компенсировать затраты участники ВЭД будут поднимать цены на товары, что отрицательно скажется на спросе со стороны потребителей, или они откажутся от этой услуги, а, следовательно, указанный механизм окажется неэффективным.

С указанной проблемой связана ещё одна – квалификация специалистов, осуществляющих классификацию товаров.

Поскольку ТН ВЭД ЕАЭС является сложным классификатором, имеющим свои особенности, то необходимо иметь специальные знания, соответствующее образование и большой опыт в данной области, иначе велика вероятность допущения классификационных ошибок, которые могут нанести серьёзный ущерб, как и участнику ВЭД, так и национальной экономике. Но и при должном обеспечении квалифицированными кадрами может возникнуть проблема отказа принятия на себя ответственности за достоверность проведения классификации товаров, что повлечёт за собой многочисленные отказы участникам ВЭД. Таким образом, несмотря на существование казалось бы необходимого учреждения и востребованной услуги, динамика правонарушений снижена не будет.

В современной практике одинаково применяются оба способа: издание специальных пояснительных актов и наличие услуги по предварительному декларированию.

Затрагивая вопрос об издании специальных пояснительных актов и материалов, необходимо отметить, что выделяются две их основные категории – это ре-

¹ Сайт ФТС России [электронный ресурс] URL www.customs.ru (дата обращения 14.03.2021).

шения, принятые Евразийской Экономической Комиссией (наднациональный уровень) и приказы, изданные Федеральной Таможенной Службой РФ (национальный уровень).

Наиболее яркими примерами являются Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС¹ и Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 07.11.2017 № 21 (ред. от 03.12.2019) «О Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»².

Данные нормативные правовые акты призваны облегчить классификацию товаров, однако на практике многие участники ВЭД либо об этом не знают, либо знают, но не применяют с целью занижения таможенной стоимости.

Существуют и иные способы снижения количества правонарушений, например, создание баз данных, которые на основе описания товара производят поиск его кода. Таким образом, с помощью специальных программ можно определять код ТН ВЭД. Однако, в настоящее время такая база данных существует только по химическим веществам и товарам.

В сложившейся ситуации мы можем активизировать ещё один механизм, способный предотвратить или как минимум снизить количество нарушений, связанных с классификацией товаров по ТН ВЭД – это принятие предварительных решений, которое является государственной услугой. Регламентация указанной процедуры охвачена многими нормативными правовыми актами, а именно: статьями 23-27 ТК ЕАЭС³, Федеральным законом от 03.08.2018 № 289 «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ и Административным регламентом, который был утверждён Приказом ФТС России от 14.01.2019 № 28 «О классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономиче-

ского союза отдельных товаров»⁵.

В соответствии с национальным законодательством предварительное решение о классификации товаров действует пять лет со дня его принятия, в отличие от Таможенного кодекса ЕАЭС, где данное решение действует три года, хотя кодекс допускает изменение или установление сроков национальным законодательством⁶.

Затрагивая вопрос об отзыве предварительного решения о классификации, стоит сказать, что отзыв решения происходит тогда, когда ЕЭК, ФТС России или ВТамО принимает решение, которое разъясняет как классифицировать товар, а, следовательно, влечёт внесение изменений в предварительное решение о классификации товаров. Также основанием для отзыва служит внесение изменений в ТН ВЭД ЕАЭС.

В настоящее время таможенным органом принято более 1000 предварительных решений о классификации товаров⁷.

Наиболее значимым достоинством в данном случае является достоверность заполненной таможенной декларации, а, следовательно, и снижение количества правонарушений, что подтверждается судебной практикой по рассмотрению дел, связанных с оспариванием группы товаров, которые сложны в классификации и очень часто становились объектами правонарушений.

Однако, рассмотренный механизм также не лишён недостатков: во-первых, таможенные органы могут при классификации совершить ошибку, а, во-вторых, таможенные органы в течение пяти лет могут поменять классификационное решение и, в случае занижения таможенной стоимости, может быть возбуждено административное или уголовное дело. Кроме того, особую угрозу представляет рост рисков, связанных с коррупцией.

В заключение хотелось бы отметить, что механизмы предоставления преференций при ведении предпринимательской деятельности имеются и самые эффективные из них – это увеличение осведомлённости участников ВЭД по применению дополнительных разъяснительных актов, а также механизм принятия предварительных решений.

¹ Пояснения к Единой Товарной Номенклатуре Внешнеэкономической деятельности Евразийского Экономического Союза (ТН ВЭД ЕАЭС) (в ред. Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24.07.2018 №12, от 30.10.2018 № 23, от 16.04.2019 № 12, от 25.06.2019 № 17, от 03.12.2019 № 40, от 17.03.2020 № 6) [электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения 16.03.2021).

² Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 07.11.2017 № 21 (ред. от 03.12.2019) «О Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения 16.03.2021).

³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017) [электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.customs.ru> (дата обращения 17.03.2021).

⁴ Федеральный Закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ (последняя редакция) [электронный ресурс] <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 17.03.2021).

⁵ Приказ ФТС России от 14.01.2019 № 28 «О классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза отдельных товаров» [электронный ресурс] <http://www.customs.ru> (дата обращения 17.03.2021).

⁶ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 № 54 (ред. от 29.04.2020) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» [электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения 17.03.2021); Федеральный Закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ (последняя редакция) [электронный ресурс] <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 17.03.2021)ю

⁷ Сайт ФТС России [электронный ресурс] URL www.customs.ru (дата обращения 17.03.2021).

Научная специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

ПРИВЛЕЧЕНИЕ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Светлана Александровна Устимова, доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, кандидат юридических наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: 7791sveta@mail.ru

Екатерина Николаевна Рассказова, старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, кандидат юридических наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: stepanovakatyayandex.ru

Аннотация. Анализируются действующие законодательные требования Российской Федерации рассмотрена проблематика привлечения контролирующего должника лица к ответственности в случае банкротства юридического лица. Автором обозначены основные виды ответственности контролирующих должника лиц, выделены основные аспекты при их использовании, обозначены особые субъекты правоотношений – страховые компании и негосударственные пенсионные фонды, деятельность которых важна не только для контрагентов, но и широких слоев населения. Особое внимание в статье уделено применению субсидиарной ответственности в отношении контролирующих должника лиц и определению проблемных аспектов использования законодательных подходов при судебном привлечении контролирующего лица к ответственности.

Ключевые слова: должник, контролирующее лицо, ответственность, юридическое лицо, банкротство, проблема.

BRINGING THE PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR TO LIABILITY IN BANKRUPTCY

Svetlana A. Ustimova, Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Process, Candidate of Legal Sciences

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: 7791sveta@mail.ru

Ekaterina N. Rasskazova, Senior Teacher of the Department of Civil and Labor Law, Civil Process, Candidate of Legal Sciences

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: stepanovakatyayandex.ru

Abstract. In this article, based on an analysis of the current legislative requirements of the Russian Federation, the problem of bringing the controlling debtor to responsibility in the event of the bankruptcy of a legal entity is considered. The author outlines the main types of liability of persons controlling the debtor, highlights the main aspects of their use, identifies special subjects of legal relations – insurance companies and non-state pension funds, whose activities are important not only for counterparties, but also for the general population. Particular attention in the article is paid to the application of subsidiary liability in relation to the controlling persons of the debtor and the identification of problematic aspects of the use of legislative approaches in the judicial prosecution of the controlling persons of the debtor.

Keywords: debtor, controlling person, liability, legal entity, bankruptcy, problem.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Устимова С.А., Рассказова Е.Н. Привлечение контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):71-3.

В последнее время проблема исследования условий и обстоятельств банкротства юридических лиц и ответственности контролирующих лиц должника приобретает все большую актуальность, как в современном социуме, так и в научном сообществе. Подобный интерес, в частности, обусловлен тем фактом, что на протяжении нескольких последних лет отмечается тенденция роста числа случаев несостоятельности (банкротств) юридических лиц.

Так, по данным Федресурса (Федерального реестра сведений о деятельности юридических лиц) только за период 2012-2019 гг. число юридических лиц, находящихся в процедурах банкротства, увеличилось более чем на 30%. Но при этом эффективность процедур для кредиторов снижается. Например, в 2019 году по результатам конкурсных производств кредиторы смогли вернуть себе только 4,7% задолженности (в 2018 году возвращено только 5,2% из предъявленных требований)¹.

Кроме этого, несмотря на почти двадцатилетнюю историю своего развития, институт банкротства юридических лиц в России продолжает свою эволюцию, расширяясь все новыми аспектами и судебными практиками.

Согласно Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ² (далее – Закон о банкротстве) руководитель организации-должника и иные контролирующие ее лица (далее – КДЛ) при существовании долгов предприятия перед кредиторами могут быть привлечены к субсидиарной и гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков.

При этом в наибольшей степени в научном сообществе и среди практикующих специалистов обсуждается привлечение КДЛ именно к субсидиарной ответственности. Целью привлечения к субсидиарной ответственности выступает удовлетворение требований кредиторов несостоятельного должника на основе привлечения к ответственности виновного КДЛ. При этом субсидиарная ответственность, исходя из норм действующего законодательства, носит не штрафной, а компенсационный характер.

Ответственность в виде возмещения убытков и субсидиарная ответственность КДЛ выступают по своей сути деликтной ответственностью (из причинения вреда), что подразумевает согласно требованиям Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ) обязанность причинителя вреда произвести возмещение убытков кредитору в полном объеме, но не сверх данного объема, т.е. законодателем декларируется подход, при котором сумма взыскивае-

мых убытков с должника-банкрота не должна превышать их действительный размер.

При этом кредитор и (или) уполномоченный государственный орган по Закону о банкротстве обладают правом требования к субсидиарному должнику в отношении части непогашенных требований. Но на практике судебные органы часто взыскивают с КДЛ ущерб, причиненный ими, например, в результате неуплаты налогов организацией.

Ситуация, при которой с причинителя вреда (в данном случае с КДЛ при отсутствии необходимых ресурсов у организации-должника) может быть дважды взыскан ущерб за совершение одного и того же правонарушения, возникает ввиду отсутствия на сегодняшний день прямых законодательных запретов на параллельное использование различных механизмов взыскания убытков (хотя согласно позиции высших судов взыскание должно осуществляться последовательно). Поэтому в отсутствие должного регулирования это неизбежно ведет к возможности привлечения КДЛ к двойной субсидиарной ответственности за одно и то же нарушение [1].

Сложность и противоречивость ситуации определяется тем, что в настоящее время в правоприменительной практике отсутствует единая позиция о снижении размера ответственности КДЛ в случае наличия судебного акта о взыскании ущерба. В результате одним из противоречивых аспектов в ходе реализации процедур при признании несостоятельности юридических лиц и дальнейшего возмещения ущерба выступает погашение требований кредиторов при участии налоговых органов и при привлечении к ответственности за неуплату налогов КДЛ – в случае неспособности это сделать – организацию-налогоплательщика, находящуюся в стадии банкротства.

Проблемным аспектом выступает и определение несущественности ухудшения финансового положения должника в результате действий КДЛ, а также определения истинных бенефициаров компании, но при этом часто необходимую информацию можно получить только с использованием полномочий правоохранительных органов. В результате возникает еще один проблемный аспект – необходимость эффективного взаимодействия судов со следственными органами.

Необходимо отметить, что определенная часть юридических лиц-должников принадлежит к страховым организациям и негосударственным пенсионным фондам, деятельность которых имеет важное значение не только для контрагентов, но и для широких слоев населения, денежные средства которых активно привлекаются указанными организациями. Поэтому ситуация банкротства страховых организаций или негосударственных пенсионных фондов и невозможности ими возместить гражданам вложенные средства имеет не только правовой аспект, но и негативное социально-экономическое значение.

Определенные особенности существуют в отно-

¹ Федресурс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedresurs.ru>.

² Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43/ Ст. 4190.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

шении привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ страховых организаций. При этом к КДЛ страховых организаций-должников не относится персонал контрольного органа и сами работники агентств. Важное значение при банкротстве страховых организаций и определении возможности привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности имеет факт передачи баз данных информационных систем организации (или их резервных копий) с информацией о застрахованных, их имуществе, обязательствах страховой компании и др.

В отношении КДЛ негосударственных пенсионных фондов, деятельность которых связана с обязательным пенсионным страхованием граждан, также существуют специфические требования, которые связаны со сроком выдачи указаний, обязательных для исполнения должником, или руководства иными действиями должника. Не менее важное значение при привлечении КДЛ страховых организаций-должников к субсидиарной ответственности имеет факт передачи баз данных, которые содержат информацию об имуществе и обязательствах самой организации.

Необходимо отметить, что в результате внесенных законодательных изменений в 2017 году в Закон о банкротстве были установлены особенности привлечения к ответственности КДЛ страховых организаций. Но ст. 187.12 Закона о банкротстве, в которой должны были найти свое определение особенности привлечения к ответственности КДЛ негосударственных пенсионных фондов, осталась без изменений. Очевидно, что данная ситуация требует внесения законодательных изменений.

Также важно отметить, что существуют и определенные сложности в трактовке и разъяснении законодательства высшими судами. Например, в результате внесенных изменений в законодательство о несостоятельности – ст. 10 Закона о банкротстве с июля 2017 года утратила силу и вместо нее была введена новая Глава III.2 в отношении привлечения КДЛ к субсидиарной и иным видам ответственности. Для правильного применения норм закона, содержащихся в нововведениях, в декабре 2017 года Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 53¹ (далее – Постановление № 53).

Однако, Глава III.2 Закона о банкротстве и Постановление № 53 содержат значительный массив норм, которые имеют определенные сложности в понимании, а в некоторых нарушается сама логика изложения и применения норм. Негативным выглядит и то, что часто нормы, относящиеся к одному и тому же рассматриваемому вопросу, раскиданы по тексту Постановления № 53, при этом многие разъяснения Верховного Суда РФ всего лишь дублируют нормы закона.

Указанными обстоятельствами определяется необходимость системного и комплексного исследова-

ния проблемных вопросов в отношении привлечения КДЛ к ответственности при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц.

Подобный ракурс исследования позволит выявить и систематизировать существующие проблемы и противоречия в нормах законодательства о банкротстве в отношении ответственности КДЛ, их применении на практике, а также позволит сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательных подходов в рассматриваемой области гражданского права.

Следует полагать, что рассмотрение и анализ существующих особенностей применения норм об ответственности КДЛ в делах о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц на основе актуальных данных правоприменительной практики, полученных при исследовании решений высших и арбитражных судов, позволит существенно дополнить общую картину складывающихся правоотношений, создаваемых при привлечении к различным видам ответственности КДЛ, а также возникающих в данной области проблем.

Нельзя не отметить, что современная юридическая наука уделяет достаточно значительное внимание изучению вопросов несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, однако ввиду того, что проблема привлечения к ответственности КДЛ в ситуации банкротства предприятия носит достаточно широкий характер (как в ракурсе различных видов ответственности, так и широкого перечня разнообразных аспектов, которые необходимо учитывать), изучение нормативных подходов и имеющихся проблем в данной области как в теоретическом, так и в практическом плане, приобретает особую важность в современных условиях, характеризующихся рядом негативных макроэкономических тенденций, вызванных последствиями пандемии коронавирусной инфекции.

Считаем, что решение важной для гражданского права проблемы, связанной с поиском оптимальных подходов по погашению требований кредиторов на основе привлечения к ответственности КДЛ, окажет серьезное влияние не только на само возникновение ситуации несостоятельности (банкротства) юридических лиц в России (за счет повышения ответственности КДЛ и неотвратимости наказания за неумелые, необоснованные или халатные действия при проведении сделок и управлении компанией), но и будет способствовать скорейшему выходу отечественных предприятий из кризисной экономической ситуации.

Литература

1. Монастырский Ю.Э. Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 82-95.

References

1. Monastyrsky Yu.E. The legal logic of imposing losses on controlling persons // Journal of Russian Law. 2019. No. 2. pp. 82-95.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС ГАРАНТ.

ВИДЫ ЦИФРОВОЙ ПРОДУКЦИИ КАК ОБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА

Любовь Владимировна Щербачева, доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, член Международной Объединенной Академии Наук
Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (117997, Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1)
E-mail: sherbacheva@rambler.ru

Аннотация. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что актуальность конструирования правового режима цифровой продукции заключается в выработке ее законодательного регулирования, которое в настоящий момент характеризуется неполнотой и противоречивостью. В данной статье рассматриваются основные подходы к определению цифровой продукции, выработка понятия цифровой продукции, конструирование системы видов цифровой продукции, краткая характеристика наиболее важных в контексте избранной темы особенностей отдельных цифровых продуктов и анализ подходов к правовой квалификации цифровой продукции как единой правовой категории на законодательном, правоприменительном и доктринальном уровнях.

Ключевые слова: авторское право, цифровая продукция, Соглашение ТРИПС, Бернская конвенция, Договор ВОИС по авторскому праву, результат интеллектуальной деятельности.

TYPES OF DIGITAL PRODUCTS AS COPYRIGHT OBJECTS

Lyubov' V. Shcherbacheva, Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Member of the International United Academy of Sciences
Russian State University named after A.N. Kosygin (117997, Moscow, ul. Sadovnicheskaya, d. 33, str. 1)
E-mail: sherbacheva@rambler.ru

Abstract. The study concludes that the relevance of the legal regime of digital products is to develop its legislative regulation, which is currently characterized by incompleteness and contradiction. This article examines the basic approaches to the definition of digital products, the development of the concept of digital products, the design of the system of digital products, the brief characterization of the most important in the context of the chosen topic of the features of individual digital products and the analysis of approaches to the legal qualification of digital products as a single legal category at the legislative, law enforcement and doctrinal levels.

Keywords: copyright, digital products, TRIPS Agreement, Berne Convention, WiPO copyright treaty, the result of intellectual activity.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Щербачева Л.В. Виды цифровой продукции как объекты авторского права. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):74-81.

Цифровая продукция не является гомогенной категорией – в нее входят самые разные объекты гражданского и торгового оборота, чей правовой режим существенно различается между собой. Ряд цифровых продуктов обладает собственным правовым регулированием; вопрос о правовой природе некоторых, наоборот, является дискуссионным и обсуждается на законодательном, правоприменительном и доктринальном уровнях. Выявление структуры категории цифровой продукции и выработка системы составляющих ее содержание видов представляется важной за-

дачей, способствующей уточнению правового режима уже существующих видов цифровой продукции, конструированию регулирования принципиально новых видов, созданию общих для цифрового контента в единстве всех его видов нормативных правил и установлению правовой определенности в целом.

Согласно п. 1, 2 ст. 1259 ГК РФ, объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств, назначения и способа выражения, а также программы для ЭВМ, охраняющиеся как литературные произведения [7].

Федеральным законом от 12 марта 2014 года N 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» к числу составных произведений, являющихся объектами авторского права, был отнесен интернет-сайт [7]. К объектам смежных прав, в соответствии с п. 1 ст. 1304 ГК РФ, относятся результаты исполнительской деятельности, фонограммы, сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, а также произведения науки, литературы и искусства, обнародованные после их перехода в общественное достояние, в части охраны прав публикаторов таких произведений [7].

К объектам авторского права, безоговорочно относимым авторами и законодателями к категории цифровой продукции, являются программы для ЭВМ. Как и произведение, программа для ЭВМ может быть выражена в любой форме, что прямо предусматривают ст. 1261 ГК РФ и ст. 4 Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву 1996 г. [7].

Существующая система экономических отношений во многом базируется на продуктах, облеченных в цифровую форму, так как оборот цифровых продуктов интенсифицируется с каждым годом, и стоимость сделок с ними порой может превосходить цену вещей, обладающих физическими параметрами.

Цифровизация ставит перед законодателями задачу адаптации существующей правовой системы к новым реалиям. К числу первоочередных мер, необходимых для обеспечения адекватности нормативного правового материала условиям стремительного технического прогресса и становления цифровой экономики, следует отнести разработку основных правовых институтов, обеспечивающих современный цифровой гражданский и торговый оборот, в частности, конструирования позитивного регулирования цифровой продукции [4]. Однако выработке правового режима цифровых продуктов должно предшествовать выявление их правовой сущности, определение границ и содержания понятия цифровой продукции.

Цифровая продукция не является гомогенной категорией – в нее входят самые разные объекты гражданского и торгового оборота, чей правовой режим существенно разнится между собой. Ряд цифровых продуктов обладает собственным правовым регулированием; вопрос о правовой природе некоторых, наоборот, является дискуссионным и обсуждается на законодательном, правоприменительном и доктринальном уровнях. На основании исследования основных подходов к определению цифровой продукции, представляется возможным дефинировать ее как существующие в цифровой форме объекты, обладающие внутренней ценностью и передающиеся посредством

физических носителей информации, в информационно-телекоммуникационных сетях или любым другим способом. Данное определение предусматривает отнесение к числу цифровых продуктов большое количество объектов, которые можно классифицировать на основании признака их законодательной регламентированности: в таком случае, первую подгруппу составляют результаты интеллектуальной деятельности в цифровой форме, прямо легитимированные и урегулированные нормативными правовыми положениями. Необходимость законодательного закрепления самостоятельного понятия «цифровая продукция» в числе объектов гражданских прав по смыслу ст. 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации отсутствует, поскольку результаты интеллектуальной деятельности уже отнесены данной статьей к таким объектам, а нетипичные цифровые продукты могут быть включены в категорию «иного имущества». Выявление структуры категории цифровой продукции и выработка системы составляющих ее содержание видов представляется важной задачей, способствующей уточнению правового режима уже существующих видов цифровой продукции, конструированию регулирования принципиально новых видов, созданию общих для цифрового контента в единстве всех его видов нормативных правил и установлению правовой определенности в целом.

К первой подкатегории понятия цифровой продукции следует отнести такие «традиционные» цифровые продукты, как результаты интеллектуальной деятельности, прямо закрепленные в действующем законодательстве и охраняемые нормами об интеллектуальной собственности, – включение данных объектов в число цифровых продуктов не вызывает споров среди исследователей и безусловно относится к категории цифровой продукции немногочисленными нормативными правовыми актами, рассматривающими это понятие¹.

Благодаря развитию цифровых технологий, в частности, сети Интернет, практически все объекты авторского и смежных с ним прав приобрели свое новое бытие в цифровой форме [17]. В соответствии п. 1, 2 ст. 1259 ГК РФ, объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств, назначения и способа выражения, а также программы для ЭВМ, охраняющиеся как литературные произведения [7], к объектам смежных прав, согласно п. 1 ст. 1304 ГК РФ, относятся результаты исполнительской деятельности, фонограммы, сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, а также произведения науки, литературы и искусства, обнародованные после их перехода в общественное достояние, в части охраны прав публикаторов

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.09.2018 N C01-729/2018 по делу N A60-42307/2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.11.2020 г.).

ров таких произведений [7].

Поскольку цифровая форма результатов интеллектуальной деятельности, находящихся свое однозначное законодательное выражение, возникла сравнительно недавно, с появлением самих цифровых технологий, то «традиционность» таких объектов является условной. Необходимо отметить, что цифровые технологии поспособствовали возникновению новых видов объектов авторского и смежного права таких как, компьютерная анимация, цифровая живопись, произведений изобразительного искусства из символов ASCII (так называемый ASCII art). Существование ряда объектов, относящихся к данной категории, стало возможным только благодаря развитию технологий – это справедливо, прежде всего, в отношении программ для ЭВМ и баз данных.

Согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ, так и ст. 1(1) Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. (далее – Бернская конвенция) относит к произведениям любую продукцию в области литературы, науки и искусства, вне зависимости от способа и формы ее выражения [3]. Форма выражения при этом является важнейшим свойством произведения. Г.Ф. Шершеневич отмечает, что продукт духовного творчества должен иметь внешнюю форму, посредством которой он делался бы доступным и получал закрепление, – в ином случае мысль, не проявленная вовне, не может быть объектом авторского права¹.

В соответствии с п. 3 ст. 1259 ГК РФ содержится открытый перечень объективных форм выражения произведения, называя конкретные примеры: устная, письменная, в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме [7]. Е.С. Дементьева отмечает, что цифровая форма выражения несводима к простому подвиду письменной, поскольку имеет ряд принципиальных особенностей: она не всегда может быть воспринята человеком (поскольку представляет собой набор закодированных символов, адресованных прежде всего компьютеру), а также является воспроизводимой, причем копии объекта обычно неотличимы от оригинала [9], однако, данный теоретический вопрос не имеет принципиального значения для практики. Суд по интеллектуальным правам в ряде дел, касающихся нарушения исключительных прав на программу для ЭВМ, указал, что в соответствии со ст. 9 Бернской Конвенции, авторы литературных и художественных произведений пользуются исключительным правом разрешать воспроизведение этих произведений любым образом

и в любой форме, в том числе и в цифровой². Аналогичную позицию занял и Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая вопрос о взыскании компенсации за нарушение авторских прав [19].

Цифровая форма произведений представляется не только объектом авторского права, но и объектом смежных прав, которые также обретают свое цифровое выражение. И.А. Зенина отмечает, что пп. 1 п. 1 ст. 1304 ГК РФ предусматривает, все исполнения объектами смежных прав, если такие исполнения выражаются в форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств, в том числе в цифровой форме [11]. Указание на цифровую форму фонограммы как записи звука или их отображений встречается и в юридической литературе (в частности, в работах Л.А. Новоселовой, Е.С. Гринь, О.А. Рузаковой, А.И. Савельева и других правоведов) [15], и в судебной практике – к примеру, Суд по интеллектуальным правам в постановлении от 11.12.2017 № С01-931/2017 по делу N A40-224667/2016 о взыскании компенсации за нарушение смежных прав указал на возможность существования любой формы фонограммы, в том числе и цифровой. Возможность представления сообщений передач организаций эфирного или кабельного вещания в цифровой форме регулируется на основании ст. 1329 ГК РФ, которая и определяет передачу как совокупность звуков и (или) изображений или их отображений, при этом «отображение звуков» определяется безусловно ст. 1305 ГК РФ как их представление в цифровой форме [7]. Сообщение передачи, представляющее собой отображение звуков, будет осуществляться в цифровой форме, а также и иные сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания могут быть цифровыми.

При исследовании видов цифровой продукции объектом авторского права, являются также программы для ЭВМ с этим утверждением согласны не только авторы, но и законодатели. Как и произведение, программа для ЭВМ может быть выражена в любой форме, что прямо предусматривают ст. 1261 ГК РФ и ст. 4 Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву 1996 г. (далее – Договор ВОИС по авторскому праву). Стандартной, наиболее распространенной формой компьютерной программы является именно цифровая, обычно предполагающая кодирование информации в двоичной системе. Это следует из законодательного определения программы для ЭВМ, которая является «представленной в объективной форме совокупностью данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подгото-

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.11.2020 г.).

² Постановление Президиума ВАС РФ от 22.04.2008 N 255/08 по делу № А63-14046/2006-С1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2020 г.).

вительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения» [7], а также подтверждается обширной судебной практикой, из которой следует однозначный вывод о примате цифровой формы выражения компьютерной программы над другими. В ряде судебных решений прямо содержится указание на цифровую форму программного обеспечения. Верховный Суд Российской Федерации и Суд по интеллектуальным правам, рассматривая вопрос о том, что следует считать правом на использование программы для ЭВМ, прямо указали, что использованием программы для ЭВМ следует считать не только ее запись в память ЭВМ (однозначно осуществляемую в цифровой форме), но также и хранение экземпляра программы в цифровой форме в памяти ЭВМ или на другом электронном носителе.

Следует дифференцировать виды способов существования программы для ЭВМ, так как не все могут являться цифровыми. Множественность форм выражения компьютерных программ обуславливает особенности правового режима по распоряжению исключительным правом на компьютерную программу и обеспечивает технологическую нейтральность защиты программного обеспечения безотносительно к ее форме выражения [17]. Первой формой выражения программы для ЭВМ следует считать исходный код, представляющий собой текст программы, написанный на одном из языков программирования и доступный для восприятия человека, знающего соответствующий язык программирования. А.И. Савельев отмечает, что обычно исходный код охраняется правообладателем в режиме коммерческой тайны, выступая объектом ноу-хау (ст. 1465 ГК РФ), пользователи получают доступ лишь к самой программе, однако не видят исходного кода [17]. Представляется, что исходный код в абсолютном большинстве случаев существует именно в цифровой форме: сложно вообразить ситуацию, в которой программист фиксировал бы исходный код программы, в любом случае подлежащий компьютерной обработке, на бумажном носителе.

Вторая цифровая форма выражения – объектный код – является наиболее распространенной для введения программы в оборот и ее последующего распространения, поскольку именно она позволяет среднестатистическому пользователю использовать функционал программы для ЭВМ. Форма выражения объектного кода является, безусловно, цифровой, поскольку на техническом уровне объектный код представляет собой код программы, полученный в результате преобразования исходного кода посредством специальной программы, обычно именуемой компилятором или ассемблером. В литературе встречается мнение, что объектный код является атипичным объектом авторского права, поскольку он не может быть

воспринят человеком и не носит творческого характера [20]. Этой позиции следует противопоставить аргументы, приведенные, в частности, Е.С. Дементьевой и А.И. Савельевым, что не только существующий в виде электрических сигналов объектный код, но и, например, магнитная запись, может быть воспринята человеком только при помощи специальных технических устройств, что не препятствует защите выраженного таким способом объекта авторского права, а также то, что именно программа в объектном коде чаще всего и является предметом незаконного воспроизведения [10].

Третьей цифровой формой существования программного обеспечения являются подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы. Следует отметить, что правовая защита, предоставляемая российским законодательством данной форме в рамках программы для ЭВМ является нетипичной: ни Договор ВОИС по авторскому праву, ни Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, далее – ТРИПС) ее не предусматривают. Нормативное определение подготовительных материалов отсутствует, однако правоведы относят к ним техническое задание, общее описание алгоритма или функционирования программы, общую схему построения программы и другие документы, которые могут быть составлены в связи с ее разработкой¹. Необходимо отметить выраженное А.И. Савельевым мнение, что в ряде случаев такие подготовительные материалы имеют высокую ценность, способную даже превзойти ценность самого исходного кода, в связи с чем такие материалы могли бы рассматриваться в качестве самостоятельных литературных произведений и на основании этого получать авторско-правовую охрану.

Наконец, четвертой формой существования программы для ЭВМ являются порождаемые ею аудиовизуальные отображения, которые могут существовать исключительно в цифровой форме, поскольку представляют собой результат обработки объектного кода. Как и в случае с подготовительными материалами, применительно к компьютерным программам данная форма не упоминается в иных законодательных источниках, помимо ГК РФ. Специальное выделение аудиовизуальных отображений в качестве охраноспособной формы обусловлено тем обстоятельством, что защита одних лишь исходного и объектного кодов не может охватить все возможные способы нарушений прав на программу в целом. Важно заметить, что аудиовизуальное отображение программы для ЭВМ не тождественно аудиовизуальному произведению, кото-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 308-ЭС14-1400 по делу № А20-2391/2013 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» и др. (дата обращения 03.11.2020 г.).

рым, согласно п. 1 ст. 1263 ГК РФ, является произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств [7].

Чтобы аудиовизуальное отображение было охраноспособным с точки зрения принципов авторского права, оно должно носить творческий характер, который не следует из того, что такое отображение является элементом охраноспособной компьютерной программы. Пожалуй, наиболее очевидным примером аудиовизуального отображения программы для ЭВМ является пользовательский интерфейс, то есть совокупность элементов, позволяющая пользователю взаимодействовать с программой: устанавливать и удалять ее, вводить и получать данные, управлять ее функционированием.

Рассматривая программы для ЭВМ, следует затронуть вопрос правовой квалификации такого вида цифровой продукции, как компьютерные игры, которые не упомянуты законодательством в качестве самостоятельного результата интеллектуальной деятельности. Согласно существующим в настоящее время подходам, компьютерные игры трактуются в качестве сложного объекта (в частности, в качестве мультимедийного продукта – абз. 1 п. 1 ст. 1240 ГК РФ), либо просто как программы для ЭВМ. Отнесение компьютерных игр к сложным объектам находит поддержку среди правоведов, в частности, у В.В. Архипова, Е.С. Котенко и А.И. Савельева [1]. Действительно, компьютерная игра вполне может пониматься как совокупность нескольких результатов интеллектуальной деятельности: как самой программы для ЭВМ, так и литературных, сценарных, музыкальных произведений, произведений изобразительного искусства и др. Гражданский кодекс РФ в абз. 1 п. 1 ст. 1240 упоминает «мультимедийный продукт» в качестве сложного объекта, однако не содержит иных правовых норм, которые касались бы непосредственно мультимедийного продукта, и не дает его дефиниции, что провоцирует полемику среди ученых-правоведов и обуславливает разрозненность судебной практики по вопросам, касающимся рассматриваемого сложного объекта. Ряд авторов понимает под мультимедийным продуктом цифровые продукты, созданные при помощи особого средства обработки информации или компьютерной технологии¹. Иногда это определение конкретизирует-

ся указанием на интерактивность как на обязательный признак [22]. Другие считают, что под означенным объектом интеллектуальной собственности имеется в виду компьютерная система, включающая различные произведения [2]. Некоторые исследователи полагают, что мультимедийным продуктом являются произведения, обязательным компонентом которых является программа для ЭВМ, иные произведения и зачастую база данных [6]. Пожалуй, наиболее полное определение мультимедийного продукта дала Е.С. Котенко: «выраженный в цифровой форме объект авторских прав, который включает несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем» [12]. Российские суды редко оперируют термином «мультимедийный продукт», обычно рассматривая потенциально относимые к данной категории объекты в качестве программы для ЭВМ или базы данных [13]. Тем не менее, в юридической литературе в качестве классического примера мультимедийных продуктов называют компьютерную игру [12]. Помимо прочего, к мультимедийным продуктам отнесены учебные курсы, обучающие и развивающие программы [8; 17]. В то же время и правовая трактовка компьютерной игры в качестве программы для ЭВМ имеет под собой основания, порожаемые включением аудиовизуальных отображений в понятие программы для ЭВМ. Примечательно, что именно ко второму подходу тяготеет судебная практика – например, Федеральный арбитражный суд Московского округа неоднократно прямо приравнивал компьютерную игру к программе для ЭВМ. Впрочем, справедливым будет сказать, что в решении от 08.04.2015 по делу № А40-56211/14-90-70 Арбитражный суд города Москвы расценил компьютерную игру как «сложный объект, включающий совокупность результатов интеллектуальной деятельности». Представляется, что предпочтительнее было бы квалифицировать компьютерную игру в зависимости от конкретного случая. Зачастую компьютерная программа, непреложно являющаяся частью всякой компьютерной игры, отображает не просто сгенерированные самой программой элементы, а заранее созданные произведения, – такие игры надлежит считать сложным объектом, в том числе и мультимедийным продуктом. Тем не менее, как отмечается в литературе, в настоящее время существуют игры, не включающие внешние по отношению к программе объекты авторского права и базирующиеся только на собственных аудиовизуальных изображениях, – резонно было бы полагать такие игры программами для ЭВМ [1]. Помимо прочего, можно представить себе компьютерную игру, в которой значительная часть элементов не со-

¹ Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2020 г.).

держит в себе достаточной доли творческого вклада, и охраноспособной с точки зрения авторского права является исключительно лежащая в основе игры программа для ЭВМ.

К числу видов цифровой продукции, являющихся результатами интеллектуальной собственности, относится также интернет-сайт, который представляет собой полноценный цифровой продукт, способный быть предметом сделок и порождать правовые споры, о чем прямо свидетельствуют научные работы и обильная судебная практика [5]. В настоящее время Гражданский кодекс РФ не содержит понятия интернет-сайта. В Проекте Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятом в первом чтении, предусматривалось дополнение п. 2 ст. 1260 ГК РФ определением интернет-сайта как представленной в объективной форме совокупности самостоятельных материалов, систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть размещены в сети Интернет [16]. Однако данная дефиниция не прошла в итоговый вариант закона. В настоящее время сайт определяется ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ об информации) как «совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети Интернет» [20].

Помимо прочего, на этапе разработки поправок в Гражданский кодекс РФ велись дискуссии о правовой квалификации сайта: предлагалось отнести его к числу сложных объектов или к составным произведениям¹. Победила вторая точка зрения: п. 2 ст. 1260 ГК РФ дополнился указанием на то, что интернет-сайт является составным произведением. Как указывается в литературе, такая законодательная норма отвечала сложившейся судебной практике [18]. Данный вывод представляется обоснованным. Согласно пп. 2 п. 2 ст. 1259 ГК РФ, составным является произведение, по подбору или расположению материалов представляющее собой результат творческого труда [7]. Контент сайта, в свою очередь, состоит из специально подобранных и расположенных определенным образом материалов (текстов, рисунков, фотографий, чертежей, аудиовизуальных произведений и т.д.), которые могут быть использованы с помощью компьютерной программы,

являющейся элементом сайта [14].

База данных, относимая к результатам интеллектуальной деятельности, также является видом цифровой продукции. Согласно абз. 2 п. 2 ст. 1260 ГК РФ, под базой данных понимается представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов, систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины [7]. Учитывая настоящее законодательное определение, цифровая форма существования базы данных представляется единственно возможной. Интересен вопрос правовой квалификации базы данных: как упоминалось выше, она охраняется как авторским, так и смежными правами; помимо прочего, она одновременно отнесена и к сложным объектам (абз. 1 п. 1 ст. 1240 ГК РФ), и к составным произведениям (абз. 1 п. 2 ст. 1260 ГК РФ) [7]. База данных является составным произведением, поскольку представляет собой творческую подборку и расположение различных содержательных элементов. В то же время база данных может являться сложным объектом, если она включает в себя результаты интеллектуальной деятельности, формирующие собой новое целостное произведение. Сложный объект, в отличие от составного произведения, нельзя создать при помощи одного лишь оригинального расположения формирующих его компонентов [15]. Примечательно, что в литературе нередко высказывается мнение о возможности правовой трактовки интернет-сайта в качестве базы данных [8; 17]. Как отмечает А.И. Савельев, отнесение сайта к категории баз данных позволило бы применить к нему режим смежного права изготовителя базы данных, который направлен на защиту произведенных в создание наполнения такой базы инвестиций – так, на основании абз. 1 п. ст. 1334 ГК РФ, изготовителю базы данных, создание которой требует существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат (затраты презюмируются таковыми, если число элементов базы данных составляет не менее десяти тысяч), принадлежит исключительное право извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование в любой форме и любым способом [17]. Можно сказать, что к настоящему моменту судебная практика уже выработала подход, согласно которому страницы в социальной сети квалифицируются в качестве базы данных. Законодательство, судебная практика и юридическая доктрина трактуют самые разнообразные подходы к определению цифровых продуктов, выделяют различные конститутивные свойства цифровой продукции и по-разному очерчивают границы рассматриваемой категории – единственным признаком цифровых продуктов, в отношении которого солидарны все законодатели, правоприменители и исследователи, является их цифровая форма. В процессе

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.02.2015 № С01-42/2015 по делу № А01-161/2014 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» и др. (дата обращения 19.10.2020 г.).

исследования были проанализированы основные существующие концепции категории цифровых продуктов. Наиболее оптимальным определить цифровую продукцию необходимо следующим образом – это существующие в цифровой форме объекты, обладающие реальной или потенциальной внутренней ценностью и передающиеся на физических носителях, посредством информационно-телекоммуникационных сетей или любым другим способом. Такое понятие является перспективным, поскольку содержит признаки, на основании которых возможно отнесение к числу цифровых продуктов новых объектов, возникающих в результате научно-технического прогресса и растущей цифровизации общественной и экономической жизни. Проведенное исследование фактически подтверждает то, что в условиях рыночных отношений и идеи формирования правового государства объекты авторского и смежных с ним прав, представленных в цифровой форме – требуют адаптации права интеллектуальной собственности к новым условиям.

Представляется целесообразным защищать не только интересы правообладателей, но и интересы пользователей, заключающиеся в устранении искусственных барьеров, повышающих стоимость транзакции при использовании объектов авторского и смежных прав или даже мешающих такому использованию [21]. Однако, несмотря на все свойства «нематериальной» формы и сопряженные с ней сложности, приведенные объекты являются цифровыми продуктами и результатами интеллектуальной деятельности, которые нашли свое отражение в действующем законодательстве. Необходимо отметить, что цифровая форма объектов авторского и смежных прав влечет ряд особенностей их правового режима, которые пока что не получили должного законодательного урегулирования. Такие особенности касаются защиты прав на названные объекты (что наиболее важно для распространяющихся в сети Интернет результатов интеллектуальной деятельности); существования параллельных систем распространения объектов, воплощенных в материальной и в цифровой форме, что обуславливает различный правовой режим договоров на их поставку; удостоверения права автора на объекты авторского права и исполнения в цифровой форме и других аспектов.

Литература

1. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11.
2. Басманова Е.С. Интернет-сайт как объект имущественных прав: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. М., 2010.
3. Бернская Конвенция по охране литературных

и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.11.2020 г.).

4. Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11.
5. Войниканис Е.А., Якушев М.В. Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве // Издательство: Волтерс Клувер, 2004.
6. Годра Ф. Краткие заметки о правовом режиме произведения мультимедиа (пер. с фр. О. Проиной) // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2002. № 6.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.11.2020 г.).
8. Дементьева Е.С. Проблемы правового регулирования цифровой формы произведения // ООО «Издательский дом «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРЕССА» (Москва), «ИС. Авторское право и смежные права», 2016, № 7.
9. Зенин И.А. Смежные права в России: становление и развитие // Проблемы современной цивилистики: Сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева. М.: Статут, 2013.
10. Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт. М.: Издательство Проспект, 2015.
11. Коммерческое право: учебник для академического бакалавриата / Е.А. Абросимова, А.Т. Амиров, В.А. Белов [и др.]; под общ. ред. Б.И. Пугинского, В.А. Белова, Е.А. Абросимовой / 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.
12. Павлова Е.А., Калятин В.О., Корнеев В.А. Вводный научный комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Консультант Плюс, 2015.
13. Подшибихин Л., Леонтьев К. Продукты мультимедиа: правовые проблемы и экономические перспективы // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2002. № 9.
14. Право интеллектуальной собственности: Учебник. Т. 2: Авторское право / Е.С. Гринь, В.О. Калятин, С.В. Михайлов и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Издательство Юрайт, 2019.
15. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование //

Издательство: Инфотропик, 2012.

16. Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут, 2015.
17. Савельев А.И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
18. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: Типография Императорского Университета, 1891.
19. Хохлов В.А. Авторское право: законодательство, теория, практика. 2-е изд. М.: Городец, 2012.
20. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017.
21. Aplin T.F. Copyright law in the Digital society. The challenges of multimedia. Oxford: Bloomsbury Publishing, 2005. P. 15.
22. Negroponte M. Being Digital. London: Hodder Headline PLC, 1995. P. 11, 16, 18.
9. Zenin I.A. Related Rights in Russia: formation and development // Problems of modern civilistics: A collection of articles dedicated to the memory of Professor S.M. Korneev. M.: Statute, 2013.
10. Kotenko E.S. Copyright on multimedia product. Moscow: Prospect Publishing House, 2015.
11. Commercial law: textbook for academic baccalaureate / E.A. Abrosimova, A.T. Amirov, V.A. Belov [et al.]; under the general editorship of B.I. Puginsky, V.A. Belov, E.A. Abrosimova / 5th ed., reprint. and add. M.: Yurayt Publishing House, 2019.
12. Pavlova E.A., Kalyatin V.O., Korneev V.A. Introductory scientific commentary on Part four of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Consultant Plus, 2015.
13. Podshibikhin L., Leontiev K. Multimedia products: legal problems and economic prospects // Intellectual property. Copyright and related rights. 2002. № 9.
14. Intellectual property law: Textbook. Vol. 2: Copyright / E.S. Grin, V.O. Kalyatin, S.V. Mikhailov, etc.; under the general editorship of L.A. Novoselova. M.: Yurayt Publishing House, 2019.
15. Savelyev A.I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation // Publishing House: Infotropik, 2012.
16. Savelyev A.I. Commentary to the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information technologies and Information Protection" (article by article). Moscow: Statute, 2015.
17. Savelyev A.I. Software licensing in Russia: legislation and practice. Moscow: Infotropik Media, 2012.
18. Shershenovich G.F. Copyright on literary works. Kazan: Printing House of the Imperial University, 1891.
19. Khokhlov V.A. Copyright: legislation, theory, practice. 2nd ed. Moscow: Gorodets, 2012.
20. Entin V.L. Copyright in virtual reality (new opportunities and challenges of the digital age). Moscow: Statut, 2017.
21. Aplin T.F. Copyright law in the Digital society. The challenges of multimedia. Oxford: Bloomsbury Publishing, 2005. P. 15.
22. Negroponte M. Being Digital. London: Hodder Headline PLC, 1995. P. 11, 16, 18.

References

1. Arkhipov V.V. Intellectual property in the computer game industry: problems of theory and practice // Law. 2015. No. 11.
2. Basmanova E.S. Internet site as an object of property rights: dissertation ... candidate of Legal Sciences: 12.00.03. M., 2010.
3. Bern Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886 (ed. of 28.09.1979) // Reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 28.11.2020).
4. Vaypan V.A. Fundamentals of legal regulation of the digital economy // Law and economics. 2017. № 11.
5. Voynikanis E.A., Yakushev M.V. Information. Property. Internet: Tradition and novellas in modern Law // Publishing House: Volters Kluwer, 2004.
6. Godra F. Brief notes on the legal regime of a multimedia work (translated from French by O. Pronina) // Intellectual property. Copyright and related rights. 2002. No. 6.
7. Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 N 230-FZ (ed. of 23.05.2018) // Reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 28.11.2020).
8. Dementieva E.S. Problems of legal regulation of the digital form of a work // LLC "Publishing House" INTELLECTUAL PRESS "(Moscow), "IS. Copyright and Related Rights", 2016, No. 7.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: СУБЪЕКТЫ, ПРИНЦИПЫ, ПРОБЛЕМАТИКА

Николай Викторович Румянцев, профессор кафедры административного права, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: rumyantsevn.v@ya.ru

Светлана Николаевна Андреева, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса, кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России (198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, д. 1)

E-mail: sweta-rus@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы социального партнерства с позиций трудового права; дана характеристика субъектам социально-трудового партнерства; с точки зрения трудового законодательства представлены основные принципы социального партнерства как самостоятельного правового института; обозначена проблематика правового и социально-экономического разделения социального партнерства; предложены направления оптимизации трудового законодательства о социальном партнерстве работников и работодателей.

Ключевые слова: трудовое право, работник, работодатель, социальное партнерство, коллективный договор, субъекты социального партнерства, принципы социального партнерства, проблемы социального партнерства.

SOCIAL PARTNERSHIP: SUBJECTS, PRINCIPLES, PROBLEMS

Nikolay V. Rumyantsev, Professor of the Department of Administrative law, Chief Scientific Officer of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: rumyantsevn.v@ya.ru

Svetlana N. Andreeva, Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure, Candidate of Legal Sciences

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (198206, Saint-Petersburg, Lyotchika Pilyutova str., 1)

E-mail: sweta-rus@mail.ru

Abstract. The article considers the issues of social partnership from the standpoint of labor law, describes the subjects of social and labor partnership, presents the basic principles of social partnership as an independent legal institution from the point of view of labor legislation, identifies the problems of legal and socio-economic division of social partnership, and suggests ways to optimize labor legislation on social partnership between employees and employers.

Keywords: labor law, employee, employer, social partnership, collective agreement, subjects of social partnership, principles of social partnership, problems of social partnership.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Румянцев Н.В., Андреева С.Н. Социальное партнерство: субъекты, принципы, проблематика. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):82-5.

Основу российского трудового права составляют принципы, закрепленные в Трудовом кодексе Российской Федерации (ТК РФ), их всего 19, и одним из них является социальное партнерство¹.

Принцип социального партнерства имеет «программирующее» значение и является базовым для отрасли трудового права, особенно в настоящее время, когда нетипичные формы занятости, цифровые технологии и искусственный интеллект порождают новые конфликты и требуют уже иных подходов к проблемам их разрешения.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации, 07.01.2002, №1 (ч. 1), ст. 3.

Социальное партнерство, реализуемое в трудовой сфере человеческой деятельности, в соответствии со статьей 23 ТК РФ, представляет собой специфическую систему взаимоотношений, возникающих между субъектами трудовой деятельности, которыми являются работники и работодатели. Цель социального партнерства в системе трудовых взаимоотношений состоит в том, чтобы максимально возможно обеспечивать согласование заинтересованностей работников и работодателей при организации трудовой деятельности.

Данное определение социального партнерства в законе, как видится, обеспечивает реализацию коллективных трудовых отношений.

В этой связи можно говорить о том, что субъектами социального партнерства являются, соответственно, работники и работодатели или же представители обеих сторон-участников трудовых отношений. Положения статьи 25 ТК РФ указывают на то, что в качестве субъектов социального партнерства со стороны работодателей могут выступать не только коммерческие предприятия и государственные организации, но также органы государственной власти и местного самоуправления. Стоит отметить, что в рассматриваемом контексте необходимо учитывать особенности трудового законодательства – выступление обозначенных субъектов трудовых отношений в качестве сторон социального партнерства возможно тогда, когда это предусмотрено российским законом.

Таким образом, социальное партнерство является обеспечительным условием в формировании трудовых взаимоотношений, возникающих между работником и работодателем, тем самым, создавая возможность социального развития общества, прогресса в области регулирования вопросов трудового взаимодействия и общего состояния общественной сферы жизнедеятельности человека, который является основным элементом социума.

Статья 24 ТК РФ закрепляет основные принципы социального партнерства в сфере трудовой деятельности. Они отражены на рисунке 1.

Исходя из обозначенной на рисунке информации, можно говорить о том, что 12 принципов социального партнерства являются основой организации трудового взаимодействия его субъектов – работника и работодателя – независимо от статуса работодателя, а потому полагается, что социальное партнерство можно расценивать как полноценный институт трудового права. Об этом также говорит и тот факт, что положения статьи 2 ТК РФ указывают на договорное регулирование трудовых отношений, возникающих между работником и работодателем. Данное положение подтверждает принадлежность социального партнерства к институциональной общественно-трудовой структуре, поскольку, как отмечает Ермакова А.А., сам тру-

довой договор является основным институтом трудового права в регулировании трудовых отношений между работником и работодателем [1].

Равноправие сторон	Уважение и учет интересов сторон	Заинтересованность сторон в участии в договорных отношениях
Содействие государства в укреплении и развитии социального партнерства на демократической основе	Соблюдение сторонами и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права	Полномочность представителей сторон
Свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда	Добровольность принятия сторонами на себя обязательств	Реальность обязательств, принимаемых на себя сторонами
Обязательность выполнения коллективных договоров, соглашений	Контроль за выполнением принятых коллективных договоров, соглашений	Ответственность сторон, их представителей за невыполнение по их вине коллективных договоров, соглашений

Рис. 1. Основные принципы социального партнерства в сфере трудовой деятельности

Социальное партнерство, как принцип трудового права, обеспечивает не только взаимодействие работника и работодателя. Он проникает во все сферы взаимоотношений, связанных с трудовой деятельностью человека. Различными исследователями предлагается множество классификаций, связанных с градацией принципов трудового права. Анализ научной литературы показывает, что изучая социальное партнерство в качестве принципа трудового права, исследователи относят его, как правило, к следующим принципиальным группировкам:

- демократичность в системе трудовых отношений;
- принципы, обеспечивающие условия труда работников;
- общие принципы трудового права [3].

Независимо от сферы трудовой деятельности и характера трудовых взаимоотношений, на протяжении всего взаимодействия субъектов социального партнерства происходит согласование интересов всех участвующих в таковых взаимоотношениях сторон: начиная с момента заключения трудового договора, внесения изменений в него, продления и завершая процедурой расторжения. Согласование интересов сторон-участников трудовых отношений создает основу социального партнерства, и без этого его возникновение между работником и работодателем исключено.

Анализ научно-практической литературы показывает, что многие авторы предпочитают разграничивать понятие социального партнерства и трудового партнерства. Петров Н.Р. считает, что социальное партнерство является социальным институтом со множеством специфических технологий и механизмов, применяемых

при достижении различных целей во взаимодействии людей друг с другом, что говорит о его разносторонних формах проявления. Одной из распространенных разновидностей социального партнерства является социально-трудовое партнерство [2].

Следует согласиться с данной позицией, поскольку, на наш взгляд, социальное партнерство по своей сущности предполагает любое взаимодействие между людьми, так как они составляют социум, а трудовое партнерство возникает в ходе отдельной социальной деятельности людей, обладающей специфическими особенностями.

Стоит отметить, что Хасенов М.Х. указывает на необходимость разграничения и научных подходов к исследованию феномена социального партнерства, которое российским законодательством применяется в категории трудового права:

- правовой подход – используется в научно-юридическом знании и исследованиях;
- социально-экономический – применяется в социологических и экономических науках и исследованиях.

Исследователь отмечает, что эти два подхода не являются противоречивыми, скорее их можно транслировать как взаимодополняющие. Но в контексте правового регулирования трудовых отношений должен применяться, главным образом, правовой подход, допускающий в качестве дополнения использование социально-экономического, и наоборот. Это связано с тем, что специфика трудовых отношений, являющихся одним из компонентов сферы общественной жизнедеятельности, зачастую характеризуется уклонением субъектов трудовых отношений от исполнения заранее обозначенных договоренностей [5].

Несмотря на то, что российское трудовое законодательство уделяет социальному партнерству довольно большой раздел (статьи 23-55 ТК РФ), что обеспечивает ему статус комплексного правового института, объединяющего в себе множество норм трудового права, реализация его принципов не всегда является эффективно действующей системой, а потому зачастую цели социально-трудового партнерства в системе трудовых взаимоотношений работника и работодателя остаются недостижимыми. Полагается, здесь можно обозначить несколько ключевых причин:

- работник или его представитель занимают пассивную позицию в системе трудовых отношений, развивающихся с работодателем;
- формализм работодателя в коллективно-трудовой актовой системе и соответствующее отношение к коллективно-трудовым договорам у самих работников;
- неразработанность правовых положений о процедуре заключения коллективно-трудового договора;

- большой объем коллективно-трудового договора, большой массив которого занимают информационные, а не регулирующие трудовые взаимоотношения положения;
- незначительная практика защиты прав работников на этапе досудебного разбирательства.

Стоит отметить, что мирное урегулирование конфликтов, возникающих в сфере трудовых взаимоотношений, является распространенной мировой практикой (США, Великобритания, Швейцария, КНР, Австралия и др.), в то время как в России работник предпочитает сразу же обращаться в судебные инстанции [3].

Как правило, конфликты между субъектами социального партнерства – работником и работодателем – возникают в случае нарушения коллективного трудового договора. В этом случае можно говорить об антиправовом воздействии социального партнерства на общественную жизнедеятельность [4]. Чаще всего в судебной практике встречаются следующие случаи нарушения положений коллективно-трудовых договоров:

- нарушения пределов рабочего времени (нарушение статьи 91 ТК РФ);
- выплата заработной платы в неденежной форме (нарушение положений статьи 131 ТК РФ);
- принятие ненадлежащих мер дисциплинарной ответственности (нарушение положений статьи 192 ТК РФ) и др.

О частых нарушениях условий социального партнерства в сфере трудовых отношений свидетельствует и статистика. Так, например, в одном из российских регионов из проверенных коллективных договоров почти 20% оказались с различного рода нарушениями [4].

Коллизионным вопросом в сфере регулирования социально-трудового партнерства стоит отметить отсутствие в российском законодательстве четкого определения коллективного договора, как и нет надлежащего регулирования его отдельных положений – тех, которые в рамках трудового права исполняют базовую регулятивную функцию. Не предусмотрены в коллективном договоре и положения, обеспечивающие право работника на оспаривание неприемлемых для него положений, указанных в самом коллективном договоре, а также позволяющие признать его недействительным в целом либо отдельных его положений.

Полагается, необходимо внести в российское законодательство изменения, касающиеся введение норм, позволяющих работнику оспорить коллективный договор или его отдельные положения в индивидуальном порядке, предусмотренном для разрешения споров, возникающих в сфере трудовых отношений. Стоит скорректировать и нормы гражданского права в части регулирования признания договоров недействительными, дополнив их положениями о недействительности коллективных договоров, либо обозначить

это в трудовом законодательстве РФ.

Но здесь стоит также говорить о том, что в силу отсутствия соответствующих нормативных положений, как в законодательстве, так и в самом коллективном договоре, исковые требования отдельного сотрудника в части признания коллективного договора или его отдельных положений недействительными, не могут быть удовлетворены.

В этой связи, представляется, что необходим комплексный подход к пересмотру нормативных положений о социальном партнерстве в сфере трудовых отношений.

Тем не менее, стоит отметить, что в настоящее время социальное партнерство российских работников и работодателей находится на достаточно высоком уровне развития, что подчеркивается многочисленными фактами улучшения материального положения работников [4]. Полагается, данные факты напрямую связаны с политикой управления персоналом современных организаций и предприятий-работодателей, которые сегодня делают акцент на различные виды материального и нематериального стимулирования своих работников, что детально отражают в тех же самых коллективных договорах.

Таким образом, можно говорить о том, что социальное партнерство как социально-правовой институт регулирования трудовых отношений призван обеспечить позитивные взаимоотношения работников и работодателей, что в конечном итоге, позволяя организациям работать более эффективно и выделять больше денежных средств на поощрение своих работников, приводит к упрочнению фундаментальных нравственно-ориентированных позиций работников с позиции социума. Происходит развитие закономерности о естественном социальном законе, предполагающем умение выстраивать взаимоотношения людей между собой, что, опять же, позволяет нам говорить о разграничении социального партнерства и социально-трудового партнерства на две взаимосвязанные сферы регулирования – правовой и социально-экономической.

Литература

1. Ермакова А.А. Трудовой договор как основной институт трудового права в регулировании

трудовых отношений между работником и работодателем // Исследования молодых ученых: матер. Междунар. науч. конф.; г. Казань, июнь 2019 г. Казань: Молодой ученый, 2019. С. 35-36.

2. Петров Н.Р. Социально-трудовое партнерство как социологическая категория // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. №1 (75). С. 172-175.
3. Соловьева С.В. Социальное партнерство как принцип трудового права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 316-318.
4. Таджибова Л.Н. Международные аспекты развития института социального партнерства в сфере труда // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4. С. 25-29.
5. Хасенов М.Х. Совершенствование нормативно-правовой основы социального партнерства в государствах Евразийского экономического союза с учетом международных трудовых стандартов // Lex Rissica. 2020. № 1. С. 160-171.

References

1. Ermakova A.A. Employment contract as the main Institute of labour law in the regulation of labor relations between the employee and the employer, Studies of young scientists: mater. International Scientific Conference; Kazan, June 2019 Kazan: Young Scientist, 2019. pp. 35-36.
2. Petrov N.R. Social and labor partnership as a sociological category // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2019. No. 1 (75). pp. 172-175.
3. Solov'eva S.V. Social partnership as a principle of labor law. 2020. No. 14. pp. 316-318.
4. Tadjibova L.N. International aspects of the development of the Institute of Social Partnership in the sphere of labor // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. No. 4. pp. 25-29.
5. Khasenov M.Kh. Improvement of the legal framework of social partnership in the states of the Eurasian Economic Union with the account of international labor standards // Lex Rissica. 2020. No. 1. pp. 160-171.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОДУЦИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Давид Исакович Аминов, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, доктор юридических наук, профессор
Государственный университет управления (109542, Москва, Рязанский пр-т, д. 99)
E-mail: aminovdi59@mail.ru

Аннотация. Рассматривается роль средств массовой информации в контексте воздействия на правосознание людей. СМИ рассматриваются как средство не только оперативного донесения информации до граждан, но и как мощное средство формирования законопослушного поведения. Особый акцент делается на то, что в условиях пандемии средства массовой информации являются наиболее эффективным средством влияния на эмоции человека, способным убедить реципиента наилучшим образом. Особенно четко это проявляется в отношении электронных СМИ.

Ключевые слова: информация, психологическое воздействие, законопослушное поведение, пандемия, правосознание.

THE ROLE OF THE MASS MEDIA IN PRODUCING THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE SOCIETY IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC

David I. Aminov, Professor of the Department of Public Law and Legal Management Support, Doctor of Legal Sciences, Professor
State University of Management (109542, Moscow, Ryazansky Prospect, d. 99)
E-mail: aminovdi59@mail.ru

Abstract. The article examines the role of the mass media in the context of the impact on the legal consciousness of people. The media are viewed as a means not only of promptly delivering information to citizens, but also as a powerful means of shaping law-abiding behaviour. Particular emphasis is placed on the fact that in a pandemic, the media are the most effective means of influencing a person's emotions, able to convince the recipient in the best way. This is especially evident in relation to electronic media.

Keywords: information, psychological impact, law-abiding behavior, pandemic, legal awareness.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Аминов Д.И. Роль средств массовой информации в продуцировании правосознания социума в условиях пандемии. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):86-8.

На фоне подавленного настроения граждан в условиях пандемии, недостатка информированности о дальнейшем развитии событий, потери значительной частью населения работы и целым рядом иных негативных социально-экономических факторов, преступность в России приобрела еще больший общественно-опасный характер. При этом стало заметным изменение структуры преступности. В частности, существенным образом увеличилось число различных видов мошенничества, особенно его телефонных разновидностей; все чаще стали совершаться корыстно-насильственные преступления лицами, относящиеся к числу трудовых мигрантов. Участились случаи краж

в домах, расположенных на территории СНТ, а также в гаражах гаражных кооперативов.

Все отмеченное заставляет обратиться к вопросу о роли и влиянии средств массовой информации на формирование правосознания населения. Поскольку налицо повышенная виктимность одной части населения и криминальная активность другой, ставшие следствием отсутствия личного опыта граждан применительно к их жизни и деятельности в условиях пандемии.

Вполне очевидно, что современная система коммуникаций и ее воздействие на сознание граждан является одной из самых значимых для современного пони-

мания социальных процессов. Многолетняя практика доказала, что наиболее действенным для обеспечения законопослушания граждан является не столько наказание или его угроза, сколько восприятие или не восприятие большинством граждан установленных государством норм поведения как своих собственных, т.е. не чужеродных и/или непонятных.

В бытность СССР в 70–80-е гг. прошлого столетия вопросы использования СМИ для антикриминальной пропаганды были отнесены к числу базовых в общей государственной политике. Помимо систематических публикаций по данному вопросу официальных ведомств существовала практика, когда на предприятиях и организациях систематически проводились лекции и беседы с трудовыми коллективами. На таких встречах детальным образом разъяснились многие вопросы, включая вопросы о результатах борьбы с преступностью. К сожалению, нынешняя система, с помощью которой населения способно получить интересующие его сведения по тем же вопросам совершенно не отвечает предъявляемым требованиям.

Понимание причин сложившей негативной ситуации дают неутешительные результаты даже простого пилотажного исследования. Соответствующие результаты без труда может получить любому заинтересованному лицу, желающему проверить правомерность заявленного выше автором настоящей статьи тезиса. В частности, если опросить граждан о наличии или отсутствии социально опасных проявлений преступности и ее интенсивности в их районе, городе или в целом по стране, то подавляющее большинство респондентов заявят о крайне сложной криминальной обстановке.

Далее, с весьма высокой степенью вероятности, на вопрос об источнике такой осведомленности, опрашиваемый сошлется на публикации СМИ. После получения указанного ответа, следующий ответ также будет весьма предсказуем. К примеру, на вопрос, а выступал ли сам опрашиваемый в роли очевидца или потерпевшего от преступления скорее всего респондент заявит что нет! Возможно также, что свое «нет» он дополнит ссылкой на наличие такого опыта хоть и у него, но у какого-то знакомого или дальнего родственника.

Как можно заметить, отсутствие личного опыта респондента в полной мере в его сознании замещается сведениями, поступившими из различных источников. При всей казалась бы, обыденности в современном мире доминировании именно таких источников информации, однако данный формат имеет главный отрицательный аспект. Последний заключается в том, что получаемые сведения могут являться либо полностью не достоверными либо содержать в себе значительную долю их гиперболичности (преувеличения).

Феномен такой недостоверности или преувеличения имеет вполне объяснимую природу. Современная

профессиональная и даже любительская журналистика (публикации в сети Интернет) стала во многом преследовать единственную цель – получить максимальную прибыль из соответствующей деятельности. Такая цель в большинстве случаев и порождает недобросовестность авторов таких публикаций. Однако отмеченное является не единственным фактором формирования искаженного мировоззрения населения. Любая «громкая» публикация о преступности в силу законов социальной психологии начинает уже жить и формировать своеобразные «зеркала» в сознании граждан. А «блики» таких «зеркал» преломляются во все новые и новые искаженные очертания. Однажды опубликованные сведения уже в таком еще более гипертрофированном виде начинают жить самостоятельной жизнью уводя все дальше и дальше сознание граждан от действительности.

В контексте сказанного вполне логичным будет следующий вопрос. А где же следует искать выход из создавшейся ситуации? Вполне очевидно, что искомый выход может быть и должен быть найден в регулярных встречах широких слоев населения с профессиональными юристами практиками и учеными. Помимо отмеченного органы власти как сводку погоды для населения должны систематически публиковать достоверную информацию о преступности. Однако нынешние реалии свидетельствуют о том, что в настоящее время население не имеет никаких площадок для общения с органами власти, все меньше и меньше имеется средств коммуникаций для формирования обратной связи с населением.

В связи с отмеченным главная задача официальных ведомств в том, чтобы переломить сложившуюся ситуацию, переведя решение названной проблемы из второстепенной в основную. Как представляется автору, только так возможно формирование у граждан чувства уверенности в гарантированности их прав и свобод. Реализация данной функции государства уже сама по себе способствует развитию у граждан здорового чувства собственного достоинства и гражданской ответственности.

Соответственно говоря о феномене влияния СМИ на антикриминальные настроения граждан, автор опять-таки не склонен считать возможным выделение некоего «чистого» эффекта. Вполне очевидно, что сознание граждан формируется благодаря доминирующим в стране обычаям и традициям, включая семейные, ментальности граждан, исторически сложившимся устоям и, наконец, реально обеспечиваемым в стране «стандартам» защищенности прав и законных интересов граждан и пр.

К настоящему времени уже накоплен значительный багаж знаний, об основных закономерностях при формировании сознания и правосознания посредством использования современных средств комму-

никаций. Поэтому, на взгляд автора, вряд ли органам власти стоит отказываться от использования такого рода коммуникаций при реализации современных программ борьбы с преступностью. Особенно это актуально в условиях пандемии.

Отмеченное, видимо, требует новых подходов в организации сотрудничества правоохранительных органов с представителями средств массовой информации, так как современная криминогенная ситуация настоятельно требует корректировки сложившегося шаблона передачи правовой информации населению. В данном случае вектор общественного мнения должен быть переведен с конфликта и недоверия на согласие с законом и уважение к нему, и, наконец, понимание задач борьбы с преступностью.

В настоящей статье автор ставил своей целью определить и классифицировать условия, способствующие эффективности публикаций СМИ, в контексте формирования антикриминальных представлений граждан.

В связи с указанным можно выделить *три* группы таких условий: 1) условия, позволяющие осуществлять оценку результатов, прогнозирование и коррекцию профилактического воздействия СМИ; 2) условия, обеспечивающие упорядоченность антикриминальной предметной деятельности представителей СМИ; 3) условия, относящиеся к организации и самоорганизации деятельности СМИ.

Видимо, соблюдение указанных условий как раз и обуславливает эффективность СМИ при достижении задач уголовной политики.

Вполне очевидными и реальными целями таких публикаций предстают следующие:

- информирование населения о сложившейся уголовно-правовой и криминологической ситуации (43%);
- оказание воздействия на конкретного индивида (5%);
- привлечение внимания к определенной правовой проблеме (26%);
- формирование мнения о правоохранительных органах (25%);
- формирование мнения об уровне правовой защиты в обществе (12%);

- призыв к содействию с правоохранительными органами (6%);
- правовая помощь гражданам (6%) и т.д.

Резюмируя сказанное необходимо подчеркнуть, что учет современной роли средств массовой информации в противодействии преступности, а также следование рекомендациям специалистов в области социальной психологии позволяет решать множество задач, связанных с оздоровлением криминальной ситуации в стране, особенно в условиях пандемии.

Литература

1. Трафимов А.Н. Право и средства массовой информации (из опыта работы избирательных комиссий). Орел, 1995. С. 144.
2. Грабильников А.А. Средства массовой информации во второй половине 80–90-х. М., 1995. С. 107.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1988. С. 334.
4. Освещение средствами массовой информации деятельности органов внутренних дел. Научно-аналитический обзор. М.: Омская академия МВД России, 2002. С. 7.
5. Тощенко Ж., Харченко С. Социальное настроение. М., 1996.

References

1. Trofimov A.N. Law and mass media (from the experience of electoral commissions). Orel, 1995. P. 144.
2. Grabilnikov A.A. Mass media in the second half of the 80-90s. M., 1995. P. 107.
3. Andreeva G.M. Social psychology. M., 1988. P. 334.
4. Media coverage of the activities of internal affairs bodies. Scientific and analytical review. M.: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. P. 7.
5. Toshchenko Zh., Kharchenko S. Social mood. M., 1996.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОРЧУ ЗЕМЛИ

Жанна Андреевна Бойцова, доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: zh.boytsova@yandex.ru

Яна Сергеевна Калининская, доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: kalininskayayana@mail.ru

Аннотация. В статье подвергнуты анализу объект и предмет такого противоправного деяния, как порча земли. Рассмотрены вопросы об особенностях описания в законодательстве Российской Федерации вышеобозначенных признаков состава преступления. Выявлены некоторые причины недостаточной эффективности применения норм о порче земли.

Ключевые слова: земля, сельскохозяйственная, порча, загрязнение, деградация, опустынивание, ответственность, уголовная.

ON THE ISSUE OF THE OBJECT OF THE CRIME PROVIDING FOR LIABILITY FOR DAMAGE TO THE LAND

Zhanna A. Boytsova, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: zh.boytsova@yandex.ru

Yana S. Kalininskaya, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: kalininskayayana@mail.ru

Abstract. The article analyzes the object and subject of such an illegal act as land damage. The questions about the peculiarities of the description of the above-mentioned elements of the crime in the legislation of the Russian Federation are considered. Some reasons for the insufficient effectiveness of the application of the norms on land damage have been identified.

Keywords: land, agricultural, damage, pollution, degradation, desertification, responsibility, criminal.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Бойцова Ж.А., Калининская Я.С. К вопросу об объекте преступления, предусматривающего ответственность за порчу земли. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):89-92.

Согласно положениям Земельного кодекса Российской Федерации земля раскрывается сразу в нескольких аспектах. Во-первых, земля – это природный объект, который охраняется как важнейшая составная часть природы. Во-вторых, земля предстает как природный ресурс, который используется как сред-

ство производства в сельском и лесном хозяйстве. В-третьих, земля выступает в качестве основы осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории России. В-четвертых, она представляет из себя недвижимое имущество. И, в-пятых, земля, наряду с перечисленным, является объектом, как права

собственности, так и иных прав¹.

Государством проводится спектр мероприятий, направленных на учет, сохранность и оптимизацию использования земель сельскохозяйственного назначения. Так, согласно государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия подобные мероприятия предусмотрены в качестве обязательных, а Федеральная целевая программа «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения России на 2014-2020 годы» в их число относит еще мониторинг земель и развитие её мелиорации.

Однако следует отметить, что в настоящее время земли подвергаются негативному воздействию как со стороны природных факторов, так и со стороны человека. К основным природным факторам, приводящим к деградации почвенного покрова (или к видам деградации), относятся: эрозии, опустынивание, подтопление, заболачивание, переувлажнение. Такие природные процессы зачастую обусловлены антропогенным воздействием (недостаточная оценка состояния окружающей среды и ее компонентов при проектировании, строительстве, производстве и т.д.). Напрямую человеческий фактор обуславливает нарушение, захламление, различные виды загрязнения земель (радиоактивное, нефтью и нефтепродуктами, тяжелыми металлами и др.).

Размер площадей загрязненных земель, которые находятся в сельскохозяйственном обороте, составляет более 75 миллионов гектаров. К числу земель, утративших хозяйственную ценность или негативно оказывающих воздействие на окружающую среду, так называемых нарушенных земель, можно отнести более 1 миллиона гектаров. На территории, общей площадью более 100 миллионов гектаров, затрагивающей 27 субъектов Российской Федерации, наблюдается опустынивание земель².

Некоторые действия, ведущие к деградации почвенного покрова, подпадают под юрисдикцию как административного, так и уголовного законодательства. К примеру, самовольное снятие или перемещение плодородного слоя почвы, его уничтожение, а равно порча земель в результате нарушения правил обращения с пестицидами и агрохимикатами или иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами и отходами производства и потребления образуют со-

став административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.6 КоАП РФ³.

Данная норма достаточно широко применяется законодателем. Так, в 2015 году Управлением Россельхознадзора по г. Москва, Московской и Тульской областям при проведении проверки в отношении ООО «Управляющее предприятие», являющегося арендатором земельных участков, был выявлен факт порчи земель сельскохозяйственного назначения, расположенных в Тепло-Огаревском районе Тульской области: в результате нарушения правил обращения с опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами, а именно, осуществлялся отвод сточных вод с очистных сооружений поселка Теплое. Содержание потенциально опасных для человека микробиологических организмов в почве превышало предельно допустимые концентрации. По факту порчи земель постановлением Центрального районного суда города Тулы, в силу ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ, ООО «Управляющее предприятие» было привлечено к административной ответственности. В качестве наказания был назначен штраф в размере 40 тысяч рублей.

Для устранения выявленных нарушений Управление Россельхознадзора с 2015 по 2018 годы неоднократно выдавало ООО «Управляющее предприятие» предписания с требованием принять меры по недопущению негативного воздействия деятельности по удалению сточных вод на почву; провести рекультивацию загрязненных земельных участков.

Предписания систематически не исполнялись, в результате чего, основываясь на положениях чч. 25 и 26 ст. 19.5 КоАП РФ, по фактам неисполнения предписаний постановлениями мировых судов в 2016, 2017 годах ООО «Управляющее предприятие» вновь было привлечено к административной ответственности. В октябре 2020 года Управление Россельхознадзора в целях взыскания вреда в размере 33,5 миллионов рублей, причиненного объекту охраны окружающей среды — почвам, и проведении рекультивации загрязненных земельных участков обратилось в Арбитражный суд Тульской области с иском к ООО «Управляющее предприятие». 16 ноября 2020 года указанный суд вынес решение по делу, которым исковые требования к ООО «Управляющее предприятие» о взыскании вреда, причиненного почвам, были удовлетворены. Суд постановил взыскать с ООО «Управляющее предприятие» в бюджет муниципального образования Тепло-Огаревский район возмещение вреда в размере 33,5 миллионов рублей,

¹ Часть 1 ст. 1 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021) // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения 19.03.2021).

² Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Электронный ресурс: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559074/> (дата обращения 19.03.2021).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 19.03.2021).

а также возложил на ООО «Управляющее предприятие» обязанность провести рекультивацию загрязненных земельных участков¹.

Порча земли, а именно ее отравление, загрязнение или иная порча земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности вследствие нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, повлекшая причинение вреда здоровью человека или окружающей среде, обладает большей степенью общественной опасности и, как следствие, отнесена законодателем к разряду уголовно наказуемых деяний.

Родовым объектом данного преступления являются общественные отношения в сфере охраны общественной безопасности. В данном случае общественная безопасность выступает необходимым условием как для сохранения мира среди граждан, так и состояния защищенности жизни и здоровья, конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Экологическая безопасность, как основная часть национальной и общественной безопасности, составляет видовой объект порчи земли. Под ней понимается состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий².

Общественные отношения в сфере обеспечения охраны и рационального использования земель образуют непосредственный объект рассматриваемого преступления. Нарушение указанных общественных отношений происходит путем воздействия на предмет преступления, в качестве которого выступает земля Российской Федерации, под которой понимаются природные объекты, природные ресурсы, а также земельные участки³, что, в свою очередь, подчеркивает ее двойное значение, как части природы, так и объекта собственности.

В рамках предмета порчи земли могут выступать земли любой категории: сельскохозяйственного на-

значения; населенных пунктов; промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; особо охраняемых территорий и объектов; лесного фонда; водного фонда, земли запаса⁴. Кроме того, в юридической литературе высказываются мнения, что в рамках предмета рассматриваемого состава преступления речь идет о поверхностном почвенном слое. При этом акцент ставится либо на плодородность этого слоя, либо на функции, которые этот слой призван выполнять, к числу которых можно отнести, например, такие, как экономические, экологические, рекреационные и др.

По сведениям Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по состоянию на 1 января 2020 года в России всего 1712519,1 тысяч гектаров земель, из которых 381673 тысяч гектаров — земли сельскохозяйственного назначения, что составляет около 22,28 %⁵. С каждым годом их число постепенно сокращается. Так, в 2018 году процентное соотношение земель сельскохозяйственного назначения по отношению ко всем землям, входящим в состав Российской Федерации, составляло 22,33%, в 2017 — 22,37%, в 2016 — 22,4%, в 2012 — 22,58%, в 2009 — 23,39%, а в 2005 — 23,5%⁶.

Значимость земель сельскохозяйственного назначения проявляется, помимо прочего, и в экономической составляющей. Земли, на которых может успешно осуществлять сельскохозяйственное производство, могут стать гарантом удовлетворения потребности в продовольствии, как на внутреннем рынке, так и на внешнем.

Некоторые особенности законодательной конструкции нормы ст. 254 УК РФ не способствуют ее широкому применению. К числу таких моментов можно отнести необходимые для квалификации дополнительные объекты — здоровье и жизнь человека, а также состояние животного и растительного мира. Относительно вреда здоровью в постановлении Пле-

¹ Арбитражным судом Тульской области вынесено решение по иску Управления Россельхознадзора по городу Москва, Московской и Тульской областям о возмещении вреда, причиненного почвам // Электронный ресурс: <https://fsvps.gov.ru/fsvps/news/38568.html> (дата обращения 19.03.2021).

² Ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция) // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения 19.03.2021).

³ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021) // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения 19.03.2021).

⁴ Ст. 7 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021) // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения 19.03.2021).

⁵ Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии // Электронный ресурс: <https://rosreestr.gov.ru/site/activity/sostoyame-zemerrossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения 19.03.2021).

⁶ Данные представлены на основе анализа сведений Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии и государственного доклада МПР РФ «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2005 году» // Электронный ресурс: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=416724;dst=100508#08517740448421481> (дата обращения 19.03.2021).

нума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»¹ (ред. от 30.11.2017) имеются достаточно четкие разъяснения, однако установление причинной связи между деянием и ухудшением здоровья зачастую является затруднительным. Вред окружающей среде – оценочный признак состава преступления, в каждом случае устанавливается с учетом конкретных обстоятельств и при наличии заключения судебно-экологической экспертизы. При этом в указанном выше постановлении разъяснений по его содержанию не содержится.

Для определения признаков преступления, судам, путем определения нормативно-правового акта, необходимо установить какие экологические правоотношения были нарушены, в чем именно выразилось это нарушение. При этом размер вреда окружающей среде определяется исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей

среды, учитывая понесенные убытки, упущенную выгоду, а также в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ, а при их отсутствии в соответствии с таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, утвержденными уполномоченными на то органами².

Таким образом, объект преступления, предусматривающего ответственность за порчу земли, весьма многогранен и обширен. При этом правовая охрана земли, как в целом, так и её поверхностного слоя, является важной задачей любого цивилизованного государства, а положения законодательства, их охраняющего, для более эффективного предотвращения преступлений, должны содержать как можно меньше оценочных признаков, что весьма затрудняет применение статьи на практике. Кроме того, полагаем, что указание в ст. 254 УК РФ на определенный круг вещей, с помощью которых можно причинить вред земле также ограничивает случаи применения данной нормы в судебно-следственной практике.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (дата обращения 20.03.2021).

² Ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция) // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/07844c43a4c122081619e20b8a59f7a59925a6fb/ (дата обращения 20.03.2021).

Земельное право. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Излагаются теоретические и законодательные основы использования и охраны земли как основы жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, характеризуются конституционные формы земельной собственности, земельные права и обязанности собственников и иных правообладателей земельных участков, раскрываются правовой режим различных категорий земель, способы укрепления земельного правопорядка, охраны земель, защиты земельных прав граждан и юридических лиц, правила применения юридической ответственности за нарушение земельного законодательства.

Для студентов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами правового положения земель в условиях рыночной экономики России.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ ВОД: КАК НЕ ДОПУСТИТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ

Татьяна Николаевна Бородкина, доцент кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д.12)
E-mail: tanya_nik80@mail.ru

Евгения Юрьевна Самолаева, доцент кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д.12)
E-mail: samolaeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с совершением действий, влекущих загрязнение водоемов. Авторами дана оценка числа совершаемых административных и уголовно наказуемых деяний; обозначены проблемы организационного и нормативно-правового характера, способствующие снижению раскрываемости данных деяний; обосновывается необходимость введения нормы административной преюдиции уголовной ответственности за повторное загрязнение водных объектов.

Ключевые слова: административная преюдиция, нарушение правил водопользования, загрязнение водных объектов, экологический вред.

ADMINISTRATIVE PREDICTION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR WATER POLLUTION: HOW TO AVOID ENVIRONMENTAL DISASTER

Tatiana N. Borodkina, Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: tanya_nik80@mail.ru

Evgenia Yu. Samolaeva, Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: samolaeva@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the commission of actions that cause pollution of water bodies. The authors estimate the number of administrative and criminal acts committed; identify problems of organizational and regulatory nature that contribute to reducing the disclosure of these acts; justify the need to introduce the rule of administrative prejudice of criminal liability for repeated pollution of water bodies.

Keywords: administrative prejudice, violation of water use rules, pollution of water bodies, environmental damage.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Бородкина Т.Н., Самолаева Е.Ю. Административная преюдиция уголовной ответственности за загрязнение вод: как не допустить экологического бедствия. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):93-6.

Проблема загрязнения водных ресурсов в Российской Федерации строит достаточно остро. Отсутствие надлежащего контроля со стороны ответственных лиц за техническим состоянием (износом) оборудования,

игнорирование контролирующими и надзирающими органами фактов сбросов промышленными предприятиями и иными юридическими лицами в водоемы загрязняющих веществ, приводят к серьезным экологическим последствиям.

гическим и материально-затратным для их устранения последствиям. Загрязненные водные объекты становятся непригодными не только для бытовых нужд населения, но и для использования в сельскохозяйственных, рыбохозяйственных секторах, технического водоснабжения.

Согласно информации Росприроднадзора России в 2020 году водным объектам было причинено вреда на сумму 227 млрд. рублей, предъявлено гражданских исков на 152,9 млрд. рублей при возмещении ущерба 20,3 млн. рублей (0,01%). Эти размеры значительно превышают расчеты причиненного экологии вреда за 2019 год (ущерб на 20,3 млрд. рублей, из них – 12,3 млрд. рублей – водным объектам) и 2018 год (ущерб – 5 млрд. рублей)¹. Статистические данные свидетельствуют об огромном ущербе, причиняемом водным объектам, при том, что добровольно виновными возмещается минимальный процент от общей суммы причиненного вреда. При этом число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за 2019 год за загрязнение вод (ст. 250 УК РФ), было осуждено 2 человека, а за первое полугодие 2020 года – ни одного человека (прекращены уголовные дела были в отношении четырех подсудимых)².

В 2020 г. проблема загрязнения водных объектов в России вышла на новый уровень. За текущий год в стране произошло несколько крупных аварий. Среди них авария на опасном производственном объекте «Топливное хозяйство ТЭЦ-3» АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания», произошедшая 29 мая 2020 г. в Красноярском крае, когда из топливного резервуара вылилось около 20 000 тонн дизельного топлива, разлившегося в акваторию рек Далдыкан и Амбарная и продолжившего свое движение в сторону Красного моря. Была объявлена чрезвычайная ситуация, а по данному факту возбуждено несколько уголовных дел, в том числе и о загрязнении водных объектов. В ходе расследования было установлено, что авария произошла из-за технических и организационных нарушений, допущенных при строительстве резервуара и его эксплуатации. Резервуар в 2015 г. был выведен в ремонт и за ним был приостановлен государственный надзор, но через четыре года эксплуатация возобновлена без уведомления контролирующих органов³. Специалистами Федерального агентства во-

дных ресурсов подсчитан размер ущерба, причиненного АО «НТЭК», и в дальнейшем сумма иска Росприроднадзора к АО «НТЭК» составила 147,78 млрд. руб.⁴.

Изучение административной практики также не позволило заключить о ее значимых результатах. Так, в 2019 году за нарушение правил охраны водных объектов и правил водопользования (ч. 2 ст. 8.13 и ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ) было рассмотрено всего 99 административных дел⁵. При этом, налагаемые суммы штрафов за совершенные административные деяния незначительны по сравнению с тем ущербом, который причиняется экологии. Также следует отметить имеющуюся неоднократность совершения данных деяний теми же предприятиями. В течение короткого промежутка времени в отношении одного юридического лица может быть возбуждено несколько административных производств. В результате повторного наложения штрафов линия поведения руководства данных предприятий не меняется, а привлечение к административной ответственности за тождественные правонарушения не имеет никакого положительного результата. Через некоторое время правонарушители снова совершают новые административные деяния.

Подобная практика заставляет задуматься о необходимости принятия мер, направленных на изменение данной ситуации. В этой связи считаем целесообразным обратить внимание на нормы административной преюдиции, которые в последнее время стали новым направлением уголовно-правовой политики и постепенно, в зависимости от нужд общества, вводятся в Уголовном кодексе Российской Федерации. Так, начиная с 2009 г., в данном законодательном акте появились статьи 116.1, 151.1, 154, 158.1, 180, 212.1, 215.4, 284.1, 264.1 и 314.1 УК РФ. Данное направление, по нашему мнению, должно быть распространено и на нормы, предусматривающие ответственность за причинение экологического вреда.

Напомним, что административная преюдиция в уголовном праве представляет собой прием юридической техники, применяемый в случаях, предусмотренных уголовным законом, заключающийся во введении в диспозиции правовых норм сведений о привлечении к административной ответственности лица за повторное правонарушение.

Считаем, что дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации нормами, содержащими административную преюдицию, позволит комплексно

¹ Дуэль А. Росприроднадзор: Ущерб экологии в 2020 году нанесен на 235 млрд рублей // Российская газета (23.11.2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://rg.ru/2020/11/23/rosprirodnadzor-ushcherb-ekologii-v-2020-godu-nanesen-na-235-mlrd-rublej.html>.

² Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru>.

³ АО «НТЭК», дочерняя компания ГМК «Норильский никель». Прим. авторов.

⁴ См.: Официальный сайт Росприроднадзора // Светлана Радионова приняла участие в первом заседании суда по делу «Норникеля» в Красноярске // [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://grn.gov.ru>.

⁵ Официальный сайт судебной статистики РФ [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://stat.api-press.pф>.

использовать уголовно-правовые и административно-правовые меры воздействия на лицо, повторно совершившее административное правонарушение в сфере загрязнения вод, усилит профилактическое воздействие правовых норм.

Поэтому, в целях уменьшения негативных экологических последствий загрязнения вод *предлагаем закрепить в Уголовном кодексе Российской Федерации статью 250.1 «Загрязнение вод лицом, подвергнутым административному наказанию»* в редакции: «Загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, лицом, подвергнутым административному наказанию за нарушение правил охраны водных объектов».

Полагаем, что административная преюдиция с присущей ей предупредительно-профилактической (превентивной) целью снизит размер вреда и предотвратит новые экологические бедствия.

О необходимости применения института административной преюдиции в отношении данного вида деяния ранее высказывались ученые [1, с. 1]. Однако сложности, связанные с разграничением объективной стороны административной и уголовной нормы, установлением субъекта преступления в случае предстоящего привлечения к ответственности юридического лица, возможные проблемы процессуального характера и другие проблемы, остановили развитие данного вопроса на этапе дискуссий и обсуждений. Большая часть опасений оказалась безосновательной, что мы можем наблюдать на примерах уже введенных в действие преюдиционных норм Уголовного кодекса РФ. Мы согласны с мнением ученых, утверждающих, что в условиях, когда на карту поставлены важные для общества интересы (экологическая безопасность), а принятые административные меры административного воздействия оказались безрезультатны, решением может стать именно данная нормативно-правовая мера [2, с. 49].

Мероприятиями организационно-контрольного характера, направленными на предотвращение и своевременное реагирование на случаи загрязнения водных объектов, следует назвать следующие: внедрение во всех регионах мониторинга экологической обстановки; проведение внеплановых выездных проверок Федеральной службой по надзору в сфере природопользования при участии специалистов экспертных организаций с осуществлением отбора проб природных поверхностных вод и сточных вод и последующим их лабораторным исследованием для установления характера загрязнения.

Следует отметить, что проводимые исследования не всегда позволяют достоверно отразить размер

вреда причиненного экологии. Оценка последствий загрязнения водной среды осуществляется на основании «Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства»¹. При этом сложность оценки причиненного вреда заключается в существовании нескольких различающихся между собой методик и необходимости выбора правильной, наиболее подходящей для конкретной ситуации [4, с. 37]. Это обусловлено различием химических составов поступающих в водоемы веществ, спецификой содержания их в природной воде, а также геохимической особенностью региона. Данная проблема решается усовершенствованием существующих методик определения причиненного водным объектам вреда, но требует привлечения знаний квалифицированных специалистов, а также более активного внедрения современных высокотехнологических средств.

Поскольку решение экологических проблем требуют выделения значительных ресурсов (человеческих и материально-технических), понесенные расходы должны компенсироваться установлением высоких штрафов, а также неотвратимостью наступления ответственности. Последнее достижимо путем повышения качества доказывания административных и уголовно-наказуемых деяний, повышения квалификации сотрудников, противодействующих нарушениям в данной сфере.

Таким образом, для сохранения окружающей среды, предупреждения экологических катастроф, обеспечения экологической безопасности необходимо осуществление мер системного характера на правовом, организационном и методическом уровнях.

Литература

1. Агарзаева Г.А. О необходимости закрепления признака неоднократности в уголовно-правовой конструкции статьи 250 Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 2 (31). С. 96-99.
2. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48-53.
3. Власов В.А., Сигаева Н.О., Толстиков В.А. Некоторые актуальные проблемы правопримене-

¹ Приказ Минприроды России от 13 апреля 2009 г. № 87 (ред. от 26.08.2015) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

ния и вопросы совершенствования уголовно-правовой ответственности за загрязнение вод (ст. 250 УК РФ) // Право и государство: теория и практика. 2020. № 20 (182). С. 39-41.

4. Лозовик П.А., Галахина Н.Е. Оценка загрязнения вод с использованием различных методических подходов и нормирование сброса сточных вод // Экологические проблемы северных регионов и пути их решения. 2016. С. 37-42.

References

1. Agarzayeva G.A. O neobkhodimosti zakrepleniya priznaka neodnokratnosti v ugovolno-pravovoy konstruktssii stati 250 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.

Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki. 2015. № 2 (31). S. 96-99.

2. Bezverkhov A.G. Vozvrashcheniye «administrativnoy preyditsii» v ugovolnoye zakonodatelstvo Rossii // Rossiyskaya yustitsiya. 2012. № 1. S. 48-53.
3. Vlasov V.A., Sigayeva N.O., Tolstikov V.A. Nekotoryye aktualnyye problemy pravoprimeneniya i voprosy sovershenstvovaniya ugovolno-pravovoy otvetstvennosti za zagryazneniye vod (st. 250 UK RF) // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 20 (182). S. 39-41.
4. Lozovik P.A., Galakhina N.E. Otsenka zagryazneniya vod s ispolzovaniyem razlichnykh metodicheskikh podkhodov i normirovaniye sbrosa stochnykh vod // Ekologicheskiye problemy severnykh regionov i puti ikh resheniya. 2016. S. 37-42.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются "за кадром" исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

В ходе подготовки издания были подробно изучены материалы значительного количества уголовных дел, вследствие чего представлен детальный анализ типичных ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений. В частности, на базе изученного материала рассмотрены ошибки уголовно-правовой квалификации преступлений, предписаний уголовно-процессуального законодательства и пр. Рассмотрены

пределы допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для практических сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, а также преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ (ОПЫТ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

Владислав Владимирович Власенко, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России (355035, Ставропольский край, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43)
E-mail: VladVV26@mail.ru

Аркадий Викторович Жеребченко, доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: avzh1983@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности, положительный опыт, проблемные моменты разработки и реализации государственных региональных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений на территории Ставропольского края, а также отдельные направления повышения их эффективности.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, основные направления профилактики правонарушений, государственные и муниципальные программы в сфере профилактики правонарушений, профилактика правонарушений органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, профилактика правонарушений органами внутренних дел, правоохранительный сегмент аппаратно-программного комплекса «Безопасный город».

STATE REGIONAL AND MUNICIPAL PROGRAMS IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION (EXPERIENCE OF THE STAVROPOL TERRITORY)

Vladislav V. Vlasenko, Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, Candidate of Legal Sciences
Stavropol branch of Krasnodar University of the MIA of Russia (355035, Stavropol region, Stavropol, Kulakova prospect, 43)
E-mail: VladVV26@mail.ru

Arkady V. Zhrebchenko, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: avzh1983@mail.ru

Abstract. The features, positive experience, problematic aspects of the development and implementation of state regional and municipal programs in the field of crime prevention on the territory of the Stavropol Territory, as well as certain areas of increasing their effectiveness are examined.

Keywords: prevention of offenses, main directions of crime prevention, state and municipal programs in the field of crime prevention, prevention of offenses by state authorities of the subjects of the Russian Federation and local authorities, prevention of offenses by internal affairs bodies, the law enforcement segment of the Safe City hardware and software complex.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Власенко В.В., Жеребченко А.В. Государственные региональные и муниципальные программы в сфере профилактики правонарушений (опыт Ставропольского края). Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):97-101.

Реализация основных направлений профилактики правонарушений в РФ осуществляется, в том числе, посредством разработки и функционирования государственных региональных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений (п. 3 ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. №

182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹ (далее по тексту – Закон о профилактике РФ)). Согласно положениям ч. 1 ст. 7 Закона о профилактике РФ, органы государственной власти субъектов РФ при реализации государственной политики в сфере профилактики правонарушений, учитывая требования бюджетного законодательства РФ и законодательства РФ в области осуществления стратегического планирования, в обязательном порядке разрабатывают государственные программы субъектов РФ в сфере профилактики правонарушений. Данная обязанность продублирована и в Законе Ставропольского края от 8 февраля 2019 г. № 3-кз «О некоторых вопросах профилактики правонарушений в Ставропольском крае»² (далее по тексту – Закон о профилактике СК), где сказано, что органы исполнительной власти Ставропольского края (далее по тексту – СК) разрабатывают и реализуют государственные программы СК в сфере профилактики правонарушений (п. 2 ч. 3 ст. 2, ст. 3).

В свою очередь, органы местного самоуправления не обременены обязанностью по созданию муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений, это является, исключительно, их правом (ч. 2 ст. 7 Закона о профилактике РФ).

В 2018 г. в субъектах РФ реализовывалось свыше 4,5 тысяч различных региональных и муниципальных программ, направленных на профилактику правонарушений, с финансовым обеспечением в размере более 65,5 миллиардов рублей [1, с. 17]. В 2019 г. реализовывались 521 государственная программа субъектов РФ и 6023 муниципальных программ³.

При разработке конкретной программы профилактики правонарушений необходимо учитывать ряд важных моментов. Во-первых, разработке программы всегда предшествует сбор, обработка и анализ криминологической информации (структура, состояние, динамика и уровень преступности, личность лиц, совершивших преступления, и жертв преступлений и т.д.), на основе чего определяются факторы, непосредственно и опосредованно влияющие на преступность (детерминанты преступности) и взаимосвязь между ними, а также возможные варианты развития, изменения криминологической ситуации в регионе, муниципальном образовании (криминологическое прогнозирование). На основании полученных выводов разрабатывается соответствующая программа, в рамках которой определяются приоритетные стратегические направления

эффективной профилактики правонарушений на той или иной территории.

При формулировании программ профилактики в конкретном субъекте РФ или муниципальном образовании используется не только криминологическая информация, но и сведения характеризующие политическую ситуацию, социально-экономическую обстановку в нем, складывающиеся межконфессиональные, межнациональные отношения и конфликты, эффективность деятельности органов власти и местного самоуправления по профилактике правонарушений, этнические, религиозные, семейно-бытовые традиции и иные сведения. Иными словами, программа профилактики правонарушений должна отражать особенности криминологической ситуации в субъекте РФ (муниципальном образовании), но с учетом их специфических особенностей.

В настоящий период времени на территории СК активно реализуется **государственная региональная программа «Профилактика правонарушений и обеспечение общественного порядка»**⁴, срок реализации которой рассчитан на 2018-2023 г.г. Приведенная программа имеет следующую структуру:

1) название и паспорт программы, в котором представлены основные ее параметры (ответственные исполнители, соисполнители, участники, подпрограммы программы, цели программы, индикаторы достижения целей программы, сроки реализации программы, объем и источники финансирования программы, ожидаемые конечные результаты реализации программы). Все перечисленные основные параметры детально раскрываются и описываются в соответствующих приложениях к программе.

2) приоритеты и цели программы;

3) названия, паспорта подпрограммы (подпрограмма «Профилактика правонарушений, незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ» и подпрограмма «Обеспечение общественного порядка») и характеристики основных мероприятий по их реализации;

4) правила распределения и предоставления субсидий бюджетам муниципальных образований для обеспечения выполнения целей программы и подпрограмм.

Следует отметить, что рассматриваемая программа в полной мере соответствует критериям их построения, выработанным криминологической наукой, а именно таким как: программность, целеориентированность, комплексность, ресурсообеспеченность, результативность [2, с. 134].

Анализ программы показывает наличие постоян-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. (Часть I). Ст. 3851.

² См.: СПС «Консультант Плюс».

³ См.: Обзор о состоянии работы в территориальных органах МВД России по разработке и реализации государственных программ субъектов РФ, подпрограмм государственных программ субъектов РФ и муниципальных программ правоохранительной направленности в 2018 году (документ не был опубликован).

⁴ См.: Постановление Правительства Ставропольского края от 28 декабря 2017 г. № 560-п «Об утверждении государственной программы Ставропольского края «Профилактика правонарушений и обеспечение общественного порядка» // СПС «Консультант Плюс».

ной ее корректировки, что обусловлено, прежде всего, изменениями криминологических показателей преступности. Другими словами, программа «подстраивается» под изменчивую криминологическую обстановку, что следует признать позитивным моментом. Конечная оценка эффективности программы также будет зависеть от изменения криминологических показателей в сторону снижения, и эти показатели четко обозначены в ней (см. сведения об индикаторах достижения целей программы, например приложение № 3 к программе).

Одним из основных участников данной программы выступает ГУ МВД России по СК, подразделения которого непосредственно выполняют либо содействуют в выполнении множества мероприятий, направленных на достижение целей программы. Помимо этого, многие мероприятия, предусмотренные в программе, были разработаны ГУ МВД России по СК и внесены в программу по его представлению.

В рамках реализации программы в 2019 г. на материально-техническое обеспечение ОВД СК выделено более 300 миллионов рублей¹, именно:

1) на приобретение автотранспорта для подразделений полиции края (ППСП, УУП, ДПС ГИБДД) в количестве 217 единиц на сумму 206 526,4 тысяч руб. (УАЗ Патриот – 55 единиц, Шевроле-Нива – 72 единицы, Лада Веста – 90 единиц);

2) на закупку технических средств для проведения мероприятий по профилактике правонарушений на сумму 33 834,5 тысяч рублей (автоматической станции для выделения нуклеиновых кислот – стоимостью 3 837,9 тысяч рублей; ампликатора ДНК для увеличения скорости проводимых реакций – стоимостью 979,3 тысяч рублей; средств организационно-вычислительной техники (324 ПЭВМ, 83 МФУ, 281 принтер (тип 1)) на сумму 22 228,6 тысяч рублей; серверного оборудования – стоимостью 400,0 тысяч рублей; копировально-множительной техники (10 принтеров (тип 3)) на сумму 1 020,7 тысяч рублей; 6 единиц квадрокоптеров на общую сумму 5 108,0 тысяч рублей; телевизионных LED панелей (2 единицы) для обеспечения мониторинга оперативной обстановки при проведении мероприятий с массовым участием граждан на сумму 260,0 тысяч рублей).

Кроме того, выделены субсидии муниципальным образованиям на ремонт помещений, предоставляемых для работы участковых уполномоченных полиции, на обслуживаемых административных участках в сумме 27 093,5 тысяч рублей.

Оказание подобной материально-технической по-

мощи осуществляется в соответствии с положениями ст. 47 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»², согласно которым органы государственной власти субъектов РФ вправе осуществлять по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов расходы бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов.

Необходимо отметить, что в СК реализуется и иные государственные программы профилактического характера, в частности:

1) «**Межнациональные отношения, профилактика терроризма и поддержка казачества**»³ (подпрограммы «Укрепление единства российской нации, этнокультурное развитие народов России, проживающих в СК, гармонизация межнациональных отношений и предупреждение этнического и религиозного экстремизма», «Государственная поддержка казачества» и «Профилактика терроризма и его идеологии»). Программа позволила увеличить размер субсидий краевого бюджета для осуществления деятельности казачьих дружин по профилактике социально опасных форм поведения граждан, участию в охране общественного порядка⁴;

2) «**Повышение безопасности дорожного движения**»⁵ (подпрограмма «Обеспечение безопасности дорожного движения»). Программа обеспечила дополнительное выделение средств на создание и эксплуатацию автоматизированных средств фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения и рассылку копий постановлений по делам об административных правонарушениях⁶.

Согласно сведениям ГУ МВД России по СК **муниципальные программы по профилактике правонарушений** реализуются в каждом муниципальном образовании края, и их общее количество составляет 67⁷.

² См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

³ См.: Постановление Правительства Ставропольского края от 24 декабря 2015 г. № 552-п «Об утверждении государственной программы Ставропольского края «Межнациональные отношения, профилактика терроризма и поддержка казачества» // СПС «Консультант Плюс».

⁴ См.: Обзор о состоянии работы в территориальных органах МВД России по разработке и реализации государственных программ субъектов РФ, подпрограмм государственных программ субъектов РФ и муниципальных программ правоохранительной направленности в 2018 году (документ не был опубликован).

⁵ См.: Постановление Правительства Ставропольского края от 28 декабря 2018 г. № 611-п «Об утверждении государственной программы Ставропольского края «Повышение безопасности дорожного движения» // СПС «Консультант Плюс».

⁶ См.: Обзор о состоянии работы в территориальных органах МВД России по разработке и реализации государственных программ субъектов РФ, подпрограмм государственных программ субъектов РФ и муниципальных программ правоохранительной направленности в 2018 году (документ не был опубликован).

¹ См.: Обзор о состоянии работы ГУ МВД России по СК и подчиненных территориальных органах МВД России на районном уровне по разработке и реализации государственных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений в 2019 году (документ не был опубликован).

⁷ См.: Обзор о состоянии работы ГУ МВД России по СК и подчиненных территориальных органах МВД России на районном уровне по разработке и реализации государственных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений в 2019 году (документ не был опубликован).

Во всех муниципальных образования также имеются подпрограммы, за исключением городов Кисловодска, Лермонтова, Пятигорска, Георгиевского городской округ, Андроновского и Предгорного районов.

Значительное внимание в муниципальных программах уделяется реализации мероприятий по профилактике беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних. Так, в 2019 г. мероприятия по профилактике правонарушений несовершеннолетних осуществлялись в рамках муниципальных программ в 29 муниципальных районах и городских округах. Объём их финансирования составил 34,9 миллионов рублей, в том числе на проведение мероприятий по:

1) обеспечению летнего отдыха и оздоровления детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, – 16,9 миллионов рублей;

2) организации временного трудоустройства несовершеннолетних и молодёжи группы риска – 11,5 миллионов рублей;

3) организационно-воспитательной работе с молодёжью – 6,1 миллионов рублей.

Тем не менее, в г. Кисловодске, Нефтекумском городском округе, Предгорном и Степновском районах финансирование указанного направления в рамках муниципальных программ в 2019 г. не осуществлялся. Кроме этого, ни в одном муниципальном районе и городском округе не предусмотрено выделение средств на организацию и проведение профильных смен для несовершеннолетних, относящихся к «группе риска» и состоящих на различных видах профилактического учёта¹.

На расходы, связанные с мероприятиями по профилактике наркомании, в целом по муниципальным образованиям выделено 1 140,5 тысяч рублей, из которых 959,2 тысяч рублей направлены на информационно-пропагандистские мероприятия².

В 2019 г. на совершенствование материально-технического обеспечения подразделений ОВД края финансирование предусмотрено только в г. Ставрополе. В частности, 5 миллионов рублей выделено на приобретение средств видеотекстовой фиксации «Дозор-77» и организационно-вычислительной техники. В 2018 г. из средств бюджета г. Невинномыска для нужд Отдела МВД России по г. Невинномыску приобретены 4 автомобиля Лада Гранта и оргтехника на общую сумму 2,6 миллионов рублей³.

Во многих муниципальных программах в СК предусмотрено незначительное финансирование мероприятий по профилактике правонарушений, что непо-

средственно связано с низкой бюджетной обеспеченностью и высокой дотационностью муниципальных районов и городских округов. Следует также отметить тот факт, что в муниципальные программы не всегда включаются мероприятия, разработчиком которых выступают территориальные подразделения ГУ МВД России по СК. Сам перечень мероприятий, содержащийся в программах, в основном направлен на решение узкого круга вопросов профилактики правонарушений и не имеет своей целью комплексное оздоровление криминологической обстановки⁴. В настоящее время ГУ МВД России по СК прорабатываются пути решения обозначенных проблем, в том числе в рамках функционирования муниципальных межведомственных комиссий по профилактике правонарушений.

Особое место в региональных программах по профилактике правонарушений, в том числе и СК, отведено развитию и функционированию **правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса (АПК) «Безопасный город»**⁵, который в настоящее время функционирует почти в 1 200 населённых пунктах РФ⁶. Как отметил министр внутренних дел России Владимир Колокольцев относительно данного АПК, «с внедрением современных технологий и средств видеонаблюдения, в том числе с функцией распознавания лиц в потоке, расширяются возможности розыскной работы»⁷. По данным МВД России, в 2019 г. с помощью технических средств этого АПК раскрыто более 12 тысяч преступлений и зафиксировано порядка 12,5 миллионов правонарушений⁸.

На территории края действует региональная платформа по построению и развитию АПК «Безопасный город», в которую включено 6 пилотных городов и городских округов (Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск, Невинномысск, Ессентуки, Минеральные Воды)⁹. В процессе реализации приведенной выше программы СК «Профилактика правонарушений и обеспечение общественного порядка», на внедрение, развитие и эксплуатацию правоохранительного сегмента АПК «Безопасный город» в 2019 г. были предусмотрены бюджетные ассигнования из краевого бюджета в сумме 8 292

⁴ Там же.

⁵ Правоохранительный сегмент АПК «Безопасный город» представляет собой, прежде всего, систему видеонаблюдения в общественных местах (улицы, парки, скверы, площади и т.п.) в государственных и муниципальных организациях и учреждениях (образовательные, медицинские учреждения и т.д.).

⁶ См.: В Москве состоялось расширенное заседание коллегии МВД России // Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс] URL: <https://xn--blaew.xn--plai/news/item/19641761/> (дата обращения 28.03.2020).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См.: Комплексный анализ состояния правопорядка и основных результатов деятельности подразделений и органов ГУ МВД России по Ставропольскому краю за 2019 год (документ не был опубликован).

¹ См.: Обзор состояния работы ГУ МВД России по СК и подчиненных территориальных органах МВД России на районном уровне по разработке и реализации государственных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений в 2019 году (документ не был опубликован).

² Там же.

³ Там же.

тысяч рублей (что ниже, чем в 2018 г. в 3 раза, 25 245,2 тысяч рублей), в том числе на установку систем видеонаблюдения в общественных местах – 4 514,4 тысяч рублей, их обслуживание – 3 427,6 тысяч рублей¹.

Меньше половины муниципальных районов и городских округов в 2019 г. запланировали расходы на данные мероприятия (14 из 33), наибольшие: в городах Кисловодске – 2 534 тысяч рублей, Железноводске – 1 000 тысяч рублей, в Шпаковском районе – 1 063 тысяч рублей и в Георгиевском городском округе – 700,0 тысяч рублей².

Следует отметить с положительной стороны опыт организации работы по развитию АПК «Безопасный город» в г. Невинномысске, где в 2019 г. из средств местного бюджета были выделены и освоены финансовые средства в объёме 18 527 тысяч рублей на установку 86 камер видеонаблюдения в местах массового пребывания граждан. Данное обстоятельство в определённой степени способствовало оздоровлению криминальной ситуации в городе, где по итогам 6 месяцев текущего года отмечается сокращение числа зарегистрированных преступлений в общественных местах на 4,3 % (с 326 до 312), удельный вес которых снизился – с 38,9 % до 34,9 %³.

Несмотря на принципиальную важность формирования правоохранительного сегмента АПК «Безопасный город» и доказанную его эффективность, в 2020 г. в крае прекращено финансирование дальнейшего развития сегмента со стороны органов государственной власти СК, в силу отсутствия соответствующих бюджетных ассигнований⁴, что негативно, на наш взгляд, будет сказываться на функционировании системы профилактики правонарушений в СК.

Одним из базовых элементов правоохранительного сегмента АПК «Безопасный город» выступает также **система экстренной связи «Гражданин –**

полиция»⁵, которая позволяет без набора номера телефона быстро, оперативно сообщить о происшествии, обратиться за помощью. В настоящее время подобная система действует в 149 населённых пунктах РФ, где оборудовано 1500 соответствующих терминалов [2, с. 162]. По информации ГУ МВД России по СК, на территории 8 муниципальных районов и городских округов края установлено 23 терминала экстренной связи «Гражданин-полиция» (г.г. Ставрополь – 9, Ессентуки – 3, Георгиевский городской округ – 6, Кисловодск – 2, Невинномысск – 1, Минераловодский городской округ – 2). Указанное количество терминалов видится недостаточным для надлежащего функционирования приведенной системы экстренной связи, в связи с чем требуется дальнейшее наращивание количества таких терминалов, а также появление этой системы в других населённых пунктах края.

Литература

1. Государственная система профилактики правонарушений и место в ней органов внутренних дел: учеб. пособие / М.Ю. Воронин и др. М.: Академия управления МВД России, 2018. 100 с.
2. Ефремова Е.С. Криминологическое обеспечение предупреждения преступлений в субъекте Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ефремова Ольга Сергеевна. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. 250 с.

References

1. The state system of crime prevention and the place of internal affairs bodies in it: studies. manual / M. Yu. Voronin et al. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 100 p.
2. Efremova E.S. Criminological support of crime prevention in the subject of the Russian Federation: diss. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08 / Efremova Olga Sergeevna. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2017. 250 p.

¹ См.: Обзор о состоянии работы ГУ МВД России по СК и подчиненных территориальных органах МВД России на районном уровне по разработке и реализации государственных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений в 2019 году (документ не был опубликован).

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Комплексный анализ состояния правопорядка и основных результатов деятельности подразделений и органов ГУ МВД России по Ставропольскому краю за 2019 год (документ не был опубликован).

⁵ Данная система экстренной связи представляет собой сеть компактных, но заметных терминалов сине-оранжевого цвета с нанесенной надписью «Полиция», которые снабжены видеокамерой, кнопкой вызова и коммуникационным устройством, воспользоваться которым сможет даже ребенок. Система интегрирована в общую сеть «Безопасный город».

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

Мевлуд Демуралович Давитадзе, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, доктор юридических наук, профессор
Одинцовский филиал МГИМО (У) МИД России (143007, Московская область, Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3)
E-mail: md2063@mail.ru

Григорий Александрович Майстренко, старший научный сотрудник, кандидат юридических наук
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1)
E-mail: g.maisterenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам криминологической характеристики личности осужденных, склонных к совершению действий, дезорганизующих деятельность, обеспечивающих отбывание наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: осужденный, криминологическая характеристика, режим в исправительных учреждениях, система исполнения наказаний, криминальная стратификация, группы осужденных, исправительные учреждения, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, противодействие преступности.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CONVICT'S PERSONALITY THAT DISORGANIZES THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS THAT PROVIDE ISOLATION FROM SOCIETY

Mevlud D. Davitadze, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Doctor of Legal Sciences, Professor
Odintsovo Branch MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (143007, Moscow region, Odintsovo, ul. Novo-Sportivnaya, d. 3)
E-mail: md2063@mail.ru

Grigory A. Maistrenko, Senior Researcher, Candidate of Legal Sciences
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (125130, Moscow, ul. Narvskaya, d. 15a, str. 1)
E-mail: g.maisterenko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the criminological characteristics of convicts tend to commit acts, disruptive activities, providing punishment in the form of deprivation of liberty.

Keywords: convict, criminological characteristics, regime in correctional institutions, system of execution of punishments, criminal stratification, groups of convicts, correctional institutions, disorganization of activities of institutions that provide isolation from society, combating crime.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Давитадзе М.Д., Майстренко Г.А. Криминологическая характеристика личности осужденного, дезорганизующего деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):102-5.

Правоохранительная деятельность Российского государства, ориентированная на реализацию стержневой конституционной установки об обязанности государства признавать, обеспечивать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции Российской Федерации) [1], находит

воплощение в функционировании различных органов, в том числе – Федеральной системы исполнения наказания Российской Федерации (далее – ФСИН РФ).

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [2] (далее – УИК РФ) устанавливает обязанность осужденных соблюдать требования феде-

ральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов, а также выполнять законные требования администрации учреждений и органов, исполняющих наказания (ч.ч. 2, 3 ст. 11).

С целью надлежащего порядка исполнения и отбывания наказания, применения других средств исправительного воздействия, определенных законодателем в исправительных учреждениях, устанавливается соответствующий режим как одно из основных средств исправления осужденных.

Под режимом в исправительных учреждениях понимается установленный нормами уголовно-исполнительного права порядок исполнения и отбывания лишения свободы (ч. 1 ст. 82 УИК). Режим в местах лишения свободы выполняет различные функции, однако основное значение режима заключается в том, что он создает правовые и организационные условия для использования других средств исправительного воздействия на осужденных.

Приведенные законодательные предписания направлены на обеспечение безопасного и стабильного функционирования специализированных органов и учреждений ФСИН РФ, прежде всего, предназначенных для исполнения наказаний в виде лишения свободы, с тем, чтобы достигнуть обозначенных в УИК РФ целей исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК).

Серьезным препятствием для достижения обозначенных целей представляет собой деяние, именуемое дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, под которым, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации [3] (далее – УК РФ), понимается вариативно определяемый комплекс действий:

- применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного;
- угроза применения насилия в отношении осужденного его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (ч. 1 ст. 321 УК РФ).

Отягчающими данное преступление обстоятельствами признаются: совершение деяния в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких, организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья.

Реальность такова, что при утвердившейся в последние годы тенденции к снижению численности осужденных, ухудшается их криминогенная характе-

ристика, в местах лишения свободы образуются группировки отрицательной направленности, негативное влияние которых на других осужденных стало более открытым и дерзким [5, с. 5].

В качестве одного из факторов, обеспечивающих эффективность противодействия обозначенному преступному поведению, может быть признано использование данных научно-практических исследований, посвященных криминологической характеристике личности осужденных, склонных к совершению преступлений, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Криминологическая характеристика личности преступника – собирательное понятие, объединяющее совокупность свойств (черт), характеризующих лицо (с различных социально и юридически значимых позиций), совершившее конкретное преступление или совокупность однородных (посягающих на один или несколько близких по природе и значимости объектов) преступлений.

Установление типичных черт личности осужденного, посягающего на деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (далее – УОИО), способно сыграть роль фактора, способствующего разработке действенных мер, направленных на предупреждение и своевременное пресечение деяний подобного рода.

В данной статье не представляется возможным детально проанализировать все характерные особенности личности преступников, склонных к совершению деяний, посягающих на деятельность УОИО, тем более, что в формате научной статьи достижение подобного результата довольно затруднительно, в связи с чем ограничимся только констатацией условных характеристик.

Представляется оправданным разграничение осужденных в зависимости от их криминогенного статуса или «тюремной иерархии», поскольку именно она определяет уровень общественной опасности отбывающего наказание лица, а также влияет на характер совершаемых им действий.

Осужденные, склонные к совершению посягательств на деятельность УОИО, могут быть условно разграничены на пять групп, каждая из которых объединяет типичные личностные черты криминогенного характера.

Первая группа – организаторы является самой малочисленной, но в то же время стремящейся установить наиболее благоприятный для себя и своих приближенных («воровской») порядок в исправительном учреждении.

Организаторами обычно являются осужденные среднего возраста, неоднократно отбывавшие наказание в местах лишения свободы, занимающие привилегированное место в криминальной иерархии («воры»,

«авторитеты», «смотрящие») и в силу данных причин требующие проявления к себе особого уважения и непротивления со стороны других осужденных.

Нередко организаторы демонстрируют свое привилегированное положение как одобренное или согласованное с администрацией исправительного учреждения либо вынуждающее ее принять подобное состояние как неизбежное.

Организаторы зачастую единолично и под свою ответственность разрешают конфликты, возникающие между осужденными, контролируют справедливое распределение обязанностей между осужденными, согласно статуса последних, делают необходимые распоряжения и дают указания относительно совершения действий, в т.ч. дезорганизирующих деятельность УОИО.

Вторая группа – агитаторы, главной целью для которых выступает формирование у осужденных убеждения в необходимости и оправданности коллективного неповиновения законным требованиям администрации исправительного учреждения, совершения действий, нарушающих режим отбывания наказания.

Третья группа – провокаторы, характеризующая стойкой агрессивной установкой, устойчивой тенденцией нарушения режима содержания, склонностью к неповиновению администрации мест отбывания наказания и даже нападению на ее представителей.

Организаторов и агитаторов объединяет способность к убеждению, а иногда и любым иным формам негативного влияния на осужденных, позиционированию и насаждению криминальной субкультуры, признанию жизненной установкой сомнительных символов и убеждений. И те, и другие на первоначальном этапе довольствуются малым – склонением к участию в азартных играх, отказу от приема пищи или работы, употреблению наркотических средств и психотропных веществ или особым способом заваренного крепкого чая (чифира); убеждением в оправданности отказа от значимых на определенном этапе человеческой жизни социальных ценностей и связей (профессиональных, семейных, межличностных); снабжением запрещенной литературой религиозного или экстремистского содержания; обучением впервые оказавшихся в местах лишения свободы лиц общению на жаргонном языке («фене») и т.п.

В дальнейшем воздействие на осужденных со стороны агитаторов и организаторов приобретает более жесткие формы, вплоть до признания «отверженными» и даже физического устранения (с согласия или указания организаторов) тех, кто отказывается выполнять их рекомендации, а впоследствии – и требования.

Четвертая группа – исполнители является самой многочисленной и разнородной по составу. Именно они претворяют в жизнь, добровольно или под дав-

лением представителей высшей стратификационной криминогенной «касты» осужденных, установки и формы поведения, насаждаемые представителями первой-третьей групп.

Среди исполнителей довольно часто встречаются лица, склонные к циничным и жестоким действиям, причиняющим физические и нравственные страдания другим осужденным (принуждение к гомосексуальному сожительству, обслуживанию, обеспечению дополнительной «пайкой»; нанесение телесных повреждений, истязание, оскорбление и т.п.); употреблению наркотиков; членовредительству; убийству и даже суициду.

Пятая группа – случайный контингент, «массовка».

Эта группа также представлена разнообразным с позиции криминальной стратификации контингентом осужденных, не относящимся к авторитетам. Среди них, как справедливо отмечает А.В. Акчурин, встречаются осужденные, как нейтрально, так и агрессивно настроенные к порядку отбывания, а также лица с низким социальным статусом и «актив», т.е. осужденные, сотрудничающие с администрацией [4, с. 5].

Значительное количество участников массовки составляет особый контингент осужденных – впервые отбывающие наказания в виде лишения свободы, в т.ч. ранее не судимые, принявшие решение встать на путь исправления, осужденные к непродолжительному сроку лишения свободы, имеющие положительные и значимые для них привязанности и связи на свободе (родственные, семейные, корпоративные, личностные). Как правило – в разное время процент таких осужденных колеблется от тринадцати до девятнадцати. Указанные лица совершают действия, дезорганизирующие деятельность УОИО, из опасения получить в наказание пониженный статус либо за собственную безопасность или безопасность близких.

Приведенное разграничение осужденных и их личностных характеристик основано на результатах исследования авторов, по понятным причинам процентное соотношение не приводится, поскольку логично полагать, что организаторов и агитаторов единицы, а при переходе к «массовке» показатели составляют 70–80%.

С учетом вышеуказанного следует отметить, что действенность и устойчивость системы исполнения наказаний в целом и каждого отдельно взятого ее учреждения, в частности, зависит от проработанности и обеспеченности защитного механизма, действующего в отношении осужденных, ставших на путь исправления и последующей ресоциализации, а также сбалансированности и применения в точном соответствии с законом действующих в отношении этих лиц статусных ограничений и режимных требований.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. №4. Ст. 445.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.01.1997. № 2. Ст. 198.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. №25. Ст. 2954.
4. Акчурин А.В. Личность типичного осужденного, дезорганизирующего деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. №3. С. 285–290.
5. Красильникова М. С. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ): учебное пособие. Новокузнецк: ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», 2018. 55 с.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 (ed. from 01.07.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 26.01.2009. No. 4. Article 445.
2. Criminal Executive Code of the Russian Federation / Federal Law No. 1-FZ of 08.01.1997 (as amended from 31.07.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 13.01.1997. No. 2. Article 198.
3. Criminal Code of the Russian Federation / Federal Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended from 27.10.2020) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. No. 25. St. 2954.
4. Akchurin A.V. The personality of a typical convict who disorganizes the activities of institutions that provide isolation from society // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2018. Vol. 15. No. 3. Pp. 285-290.
5. Krasilnikova M.S. Disorganization of the activities of institutions that provide isolation from society (Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation): textbook. Novokuznetsk: FKOU VO "Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", 2018. 55 p.

Криминология. Учеб. пособие. Под ред. С.В. Иванцова, Е.А. Антонян [Я.Л. Алиев и др.] 6-е изд. 391 с. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. ГРИФ МНИЦ судебной экспертизы и исследований.

Рассматриваются преступность как социально-правовое явление, причины и условия ее возникновения, особенности личности преступника, а также механизмы совершения конкретных преступлений.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, подробно изложены криминологические особенности и меры предупреждения корыстной, насильственной, организованной, рецидивной, профессиональной, неосторожной преступности, преступности в сфере экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин.

Пособие в значительной степени может облегчить процесс усвоения основополагающих знаний по дисциплине. В предельно сжатые сроки студенты могут проверить свои знания по наиболее важным учебным вопросам благодаря тесту, представленному в конце пособия, и, воспользовавшись словарем криминологических терминов и понятий, расширить свой собственный криминологический тезаурус.

МЕСТО ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Ирина Андреевна Жарких, аспирант кафедры уголовного права

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9)

E-mail: irinazharkikh@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор **И.Э. Звечаровский**

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с определением места провокации преступления в системе уголовного права. Автор приводит критерии отграничения прикосновенности от института соучастия в преступлении и провокации от соучастия, формулируется вывод о единых основаниях выделения таких критериев. На основании сравнительного анализа института прикосновенности к преступлению и провокации преступления автором обосновывается необходимость отнесения провокации к разновидности прикосновенности к преступлению.

Ключевые слова: провокация преступления, прикосновенность к преступлению, соучастие в преступлении, укрывательство, легализация, недонесение, несообщение о преступлении.

THE PLACE OF CRIME PROVOCATION IN THE CRIMINAL LAW SYSTEM: A CONCEPTUAL APPROACH

Irina A. Zharkikh, Post-graduate Student of the Department of Criminal Law

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL) (Sadovaya-Kudrinskaya st., 9, Moscow, 125993)

E-mail: irinazharkikh@mail.ru

Scientific supervisor: Doctor of Legal Sciences, Professor **I.E. Zvecharovsky**

Abstract. The article deals with issues related to determining the place of provocation of a crime in the criminal law system. The author provides criteria for distinguishing touch from the institution of complicity in a crime and provocation from complicity, and formulates a conclusion about the common grounds for allocating such criteria. On the basis of a comparative analysis of the institution of touching a crime and provocation of a crime, the author justifies the need to refer provocation to a type of touching a crime.

Keywords: provocation of a crime, touching a crime, complicity in a crime, concealment, legalization, failure to report, failure to report a crime.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Жарких И.А. Место провокации преступления в системе уголовного права: концептуальный подход. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):106-12.

Вопрос о правовой природе и месте провокации преступления в системе уголовного права был и остается достаточно актуальным, поскольку в уголовно-правовой науке высказываются различные точки зрения относительно данного явления, при этом единства мнений не наблюдается.

Одни специалисты рассматривают провокацию преступления как социальное отклонение, как деяние, приносящее вред [6]. С точки зрения других ученых, провокацию необходимо относить к обстоятельству,

исключающему преступность деяния. Например, В.С. Комиссаров и П.С. Яни, отмечают, что благодаря решениям Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд), воспринятым высшим судебным органом России, провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать в качестве *нового, пока не отраженного в гл. 8 УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния*, совершенного лицом, в отношении которого эта деятельность осуществля-

лась (курсив наш – И.Ж.) [9].

С другой стороны, не все специалисты готовы поддержать столь смелое утверждение: в частности, В.Н. Додонов отмечает, что в правовой системе России, как и других европейских стран, провокация преступления не признается обстоятельством, исключающим преступность деяния [5]. Еще одна позиция ученых заключается в признании провокации в качестве обстоятельства, смягчающего наказание [3, с. 19; 11; 17].

С нашей точки зрения, не вполне представляется возможным определить самостоятельное место провокации в системе уголовного права, а также ее сущность на основании вышеприведенных позиций. В этой связи предпримем попытку обозначить место провокации в соотношении ее с отдельными институтами уголовного права.

В первую очередь необходимо отметить, что структуру преступной деятельности, как известно, можно условно разделить на следующие составляющие:

- 1) единоличное совершение преступления;
- 2) сопричинение вреда, в котором также можно выделить:
 - а) соучастие;
 - б) сопричинение вреда с лицами, не подлежащими уголовной ответственности;
 - в) неосторожное сопричинение вреда;
 - г) посредственное исполнение (опосредованное сопричинение вреда);
- 3) деятельность одного лица, связанную с преступлением, совершенным другим лицом (прикосновенность к преступлению).

Именно последнее представляет особый интерес, поскольку, как полагаем, на настоящем этапе развития уголовно-правовой науки имеются предпосылки взглянуть на сущность провокации преступления с точки зрения прикосновенности к преступлению и определить провокацию как пока не разработанный теорией вид прикосновенности к преступлению.

С этой целью необходимо отметить, что прикосновенность преступления как самостоятельный институт российского уголовного права стала формироваться лишь с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.), в котором содержались нормы, касающиеся прикосновенности к преступлению. В Уложении 1845 г. прикосновенности были посвящены ст. 14 и 15 Уложения 1845 г.¹, в которых были обозначены следующие ее виды:

- 1) попустительство (ст. 14);
- 2) укрывательство следов преступления или преступника (ст. 14);
- 3) пользование плодами преступного деяния (ст. 14);

¹ Здесь и далее нумерация статей Уложения 1845 г. приведена в соответствии с редакцией издания 1885 г.

4) недонесение о готовящемся или совершенном преступлении (ст. 15)².

В то же время нормы о прикосновенности расположены в отделении третьем Уложения 1845 г. «О участии в преступлении», в целом посвященном соучастию, в связи с чем возникло немало дискуссий и научных споров относительно природы прикосновенности и ее соотношения с соучастием.

Во второй половине XIX – начале XX века в отечественной уголовно-правовой науке стали формироваться взгляды на прикосновенность как на отдельное уголовно-правовое явление, отличное от соучастия.

В прошлом столетии окончательно сформировалась убежденность правоведов в наличии связи между основным преступлением и прикосновенностью к нему. Содержание связи, как отмечает А.А. Васильев, определялось совокупностью деяний, относимых к прикосновенности к преступлению [1, с. 12-13].

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. прикосновенность к преступлению оценивалась как соучастие в совершении преступления, в Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. – и как соучастие, и как отдельное преступление. Самостоятельной уголовно-правовой оценке подлежало заранее не обещанное попустительство преступлению и заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем.

Со времени принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. прикосновенность к преступлению законодательно отделена от соучастия в нем [8, с. 11]. Так, УК РСФСР содержал отдельно нормы о соучастии (ст. 17 и 171) и отдельно об укрывательстве (ст. 18) и недонесении (ст. 19).

Таким образом, возможно сделать вывод, что именно в советский период прикосновенность к преступлению была сформирована в отдельный уголовно-правовой институт. В действующем УК РФ в отличие от УК РСФСР 1960 г. отсутствуют отдельные нормы в Общей части, которые регламентировали бы прикосновенность к преступлению в общем и отдельные ее виды в частности, однако уголовная ответственность за отдельные виды прикосновенности установлена в некоторых статьях Особенной части УК РФ.

Не углубляясь в дискуссию относительно видов прикосновенности к преступлению, отметим, что в классическом понимании прикосновенность к преступлению выражается в трех формах: укрывательство, попустительство, доноительство. Вместе с тем, все чаще отдельные исследователи расширяют традици-

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов / Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года. В 15 т. Т. 15. Пг., 1916. 521 с.

онный перечень видов прикосновенности и помимо вышеобозначенных ее видов также выделяют, например, небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК РФ) и ненадлежащее выполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 225 УК РФ) [2, с. 11], заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, а также легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем [16, с. 16].

Такое не структурированное понимание прикосновенности и ее видов свидетельствует о недостаточной доктринальной проработке указанного института и, кроме того, предполагает возможность дальнейшего поиска отдельных форм проявления прикосновенности к преступлению.

В этой связи примечательно, что в науке сформировались разные подходы к определению правовой природы прикосновенности к преступлению. Одни ученые указывают, что сущность провокации состоит в ее направленности на воспрепятствование выявлению, расследованию и раскрытию основного преступления, а также в увеличении возможности для уклонения лица, совершившего основное посягательство, от применения уголовно-правового воздействия с помощью лиц, не участвовавших в его совершении [1, с. 8; 8, с. 7]. Другие специалисты ограничивают прикосновенность к преступлению сферой общественной безопасности [10, с. 6; 13, с. 5] или интересами государственной власти [16, с. 6].

Что касается определения понятия прикосновенности, принципиальных различий в его формулировке не возникало ни в советские времена, ни в настоящее время. А.А. Пионтковский, например, указывал, что прикосновенность к преступлению может выражаться в форме укрывательства, недонесения и попустительства [14, с. 590], то есть указанный ученый исходил из того, что прикосновенностью является деятельность, непосредственно связанная с преступлением, но не содействующая его совершению. Аналогичной точки зрения придерживались П.И. Гришаев и Г.А. Кригер [4, с. 200].

Интерес представляет высказывание А.Н. Трайнина, который полагал, что прикосновенность охватывает такую связь прикосновенного лица с исполнителем преступления, которая не достигает интенсивности соучастия, однако которая тем не менее не может остаться вне рамок уголовно-правового регулирования [18, с. 130].

Заслуживающей внимания представляется и точка зрения Э. Раала, согласно которой как прикосновенность к преступлению рассматривается умышленное деяние лица, имеющее общественно-опасный характер, поскольку такое деяние связано с преступлением

другого лица. При этом, ученый отмечает, что такое деяние прикосновенного к преступлению лица не должно иметь активного характера, либо не должно находиться в причинной связи с преступлением другого лица, либо должны отсутствовать оба эти признака [15, с. 9].

Специалисты, занимающиеся изучением вопросов прикосновенности к преступлению, в целом солидарны во мнении, что к отличительным признакам прикосновенности можно отнести следующие:

1) это деяние лица, не совершавшего основное преступление [1, с. 16; 7, с. 84-86];

2) такое деяние является умышленным [7];

3) прикосновенность к преступлению возникает на основе другого совершающегося или совершенного преступления и, имея непосредственную связь с этим преступлением, не находится с ним в причинной связи [8, с. 16];

4) прикосновенное деяние посягает, как правило, на интересы государственной власти и (или) направлено на воспрепятствование выявлению, расследованию и раскрытию основного преступления [8, с. 16].

Что касается последнего признака, особый интерес применительно к поставленному вопросу представляет позиция Н.К. Кустовой, которая, анализируя признаки прикосновенности, отмечает, что прикосновенность к преступлению посягает на общественные отношения в сфере осуществления деятельности по привлечению лиц, совершивших преступление, к уголовной ответственности, предупреждению и раскрытию преступлений, поскольку ее субъект, в какой бы форме она не осуществлялась, направляет свое деяние на создание возможности совершения преступления другим лицом либо на сокрытие уже совершенного другим лицом преступного деяния, а равно на оказание ему содействия в уклонении от уголовной ответственности (курсив наш – И.Ж.) [12, с. 50].

Сходную позицию высказывал И.Х. Хакимов, полагавший, что в результате деятельности прикосновенных к основному преступлению лиц причиняется вред государству в части выполнения такой функции, как предупреждение и раскрытие преступлений [19, с. 24].

В этой связи особо стоит обратить внимание на то, по многим характеристикам провокация схожа с институтом прикосновенности к преступлению, в том числе, в той части, что, провоцируя, провокатор исходя из целей своей провокации всегда способствует тому, что субъект основного преступления совершает такое преступление. При этом говорить о том, что такая провокационная деятельность не влияет негативным образом на систему предупреждения и противодействия преступности, не приходится. Провокация не то что оказывает непосредственное влияние на состояние и рост преступности, она также и порождает эту преступность, поскольку, если и не является пер-

вопричиной совершения конкретного преступления, то во всяком случае влияет на формирование и развитие преступной деятельности основного субъекта спровоцированного преступления.

Н.К. Кустова, например, отмечает, что общественная опасность прикосновенности состоит не только в том, что в результате такой деятельности создается возможность для субъекта основного преступления избежать уголовного преследования, в частности, в случае укрывательства, недонесения, но и в том, что она *формирует предпосылки для повышения эффективности его преступной деятельности* (легализация, приобретение незаконного добытого имущества), а равно для возможности осуществления таковой (попустительство) [12, с. 50] (курсив наш – И.Ж.).

Если принять позицию автора и вышеуказанное применить по отношению к провокации, получается аналогичная ситуация: провокация ни коим образом не способствует пресечению или предупреждению преступления, несмотря на свою основную цель осуществления – предание виновного в руки правосудия или наступления иных неблагоприятных для него последствий. Наоборот, провоцирование на совершение преступления способствует возрастанию количества совершенных преступлений и, как следствие, повышению уровня преступности, а в ряде случаев, о чем также свидетельствует судебная практика, спровоцированное преступление не было бы совершено, если бы этому не «посодействовал» провокатор.

Так, например, апелляционным приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Чувашской Республики от 20 мая 2016 г. Нефёдов и Смирнова оправданы по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 290 УК РФ, Солдатов – по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 292 УК РФ и ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 290 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в их действиях состава преступления.

Как указал суд, показания сотрудников полиции А., Б. и В., которые имели непосредственное отношение к оперативно-розыскному мероприятию по данному уголовному делу, а также письменный ответ заместителя министра внутренних дел по Чувашской Республики о постановке на учет дела оперативного учета не могут быть признаны достаточными и достоверными доказательствами для вывода о том, что на момент принятия решения о проведении в отношении Нефёдова оперативного эксперимента у сотрудников правоохранительных органов имелись достаточные сведения о фактических обстоятельствах, подтверждающих обоснованность подозрения Нефёдова в получении взяток и «свидетельствующих о том, что преступные действия были бы совершены Нефёдовым и

*без их вмешательства»*¹ (курсив наш – И.Ж.).

Также заслуживает внимания позиция Е.О. Волотовой, которая при рассмотрении понятия прикосновенности отмечает, что прикосновенность к преступлению как теоретическая уголовно-правовая категория представляет собой специфическую связь деяния одного лица с преступлением другого лица, при котором действие (бездействие) прикосновенного лица предопределяет возможность совершения этого преступления либо обеспечивает сокрытие [2, с. 19].

Основываясь на приведенном выше утверждении, позволим себе провести аналогию выделенного нами курсивом признака с чертами, присущими провокации преступления. Несомненно, провокация не может не предопределять вероятность, более того – неизбежность в ряде случаев совершения спровоцированным лицом преступления. В этой связи важно отметить, что Европейский Суд, основываясь на своей прецедентной практике, в пункте 54 постановления Европейского Суда от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против Российской Федерации» указал на то, что побуждение лица к совершению преступления при помощи таких средств как проявление инициативы по установлению контакта с ним, настойчивое побуждение, обещание финансовой выгоды или вызывание к чувству сострадания могут быть расценены как провокация.

При этом Европейский Суд отмечает, что если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия представляют собой подстрекательство (термин «подстрекательство» Европейским Судом используется в значении провокации – *Прим. авт.*) к совершению преступления (пункт 47 постановления Европейского Суда от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против Российской Федерации»)².

Так, например, приговором Рамонского районного суда А. осужден по трем эпизодам п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. А., являясь главой Березовского сельского поселения Рамонского муниципального района, по первому эпизоду получил от Л., действовавшей в интересах К.,

¹ Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Чувашской Республики от 20 мая 2016 г. № 22-857/2016 // URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Dlxc46UHjkdJ/> (дата обращения 06.10.2020).

² Обобщение правовых позиций Европейского Суда по правам человека по делам, по которым было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. в связи с совершением заявителями преступлений вследствие подстрекательства со стороны сотрудников правоохранительных органов : Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации / официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // URL : http://vs.prf/documents/international_practice/26341/ (дата обращения 19.09.2020).

взятку в сумме 200 000 рублей; по второму эпизоду получил взятку от Л., действовавшей в интересах В., в сумме 200 000 рублей; а также от Г. через посредника Л. взятку в сумме 200 000 рублей за незаконные действия, связанные с предоставлением земельных участков на территории Березовского сельского поселения К., В., Г., в силу закона имеющим право на бесплатное получение этих земельных участков в собственность. При передаче денежных средств Л. действовала под контролем сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в связи с чем А. был задержан с поличным.

Президиум Воронежского областного суда, рассматривая кассационную жалобу, отметил, что в приговоре в обоснование вывода суда о виновности А. имеется ссылка на протокол осмотра предметов – компакт-диска с детализацией входящих и исходящих телефонных соединений, согласно которому А. и Л. созванивались 9 раз; при этом суд оставил без внимания тот факт, кто являлся инициатором телефонных переговоров и в связи с чем они проводились с такой частотой.

На основании изложенного, постановлением Президиума Воронежского областного суда от 06.06.2018 № 44У-49/2018 приговор отменен, дело направлено на новое рассмотрение¹.

Таким образом, судебная практика наглядно демонстрирует, как деятельность провоцирующих предопределяет возможность или неизбежность совершения преступления, на которое провоцируют. Из приведенного выше в качестве примера постановления отчетливо видно, что такая настойчивая деятельность сотрудников правоохранительных органов, как и сотрудничающих с ними лиц, выражающаяся в частоте звонков, а также в их иницировании со стороны «заинтересованных» лиц, не могло не повлиять на решимость спровоцированного совершить преступление.

Примечательным является то, что критериями разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в нем, а также отличительными признаками указанных институтов являются критерии и признаки, аналогичные при разграничении соучастия и провокации.

При разграничении соучастия и прикосновенности, во-первых, необходимо учитывать, что содержание причинной связи в соучастии и прикосновенности не совпадает: при соучастии причинная связь имеет непосредственную, прямую связь между действиями всех соучастников и наступившим единым для всех преступным результатом, при прикосновенности же действия прикосновенного лица не образуют причин-

ную связь с предикатным преступлением и наступившими в результате его совершения общественно опасными последствиями.

С точки зрения Р.Д. Шарапова, принципиальное отличие прикосновенности от соучастия состоит в том, что при соучастии деяния всех соучастников причинно связаны с общим для них преступным результатом, в то время как преступление, образующее прикосновенность, ни коим образом не обуславливает наступление общественно опасного последствия предикатного преступления, а, значит, не находится в причинной связи с преступным результатом основного преступления, совершенного другим лицом [20].

Вышеуказанное применимо и к разграничению провокации преступления и соучастия, поскольку между действиями провокатора и содеянным спровоцированным также не наличествует прямая причинная связь.

Во-вторых, прикосновенность отличается от соучастия по субъективной стороне: при прикосновенности умысел прикосновенного лица и субъекта основного преступления не совпадает, он имеет разную направленность; при соучастии субъективная сторона преступления характеризуется единством умысла всех соучастников, и деятельность каждого из соучастников направлена на достижение общего преступного результата, хотя цели соучастников могут и не совпадать.

В отношении соучастия приемлемо даже говорить об общей направленности действий соучастников, при этом у провокатора и провоцируемого, как и в случае прикосновенности, такой общей направленности не наблюдается, поскольку основная цель провокатора состоит не в достижении спровоцированным лицом преступного результата, а в наступлении для спровоцированного неблагоприятных последствий.

В-третьих, действия соучастников характеризуются таким признаком, как совместность; при прикосновенности к преступлению такой признак отсутствует. На это, в частности, обращает внимание Р.Д. Шарапов и указывает, что прикосновенное лицо, независимо от ответственности лица, виновного в совершении предикатного преступления, несет самостоятельную уголовную ответственность за свое собственное преступление [20].

Аналогичный признак отграничения представляется возможным выделить и у провокации. Так, Е.В. Говорухина указывает, что провокация имеет целью не совместное достижение преступного результата, а использование спровоцированного преступного деяния лица с целью изобличения последнего в содеянном [3, с. 12].

И, наконец, отличие прикосновенности от соучастия состоит в том, что действия соучастников пре-

¹ Постановление Президиума Воронежского областного суда от 06.06.2018 № 44У-49/2018 // СПС «Консультант Плюс».

ступления взаимообусловлены, что означает влияние деяний всех соучастников друг на друга. Посредством выполнения каждым соучастником своей части объективной стороны наступает преступный результат, при этом при невыполнении кем-либо из соучастников части преступного деяния, такие последствия могли бы не наступить. При прикосновенности деяние лица, прикосновенного к преступлению, и субъекта основного преступления не взаимообусловлены, а независимы друг от друга.

Также в литературе точно подмечено, что прикосновенность от соучастия позволяет отграничивать то, что прикосновенность как автономное преступное поведение имеет не прямую, а косвенную связь с основным преступлением, и данном случае отсутствует двусторонняя субъективная связь между лицом, совершающим основное посягательство, и прикосновенным лицом [12, с. 57]. Вышеизложенное несомненно применимо к разграничению провокации преступления и соучастия.

Таким образом, с учетом изложенного выше представляется, что есть основания относить провокацию к одной из разновидностей прикосновенности к преступлению, что определяет место провокации преступления в уголовном праве России как самостоятельного института. Указанное потребует дополнительной доктринальной проработки не только учения о провокации преступления и ее месте в системе уголовного права, но и теории о прикосновенности преступления, в частности, ее понятия и признаков.

Литература

1. Васильев А.А. Уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2009. 28 с.
2. Волотова Е.О. Прикосновенность к преступлению: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. 28 с.
3. Говорухина Е.В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2002. 29 с.
4. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1959. 255 с.
5. Додонов В.Н. Провокация преступления с позиций современного уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 3 (5). С. 13-16.
6. Дударенко В.В. Провокация преступления как социальное отклонение // Успехи современной науки и образования. Т. 8. № 4. 2017. С. 147-152.
7. Зарубин А.В. Понятие и формы прикосновенности к преступлению // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1 (44). С. 84-86.
8. Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2004. 21 с.
9. Комиссаров В.С., Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 3-8.
10. Косякова Н.С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 24 с.
11. Кугушева С.В. Провокация преступления: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2005. № 10. С. 25-26.
12. Кустова Н.К. Институт прикосновенности к преступлению: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. 2019. 217 с.
13. Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. 20 с.
14. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.
15. Раал Э.Х. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: автореф. дис. канд. юрид. наук. Тарту, 1956. 20 с.
16. Сережкина К.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2009. 24 с.
17. Тищенко А.В. Провокация и необходимость ее закрепления в уголовном законодательстве России как обстоятельства, смягчающего наказание // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 165-168.
18. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941. 158 с.
19. Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент: Фан, 1982. 124 с.
20. Шарапов Р.Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместности умысла // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 36-41.

References

1. Vasiliev A.A. Criminal-legal characteristics of the touch to the crime: author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08. Yekaterinburg, 2009. 28 p.
2. Volotova E.O. Touching the crime: the concept, types, responsibility: author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08. Moscow, 2011. 28 p.
3. Govorukhina E.V. The concept and legal consequences of provocation in criminal law: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08. Rostov-on-Don, 2002. 29 p.
4. Grishaev P.I., Krieger G.A. Complicity in Soviet criminal law. Moscow: Gosyurizdat, 1959. 255 p.
5. Dodonov V.N. Provocation of crime from the standpoint of modern criminal law // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation. 2008. № 3 (5). S. 13-16.
6. Dudarenko V.V. Provocation of crime as a social reject // Successes of modern science and education. Vol. 8. No. 4. 2017. P. 147-152.
7. Zarubin V.A. Concept and forms the implications of the crime // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2012. No. 1 (44). pp. 84-86.
8. Zarubin A.V. Criminal-legal regulation of touching a crime: author's abstract. dis. ... cand. jurid. science : 12.00.08. Krasnoyarsk, 2004. 21 p.
9. Komissarov V.S., Yani P.S. Provocative and inflammatory activity in relation to an official as a circumstance excluding responsibility for receiving a bribe. 2010. no. 9. p. 3-8.
10. Kosyakova N.S. Touching the crime in Russian criminal law: formation, state and prospects of development: abstract of the dissertation ... cand. jurid. M., 2001. 24 p.
11. Kugusheva S.V. Provocation of crime: problems of criminal-legal qualification. 2005. No. 10. pp. 25-26.
12. Kustova N.K. The Institute of involvement in crime: theoretical, legislative and law enforcement aspects: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08. 2019. 217 p.
13. Makarov A.D. Criminal liability for touching a crime: author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08. M., 2004. 20 p.
14. Piontkovsky A.A. The doctrine of crime in Soviet criminal law. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 666 p.
15. Raal E.H. Touch to crime in Soviet criminal law: author's abstract of the cand. dis. jurid. sciences'. Tartu, 1956. 20 p.
16. Serezhkina K.N. Touching the crime in the criminal law of Russia: optimization of norms and practices of their application: abstract of the Cand. jurid. sciences: 12.00.08. Samara, 2009. 24 p.
17. Tishchenko A.V. Provocation and the necessity of its consolidation in the criminal legislation of Russia as a circumstance mitigating punishment. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. No. 8. pp. 165-168.
18. Traynin A.N. The doctrine of complicity. M., 1941. 158 p.
19. Khakimov I.H. Responsibility for involvement in the theft of socialist property. Tashkent: Fan, 1982. 124 p.
20. Sharapov R.D. Joint criminal activity without signs of complicity: touching the crime, participation in the crime in the absence of joint intent // Yuridicheskaya nauka i law enforcement praktika. 2015. No. 4 (34). pp. 36-41.

Научные специальности: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И АНАЛИЗА ДАННЫХ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РФ

Виталий Викторович Копылов, профессор кафедры «Тактико-специальной, огневой и физической подготовки»
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (170040, Тверь, ул. Кривичская, д. 12)
E-mail: kopylov_70@inbox.ru

Олег Михайлович Прокофьев, начальник курса постоянного состава курсов
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (170040, Тверь, ул. Кривичская, д. 12)
E-mail: Oleg_prokoffev_72@bk.ru

Александр Анатольевич Солдатов, старший инженер
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (170040, Тверь, ул. Кривичская, д. 12)
E-mail: solaleana@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются современные проблемы организации противодействия администрации мест лишения свободы ФСИН РФ «тюремными» call-центрами. Анализируется динамика преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и ее разновидность – мобильное мошенничество. Исследуются причины, способствующие незаконному поступлению аппаратов сотовой связи в места лишения свободы, а так же «тюремное» мобильное мошенничество. Рассматриваются перспективы оснащения УИС РФ программным комплексом «Мобильный Криминалист», его характеристики и возможности в части повышения эффективности противодействия администрации исправительных учреждений проникновению на территорию мобильных телефонов, и активизации борьбы с «тюремными» call-центрами.

Ключевые слова: мобильное мошенничество, преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, «тюремное» мобильное мошенничество, «тюремные» call-центры, аппараты сотовой связи.

PROSPECTS FOR THE USE OF FORENSIC TECHNOLOGY FOR THE STUDY AND ANALYSIS OF MOBILE DEVICE DATA IN INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vitaliy V. Kopylov, Professor of the Department of Tactical-special, Fire and Physical Training, Candidate of Legal Sciences
Tver branch of Moscow University named after V.Ya. Kikot' (170040, Tver', ul. Krivichskaya, d. 12)
E-mail: kopylov_70@inbox.ru

Oleg M. Prokof'ev, Chief of the course of permanent staff of courses
Tver branch of Moscow University named after V.Ya. Kikot' (170040, Tver', ul. Krivichskaya, d. 12)
E-mail: Oleg_prokoffev_72@bk.ru

Aleksander A. Soldatov, Senior Engineer
Tver branch of Moscow University named after V.Ya. Kikot' (170040, Tver', ul. Krivichskaya, d. 12)
E-mail: solaleana@mail.ru

Abstract. The article deals with modern problems of organization of counteraction of administrations of places of deprivation of liberty of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation by “prison” call-centers. The article analyzes the dynamics of crimes with the use of information and telecommunication technologies and its variety – mobile fraud. The article examines the reasons that contribute to the illegal receipt of cell phones in places of detention and “prison” mobile fraud. Discusses the prospects of equipping UIS Russia software complex Forensic, performance and opportunities to improve the effectiveness of anti-administration penetration into the territory of the institutions and enhance the fight prison call centers.

Keywords: mobile fraud, crimes involving information and telecommunications technologies, “prison” mobile fraud, “prison” call centers, cell phones.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Копылов В.В., Прокофьев О.М., Солдатов А.А. Перспективы применения криминалистической техники для изучения и анализа данных мобильных устройств в учреждениях ФСИН РФ. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):113-6.

Мобильные телефоны давно вошли в нашу жизнь, став обязательным атрибутом современного человека. По разным подсчетам, на сегодняшний день, число пользователей сотовой связи в Российской Федерации превышает двести пятьдесят пять миллионов¹.

Большая функциональность, доступность и распространенность аппаратов сотовой связи не могла не заинтересовать криминальные структуры для использования их в целях реализации своих противоправных деяний. Особой разновидностью преступности, совершаемой с помощью аппаратов сотовой связи, стало телефонное (мобильное) мошенничество. Мировые убытки, связанные с данным видом преступности, составляют ежегодно 25 млрд. долларов².

На территории Российской Федерации в 2019 году было совершено 294409 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации³. Данный вид преступности является самым динамично развивающимся в России, прирост по сравнению с предыдущим годом рост составил 68,5%.

В 2020 количество преступлений с использованием мобильной связи выросло на 96%, и достигло 181 200. Ранее в Центробанке заявляли о росте телефонного мошенничества примерно в четыре раза. Так, за первую половину 2020 года число таких случаев превысило 9700, а за 9 мес. – 294,4 тыс. преступлений, которые были совершены при помощи информационно телекоммуникационных технологий⁴. Особой разновидностью мобильного мошенничества стало – «тюремное» мобильное мошенничество, т.е. мошеннические действия, совершаемые при помощи аппаратов сотовой связи заключенными, находящимися в местах лишения свободы ФСИН РФ.

Поступление аппаратов сотовой связи заключенным, находящимся в пенитенциарных учреждениях РФ — это проблема, решение которой не найдено. Так, при проведении обыскных мероприятий в исправительных учреждениях изъято устройств мобильной связи: в 2009 г.— 37 344 единицы, в 2012 г.— 459 270, в 2013 г.— 61 376 единиц [1]. В 2014 году при попытке доставки изъято более 47,5 тыс. единиц средств связи⁵. Уточнение «при попытке доставки» подразумевает, что аппараты сотовой связи были обнаружены сотрудниками пенитенциарных учреждений при: перебросе через основное ограждение учреждения; при переда-

че родственниками в посылках – передачах (во время их досмотра); на КПП при досмотре автотранспорта и лиц входящих на территорию учреждения; при обыске осужденных возвращающихся с длительного свидания; при обыске заключенных возвращающихся со следственных действий, при обыске заключенных прибывших в учреждение этапом.

Можно выделить четыре основных фактора способствующих проникновению аппаратов сотовой связи в исправительные учреждения:

- высокий уровень коррупции среди сотрудников УИС (предательство интересов службы: пронос на территорию запрещенных предметов – аппаратов сотовой связи);
- недостаточный надзор за заключенными в местах их размещения;
- недостаточное техническое оснащение подразделений режимной службы (отсутствие достаточного количества технических устройств позволяющих обнаружить аппараты сотовой связи);
- слабые оперативные позиции среди осужденных (оперативные подразделения не располагают достаточной оперативно-значимой информацией, позволяющей пресекать каналы поступления аппаратов сотовой связи и лиц, осуществляющих это).

Ежегодно в учреждениях уголовно-исполнительной системы изымается порядка 60 тыс. телефонов⁶. А сколько не изымается и остается на руках у заключенных? Приблизительно 250-300 тыс. сотовых телефонов. Такое обилие средств мобильной связи, многочисленные каналы поступления аппаратов сотовой связи, слабый надзор и режим, позволили заключенным организовать call-центры в местах лишения свободы.

На территории России из 38 тыс. преступлений, которые совершались с помощью мобильной связи, треть приходилась на звонки заключенных. В ноябре 2019 года служба безопасности одного из крупнейших российских банков насчитала около 280 call-центров, расположенных в местах лишения свободы⁷. Количество мошеннических звонков в 2020 году, которые зарегистрированы в РФ с территорий колоний и следственных изоляторов, подведомственных ФСИН, из общего объема мошеннических звонков составляют 3%. Однако ущерб от таких звонков составил уже 1,8 миллиарда рублей⁸. «Поймать преступников удается нечасто, – говорит Алексей Голенищев, директор дирекции мониторинга электронного бизнеса Аль-

¹ <https://primorye.topnomer.ru/blog/skolko-abonentov-u-operatorov-rossii.html> (дата обращения: 15.01.2021).

² <https://moluch.ru/archive/115/30613/> (дата обращения: 15.01.2021).

³ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ за январь – декабрь 2019 г. <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 15.01.2021).

⁴ <http://anticorr.media/ushherb-ot-telefonnogo-moshennichestva-iz-kolonij-v-rf-ocenili-v-18-mlrd-rublej/> (дата обращения: 15.01.2021).

⁵ <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата обращения: 15.01.2021).

⁶ https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/11/2019/5dc17fae9a7947d6626ac54c (дата обращения: 15.01.2021).

⁷ https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/11/2019/5dc17fae9a7947d6626ac54c (дата обращения: 15.01.2021).

⁸ <http://anticorr.media/ushherb-ot-telefonnogo-moshennichestva-iz-kolonij-v-rf-ocenili-v-18-mlrd-rublej/> (дата обращения: 15.01.2021).

фа-Банка. – Правоохранительным органам не очень нравятся подобные дела, потому что все происходит в электронной среде, на другом конце мошенников выявить сложно. Это предполагает достаточно серьезный комплекс мероприятий, причем высокотехнологичных. Надо понять, кто звонил, как деньги выводили, где выводили. Брать такие дела, очевидно, не очень интересно, потому что это грозит очередным «висяком»»¹.

Проблема с «тюремными» мобильным мошенничеством в местах лишения свободы возникла достаточно давно. Еще в 2011 году было установлено 196 осужденных, совершивших мошенничество с использованием средств мобильной связи, и выявлено 766 эпизодов преступной деятельности, в 2012 году, соответственно, 245 и 10001². Но, до настоящего времени своего разрешения она так и не нашла. До сих пор не найден эффективный способ борьбы с аппаратами сотовой связи и «тюремными» call-центрами.

В этой связи, есть предложения в учреждениях УИС РФ установить блокираторы сигнала сотовой связи, даже обозначена необходимая для этого сумма – около 3 млрд. рублей. Но, закупка, установка и обслуживание высокотехнологичного оборудования для глушения сигнала сотовой связи достаточно дорогое и трудоемкое мероприятие.

К тому же использование блокираторов сигнала сотовой связи в населённых пунктах приводит к тому, что прерывается сотовая связь в жилых домах, расположенных около исправительного учреждения. Сопредседатель Партии роста, член ОНК Москвы Александр Хуруджи «Конечно, нужно бороться с незаконными кол-центрами в системе ФСИН, нужно защищать граждан нашей страны от телефонных мошенников. Но тот ли способ выбрала «система»? Поможет ли эта громадная сумма решить вопрос? И не превратится ли выделение этих денег в борьбу с ветряными мельницами и очередной распил?»³

При раскрытии мобильного мошенничества в местах лишения свободы необходимо проведение технических экспертиз средств мобильной связи, направление запросов от операторов связи, интернет-провайдеров, систематизация и анализ полученных данных. Возникает проблема в виде отсутствия в учреждениях УИС РФ возможности оперативно выявлять в большом массиве изъятых аппаратов сотовой связи именно те мобильные устройства, которые используют заключенные для мошеннических действий.

Для решения этой проблемы необходимо карди-

нально изменить отношение администрации исправительных учреждений к изъятым на территории аппаратам сотовой связи.

В настоящий момент аппарат сотовой связи рассматривается как запрещенный предмет, подлежащий изъятию, по факту его обнаружения должна быть проведена проверка с целью установления канала поступления на территорию исправительного учреждения. Необходимо подойти к этому вопросу с позиций форензики, а именно мобильной криминалистики и тогда изъятый аппарат сотовой связи становится не только запрещенным предметом, но и источником цифровых доказательств и оперативно-значимой информации. Тогда в отношении каждого изъятого аппарата сотовой связи (жесткого диска, смартфона, планшета, SIM-карты, флеш-карты) необходимо проводить не только проверку, но и экспертное исследование с поэтапным восстановлением удаленной информации, извлечением истории обмена сообщениями в различных мессенджерах, истории совершения платежей в различных платежных приложениях, извлечение геоданных и т.п. систематизацией и последующим анализом извлеченных данных. Тогда ситуация не только с «тюремными» call-центрами в местах лишения свободы, но и с сотовыми телефонами в целом может измениться. Для этого необходимо оснастить учреждения УИС соответствующим оборудованием и программным обеспечением для проведения комплексной компьютерно-технической экспертизы.

Для решения данной проблемы перспективным видится программный комплекс «Мобильный Криминалист». Он предназначен для извлечения и анализа данных с мобильных устройств (телефоны, планшеты) и облачных хранилищ, восстанавливает удалённую информацию, показывает различные события в хронологическом порядке. В комплект «Мобильного Криминалиста» входит: планшетный компьютер (поддерживаемые операционные системы для установки программы Windows 10, Windows 8.1, Windows 8, Windows 7), набор переходников к исследуемым устройствам, USB-ключ, установленный на планшетном компьютере программы «Мобильный Криминалист». Для того чтобы произвести экспертизу аппарата сотовой связи, его достаточно подключить программному комплексу, в результате будет осуществлено логическое чтение и логический анализ данного устройства. В результате будут получены сведения о содержании: телефонной книги аппарата, всех номеров контакта, даты изменения контакта, сообщений SMS, сообщений MMS, сообщений электронной почты, файловых сообщений электронной почты, данных журнала вызовов и т.д. Кроме этого данный программный комплекс осуществляет: импорт данных из архивных копий и облачных хранилищ, чтение данных пользователя из текущей сессии Windows

¹ Когда в России начнут ловить телефонных мошенников// klerk.ru/buh/articles/490248/ (дата обращения: 15.01.2021).

² <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/> (дата обращения: 15.01.2021).

³ <https://www.rbc.ru/society/01/10/2020/5f757d419a794755e3993acc> (дата обращения: 15.01.2021).

модулем «Скаут», анализ данных географического местоположения устройства, восстановление и анализ удаленных данных, извлечение и импорт данных из облачных хранилищ, извлечение и импорт данных из облачных сервисов Google, Apple, Microsoft, Yandex (Яндекс), извлечение и импорт данных из мессенджера WhatsApp, Viber, Samsung, извлечение и импорт данных из других облачных сервисов (Социальные сети Twitter, Facebook, Одноклассники (Odnoklassniki, OK), VKontakte и т.п). Вся полученная информация будет сохранена на CD-диск или на любой другой накопитель в формате (PDF, Word, XLS, XML, HTML). Существует возможность восстанавливать удаленную информацию: любой тип переписки (iMessage, WhatsApp, Skype и т.д.)¹, контакты, звонки, файлы, видео, фото, заметки и многое другое. Также, возможно просматривать все события в хронологическом порядке и выявлять периоды повышенной активности пользователя. В случае если сотовый телефон при изъятии, был умышленно поврежден заключенным, не исключается вариант снятия физического образа для целого ряда моделей. Такой подробный и систематизированный объем информации позволит выявить заключенных, занимающихся мобильным мошенничеством, лиц, проносящих аппараты сотовой связи, в нарушение режима содержания.

Необходимо добавить, что производитель данного продукта отечественная компания, в настоящий момент различные модификации «Мобильного Криминалиста» успешно используются в целом ряде право-

охранительных структур РФ (МВД РФ, ФСБ РФ).

Простота в эксплуатации, большие возможности, оперативность все это отличает программно-аппаратный комплекс «Мобильный Криминалист» от аналогичных программных комплексов.

Оснащение учреждений УИС РФ программными комплексами «Мобильного Криминалиста» позволит повысить эффективность противодействия администрации проникновению на территорию учреждений мобильных телефонов, активизирует борьбу с «тюремными» call-центрами, существенно увеличит оперативно-значимую информацию о латентных процессах среди заключенных, что, в конечном счете, приведет к снижению преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в РФ.

Литература

1. Некрасов А.П., Шиханов В.А. Особенности поиска и изъятия средств сотовой связи в исправительных учреждениях // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 13 (368). Право. Вып. 42. С. 117–128.

References

1. Nekrasov A.P., Shikhanov V.A. Features of search and withdrawal of cellular communication facilities in correctional institutions // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2015. № 13 (368). Right. Issue 42. pp. 117-128.

¹ <https://www.itc.by/mobile-forensics/> (дата обращения: 15.01.2021).

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОГНОЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Татьяна Витальевна Молчанова, доцент кафедры криминологии, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: molcha@yandex.ru

Аннотация. Дается статистическая оценка самых распространенных преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности. Рассматриваются отдельные преступные деяния, которые формируют правоприменительную практику по гл. 22 УК РФ. Выдвинуты предположения о причинах увеличения и снижения фактов регистрации отдельных форм преступных деяний. Дана сравнительная характеристика преступлений, зарегистрированных по гл. 22 УК РФ в России и г. Москве, установлены видовые расхождения по отдельным преступным деяниям в их количественной оценке. Указаны некоторые проблемы правоприменения и прогнозные тенденции ее развития.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, незаконное присвоение активов, статистическая отчетность, статистический анализ, показатели, факты, пандемия, кризис, регистрация, выявление, уголовные дела, уголовное преследование, предприниматели, предупреждение, прогноз, рост, правоприменительная практика.

STATISTICAL DESCRIPTION OF CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY: FORECAST TRENDS

Tatyana V. Molchanova, Associate Professor of the Department of Criminology, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: molcha@yandex.ru

Abstract. The article presents a statistical assessment of the most common crimes committed in the field of economic activity. The article deals with individual criminal acts that form the law enforcement practice under Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. Assumptions are made about the reasons for the increase and decrease in the facts of registration of certain forms of criminal acts. A comparative description of the crimes registered under Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation in Russia and Moscow is given, and specific discrepancies are established for individual criminal acts in their quantitative assessment. Some problems of law enforcement and forecast trends of its development are indicated.

Keywords: crimes in the sphere of economic activity, misappropriation of assets, statistical reporting, statistical analysis, indicators, facts, pandemic, crisis, registration, detection, criminal cases, criminal prosecution, entrepreneurs, prevention, forecast, growth, law enforcement practice.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Молчанова Т.В. Статистическое описание преступлений в сфере экономической деятельности: прогнозные тенденции. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):117-20.

«Не в жесткости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступления. Наказание достигнет своей цели, если страдания, им причиняемые, превысят выгоды от преступления» [1, с. 164].

Технологические изменения и развитие сложных финансовых институтов изменили способ ведения предпринимательской и иной экономической деятель-

ности, открыв новые возможности для совершения преступлений в указанной сфере на всем мировом пространстве.

Правоохранительные и регулирующие органы стремятся противодействовать преступным правонарушениям, применяя существующие законы к преступному поведению. Законодатели пытаются разра-

ботать правила, которые предотвратят возникновение этих проблем, но не знают, как будет вестись бизнес в будущем. Однако недавние инциденты с экономическими преступлениями не ограничиваются технологическими достижениями или сложностями финансового сектора. Совокупный эффект этих инцидентов привел к ослаблению общественного доверия к честности политических институтов, финансовых институтов и предприятий, которые в совокупности формируют структуру общества¹.

В России ущерб от экономических преступлений, по данным МВД России, в 2020 году превысил 450 миллиардов рублей. За этот же период более 300 тысяч экономических преступлений совершались при помощи высоких технологий. «Сегодня любое финансовое правонарушение имеет цифровой след, связано с использованием компьютеров, смартфонов, жестких дисков, флеш-накопителей или других IT-устройств, именно поэтому его расследование обязательно должно включать киберкриминологию и профильную экспертизу². Наиболее распространенными корпоративными пре-

ступлениями в России считается незаконное присвоение активов компании. На втором месте – коррупция (дача или получение взятки, откаты), на третьем – мошенничество с финансовой отчетностью.

Подобного рода ситуация складывается и в мире, самым распространенным преступлением в сфере экономической деятельности считается – незаконное распределение активов³. Незаконное присвоение активов – это разновидность экономического преступления, которая включает хищение или растрату активов компании руководителями, сотрудниками или другими доверенными лицами.

В современном высокотехнологичном обществе незаконное присвоение активов считается традиционной формой преступности и поэтому часто подменяется другими преступлениями в сфере экономической деятельности, которые не редко связаны с использованием весьма сложных форм информационных технологий. Представляется, что это новый вектор развития современной преступности на всем геополитическом пространстве.

Статистическое измерение преступлений в сфере экономической деятельности на территории России выглядит следующим образом.

¹ Борьба с экономической преступностью в современном мире. 3 Сентября 2019 г. Международный симпозиум по экономической преступности. <https://www.gov.uk>.

² Интервью Руководителя Лаборатории компьютерной криминалистики Международной компании Group-IB Баулина В. «В три из пяти финансовых махинаций вовлечены родственники». <https://gia.ru/20210119>.

³ Обзор мировых экономических преступлений и мошенничества за 2018 год. Материалы предоставлены Pricewaterhouse Coopers. <https://www.pwc.ru/>

Таблица 1

Современная ситуация распределения наиболее часто совершаемых преступлений в сфере экономической деятельности⁴

Статья УК РФ	2017		2018		2019		2020	
	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд
Ст.171.1	1051	460	1387	520	1728	638	2463	682
Ст.171.2	1492	917	1249	710	1136	619	1342	455
Ст.171.3	106	18	570	174	765	297	1207	373
Ст.171.4	76	28	1210	745	1464	1058	1421	865
Ст.173.1	2590	499	4588	708	5082	766	7036	815
Ст.173.2	2369	1337	4892	2343	5397	1978	6520	1984
Ст.174.1	674	513	968	608	918	684	1424	706
Ст. 175	2464	1905	2143	1621	1677	1136	1840	1051
Ст. 180	970	401	1270	428	1472	571	1880	504
Ст. 186	16290	857	17550	542	17692	718	22301	1051
Ст. 187	239	151	541	231	842	357	1642	656
Ст. 199	1754	434	1812	447	1538	469	1833	218

⁴ Ф 491. Раздел 8. «Преступления в сфере экономической деятельности». Январь-декабрь 2014 г. Январь-декабрь 2020 г.

Анализ представленных статистических данных в Таблице 1 позволяет выделить самые регистрируемые преступления в гл. 22 УК РФ за рассматриваемый период:

- изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг;
- незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица;
- незаконное использование документов для образования юридического лица;
- производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации;

- уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией-плательщиком страховых взносов;
- незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг);
- приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем;
- неправомерный оборот средств платежей.

Статистическая оценка преступлений в сфере экономической деятельности в г. Москве за 2015-2020 гг., с учетом отражения исключительно отдельных регистрируемых преступлений в соответствующих формах статистической отчетности ЗИЦ ГУ МВД России по городу Москве распределилась следующим образом.

Таблица 2.

Наиболее часто регистрируемые преступления гл. 22 УК РФ в г. Москве¹

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Ст.186	2504 (80,4)	2113 (72,8)	2861 (79,9)	3382 (77,2%)	3520 (76,6)	2790 (73%)
Ст.198	18	16	13	5	10	7
Ст.199	204	241	269	302	264:	212
Ст.193	36	49	15	67	44	20

¹ Сборник о выявленных, раскрытых преступлениях экономической направленности по г. Москве. Данные предоставлены ЗИЦ ГУ МВД России по городу Москве. Форма таблицы: 101,102.

Из двух продемонстрированных табличных статистических оценок – наибольшая доля представлена таким составом преступлений как «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг». Исследуемый период характеризуется устойчивыми позициями выявления данного состава среди других преступлений гл. 22 УК РФ в удельном весе, несмотря на снижения в отдельные годы. Следует отметить, что за рассматриваемый период в России материалов по ст.186 УК РФ в суд направлялось их минимальное число – в среднем 4-5% материалов уголовных дел от всех зарегистрированных фактов.

Существует много проблем, связанных формированием доказательственной базы по данным составам преступлений, а также вопросами, возникающими в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Правоприменительная практика складывается в основном в алгоритме от выявления преступления до установления лица его совершившего. Количество фактов, обнаруженных по ст. 186 УК РФ демонстрирует тенденцию, где значительная часть указанных преступных деяний остается не раскрытой, поскольку лица, устанавливаются исключительно в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

За последние годы мы можем наблюдать значительные темпы снижения использования наличных денежных средств и формирование соответствующих форм контроля за оборотом наличности, но спрос на совершение действий по подделке, преимущественно денежных знаков продолжает оставаться. И связан он, прежде всего, с тем, что поддельные денежные знаки легко реализуются через банкоматы, оснащенные устройствами с функцией приема наличных денежных средств [2].

На территории России наибольшее число фальшивомонетничества совершается в г. Москве, это связано со значительным объемом и оборотом денежных средств в сравнении с другими субъектами Российской Федерации. Ст. 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» продолжает сохранять аналогичные лидирующие позиции и составляет почти всю преступность в сфере экономической деятельности.

Как видим из таблицы, незначительное число преступлений в сфере экономической деятельности фиксируется в г. Москве, несмотря на то, что данный субъект является весьма важным субъектом предпринимательской и иной экономической деятельности

среди всех регионов Российской Федерации. Распределение наиболее часто совершаемых преступных деяний в г.Москве представлено по иным позициям учета, чем в целом по России.

Указанная тенденция обусловлена различными обстоятельствами. В том числе, тем фактором, что за последние годы продолжает сохраняться тенденция к сокращению количественных характеристик материалов уголовных дел в отношении различного рода предпринимателей. Уголовная политика государства в отношении предпринимателей стала носить более либеральный характер, что увеличило практику обращения субъектов экономической деятельности в органы общественного контроля с целью восстановления их нарушенных прав.

Среди других негативных проблем, которые позволяют формировать уголовно-правовые отношения государства и субъектов предпринимательской деятельности, по мнению самих же предпринимателей, это ставшая уже традиционной тенденцией – проблема перевода гражданско-правовых споров в уголовно-правовые отношения. В связи с этим, увеличивается практика разрешения корпоративных конфликтов посредством уголовного преследования.

Современная преступность в сфере экономической деятельности носит весьма разнообразный характер. Зависит от разных субъективных и объективных факторов. Прежде всего от активности всех заинтересованных органов, преследующих цель выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере экономической деятельности.

Концепция «противодействия преступности в сфере экономической деятельности» на сегодня активно используется и упрочняет свои позиции в научной мысли, однако до сих пор нет объективного и достоверного понимания состояния, природы, характеристик, особенностей этого вида преступной деятельности. Указанные факторы ограничивают возможности противодействия экономической преступности, препятствует совершенствованию законодательства в этой области.

Число преступлений в сфере экономической дея-

тельности в России будет иметь тенденцию к росту, в том числе из-за сохраняющегося экономического кризиса и пандемии COVID. А среди типов преступлений – вывод активов компаний различными способами и сопряженные с ним преступные деяния, скорее всего, останутся на первом месте. Так как мы все уже давно живем в цифровом пространстве, преступления в сфере информационных технологий все плотнее будут сращиваться с экономическими формами преступных деяний.

Эпидемия COVID, распространившаяся на территории многих государств и континентов, повышает вероятность того, что компании, находящиеся в бедственном положении, попадут под контроль в том числе организованной преступности. Низкий риск и высокие прибыли, связанные с экономической преступностью, делают ее очень привлекательной сферой для организованных преступных группировок.

Экономическая преступность становится более приметной, чем когда-либо прежде, а скорость развития информационных технологий и новые способы осуществления экономической деятельности делают задачу противодействия рассмотренному виду преступности еще более сложной.

Литература

1. Чезаре Бекарриа «О преступлениях и наказаниях». Фирма «Стелс» Бимпа. М., 1995.
2. Молчанова Т.В. Оценка преступности в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 132-136.

References

1. Cesare Becarria "On crimes and punishments". Firm "Stels" Bimpa. M., 1995.
2. Molchanova T.V. Assessment of crime in the sphere of economic activity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 6. pp. 132-136.

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ИНТЕНСИВНОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЯ, СОПРЯЖЕННОГО С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ (СТ. 264.1 УК РФ)

Роман Борисович Осокин, профессор кафедры юр2 «Цифровая криминалистика», доктор юридических наук, профессор

МГТУ имени Н.Э. Баумана (105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1)

E-mail: osokinr@mail.ru

Владимир Геннадьевич Кокорев, ассистент кафедры уголовного права и процесса

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33)

E-mail: pochta735@mail.ru

Аннотация. Отражены особенности проводимой уголовной политики Российской Федерации по совершенствованию ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Подчеркивается целесообразность ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», указывается на тенденцию снижения административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.8 «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения» и 12.26 «Невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения» КоАП РФ после криминализации этого деяния в УК РФ.

Наименование ст. 264.1 УК РФ – по сравнению с ее содержанием, отражает только наличие административной преюдиции, в то время как в ее содержании указывается и на наличие судимости у лица за совершение деяний, закрепленных в ч.ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ в состоянии алкогольного опьянения деяния.

Для разрешения подобной коллизии авторы предлагают два решения: первое – это расширить название ст. 264.1 УК РФ, убрав из ее наименования акцент на наличие «административного наказания», и второе – это дифференцировать содержащуюся в ней ответственность, отразив ее в двух статьях УК РФ (в ст. 264.1 УК РФ оставить административную преюдицию, а наличие судимости у лица за совершение преступлений, указанных в ч.ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, отразить в ч. 7 ст. 264 УК РФ).

Ключевые слова: дорожное движение, управление транспортным средством, административная ответственность, преступление, административная преюдиция, судимость, уголовная политика.

TO THE QUESTION OF INCREASING THE INTENSITY OF THE CRIMINALIZATION OF ACTION CONNECTING TO THE VIOLATION OF THE RULES OF THE ROAD TRAFFICKING BY A PERSON AFFECTED BY AN ADMINISTRATIVE PUNISHMENT (ART. 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Roman B. Osokin, Professor of the Department Yur2 “Digital criminalistics”,

Doctor of Legal Sciences, Professor

Bauman Moscow State Technical University (105005, Moscow, 2-ya Baumanskaya str., 5, build. 1)

E-mail: osokinr@mail.ru

Vladimir G. Kokorev, Assistant of the Department of Criminal Law and Procedure

Tambov State University of G.R. Derzhavin (392000, Tambov, ul. Internatsional'naya, 33)

E-mail: pochta735@mail.ru

Abstract. The article reflects the peculiarities of the criminal policy of the Russian Federation to improve liability for driving while intoxicated. The expediency of art. 264.1 of the Criminal Code «Violation of the rules of the road by a person, subject to administrative punishment», indicates a tendency to reduce administrative offenses under art. 12.8 «Driving by a driver,

intoxicated, transfer of control of the vehicle to a person intoxicated» and 12.26 «Failure by the driver of the vehicle to comply with the requirement to undergo a medical examination for intoxication» of the Administrative Code of the Russian Federation after criminalization of this act in the Criminal Code of the Russian Federation.

The authors emphasize that the name of art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation – in comparison with its content, reflects only the presence of administrative precedence, while its content indicates the presence of a criminal record of a person for committing acts fixed in hh. 2, 4 and 6 art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation while intoxicated acts.

To resolve such a conflict, the authors propose two solutions: the first is to expand the name of art. 264.1 of the Criminal Code, removing from its name the emphasis on the presence of «administrative punishment», and the second is to differentiate the liability contained in it, reflecting it in two articles of the Criminal Code of the Russian Federation (in art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation leave administrative precedence, and a person's criminal record for committing crimes specified in part 2, 4 and 6 of article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, be reflected in part 7 of article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: traffic, driving, administrative liability, crime, administrative precedence, criminal record, criminal policy.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Осокин Р.Б., Кокорев В.Г. К вопросу о повышении интенсивности криминализации деяния, сопряженного с нарушением правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ). Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):121-4.

В Российской Федерации проходит процесс совершенствования законодательства, направленного на предупреждение совершения дорожно-транспортных происшествий, в том числе и лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения.

Об этом может свидетельствовать принятый Федеральный закон от 23 апреля 2019 г. № 65-ФЗ «О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым в ст. 264.1 были включены дополнение нормы, а именно: после слов «судимость за совершение» было дополнено словами: «в состоянии опьянения» (применимо к лицам, имеющим судимость за совершение преступления в состоянии опьянения, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 УК РФ)¹.

Также Федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», согласно которому ст. 263 УК РФ «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена» был дополнен квалифицированным составом, выраженным в причинении по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека либо причинении крупного ущерба указанием на причинение по неосторожности: тяжкого вреда здоровью человека, смерти человека, смерти двух или более лиц, которые были совершены виновным лицом, находящимся в состоянии опьянения².

Первое преступление в рамках гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», сопряженное с привлечением лица к уголовной ответственности за нахождение его в состоянии опьянения за рулем транспортного средства, было отражено в качестве отягчающего обстоятельства в ст. 264 УК РФ Федеральным законом от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ «О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации»³.

Как было сказано в пояснительной записке к этому Федеральному закону, статистические сведения показывают, что каждое тринадцатое ДТП в России совершается водителями в состоянии опьянения⁴.

Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» было криминализировано деяние, сопряженное с нарушением правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ)⁵.

Пояснительная записка к данному Федеральному закону гласит, что это обусловлено распространенностью нахождения водителей в момент управления сво-

¹ О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23 апр. 2019 г. № 65-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 апр. 2019 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 22 апр. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 17, ст. 2028.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 30 мая 2019 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июня 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 25, ст. 3166.

³ О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 февр. 2009 г. № 20-ФЗ (ред. от 31.12.2014): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 2009 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 4 февр. 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 788.

⁴ К проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]: пояснительная записка. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения: федер. закон Рос. Федерации от 31 дек. 2014 г. № 528-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 дек. 2014 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 дек. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. I, ст. 81.

им транспортным средством в состоянии опьянения, а также совершением такими водителями ДТП с причинением тяжкого вреда здоровью либо смерти (включая двух и более) лиц¹.

Таким образом, отечественный законодатель уже сточил ответственность за повторное нахождение лица за управлением транспортным средством, в состоянии алкогольного опьянения, (ч. 4 ст. 12.8 КоАП РФ, установленная Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», не распространяющая свое действие на ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ, т.е. управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права управления транспортными средствами, либо лишенным права управления транспортными средствами)².

Данное обстоятельство обусловлено двумя обстоятельствами.

1. Тем, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» указывает на транспортное средство как один из источников повышенной опасности, а по смыслу ст. 1079 ГК РФ к источнику повышенной опасности следует отнести всю ту деятельность, которую человек не может осуществлять имея над ней полный контроль³, к которой относится управление транспортным средством.

В связи с тем, что деятельность по управлению транспортным средством исключается полный контроль над ситуацией со стороны человека, на лицо, управляющее этим транспортным средством, возлагается обязанность по обеспечению безопасности движения всеми доступными для него методами и средствами.

Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» дает следующее определение транспортных средств: это устройства, предназначенные для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади, личных вещей, животных или оборудования, установленных на указанных

транспортных средствах устройств, в значениях, определенных транспортными кодексами и уставами⁴.

Кроме того, транспортную безопасность – исходя из законодательных и доктринальных позиций – можно толковать как состояние транспортной системы, которое позволяет обеспечивать национальную безопасность и национальные интересы в области транспортной деятельности, устойчивость этой деятельности, способность предотвращать нанесение вреда здоровью и жизни людей, ущерба имуществу и окружающей среде, минимизировать общенациональный экономический ущерб при транспортной деятельности.

2. Кроме того, следует обратить внимание на распространенность пребывания водителей в состоянии опьянения за управлением транспортным средством в статистических данных Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации.

В 2012 г. не дифференцировалось число лиц, привлеченных по ст. 12.8 КоАП РФ, однако, в целом было привлечено к ответственности значительное число правонарушителей по данной статье КоАП РФ – 670388, в 2013 г. ответственность дифференцировалась за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения – 629368 и передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения – 10320, такая же дифференциация сохранилась и в 2014 г.

В результате в первом случае поступило дел – 574464, а во втором – 8968, такое же деление сохранилось и в последующие годы: в 2015 г. – по первому поступило 506302 дела, по второму – 8131; в 2016 г. – в первом случае – 408066, во втором – 6519, в 2017 г. – в первом случае – 369614, во втором – 5859; в 2018 г. – в первом случае – 319189, во втором – 4586, в 2019 г. – в первом случае – 235676, во втором случае – 4138 и в третьем случае (за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами) – 54126.

Иным альтернативным квалифицирующим признаком ст. 264.1 УК РФ является невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, за что административная ответственность установлена в ст. 12.26 КоАП РФ.

Статистические данные указывают, что в 2012 г. по данной статье КоАП РФ поступило 370054 дела, в 2013 г. – 360946, в 2014 г. – 379231, в 2015 г. – 334983, в 2016 г. – 270486, в 2017 г. – 243230, в 2018 г. – 207852, в 2019 г. – 194301.

¹ К проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс]: пояснительная записка. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ (ред. от 31.12.2014): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 6 июля 2007 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июля 2007 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31, ст. 4007.

³ О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 янв. 2010 г. № 1 // Рос. газ. 2010. 5 февр.

⁴ О транспортной безопасности: федер. закон от 09 февр. 2007 г. № 16-ФЗ (ред. от 02.08.2019): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 янв. 2007 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 февр. 2007 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 7, ст. 837.

Вместе с тем за полгода 2015 г. с момента вступления в силу ст. 264.1 УК РФ было осуждено 18987 человек, в 2016 г. было осуждено – 75271, в 2017 г. – 72018, в 2018 г. – 66287, в 2019 г. – 59543¹.

Таким образом, усиление ответственности за нахождение лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, имеет предупредительный характер, о чем могут свидетельствовать приведенные статистические данные.

Общественная опасность управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, обусловлена потенциальной угрозой нарушения правил дорожного движения, вследствие чего могут возникнуть дорожно-транспортные происшествия.

Причем надо заметить, что любое ДТП, даже если оно не нанесло вред человеческой жизни или здоровью, влечет определенные последствия имущественного характера (причинение вреда самому автотранспортному средству).

Такая ситуация тоже является общественно опасной, ведь к числу благ человека и гражданина в нашем государстве относится и имущественное право, право собственности. Оно также охраняется законом, как и любые другие блага.

С другой стороны, само нахождение в состоянии алкогольного опьянения – с точки зрения законодательной установки – является нарушением установленных в определенном порядке правил поведения на дороге. Данное состояние относится к варианту нарушений правил дорожного движения в связи со спецификой реакции организма на алкоголь и поведением человека под воздействием алкоголя.

Состояние алкогольного опьянения само по себе не вариант преступного поведения, а лишь нарушение профессиональной дисциплины. Реализация же признака противоправности происходит в тот момент, когда лицо, находящееся за рулем в состоянии алкогольного опьянения, нарушает правила дорожного движения.

На наш взгляд, общественная опасность управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, помимо вышесказанного, характеризуется еще и тем, что пьяный водитель – и так управляя источником повышенной опасности – имеет прямой умысел на совершение в дальнейшем деяний, которые могут привести к вредным последствиям.

Это связано с тем, что к водителю предъявляются достаточно высокие требования, ведь вступая в ряды автомобилистов, он становится частью огромной си-

стемы, которая должна действовать четко, чтобы избежать гибели и травматизма людей. А водитель в состоянии алкогольного опьянения сразу ставит под угрозу всех окружающих.

Необходимо особо отметить, что ст. 264.1 УК РФ отражает ответственность за наличие судимости у лица за причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего либо гибели одного, либо двух и более лиц, когда водитель находился в состоянии опьянения.

Таким образом, содержание ст. 264.1 УК РФ является более широким по сравнению с ее наименованием, так как в названии сделан акцент только на наличии у лица административной ответственности за нарушение им правил дорожного движения, которое действует, как правило, в период года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания (ст. 4.6 «Срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию» КоАП РФ)², но не упоминается про наличие судимости у лица за совершение деяний, отраженных в ч.ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ.

Поэтому, по нашему мнению, для разрешения подобной коллизии необходимо:

1) Расширить наименование ст. 264.1 УК РФ, которое может быть звучать так: «Нарушение правил дорожного движения лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения», где непосредственно не употребляется указание на наличие административного наказания за подобное правонарушение либо судимости, как это есть, например, в названии ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»;

2) Дифференцировать деяние, отраженное в ст. 264.1 УК РФ на две статьи УК РФ. В 264.1 УК РФ оставить именно административную преюдицию, которая и отражена в названии этой статьи уголовного закона, а наличие судимости за совершение преступлений в состоянии алкогольного опьянения (ч.ч. 2, 4 и 6) поместить в качестве особого квалифицированного состава ст. 264 УК РФ с отражением признака повторности что, например, присутствует в диспозиции ч. 2 ст. 180 УК РФ.

В целом криминализация деяния, отраженного в ст. 264.1 УК РФ, является, как показали статистические данные, эффективным способом предупредительного воздействия на указанные правонарушения, так как способствует сокращению подобных административных правонарушений в Российской Федерации.

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 23.05.2020).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В ИНТЕНСИВНО РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Мария Петровна Пронина, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России (125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8)
E-mail: mpronina2010@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены теоретические основы законоотворчества в правовой системе Российской Федерации. Представлено понятие и содержание категории «законотворческая деятельность». На основании правового анализа исследуемого материала предлагается авторское определение правотворчества. Определившись с наиболее распространенными подходами, сформировавшимися в науке и раскрывающими понятие законоотворчества, исследуются элементы, ее образующие. Выделяются признаки и подходы по содержанию цели законоотворчества, предлагается их авторская интерпретация.

Ключевые слова: юридическая техника, правовая система, правотворчество, законотворческая деятельность, содержание, понятие.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF LAWMAKING IN THE RAPIDLY DEVELOPING LEGAL SYSTEM OF RUSSIA

Maria P. Pronina, Leading Researcher of Research Center, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (125993, Moscow, Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh st., 8)
E-mail: mpronina2010@mail.ru

Abstract. The article presented is devoted to the theoretical foundations of lawmaking in the legal system of the Russian Federation. In particular, the article considers the concept and content of the category “legislative activity.” Based on the legal analysis of the studied material, an author’s definition of law-making is proposed. Having determined with the most common approaches formed in science and revealing the concept of lawmaking, the elements forming it are studied. Features and approaches to the content of the goal of lawmaking are distinguished, their author’s interpretation is proposed.

Keywords: legal technique, legal system, law-making, legislative activity, content, concept.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Пронина М.П. Теоретические основы законоотворчества в интенсивно развивающейся правовой системе России. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):125-30.

В социально-гуманитарной науке теории права уделяется особое внимание юридической (правовой) деятельности. В большинстве исследований ее определяют как способ обеспечения правовых начал в обществе, систему целенаправленных действий и операций, позволяющих решить конкретные правовые задачи [25, с. 24]. Она представляет собой одну из значимых сторон государственной деятельности, непосредственно направленной на формирование правовых предписаний, их дополнение, изменение или от-

мену [11, с. 660].

Реализация юридической деятельности осуществляется в различных видах: правотворческой (нормотворческой), правоприменительной, праворазъяснительной, систематизационной, доктринальной. Исследование правотворческой деятельности показало, что она, несмотря на особенности и специфику различных государственных устройств, имеет общие признаки, позволяющие обеспечить внутреннюю согласованность и гармонизацию системы правовых

норм, призванных регулировать складывающиеся в обществе различные отношения; однако в юридической науке отсутствует единый подход к исследованию видов юридической деятельности. Не является исключением и правотворчество.

Правотворчество традиционно рассматривается как «форма государственной деятельности, направленная на создание правовых норм, а также на их дальнейшее совершенствование, изменение или отмену» [18, с. 422]; «деятельность компетентных государственных органов, направленная на создание, изменение или отмену правовых норм путем принятия нормативных правовых актов» [10, с. 344]; «деятельность государственных органов (в случае референдума – всего народа) и должностных лиц по изданию, переработке и отмене правовых актов» [19, с. 400]; «процесс создания норм права, которые имеют состав, черты, факторы, а также процедуру, то есть закрепленный, строго последовательный порядок действий» [14, с. 447-448]; «специализированные формы государственной деятельности и формы государственного руководства обществом, связанные с созданием правовых норм, их изменением, а при необходимости и отменой» [22, с. 379]. Таким образом, можно сделать вывод, что правотворчество охватывает своим содержанием познание и изучение процессов, требующих правовой регламентации; установление органа, правомочного принимать правовые предписания; выбор формы предполагаемого правового акта; подготовку, принятие или изменение правового акта [22, с. 380].

Исследуя систему правотворчества, некоторые ученые включают в нее процесс законотворчества. Данный подход следует признать правильным, так как правотворчество понятие более широкое, а в законотворческую деятельность входит только деятельность высших законодательных органов государства. В отличие от правотворчества, законотворчество порождает не всю систему нормативных правовых актов, а только те из них, которые по всем признакам – по форме и по содержанию – являются именно таковыми [11, с. 661].

В современном мире законотворчество выступает в качестве важнейшего признака государства вне зависимости от типа или формы правления [5, с. 7-9].

Законотворчество является собирательным понятием и представляет собой процесс не только разработки федеральных законов, но и их принятия, официального опубликования, а также вступления в юридическую силу [8, с. 118], поэтому рассматриваемый элемент юридической техники имеет четкое нормативное предписание, закрепленное не только в Кон-

ституции РФ, но и в специально созданных законах¹. Однако базовые предписания такой деятельности отражены в ст. 76 Конституции России, в соответствии с которыми принятие федеральных законов относится к исключительному ведению Российской Федерации. На этом влияние главного закона страны на законотворчество не заканчивается. Например, в ст. 15 Конституции РФ закреплены две очень важные идеи. Во-первых, определено место основного закона страны в системе юридического регулирования. Во-вторых, задекларированы принципы законотворчества. К таковым можно отнести обязательность официального опубликования принимаемых законов, а также их соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права.

Не менее значимые в исследуемой нами области являются положения ст. 18 Конституции России, в соответствии с которой не только законодательная деятельность, но и ее результат напрямую зависят от прав и свобод человека и гражданина. Особо актуальным это становится при юридико-техническом конструировании уголовно-правовых запретов. Подтверждением данного положения служит признание интересов личности наивысшей ценностью, повлиявшей на определение структуры современного Уголовного кодекса РФ, однако следует отметить, что основной закон не только не может, но и не должен заниматься регулированием всех вопросов законотворческой деятельности. Он лишь закрепляет основные концептуальные идеи, получающие свое более подробное обоснование и конкретизацию в нормативных правовых актах специально создаваемых для осуществления законотворческой деятельности.

При этом современное законотворчество существенно видоизменяется и не закичивается на процедуре принятия нормативных актов.

Полагаем, что такое развитие оно получило, исходя из буквального содержания понятия «законотворчество». Творчество при создании законов предполагает нахождение в состоянии поиска новых и

¹ О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания и регламентов палат Федерального Собрания – Государственной Думы (Регламент Государственной Думы) и Совета Федерации (Регламент Совета Федерации): федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 801; Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов: указ Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 939; Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Президента Российской Федерации с палатами Федерального собрания Российской Федерации в законотворческом процессе: указ Президента РФ от 13 апреля 1996 г. № 549 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 16. Ст. 1842; Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов: постановление Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3335.

эффективных инструментов такого вида юридической деятельности. Ведь буквально трактуя понятие «творчество», мы воспринимаем его как возникающую в труде способность человека создавать новую реальность, направленную на удовлетворение общественных потребностей, на основе познания объективного мира [21, с. 196].

Поэтому законотворчество – это деятельность, нацеленная на создание эффективной правовой системы, ориентированной на регулирование уже существующих и вновь возникающих общественных отношений. Законотворчество представляет не просто деятельность, а научно-творческую деятельность, способствующую созданию, пониманию и применению юридических текстов [16, с. 153].

Многоаспектность современной правовой системы, ее неразрывная взаимосвязь требуют от рассматриваемого элемента юридической техники решения ряда сложных задач: интеграции принимаемого закона в уже действующую систему права. Такой подход будет свидетельствовать не только о качестве этого документа, но и об уровне профессионализма законодателей. Чем проще процедура адаптации новых законов, тем более эффективной становится в целом вся система российского современного права.

В качестве иных, сопутствующих задач законотворческой деятельности в юридической литературе выделяют и соотношение с другими нормативными предписаниями, в целях исключения коллизий, а также экономические потребности и последствия принятия закона [24, с. 84-86]. Их решение позволит достичь цели законотворчества – обеспечить баланс интересов субъектов права [26, с. 488].

Изложенные выше положения в отношении законотворчества ставят вопрос о ее содержании.

Современное законотворчество, являющееся неотъемлемой частью общего процесса правообразования, представляет собой социально-юридический феномен, основанный на совокупности общесоциальных и правотворческих способов формирования новых норм права [13, с. 13]. Неслучайно современная доктрина активно занимается разработкой данного понятия.

Первая группа ученых ассоциирует рассматриваемый вид юридической техники с деятельностью, направленной на имплементацию воли народа в закон, то есть ее закрепление в обязательных для исполнения юридических предписаниях [12, с. 416; 3, с. 401]. Сформулированное положение имеет право на существование по причине закрепления вышесказанной идеи в ст. 3 Конституции РФ. Именно народ – единственный источник власти в стране, должен диктовать основные направления законотворческой деятельности.

В конечном итоге это и определит качество рассматриваемого нами процесса. Законодатель, создавая

закон, обязан точно воспринимать и отражать сущность новых общественных отношений, требующих правового регулирования. При этом новые нормативные предписания следует гармонично вписывать в уже существующую систему права и таким образом они будут способствовать прогрессивному развитию как всего государства в целом, так и отдельных индивидуумов [4, с. 231].

Однако предлагаемый подход оставляет за рамками не только принципы такой деятельности, но и особенности процедурного процесса, а также непосредственных субъектов законотворческой деятельности, что можно отметить как частичную пробельность исследуемой точки зрения.

Другая группа ученых расширяет содержательную сторону законотворчества, акцентируя свое внимание на трех основных ее постулатах: познание, деятельность и результат [9, с. 9-10].

Сформулированная научная позиция интересна тем, что ее авторы в качестве главенствующей идеи выдвигают процедурную деятельность по принятию законов, в целом представляющую законченный цикл.

По нашему мнению, представленный научный способ больше подходит к такому научному феномену, как «правообразование», в рамках которого осуществляется постоянный мониторинг социальных ситуаций и осознание необходимости разработки новых регуляторов общественных отношений. Законотворчество же выступает в качестве последнего его этапа, выражающегося уже в создании конкретных правовых предписаний.

Следующий наиболее распространенный подход, существующий в доктрине, соотносит законотворчество с деятельностью уполномоченных субъектов, направленной на создание законов [15, с. 679-682; 7, с. 25-30]. Он включает в себя две основные составляющие идеи. Первая определяет цель законотворчества, а вторая устанавливает субъекты, ее достигающие.

Соглашаясь с тем, что без наличия вышеуказанных элементов законотворчество объективно не может существовать, вопрос: «Какую роль в законотворческом процессе ученые отдают принципам и приемам рассматриваемого вида юридической деятельности?».

По нашему мнению, они также должны найти свое отражение в таком понятии, как «законотворчество», так как этот процесс относится к понятиям собирательным.

Исследуя указанную проблему, Р.В. Шагиева разделяет данную точку зрения, предлагая при этом рассматривать законотворчество как вид юридической деятельности [23, с. 35-39].

Ряд ученых дополняют законотворческий процесс не только непосредственным принятием законов, но и их опубликованием [20, с. 232]. Полагаем, что это два

неразрывно связанных между собой вида юридической деятельности, характеризующих законотворчество.

Определившись с наиболее распространенными подходами, сформировавшимися в науке и раскрывающими понятие законотворчества, считаем целесообразным обратить внимание на элементы, ее образующие.

Первой ее концептуальной особенностью, которая не оспаривается в научном мире, служит результат законотворческой деятельности, выражающийся в принятии федерально-конституционных и федеральных законов. Уровень и юридическая сила этих документов дает нам возможность отграничить рассматриваемый вид юридической деятельности от правотворчества в целом, а также определить более четко субъектный состав такой деятельности.

Ко второй особенности следует отнести субъекты законотворческой деятельности, то есть специальные органы, основным направлением деятельности которых и является создание законов [7, с. 25-30].

В соответствии с действующим законодательством правом принятия федеральных конституционных и федеральных законов обладает Федеральное Собрание Российской Федерации¹. Хотя, по мнению Р.В. Шагиевой, к таковым относится и народ [23, с. 35-39].

Исходя из вышеизложенного, субъектный состав законотворческой деятельности можно разделить на две самостоятельные группы. Первая включает в себя субъекты, участвующие в рассматриваемом виде юридической техники в обязательном порядке (Парламент, Президент).

Вторая – это субъекты, определяемые спецификой принимаемого закона, например народ при проведении референдума по принятию Конституции РФ, Верховный Суд РФ как орган, имеющий право на законодательную инициативу.

Третий признак указывает на цель законотворческой деятельности. Учитывая, что цель – это то, к чему и стремится законотворец, считаем необходимым остановиться на ее определении. Для придания объективности в ее определении, полагаем методологически обоснованным установить ее содержание с помощью респондентов и предложить им следующий вопрос: *«Какие цели преследует современное законотворчество?»*.

Первая группа респондентов включала в себя лиц, имеющих юридическое образование, ученые степени и ученые звания, сотрудников правоохранительных и иных государственных органов. По их мнению, главной целью законотворчества из буквального его толкования, конечно же, является издание законов (42,22%). Некоторые предложили иные цели: противодействие преступлениям экстремистского и террористического характера, обеспечение безопасности личности, повышение уровня экономического развития и др.

Вторая группа респондентов, состоящая из граждан, проживающих на территории России, не имеющих юридического образования и не находящихся на государственной службе, в количестве 37,7% также соотнесла законотворчество с принятием законов. Показателен тот факт, что 11,6% респондентов выделили оценку законодательных органов как цель рассматриваемого нами вида юридической техники. Полагаем, что причиной такого решения служила излишняя информатизация населения о деятельности законодательных органов, искажающая действительный смысл законотворчества.

Проведенное исследование показало, что выделение одной цели законотворчества не только объективно невозможно, но и нецелесообразно по причине ее сложности, содержательной сущности, так как оно должно включать в себя не только техническую (процедурную) составляющую, но и предназначение этого вида деятельности.

В этой связи следует согласиться с мнением респондентов о том, что основной неразрывной целью законотворчества является создание законов, направленных на регулирование общественных отношений, то есть целостной, согласованной и непротиворечивой системы норм права [69, с. 1552-1558].

Полученные результаты позволяют нам солидаризироваться еще с одним выводом, сделанным Ю.А. Свириным, по мнению которого, правотворчество носит глубокий субъективный смысл по причине прямой зависимости как от сознания, так и от воли людей [17, с. 34].

В связи с тем, что правотворчество направлено на создание норм, регулирующих общественные отношения, актуализируется вопрос и о глубоком социальном смысле рассматриваемого вида юридической техники. Это обусловлено тем, что закон, включая в себя первичные правовые нормы, нацелен на установление благоприятных условий сосуществования субъектов права, значительная часть которых – это граждане [1, с. 56]. Его создание и образует основополагающие начала как государственной, так и общественной жизни, тем самым формируется первичный пласт регулирования общественных отношений по наиболее главенствующим социальным направлениям, то есть целью

¹ См.: О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 801 (Ст. 2: «Датой принятия федерального закона считается день принятия его Государственной Думой в окончательной редакции. Датой принятия федерального конституционного закона считается день, когда он одобрен палатами Федерального Собрания в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации»).

законотворчества не может стать желание урегулировать все существующие общественные отношения [2, с. 24-31].

Выделенные нами признаки и подходы по содержанию цели законотворчества дают возможность предложить следующую их интерпретацию. Целью законотворчества является создание федерально-конституционного или федерального закона, имеющего особый правовой статус в системе правового регулирования по причине регулирования наиболее значимых общественных отношений, что придает этому процессу не только особый правовой, но и социальный смысл.

Выводы:

1. Законотворчество – это специальный вид юридической техники.
2. Законотворчество реализуют как органы, специально уполномоченные на осуществление такого вида юридической деятельности, так и субъекты, наделенные правом при наличии особых условий.
3. Законотворчество своей целью имеет принятие правовых предписаний, позволяющих регулировать наиболее значимые общественные отношения.
4. Выделенные признаки позволяют нам сформулировать дефиницию законотворчества. Законотворчество – это специальный вид юридической техники, осуществляемый уполномоченными на то субъектами, направленный на создание правовых регуляторов наиболее значимых общественных отношений, основанный на общеправовых, сопутствующих и устанавливающих принципах.

Литература

1. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс: учебник-конспект. М.: Юрид. лит., 1993.
2. Алексеев А.П. О тенденциях и принципах законотворческого процесса на современном этапе // Вестник Волгогр. акад. МВД России. 2015. № 3.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории и права. Т. 2: курс лекций: в 2 т.; Свердл. юрид. ин-т. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1973.
4. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005.
5. Борсова Ж.П. Понятие законотворчества в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 3.
6. Ву Куанг Хуан. Понятие и элементы механиз-

ма // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12.

7. Дроздова А.М. Процесс правообразования: правотворчество, законотворчество, нормотворчество / А.М. Дроздова // Юридическая мысль. 2015. № 4.
8. Золотухина Т.А. Законотворческая деятельность в концепции правотворческой политики Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Белгород, 2015.
9. Керимов Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998.
10. Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.
11. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: ТК Велби; Проспект, 2006.
12. Общая теория государства и права в 2 т. Т. 2: Общая теория права / Л.И. Антонова [и др.]; отв. ред. В.С. Петров и Л.С. Явич; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.
13. Придворов Н.А. Правообразование и правообразующие факторы в праве / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2012.
14. Рассолов М.Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2010.
15. Сапун В.А. Правотворчество и законотворчество: стратегия и тактика формирования права и закона // Юридическая техника. 2015. № 9.
16. Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2000.
17. Свирин Ю. А. Исполнительное право в системе российского права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2012.
18. Теория государства и права: учебник / А.С. Пиголкин [и др.]; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрайт, 2006.
19. Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. 3-изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013.
20. Теория государства и права: учебник / О.П. Егоршина [и др.]; под ред. Р.А. Ромашова; Ассоц. Юрид. центр, С.-Петербург. ун-т МВД России. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005.
21. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981.
22. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2007.
23. Шагиева Р.В. Законотворчество как социально-правовой процесс: понятие, сущность и

- предназначение // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 1.
24. Ширяев Ю.Е. Современное понятие и сущность правотворчества и законотворчества // Человеческий капитал. 2012. № 3.
25. Юридическая техника: учеб. пособие / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М.: Эксмо, 2010.
26. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012.
- References**
1. Alekseev S.S. State and law. Initial course: textbook-concept. M.: Yuri. lit., 1993.
 2. Alekseev A.P. On the trends and principles of the legislative process at the current stage // Bulletin of Volgogr. acad. Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3.
 3. Alekseev S.S. Problems of theory and law. T. 2: lecture course: in 2 vols.; Sverdlovsk: Sverdlov. legal. in-t. Sverdlovsk: Sverdlov. legal. in-t, 1973.
 4. Baitin M.I. Essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries). 2nd ed., Supplement. M.: Law and state, 2005.
 5. Borsova J.P. The concept of lawmaking in a modern state // Constitutional and municipal law. 2008. No. 3.
 6. Wu Quang Huang. Concept and elements of the mechanism // Current problems of Russian law. 2013. No. 12.
 7. Drozdova A.M. The process of legal education: law-making, lawmaking, norm-making /A.M. Drozdova // Legal thought. 2015. No. 4.
 8. Zolotukhina T.A. Legislative activity in the concept of law-making policy of the Russian Federation: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.01. Belgorod, 2015.
 9. Kerimov D.A. Legislative technique: scientific and method. and textbook. M.: Norma-INFRA-M, 1998.
 10. Lazarev V.V. Theory of State and Law: textbook. 4th ed., converted and additional. M.: Ywright, 2011.
 11. Marchenko M.N. Problems of the theory of state and law: textbook. M.: TK Velby; Prospect, 2006.
 12. General theory of state and law in 2 tons T. 2: General theory of law / L.I. Antonov [et al.]; отв. ed. V.S. Petrov and L.S. Yavich; Leningr. State Unt. A.A. Zhdanova. Leningrad: Publishing House of Leningrad. un-ta, 1974.
 13. Courtiers N.A. Legal education and legal factors in law / N.A. Courtiers, V.V. Trofimov. M.: NORM INFRA-M, 2012.
 14. Brinsolov M.N. Theory of State and Law: a textbook for universities. – M.: Publishing House Yurite, 2010.
 15. Sapun V.A. Law-making and lawmaking: strategy and tactics for the formation of law and law // Legal technique. 2015. No. 9.
 16. Spirin M.Yu. Theoretical problems of legislative activity in the Russian Federation: dis.... cand. legal sciences: 12.00.01. Samara, 2000.
 17. Svirin Yu. A. Executive law in the system of Russian law: dis.... Dr. Jurid. sciences: 12.00.01. M., 2012.
 18. Theory of state and law: textbook / A.S. Pigolkin [et al.]; edited by A.S. Pigolkina. M.: Yurite, 2006.
 19. Theory of state and law: textbook for bachelors / ed. V.K. Babaev. 3-ed., Rev. and additional. M.: Ywright, 2013.
 20. Theory of State and Law: textbook / O.P. Egorshina [et al.]; edited by R.A. Romashova; Assots. Law Center, St. Petersburg un-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg: Jurid. Press Center, 2005.
 21. Philosophical dictionary/ed. I.T. Frolova. 4th ed. M.: Politizdat, 1981.
 22. Chervonyuk V.I. Theory of State and Law: textbook. M.: INFRA-M, 2007.
 23. Shagieva R.V. Lawmaking as a social and legal process: concept, essence and purpose // Scientific works of the Russian Academy of Lawyers and Notaries. 2015. No. 1.
 24. Shiryaev Yu.E. The modern concept and essence of law-making and lawmaking // Human capital. 2012. No. 3.
 25. Legal technique: educational assistance / edited by T.Ya. Khabrieva, N.A. Vlasenko. M.: Eksmo, 2010.
 26. Yakovlev V.F. Legal state: formation issues. M.: Statute, 2012.

ДИСКУРС ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Юлия Евгеньевна Салеева, старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений, кандидат юридических наук

Академия управления МВД России (125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8)

E-mail: viva13@bk.ru

Тимур Фаизович Салеев, старший научный сотрудник отдела изучения положительного опыта в ОВД и обеспечения научного сотрудничества управления организации научной и редакционно-издательской деятельности

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.)

E-mail: timstyle87@yandex.ru

Аннотация. В современном уголовном законодательстве много пробелов и противоречий, но, так или иначе, законодатель должен стремиться к тому, чтобы их было как можно меньше, особенно в тех вопросах, которые касаются несовершеннолетних, поскольку дети – это будущее современного общества. Государственная политика в целом, и в частности уголовная политика должны быть направлены на улучшение ситуации связанной с несовершеннолетними.

В статье освещены проблемные аспекты привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, а также представлены пути их возможного решения.

Ключевые слова: уголовная ответственность и наказание, ответственность несовершеннолетних, возраст уголовной ответственности, наказание несовершеннолетних.

DISCOURSE ON CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PUNISHMENT OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yulia E. Saleeva, Senior Lecturer Department of Crime Investigation Management, Candidate of Law

Management academy of the Ministry of the Interior of Russia (125171, Moscow, Zoi I Alexandra Kosmodemyanskirh St., 8)

E-mail: viva13@bk.ru

Timur F. Saleev, Senior Researcher of the Department of studying positive experience in the Department of Internal Affairs and Ensuring scientific cooperation of the Department of Organization of Scientific and editorial and publishing Activities

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot (117997, Moscow, Akademika Volgina str., 12)

E-mail: timstyle87@yandex.ru

Abstract. There are many gaps and contradictions in modern criminal legislation, but, one way or another, the legislator should strive to ensure that there are as few of them as possible, especially in matters that concern minors, since children are the future of modern society. State policy in general, and in particular criminal policy, should be aimed at improving the situation related to minors.

The article highlights the problematic aspects of bringing minors to criminal responsibility, and also presents the ways of their possible solution.

Keywords: criminal responsibility and punishment, responsibility of minors, age of criminal responsibility, punishment of minors.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Салеева Ю.Е, Салеев Т.Ф. Дискурс об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних в Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):131-8.

Современная Россия переживает период «психологической акселерации» в молодежной среде. Это связано с развитием глобальной сети «Интернет», а

также IT-технологий, цифровизацией общества, смелой стереотипов воспитания (с уклоном на западные прототипы) и многим другим. Официальные данные

о совершении преступлений в несовершеннолетнем возрасте позволяют говорить о том, что тенденция на ее снижение хоть и имеет место быть, но в целом среднестатистические показатели не меняются. И это довольно печально. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации с 2018 по 1 полугодие 2020 года всего к уголовной ответственности были привлечены 29891 несовершеннолетний, из них учащиеся – 28775 человек, работавшие – 1116 человек¹. Цифры достаточно внушительные, тем более, если говорить о том, что речь идет о детях. Возможно, с точки зрения юриспруденции, называть несовершеннолетних детьми не совсем верно, но с точки зрения социума – это так.

Президент Российской Федерации В.В. Путин², объявил 2018-2027 года «Десятилетием детства». В силу этого государственная политика в целом, и в частности уголовная политика должны быть направлены на улучшение ситуации связанной с несовершеннолетними. Сокращение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, согласно офи-

циальной статистике³, указывает на то, что профилактическая работа с подростками все таки ведется. Однако утверждать, что проблематика исчерпала себя, мы не можем.

Уголовно-правовой режим несовершеннолетних в России в настоящее время предусматривает значительное смягчение репрессивных мер в данной категории, учитывая их психофизиологическую и социальную незрелость, подверженность влиянию со стороны взрослых. Учитывая политику гуманизации законодательства к уголовной ответственности несовершеннолетних в каждом конкретном случае к назначению наказания несовершеннолетним следует подходить строго индивидуально, учитывая не только карательную, но и воспитательную функцию наказания. Именно меры воспитательного воздействия, в отличие от предусмотренных наказаний несовершеннолетних, способны в большей степени учитывать возрастные, психологические и социальные особенности личности подростков.

При этом, обратим внимание читателя на наказания, которые применялись в последнее время к несовершеннолетним.

¹ Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

² Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23. Ст. 3309.

³ Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Таблица 1

Вид наказания /года	2018	2019	1 полугодие 2020
Лишение свободы на определенный срок	3163	2 755	996
Исправительные работы	248	182	106
Обязательные работы	4 205	3 706	1 332
Штраф (как основной вид наказания)	1 809	1 573	638
Условное осуждение к лишению свободы	7 244	6 350	2 377
Условное осуждение к иным видам наказаний	280	208	73
Иные виды наказания	663	636	246
Освобождено осужденных от наказания по приговору или наказание не назначалось	1 214	1 448	596
<i>Несовершеннолетние не судимые, но</i>			
Направлялись в спец. учебно-воспитательное учреждение закрытого типа	238	198	99
Подвергались иным принудительным мерам воспитательного характера	443	436	180

Как видно из этой таблицы, применение мер воспитательного воздействия более или менее строго ничтожно мало в сравнении с иными видами наказаний. Естественно, читатель понимает, что доля более серьезных преступлений, представляющих общественную опасность, по всей видимости, наиболее вы-

сока, и тем самым правоприменитель исходит, прежде всего, из необходимости обеспечения социального спокойствия. Насколько это правильная позиция, судить не нам. Однако, совершенствование уголовной политики в отношении несовершеннолетних вполне может хоть немногим, но улучшить ситуацию.

Начнем с того, что вопросы создания ювенальной юстиции уже не первое десятилетие «собирают вокруг себя» полемики среди правоприменителей и представителей доктрины уголовного права и уголовного судопроизводства. Есть как сторонники, так и противники этого института. Понятие ювенальная юстиция первоначально относилось к особым судам для несовершеннолетних, которые появились в конце XIX века одновременно в Европе и в России, где такое правосудие закончилось в 1917 году. В прошлом веке в законодательстве многих стран появились постулаты о правах ребенка. Незаметно чисто судебная ювенальная юстиция стала превращаться в ювенальную систему. Она уже сформирована в одних странах, формируется в других и старается завоевать позиции в-третьих, в том числе и нашей.

Мы относимся к сторонникам той позиции, что этот институт должен существовать в его первоначальном понимании, заложенном в конце XIX века в виде судебной ювенальной юстиции. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство должно быть приведено «в порядок», мы говорим о том, что уголовное законодательство должно исключить правовые аспекты, вызывающие полемику и непонимание как со стороны правоприменителя, так и со стороны обывателя, а процессуальное законодательство, несмотря на наличие отдельной главы 50 УПК РФ, должно сконцентрировать все разобщенные нормы о процедурных моментах привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности несовершеннолетних в одном месте кодекса.

В рамках нашей статьи мы будем говорить об уголовно-правовом законодательстве и обратимся к следующим проблемным моментам.

В современном обществе уже во всех странах возможность привлечения к уголовной ответственности связывают с возможностью лица осознавать характер совершенных им действий, а также понимать возможные последствия таковых. Критерием, в соответствии с которым указанное возможно – это возраст и вменяемость.

В зарубежных странах, также как и в нашем государстве при установлении основных правил привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних в основы закладывают международные нормативно-правовые акты¹.

В некоторых зарубежных странах уголовная от-

ветственность наступает с 18 лет (Бельгия), с 15 лет (Польша), с 13 лет (Франция), с 14 лет (Япония, Германия, Австрия), с 12 лет (Нидерланды, Индия, Греция), с 10 лет (Новая Зеландия, Швейцария, Австралия), с 8 лет (Филиппины, Эфиопия, Мальта), с 7 лет (Кипр, Нигерия) [7, с. 71-75].

Основные юридические признаки, которые заложены в основу уголовной ответственности: возраст, вменяемость, физическое лицо, сохраняют вою обязательность при определении субъекта преступления в уголовном законодательстве европейских стран.

Несмотря на разобщенность взглядов относительно возрастной специфики привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, устоялось единство взглядов относительно того, что для таких лиц действует ограничение пределов наказаний, и реальной возможности их применения согласно возрастным цензам, установленным тем или иным национальным законодательством и психологических особенностей несовершеннолетнего преступника.

Интересен опыт привлечения к уголовной ответственности в Израиле. В этом государстве уголовная ответственность наступает с 12 лет в отношении лиц, совершившим уголовно-наказуемое деяние, но наряду с этим есть условие – полное осознание того, что совершенное деяние противозаконно. Такой низкий возрастной предел связывают с двумя факторами:

1) влияние английского права, согласно которому, в исторической ретроспективе, малолетним ребенком, не привлекающимся к уголовной ответственности признавался человек, не достигший 8 лет. А с 10 до 14 лет он уже мог быть привлечен к ответственности, если обвинитель докажет, что в его действиях присутствуют оба элемента преступления – *actus reus* и *mens rea*, а также осознанием несовершеннолетним факта причинения серьезного вреда [9, с. 37].

И второй фактор – общая тенденция, как региональная (например, в Египте, Иордании, Ливане, Сирии до сих пор минимальный возраст уголовной ответственности – семь лет), так и общемировая (в мире до 50-х гг. XX в. во многих государствах детей привлекали к уголовной ответственности наряду со взрослыми).

Сам по себе опыт западных стран в отношении уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних представляет для нас интерес. Это связано с тем, что ученые Западной Европы в последние годы активно занялись разработкой концепции касающейся восстановительного правосудия. Суть его заключается в достижении примирения между контр сторонами, а не в обеспечении реализации карательного потенциала уголовного закона.

Для многих западных стран, меры, выступающие альтернативной уголовной ответственности и наказанию являются основным инструментом, с помощью

¹ Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи ООН в 1985 г.; Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, принятые в 1990 г.; Конвенция о правах ребенка 1989 г., предусматривающая очень важное положение, в соответствии с которым при осуществлении любых действий с несовершеннолетними в качестве приоритета устанавливаются интересы ребенка, его возраст.

которого возможно влиять на несовершеннолетних, совершивших общественно опасное деяние. Эти меры, как правило, четко урегулированы нормами права. При этом, в ряде указанных стран существуют специализированные органы, которые наделены полномочиями по реализации таких мер (ФРГ, Канада). Применение принудительной меры воспитательного характера, в качестве альтернативы уголовному наказанию является проявлением общего направления мировой уголовной политики, касающейся ответственности несовершеннолетних. Мировое сообщество все более склоняется к разработке и унификации альтернативных мер воздействия на несовершеннолетних, взамен изоляции этих лиц от общества.

В Российской Федерации уголовным законом решено привлекать к уголовной ответственности с 16 лет, при этом ч. 2 ст. 20 УК РФ констатирует ряд составов, за которые правоприменитель имеет право привлекать к уголовной ответственности с 14 лет. Эти составы касаются наиболее общественно опасных деяний. Категория несовершеннолетних с 14 до 16 лет не привлекается к уголовной ответственности за преступления, совершенные по неосторожности. Касаемо особо общественно опасных деяний, необходимо пояснить следующее, что в перечень деяний, за которые в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации возможно привлекать к ответственности несовершеннолетних начиная с 14 летнего возраста включаются те деяния, которое доступны для понимания в таком незрелом возрасте, то есть общественная опасность которых доступна для понимания таким лицам. Установление в Уголовном кодексе общего возраста уголовной ответственности 16 лет, а в исключительных случаях 14 не означает, что за все преступления, не указанные в ч. 2 ст. 20 УК РФ лицо несет ответственность с 16 лет. Есть такие составы преступления, которые в силу объективной стороны и особых признаков субъекта могут совершаться лишь совершеннолетними. Иногда в тексте статьи УК РФ это прямо прописано. Примером может служить неисполнение или злоупотребление полномочиями должностными лицами или злостное уклонение трудоспособных совершеннолетних детей по уплате средств на содержание нетрудоспособных родителей [2].

В доктрине уголовного права существуют некоторые разногласия относительно возраста, с которого лицо могло бы считаться несовершеннолетним. Мнения разделились на 2 «лагеря». Одни говорят о том, что, учитывая акселерацию, которая происходит на протяжении последних 150 лет, возраст уголовной ответственности необходимо снижать. В настоящее время все большее количество подростков уже достаточно «трезво» могут оценить степень общественной опасности своих деяний, а также их последствия. Об этом также говорят и депутаты Государственной Думы

РФ¹. Вторая группа склонна к тому, что минимальный возраст с которого можно было бы привлекать несовершеннолетних к уголовной ответственности не должен устанавливаться произвольно, необходимо проводить колоссальные исследования, в разных областях наук психологии, медицины, экспертологии, юриспруденции [1].

В сентябре 2020 года депутат Государственной Думы Сергей Вострецов вышел с законодательной инициативой о снижении возраста уголовной ответственности. При этом сторонников данного решения оказалось не так много. Еще в 2019 году на официальном сайте «РОИ»² была выдвинута подобная инициатива (инициатива № 74Ф49762, статус: федеральный), но как показывает результат проведенного голосования, отклика такая идея не вызвала. Всего приняло участие в этом голосовании 1250 человек. За проголосовало – 1069 и против – 181 человек. Говорить о какой-либо результативности данного голосования не приходится.

Сторонники снижения возраста уголовной ответственности апеллируют зарубежным опытом. Мы уже упоминали ряд стран, в которых возраст уголовной ответственности наступает и с 7, 8, 9 лет и т.д. за совершение особо тяжких преступлений.

В Российской Федерации, сторонники реформы, указывают, например, на ситуации, касающиеся жестокого обращения с животными. Для иллюстрации приведем несколько примеров из новостных лент сети «Интернет». 8 октября 2020 года поселок Большегруппинское в Нововоршавском районе Омской области – «... местные дети развлекаются тем, что убивают животных, которые попадают им на глаза...»³, дети излавливают животных, убивают их, сворачивают головы, выкалывают глаза, ломают лапы... И все это делают несовершеннолетние в возрасте от 14 лет.

12 октября 2020 г. в Реммаше несовершеннолетние животные покалечили собаку⁴. Подростки хотели кастрировать двухлетнего пса и нанесли ему несколько колотых ран.

Приведенные примеры говорят нам о том, что безнаказанность, иногда, порождает беззаконие. Под-

¹ Нужно ли снизить возраст уголовной ответственности до 12 лет? Учительская газета, №37 от 21 января 2021 // URL: <https://ug.ru/news/li-snizit-vozrast-ugolovnoj-otvetstvennosti-do-12-let/> (Дата доступа: 21.01.2021 г.)

² Сайт Российской Общественной Инициативы // URL: <https://www.roi.ru/49762/>

³ Ломают лапки, выковыривают глаза. Посёлок под Омском держат в страхе детиживодёры // URL: https://www.oml.ru/news/incident/208455_lomajut_lapki_vykovyrivajut_glaza_posjolok_pod_omskom_derzhat_v_strakhe_deti-zhivodjory/ (дата обращения 13.12.2020).

⁴ Бурмистров А.В Реммаше живодёры покалечили собаку // URL: <https://tvr24.tv/news/v-remmashe-zhivodyory-pokalechili-sobaku> (дата обращения 13.12.2020).

ростки, по сути, калеча животных, должны осознавать характер своих действий.

Татьяна Потяева – омбудсмен по правам человека в Москве, говорит о том, что снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет не приведет к адекватному решению проблемы подростковой преступности. С такими детьми, по ее мнению, должны работать психологи, педагоги, социальные работники, но никак не ФСИН России¹.

Справедливости ради, стоит отметить, что в настоящее время в России нет ювенальной юстиции, которая бы могла адекватно «решать» вопросы несовершеннолетних преступников. Дискуссии о зарождении такого вида юстиции ведутся достаточно давно, но, к сожалению, на сегодняшний момент эти идеи так и остались в первоначальном статусе «задумки».

При четко выстроенной системе ювенальной юстиции, теоретически можно было бы говорить и о снижении возраста уголовной ответственности, но реалии современного устройства уголовной правоприменительной системы не дадут нам решения проблемных вопросов.

Понижение возраста уголовной ответственности до 12 лет, помимо ряда вытекающих правовых и процессуальных вопросов, увеличит нагрузку на органы исполнения наказаний. На сегодняшний момент в России и так не достаточно специализированных учреждений для несовершеннолетних, в которых могут исправлять осужденных подростков.

В ведении ФСИН России функционируют 23 воспитательные колонии, расположенные в 22 субъектах Российской Федерации. Из них 21 – для содержания несовершеннолетних осужденных мужского пола и 2 (в Белгородской и Томской областях) – для содержания несовершеннолетних женского пола².

Этого количества, несомненно, недостаточно для реализации наказаний несовершеннолетних. При этом даже важен не сам количественный показатель в его натуральном смысле. Важны отдаленность регионов, куда направляются осужденные, а также разрыв связи с родными и близкими в столь раннем возрасте.

В связи с выше обозначенным мы не считаем правильным снижать возраст уголовной ответственности.

Далее обратимся к вопросу о назначении наказаний несовершеннолетним в Российской Федерации. В таблице мы уже продемонстрировали количественные показатели, отражающие положение вещей об интересующем нас вопросе.

Рассмотрим такой вид наказания как штраф. Он применяется к лицу, которое совершило противоправ-

ное деяние за ряд преступлений, закрепленных в УК РФ, при этом назначен он может быть только судом.

Согласно действующего уголовного закона взыскиваться штраф может как с самого несовершеннолетнего, так и с его родителей (законных представителей), но только при наличии согласия.

Проблема, возникающая при назначении такого вида наказания – это возможные последствия, если такое обозначение будет корректным. Поясним, при назначении штрафа несовершеннолетнему и взысканию его с родителя/законного представителя по сути наказание применяется к лицу, которое преступное деяние не совершало. Принцип персональной ответственности, который должен играть основополагающую роль при назначении наказания, оказывается «не рабочим». Многие подростки даже не осознают правовые последствия совершенного ими деяния.

Также социальное и материальное неравенство родителей несовершеннолетних, к которым применяется такое наказание, ставит априори в неравные условия осужденных. Для одних, уплата штрафа будет считаться не более чем «выгодной покупкой», которая по сути заменяет возможное наказание, которое смогло бы каким-то образом повлиять на несовершеннолетнего преступника. Для других, это становится тяжким бременем, вынуждая находить источник заработка для выплаты назначенного судом штрафа. Последствия последнего могут быть различные, как негативные (оставление подростка без контроля, снижение внимания к его личности, что может спровоцировать новый «протест», до благоприятных, когда подросток сопереживает родителям, взявшим на себя это бремя, и всячески помогает им в различных сферах, для того. Чтобы совместными усилиями реализовать возможность уплаты штрафа). На первый взгляд данные рассуждения могут показаться абсурдными, но реалии сегодняшнего дня таковы, что большее количество несовершеннолетних преступников – это дети из неблагополучных семей, где средний заработок на всю семью зачастую ниже прожиточного минимума.

Таким образом, полагаем, что применение этого вида наказания было бы целесообразнее только в том случае, если он будет взыскиваться непосредственно с самого несовершеннолетнего, совершившего противоправное уголовно наказуемое деяние. Либо совсем отказаться от его использования, исключив его из ст.88 УК РФ.

Еще одно наказание – лишение права заниматься определенной деятельностью также, по нашему мнению, не является целесообразным, исходя из того, что применить его можно только к несовершеннолетним, которые официально трудоустроены. По факту, большая часть лиц этой группы населения не трудоустроена и не имеет постоянного источника заработка. Об этом свидетельствует статистика Судебного департа-

¹ В Госдуме поддержали идею сажать в тюрьму детей с 12 лет // 14.09.2020. URL: <https://stolica-s.su/archives/274574> (дата обращения 15.12.2020).

² Деятельность воспитательных колоний // URL: <https://fsin.gov.ru/structure/social/vosp%20kolonii/> (дата доступ: 14.11.2020 г.).

мента при ВС РФ. Так за рассматриваемы нами период (с 2018 по 1 полугодие 2020 года) всего к уголовной ответственности были привлечены 29891 несовершеннолетний, из них учащиеся – 28775 человек, работавшие – 1116 человек¹. Соответственно возникает вопрос об эффективности применения этого наказания.

Так, К.А. Долгов отметил, что «минимальное применение данного вида наказания свидетельствует о том, что изначально не было достаточных оснований для включения его в перечень наказаний, назначаемых несовершеннолетним. Характер совершаемых несовершеннолетними преступлений, большинство из которых составляют корыстные, незначительный процент несовершеннолетних, вообще занятых какой-либо деятельностью, несвязанность подавляющего большинства преступлений несовершеннолетних с их профессиональной деятельностью позволяют сделать вывод, что существование наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в перечне видов наказаний для несовершеннолетних не может быть признано оправданным» [5, с. 103-104].

При этом, все понимают, что количество дорожно-транспортных преступлений, совершенных несовершеннолетними с каждым годом увеличивается. Это связано, как с акселерацией, так и с распространением сервисов каршеринга по всей стране, которые обеспечивают доступ к автотранспортным средствам для этой группы лиц (естественно, не на законных началах – использование чужих водительских удостоверений при регистрации в сервисах), помимо прочего использование подростками иных средств передвижения – гироскутеров, электросамокатов, сигвеев [4, с. 30].

В силу этого, полагаем, что есть необходимость внесения изменений в ст.264.1 УК РФ, которые касались бы именно лиц, не имеющих права управления транспортным средством (к которым как раз и относятся несовершеннолетние).

Лишение свободы на определенный срок также является одним из самых распространенных видов наказаний и при этом самым строгим. Условия применения этой строгой меры на сегодняшний день несколько смягчены. В ч. 6 ст.88 УК РФ указан предельный срок лишения свободы – 10 лет, при этом само наказание они отбывают в воспитательных колониях.

Исследования показали, что применение этого вида наказания сказывается более пагубно на лицо, к которому она применяется. В силу этого, назначая такое наказание правоприменитель должен осознавать то, что достичь цели наказания вряд ли удастся. За то время, которое они проводят в воспитательных колониях, в дали от семьи, родственников и привычного

для них уклада жизни (о количестве функционирующих воспитательных колоний на территории РФ мы писали ранее) несовершеннолетние «нарабатывают» преступные связи, уровень криминального сознания возрастает в разы, тогда как помещая их в эти колонии законодатель и правоприменитель закладывает несколько иные цели.

В Международно-правовых актах закреплено, что применение наказания в виде лишения свободы можно назначать только лишь в исключительных случаях, когда иными мерами и способами исправить несовершеннолетнего не представляется возможным. В Пекинских правилах ООН, датированных 1990 годом, говорится о том, что «система правосудия в отношении несовершеннолетних должна защищать их права, безопасность и содействовать их хорошему физическому и умственному состоянию. Лишение свободы должно применяться в качестве крайней меры воздействия и в течение минимально необходимого периода времени».

Немногом выше мы вели речь о том, что, подвергая несовершеннолетнего изоляции от общества и близких, мы больше ресоциализируем его. И практически в большинстве случаев достигаем прямо обратного эффекта, нежели ожидаемый государством. В силу этого законодатель предусмотрел возможность применения к несовершеннолетним, совершившим преступные деяния принудительных мер воспитательного воздействия.

Это связано с тем, что исправление несовершеннолетних должно строиться на комплексе мероприятий, которые помогут перевоспитать подростка [6].

Полагаем, что необходимо сокращать практику применения наказаний, связанных с изоляцией от общества, в том числе и назначаемые условно. Это обосновано прежде всего тем, что социальными и криминологическими особенностями личности несовершеннолетнего преступника.

Полагаем, что те наказания, которые не связаны с лишением свободы будут являться более эффективными, об этом свидетельствует то, что повторные преступления после отбытия таких наказаний совершаются несовершеннолетними крайне редко. Наряду с этим, правоприменитель обеспечивает достижение целей уголовной политики без криминализации несовершеннолетнего и вытекающих негативных последствий.

Применение мер воспитательного воздействия не является наказанием. Это специфичная форма реагирования государства на противоправные деяния, совершенные несовершеннолетними лицами. К таким мерам, согласно УК РФ относятся:

- предупреждение;
- передача под надзор родителей или лиц их заменяющих, либо специализированного надзорного органа;

¹ Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

- возложение обязанности загладить причиненный вред;
- ограничение досуга и установление особых требований к поведению.

Раскрывать сущность каждой меры не будем, так как их значение указано в ст. 91 УК РФ. Осветим проблему, которая вызывает дискуссию.

Согласно уголовного закона, который на сегодняшний момент действует в Российской Федерации, меры воспитательного воздействия могут быть назначены как в отдельности, так и в какой-либо их комбинации. При этом, в тех случаях, когда эти меры не вызывают к должному поведению несовершеннолетнего и достижению цели – исправление, меры воспитательного воздействия могут быть отменены. Условие отмены – систематичность нарушения назначенных мер(ы). По представлению специализированного государственного органа, осуществляющего контроль, мера отменяется, а уголовное дело в отношении несовершеннолетнего возобновляется и направляется далее в суд для решения вопроса о назначении реального наказания.

В данном случае возникает вопрос: «а как же принцип справедливости и нетленное правило о том, что за одно и то же деяние нельзя привлекать к ответственности дважды?».

Мы придерживаемся позиции относительно того, что никто не может нести ответственность дважды за одно и то же деяние.

И возникает следующий вопрос: на каком основании по ст. 90 мы имеем право возобновлять уголовное дело? При этом стоит вспомнить один из основных принципов римского права *Lex specialis derogat generali*, что с латинского означает – «специальный закон отменяет общий закон». По поводу этого высказала свою позицию Н.Д. Сухарева. Она считает, что «именно специальная норма, содержит более мягкие условия освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних и закрепляет возможность прекращения уголовного преследования» [8, с. 38-39].

Государство выделило несовершеннолетних в отдельную специальную группу и наделило дополнительными правами и гарантиями в силу того, что эта группа лиц нуждается в особом отношении. Но при всем при этом само государство в лице законодателя наделяет суд правом, уже после вынесения конкретного решения по уголовному делу, возобновлять уголовное преследование.

Все это противоречит основополагающим мировоззренческим началам как материального, так и процессуального права.

Считаем более верным, согласиться с мнением Депутатовой А.В., которая видит необходимость внести изменения в ст. 90 УК РФ. Она предлагает п.4 ст.90 изложить в следующей редакции: «в случае система-

тического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия по представлению специализированного государственного органа суд продлевает срок такой меры, при этом делает предупреждение несовершеннолетнему. Дополнением может стать расширенное пояснение в Постановлении Пленума ВС РФ: «...в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия суд может продлить срок такой меры. Если с учетом продления продолжается систематическое неисполнение обязанностей, несовершеннолетний может быть помещен в специальное учреждение закрытого типа» [3].

Сравнение действующего УК с его редакцией по состоянию на декабрь 2009 года позволяет делать вывод, что задача по приведению отечественного уголовного законодательства в соответствие с международными стандартами, реализуется и находит свое отражение в нормотворческой деятельности. Данное предположение подтверждается включением несовершеннолетних в категорию лиц, которым может быть назначено наказание в виде ограничения свободы. В настоящее время данная мера государственного принуждения заняла место ареста в системе наказаний, назначаемых несовершеннолетним.

Однако преобразования и реформы, которые были претворены в жизнь, еще далеки от идеала.

Прослеживая изменения института привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности сквозь историческую ретроспективу мы видим, что законодатель никогда не стремился к применению жестких мер наказания к изучаемой нами группе лиц, а наоборот смягчал репрессивные меры в отношении них.

Необходимо признать, что меры воспитательного воздействия – как государственные, так и внутрисемейные намного лучше влияют на подростков, совершивших преступные деяния. Таким образом, можно признать, что принцип воспитуемости в уголовном законодательстве, касающемся ответственности несовершеннолетних преобладает по отношению к принципу наказуемости.

Использование карательной парадигмы в решении проблем преступности несовершеннолетних неэффективно как с экономической точки зрения, так и с социальной. Репрессии не защищают общество, а подвергают его еще большей потенциальной угрозе. Места лишения свободы культивируют рецидивную преступность и разрушают способность осужденного к социальной адаптации и жизни в нормальном обществе, атрофируют чувство ответственности за себя и близких.

Литература

1. Белякова И.М., Ложкова И.А. Снижение возраста уголовной ответственности несовершенно-

нолетних как фактор риска для гражданского общества в России // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 23-27.

2. Вартамян Х.С., Васильев А.М. Понятие уголовной ответственности несовершеннолетних и условия их наступления // Research Journal of International Studies, 2013. № 3-2. С. 35-36.
3. Депутатова А.В. Проблемы применения мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних // Отечественная юриспруденция. 2019. № 3 (35). С. 23-25.
4. Добренков А.И. Предупреждение дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними: автореф. дис. канд. юр. наук: 12.00.08 / Добренков Алексей Иванович. М., 2019 (дата обращения: 14.01.2021).
5. Долгов К.А. Назначение несовершеннолетним наказаний в виде ареста и лишения права заниматься определенной деятельностью // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3.
6. Маршакова Н.Н. К вопросу о принципах уголовной политики // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 13–15.
7. Саргсян С.Н. Возраст уголовной ответственности: история и международный опыт // Актуальные вопросы современной истории. Сборник статей по материалам XV международной научно-практической конференции. В 3 частях. Том. Часть 3(3). Томск. 2018.
8. Сухарева Н.Д. Общеуголовное освобождение от ответственности в российском уголовном праве. М., 2005.
9. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Малешина, А.В. Серебренникова; Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, юрид. ф-т. М: Статут, 2019.

References

1. Belyakova I.M., Lozhkova I.A. Reducing the age of criminal responsibility of minors as a risk factor for civil society in Russia // Epoch of Science. 2018. No. 14. S. 23-27.
2. Vartanyan Kh.S., Vasiliev A.M. The concept of criminal responsibility of minors and the conditions for their occurrence // Research Journal of International Studies, 2013. No. 3-2. S. 35-36.
3. Deputatova A.V. Problems of the application of measures of educational influence in relation to minors // Domestic jurisprudence. 2019. No. 3 (35). S. 23-25.
4. Dobrenkov A.I. Prevention of road traffic crimes committed by minors: author. dis. Cand. Law: 12.00.08 / Dobrenkov Alexey Ivanovich. M. 2019 (date of access: 14.01.2021).
5. Dolgov K.A. Appointment of punishments to minors in the form of arrest and deprivation of the right to engage in certain activities // Gaps in Russian
6. Marshakova N.N. On the question of the principles of criminal policy // Russian Justice. 2015. No. 10. P. 13–15.
7. Sargsyan S.N. Age of Criminal Responsibility: History and International Experience. // Topical issues of modern history. Collection of articles based on the materials of the XV international scientific and practical conference. In 3 parts. Vol. Part 3 (3). Tomsk. 2018.
8. Sukhareva N.D. General criminal exemption from liability in Russian criminal law. M., 2005.
9. Criminal law of foreign countries (Special part): teaching aid / N.Ye. Krylova, A.V. Maleshina, A.V. Serebrennikov; Moscow state University named after M.V. Lomonosov, jurid. f-t. M.: Statut, 2019.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Виктор Николаевич Фадеев, профессор кафедры криминологии, доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я.Кикотя (117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: fadei87@mail.ru

Аннотация. В статье говорится о том, что необходимо рассматривать новый взгляд на развитие юридической науки и образования. Речь идёт, прежде всего, о реализации жизнеутверждающих принципов образа жизни, жизнеустройстве и жизнеобеспечении на основе правомерного поведения через формирование индивидуального, общественного и всеобщего, космически освящённого сознания.

Ключевые слова: материалистическая философская парадигма; метафизический взгляд; вероятностно-временной подход; неопределённость будущего; истоки и корни преступности.

METAPHYSICAL VIEW ON THE DEVELOPMENT OF LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

Victor N. Fadeev, Professor of the Department of Criminology, Doctor of Legal Sciences, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika
Volgina, d. 12)
E-mail: fadei87@mail.ru

Abstract. The article says that new point of view on the development of legal science and education should be taken. First of all, for the implementation of life-affirming principles of life style, life organization and life support based on lawful behavior through organization of individual, social and universal, cosmic sanctified consciousness.

Keywords: materialistic philosophical paradigm; metaphysical view; probability-time approach; the uncertainty of the future; the origins and roots of crime.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Фадеев В.Н. Метафизический взгляд на развитие юридической науки и образования. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):139-42.

Нет необходимости перечислять множество работ и точек зрения, высказанных учёными и специалистами о состоянии юридической науки и образования.

В этой связи попытаюсь вывести общую, принципиальную формулу недостатков в современной юридической науке и образовании.

Прежде всего, надо отметить, что вся гуманитарная наука, включая юридическую, как части целого базируется на материалистической философской парадигме.

При этом следует особо отметить одно принципиальное обстоятельство. Насколько можно судить, *беспомощная* в отношении к глобализации преступности юридическая наука является *одной из прикладных ветвей материалистической философии*, в соответствии с которой она (юридическая наука) в полной

мере рассматривает только реальные события, то есть уже свершившиеся деяния криминального характера. Правоохранительная система, в массе своей, тоже строится на основе информации об уже совершённых преступлениях [1].

В этой связи выскажу не очень удобную, а м.б. для отдельных коллег – не приемлемую оценку современного состояния юридической науки, на примере криминологии.

В частности, в настоящее время преобладают, с одной стороны, фрагментарно-дискретная картина мира в сознании общества и фактическая раздробленность носителей его духовно-нравственных начал и их взаимоотношения с пронизанным коррупцией государством, а с другой – ситуация *неопределённости будущего* его, как такового, а не только *предмета и ме-*

тогда криминологии как, основание для установления жёсткого национального правопорядка.

В порядке иллюстрации и подтверждения сказанного отмечу, что уже в ранний постсоветский период юридическую науку и, прежде всего, – Криминологию сначала «отодвинули» (эта «политика» имело своё продолжение и в новейшее время)¹, а затем и «отторгли» от поиска и выявления ответственных субъектов за рост и развитие преступности.

Наоборот – дали возможность поделить поле развивающейся преступности на предметы исследований – т.е. на «научные делянки», «деляночки» и совсем уж на «узкие полоски», почему и появились масса разных пустых диссертаций, вал наукообразных, но никчёмных публикаций, надуманных исследований и т.д.

А результат один – всё это ушло и продолжает уходить попросту в «никуда» или, по-другому сказать, – в бездонную «чёрную дыру» полной безответственности за то, что случилось и происходит ныне со страной и жизнью в ней, как и за то, что делается в криминологии, которая не рассматривает национальную безопасность как свой предмет, а правопорядок для её охраны – как инструмент своей основной деятельности.

Понятно, что «больна» в этом плане не только криминология, но и иные отрасли юридической науки, в т. ч. и Уголовное право, которые действуют в основе своей – на уровне *единичного*, но мало функциональны на уровне *особенного*, не говоря уже о *всеобщем*, *сущностном* уровне, – если именовать эти уровни на языке диалектической логики [2].

Хотя в литературе встречается немало призывов следовать этой логике, в том числе – проведение *криминологической экспертизы* законотворческой и всей прочей жизнеутверждающей деятельности органов власти.

Вместо этого, как пишет профессор А.И. Долгова: «Криминологию пытаются подменить уголовной политикой с её многозначной трактовкой и утверждением, о том, что уголовная политика – это и есть борьба с преступностью. Как правило, авторами современных работ по уголовной политике являются специалисты по уголовному праву, отдельные из которых слабо ориентируются в теории и практике настоящего криминологического знания» [3].

По глубокому убеждению, основанному на выводах учёных, прежде всего, естественнонаучных от-

раслей знания и проведённого анализа объективных законов развития мироустройства – можно констатировать, что одной из основных угроз деградирующих, а более правильно – фальсифицирующих ход развития человечества – является *заточенность* гуманитарной науки на материалистической философской парадигме в отличие от естественных отраслей знания и, прежде всего, неклассической физики – базирующейся на *метафизической* составляющей.

В частности, в естественных науках, прежде всего, в физике, с открытием (в 30-е годы XX века) КВАНТА как явления, квантовой механики в целом, и СТО, сформулированного Альбертом Эйнштейном, предвестником которой явилось открытие Вернером Гейзенбергом принципа неопределённости, Нильсом Бормом – соотношения неопределённости и принципа дополнительности, а также криволинейной неевклидовой геометрии Римана-Лобачевского – в результате чего произошёл резкий скачок развития в сторону неклассической (*метафизической*) версии мировоззрения, которое строится в совершенно ином, *вероятностно-временном* контакте с внешним миром – как его гораздо более глубокая и сущностная картина².

Главное, что следует выделить в этом плане – это категорический отказ физиков *от первичности материи как некоего вещества и вторичности сознания* как некой нематериальной среды для её осмысления³.

В этой связи, акцентирую внимание коллег на том, что практический смысл понятия сознания человека и его связь с *подсознанием* тоже представляются в сугубо пост фактическом формате (*например, преступление как свершившийся факт*), чем и объясняется сравнительно низкий уровень предупредительной деятельности и понимания субъектно-объектных отношений как предметно-логической основы правопорядка и его нарушений [4].

Имеющиеся результаты экспериментов подводят к выводу, что *физический мир* более не является основным или единственным компонентом *реальности*, и что он не может быть полностью понят без учёта роли

² Постоянная Планка определяет границу между макромиром, где действуют законы механики Ньютона, и микромиром, где действуют законы квантовой механики...

³ Объективная реальность выступила как абсолютно виртуальная среда, плодящая исключительно временно существующие материальные воплощения. Непрерывные акты творения «чего-то» (материальных объектов и проявлений) «из ничего» (неопределённость, микромир, поля, вероятности, виртуальность и т.д.), это касается и человека, как временно появляющегося из будущего и через настоящее – уходящего в прошлое... Так что понимание устройства мира и мировоззрение, строящееся на основе неклассической физики, по сути совпадает или во всяком случае – гораздо ближе к Дзэн-Буддизму («Религия без Бога» по образному определению Папы Римского Павла), чем к материализму и вообще – к каким бы то ни было «измам», возникшим и развивавшимися в лоне европейской культуры и науки.

¹ Известно, что криминология является «неудобной наукой, прежде всего, для властных структур. После очередного «изгнания» в разряд «второстепенных», т.е. не обязательных к изучению наук, на основании Приказа Минобрнауки РФ №28 от 11 января 2018 года Криминологию заново, с 1 сентября 2018 года, в системе юридического образования ввели в число учебных дисциплин, обязательных к изучению, т.е. действуем по принципу – «пока гром не грянет мужик не перекрестится».

в нём сознания¹.

Что же касается юридической теории, то за редким исключением, она осталась в лоне старой, практически, неизменной парадигмы. Учёные лишь «отретушировали» внешние, «фасадные» аспекты своей науки, не затрагивая сущностные, глубинные стороны новой общественной жизни и общественных отношений как основание и повод для её трансформации.

Здесь обращая внимание, прежде всего, юристов на статью профессора Щедрина Н.В., где автор пишет, что: «Коррупция в частном секторе наносит ощутимый вред обществу, однако понятие должностного лица с советского времени почти не претерпело изменений. Злоупотребление полномочиями, подкуп в государственной и частной сферах влечёт за собой разную уголовно-правовую оценку...» [5, с. 410].

Надо иметь в виду, что стадию формирования неклассической версии юридической науки и её использования пройти придётся, притом – начать это можно будет в процессе создания её новой теоретической и методологической базы, в которой помимо фактической и пространственной должно занять полагающаяся ей вероятностно-временная составляющая в представлениях о будущем и достоверная – о нашем прошлом.

При этом необходимо отметить, что принципиальное значение метафизической составляющей в развитии теории и практики юридического, в нашем случае, криминологического знания состоит в том, что если материалистический подход позволяет говорить о выявлении причин и условий, а также факторном анализе, детерминации преступности и правонарушающего поведения, то метафизический взгляд даёт возможность действовать по поиску истоков, корней преступности и девиантного, антиобщественного, противоправного поведения личности в его сознании, что в свою очередь позволит говорить об искоренении и ликвидации в будущем истоков-корней этого явления из жизни общества.

В последние годы предпринимаю определённые усилия для адаптации вышеперечисленных и иных проблем к реалиям жизнеустройства и жизнедеятельности, в том числе – криминологии будущего, при этом ни в коей мере нельзя отрицать классическую, или – материалистическую криминологию как науку о преступности и борьбе с ней.

Иное дело, что её теперь можно рассматривать лишь как отправную, базовую версию, которая в связи с глобализацией преступности и преступной глобализацией оказалась недостаточно эффективной в отношении к криминальному миру в его новых формах и масштабах.

Иными словами – подобно тому, как классическая механика Ньютона и представления об абсолютном эфире, как об изотропной среде, совершенно не подходят для понимания природы квантовых объектов и их поведения в реальном физическом пространстве – так и классическая криминология, без метафизической составляющей не подходит для понимания истоков и корней преступности в сознании и сущности личности, а также глобализации форм и масштабов развития преступности.

Причина этой некомпетентности в обеих сферах знания, по сути, одна и та же – это недооценка, а если быть точнее – не понимание и незнание роли метафизической составляющей в представлениях об объекте и опыта перехода от классического формата физики к неклассическому, который представляет собой Методологический алгоритм и школу, как для криминологов и представителей других сфер юридической науки, так и гуманитарных отраслей знания в целом.

В этих условиях нужно основательно обдумать судьбу, цели и задачи всей правоохранительной системы.

Она должна представлять собой пространство такого правопорядка, который может надёжно обеспечивать национальную безопасность изнутри жизни народа и страны, для чего надо существенно расширить сферу профессиональных знаний и интересов юристов и, как следствие, поднять уровень юридического образования и правовой культуры населения страны.

В заключение необходимо отметить, что в данной статье обращаю внимание коллег на те концептуально-методологические упущения, недостатки, знание которых явно не хватает для раскрытия сути предмета гуманитарной науки в целом и юридической, в частности, на примере криминологии, как части целого.

В этой связи представляется, что необходимо внести соответствующие изменения в учебный процесс по преподаванию, прежде всего, фундаментальных, базовых наук при подготовке юристов, с учётом метафизической составляющей философии, – как базового элемента мировоззрения. Ибо микромир формирует и управляет макромиром, а не наоборот, как это принято рассматривать классической гуманитарной наукой.

К числу основных учебных дисциплин и отраслей знания, которые подлежат трансформации в перво-степенном порядке относятся – философия, логика, теория государства и права, социология, психология, криминология и иные учебные дисциплины, которые участвуют в процессе формирования у студентов и аспирантов – системных представлений об окружающем мире.

Для этого необходимо совершенствовать образовательную среду путём междисциплинарной интеграции на уровне взаимодействия с профильными ВУЗа-

¹ Манифест постматериалистической науки. <http://eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science/> (дата обращения 23.01.2021).

ми например, НБИКС технологии Курчатовский центр и иные естественнонаучные ВУЗы. Осуществляя данный проект, государство, в лице, прежде всего, образовательной системы сработает на опережение, формируя задатки нового мышления, которое затронет всю научную деятельность, в том числе, – по исследованию истоков, корней преступности и сущности личности преступника в его сознании, а также проблем предупреждения преступности¹.

Таким образом, прямо в образовательном процессе, который осуществляется учёными в своей области, – как педагогами по своим дисциплинам, происходят развитие и перенос парадигмы неклассической науки на материал классических версий её разделов и их переосмысление с применением не формальной, а диалектической логики, неопределённостей разного рода с их превращением в информацию.

К сожалению, среди научного (*юридического*) сообщества пока не видно особого энтузиазма в реализации этого подхода.

В различных научных и частных беседах возникают вопросы – что это даёт вообще и в конкретной жизненной ситуации, – не вникая в суть вещей, в частности. Тем самым не воспринимается сама идея внедрения *метафизического* подхода в научно-практическую деятельность [4].

Опыт показывает, что рано или поздно, практически все фундаментальные открытия находят своё применение. Но также опыт показывает, что на момент открытия совершенно невозможно предсказать понадобится то или иное открытие и как оно себя проявит. Здесь лишь приведём один яркий пример из истории развития фундаментальной науки, в частности, вскоре после открытия Майклом Фарадеем электромагнитной индукции министр финансов Великобритании Уильям Гладстон спросил у Фарадея «Какая польза от электричества?».

В ответ на это Фарадей сказал: «Вполне возможно, сэр, что скоро вы сможете обложить это налогом». И не ошибся Фарадей, прошло всего каких-то 50 лет и все... стали платить налог².

Остаётся пока только думать и мечтать о создании такого рода методики подготовки специалистов в ВУЗах, в нашем случае – юридического профиля, хотя этого требует вся сфера гуманитарной науки, в т.ч. и юридическая наука – как часть целого, на примере перехода классической физики в её неклассический формат.

¹ В частности, по инициативе Департамента образования города Москвы и Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», с 2012 года в общеобразовательной системе реализуется так называемый «Курчатовский проект», цель которого – сформировать системные представления об окружающем мире, в то же время ВУЗовская система, прежде всего, гуманитарная сфера науки об этом пока что даже не «заикается».

² Из истории | Пикабу URL: pikabu.ru/story/iz_istorii_1571918 (дата обращения 27.01.2021).

Литература

1. Фадеев В.Н. Развитие криминологии будущего. Криминология вчера, сегодня, завтра. № 3 (50). 2018. С. 35-38.
2. Фадеев В.Н. Концептуальные основы фундаментальной криминологии. Библиотека уголовного права и криминологии «Юрлитинформ». № 3 (11). 2015. С. 140-163.
3. Долгова А.И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность. URL: <http://crimas.ru/?cat=81> (дата обращения 21.02.2020).
4. Фадеев В.Н. Теоретико-методологические основы криминологии будущего // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 5-19.
5. Щедрин Н.В. Футурологические аспекты уголовного права // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; [ред. А.В. Голикова]; ФГБГУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 2019. С. 409-413.

References

1. Fadeev V.N. Development of criminology of the future. Criminology yesterday, today, tomorrow. No. 3 (50). 2018. pp. 35-38.
2. Fadeev V.N. Conceptual foundations of fundamental criminology. Library of Criminal Law and Criminology “Yurlitinform”. No. 3 (11). 2015. pp. 140-163.
3. Dolgova A.I. Do we need criminology and a criminological view of crime? URL: <http://crimas.ru/?cat=81> (accessed 21.02.2020).
4. Fadeev V.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy kriminologii budushchego [Theoretical and methodological foundations of criminology of the future]. 2020. Vol. 14, no. 1. pp. 5-19.
5. Shchedrin N.V. Futurological aspects of criminal law // Criminal-legal impact and its role in crime prevention (IV Saratov criminal-legal readings): Collection of articles based on the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (Saratov, September 30 – October 1, 2019) / under the general editorship of N.A. Lopashenko; [ed. by A.V. Golikov]; FGBGU VO “Saratov State Law Academy”. 2019. pp. 409-413.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, СОПРЯЖЕННОЙ С КОРРУПЦИЕЙ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Равиль Шайхлисламович Шегабудинов, кандидат юридических наук
Издательство «Юнити-Дана» (123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. В статье автор исследует систему мер, посредством принятия и реализации которых осуществляется предупреждение экономических преступлений, сопряженных с коррупцией и организованной преступной деятельностью. Проведенное автором исследование показывает, что крайне мало случаев, когда сотрудники подразделений экономической безопасности ОВД прибегали к помощи к коммерческим и некоммерческим организациям, ибо процесс сбора фактических данных в отношении лидеров и активных членов организованных структур преимущественно носит конфиденциальный характер.

Ключевые слова: организация управления, коррупция, экономическая преступность, преступная деятельность, уголовный кодекс, контроль.

CRIMINOLOGICAL DIMENSION OF THE PREVENTION OF ECONOMIC CRIME INVOLVING CORRUPTION AND ORGANIZED CRIMINAL ACTIVITY

Ravil Sh. Shegabudinov, Candidate of Legal Sciences
Unity-Dana publishing house (123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1)
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. In the article, the author examines the system of measures through the adoption and implementation of which economic crimes associated with corruption and organized criminal activities are prevented. The author's study shows that there are very few cases in which members of the economic security units of the Department of Internal Affairs resorted to commercial and non-profit organizations, since the process of collecting evidence regarding leaders and active members of organized structures is mostly confidential.

Keywords: management organization, corruption, economic crime, criminal activity, criminal code, control.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Шегабудинов Р.Ш. Криминологический аспект деятельности по предупреждению экономической преступности, сопряженной с коррупцией и организованной преступной деятельностью. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):143-7.

В криминологии предупреждение преступности рассматривается как «система государственных и негосударственных (в их числе общественных) мер, направленных на устранение, нейтрализацию, минимизацию преступности и преступлений, их причин и условий, а также на декриминализацию личности преступников» [9, с. 86], с чем следует согласиться.

Предупреждение экономических преступлений, сопряженных с коррупцией и организованной преступной деятельностью, осуществляется посредством принятия системы мер, включающих:

- предварительное осуществление криминологического мониторинга в наиболее криминализированных отраслях (сферах) экономики (кредитно-финансовая сфера, внешнеэкономическая деятельность, потребительский рынок, топливно-энергетический комплекс и др.). Для этого необходимы научно обоснованные методики экономико-правового анализа, чтобы обнаружить несоответствия, противоречия и рассогласованности, начиная с действующего законодательства и кончая с фактическими по-

казателями производственно-хозяйственной деятельности, откуда исчисляются налоги и сборы. Результаты мониторинга служат своеобразной мишенью, куда следует затем нанести точечный «удар» силами и средствами правоохранительных органов [5, с. 177];

- проведение комплекса организационно-профилактических мероприятий на предприятиях бюджетобразующих отраслей экономики (топливно-энергетического комплекса, лесопромышленного комплекса, транспорта и т.д.). Правоохранительные органы при необходимости используют также возможности служб безопасности, создаваемых в целях предупреждения хищений товарно-материальных ценностей и иных преступлений на охраняемых предприятиях [1]. Деятельность негосударственных структур безопасности, включая службы безопасности, регламентируется Законом РФ от 11 марта 1992 г. «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». По этому Закону служба безопасности предусмотрено как отдельное структурное подразделение предприятия;
- с участием Следственного комитета РФ изучение практики организации межведомственного взаимодействия по раскрытию и расследованию экономических преступлений, совершаемых в организованных формах лицами, имеющими коррупционные связи. По результатам такого изучения и анализа целесообразно было бы подготовить межведомственный нормативный правовой акт;
- разработку с участием Следственного комитета РФ методических рекомендаций для правоохранительных органов, содержащих алгоритм действий сотрудников правоохранительных органов по раскрытию и расследованию экономических преступлений, совершаемых в организованных формах лицами, имеющими коррупционные связи;
- принятие дополнительных оперативно-профилактических мер по разоблачению и ликвидации организованных групп и преступных сообществ, оруduющих в прибыльных отраслях экономики. При этом особое внимание следует уделять данной работе в малых городах России и сельских поселениях и установлению коррумпированных связей с должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления;
- выработку и реализацию совместно с Генеральной прокуратурой РФ, МВД России, ФСБ России, ФСКН России, ФТС России, Следственным комитетом РФ дополнительных ме-

роприятий, направленных на:

- активизацию работы по борьбе с незаконным оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;
- установление возможных каналов контрабандного поступления в Россию фальсифицированной и контрафактной продукции;
- выявление признаков преступлений в действиях лиц по силовому захвату предприятий и организаций.

Проведенное нами исследование убедительно показывает, что крайне мало случаев, когда сотрудники подразделений экономической безопасности ОВД прибегали к помощи к коммерческим и некоммерческим организациям, ибо процесс сбора фактических данных в отношении лидеров и активных членов организованных структур преимущественно носит конфиденциальный характер. Без предварительной тщательной проверки не каждый сторонний может быть посвящен этой деятельности. К тому же нельзя не учитывать то обстоятельство, что названные организации не охотно делятся с имеющимися у них сведениями о совершенных либо совершаемых, например, хищениях бюджетных средств лицами с коррупционными связями. Как правило, проявляют свою незаинтересованность в силу целого ряда причин, в том числе, боясь от расправы [2].

Характерно по делам о криминальных структурах то, что в преступных целях умело используют негативные скрытые факторы, о которых могут и не знать правоохранительные работники. В то же время контролирующие органы осведомлены о них, но меры по их устранению должным образом не принимают. В результате этого экономические преступления в организованных формах превращаются в разряд длящихся, многоэпизодных. Чтобы этого не допустить, отдельные исследователи со своей стороны высказывают следующее требование: «работу служб по борьбе с экономической и организованной преступностью следует организовать по принципу «режима реального времени», т.е. мгновенной реакции на новые виды и формы преступлений [4].

Для этого необходимо:

- 1) мощная и объективная информационная база (мониторинг и хорошо поставленная оперативно-розыскная работа);
- 2) наличие резервов сил и средств, которыми можно было бы оперативно маневрировать как в территориальном, так и в предметном смысле.

Как нам представляется, из того что перечислено, в настоящее время, в частности, подразделения экономической безопасности ОВД в большинстве случаев уже располагают. Однако у них на сегодня отсутствует профессиональное ядро. Одной из причин такого положения являются «многочисленные реорганиза-

ции правоохранительных органов при одновременном снижении значения морального и материального стимулирования к службе в органах внутренних дел, что неизбежно привело к дефициту высокопрофессиональных и неподкупных сотрудников» [6, с. 161].

Организация управления деятельностью по предупреждению экономических преступлений, совершаемых в организованных формах лицами, имеющими коррупционные связи, немыслимо без ее планирования. При его осуществлении принимаются во внимание многие факторы, в том числе и территориальные особенности. Как известно, в последнее время на территории Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации наблюдается некоторое осложнение криминогенной ситуации, обусловленное активизацией деятельности террористических и экстремистских организаций, а также организованных преступных формирований. Учитывая данное обстоятельство, в спешном порядке был подготовлен проект Программы по борьбе с организованной преступностью и террористическими проявлениями на территории Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации [10].

В этом документе значительное место отводится мерам по усилению борьбы с организованной преступностью и противодействию экстремистской деятельности. Причем авторы этого проекта прекрасно понимают, что основным источником финансирования организованной преступности и экстремистских организаций служит экономическая деятельность. Не случайно в проекте Программы львиная доля предусмотренных в нем мероприятий связана с экономикой округа и ее государственной поддержкой. Со своей стороны полагаем, что такая «расстановка» продиктована самой сложившейся ситуацией в этом округе.

В настоящей статье приведем лишь мероприятия, направленные на противодействие организованным преступным формированиям (ОПФ), избравшим сферой своего влияния наиболее доходные отрасли экономики.

Предполагается объединенными усилиями правоохранительных, контролирующих и иных органов принять комплекс мер, обеспечивающих решение следующих задач:

- выявление коррупционных связей организованных преступных формирований в государственных органах, пресечение проникновения представителей криминальной среды в органы государственной власти и местного самоуправления;
- недопущение фактов хищений и нецелевого расходования денежных средств федерального и региональных бюджетов, финансирования экстремистских организаций;
- противодействие организованной преступности, осуществляющей контроль за мигра-

ционными процессами в субъектах Северо-Кавказского федерального округа (сбор дани, присвоение бюджетных денег и иные корыстные преступления);

- декриминализацию рынка труда. Данную деятельность предполагается осуществлять во взаимодействии с агентством по трудовой миграции с целью противодействия нелегальной миграции;
- осуществление ведомственного контроля за расследованием наиболее значимых резонансных уголовных дел о хищениях бюджетных средств, совершенных с участием высокопоставленных государственных чиновников;
- декриминализацию экономики, в том числе в легальных секторах (агропромышленный комплекс, легкая промышленность, пищевая промышленность, туризм), а также осуществление контроля за целевым расходованием средств при реализации инвестиционных проектов, предусмотренных в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.

Помимо перечисленных планируется последовательно решать следующий круг задач, обеспечивающих также:

- недопущение фактов злоупотреблений при проведении тендеров приоритетных инвестиционных и социальных проектов, осуществление действенного контроля за ходом строительства объектов с целью исключения проявлений коррупции и нецелевого расходования бюджетных средств;
- пресечение незаконной банковской деятельности, фактов хищений денежных средств, инвестируемых в экономику округа, а также недопущение финансирования экстремистских и террористических организаций посредством банковской системы;
- осуществление контроля за внешнеэкономической деятельностью в субъектах Северо-Кавказского федерального округа с целью исключения возможности финансирования экстремистских и террористических организаций за счет прибылей, полученных от названной деятельности;
- целенаправленное расходование бюджетных средств, выделяемых на развитие инфраструктуры связи, всесезонного горного курорта «Приэльбрусье» в рамках Федеральной целевой программы «Юг России (2010-2015 годы)»;
- противодействие незаконной вырубке лесов, в том числе порубке ценных видов древесины в предгорных и горных районах округа;
- установление контроля за распределением и использованием денежных средств при осу-

ществлении мероприятий по реализации перспективных проектов туристско-рекреационного комплекса (17 объектов развития на территории Северо-Кавказского федерального округа) с целью недопущения коррупционных проявлений и возможности финансирования из данных источников членов незаконных вооруженных формирований;

- противодействие коррупции при распределении и расходовании денежных средств, выделяемых из федерального, региональных бюджетов и инвестируемых в развитие физкультуры, спорта и туризма на территории округа, а также в развитие инфраструктуры учреждений образования;
- предотвращение и пресечение коррупционных проявлений в сфере государственных и муниципальных органов управления.

Многообразие задач, решаемых в рамках проекта Программы, на наш взгляд, предполагает объединение усилий, помимо правоохранительных и контролирующих органов, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий. В обобщенном виде их усилия должны быть направлены на решение трех основных задач, а именно: 1) предупреждение экономических преступлений и преступлений коррупционной направленности путем выявления и последующего устранения их причин; 2) выявление, раскрытие и расследование указанных видов преступлений; 3) минимизацию и ликвидацию последствий экономических преступлений и преступлений коррупционной направленности [7].

Как нам представляется, не менее важной предпосылкой для успешного их решения выступает финансовое, материально-техническое, информационное и иное обеспечение реализации программных мероприятий. Как нам представляется, наряду с созданием этих условий возникает реальная потребность в определении органа, который бы координировал деятельность всех субъектов, привлеченных к практической реализации этих мероприятий. Бесспорно, без разработки оптимальной системы оценки деятельности, например, подразделений экономической безопасности ОВД вряд ли можно добиться повышения эффективности осуществляемой ими оперативно-розыскной работы в целях своевременного выявления и пресечения экономических преступлений, совершаемых в организованных формах лицами, имеющими коррупционные связи. На наш взгляд, на сегодня механизм мотивации абсолютно не работает, он «отключен». Отсюда, не следует ожидать больших рывков.

Сделаем некоторые выводы. С учетом изучения ор-

ганизации управления деятельностью по предупреждению организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, констатируем тот факт, что организация управления нами рассматривается как целостная система. Сообразуясь с разработанными в науке управления положениями о структуре организации управления, можно выделить следующие основные ее элементы:

а) изучение и анализ современного состояния указанной деятельности с учетом проводимых в стране реформ и модернизаций;

б) организационно-структурное обеспечение данной линии работы особенно в условиях обновленной системы органов внутренних дел;

в) прогнозирование, планирование и моделирование деятельности по предупреждению организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией;

г) внутреннее и внешнее взаимодействие служб и подразделений ОВД, осуществляющих функцию предупреждения экономических преступлений, совершаемых в организованных формах лицами, имеющими коррупционные связи;

д) учет и оценка проделанной работы в интересах реализации данной функции [3].

Трудно переоценить значение и важность мониторинга и прогнозирования исследуемого вида преступности. Учитывая это, считаем целесообразным разработать методологию их осуществления на среднесрочную перспективу (2-3 года) с обоснованием реальных целей всей правоохранительной системы и контролирующих органов с вычленением приоритетных их направлений деятельности. Представляется актуальным при этом и деятельность общественных формирований и негосударственных органов правоохранительной направленности [8].

Основная сложность организации управления деятельностью по предупреждению организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, состоит в том, что субъекты управления слабо представляют названное социальное явление, его последствия и механизмы проявлений. В результате этого многие элементы организации управления указанной деятельностью не приводятся в действие в полном объеме. В конечном итоге не достигаются обозначенные цели. Определенную лепту в плане научной проработки рассматриваемого вопроса должна вносить настоящее монографическое его исследование [10].

В качестве важного элемента организации управления названной деятельностью следует отметить организационно-структурное построение линии борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией. Некоторое беспокойство вызывает то, что в связи с принятием закона «О полиции» пока что остается непонятно, как будут пред-

ставлены в обновленной системе органов внутренних дел специализированные подразделения экономической безопасности, будут ли они в том виде, как это было до недавнего времени? Вопросов много, но ответить на них весьма трудно. Остается лишь предположить, что при всей важности рассматриваемой линии работы вряд ли кто-либо сочтет нужным ее «оголить». Отсутствие ведомственных (межведомственных) нормативных правовых актов, регламентирующих организацию управления деятельностью по предупреждению организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, отражается на действии всей системы ОВД, а потому с учетом основных положений недавно принятого закона «О полиции» следует попытаться восполнить образовавшийся вакуум. Чем продуманнее будут приводиться в действие указанные выше элементы организации названной деятельности, тем эффективнее будет «работать» управление в сфере предупреждения организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией [11].

Литература

1. Албогачиев А.А. Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа / Сборник научных статей V Международной конференции / Ингушский государственный университет. 2017.
2. Албогачиев А.А. Политические и экономические предпосылки возникновения сословно-представительских органов в Европе / В сборнике: Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Ингушский государственный университет. Магас, 2002. С. 31-44.
3. Гаджихмедов К.Г., Гандалов Р.Б. Амнистия и помилование в законодательном развитии (краткий исторический экскурс) // Криминалист. 2018. № 2 (23). С. 75-82.
4. Гандалов Р.Б. Понятие института гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 230-232.
5. Данилов А.М., Иванов П.И., Шегабуудинов Р.Ш. Предупреждение и раскрытие экономических преступлений в сфере бюджетного финансирования: Монография. М., 2010.
6. Демидов Ю.Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере: Монография. М.: Издательство «Щит-М», 2003.
7. Ильгова Е.В., Сметанникова А.И. К вопросу о снижении возраста административной ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 58-61.
8. Ильгова Е.В., Соколов А.Ю. О некоторых проблемах применения административного задержания

к несовершеннолетним лицам // Омск, 2011.

9. Криминология: Учеб. пособие / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
10. Чернявский А.Г. Проблемы реализации конституционных прав граждан в сфере осуществления правосудия // Право и общество. 2015. № 1 (13). С. 10-49.
11. Чернявский А.Г. Состояние исследования проблемы юридической ответственности в российской правовой науке // Право и общество. 2015. № 2 (14). С. 20-67.

References

1. Albogachiev A.A. Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus / Collection of scientific articles of the V International Conference / Ingush State University. 2017.
2. Albogachiev A.A. Political and economic prerequisites for the emergence of estate-representative bodies in Europe / In the collection: Collection of scientific works of the Ingush State University. Ingush State University. Magas, 2002. pp. 31-44.
3. Gadjiakhmedov K.G., Gandaloev R.B. Amnesty and pardon in legislative development (a brief historical excursion). 2018. No. 2 (23). pp. 75-82.
4. Gandaloev R.B. The concept of the Institute of civil society // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4. P. 230-232.
5. Danilov A. M., Ivanov P. I., R. S. Shigabutdinov of the Prevention and detection of economic crimes in the field of budget financing: Monograph. M., 2010.
6. Demidov Yu.N. Problems of fight against crime in the socio-public sector: Monograph. M.: Publishing House "Board-M", 2003.
7. Ilgova E.V., Smetannikova A.I. On the issue of reducing the age of administrative responsibility // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 5 (124). pp. 58-61.
8. Ilgova E.V., Sokolov A.Yu. On some problems of applying administrative detention to minors // Omsk, 2011.
9. Criminology: Textbook / Edited by N.F. Kuznetsova. M.: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2007.
10. Chernyavsky A.G. Problems of realization of constitutional rights of citizens in the sphere of justice // Law and society. 2015. No. 1 (13). pp. 10-49.
11. Chernyavsky A.G. The state of research of the problem of legal responsibility in the Russian legal science // Law and society. 2015. No. 2 (14). pp. 20-67.

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Ульяна Сергеевна Юдина, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: yudina.uljana@yandex.ru.

Научный руководитель: профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор **Н.Г. Кадников**

Аннотация. На основе анализа специальной литературы, положений уголовного законодательства и статистических данных, автор формулирует выводы относительно дифференциации уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества. В статье рассматривается возможность использования в уголовном законе административной преюдиции. Автором предложен ряд изменений в уголовное законодательство.

Ключевые слова: чужое имущество, уничтожение или повреждение чужого имущества, дифференциация уголовной ответственности, административная преюдиция, поджог, значительный ущерб, возмещение ущерба, уголовная ответственность.

ON THE ISSUE OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE DESTRUCTION OR DAMAGE OF OTHER PEOPLE'S PROPERTY

Ulyana S. Yudina, Post graduate student of Faculty of Preparation of Scientific and Pedagogical and Scientific Personnel Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot (117997, Moscow, Akademika Volgin str., 12)

E-mail: yudina.uljana@yandex.ru

Scientific leader: Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor **N.G. Kadnikov**

Abstract. Based on the analysis of special literature, provisions of criminal legislation and statistical data, the author formulates conclusions regarding the differentiation of criminal liability for the destruction or damage of other people's property. The article considers the possibility of using administrative prejudice in the criminal law. The author proposes a number of changes to the criminal law.

Keywords: other people's property, destruction or damage to other people's property, differentiation of criminal liability, administrative prejudice, arson, significant damage, compensation for damages, criminal responsibility.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Юдина У.С. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):148-52.

В настоящее время преступные действия, приводящие к уничтожению или повреждению чужого имущества, представляют собой серьезную угрозу охраняемым общественным отношениям. Подобные преступления (предусмотренные ст. 167, 168 УК РФ и др.) наиболее часто совершаются путем поджога или иным общеопасным способом в отношении жилых и нежилых помещений, объектов культурного наследия и транспортных средств, тем самым причиняют ущерб, по этой причине необходимо уделить особо

внимание защите имущества.

В связи с недостаточной дифференциацией ответственности на законодательном уровне, ошибками при квалификации различных вариантов совершения указанного преступления, необходимо разрабатывать предложения по совершенствованию норм об ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества.

Охрана отношений в данной сфере осуществляется нормами различных отраслей законодательства (ст.

ст. 1064-1101 ГК РФ, ст.ст. 7.13-7.14.2, 7.17, 7.27.1, 11.15, 11.31 и другими статьями КоАП РФ, с помощью общих и специальных норм УК РФ: ст.167 и 168 УК РФ – общие нормы, ч.3 ст.143, 212, 214 УК РФ – специальные нормы и др.).

Эффективность применения норм соответствующих отраслей законодательства различная. Согласно статистике, в 2016 г. показатель количества осужденных за преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 167 УК РФ за период с 2016 по 2019 г. был достаточно высоким: 2722 и 1728 лиц. В 2017 году количество осужденных снизилось до 2159 и 1655 человек соответственно, а в 2018 году показатель составил – 2059 и 1500 человек. В 2019 году за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 167 УК РФ и ч. 2 ст. 167 УК РФ, было осуждено 1749 и 1430 лиц соответственно. Статистические данные представлены в диаграмме (см. рис. 1). Наблюдается тенденция по снижению количества осужденных за преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 167 УК РФ. Показатель количества осужденных в 2019 г. за преступление, предусмотренным ст. 168 УК РФ – 129 человек, ч. 3 ст. 143 – 4 человека, ч. 1 ст. 214 – 145 человек и ч. 2 ст. 214 – 48 человек, что свидетельствует о сравнительно высоких показателях количества осужденных за преступление, предусмотренное ст. 167 УК РФ достаточно высоки¹.

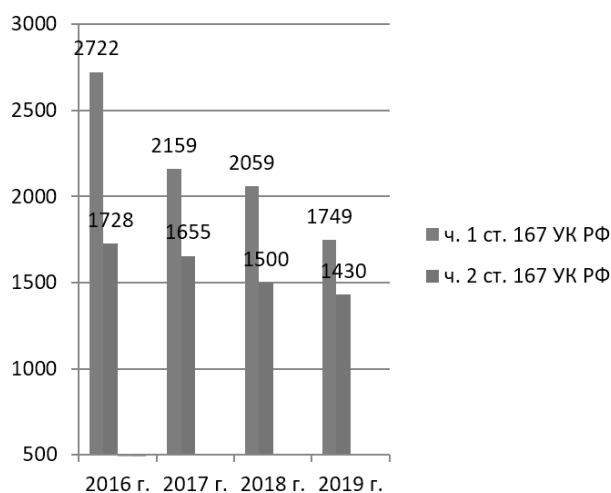

Рис. 1.

Вместе с тем, в указанный период к административной ответственности по ст. 7.17 КоАП РФ было привлечено 22024 человека, а по ст. 7.13 и 7.14 КоАП РФ – 2846 человек. Статистические данные наглядно представлены в виде диаграммы (см. рис. 2)². Количество указанных административных правонарушений нестабильно, однако прослеживается тенденция снижения их количества, в отличие от административных правонаруше-

ний, предусмотренных ст. 7.13 и 7.14 КоАП РФ.

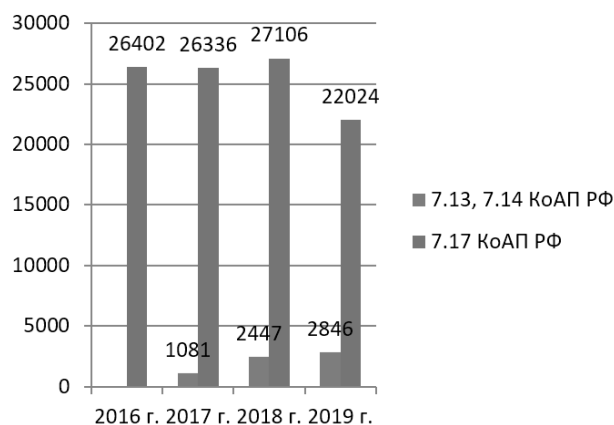

Рис. 2.

Очень важно разграничивать нормы административного и уголовного законодательства, применяемые к лицам, которые совершают уничтожение или повреждение чужого имущества. Признаки гражданско-правовых деликтов могут формально совпадать с признаками соответствующих преступлений и административных правонарушений, важно различать их по признакам составов этих преступлений и правонарушений.

Как отмечают специалисты, с целью разграничения различных сфер законодательства, необходимо разработать более четкие критерии различия схожих по своим признакам и составам правонарушений и преступлений, уточнить их общие элементы, а также определить меры организационного и материального воздействия на правонарушителей и преступников с помощью применения к ним законных взысканий и назначения наказания. Данные методы необходимы для поддержания общественного порядка и обеспечения общественной безопасности³.

Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, предусмотренные ст. 167 УК РФ, отличаются от соответствующего гражданско-правового деликта содержанием объективной стороны состава преступления и причинением значительного ущерба, так как ст. 168 УК РФ предполагает причинение ущерба в крупном размере⁴.

Преступление отличается от гражданско-правовых деликтов и административных правонарушений размерами причиненного вреда, способами, средствами, местом и временем его фактического совершения.

Обратим внимание, что согласно ст. 7.17 КоАП РФ

¹ См.: <http://stat.apn-npecc.pf/stats/ug/t/14/s/17>.

² См.: <http://stat.apn-npecc.pf/stats/adm/t/31/s/1>.

³ См.: Осипян, Б.А. Критерии правомерного различения понятий и составов гражданского правонарушения (деликта), дисциплинарного проступка, административного правонарушения и преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4(38). С. 16-24.

⁴ См.: Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3. Учебник для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: ИКД Зерцало-М, 2002. С. 120-121.

предусмотрен исключительно штраф в размере от 300 до 500 рублей. Настоящая статья действует в редакции Федерального закона от 22.06.2007 № 116-ФЗ. На протяжении 13 лет, как мы видим, какие-либо изменения, касающиеся размера денежного взыскания, не были внесены. В связи с тем, что в санкции указан один вид наказания и в относительно невысоком размере, такое воздействие на правонарушителей и потенциальных правонарушителей, по мнению специалистов, малоэффективно¹.

На наш взгляд, появилась необходимость дополнения санкции ст. 7.17 КоАП РФ видом наказания «обязательные работы». Например, С. неоднократно привлекалась к административной ответственности по ст. 7.17 КоАП РФ, но, видимо, наказания за административные правонарушения были малоэффективны. С. продолжала свои противоправные действия и совершила поджог автомобиля, принадлежащего гражданину Н., в результате чего транспортное средство было полностью уничтожено огнем. Тем самым С. совершила преступление, предусмотренное ч.2 ст. 167 УК РФ, причинив Н. имущественный вред в размере 100 000 рублей, который для последнего является значительным. За совершенное преступление 16 февраля 2016 г. Александровск-Сахалинским городским судом Сахалинской области С. была приговорена к одному году лишения свободы условно².

В данном случае мы видим неоднократное совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП РФ, а также прослеживается неэффективность наказания, вследствие которого лицо совершает соответствующее преступление.

Полагаем, что для повышения эффективности воздействия закона на лица, совершающие подобные правонарушения, следует рассмотреть возможность использования в уголовном законе административной преюдиции. Несмотря на множество проблемных вопросов, административная преюдиция применяется на практике³. Тем не менее, многие специалисты считают, что такое решение ослабит репрессивность уголовного закона⁴.

Как представляется, с целью более точной диффе-

ренциации ответственности следует установить уголовную ответственность за неоднократное совершение административного правонарушения при отсутствии признаков, указанных в ч.1 и ч.2 ст. 167 УК РФ. По нашему мнению, на правонарушителей будет оказано определенное воздействие и снизится количество подобных административных правонарушений и преступлений.

Изменение должно быть сформулировано с использованием правил административной преюдиции. В связи с вышесказанным, предлагаем дополнить ст. 167 УК РФ введением первой части, и изложить статью в следующей редакции: «Статья 167. 1. Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию

Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти действия не повлекли причинение значительного ущерба, совершенные лицом, подвергнутым ранее административному наказанию за подобные умышленные правонарушения, – наказываются ...».

В свою очередь, ч.1 и ч.2 ст. 167 УК РФ следует считать соответственно ч. 2 и ч.3 ст. 167 УК РФ в обновленной редакции.

Предлагаем дополнить ст. 167 УК РФ примечанием и изложить его в следующей редакции: «Примечание. Лицом, подвергнутым административному наказанию за подобные умышленные правонарушения, признается лицо, подвергнутое административному наказанию за уничтожение и повреждение чужого имущества по ст. 7.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Несмотря на множество проблемных вопросов, административная преюдиция стала широко применяться в уголовном законе, что оказывает, на наш взгляд, более эффективное воздействие на правонарушителей (см. ст. 116.1 УК РФ, ст. 158.1 УК РФ, ст. 264.1 УК РФ и другие), что подтверждается сокращением количества указанных правонарушений.

При этом мы согласны с позицией Н.Г. Кадникова о том, что по применению уголовно-правовых норм с использованием административной преюдиции необходимо подробное судебное толкование. Предупредительная значимость нормы весьма низкая, а характер действий лица подчеркивает значительную степень общественной опасности⁵.

Поэтому, как нам представляется, ст. 167 УК РФ следует дополнить примечанием, в котором будет предусмотрен специальный случай деятельного раскаяния для освобождения от уголовной ответственности, в случае возмещения виновным причиненного ущерба.

⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 276.

¹ См.: Харлова, М. И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 16–17.

² См.: Приговор № 1-23/2015 1-23/2016 от 16 февраля 2016 г. по делу № 1-23/2015 Александровск-Сахалинского городского суда Сахалинской области // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Vdt9KT1Ksqoe/> (дата обращения: 22.06.2020).

³ См.: Набиев Ф.Ф., Николаева Т. Н. К вопросу о предмете умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ) // Черные дыры в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 14-15.

⁴ См.: Лопашенко Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93; Иногамова-Хегай Л. В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 4. С. 53–58.

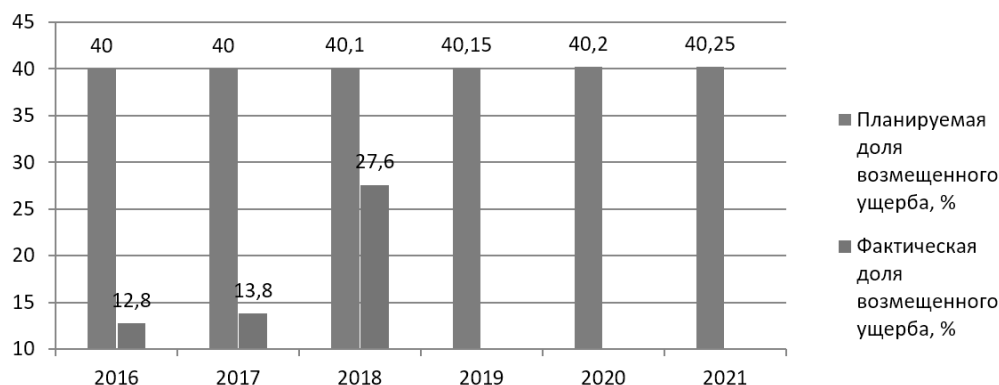

Рис. 3.

Примечание следует изложить в следующей форме: «Примечание. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и добровольно возместило причиненный им ущерб».

Реализация вышесказанных предложений будет способствовать, на наш взгляд, предупреждению совершения умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL: <http://base.consultant.ru>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, в ред. от 07.04.2020. URL: <http://base.consultant.ru>.
3. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 01.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // URL: <http://base.consultant.ru>.
4. Безверхов А.Г. Возвращение административной преюдиции в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53.
5. Бородин А.В., Осокин Р.Б. Понятие и признаки культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 101–107.
6. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Россий-

ской Федерации: Юриспруденция, 2011. 297 с.

7. Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93.
8. Маликов Б.З., Пленкин Ю.В. Изоляция осужденных к лишению свободы: проблемы правового выражения и реализации: Монография. Самара: Изд-во СЮИ ФСИН России, 2005. 168 с.
9. Набиев Ф.Ф., Николаева Т. Н. К вопросу о предмете умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ) // Черные дыры в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 14–15.
10. Незнамова З.А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 20–25.
11. Осипян Б.А. Критерии правомерного различения понятий и составов гражданского правонарушения (деликта), дисциплинарного проступка, административного правонарушения и преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4(38). С. 15–24.
12. Осокин Р.Б. Объективные признаки состава уничтожения или повреждения культурных ценностей // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 9 (43). С. 196–202.
13. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: <https://genproc.gov.ru>.
14. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>.
15. Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru>.

References

1. The Constitution of the Russian Federation,

- adopted by popular vote on 12.12.1993, taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ). URL: <http://base.consultant.ru>.
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996, as amended as from 07.04.2020. URL: <http://base.consultant.ru>
 3. Code of Administrative Offences No. 195-FZ of 30.12.2001 (as amended) from 01.04.2020 (with amendments and additions, intro. effective from 12.04.2020) // URL: <http://base.consultant.ru>.
 4. Bezverkhov A.G. The return of administrative prejudice to the criminal legislation of Russia // Russian justice. 2012. No. 1. pp. 48-53.
 5. Borodin A.V., Osokin R. B. The concept and signs of cultural values // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4. pp. 101-107.
 6. Kadnikov N.G. Qualification of crimes and questions of judicial interpretation: monograph. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Jurisprudence, 2011. 297 p.
 7. Lopashenko N.A. Reducing the repressiveness of the criminal law: proposed measures and their assessment. 2017. No. 4. pp. 84-93.
 8. Malikov B.Z., Plenkin Yu.V. Isolation of persons sentenced to deprivation of liberty: problems of legal expression and implementation: Monograph. Samara: Publishing House of the SUI of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2005. 168 p
 9. Nabiev F.F., Nikolaeva T.N. On the issue of the subject of intentional destruction or damage to property (Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Black holes in Russian legislation. 2015. No. 6. pp. 14-15.
 10. Neznamova Z.A. Crimes with administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation: conflicts of intersectoral regulation // Russian law: education, practice, science. 2015. No. 6. pp. 20-25.
 11. Osipyany B.A. Criteria of lawful distinction of concepts and compositions of civil offense (tort), disciplinary offense, administrative offense and crime // Legal science and law enforcement practice. 2016. No. 4(38). pp. 15-24.
 12. Osokin R.B. Objective signs of the composition of destruction or damage to cultural values // Socio-economic phenomena and processes. 2012. No. 9 (43). pp. 196-202.
 13. Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation URL: <https://genproc.gov.ru>.
 14. Data of judicial statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru>.
 15. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvd.ru>.

Криминология. 7-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Г.А. Аванесова. 447 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Учебник посвящен изучению криминологии как науки, преступности - как социально-правового явления. Рассматриваются история криминологической науки, методология и методы криминологического исследования; особенности личности преступника и механизм совершения конкретных преступлений, меры их предупреждения, факторный анализ преступности.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, анализируются криминологические особенности и меры предупреждения насильственной, организованной, рецидивной и профессиональной, неосторожной преступности; преступлений против собственности, преступлений в сферах экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин. Приведен словарь криминологических терминов.

Для студентов юридических вузов.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, ЗАЯВИВШИХ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УПК РОССИИ И УПК ВЬЕТНАМА

Во Ким Зунг, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с участием юридических лиц, пострадавших от преступлений на стадии возбуждения уголовного дела. Отмечается, что наряду с физическим лицом, право быть заявителем о преступлении имеет и юридическое лицо. Анализ уголовно-процессуального законодательства России и Вьетнама позволяет выявить правовое состояние обеспечения прав и законных интересов юридических лиц, заявивших о преступлении на начальной стадии досудебного производства.

Ключевые слова: потерпевший, юридическое лицо, заявитель, возбуждение уголовного дела, сообщение о преступлении.

ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF LEGAL ENTITIES THAT HAVE REPORTED A CRIME AT THE STAGE OF EXCITATION CRIMINAL CHARGES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF RUSSIA AND THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF VIETNAM

Vo Kim Dung, Adjunct of Faculty of Training of Scientific and Scientific-pedagogical Staff
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. The article deals with the problems associated with the participation of legal entities affected by crimes at the stage of excitation criminal charges. It is noted that along with an individual, a legal entity also has the right to be a criminal complainant. The analysis of the criminal procedure legislation of Russia and Vietnam reveals the legal status of ensuring the rights and legitimate interests of legal entities that have reported a crime at the initial stage of pre-trial proceedings.

Keywords: victim, legal entity, applicant, excitation criminal charges, report of a crime.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Во Ким Зунг. Обеспечение прав и законных интересов юридических лиц, заявивших о преступлении, на стадии возбуждения уголовного дела: сравнительно-правовой анализ УПК России и УПК Вьетнама. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):153-7.

Уголовно-процессуальное законодательство России и Вьетнама имеют многие схожие нормы. Одной из них является норма о том, что досудебное производство начинается стадией возбуждения уголовного дела. В данном параграфе автором уделяется особое внимание участию юридического лица, потерпевшего от преступления, а также проблем, касающихся обеспечения его

прав и законных интересов при регистрации и проверке повода к возбуждению уголовного дела.

Следует отметить, что в юридической науке долгое время обсуждается дискуссионная проблема о необходимости стадии возбуждения уголовного дела. Некоторые ученые отрицают самостоятельность и незаменимость рассматриваемой стадии в уголовном

судопроизводстве [4; 3]. Сторонники оппозиционного мнения поддерживают обоснованность и необходимость стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства [12]. Безусловно, значение стадии возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве России и Вьетнама нельзя недооценивать.

Главная задача данной стадии состоит в том, что на основе поступивших поводов необходимо установить наличие или отсутствие определенного уголовно-процессуальным законом основания для возбуждения уголовного дела, т.е. должны быть определены все необходимые признаки, которые входят в состав предусмотренного уголовным законом преступного деяния [2; 9, с. 10].

В качестве самостоятельной части уголовного судопроизводства, стадия возбуждения уголовного дела характеризуется не только особенностями уголовно-процессуальной деятельности лиц, уполномоченных на осуществление уголовного преследования, но и обеспечением прав и законных интересов лиц, принимающих участие в данной стадии. Поскольку, выполненные на данной стадии процессуальные действия, обладающие властно-обязательным характером, могут в той или иной мере затронуть права и законные интересы участвующих в ней лиц, в том числе и юридических лиц. Кроме того, из-за своей природной характеристики, рассматриваемые нами юридические лица не могли самостоятельно осуществить принадлежащие ими права и защитить свои законные интересы без помощи своего представителя. Хотя в последнее время, законодатель России и Вьетнама уделяет большое внимание вопросу об участии юридических лиц, потерпевших от преступлений в производстве по уголовным делам. Однако, в настоящее время, как в теории, так и в правоприменительной практике существуют проблемы, связанные с обеспечением прав и законных интересов изучаемых нами юридических лиц, которые требуют своего разрешения.

Следует отметить, что на стадии возбуждения уголовного дела, не появляются все участники уголовного судопроизводства (в том числе и потерпевший). Поэтому юридическое лицо, пострадавшее от преступления, на данной стадии не может приобретать процессуальные права, принадлежащие потерпевшим. Вследствие чего возникает вопрос о том, что какими правами наделено юридическое лицо на данной стадии уголовного судопроизводства. Анализ уголовно-процессуального законодательства России и Вьетнама позволяет выделить некоторые отличия в подходе к решению данного вопроса.

В России, согласно действующему УПК РФ, под участником уголовного судопроизводства следует понимать лицо, которое принимает участие в уголовном

процессе, как на стадии предварительного расследования, так и при проведении конкретного процессуального действия [10]. Справедливо отмечает М.С. Строгович, согласно позиции которого, «лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство, приобретают определенные процессуальные права и соответствующие обязанности, реализация которых может быть лишь посредством подобных процессуальных действий» [14, с. 205]. Данное утверждение придерживает и ряд других ученых процессуалистов [13, с. 22].

Таким образом, лица, принимающие участие в приеме, проверке и рассмотрении сообщения о преступлении, в независимости от его собственного желания или вопреки ему, являются участниками уголовного судопроизводства, которые должны обладать соответствующим процессуальным статусом. Однако, в соответствии с действующим УПК РФ, российский законодатель не раскрывает наименование и процессуальный статус лиц, участвующих на стадии возбуждения уголовного дела, что вызывает проблемы, связанные с обеспечением прав и законных интересов указанных лиц [15], в том числе и юридических лиц, которым преступлением причинен вред. Именно такие проблемы обуславливают нарушения, допускаемые государственными органами и должностными лицами при приеме, проверке и принятии соответствующих решений по поступившим сообщениям о преступлениях. Об этом свидетельствует официальная статистика, приведенная Генеральной прокуратурой России, согласно которой в периоде с января по декабрь 2019 года было выявлено 3 627 932 нарушений законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, отменено 2 035 927 незаконных и/или необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела¹.

В российской юридической науке долгое время был и остается дискуссионным вопрос о возможности юридического лица быть заявителем о преступлении. Мнение ученых разделится в данном аспекте на две группы.

К первой группе относится ряд ученых, придерживающих позицию, согласно которой, заявителем о преступлении может быть только физическое лицо [5; 1, с. 143]. Их аргумент заключается в том, что ч. 6 ст. 141 УПК РФ предусматривает необходимость предупреждения заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ). Разумеется, такая ответственность предусматривается только для физических лиц. Однако, как определил российский законодатель, такое предупреждение должно

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru>. (дата обращения: 03.07.2020).

отмечаться в протоколе и удостоверяться подписью заявителя. Действительно, в данном случае речь идет об устном заявлении [8, с. 57], что не увязывается с юридическими лицами.

Противники вышеуказанного мнения подтверждают свою позицию тем, что наряду с физическими лицами, заявителем о преступлении также может быть и юридическое лицо [6, с. 169; 7; 11]. Мы солидарны с позицией второй группы ученых-процессуалистов. Как показывает практика, заявления от юридических лиц о преступлениях, поступившие в уполномоченные органы, служит поводом для возбуждения уголовного дела.

После того, как подано заявление о преступлении, юридическое лицо, пострадавшее от преступления, участвует в стадии возбуждения уголовного дела в качестве заявителя. В тоже время следует уточнить, что заявитель не входит в состав участников уголовного судопроизводства, перечень которых определяется законодателем в разделе II УПК РФ.

Обзор положений УПК РФ показывает, что законодатель не определил права и обязанности заявителя на стадии возбуждения уголовного дела. Данное лицо приобретает права, перечисленные в ч. 2 ст. 144 УПК РФ, лишь только при участии в производстве процессуальных действий по проверке заявления, подаваемого им в уполномоченные государственные органы. Здесь необходимо учитывать собственную характеристику юридического лица, заключающуюся в том, что оно не может самостоятельно участвовать в процессуальных действиях без своего представителя. Таким образом, фактически участвует в производстве по проверке сообщения о преступлении не юридическое лицо, а именно его представитель. Буквальное толкование ч. 2 ст. 144 УПК РФ свидетельствует о том, что в данном случае только представитель юридического лица, пострадавшего от преступления имеет возможность осуществления таких прав, предусмотренных законодателем в ч. 2 ст. 144 УПК РФ, а вопрос о том, наделено ли указанное юридическое лицо такими правами практически так и не решен. Причем российский законодатель не упоминает в УПК РФ положение о представителе лиц, принимающих участие в производстве по проверке сообщения о преступлении.

Как уже отмечалось, стадия возбуждения уголовного дела, согласно УПК СРВ, представляет собой стадию уголовного судопроизводства, которой посвящена отдельная глава IX. Хотя в данной главе, само понятие стадии возбуждения уголовного дела не раскрывается, однако вьетнамский законодатель подробно определяет ее содержание и порядок производства. На стадии возбуждения уголовного дела, уполномоченные органы и должностные лица, в пределах предусмотренной уголовно-процессуальным

законодательством компетенции, обязаны проводить действия (процессуальные и непроцессуальные) по установлению наличия признаков преступлений, в результате которых принимать одно из двух процессуальных решений: выносить постановление о возбуждении уголовного дела либо постановление об отказе в возбуждении уголовного дела¹. Кроме этого, уполномоченные органы в исключительных случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 148 УПК СРВ, вправе принять решение о приостановлении рассмотрения сообщения о преступлении. Однако, как отметил Н.В. Тиен, «данное решение не является основным и не имеет окончательный характер для стадии возбуждения уголовного дела» [16, с. 84].

Как и в России, необходимое условие для принятия процессуальных решений на данной стадии является поступление в уполномоченные органы сообщения о совершенном или готовящемся преступлении.

Отмечается, что вьетнамский законодатель в УПК СРВ прямо определяет, что в качестве повода для возбуждения уголовного дела выступает информация о преступлении, которая поступила из учреждения, организации или от частного (физического лица). Таким образом, будет вполне обоснованным утверждать о том, что право на заявление о преступлении принадлежит не только физическим лицам, но и юридическим лицам, поскольку юридическое лицо, согласно вьетнамскому гражданскому законодательству, является разновидностью организации. Данное утверждение не вызывает сомнения как с научной точки зрения, так и в правоприменительной практике.

Следует отметить, до момента принятия УПК СРВ 2015 года, во вьетнамском уголовном процессе процессуальное положение заявителя о преступлении не учитывалось. Указанное лицо, участвуя в стадии возбуждения уголовного дела, не имело процессуального статуса. Законодатель, согласно ч. 3 ст. 103 УПК СРВ 2003 года, определял две обязанности следственного органа в пользу лица, заявляющего сообщение о преступлении: во-первых, следственным органам обязательно нужно было уведомить заявителя о результате рассмотрения заявления, в тоже время в УПК СРВ 2003 не были предусмотрены порядок, форма, и срок такого уведомления; во-вторых, следственный орган обязан был обеспечить меры безопасности для заявителя, а соответствующее право заявителя в УПК СРВ 2003 не указывалось, и инициатива оказания мер безопасности в полном объеме зависела от усмотрения следственного органа. Такие пробелы в УПК СРВ 2003 вызывали на практике ряд вопросов, связанных с уча-

¹ Phạm Thái. Khởi tố vụ án trong tổ tụng hình sự Việt Nam. Luận án tiến sĩ Luật học. Tp. Hồ Chí Minh. Năm 2017. Trang 31. (Источник переведен автором: Фам Тхан. Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Вьетнама: Дисс... докт. юрид. наук. г. Хошимин, 2017. С. 31).

ствием заявителя¹.

В соответствии с положениями действующего УПК СРВ данный пробел прекратил свое существование. В настоящее, предоставляя заявление о преступлении в уполномоченные органы, юридическое лицо одновременно приобретает официальный процессуальный статус заявителя. В соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК СРВ юридическое лицо, представляющее заявление о преступлении вправе ходатайствовать уполномоченным органам сохранить его конфиденциальность, осуществлять меры по защите имущества, деловой репутации, иные права и законные интересы при наличии угрозы их нарушения.

Данное юридическое лицо не вправе уклоняться от явки по вызову уполномоченных органов и заявлять заведомо ложное сообщение. Представляется обоснованным признать целесообразным наличие процессуального статуса заявителя о преступлении в уголовно-процессуальном законодательстве Вьетнама. Данная новизна является позитивным шагом, позволяющим не только совершенствовать систему законодательства Вьетнама, но и повышать эффективность защиты прав и законных интересов граждан и организации от преступных посягательств.

Однако, по нашему мнению, перечень прав заявителя, указанный в ч. 1 ст. 56 УПК СРВ в настоящий момент не достаточен, особенно когда заявителем является юридическое лицо. В частности, законодатель не упоминает право представлять материалы и доказательства, связанные с совершенным или готовящимся преступлением; право требовать возмещение причиненного преступлением вреда; право ознакомиться со всеми материалами проверки после отказа в возбуждения уголовного дела. Кроме этого, отсутствует и в процессуальном статусе заявителя по УПК СРВ право, имеющее существенное значение для заявителя юридического лица – иметь представителя.

В заключение следует сделать обоснованный и доказанный вывод о том, что проведенный автором анализ проблем обеспечения прав и законных интересов юридических лиц, заявивших о преступлении, на стадии возбуждения уголовного дела, как в УПК России, так и в УПК Вьетнама, свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования процессуального статуса заявителя, с целью эффективной

защиты прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений.

Литература

1. Безлепкина Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах. 9-е издание. Учебное пособие. Изд. Проспект. М., 2017.
2. Брусницын Л.В. О стадии возбуждения уголовного дела. Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 3 (4). С. 158-161.
3. Гаврилов Б.Я. Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного процесса: нужна ли она российскому предварительному расследованию и в каком виде? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4. С. 86-90.
4. Гаджирамазанова П.К., Рабданова М.Г. К вопросу о необходимости отказа от стадии возбуждения уголовного дела // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т.21. № 1. С. 124-128.
5. Гребенщикова А.А. Общая характеристика «заявления о преступлении» как повода возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. 2016. № 14 (118) С. 438-442.
6. Ершов В.В. Основы уголовного судопроизводства: Учебник для бакалавров / Под ред. В. А. Давыдова. М.: РГУП, 2017.
7. Иванов Д.А., Угольников А.В. Заявление о преступлении, исходящее от юридического лица, как повод для возбуждения уголовного дела / Налоги. 2009. № 24. С. 9-13.
8. Клещина Е.Н., Шаров Д.В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Монография. Изд.- Юрлентинформ. М., 2012.
9. Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.
10. Миронова А.В. Заявитель и очевидцев как участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 84-88.
11. Муженская Н.Е., Костылева Г.В. Заявитель – участник уголовного судопроизводства. Законность. 2012. № 7 (932). С. 52-56.
12. Румянцева М.О., Ажибеков М.А. Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Института мировых цивилизаций. 2017. № 14. С. 6-7.
13. Ряполова Я.П. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела. Монография. Курск, 2016.

¹ См: Bình luận khoa học Bộ luật tố tụng hình sự Việt Nam 2003. Chủ biên: PGS-TS Nguyễn Ngọc Anh. Nhà xuất bản Chính trị quốc gia. Hà Nội, 2004. Trang 256-257 (Источник переведен автором: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Вьетнама 2003 года. Под ред. докт. юрид. наук Нгуен Нгок Анх. Изд.: Государственная политика. Ханой, 2004. С. 256-257); Nguyễn Ngọc Chí. Hoàn thiện pháp luật tố tụng hình sự – yếu tố quan trọng trong việc đảm bảo quyền con người. Tạp chí Khoa học ĐHQGHN, Luật học. Số 27. 2011. Trang 221-239. (Источник переведен автором: Нгуен Нгок Чи. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства – важный элемент в обеспечении прав человека. Научный журнал Ханойского государственного университета. Серия Юриспруденции. 2011. № 27. С. 221-239.

14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Изд. Наука, 1968.
15. Татьяна Д.В. Участники предполагаемого уголовно-правового конфликта в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и права. 2020. Т. 30. № 2. С. 297-304.
16. Нгуен Ван Тиен. Возмещение вреда в уголовном судопроизводстве Вьетнама. Под ред. П.В. Фадеева. Монография. «Юрлитинформ». М., 2019.
7. Ivanov D.A., Ugolnikov A.V. Statement of a crime coming from a legal entity as a reason for initiating a criminal case / Taxes. 2009. No. 24. P. 9-13.
8. Kleshchina E.N., Sharov D.V. participation of the victim in criminal proceedings. Monograph. Ed.Yurlintinform. M., 2012.
9. Koridze M.T. Modern problems of the stage of initiation of a criminal case and means of their solution: autoref. Diss. Cand. the faculty of law. Sciences. Nizhny Novgorod, 2006.
10. Mironova A.V. Applicant and eyewitnesses as participants in criminal proceedings with an uncertain procedural status // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. No. 9. Pp. 84-88.
11. Muzhenskaya N.E., Kostyleva G.V. the Applicant is a participant in criminal proceedings. Legality. 2012. № 7 (932). p. 52-56.
12. Rumyantseva M.O., Azhibekov M.A. Concept and significance of the stage of initiation of a criminal case // Bulletin of the Institute of world civilizations, 2017, No. 14, pp. 6-7.
13. Ryapolova Ya.P. Criminal procedure activity at the stage of initiation of a criminal case. Monograph. Kursk, 2016.
14. Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. The main provisions of the science of the Soviet criminal process. Vol. 1. M.: Ed. Nauka, 1968.
15. Tatyana D.V. Participants in the alleged criminal-legal conflict at the stage of initiation of a criminal Case // Bulletin of the Udmurt University. Economics and law series, 2020, Vol. 30, No. 2, pp. 297-304.
16. Nguyen Van Thien. Compensation for damages in criminal proceedings in Vietnam. Under the editorship of P. V. Fadeev. Monograph. "Yurlitinform", Moscow, 2019.

References

1. Bezlepkin B.T. criminal process in questions and answers. 9th edition. Textbook. Ed. Prospect. M., 2017.
2. Brusnitsyn L.V. On the stage of initiation of criminal proceedings. Russian journal of legal research, 2015, vol. 2. № 3 (4). Pp. 158-161.
3. Gavrilov B.Ya. Initiation of a criminal case as a stage of the criminal process: is it necessary for the Russian preliminary investigation and in what form? // Crime investigation: problems and solutions. 2016. No. 4. Pp. 86-90.
4. Kagirmanov P.K., Rabadanova M.G. To the question about the necessity of abandoning the stage of initiation of criminal case // Legal Bulletin of the DSU. 2017. T. 21. No. 1. S. 124-128.
5. Grebenshchikova A.A. General characteristic "statements about the crime" as a pretext of a criminal case // Young scientist. 2016. № 14 (118) p. 438-442.
6. Yershov V.V. Fundamentals of criminal proceedings: Textbook for bachelors / Ed. by V.A. Davydov. M.: rsup, 2017.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ОХРАНЕ ЖИЛИЩА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), К КОТОРОМУ ПРИМЕНЕНА МЕРА ПРИНУЖДЕНИЯ, СВЯЗАННАЯ С ОГРАНИЧЕНИЕМ СВОБОДЫ

Анастасия Сергеевна Грачева, адъюнкт ФПНПиНК

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: nastyabooble@mail.ru

Научный руководитель: профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор **О.В. Волынская**

Рецензент: кандидат юридических наук **Д.А. Григорьев**

Аннотация. На основе проведенного анализа автор раскрывает специфику реализации мер по охране жилища подозреваемого (обвиняемого) в соответствии с нормами межотраслевого законодательства и правоприменительной практикой. Предлагается возможный механизм реализации мер по обеспечению сохранности жилища, оставшегося без присмотра. Кроме того автор раскрывает содержание каждого этапа, применения «охранительных» мер и определяет круг лиц, на которых должны быть возложены обязанности по их исполнению.

Ключевые слова: жилище (жилое помещение), охранительные меры, обвиняемый (подозреваемый), меры по обеспечению сохранности жилища, межотраслевое законодательство.

SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF MEASURES TO PROTECT THE HOME OF A SUSPECT (ACCUSED) WHO HAS BEEN SUBJECTED TO A COERCIVE MEASURE RELATED TO RESTRICTION OF FREEDOM

Anastasia S. Gracheva, Adjunct of FPNPiNK

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: nastyabooble@mail.ru

Scientific leader: Professor of the Department of Criminal Process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor **O.V. Volynskaya**

Reviewer: Candidate of Legal Sciences **D.A. Grigoryev**

Abstract. Based on the analysis, the author reveals the specifics of implementing measures to protect the home of a suspect (accused) in accordance with the norms of intersectoral legislation and law enforcement practice. It is suggested a possible mechanism for implementing measures to ensure the safety of homes left unattended. In addition, the author reveals the content of each stage, the application of "protective" measures and defines the circle of persons who should be assigned the duties of their execution.

Keywords: housing (residential premises), protective measures, the accused (suspect), measures to ensure the safety of housing, intersectoral legislation.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Грачева А.С. Специфика реализации мер по охране жилища подозреваемого (обвиняемого), к которому применена мера принуждения, связанная с ограничением свободы. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):158-161.

По содержанию часть 1 статьи 1; статья 2; часть 1 статьи 7; статьи 17 и 18 Конституции Российской Федерации, вступившей в законную силу в 2020 году человек, его права и свободы провозглашаются высшей

ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, что обеспечивается системой правосудия, а также совокупностью мер уголовного судопроизвод-

ства, определенных не только текстом УПК РФ, но и рядом федеральных законов и ведомственных нормативных актов.

Жилище, бесспорно, в силу естественных потребностей человека, является особым объектом охраны, в том числе конституционно-правовой. Помимо того, что оно может являться непосредственным объектом, также может быть связано с другими конституционными правами и свободами, что предусмотрено ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 45, ч. 1 и ч. 2 ст. 46, п. «в» ст. 71 Конституции Российской Федерации (далее Конституция РФ). Жилище может выступать объектом некоторых правоотношений, например, ч. 1 ст. 23, ст. 25, ч. 1 ст. 35, ч. 1 ст. 40 Конституции РФ, которые предусматривают обязанность государства осуществлять как правовые, так и организационные меры, направленные на защиту жилища или право на него. Особенное внимание, должно быть уделено ситуации, при которой человек в силу объективных причин не имеет возможности самостоятельно «позаботиться» о жилище или, в случае, если такая «забота» существенно затруднена. Таким случаем, может являться применение задержания или заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого). Кроме того, меры не могут приводить к произвольному ограничению прав и свобод, как собственника, так и других лиц (содержание возлагаемых обязанностей должно быть понятным всем: должен быть определен порядок их исполнения и источник финансирования) [8, С. 38].

Уголовное преследование в значительной мере может ограничивать права и свободы участников уголовного судопроизводства, в большей степени подозреваемого (обвиняемого). В силу особой правовой охраны жилища часть 2 статьи 160 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) предусматривает обязанность по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемых (обвиняемых), задержанных или заключенных под стражу, которая входит в круг полномочий следователя (дознателя).

При этом в соответствии со ст.ст. 1 и 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), подозреваемый (обвиняемый) имеет право на охрану жилища, гарантированного государством, лишь в случае отсутствия реальной возможности, к самостоятельному обеспечению его сохранности, обеспечить осуществление присмотра за ним.

Наделение должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации указанными полномочиями для защиты, с одной стороны, прав и интересов подозреваемого (обвиняемого), связанных с обладанием им жилищем (жилым помещением), а с другой – публичного интереса, который состоит, в том числе в

исключении бесхозяйственного обращения с жилыми помещениями, согласуется с конституционно-правовым назначением уголовного судопроизводства.

Несмотря на то, что фактически подозреваемый (обвиняемый) лишен возможности пользоваться находящимся в его собственности жилым помещением для личного проживания в связи с задержанием или заключением под стражу, он имеет право предоставить такое помещение для проживания членам семьи или иным гражданам. В таком случае, в ст. 31 ЖК РФ предусмотрены равные права собственника и членов его семьи, если они вселены им в качестве членов своей семьи, по пользованию данным жилым помещением. Данное помещение должно использоваться по назначению, а именно для проживания. Кроме того, данное право коррелировано солидарной ответственностью по обязательствам с собственником, и обеспечением сохранности данного имущества. Также, в случае заключения соглашения между собственником и членами его семьи, могут быть установлены дополнительные обязанности. Таким образом, если гражданин, пользующийся жилым помещением на основании договора с собственником данного помещения, обладает соответствующим правом, то и выполняет обязанности и несет ответственность по условиям такого соглашения (ч. 7 ЖК РФ). Действующее уголовно-процессуальное и гражданское законодательство, не ограничивает подозреваемого (обвиняемого) задержанного или заключенного под стражу в праве на заключение гражданско-правовых договоров, в том числе и на охрану жилища или иного имущества [6]. Помимо этого, подозреваемый (обвиняемый) имеет возможность заключать договор аренды, договор безвозмездного пользования с гражданами, для их дальнейшего проживания в жилом помещении, а также с юридическими лицами – договор его аренды. Кроме того, согласно п. 4 ст. 209 и ст.ст. 1012-1026 ГК РФ существует право передачи жилого помещения в доверительное управление лицу на определенный срок. В таком случае, данное лицо будет являться доверительным управляющим, и в его обязанности будет входить управление имуществом в интересах собственника (указанного им третьего лица).

В случае, если у подозреваемого (обвиняемого) существует объективная возможность охраны жилого помещения и (или) имущества гражданско-правовыми средствами, но он уклоняется от этого, дознаватель (следователь) в рамках осуществления охранительной функции имеет право возложить обязанность по принятию мер обеспечения сохранности имущества на подозреваемого (обвиняемого) задержанного или заключенного под стражу, который является собственником данного жилища и (или) имущества. К при-

меру, приговором Новошахтинского районного суда Ростовской области от 3 сентября 2010 г. гражданин Я. осужденный к 5 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. В 2012 году он обратился с ходатайством о принятии мер по обеспечению сохранности его имущества, которое после смерти его отца в 2011 г., осталось без присмотра, состоящее из домовладения с постройками, указав на отсутствие лиц, которые могли бы присмотреть за жилищем, в связи с чем просил принять меры по обеспечению сохранности имущества до освобождения его из мест лишения свободы. Следовательно, пока существовала возможность самостоятельно осужденным обеспечить присмотр за имуществом по договоренности с отцом, ходатайство не подавалось [5].

Полагаем, что исходя из смысла содержания ч. 2 ст. 160 УПК РФ, дознаватель (следователь) обязан выносить постановление о принятии мер по охране остающегося без присмотра жилого помещения и (или) имущества, если установлено, что в данном помещении никто не проживает. Это не распространяется на ситуацию, когда не предприняты самостоятельные меры по охране принадлежащего ему жилого помещения (имущества), но существует реальная возможность для этого, факт которой должен быть зафиксирован официально.

На этом этапе в круг полномочий дознавателя (следователя) не входит непосредственное осуществление мер охраны. При этом ч. 2 ст. 160 УПК РФ не определяет круг лиц, на которых возлагается обязанность по реализации охранительных мер. При этом отсутствует и перечень этих мер, порядок и иные вопросы исполнения. Очевидно, что данные вопросы носят межотраслевой характер, однако отсутствуют положения, которые определяли бы механизм реализации данной нормы.

В настоящее время сложилась практика возложения обязанности по реализации мер охраны жилища подозреваемого (обвиняемого), остающегося без присмотра на период его задержания или заключения под стражу на органы местного самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства. К примеру, можно обратить внимание, когда обязанность по принятию мер по охране жилого помещения подозреваемого (обвиняемого) возлагалась наравне с органом местного самоуправления на управляющие компании (осуществляющих деятельность на коммерческой основе), на Федеральные службы судебных приставов (что явно выходит за рамки их полномочий) и на органы внутренних дел. При этом оформление применения мер по охране осуществляется путем вынесения соответствующего процессуального документа – отдельного поручения органу дознания.

Отсутствие законодательного регулирования ставит под сомнение эффективность и возможность реального исполнения и принятия таких мер. В связи с этим представляется возможным, в случае если у подозреваемого (обвиняемого) отсутствует возможность самостоятельного принятия мер по охране жилища, предложить следующий механизм реализации мер по охране жилища [7, С. 134-135]. Необходимо возложить исполнение таких мер на конкретных субъектов в зависимости от их содержания. Первый этап должен заключаться в опечатывании жилого помещения с последующей периодической проверкой. Данные действия по своей природе должны осуществляться территориальным органом внутренних дел.

Второй этап предполагается, будет заключаться в запрете регистрации граждан в жилом помещении без согласия собственника (подозреваемого (обвиняемого) задержанного или заключенного под стражу). Данную обязанность необходимо возложить на органы регистрационного учета граждан Российской Федерации. При этом необходимо обеспечить запрет совершения каких-либо сделок с недвижимостью без личного участия собственника (его законного представителя), это должно контролироваться территориальным органом Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии [4]. Иные обязанности, связанные с охраной жилого помещения, необходимо возложить на администрацию муниципального образования (поселения, городского округа, муниципального округа) с учетом особенностей организации местного самоуправления. При этом возмещение расходов на принятие мер по охране жилого помещения за счет органа, на который эти функции будут возложены в соответствии с новым правовым регулированием.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч.1 и Ч.2: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.11.2020).
3. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // КонсультантПлюс: справочно-

- правовая система URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 02.11.2020).
- Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск» // Гарант: справочно-правовая система URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74262626/> (дата обращения: 02.11.2020).
 - Постановление № 22-2464/2014 от 14 мая 2014 г. по делу № 22-2464/2014 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Офиц. сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oiRxh6lIxkdL/> (дата обращения: 08.11.2020).
 - Власова Н.А. Применение попечительных и обеспечительных мер в отношении иждивенцев и имущества подозреваемого, обвиняемого // Российский следователь. 2016. № 11.
 - Логачев К.К. К вопросу о мерах по обеспечению сохранности имущества подозреваемого или обвиняемого // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-1.
 - Цоколова О.И., Сурыгина Н.Е. Порядок заключения и содержания под стражей на стадии предварительного расследования. М., 2003.
 - from 01.07.2020 N 11-FCL) // collected legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, N 31, art. 4398.
 - The civil code of the Russian Federation. Part 1 and part 2: Feder. law of 30.11.1994 No. 51-FZ (ed. of 08.12.2020) // ConsultantPlus: reference and legal system URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 02.11.2020).
 - Housing Code of the Russian Federation: feder. law of 29.12.2004 N 188-FZ (ed. of 27.10.2020) // ConsultantPlus: reference and legal system URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (accessed: 02.11.2020).
 - The decision of the constitutional Court of the Russian Federation of July 9, 2020 n 34-P “On business about check of constitutionality of part two of article 313 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in connection with the complaint of administration of municipal formation Murmansk city” // Garant reference legal system URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74262626/> (accessed: 02.11.2020).
 - Resolution no. 22-2464 / 2014 of may 14, 2014 in case no. 22-2464/2014 // Internet resource Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (sudakt) [Ofic. website]. url: <https://sudact.ru/regular/doc/oiRxh6lIxkdL>
 - Vlasova N. A. application of guardianship and security measures in relation to dependents and property of the suspect, the accused // russian investigator. 2016. № 11.
 - Logachev K. K. On the issue of measures to ensure the safety of the property of the suspect or accused // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2017. No. 17-1.
 - Tsokolova O. I., Surygina N. E. The procedure for detention and detention in custody at the stage of preliminary investigation. M., 2003.

References

- The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 N 6-FKZ, from 30.12.2008 N 7-FCL from 05.02.2014 No. 2-FKZ,

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Тигран Артемович Григорян, соискатель кафедры предварительного расследования
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Представлен исторический экскурс в становление и развитие института доказательств в уголовно-процессуальной науке. Установлено, что действующая редакция ст. 81 УПК РФ не содержит понятия вещественных доказательств, что порождает проблемы в практической деятельности при признании различных объектов материального мира в качестве вещественных доказательств. В заключение предлагается дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 5.1, который содержит понятие вещественных доказательств.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, досудебное производство, следователь, дознаватель, вещественные доказательства.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF EVIDENCE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tigran A. Grigoryan, Candidate of the Department of Preliminary Investigation
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. In this article, the author studies the historical background of the formation and development of the institute of evidence in criminal procedure science. The author found that the current version of Article 81 of the Code of criminal procedure does not contain the concept of material evidence, which creates problems in the practice of officials conducting criminal proceedings when recognizing various objects of the material world as material evidence. In conclusion, it is proposed to supply Article 5 of the Code of criminal procedure with paragraph 5.1, which contains the concept of material evidence.

Keywords: evidence, proof, pre-trial proceedings, investigator, inquirer, physical evidence.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Григорян Т.А. Становление и развитие института доказательств в российском уголовном процессе. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):162-5.

Говоря о становлении и развитии института доказательств в отечественной уголовно-процессуальной науке, нельзя не согласиться с мнением Н.С. Алексеева о том, что «учение о доказательствах является одной из важнейших частей уголовного процесса» [1, с. 122].

Исходя из заявленной темы настоящей статьи, автор полагает необходимым рассмотреть исторический экскурс становления и развития института доказательств.

В частности, детальное изучение теоретических

основ такого уголовно-процессуального института, как доказательства, приводит нас к выводу об отсутствии однозначной трактовки понятия «вещественное доказательство». Связано это, прежде всего с многогранностью самих объектов материального мира, которые могут выступать в качестве таковых.

В теории уголовного судопроизводства еще в начале XIX века приводились различные их определения. Так, С.В. Позднышев высказывал мнение о том, что «вещественными называются те доказательства по

делу, которые состоят из внешних предметов» [7, с. 231].

Статья 371 Устава уголовного судопроизводства от 24 ноября 1864 г. признавала вещественными доказательствами: 1) поличное, 2) орудие, коим совершено преступление, 3) подложные документы, 4) фальшивые монеты, 5) окровавленные или поврежденные предметы и т.п.» [10, с. 227].

В советском уголовном процессе вещественными доказательствами являлись различные предметы (вещи), путем осмотра и исследования которых могли быть в установленном законом порядке доказаны факты, относящиеся к данному делу и имеющие значение для правильного его разрешения (ст. 83 УПК РСФСР).

В наши дни, характеризуя вещественные доказательства П.А. Лупинская утверждает, что они представляют собой «материальные следы преступления, оставленные на предметах материального мира» [8, с. 183].

Отождествляя понятие вещественных доказательств с материальной их сущностью Ю.П. Боруленков уточняет, что вещественными доказательствами являются «объекты материального мира, на которых отразились следы взаимодействия с иными материальными объектами или человеком» [2, с. 17].

Аналогичную позицию высказывают В.Г. Глебова и Е.А. Зайцева, по мнению которых под вещественными доказательствами понимается «совокупность источников доказательственной информации основным носителем которой являются объекты материального мира» [4, с. 231].

Однако следует дополнить указанные позиции и мнением о том, что в случаях, когда следы преступления были обнаружены не в сознании людей, а на материальных носителях, а сведения устанавливаются самим следователем или дознавателем при помощи органов чувств, а при необходимости – с использованием технических средств, данные доказательства называются вещественными.

Для сущности понятия «вещественное доказательство» характерно:

- наличие свойств и признаков вещественных объектов, на основании которых устанавливается предмет доказывания;
- возможность непосредственного восприятия следователем (дознавателем), прокурором и судом этих свойств и признаков;
- процессуальное закрепление фактических данных, полученных от вещественных объектов;
- вещественные доказательства не любые предметы, а лишь такие, которые имеют связь с действиями, относящимися к исследуемому событию [1, с. 165].

Говоря о содержании вещественных доказательств,

небезосновательно утверждает Ю.В. Худякова, «о необходимости выработки универсального подхода к вещественным доказательствам, который позволил бы устранить разрыв между содержанием вещественных доказательств и их процессуальной формой, а также учесть специфическую природу вещественных доказательств» [11, с. 35].

Интересную точку зрения выдвигал в свое время А.А. Эйсман который указывал, что «все доказательства могут быть подразделены на сообщения, исходящие от лиц (личные доказательства) и вещественные доказательства» [12, с. 129].

В то же время были и противники данной теоретической позиции. В частности, В.Я. Дорохов, критикуя данную точку зрения, отмечал, что «с этим положением нельзя согласиться. Содержание и форма присущие всем вещам, процессам и явлениям объективного мира, в том числе и судебным доказательствам» [5].

И здесь, говоря о важности разработки единого подхода к понятию и сущности вещественных доказательств в уголовно-процессуальной науке и их роли в процессе доказывания при расследовании преступлений, абсолютно верно утверждает М.А. Кочкина, отмечая, что «именно в вещественных доказательствах, отражаются обстоятельства рассматриваемого дела» [6, с. 71].

Мы также едины с позицией М.А. Кочкиной, так как посредством сбора, тщательного исследования и приобщения к уголовному делу вещественных доказательств следователь, дознаватель в процессе производства предварительного расследования, а суд (судья) в ходе рассмотрения дела по существу познает истинную картину произошедшего события и может принять обоснованное, мотивированное и законное решение.

Вещественными доказательствами в зависимости от конкретной следственной ситуации и категории совершенного уголовно-наказуемого деяния могут выступать крайне разноплановые объекты окружающего мира.

Традиционно чаще всего в качестве вещественных доказательств выступают:

- предметы, которые служили орудием преступления;
- предметы, на которых сохранились следы преступления;
- предметы, выступавшие объектом преступного посягательства;
- деньги, имущество и ценности, нажитые преступным путем;
- иные предметы, служащие средством к обнаружению преступления, установлению обсто-

ятельств совершенного уголовно-наказуемого деяния.

Таким образом, можно утверждать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, обновив элементный состав и содержание вещественных доказательств, все же не предоставляет нам четкого их определения [3, с. 292].

В свою очередь, проект УПК РФ в части 1 статьи 78 определял, что «вещественными доказательствами признаются предметы, если есть основания полагать, что они служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий, а также деньги и иные ценности, и все другие предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела»¹.

Действующая редакция ст. 81 УПК РФ, как известно также не содержит понятия вещественных доказательств, ограничиваясь лишь перечислением вышеуказанных объектов, которые могут выступать в роли таковых.

Обращаясь к вопросу о необходимости введения понятия вещественного доказательства в общую часть уголовно-процессуального законодательства мы обратились с вопросом к сотрудникам практических подразделений. Так, на вопрос, усматривают ли они целесообразным решение внести дополнения в статью 5 УПК РФ и сформулировать в общей его части понятие «вещественные доказательства» положительно ответили 87,9 % опрошенных респондентов. При этом опрошенные сотрудники, в большинстве случаев также пояснили, что это внесет определенную ясность в понимании данного термина, как одного из наиболее часто встречаемых на практике видов доказательств, и позволит правильно подходить к их сбору, фиксации и исследованию в ходе производства предварительного расследования.

В частности, предлагается дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 5.1, который изложить в следующей редакции: *«Вещественные доказательства – любые сведения, носителями которых являются предметы, непосредственно имеющие значение для расследуемого уголовного дела, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению вино-*

вных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности, а также протоколы оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и судебных заседаний в случае признания их таковыми в порядке, установленном настоящим Кодексом».

При этом также надо отметить, что не умаляя достоинств и других видов доказательств, мы убеждены в особом предназначении именно вещественных доказательств при расследовании конкретного преступления, так как они максимально верно и точно позволяют воспроизвести истинную картину произошедшего и позволяют сделать это с надлежащим уровнем достаточности, достоверности и объективности.

В заключение следует отметить, что исторический экскурс становления и развития института доказательств в уголовно-процессуальной науке позволил установить факт недостаточной проработки вопросов, связанных именно с сущностью и содержанием одного из наиболее значимого вида доказательств – вещественного доказательства. Сказанное явилось причиной формулирования автором понятия вещественного доказательства и внесения предложения о закреплении его в действующем уголовно-процессуальном законе.

Литература

1. Алексеев Н.С. Доказательства в уголовном процессе. Общие вопросы учения о доказательствах / Учебник Советский уголовный процесс: под ред. Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевича. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989.
2. Боруленков Ю.П. Специфика вещественных доказательств // Уголовный процесс. 2009. № 7.
3. Ванявин Д.В. История развития и становления института вещественных доказательств в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2.
4. Глебова В.Г., Зайцева Е.А. Уголовный процесс. Москва, 2006.
5. Дорохов В.Я. Природа вещественных доказательств / Советское государство и право. 1971. № 10. С. 109-110.
6. Кочкина М.А. Оценка достаточности доказательств на этапе окончания предварительного расследования по уголовному делу: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 197 с.
7. Позднышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. Москва, 1913.
8. Уголовный процесс. Учебник / Под ред. П.А. Лупинской. М.: Юрист, 1995.
9. Уголовный процесс. Учебник / Под ред. С.А.

¹ Статья 78 Проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, внесенного на рассмотрение депутатами – членами Комитета Государственной Думы по законодательству и судебной реформе // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работ Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) / Сборник статей и материалов под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина. М.: Юрист. 2006. С. 371.

- Колосовича и Е.А. Зайцевой. Волгоград: ВА МВД РФ, 2002. С. 147-149.
10. Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие. Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. М.: Городец, 1999.
 11. Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
 12. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967.

References

1. Alekseev N.S. Evidence in criminal proceedings. General questions of the doctrine of evidence / Textbook Soviet criminal procedure: ed. by N.S. Alekseev, V.Z. Lukashevich. L.: Leningrad University press. 1989.
2. Borulnikov Yu.P. Specifics of material evidence // Criminal process. 2009. no. 7.
3. Vanyavin D.V. History of development and formation of the Institute of material evidence in the criminal process of Russia // Actual problems of Russian law. 2009. No. 2.
4. Glebova V.G., Zaitseva E.A. Criminal proceedings. Moscow. 2006.
5. Dorokhov V.Ya. Nature of material evidence / Soviet state and law. 1971. No. 10. P. 109-110.
6. Kochkina M.A. Assessment of the sufficiency of evidence at the end of the preliminary investigation in a criminal case: Diss. ...Cand. the faculty of law. Sciences. M., 2014. 197 p.
7. Pozdnyshev S.V. Elementary textbook of Russian criminal procedure. Moscow. 1913.
8. Criminal proceedings. Textbook / Edited by P.A. Lupinskaya. M.: Yurist. 1995.
9. Criminal proceedings. The textbook / Under the editorship of S.A. Kolosovicha and E.A. Zaitseva. Volgograd: VA Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 2002. P. 147-149.
10. Textbook on the criminal procedure of Russia: Textbook. Author-comp. prof. E.F. Kutsova. M.: Gorodets. 1999.
11. Khudyakova Yu.V. Material evidence in criminal proceedings: dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences. Chelyabinsk, 2006.
12. Eisman A.A. Expert opinion. Structure and scientific justification. M., 1967.

Уголовный процесс. Проблемы теории и практики. Учебник. Под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой. 799 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник соответствует ФГОС высшего образования, определяющим уровень подготовки кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре (направление подготовки 40.07.01 «Юриспруденция»), а также в аспирантуре (направление подготовки 40.06.01 «Юриспруденция»).

Рассматриваются актуальные теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы уголовного судопроизводства. Содержатся правовые основы, отражающие изменения законодательства на момент издания настоящего учебника, обзор теоретических основ, включая основные, наиболее значимые точки зрения, выработанные в науке, проблемные вопросы для научной дискуссии и дальнейших научных исследований.

Для адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций высшего образования, научных работников.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС И ПОКАЗАНИЯ ЗАПОДОЗРЕННОГО ЛИЦА – СТАРЫЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

Кирилл Константинович Клевцов, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76)
E-mail: klevtsov001@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется правовое положение лица, фактически заподозренного в совершении преступления, а также определяется в каких случаях и в какой момент досудебного производства органы предварительного расследования должны придавать указанному лицу процессуальный статус подозреваемого. Вместе с тем автор, на основе теоретико-методологических конструкций, рассматривает вопрос об обладании юридической силой показаний лица фактически заподозренного в совершении преступления и в дальнейшем их использования в качестве показаний подозреваемого без предварительного придания такому допрашиваемому процессуального статуса подозреваемого. В результате чего сформулированы соответствующие выводы, имеющие значение как теоретического, так и прикладного характера, а также предложены варианты их применения в ходе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: заподозренный, подозреваемый, защита, допрос.

THE PROCESS STATUS AND INDICATIONS OF THE SUSPECTED PERSON – OLD SONGS ABOUT THE MAIN

Kirill K. Klevtsov, Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Candidate of Legal Sciences
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (119454, Moscow, prospekt Vernadskogo, d. 76)
E-mail: klevtsov001@gmail.com

Abstract. The article examines the legal status of a person actually suspected of committing a crime, and also determines in what cases and at what point in pre-trial proceedings the bodies of preliminary investigation should give the specified person the procedural status of a suspect. At the same time, the author, on the basis of theoretical and methodological constructions, examines the issue of the legal force of the testimony of a person actually suspected of committing a crime and their further use as testimony of a suspect without first giving such an interrogated the procedural status of a suspect. As a result, the corresponding conclusions are formulated, which are of both theoretical and applied nature, as well as options for their application in the course of criminal proceedings are proposed.

Keywords: suspect, suspect, defense, interrogation.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Клевцов К.К. Процессуальный статус и показания заподозренного лица – старые песни о главном. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):166-9.

Актуальность вопроса

В науке и правоприменительной практике остается

ся не утихающим до сих пор спорный вопрос о придании статуса подозреваемого лицу, фактически заподо-

зренному в совершении преступления¹.

Так, обобщение автором следственно-прокурорской и судебной практики продемонстрировало случаи признания недопустимыми доказательствами протоколов допроса подозреваемых, поскольку в силу буквального толкования УПК РФ отсутствовали предусмотренные ч. 1 ст. 46 УПК РФ формальные условия для придания им данного статуса, а именно: (а) уголовное дело не возбуждалось в отношении конкретного лица; (б) лицо не задерживалось в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ; (с) в отношении лица не применялась мера пресечения.

Правовой анализ ст. ст. 91, 92 и 100 УПК РФ позволяет сделать вывод, что они имеют диспозитивный характер по своей юридической природе, соответственно принятие решение о задержании лица и применения к нему меры пресечения отдается на откуп должностным лицам органов предварительного расследования, поскольку в указанных статьях содержатся следующие формулировки: 1. «орган дознания, дознаватель, следователь вправе (курсив наш – К.К.) задержать лицо по подозрению в совершении преступления...» (ч. 1 ст. 91 УПК РФ); или 2. «дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе (курсив наш – К.К.) избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения...» (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Впрочем, для применения какой-либо меры уголовного-процессуального принуждения (задержание или меры пресечения) должностным лицом органа предварительного расследования предварительно следует установить исчерпывающий перечень оснований, указанных в ст. 91 и 97 УПК РФ, что, разумеется, не всегда могут иметь место быть в действительности.

Правоприменительная практика демонстрирует, что в ходе производства по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления, а не в отношении конкретного лица, в отсутствие достаточных для задержания или избрания меры пресечения возникает необходимость допроса заподозренного в совершении преступления лица.

В некоторых случаях органы предварительного расследования без наличия достаточных к тому оснований все равно применяют меры уголовно-процессуального принуждения, используя в таком случае какие-либо формальные основания, а в некоторых случаях – искусственно их создавая. Очевидно, подобные действия должностных лиц правоохранительных органов свидетельствуют о злоупотреблении и

превышении должностных полномочий, вследствие чего могут расцениваться как незаконное и необоснованное применение мер процессуального принуждения, что не соответствует назначению уголовного судопроизводства и является существенным нарушением их прав.

Определение процессуального статуса заподозренного лица: подходы правоприменителей

Изучение следственной практики указало нам на различные подходы, используемые органами предварительного расследования при решении подобной сложной процессуальной задачи.

I-й подход

К примеру, некоторые следователи возбуждают уголовное дело по факту и наделяют лица, фактически заподозренного в совершении преступления, статусом свидетеля. Однако, как представляется, подобный подход идет в разрез с правовой позицией, изложенной в хрестоматийном *постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 г. № 11-П, озаглавленного в практике, как «Правило Маслова»*². В таком случае, усматривается нарушение со стороны органов следствия конституционных прав лица на защиту, поскольку процессуальный статус свидетеля не предполагает обязательного обеспечения его защитником в силу действующих положений российского уголовно-процессуального закона.

Подобные «процессуальные выходки» органов предварительного расследования выявляются как в рамках процессуального (ведомственного) и судебного контроля, так и в ходе прокурорского надзора посредством анализа уголовного дела, в ходе которого, как правило, выясняется, что уже по итогам рассмотрения сообщения о преступлении были собраны фактические данные, указывающие на лицо, как на лицо, причастное к совершению преступления, соответственно с точки зрения соблюдения уголовно-процессуальной формы такое уголовное дело должно было возбуждено в отношении конкретного лица, а не по факту. По-

¹ Мы солидаризируемся с устоявшимся в науке уголовного процесса определением понятия «заподозренный» под которым понимается лицо, в отношении которого у органов предварительного расследования и дознания появились основания подозревать в совершении преступления, но до момента получения им официального статуса подозреваемого (См.: Чувилов А.А. Институт подозреваемого в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968).

² Напомним про ситуацию с В.И. Масловым. В ходе расследования по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ст. 163 УК, по месту жительства гражданина В.И. Маслова был произведен обыск, после чего он был принудительно доставлен в региональное управление по борьбе с организованной преступностью, где удерживался более 16 часов. За это время в отношении него был проведен ряд следственных действий – опознание, допрос в качестве свидетеля, очная ставка. В ответ на ходатайство В.И. Маслова об обеспечении его помощью адвоката (защитника) следователь разъяснил, что в соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР такая помощь предоставляется только обвиняемому – с момента предъявления обвинения и подозреваемому – с момента объявления ему протокола задержания или постановления о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, а поскольку В.И. Маслов в тот момент по своему процессуальному положению является свидетелем, вследствие чего его просьба не может быть удовлетворена. Протокол о задержании в качестве подозреваемого был объявлен В.И. Маслову после того, как он длительное время находился в положении фактически задержанного, и в отношении него были проведены опознание, допрос в качестве свидетеля и очная ставка.

этому допрос в качестве свидетеля лица, фактически заподозренного в совершении преступления и прове-ряемого в связи с этим на причастность к его соверше-нию, является существенным нарушением его права на защиту, влекущим признание полученных показа-ний недопустимыми доказательствами.

II-й подход

Другие следователи, учитывая опять же правовую позицию, изложенную в постановлении Конституци-онного Суда Российской Федерации по жалобе В.И. Маслова о том, что понятие «подозреваемый» долж-но истолковываться в его конституционно-правовом, а не в придаваемом ему уголовно-процессуальным законом более узком смысле, допрашивают фактиче-ски заподозренное лицо в качестве подозреваемого, несмотря на то, что ни одного процессуального реше-ния, влекущего наделение его указанным статусом, по уголовному делу не было принято. В таком случае сле-дователи, как правило, учитывают зеркальную право-вую позицию, изложенную в *определении Конститу-ционного Суда Российской Федерации от 23.06.2009 г. № 889-О-О*, согласно которой в целях реализации кон-ституционных прав необходимо учитывать не только формальное (процессуальное), но и фактическое по-ложение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование.

Доктринально-практическое осмысление сло-жившейся процессуальной ситуации

Отечественное уголовно-процессуальное законо-дательство определяет понятие и виды доказательств, относя к ним в числе прочих как показания подозре-ваемого, так и показания свидетеля (ст. 74 УПК РФ). В ходе оценки каждого из доказательств, основываясь на критериях, закрепленных в уголовно-процессуальном законе, практические работники должны исходить как из понятия доказательства, так и из процессуальных требований по производству и фиксации хода и ре-зультатов того следственного действия, которым до-казательства получены.

Как представляется, применительно ко второму подходу, который используется должностными лица-ми органов предварительного расследования, послед-ним необходимо выполнять положения ст. 76 УПК РФ, определяющей в свою очередь показания подозревае-мого как сведения, сообщенные им на допросе, про-веденном в ходе досудебного производства в соответ-ствии с требованиями статей 187-190 УПК РФ.

Очевидно, проблема кроется в том, что россий-ский уголовно-процессуальный закон понятие «по-дозрение» не раскрывает по сравнению с феноменом «обвинение», перечисляя только основания для наде-ления лица статусом подозреваемого (ч. 1 ст. 46 УПК РФ).

Правовой анализ таких оснований свидетель-ствует об их исчерпывающем характере. Более того,

первые три обстоятельства, о которых указывает нам законодатель имеют, думается, совсем другое про-цессуальное предназначение (к примеру, применение мер уголовно-процессуального принуждения), допол-нительно являясь условием для формирования ста-туса подозреваемого. Несколько иная ситуация каса-ется другого основания, закрепленного в п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ – наличие уведомления о подозрении в совершении преступления. Однако, такой процессу-альный документ, как известно, является по своему содержанию и сущности аналогом постановлению о привлечении лица в качестве обвиняемого и применя-ется только в ходе производства по уголовным делам в форме дознания¹.

Сказанное свидетельствует, что для допроса в качестве подозреваемого требуется не только нали-чие фактических данных, достаточных полагать о причастности лица к совершению преступления, но и соответствующее процессуальное (формальное) оформление (например, наличие постановления о воз-буждении уголовного дела в отношении такого лица, протокола задержания, постановления о применении меры пресечения или уведомления о подозрении). При этом отсутствие таких официальных документов бу-дет свидетельствовать о незаконности допроса.

Представляется, что «Правило Маслова» не может распространяться на допрос лиц, фактически заподо-зренных в совершении преступления, в качестве по-дозреваемого без соответствующего перед этим при-нятия процессуального решения, установленного в ст. 46 УПК РФ. Это детерминировано в первую очередь тем, что правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформировавшаяся по жалобе В.И. Маслова направлена на реализацию участниками уголовного судопроизводства, в отношении которых фактически ведется избобличительная деятельность со стороны обвинения, права на защиту, о чем может сви-детельствовать тот факт, что Конституционный Суд Российской Федерации в п. 1 данного постановления указал, что предметом рассмотрения по этому делу являются положения части первой статьи 47 УПК РСФСР, определяющие момент допуска защитника к участию в деле.

В рассматриваемом ключе попутно стоит так-же отметить, что конституционное право на защиту должно быть обеспечено и должностными лицами органов, проводящих проверку сообщения о престу-

¹ В этой связи некоторые ученые-процессуалисты ратуют за необходимость вынесения уведомления о подозрении или его аналога не только при расследовании уголовных дел в форме дознания, но также и при производстве предварительного следствия в целях ликвидации «правовой пустоты» в которой оказывается лицо, фактически заподозренное в совершении преступления. (См.: *Давлетов А.А.* Проблема процессуального статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 61-67).

плении, о чем нам указывает Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

Аналогичная ситуация должна разрешаться и при поступлении ходатайства лица, предъявляемого для опознания, не имеющего соответствующего процессуального статуса, об участии защитника. Несоблюдение права на защиту может повлечь за собой признание протокола опознания недопустимым доказательством.

Так, Президиум Нижегородского областного суда исключил из числа доказательств виновности В. протоколы его опознания в связи с несоблюдением его права на защиту при проведении данного следственного действия. Хотя к моменту опознания В. отбывал наказание за совершение другого преступления и был переведен в следственный изолятор для проведения с его участием следственных действий, то есть фактически находился в статусе подозреваемого (несмотря на то, что официально процессуальный статус подозреваемого был оформлен после производства указанных следственных действий), следователь не разъяснил ему право воспользоваться помощью защитника и не обеспечил реализацию этого права¹.

Подобная практика также основана на позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформированной при рассмотрении жалобы господина Усанова.

Согласно обстоятельствам дела 8 августа 2006 года заместителем прокурора Советского района города Астрахани было возбуждено уголовное дело по факту совершения преступления неустановленными сотрудниками милиции. В тот же день на имя заместителя прокурора Советского района города Астрахани оперуполномоченным был подан рапорт о проведении оперативно-розыскных мероприятий, позволивших установить, что данное преступление совершил гражданин Усанов. 9 августа 2006 года Усанов был предъявлен для опознания потерпевшему, в ходе которого не участвовал защитник.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая доводы Усанова о том, что проведение без участия защитника такого следственного действия, как опознание лица, официально не признанного подозреваемым, а лишь рассматриваемого подозреваемым на основании рапорта и других материалов дела указал, что конституционное на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом и применительно к обеспечению данного права понятия «задержанный», «обвиняе-

мый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им уголовно-процессуальным законом более узком смысле. Следовательно, решением Конституционного Суда Российской Федерации поставлена под сомнение легитимность осуществления без участия адвоката (защитника) опознания Усанова, подозреваемого в совершении преступления, но имевшего формальный процессуальный статус подозреваемого на момент выполнения данного следственного действия².

Таким образом, предполагаем, что на сегодняшний день не один из описанных выше подходов, используемых органами предварительного расследования не соответствует уголовно-процессуальной форме. Разумеется, подобные варианты решения сложившейся проблемной ситуации связано в первую очередь не с умышленным обходом правоприменителями отечественного уголовно-процессуального закона, а диктуется отсутствием соответствующих норм и алгоритма действий в данном случае. В силу чего, предполагается использовать уведомление о подозрении в совершении преступления не только при проведении расследования в форме дознания, но также и предварительного следствия при отсутствии, разумеется, предусмотренных законом оснований для задержания и избрания меры пресечения. Такой подход, думается, будет предоставлять дополнительные гарантии участникам уголовного судопроизводства в целях последующего допроса лиц, фактически заподозренных в совершении преступления, в качестве подозреваемых.

Литература

1. Давлетов А.А. Проблема процессуального статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 61-67.
2. Чувилов А.А. Институт подозреваемого в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968.

References

1. Davletov A.A. The problem of the procedural status of a criminally prosecuted person at the stage of initiation of a criminal case // Russian Law Journal. 2015. No. 4. pp. 61-67.
2. Chuvilev A.A. The Institute of the suspect in the Soviet criminal process: autoref. dis. ... cand. yurid. M., 1968.

¹ См.: Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 21.10.2010 г. № 44-у-302/10 // Архив автора.

² Приведенный пример отражен в Информационном письме Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 16.03.2009 г. № 211-5230-09 «Об обеспечении права на помощь адвоката (защитника) при отсутствии у лица формального статуса «подозреваемого».

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ОСОБЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Владимир Викторович Нечаев, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук
Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (143520, Московская область, городской округ Истра, п. Пионерский)

E-mail: nvv9.02@mail.ru

Людмила Евгеньевна Гришко, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Академия ФСИН России (390000, Рязань, Сенная, 1)

E-mail: 9105001000@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с авторской позицией о необходимости экстраполирования функций управления в уголовно-процессуальную деятельность субъектов правоприменения.

Последовательно обосновывается тезис о том, что уголовно-процессуальное управление – это базовая модель научного познания, которая позволит изучать деятельность органов предварительного расследования (и не только) сквозь призму компетентного, профессионального подхода.

Ключевые слова: управление, система, эффективность, органы предварительного расследования, уголовно-процессуальное управление, компетентный подход, функции управления, следователь, органы дознания, уголовно-процессуальная деятельность.

CRIMINAL PROCEDURE DEPARTMENT AS A SPECIAL TYPE OF SOCIAL MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Vladimir V. Nechaev, Associate Professor of the Department of Criminal Proceedings, Candidate of Legal Sciences
Moscow regional branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'
(143520, Moscow region, C.R. Istra, Pionerskiy)

E-mail: nvv9.02@mail.ru

Lyudmila E. Grishko, Associate Professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (390000, Ryazan', Sennaya, 1)

E-mail: 9105001000@mail.ru

Abstract. Discussed the issues related to the author's position on the need to extrapolate the functions of management for the criminal procedure activities of the law enforcement entities.

Consistently the thesis is proved that criminal procedure management is the basic model of scientific knowledge, which will allow studying the activities of preliminary investigation bodies (and not only) through the prism of a competent, professional approach, is consistently justified.

Keywords: management, system, efficiency, preliminary investigation bodies, criminal procedure management, competence-based approach, management functions, investigator, bodies of inquiry, criminal procedure.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Нечаев В.В., Гришко Л.Е. Уголовно-процессуальное управление как особый вид социального управления в системе правоприменительной деятельности. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):170-3.

На сегодняшний день, многие ученые с сожалением констатируют, что УПК РФ, вопреки ожиданиям не стал абсолютно точным и безошибочным источником уголовно-процессуального права [8, с. 5]. Этому свидетельствуют многочисленные поправки и масштабные преобразования целых институтов уголовного судопроизводства. Мы не против изменений, направленных на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Однако при всём желании в них трудно усмотреть системность и последовательность. Например, законодатель коренным образом пересмотрел сущность кассационного и надзорного обжалования, в то время как досудебное производство (за исключением упрощения процедуры дознания) по-прежнему остаётся консервативным, затратным по времени и ресурсам. Так, согласно статье 40 УПК РФ дознание по преступлениям, совершенным в воинских частях, проводят «начальники органов военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов». Предыдущая редакция закона оставляла дознание исключительно на откуп командирам частей, соединений и гарнизонов. Однако зачастую дознание все равно замыкается на командире части и после происшествия следователи и прокуроры нередко опираются на материалы, представленные командованием. Очевидно, что подобная двойственность и, как следствие, «размытые стандарты подследственности» самым существенным образом сказываются на качестве и эффективности дознания [2, с. 52].

Уголовно-процессуальная деятельность, являясь разновидностью познавательной деятельности, подчиняется общим закономерностям, распространяющимся и на все другие ее виды [3, с. 8]. Аксиоматично, что реформирование и совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно быть основано не только на анализе правоприменительной практики, но и на достижениях фундаментальных наук управленческого цикла. Именно управление, как элемент, функция организованных систем — обеспечивает сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ [7, с. 144]. Используемый при этом системный метод позволяет выявить условия оптимального функционирования системы, дать характеристику отдельным элементам деятельности с позиций их эффективности. Возьмём на себя смелость утверждать, что деятельность всех субъектов правоохранительной деятельности происходит в рамках определенного процесса управления, который представляет собой комплекс непрерывных, взаимосвязанных и в последовательном порядке совершаемых действий.

Эффективность функционирования органов предварительного следствия и органов дознания находится

в прямой зависимости от качества проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Именно поэтому деятельность указанных субъектов расследования должна быть системной и целенаправленной по определению. С сожалением приходится констатировать, что данное обстоятельство учитывается далеко не всегда, или попросту игнорируется. В то же время управленческие основы правоохранительной деятельности нельзя полностью проецировать на органы предварительного расследования. Действительно, вряд ли системный, административный и ситуационный подходы в должной мере способны отразить специфику уголовно-процессуальной деятельности вышеуказанных субъектов расследования. В этой связи целесообразно выделить особый вид социального управления — уголовно-процессуальное. Во-первых, органы предварительного расследования реализуют свои полномочия в рамках конкретного уголовного дела. При этом очевидно, что все управленческие решения ни в коем случае не должны противоречить процессуальному статусу субъектов расследования. Во-вторых, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность и органы предварительного следствия, функционируя в одной парадигме уголовного судопроизводства, тем не менее являются двумя самостоятельными подсистемами, элементы которой реализуют свой статус в двух режимах: а) индивидуально и самостоятельно реализуя стоящие перед ними задачи; б) совместно, действуя согласованно и в рамках определенных принципов взаимодействия [11, с. 71-72]. Необходимо подчеркнуть, что органы предварительного следствия в последнем случае будут выступать в качестве организующей, управляющей системы, а органы дознания — в качестве управляемой. Например, исполняя отдельное поручение следователя, органы дознания обязаны выполнить все изложенные в нем предписания в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом [6, с. 47].

Управленческие решения должностных лиц, осуществляющих расследование являются неотъемлемыми составляющими их процессуального статуса. В ходе досудебного производства управляющее (стабилизирующее) воздействие на уголовно-процессуальную деятельность осуществляют: руководитель следственного органа и начальник органа дознания. Своими решениями управленческого и процессуального характера они обеспечивают должную организацию расследования преступлений, сохраняют ее качественную определенность. Важнейшей составляющей уголовно-процессуального управления является обмен информацией между субъектами расследования. Более того, вне этого процесса расследование преступлений невозможно в принципе. Сбор, проверка и оценка доказательств по уголовному делу — не что

инное, как системный поиск, удостоверение и фиксация полученной информации. Больше половины опрошенных следователей и сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, констатировали, что обмен информацией в процессе раскрытия и расследования преступлений – самая эффективная форма взаимодействия. Важнейшим условием ее реализации является соблюдение «процессуальной дисциплины» между взаимодействующими субъектами.

Характеризуя уголовно-процессуальное управление, нельзя не остановиться на такой важнейшей его характеристике, как наличие корреспондирующих прав и обязанностей. Система взаимодействия органов предварительного следствия и дознания будет эффективна ровно настолько, насколько каждый из участников реализует свои права, а также качественно и своевременно исполнит возложенные обязанности. Именно поэтому не только следователь должен быть уведомлен в срок и в должной степени о результатах оперативно-розыскных мероприятий, но и сотрудники органа дознания, которые собирают информацию, должны быть знакомы с материалами предварительного следствия [5, с. 212]. Совершенно недопустима ситуация, когда сотрудники оперативных подразделений не владеют информацией о предмете доказывания по уголовному делу. Именно поэтому важнейшей характеристикой уголовно-процессуального управления является целенаправленность совместных действий и усилий. Цель в управлении всегда выбирается осознанно и реализуется сквозь призму общих мотивов, итогов и усилий [10, с. 163]. В ходе расследования уголовного дела такой целью является объективное и полное раскрытие преступлений, изобличение и справедливое наказание виновных. Опыт работы в органах предварительного следствия свидетельствует, что при постановке целей важно руководствоваться фактами и сопутствующими обстоятельствами, не допуская излишней детализации задач, сковывающих «маневр» исполнителя. Следователь не должен определять характер и степень оперативно-розыскных мер, которые следует реализовать при исполнении данного им поручения. Базовой платформой для успешной реализации управленческих и процессуальных решений является планирование. Если проанализировать динамику развития уголовно-процессуальных отношений, начиная со стадии возбуждения уголовного дела, то мы убедимся, что проведение всех следственных и иных процессуальных действий основано на планировании. Например, в целях отыскания предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, планируется производство обыска, выемки и т.д. План расследования в зависимости от складывающейся следственной ситуации может быть подвергнут соответствующей коррекции по инициативе субъектов расследования.

Планирование как функция управления позволяет эффективно и качественно решать задачи, поставленные перед органами предварительного расследования, позволяя избегать дублирования выполняемых действий и разобщенности при принятии соответствующих решений [4, с. 270-272].

Важнейшей функцией управления является организация. По отношению к деятельности органов предварительного расследования организация выражается в формировании эффективной структуры органов предварительного следствия и органов дознания, определении их компетенции и процессуального статуса. Особое значение имеет организация их взаимодействия, которая представляет собой управленческую деятельность, направленную на организацию функционирования служб и подразделений, согласование и объединение их усилий и возможностей, использование преимуществ их совместной деятельности в целях наиболее успешного решения общих задач [9, с. 132]. Организация, как управленческая функция, предопределяет создание такой структуры взаимодействующих субъектов, которая в полной мере отвечает критериям эффективности и целесообразности. В целях совершенствования уголовно-процессуальной деятельности взаимодействующих субъектов предлагаем ряд мер, направленных на повышение их эффективности. Так, альтернативную подследственность уголовных дел необходимо ликвидировать. Во-первых, расследование различными ведомствами одних и тех же преступлений нарушает компетентностный подход. Во-вторых, разница в материально-техническом обеспечении различных ведомств, осуществляющих предварительное следствие не должна быть столь существенной. В-третьих, сроки расследования должны быть оптимизированы и скорректированы. Производство дознания в сокращенной форме первый шаг на пути к этому. Особую значимость данной функции управления придаёт тот факт, что именно из-за неудовлетворительной организации труда следователи увольняются значительно чаще, чем по другим причинам. Учёт и контроль – самостоятельные функции управления, которые позволяют оценить количественные и качественные характеристики системы органов предварительного расследования. Статистический учет выражается в форме соответствующих отчетов, которые определяют количественные характеристики преступности и результаты деятельности. Правильно организованный учет и соответствующий контроль в должной степени содействуют качеству управленческих процессов, позволяют выявлять уязвимые места в организации предварительного расследования.

Таким образом, методология уголовно-процессуального управления – это, прежде всего, всесторонний и системный анализ деятельности органов пред-

варительного расследования. Именно данный подход не оставляет сомнений в необходимости создания независимой, вневедомственной службы расследования [1, с. 10]. Вместе с тем, в обязательном порядке по делам небольшой и средней тяжести должно быть сохранено упрощенное досудебное производство в форме дознания.

Уголовно-процессуальное управление – это базовая модель научного познания деятельности субъектов правоприменения сквозь призму компетентностного, профессионального подхода. Очевидно, что при таком подходе будет исключен субъективизм и «ведомственная ангажированность» в момент принятия соответствующих решений.

Литература

1. Дурмаева В.А. Процессуальный статус российского следователя // Российский следователь. 2018. № 1. С. 7-11.
2. Лукожев Х.М., Долгов А.М. Дознание как форма предварительного расследования. М.: Юрлитинформ, 2018. 157 с.
3. Малахова Л.И. Методологические основы и предмет уголовно-процессуальной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2011. 160 с.
4. Марков М. Теория социального управления. М.: Прогресс, 1978. 447 с.
5. Миронова А.В. Некоторые проблемы взаимодействия подразделений полиции в досудебном производстве // Проблемы юридической техники и применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Материалы научно-технического семинара. Рязань, 2012. С. 212-214.
6. Нечаев В.В. Исполнение отдельных поручений следователя // Законность. 2007. № 10. С. 47-48.
7. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; / предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. 2816 с.
8. Поляков В.П. Уголовно-процессуальное законодательство современной России: актуальные проблемы и пути их разрешения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 184 с.
9. Телегисова С.С. Процессуальный статус следователя, как субъекта уголовно-процессуальных отношений и степень его процессуальной самостоятельности. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.

10. Теория управления в сфере правоохранительной деятельности / Под ред. В.Д. Малкова: Учебник.: М.: Академия МВД России. 1990. 324 с.
11. Хомколов В.П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход М.: Закон и право. ЮНИТИ, 1999. 191 с.

References

1. Durmaeva V.A. The procedural status of the Russian investigator // Russian investigator. 2018. No. 1. p. 7-11.
2. Lukozhev Kh.M., Dolgov A.M. Inquiry as a form of preliminary investigation. M.: Yurlitinform, 2018. 157 p.
3. Malakhova L.I. Methodological foundations and the subject of criminal procedure activity. Moscow: Yurlitinform, 2011. 160 p.
4. Markov M. Theory of social management. Moscow: Progress, 1978. 447 p.
5. Mironova A.V. Some problems of interaction of police units in pre-trial proceedings // Problems of legal technique and application of criminal and criminal procedure legislation. Materials of the scientific and technical seminar. Ryazan, 2012. pp. 212-214.
6. Nechaev V.V. Execution of individual orders of the investigator. 2007. No. 10. pp. 47-48.
7. New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes. / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Research Foundation; / pres. V.S. Stepin, deputy pres.: A.A. Huseynov, G.Yu. Semigin, uch. sec. A.P. Ogurtsov. Moscow: Mysl, 2010. 2816 p.
8. Polyakov V.P. Criminal procedure legislation of modern Russia: actual problems and ways of their resolution: monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 184 p.
9. Telegisova S.S. The procedural status of the investigator as a subject of criminal procedural relations and the degree of his procedural independence. M.: Yurlitinform, 2012. 192 p.
10. Theory of management in the field of law enforcement / Ed. by V.D. Malkov: Textbook.: M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1990. 324 p.
11. Khomkolov V.P. Organization of management of operational and investigative activities: a systematic approach M.: Law and Law. UNITY, 1999. 191 p.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Мурадин Мухамедович Хамгоков, начальник кафедры огневой подготовки кандидат юридических наук Северо-кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России (360016, г. Нальчик, ул. Мальбахова, № 123)
E-mail: hamgok@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые актуальные проблемы, возникающие при производстве дознания по уголовным делам, в частности, проблемы, возникающие при производстве дознания в сокращенной форме: назначении и прекращении такого производства, правах участников и др. Анализируются конкретные нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; выявляются противоречия в них, предлагаются авторские варианты решения возникших коллизий. Делаются корреспондирующие проведенному исследованию выводы.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, дознаватель, потерпевший, подозреваемый, дознание, дознание в сокращенной форме, форма дознания, уголовно-процессуальный кодекс, права и обязанности человека и гражданина.

ON THE QUESTION OF SOME URGENT PROBLEMS ARISING DURING THE PRODUCTION OF AN INQUIRY IN CRIMINAL CASES

Muradin M. Khamgokov, Head of the Department of Fire Training, Candidate of Legal Sciences North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (360016, Nal'chik, Mal'bakhova str., № 123)
E-mail: hamgok@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of some topical problems arising in the production of inquiries in criminal cases. In particular, the author examines the problems arising in the production of an inquiry in an abbreviated form: the appointment and termination of such proceedings, the rights of the participants, etc. The author analyzes the specific norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, finds contradictions in them, proposes the author's options for resolving the conflicts that have arisen. In conclusion, the author draws conclusions corresponding to the study.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, interrogator, victim, suspect, inquiry, inquiry in abbreviated form, inquiry form, code of criminal procedure, rights and obligations of a person and citizen.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Хамгоков М.М. К вопросу о некоторых актуальных проблемах, возникающих при производстве дознания по уголовным делам. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):174-7.

Введение в отечественное законодательство института производства дознания в сокращенной форме стало серьезным шагом на пути совершенствования упрощенного досудебного производства. Предполагалось, что нововведение будет широко использоваться на практике, однако же анализ правоприменительной

деятельности органов внутренних дел показал, что «сокращенное» дознание сегодня все еще не пользуется «популярностью» и применяется весьма неактивно.

Расследование уголовных дел с использованием дознания в сокращенной форме является объектом постоянного и пристального контроля со стороны ру-

ководства МВД России. Так, центральным аппаратом МВД России в 2014 году было подготовлено и направлено в линейные управления для изучения личным составом указание «О совершенствовании альтернативной формы предварительного расследования» [3, с. 227] (далее – Указание).

В Указании содержалось предписание о необходимости проведения с теми сотрудниками, которые непосредственно задействованы в сборе первоначального материала, обучающих занятий с целью изучения особенностей расследования уголовных дел, а также отмечено, что в связи с введением новой формы расследования преступлений требования к качеству первоначального материала существенно повышаются. В документе также было разъяснено, что использование в качестве элементов доказательной базы объяснений заявителей и очевидцев, назначение соответствующих экспертиз в рамках проверки в порядке ст. 144-145 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК) и др. позволяет существенно сократить сроки расследования преступлений.

Безусловно, границы производства дознания весьма обширны, а посему в рамках настоящей статьи обратимся к исследованию проблемных вопросов, связанных с т.н. «сокращенным» дознанием.

Здесь важно подчеркнуть, что такой вид дознания возможен лишь тогда, когда на это имеется согласие самого потерпевшего. По мнению законодателя, позиция потерпевшего является одним из определяющих условий, влияющих на принятие решения об изначальном выборе формы расследования или возможном последующем ее изменении, что во втором случае, конечно, несколько снижает эффективность ее применения [5, с. 20].

Не редкими, к слову, являются и случаи отказа потерпевших от дознания в сокращенной форме, что, как правило, обусловлено предоставлением возможности для подозреваемого (обвиняемого) избежать более сурового наказания за совершенное им противоправное деяние.

В данном случае, как думается, оправданным было бы внесение изменений в законодательство, касающихся переноса момента уведомления подозреваемого о его праве заявлять ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме к моменту окончания первого допроса. При этом контроль над указанным процессом со стороны прокурора и суда позволяет снизить вероятность самооговора до минимальных значений¹.

Вместе с тем важнейшее значение имеет и то,

какое решение примет дознаватель: отказать либо удовлетворить ходатайство подозреваемого. Любое из принятых решений, согласно ч. 3 ст. 226.4 УПК, должно быть подготовлено в течение 24 часов с момента поступления соответствующего ходатайства. Не менее важное значение придано и процедуре уведомления дознавателем прокурора и потерпевшего об удовлетворении поступившего ходатайства и начале производства дознания в сокращенной форме [6, с. 123]. Представляется, что подобное уведомление может рассматриваться в качестве одной из гарантий обеспечения прав потерпевших по делам, не требующим обязательного производства предварительного следствия, поскольку, будучи надлежащим образом информирован, потерпевший имеет возможность обжаловать действия и решения дознавателя, реализуя, таким образом, свое законное право.

Данное право также гарантируется соответствующим контролем со стороны прокурора и, в случае необходимости, актами прокурорского реагирования. Однако, как ни странно, именно на этом этапе (согласно данным, полученным в результате анализа судебной практики) по делам, дознание по которым проводилось в сокращенной форме, наиболее часто совершаются нарушения [1, с. 11].

В практической деятельности зачастую возникают ситуации, когда подозреваемый или иные заинтересованные лица в силу оснований, предусмотренных законодательством (ч. 3 ст. 226.3 УПК), изъявляют желание изменить порядок расследования. Буквальное толкование названной нормы позволяет сделать вывод о том, что подозреваемый, потерпевший или его представитель в любое время, даже не аргументируя, как бы то ни было, свое волеизъявление, могут ходатайствовать об изменении формы дознания, и дознаватель в свою очередь обязан продолжить производство по делу уже в общем порядке. Полагаем, что внедрение в уголовно-процессуальное законодательство подобного рода норм, как правило, выступает в качестве одного из инструментов защиты и соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также подтверждения соблюдения и следования принципам законности и состязательности в уголовном процессе.

Вместе с тем точка зрения автора состоит в том, что представленное правило может возыметь негативный эффект не только в отношении тех участников, которые согласились на производство дознания в сокращенной форме, но и в отношении государства, поскольку в этом случае последнее неминуемо понесет дополнительные затраты временного, трудового и финансового характера.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020).

В этой связи С.И. Гирько замечает, что предоставляемое подозреваемому право заявить в любое время ходатайство о продолжении производства дознания в общем порядке может быть использовано в качестве тактического хода стороной защиты, что в итоге делает практически невозможным привлечение виновного лица к уголовной ответственности [2, с. 27].

На наш взгляд, рассматриваемая норма вступает в противоречие с ч. 1 ст. 119 и ст. 122 УПК, согласно которым «заинтересованные лица вправе заявлять ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации, а дознаватель, следователь, судья могут удовлетворить ходатайство, осуществить полный или частичный отказ в его удовлетворении».

Согласимся с М.А. Меркуловым и И.И. Абросимовым в том, что предусмотренное положениями ч. 3 ст. 226.3 УПК право на ходатайство о продолжении производства дознания в общем порядке, в сущности, представляет собой право на просьбу, выполнение которой является обязательным, а сам документ носит властно-публичный характер, что, естественно, недопустимо и свойственно, скорее, актам органов власти, но никак не частным лицам [4, с. 109].

Указанные противоречия приводят к сложностям в правоприменительной деятельности и уменьшают гарантированность государственной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, ситуация, при которой дознание в сокращенной форме прекращено и продолжается в общем порядке, сопряжена с проведением более сложных процессуальных действий.

Таким образом, наиболее разумным решением видится исключение этого права из положений ч.3 ст. 263.3 УПК. Не лишним здесь также будет отметить, что институт возмещения вреда потерпевшему, на наш взгляд, представляет собой более значимый инструмент как восстановления общественной справедливости, так и исправления личности осужденного и предотвращения, а равно и предупреждения совершения им новых противоправных деяний (ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса РФ).

В Рекомендации № R (85) 11 Комитета Министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» закреплено положение о том, что любое решение, находящееся в компетенции соответствующих уполномоченных органов и касающееся законного преследования правонарушителя, необходимо принимать с учетом решения вопроса

о назначении компенсации потерпевшему, предусматривающего любые активные в этом направлении действия виновного лица. Основываясь на указанной норме, полагаем необходимым закрепить в УПК предписание, обязывающее виновное лицо возместить потерпевшему причиненный противоправными действиями последнего вред.

В то же время согласимся с теми учеными-процессуалистами, которые считают, что законодатель предусмотрел усложненную схему окончания производства дознания в сокращенной форме, и предлагают на данном этапе закрепить соответствующий уведомительный порядок как для обвиняемого, так и для его защитника.

В заключение позволим себе сделать вывод о том, что опыт законодателя по упрощению и оптимизации производства по уголовным делам, расследующим преступления, которые не представляют большой общественной опасности, нельзя назвать удачным. В правоприменительной практике, к сожалению, был достигнут, скорее, обратный эффект, выражающийся в значительном увеличении процессуальных сроков производства расследования в форме дознания, в усложнении различных процедурных аспектов, а также в увеличившемся количестве следственных и иных процессуальных действий.

Литература

1. Абрамов В.А., Никонович С.Л., Климов А.С., Авдалян А.Я., Шаевич А.А. Проблемные аспекты правового регулирования сокращенной формы дознания // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 1 (84).
2. Гирько С.И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме? // Рос. следователь. 2014. № 5.
3. Дутов Ю.И., Дутов Н.Ю. Перспективы полицейского дознания в России // Теория и практика инновационных технологий в АПК. Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов ВГАУ. 2016.
4. Меркулов М.А., Абросимов И.И. К вопросам об актуальных проблемах производства дознания в сокращенной форме // Аграрное и земельное право. 2019. № 8 (176).
5. Мичурина О.В., Химичева О.В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: замысел законодателя

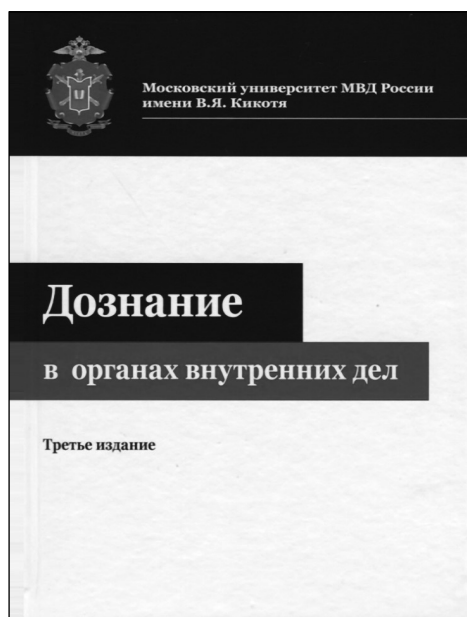

и практический результат // Рос. следователь. 2016. № 5.

6. Химичева О.В., Химичева Г.П. Некоторые замечания о направлениях совершенствования уголовного судопроизводства как важнейшего вида правоохранительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4.

References

1. Abramov V.A., Nikonovich S.L., Klimov A.S., Avdalyan A.Ya., Shaevich A.A. Problematic aspects of legal regulation of the abbreviated form of inquiry // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (84).
2. Girko S.I. Do the forecasts and concerns about the prospects of the inquiry in an abbreviated form come true? // Russian investigator. 2014. № 5.
3. Dutov Yu.I., Dutov N.Yu. Prospects of police investigation in Russia// Theory and practice of innovative technologies in the agro-industrial complex. Materials of the scientific and educational-methodical conference of the faculty, researchers and postgraduates of VGU. 2016.
4. Merkulov M.A., Abrosimov I.I. To the question of actual problems of production of inquiry in abbreviated form // Agrarian and land law. 2019. № 8 (176).
5. Michurina O.V., Khimicheva O.V. The subject and limits of proof in the production of an inquiry in an abbreviated form: the plan of the legislator and the practical result. 2016. № 5.
6. Khimicheva O.V., Khimicheva G.P. Some comments on the directions of improving criminal justice as the most important type of law enforcement activity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф.К. Зиннурова, А.С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Валерий Анатольевич Коннов, начальник кафедры прав человека и международного права,
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: vkonnov@inbox.ru

Юлия Владимировна Пузырева, заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: yuliya_dugina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены международно-правовые основы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, поэтапно изучены ключевые направления международного сотрудничества Российской Федерации в формировании сбалансированной «международной повестки дня по вопросам миграции» и выработке решений по актуальным миграционным проблемам. Проведенный анализ позволил выявить современное состояние и определить перспективные направления деятельности органов государственной власти Российской Федерации в реализации концептуальных миграционных задач.

Ключевые слова: государственная миграционная политика, международные договоры по миграции, трудовая миграция, нелегальная миграция, управление миграционными процессами.

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR THE IMPLEMENTATION OF THE STATE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Valeriy A. Konnov, Head of the Department of Human Rights and International Law, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika
Volgina, d. 12)
E-mail: vkonnov@inbox.ru

Yulia V. Puzyreva, Deputy Head of the Department of Human Rights and International Law, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika
Volgina, d. 12)
E-mail: yuliya_dugina@mail.ru

Abstract. The article discusses the international legal framework for the implementation of the state migration policy of the Russian Federation, gradually explores the key areas of international cooperation of the Russian Federation in the formation of a balanced «international agenda on migration» and the development of solutions to pressing migration problems. The analysis made it possible to identify the current state and identify promising areas of activity of state authorities of the Russian Federation in the implementation of conceptual migration tasks.

Keywords: state migration policy, international treaties on migration, labor migration, illegal migration, management of migration processes.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Коннов В.А., Пузырева Ю.В. Международно-правовые основы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):178-84.

Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы¹ нормам международного права отведено особое место в регулировании современных миграционных процессов.

В первую очередь следует отметить, что правовую основу Концепции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность в сфере миграции» (п. 2, раздел I. Общие положения). Кроме того в Концепции закреплён раздел V «Международное сотрудничество Российской Федерации в сфере миграции», определяющий ключевые направления внешней миграционной политики Российской Федерации.

Сотрудничество по общим вопросам миграции в рамках международных универсальных организаций. Сотрудничество в данной сфере позволяет принимать активное участие в формировании сбалансированной «международной повестки дня по вопросам миграции» и принимать непосредственное участие в выработке решений по актуальным миграционным проблемам. В настоящее время Российская Федерация является участником нескольких универсальных международных организаций, уставные цели которых предусматривают осуществление межгосударственного миграционного сотрудничества. Данные организации были созданы исключительно для обеспечения сотрудничества в сфере миграции и не затрагивают в своей деятельности иные сферы взаимоотношений между государствами. К таковым, в частности, следует отнести *Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН)*, которое многие десятилетия выступает в качестве основного универсального международного института по регулированию вопросов, связанных с защитой беженцев и оказанием им помощи. Данная структура ООН создавалась в 1950 г. как инструмент гуманитарной деятельности, призванной облегчить страдания лиц, преследуемых в своих странах, дать им возможность начать новую жизнь и организовать свое будущее².

Также к специализированным международным организациям, в которых участвует Россия, следует отнести *Международную организацию по миграции (МОМ)*, созданную в 1951 г. с целями содействия меж-

дународному сотрудничеству по вопросам миграции, оказания помощи в поиске практических решений проблем миграции и реализации гуманитарной помощи нуждающимся мигрантам, в том числе беженцам и вынужденным переселенцам³.

МОМ наряду с УВКБ многие десятилетия обеспечивают сотрудничество государств по вопросам регулирования перемещения людей в мире. Обе организации были созданы практически в одно и то же время и изначально сформировали двуединый универсальный институциональный механизм, который был призван взаимно дополнять усилия мирового сообщества в решении миграционных проблем. МОМ и УВКБ очень часто реализуют совместные проекты и действуют согласованно⁴. Цели и направления деятельности двух организаций являются сходными в общих чертах, однако в деталях целевая ориентация МОМ и УВКБ несколько расходится. Первая из организаций с точки зрения направлений деятельности представляется более широко ориентированной, поскольку затрагивает разносторонние аспекты миграционных процессов, в то время как деятельность УВКБ сосредоточена на защите беженцев и предоставлении убежища уязвимым категориям населения.

Представительство МОМ в Российской Федерации было учреждено в 1992 г. на основе Соглашения о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Международной организацией по миграции от 13 марта 1992 г. Ключевыми направлениями развития взаимоотношений и поддержки деятельности органов государственной власти Российской Федерации в вопросах миграции являются следующие сферы: техническое взаимодействие в области управления миграцией и укрепления потенциала, противодействие торговле людьми, помощь в добровольном возвращении мигрантов, трудовая миграция, миграция и здоровье.

Последние тенденции работы Бюро МОМ в Российской Федерации позволяют утверждать об ориентированности двустороннего взаимодействия на вопросах управления миграцией, включая исследовательскую деятельность и выработку стратегий, реализации совместных проектов⁵, развитии направлений реализации Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, формировании

¹ Указ Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.11.2018 г., № 45, ст. 6917.

² Устав Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Принят резолюцией 428 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/unhcr_statute.shtml (дата обращения (18.08.2020 г.)).

³ Constitution and Basic Texts of the Governing Bodies International Organization for Migration. 2nd Edition. International Organization for Migration, 2017.

⁴ Memorandum of Understanding between the United Nations High Commissioner for Refugees and the International Organization for Migration // Управление Верховного комиссара по правам беженцев. URL: <http://www.unhcr.org/4aa7a3ed9.pdf> (дата обращения 18.03.2020).

⁵ Меморандум о взаимопонимании Бюро МОМ в Российской Федерации с Финансовым Университетом. Февраль 2020 г. // Международная организация по миграции. Бюро в Российской Федерации. URL: <http://moscow.iom.int/ru/news/memorandum-o-vzaimoponimanii-s-finansovym-universitetom> (дата обращения: 13.03.2020).

правовых и организационных основ взаимодействия универсальных организаций по вопросам миграции, а также региональных организаций, участницей которых является Российская Федерация¹ и др.

Представительство Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев начало работать в Российской Федерации в 1992 г. Правовой основой для двустороннего взаимодействия явилось Соглашение между Правительством Российской Федерации и Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев, подписанное 6 октября 1992 г. в Женеве.

УВКБ ООН в России:

- оказывает экспертную поддержку компетентным органам власти РФ в дальнейшем развитии национальной системы убежища;
- осуществляет регулярное информирование компетентных органов Российской Федерации о случаях безгражданства, с которыми обращаются заявители, и предоставление совместно с партнерскими организациями юридической помощи лицам без гражданства и лицам с неопределенным гражданством;
- лоббирует вопрос о присоединении России к конвенциям ООН в области безгражданства и др.².

Актуальными направлениями в работе УВКБ ООН в России является совместная работа с Правительством Российской Федерации, с МВД России и другими партнерскими организациями по поддержке лиц, ищущих убежище, и лиц без гражданства в вопросах поддержки и реализации своих прав в соответствии с законодательством России [1]. Кроме того после принятия в декабре 2018 г. под эгидой ООН Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, поддержанного в том числе Российской Федерацией, Представительство проводит консультации с правительственными органами России по выработке механизмов для реализации положений Договора с учетом национальных интересов Российской Федерации и иных его участников, в том числе в области безопасности и приоритетного обеспечения интересов собственных граждан³.

Сотрудничество в области регулирования тру-

довой миграции. В рамках данного направления международного миграционного сотрудничества Российской Федерации Концепция определяет необходимость создания условий для свободного перемещения и трудоустройства граждан в соответствии с международными соглашениями, а также заключение международных договоров об организованном привлечении иностранных работников. Таким образом, предусматривается как организационное, так и правовое обеспечение соответствующей деятельности.

В настоящее время реализация данных сферы межгосударственного взаимодействия осуществляется на основе ряда международных региональных и двусторонних договоров, а также актов международных организаций.

Правовой статус трудящихся-мигрантов на универсальном уровне закреплён рядом договоров, принятых под эгидой ООН Международной организацией труда (далее МОТ).

МОТ является единственным трехсторонним агентством ООН, учрежденным еще в рамках Лиги Наций в 1919 г., и объединяющим государства в лице их правительств, работодателей и работников из 187 государств-членов. Основными целями МОТ являются задачи по установлению стандартов труда, разработке политики и программ, способствующих достойному труду для всех женщин и мужчин. Значительное внимание организация уделяет трудящимся-мигрантам.

Первоначальными договорами МОТ, регламентирующими статус трудящихся-мигрантов, явились два документа: Конвенцию 97 о трудящихся-мигрантах (1949 г.) и Конвенцию 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения (1975 г.). Понимание необходимости разработки единого консолидированного документа, гарантирующего уважение прав и свобод и признающего защиту своего статуса наиболее уязвимой категории населения – мигрантам, побудило МОТ принять в 1990 г. Конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Для контроля за соблюдением положений договора государствами-участниками был создан Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей.

Российская Федерация не является участницей данных универсальных договоров МОТ в сфере прав трудящихся-мигрантов⁴. Вместе с тем тема трудовой миграции является актуальным направлением внешней и миграционной политики России на международном региональном уровне, в частности, в рамках сотрудничества по линии СНГ и ЕАЭС.

¹ Консультации по IRIS в ЕЭК // Международная организация по миграции. Бюро в Российской Федерации. URL: <http://moscow.iom.int/ru/news/konsultacii-po-iris-v-eeek> (дата обращения: 13.03.2020).

² УВКБ ООН в Российской Федерации. Информационные материалы. URL: <https://www.unhcr.org/ru/infomat> (дата обращения: 13.03.2020).

³ Межправительственная конференция для принятия глобального договора о миграции (Марракеш, Марокко, 10 и 11 декабря 2018 года). Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/conf/migration/> (дата обращения: 13.03.2020). См. подробнее: Заявление Российской Федерации к Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, Марракеш, 11 декабря 2018 года // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/iniciativy-rossii-v-oon/asset_publisher/lt9FJKw0JOXM/content/id/3440694 (дата обращения: 13.03.2020).

⁴ Международная Организация Труда (МОТ) // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/mezdunarodnaa-organizacia-truda-mot/-/asset_publisher/Q247zSkyRnqS/content/id/2511842#sel=15:1:9CG,15:43:9nU.

В рамках СНГ в последние годы наблюдается тенденция перехода от восприятия миграции через призму «безопасности» на подход через «развитие». В этой связи определены перспективные задачи в рамках новой концепции:

- формирование условий для проведения согласованной миграционной политики;
- регулирование трудовой миграции на основе достижения соответствия объемов, направлений и структуры миграционных потоков интересам мигрантов с учетом законодательства принимающего государства;
- формирование общего рынка труда, создание правовых, экономических и организационных условий для перехода к свободному перемещению рабочей силы;
- обеспечение интеграции иммигрантов в общество и формирование у граждан государств – участников СНГ уважительного отношения к законодательству, языку и культуре страны пребывания;
- продолжение противодействия незаконной миграции;
- повышение степени защиты и надежности паспортно-визовых документов (включая использование биометрических данных);
- заключение соглашений о реадмиссии¹.

Ключевым документом, регулирующим трудовые миграционные процессы на территориях государств-членов СНГ, является Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников Содружества Независимых Государств 2008 г. (далее Конвенция СНГ 2008 г.)².

Евразийский экономический союз. В соответствии с Концепцией обеспечения взаимных интересов государств-членов Евразийского экономического союза при реализации миграционной политики является одним из ключевых направлений международного сотрудничества Российской Федерации в миграционной сфере.

И несмотря на отсутствие среди основных целей Организации миграционной составляющей, сотрудничество государств-членов в формировании единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (ст. 4 Договора о ЕАЭС 2014 г.) обеспечивает необходимость развития такого направления организации, как межгосударственная трудовая ми-

грация. Безусловно, в данной сфере взаимодействия Российская Федерация, наряду с иными государствами-членами Союза, стремится к обеспечению национальных интересов, интегрируя в них общие взаимные концептуальные положения сотрудничества ЕАЭС.

Регулирование вопросов трудовой миграции и миграционной политики в ЕАЭС основано на прочной и развитой нормативно-правовой базе, включающей в себя следующие правовые документы:

Раздел XXVI Договора о Евразийском экономическом союзе.

Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам семей (Приложение 30 к Договору о Евразийском экономическом союзе).

Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств.

Международные соглашения между государствами-членами в миграционной сфере.

Рекомендация Коллегии ЕЭК по заключению двусторонних международных договоров в сфере миграции от 25 октября 2016 года № 18.

Перспективным направлением развития международного сотрудничества ЕАЭС в миграционной сфере является заключение Соглашения о порядке въезда, выезда, следования транзитом граждан государств-членов Евразийского экономического союза³.

Цель проекта Соглашения – упрощение взаимных поездок граждан, включая предоставление возможности пересечения границ Союза в том числе по внутренним документам. Договор предусматривает вопросы регулирования порядка въезда, выезда и следования транзитом граждан государств-членов по территории государств-членов через международные пункты пропуска в соответствии с установленным перечнем документов, действительных для въезда за границу для каждого гражданина государства-члена.

Кроме того следует подчеркнуть в качестве актуального направления сотрудничества в рамках ЕАЭС на самую ближайшую перспективу – разработку вопросов пенсионного обеспечения. Результатами многолетней работы компетентных органов Союза по данному направлению явился разработанный проект Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза 2019 г.⁴

¹ Сотрудничество в сфере миграции. Совет руководителей миграционных органов государств – участников СНГ // Исполнительный комитет СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3127/77661/> (дата обращения: 12.04.2020).

² Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников Содружества Независимых Государств // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2554> (дата обращения: 17.05.2020).

³ Проект Соглашения о порядке въезда, выезда, следования транзитом граждан государств-членов Евразийского экономического союза // Официальный сайт ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/tm/Documents/pdf> (дата обращения: 15.03.2020).

⁴ Распоряжение Коллегии ЕЭК № 38 от 5 марта 2019 г. О проекте распоряжения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза» // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01021105/clco_07032019_38 (дата обращения: 15.03.2020).

Соглашением предполагается, что каждое государство будет платить за периоды стажа работы на своей территории и вводится правила об «экспорте» пенсии и учете стажа работы в другом государстве ЕАЭС.

К 2020 г. следует с уверенностью констатировать о сформированности на пространстве ЕАЭС прогрессивного слаженного механизма в области трудовой миграции, создания общего рынка труда, обеспечения свободного передвижения граждан государств-членов внутри Союза. Безусловно, разработанные и внедренные механизмы выгодно отличают миграционное пространство ЕАЭС от аналогичного миграционного пространства СНГ.

Международно-правовая деятельность Российской Федерации в сфере миграции. Развитие международно-правовой базы сотрудничества в сфере миграции в настоящее время имеет особое значение для реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. Это обусловлено расширением круга государств, с компетентными органами которых возникает необходимость более эффективного взаимодействия. Также важными факторами развития становятся обострение проблем нелегальной миграции, обеспечение создания гармонизированных миграционных процедур в рамках единого экономического пространства ЕАЭС.

Законодательством Российской Федерации предусматривается возможность заключения международных договоров трех типов: межгосударственные договоры, межправительственные договоры и договоры межведомственного характера (ст. 3 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации»). По вопросам сотрудничества в сфере миграции в настоящее время заключены и реализуются соглашения всех этих типов. Наиболее общие права и обязанности государств закреплены в межгосударственных и межправительственных договорах, а технические и процедурные вопросы отражаются в договорах межведомственного характера.

Подборка актуальных международных соглашений Российской Федерации по разноаспектным вопросам миграции представлена на официальном сайте МВД России¹.

Сотрудничество в сфере нелегальной миграции. Указанная группа направлений государственной миграционной политики заключается в выработке единых подходов по вопросам реадмиссии граждан третьих государств, а также заключение международных соглашений с компетентными органами иностранных государств о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией.

Данные вопросы регулируются как в рамках международного права, так и внутригосударственного законодательства. Роль международных актов заключается в формировании правового базиса сотрудничества компетентных органов как на стадии предупреждения незаконного въезда иностранных граждан, так и на стадии их выдворения.

Участие Российской Федерации в данном формате международного сотрудничества позволяет разрешать миграционные задачи в привязке с обеспечением региональной безопасности. В первую очередь в указанном контексте следует отметить деятельность *Организации Договора о коллективной безопасности* (далее ОДКБ). ОДКБ является региональной организацией, институционализированной в 2002 г. на основе Договора о коллективной безопасности. Периодически обостряющаяся обстановка на границах зоны ответственности Организации, а также существенные потоки миграции, в том числе незаконной из стран Юго-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего и Среднего Востока позволили приравнять «нелегальную миграцию и торговлю людьми» к современным вызовам и угрозам коллективной безопасности ОДКБ, требующими реализации активных практических мер по противодействию.

С целями обеспечения консолидированных усилий по противодействию незаконной миграции на пространстве государств-членов ОДКБ в 2007 г. в структуре Организации был создан вспомогательный орган – Координационный совет руководителей компетентных органов государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам борьбы с незаконной миграцией (КСБНМ)².

С 2008 г. правоохранными органами и специальными службами государств-членов ОДКБ при поддержке Координационного совета с целями выявления и предотвращения нарушений миграционного законодательства проводится операция «Нелегал». Уникальность и эффективность данного оперативного мероприятия определили закрепление в 2017 г. за ним статуса постоянно действующей региональной операции ОДКБ с утверждением Положения об операции «Нелегал»³.

Следует отметить, что ежегодные результаты проведения данной операции весьма внушительны как в количественных, так и в качественных показателях.

² Положение о Координационном совете руководителей компетентных органов государств-членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://ksbnm.odkb-csto.org/polozhenie-o-koordinatsionnom-sovete-rukovoditeley-.php?clear_cache=Y (дата обращения: 13.03.2020).

³ Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О совершенствовании мер по противодействию незаконной миграции» от 30 ноября 2017 г. https://odkb-csto.org/documents/documents/spisok_priinyatykh_dokumentov_na_sessii_soveta_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_koll/ (дата обращения: 19.09.2020).

¹ Международные договоры по вопросам миграции // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/documents/m_soglasch (дата обращения: 15.03.2020).

Итоги проведенной в прошлом году в формате ОДКБ операции «Нелегал-2019»¹. В результате скоординированных действий компетентных органов государств – членов ОДКБ в ходе операции возбуждено 6 738 уголовных дел за организацию незаконной миграции, пресечено свыше 159 тысяч нарушений миграционного законодательства, в том числе, были выявлены иностранные граждане, которые длительное время уклоняются от выезда по истечении установленного срока пребывания.

В частности в Российской Федерации при проведении операции задержано 174 иностранца, прибывших в страну по персонифицированной карте зрителя на Чемпионат мира по футболу в 2018 году и не выехавших из России в установленные сроки.

В период операции в административном порядке выдворены из государств – членов Организации 8378 иностранных граждан и задержано 1342 лица находившихся в розыске. Подразделениями финансового мониторинга Республики Беларусь и Российской Федерации выявлено 2 650 подозрительных финансовых операций, произведенных иностранными гражданами, на сумму свыше 91 млн. долларов США (информация по ним направлена для ее реализации в правоохранительные органы).

Кроме того, в ходе операции «Нелегал-2019» было возбуждено 2200 уголовных дел за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, 238 уголовных дел за незаконный оборот оружия, 179 дел за попытки незаконного пересечения государственной границы и 51 дело по преступлениям экстремистской направленности и террористического характера.

В марте 2020 г. в Центре кризисного реагирования ОДКБ под председательством Начальника Главного управления по вопросам миграции МВД России генерал-лейтенанта полиции В. Казаковой прошло заседание Международного штаба операции «Нелегал», в рамках которого был успешно согласован план операции «Нелегал-2020».

Общими тенденциями развития деятельности ОДКБ в сфере противодействия нелегальной миграции и поддержания региональной безопасности является продолжение целенаправленной работы по противодействию незаконной миграции, тесно связанной с другими формами трансграничной преступности. В этой связи задачами ОДКБ является повышение эффективности взаимодействия компетентных органов государств-членов ОДКБ, при проведении комплекса совместных оперативно-розыскных и специальных

операций [2, с. 186].

Кроме того, на первый план выведена задача по совершенствованию нормативной правовой базы Организации по борьбе с нелегальной миграцией с учетом положений и принципов международного права в данной области. Что определяет потенциальное завершение в 2020 году работы по проекту Соглашения ОДКБ о сотрудничестве в противодействии незаконной миграции.

Обозначенные направления развития взаимодействия государств в рамках ОДКБ в области противодействия незаконной миграции граждан третьих стран определены в Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г.².

В заключении следует отметить, что все региональные организации, вносящие свой вклад в миграционное сотрудничество и участницей которых является Российская Федерация, ведут свою работу в совместном, скоординированном многостороннем формате. Такой подход позволяет государствам «приоритетного для Российской Федерации региона» вырабатывать единую согласованную политику в области миграции, принимать и реализовывать взаимодополняющие меры и мероприятия.

К такого рода организациям, следует отнести, например, Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). При этом первые две из указанных организаций в вопросах регулирования миграционных процессов в последние годы интегрируют свою деятельность путем заключения соглашений и проведения совместных мероприятий. Этому способствует то, что состав их участников в основе своей одинаков, а цели длительности в отдельных аспектах совпадают. Если ЕАЭС рассматривает миграционные угрозы, прежде всего, с точки зрения обеспечения экономической безопасности государств-членов [3], то ОДКБ – с точки зрения криминальных, террористических и гуманитарных последствий. В связи с этим существующие и формируемые механизмы регулирования миграции в рамках этих двух организаций следует рассматривать в качестве совместных.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения вопроса о роли и месте норм международного права при осуществлении мер, направленных на реализацию го-

¹ В ОДКБ согласован план операции «Нелегал-2020» // Координационный совет руководителей компетентных органов государств членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией. Официальный сайт ОДКБ. URL: <https://ksbnm.odkb-csto.org/news/v-odkb-soglasovan-plan-operatsii-nelegal-2020/> (дата обращения: 13.06.2020).

² Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г. Утверждена Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 г. «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г.» // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/ (дата обращения: 13.03.2020).

сударственной миграционной политики Российской Федерации, следует отметить следующее.

Во-первых, нормам международного права отведено особое место в регулировании миграционных процессов на современном этапе. Такая значимость нашла отражение в пункте IV Концепции. В документе закреплены основные направления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере миграции и подчеркнуто, что правовую основу Концепции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность в сфере миграции» (п. 2, раздел I. Общие положения).

Во-вторых, в настоящее время Российская Федерация является участником нескольких универсальных и региональных международных организаций, уставные цели которых предусматривают осуществление сотрудничества по вопросам миграции. Взаимодействие с такими организациями позволяет Российской Федерации принимать активное участие в формировании сбалансированной «международной повестки дня по вопросам миграции» и обеспечивает непосредственное участие в выработке решений по актуальным миграционным проблемам с учетом национальных интересов.

В-третьих, участие Российской Федерации в международных организациях, осуществляющих сотрудничество по вопросам миграции, позволяет решить следующие задачи, связанные с реализацией государственной миграционной политики Российской Федерации: осуществлять эффективную координацию взаимодействия компетентных органов, оперативно реагировать на возникающие вызовы и угрозы; обеспечивать обмен информацией, формировать доступные всем участникам базы данных; разрабатывать и заключать международные соглашения и иные документы по вопросам регулирования миграции; разрабатывать и реализовывать единые или унифицированные правила, связанные с миграционным учетом, порядком въезда, оформлением документов.

В-четвертых, многие региональные организации, вносящие свой вклад в миграционное сотрудничество и участницей которых является Российская Федерация, ведут свою работу в совместном, скоординированном многостороннем формате (СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС). Такой подход позволяет государствам «приори-

тетного для Российской Федерации региона» вырабатывать единую согласованную политику в области миграции, принимать и реализовывать взаимодополняющие меры и мероприятия.

В-пятых, перспективным направлением деятельности Российской Федерации в миграционных отношениях следует рассматривать расширение взаимодействия с международными организациями в сфере миграции (в первую очередь регионального характера) и использования их потенциала в целях совершенствования качества регулирования международных миграционных потоков, формирования позитивной и сбалансированной международной повестки дня и выработки решений по вопросам миграции.

Литература

1. Интервью главы Представительства УВКБ ООН в Российской Федерации В. Нупека. Открытость и уважение к национальным особенностям абсолютно необходимо для поддержания гармонии в рабочих отношениях // ООН в России. 2019. № 1 (119). С. 12-14.
2. Заявление государств-членов ОДКБ об актуальных вопросах противодействия незаконной миграции (Астана, 8 ноября 2018 года). Совместные заявления глав государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. М.: Секретариат ОДКБ, 2019.
3. Ткаченко А.А. Проблемы экономической интеграции и миграционной политики России в ЕАЭС и ШОС // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 1. С. 25-29.

References

1. Interview with the Head of the UNHCR Office in the Russian Federation, V. Nupik. Openness and respect for national peculiarities are absolutely necessary for maintaining harmony in working relations. 2019. No. 1 (119). pp. 12-14.
2. Statement of the CSTO member States on topical issues of countering illegal migration (Astana, November 8, 2018). Joint statements of the Heads of the Member states of the Collective Security Treaty Organization. Moscow: CSTO Secretariat, 2019.
3. Tkachenko A.A. Problems of economic integration and migration policy of Russia in the EAC and the SCO. Taxes. Right. 2016. No. 1. pp. 25-29.

Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

СУБЪЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ФОРМИРОВАНИЕМ БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НАЛОГОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ)

Юрий Григорьевич Клещенко, заместитель председателя «Центра профилактики молодежного экстремизма» Института общественных наук и массовых коммуникаций, кандидат экономических наук
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, г. Белгород, ул. Победы, 85)
E-mail: y.kleshchenko@pkv-tv.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности процесса доказывания в расследовании преступлений, связанных с формированием бюджета Российской Федерации (налоговые преступления). Автор определяет классификацию субъектов доказывания, отмечает особую общественную опасность налоговых преступлений, или преступлений, связанных с формированием бюджета Российской Федерации, и обсуждает вопрос о целесообразности, помимо совершенствования деятельности существующих государственно-властных органов, создания специализированной государственной службы по расследованию преступлений в финансово-бюджетной сфере. При этом отмечается, что в настоящее время в практике сложилась ситуация, при которой уголовные дела о преступлениях в финансово-бюджетной сфере расследуются разными органами, этим поддерживается баланс интересов и не происходит «усиления» какого-либо одного правоохранительного органа, что минимизирует коррупционную составляющую.

Ключевые слова: доказывание, субъекты доказывания, преступления, связанные с формированием бюджета, налоговые преступления, Федеральная налоговая служба, правоохранительные органы.

SUBJECTS OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES OF CRIMES RELATED TO THE FORMATION OF THE BUDGET OF THE RUSSIAN FEDERATION (TAX CRIMES)

Yuriy G. Kleshchenko, Deputy Chairman of the «Center for the Prevention of Youth Extremism» of Institute of Social Sciences and Mass Communications, Candidate of Economic Sciences
Belgorod State National Research University (308015, Belgorod, Pobedy str., 85)
E-mail: y.kleshchenko@pkv-tv.ru

Abstract. In this article, the author reveals the features of the evidence process in the investigation of crimes related to the formation of the budget of the Russian Federation (tax crimes). The author defines the classification of subjects of evidence, notes the special public danger of tax crimes, or crimes related to the formation of the budget of the Russian Federation, and discusses the feasibility, in addition to improving the activities of existing State authorities, of creating a specialized State service for the investigation of crimes in the financial and budgetary sphere. At the same time, the article noted that at present there is a situation in practice in which criminal cases of crimes in the financial and budgetary sphere are investigated by different authorities, this maintains a balance of interests and does not “strengthen” any one law enforcement agency, which minimizes the corruption component.

Keywords: proof, subjects of proof, crimes related to budget formation, tax crimes, Federal Tax Service, law enforcement agencies.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Клещенко Ю.Г. Субъекты доказывания по уголовным делам о преступлениях, связанных с формированием бюджета Российской Федерации (налоговые преступления). Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):185-92.

В уголовно-процессуальном праве одним из центральных, даже системообразующих компонентов, является доказывание по уголовному делу. Сущность доказывания видится в процессе познания обстоятельств совершения преступления. Согласно толковому словарю русского языка под

познанием понимается творческая деятельность субъекта, которая, прежде всего, ориентирована на получение достоверных знаний о мире или его отдельных составляющих [11, с. 171].

Любое правовое явление в своей структуре представлено, как правило, тремя основными составляющими: субъект, объект и содержание, поэтому доказывание как правовое образование не будет являться исключением. Доказывание как динамичный процесс познания имеет следующие составляющие: объект, этапы процесса доказывания, субъект доказывания.

Доказывание по уголовному делу обладает определенной спецификой, связанной, прежде всего, с объектом и предметом познания – им является совокупность фактических данных, которые имеют свойство принадлежности к событию совершенного преступления.

В научной литературе отмечается: «Доказывание – единственный процессуальный способ установления и удостоверения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [3, с. 56].

Фактические данные (информация) [19] должны обладать свойством наличия значения для уголовного дела, которое вытекает из события преступления.

Процесс доказывания имеет строго очерченные уголовно-процессуальным законом рамки и согласно его содержанию состоит из нескольких последовательных этапов: сбор, проверка и процессуальная оценка доказательств.

Анализ приведенных этапов свидетельствует, что к субъектам доказывания относятся органы и их должностные лица, уполномоченные законом осуществлять процессуальную деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств (фактических данных имеющих значение для расследования уголовного дела).

Проблематика субъектов уголовно-процессуального доказывания не является новой для доктрины уголовного процесса, на эту тему написано множество объемных и содержательных научных работ, в которых в том числе приведены некоторые классификации субъектов по различным критериям [9; 8].

В качестве примера, целесообразным считаем обратиться к работе «Теория доказательств в советском уголовном процессе», написанная еще в конце прошлого века она не теряет своей актуальности и сейчас. Согласно данному источнику субъектов доказывания следует классифицировать на две основные группы [17, с. 143]:

- государственные органы и их должностные лица, участвующие в процессе доказывания на всех стадиях производства по уголовному делу (органы дознания, следствия, суд и т.д.);
- участники уголовного процесса, отстаивающие государственный или иной (общественный) интерес (гражданский истец, гражданский ответчик и т.д.).

Приведенный нами пример классификации далеко не единственный, так имеются и другие: по цели доказывания, по процессуальному интересу, по отношению субъекта к процессу доказывания и так далее [7].

Научный интерес представляет проблема субъектов доказывания в контексте расследования преступлений в финансово-кредитной сфере, а именно доказывание в процессе расследования преступлений, связанных с формированием бюджета Российской Федерации.

Таким образом, сужая круг возможных субъектов доказывания до непосредственно органов и должностных лиц, участвующих в доказывании по уголовным делам в финансово-кредитной сфере, следует обратиться к классификации по критерию степени отношения к доказываемому преступлению.

Первую группу составляют должностные лица, для которых процесс доказывания является обязанностью: следователи (МВД России, СК России, ФСБ России), дознаватели, органы дознания, руководители следственных органов, прокурор.

Важно указать, что функцию органа дознания при расследовании преступлений в финансово-бюджетной сфере выполняют следующие подразделения в составе отечественной правоохранительной системы (относимые к МВД РФ):

Федеральный уровень	Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции в структуре МВД Российской Федерации
Локальный уровень	Управление и отделы ЭБиПК в структуре территориальных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации

Считаем необходимым отметить, что в структуре подразделений, уполномоченных осуществлять процесс доказывания по уголовным делам в экономической сфере (куда входит и кредитно-финансовая) [1] существует свои подразделения, специализирующиеся на определенном направлении работы, чем достигается большая эффективность деятельности по борьбе с преступностью в целом.

В случаях, когда уголовные дела имеют большой общественный резонанс или имеется угроза, выраженная в преступном посягательстве на сферу государственных интересов и состояние экономической безопасности, то привлекаются сотрудники специальной Службы экономической безопасности, входящие в состав ФСБ Российской Федерации.

Так в состав Службы экономической безопасности ФСБ Российской Федерации входят следующие некоторые управления:

- Управление «П» (занимающиеся преступлениями в области промышленности).
- Управление «Т» (занимающиеся преступлениями на транспорте).
- Управление «К» (занимающиеся преступлениями в кредитно-финансовой сфере).
- Управление «М» (по противодействию коррупции и иных экономических преступлениях в МВД РФ, Минюсте и других «силовых» ведомствах).
- Управление «Н» (вопросы незаконного оборота наркотиков)
- Организационно-аналитические и административно-хозяйственные службы и т.д.

Экономическая сфера общественных отношений многогранна в своих проявлениях, этим в частности объясняется наличие большого круга субъектов, имеющих возможность осуществления доказывания (в данном случае проведение предварительного расследования).

Предварительное расследование уголовных дел о преступлениях в финансово-бюджетной сфере согласно нормам УПК РФ проводят следующие категории субъектов, относящиеся к органам следствия:

- следователи подразделений органов внутренних дел Российской Федерации;
- следователи подразделений Следственного комитета Российской Федерации;
- следователи подразделений Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Разделение полномочий происходит по принципу подследственности конкретной категории уголовных дел, который устанавливается статьей 151 УПК РФ¹.

Наибольшую угрозу и распространение среди экономических преступлений, как показывает правоприменительная практика, занимают уголовные дела по легализации доходов, полученных преступным путем или уголовные дела «об отмывании денежных средств».

Многие исследователи справедливо отмечают недооценку общественной опасности данной группы преступлений [18; 21; 6], мы согласны с данным мнением.

Особую угрозу несут в себе налоговые преступления или связанные с формированием бюджета Российской Федерации, следует отметить, что Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрены следующие составы налоговых преступлений (статьи

198-199.2 УК РФ)².

Общественная опасность налоговых преступлений выражена в сокращении бюджета государства, росту теневого сектора экономики, деформации правосознания и подрыву благополучия населения.

Существуют ощутимые трудности при раскрытии и производстве расследования по данной категории преступлений, так как работа с доказательствами по налоговым преступлениям требует наличия специальных знаний в области экономики и значительного опыта в финансово-кредитной сфере, о чем может свидетельствовать анализ учебной литературы [12; 13].

Таким образом, данные уголовные дела можно отнести к категории повышенной сложности. Ощущается нехватка высококвалифицированных кадров, способных эффективно выполнять задачи по сбору и проверке полученных доказательств. Следует констатировать малое количество научно-обоснованных методик расследования уголовных дел в финансово-кредитной сфере.

На сегодняшний день расследование налоговых преступлений входит в подследственность следователей Следственного комитета Российской Федерации.

Расследование данной категории уголовных дел предполагает умения, знания и навыки следователей, специализирующихся в экономической сфере. К сожалению, на сегодня таких высококвалифицированных работников в правоохранительной системе достаточно мало. К тому же отсутствует и научно обоснованная методика расследования таких дел.

Указанные нами проблемные моменты находят контраргумент в виде деятельности сотрудников ЭБиПК, среди полномочий которых является доследственная проверка информации, которая указывает на наличие преступления экономической направленности.

Механизм осуществления процесса доказывания по уголовным делам в финансово-кредитной сфере, а именно о преступлениях, связанных с формированием бюджета Российской Федерации, выглядит следующим образом. Первоначально в правоохранительные органы по данному виду уголовных дел поступает оперативная информация, содержащая данные о выявлении признаков уклонения от уплаты налогов или данные об иных уголовно-наказуемых деяниях, в сфере налогов и сборов. Отправителем данной информации, как правило, являются налоговые органы.

С момента получения информации, представляющей оперативный интерес следователь в срок 3-е суток обязан собрать первоначальные материалы, содержащиеся в том числе предполагаемую сумму налоговой недоимки.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

В обязанности налогового органа входит проведение проверки по поступившим материалам (в срок не позднее 15 суток с момента получения необходимых материалов).

В ходе проверочных мероприятий направляется ответ, который в зависимости от результата может быть в следующих, имеющих процессуальное значение формах:

- заключение, в котором установлен факт допущенного нарушения и точный расчет суммы налоговой недоимки;
- документ, содержащий сведения о начатой налоговой проверки в отношении налогоплательщика, решение по которой еще не принято;
- заключение об отсутствии сведений, которые могут быть квалифицированы как налоговое правонарушение или уголовное преступление.

В зависимости от варианта полученного ответа следователь уполномочен принимать процессуальное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении по основаниям, установленным в законе.

В некоторых случаях следователь имеет полномочия возбудить уголовное дело и без получения соответствующего заключения из налогового органа, если у него имеются данные обладающие признаками достаточности и достоверности (такие могут быть получены из заключений эксперта и других документальных свидетельств совершения преступления [22]).

Однако данное полномочие следователя в правоприменительной практике реализуется крайне редко, так как ответственность за принятое процессуальное решение лежит на следователе, в силу индивидуальных личностных и профессиональных особенностей право следователя остается не примененным.

В ходе осуществления судебного контроля проводится проверка достаточности совокупности предъявленных доказательств и целесообразность и обоснованность принятых следственным органом решений и в случае отсутствия достаточных оснований возбуждение уголовного дела может быть призвано незаконным и иметь дисциплинарные и иные более строгие правовые последствия для следователя.

На этом нами будет закончено рассмотрение первой группы субъектов доказывания по уголовным делам в кредитно-финансовой сфере. Субъекты второй группы по делам в финансово-бюджетной сфере: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, защитник. В подавляющем большинстве случаев заявителем о преступлении выступают налоговые органы (дело не возбуждается по обычному заявлению о преступлении, поданному заинтересованной стороной).

Вторая группа субъектов, главным образом, ха-

рактеризуется отсутствием «правового интереса» в процессе доказывания, иначе говоря, наличии определенной юридической обязанности или её отсутствию в контексте производства доказывания. О соотношении таких категорий правовой действительности как «правовой интерес», «юридический интерес», «законный интерес» имеется много научных работ [15], для целей настоящего исследования правовой интерес следует рассматривать как заинтересованность в результате расследования по уголовному делу и применение доказательств в уголовном процессе.

Говоря о субъектах доказывания второй группы, мы имеем в виду отсутствие у них правового интереса в доказывании именно в том понимании, который мы определили выше. В уголовном процессе данные лица участвуют в качестве решающих дополнительные (вспомогательные) задачи, но при этом не менее важные. Ответственность данная группа субъектов будет нести не за выполнение своих непосредственных обязанностей при доказывании по уголовному делу, а за выполнение своих профессиональных обязанностей (в качестве эксперта, переводчика и т.д.).

«Субъекты с отсутствующим правовым интересом являются участниками уголовно-процессуальных правоотношений, но не имеют ни материально-правовой, ни процессуальной заинтересованности в установлении истины по делу» [10, с. 16].

В этой связи и Федеральную налоговую службу следует отнести ко второму виду субъектов доказывания по уголовным делам о преступлениях, связанных с формированием бюджета Российской Федерации.

Итак, главным отличием субъектов двух рассмотренных нами групп является отношение к обязанности доказывания.

Возвращаясь к механизму доказывания по преступлениям в финансово-бюджетной сфере, связанных с формированием бюджета Российской Федерации, стоит отметить, что до момента поступления оперативной информации из налоговых органов в органы, занимающиеся предварительным расследованием, данная информация будет являться предметом следственной проверки.

На данном этапе проводится проверка субъективной стороны деяния нарушителей налоговой дисциплины и их руководства.

К предмету такой проверки будет относиться, например, умысел нарушений документооборота при отчетности, сокрытие налоговых данных, неправомерных вычетах по налогу на добавленную стоимость и так далее, круг обстоятельств, подлежащих проверке очень велик.

После проверки информация передается в органы предварительного расследования для принятия процессуального решения (например, о возбуждении уго-

ловного дела или об отказе в его возбуждении, о передаче материалов по подследственности).

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос создания специализированной государственной службы по расследованию преступлений в финансово-бюджетной сфере. Создание данной специальной службы представляет собой дискуссионный вопрос. Так, некоторые авторы отмечают необходимость восстановления налоговой полиции, ранее существовавшей в России [14].

К преимуществам создания нового органа государственной власти по борьбе с преступностью в экономическом секторе, на наш взгляд, можно отнести его независимость и автономность.

Другие авторы, рассматривающие проблематику создания отдельного органа по борьбе с преступлениями экономической направленности отмечают недостатки данной точки зрения, но при этом говорят о положительных моментах и учете опыта работы налоговой полиции в прошлом [20].

Рассматривая проблему более глубоко, то очевидно, что новый специализированный орган будет являться только аналогом уже существующих подразделений по борьбе с экономическими преступлениями (УЭБиПК (ОЭБиПК) МВД России и др.). Отличие может быть только в наличие полномочий по проведению предварительного расследования преступлений в финансово-бюджетной сфере.

Реализация этой идеи повлечет серьезные изменения в системе государственных органов обеспечивающих экономическую безопасность на территории России, а также неизбежное изменение в ряде действующих федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актах. Следствием этого будет неизбежное появление коллизий и пробелов, которые приведут к значительному снижению эффективности борьбы с коррупцией и ослабят экономическую безопасность государства в целом.

В настоящее время в практике сложилась ситуация, при которой уголовные дела о преступлениях в финансово-бюджетной сфере расследуются разными органами, этим поддерживается баланс интересов и не происходит «усиления» какого-либо одного правоохранительного органа, что минимизирует коррупционную составляющую.

Возвращаясь к исторической ретроспективе (о налоговой полиции), опыт уже показал, что налоговая полиция на первоначальном этапе своего существования справлялась с поставленными задачами укрепления законности и борьбы с преступностью в сфере экономики, но с течением времени эффективность работы падала [2].

На наш взгляд, решение проблемы повышения эффективности борьбы с экономическими преступле-

ниями, в частности в финансово-кредитной сфере, видится не в создании новых или восстановлении старых правоохранительных органов специализирующихся в данном направлении, а в совершенствовании структуры и повышению дисциплины в уже существующих подразделениях.

Необходимо повысить оперативность доступа сотрудников подразделений экономической безопасности к базам данных, содержащих финансовую информацию, наладить взаимодействие следственных и оперативных служб.

Повышение компетенции субъектов доказывания по данному виду уголовных дел является обязательной составляющей повышения эффективности противодействию преступлениям в финансово-кредитной сфере.

На сегодняшний день, с учетом цифровизации общественных отношений, назрела необходимость законодательного реформирования уголовного законодательства в области охраны общественных отношений от новых преступлений в финансово-бюджетной сфере. Данный вопрос не раз поднимался в научной среде [5].

Важное значение в противодействии (их профилактике, выявлении и расследовании) преступлениям налоговой направленности имеют выездные налоговые проверки, которые проводятся в соответствии со статьей 36 Налогового Кодекса Российской Федерации [16]. Актуальным являются вопросы использования полномочий, имеющихся у правоохранительных органов, которые также участвуют в проведении выездных налоговых проверок.

Взаимодействие субъектов доказывания по преступлениям, связанным с формированием бюджета Российской Федерации, также нуждается в модернизации. Так, некоторые исследователи отмечают разнотечность в методиках оценки налоговой недоимки в рамках налогового производства и уголовно-процессуального [4].

Проблемой, снижающей общую эффективность работы по доказыванию преступлений в финансово-кредитной сфере в целом, является нарушение процессуальных сроков проведения проверки сообщения о совершении преступлений.

Правоприменительная практика показывает, что предварительная проверка по налоговым преступлениям может достигать года, что является нарушением сроков (допустимо 30 суток). Данные нарушения позволяют преступникам оказывать противодействие расследованию, а также создает благоприятную почву для коррупционных проявлений.

Нарушение законности на этапе осуществления проверки сообщения о преступлении в финансово-бюджетной сфере может быть выражена в повторной

регистрации материалов в КУСП¹, вынесение обоснованных отказов в возбуждении уголовного дела и так далее.

На наш взгляд, необходимо усиление контроля за оперативностью предоставления сведений о налоговых преступлениях в налоговый орган, а далее рассмотрение материалов налоговым органом и принятия решения о квалификации противоправного деяния.

Главная задача налоговых органов – это обеспечение контроля за уплатой налогов и сборов. Главная задача субъектов доказывания при расследовании преступлений, связанных с формированием бюджета Российской Федерации – это сбор и оценка доказательств, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Подводя итоги проведенному исследованию, представляется целесообразным сделать следующие выводы.

Доказывание как динамичный процесс познания имеет следующие составляющие: объект, этапы процесса доказывания, субъект доказывания. Объектом – являются данные, указывающие на наличие преступления. Содержания доказывания состоит из нескольких последовательных этапов: сбор, проверка и процессуальная оценка доказательств. Субъекты доказывания, в широком понимании, это участники уголовного процесса, вовлеченные в этапы доказывания по уголовному делу.

В настоящее время можно выделить два вида субъектов доказывания при расследовании преступлений в финансово-кредитной сфере:

субъекты с имеющимся правовым интересом (органы и их должностные лица, которые уголовно-процессуальным законом уполномочены осуществлять процессуальную деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств);

субъекты с отсутствующим правовым интересом (принимающие участие в доказывании и решающие вспомогательные задачи).

Федеральную налоговую службу Российской Федерации следует отнести к категории субъектов с отсутствующим правовым интересом. Следственный комитет Российской Федерации, следователи которого процессуально уполномочены осуществлять доказательственную деятельность, относятся к первой категории субъектов.

Наиболее распространенным видом преступлений, совершаемых в финансовой сфере, являются налоговые преступления. Механизм доказывания по уголовным делам о данных преступлениях начинает-

ся с получения информации о признаках совершенного преступления, оценки полученных данных и последующей уголовно-правовой квалификации. Главным в процессе продвижения расследования является уяснения сути нарушенной нормы и правильной квалификации нарушения, в данном вопросе ключевую роль играют заключения налогового органа.

Основой профилактической работы в отношении преступлений, связанных с формированием бюджета Российской Федерации, является обнаружение инициатив налогоплательщиков, направленных на формирование умысла на совершение налогового преступления.

Литература

1. Авдийский В.И. Организация предупреждения правонарушений в сфере экономики: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 127 с.
2. Антошкина А.В. Об истории и причинах реформирования налоговой полиции // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (16). С. 9-11.
3. Гришанкова Е. С. Понятие и содержание процесса доказывания в уголовном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 4 (76). С. 55-58.
4. Гришин А.В. Анализ состояния и тенденции налоговых преступлений в контексте деятельности правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: сборник статей / Под ред. А.В. Гришин [и др.]. Орел, 2016. С. 39-44.
5. Евтеева Е.С. Причины появления и развития новых форм мошенничества в России // Право и проблемы функционирования современного государства: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. Махачкала: ООО «Апробация», 2017. С. 44-46.
6. Емцева К.Э. Правоприменительные аспекты противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 1 (23). С. 35-41.
7. Игнатова Н.М., Игнатов С.Д. Место следователя среди субъектов уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского универ-

¹ Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. 2014. 14 ноября.

- ситета. Серия Экономика и право. 2014. № 4. С. 140-144.
8. Курбанова М.М., Бегова Д.Я. Субъекты доказывания в уголовном процессе России // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 141-143.
 9. Лабанова С.А. Понятие, содержание и субъекты уголовно-процессуального доказывания // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 259-261.
 10. Левченко О.В. Презумпция правосубъектности участников уголовного процесса как гарантия осуществления принципа состязательности сторон в судебном разбирательстве // Проблемы состязательного правосудия: сб. науч. тр. / под ред. В.Л. Будникова. Волгоград: ВолГУ, 2005. С. 14-17.
 11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азъ, 1997. 907 с.
 12. Осокин Р.Б., Гончаров М.В. Квалификация причинения имущественного ущерба путем обмана в сфере налогообложения по субъективным признакам (на примере уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица или с организации) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 4 (84). С. 356-361.
 13. Осокин Р.Б., Цыркалюк А.А. Ошибки квалификации неоконченного уклонения от уплаты налогов и (или) сборов // Современные тенденции развития государства и права России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2010. С. 275-277.
 14. Поверенов Е.В. О необходимости восстановления Федеральной службы налоговой полиции // Регионология. 2012. № 3 (80). С. 102-108.
 15. Пономаренко И.Е. Структура правового интереса: теоретико-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 4. С. 107-112.
 16. Прошин В.М. Меры профилактики налоговых преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 119-121.
 17. Теория доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / Прокуратура СССР. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; Ред. коллегия: др. юрид. наук Н.В. Жогин и др. М.: Юрид. лит., 1966-1967. 2 т.
 18. Трунцевский Ю. Экономический порядок как объект посягательства и материальный признак преступления // Уголовное право. 2007. № 2. С. 72-76.
 19. Трунцевский Ю.В., Чесноков А.А. Некоторые проблемы использования источников информации о злоупотреблениях в процедурах банкротства // Алтайский юрид. вестник. 2015. № 2 (10). С. 111-114.
 20. Тюрин И.В. Кому доверить дела о налоговых преступлениях? Новые инициативы государства и старый опыт в решении вопроса // Статистика и экономика. 2015. № 6. С. 46-49.
 21. Цепелев В.Ф. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник. В 2 частях / В.Ф. Цепелев; под редакцией Л.И. Беляевой. М.: Академия управления МВД России, 2014. 167 с.
 22. Шилкова К.Э. Использование документов в качестве доказательств по уголовным делам об экономических преступлениях (налоговые преступления) // Наука через призму времени. 2017. № 6 (6). С. 87-90.

References

1. Avdiyskiy V.I. Organization of prevention of offenses in the field of economics: textbook for bachelors. Moscow: Yurayt, 2013. 127 p.
2. Antoshkina A.V. On the history and reasons for reforming the tax police // Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences. 2014. No. 1 (16). pp. 9-11.
3. Grishankova E.S. The concept and content of the process of proof in criminal proceedings // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2007. No. 4 (76). pp. 55-58.
4. Grishin A.V. Analysis of the state and trends of tax crimes in the context of the activities of law enforcement agencies to counteract tax crimes // Actual problems of criminal and civil proceedings. Traffic police and other law enforcement agencies as subjects of law enforcement: a collection of articles / Ed. by A.V. Grishin [et al.]. Orel, 2016. pp. 39-44.
5. Evteeva E.S. The reasons for the appearance and development of new forms of fraud in Russia // Pravo i problemy funktsionirovaniya sovremennogo gosudarstva: collection of materials of the XXVI International Scientific and Practical Conference. Makhachkala: LLC "Approbation", 2017. pp. 44-46.
6. Emtseva K.E. Law enforcement aspects of countering the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1 (23). pp. 35-41.

7. Ignatova N.M., Ignatov S.D. The place of the investigator among the subjects of criminal procedural evidence // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2014. No. 4. pp. 140-144.
8. Kurbanova M.M., Begova D.Ya. Subjects of proof in the criminal process of Russia // State Service and Personnel. 2020. No. 2. pp. 141-143.
9. Labanova S.A. The concept, content and subjects of criminal procedural evidence // Society and law. 2009. No. 1 (23). pp. 259-261.
10. Levchenko O.V. Presumption of legal personality of participants in the criminal process as a guarantee of the implementation of the principle of adversarial parties in the trial // Problems of adversarial justice: sb. nauch. tr. / ed. V.L. Budnikov. Volgograd: VolGU, 2005. pp. 14-17.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed. Moscow: Az, 1997. 907 p.
12. Osokin R.B., Goncharov M.V. Qualification of causing property damage by deception in the field of taxation on subjective grounds (on the example of tax evasion and (or) fees from an individual or an organization) // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2010. No. 4 (84). pp. 356-361.
13. Osokin R.B., Tsyrkalyuk A.A. Mistakes in the qualification of unfinished tax evasion and (or) fees // Modern trends in the development of the state and law of Russia: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Tambov: Pershina R.V. Publishing House, 2010. pp. 275-277.
14. Poverenov E.V. On the need to restore the Federal Tax Police Service // Regionology. 2012. No. 3 (80). pp. 102-108.
15. Ponomarenko I.E. Structure of legal interest: theoretical and legal aspect // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2017. Vol. 17. no. 4. pp. 107-112.
16. Proshin V.M. Measures of prevention of tax crimes // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. No. 1. pp. 119-121.
17. Theory of evidence in the Soviet criminal process [Text] / Prosecutor's Office of the USSR. All-Union. Institute for the study of the causes and development of measures to prevent crime; Ed. board: Dr. Yurid. sc. N.V. Zhogin and others. M.: Yurid. lit., 1966-1967. 2 vols.
18. Truntsevsky Yu. Economic law and order as an object of encroachment and a material sign of a crime // Criminal Law. 2007. No. 2. pp. 72-76.
19. Truntsevsky Yu.V., Chesnokov A.A. Some problems of using sources of information about abuse in bankruptcy procedures // Altai Yuridicheskiy Vestnik. 2015. No. 2 (10). pp. 111-114.
20. Tyurin I.V. To whom to entrust cases of tax crimes? New initiatives of the state and old experience in solving the issue // Statistics and Economics. 2015. No. 6. pp. 46-49.
21. Tsepelev V.F. Criminal policy and its implementation by the internal affairs bodies: textbook. In 2 parts / V.F. Tsepelev; edited by L.I. Belyaeva. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 167 p.
22. Shilkova K.E. The use of documents as evidence in criminal cases of economic crimes (tax crimes) // Nauka through the prism of time. 2017. No. 6 (6). pp. 87-90.

ИССЛЕДОВАНИЕ «ГИПОТЕТИЧЕСКОГО» ЗНАЧЕНИЯ СКОРОСТИ ДВИЖЕНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА В МОМЕНТ НАЕЗДА НА ПЕШЕХОДА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ВОДИТЕЛЕМ ТОРМОЖЕНИЯ В ЗАДАННЫЙ МОМЕНТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОПАСНОСТИ

Павел Александрович Лосев, эксперт отделения автотехнических исследований
ЭКЦ УМВД России по Тверской области (170005, г. Тверь, пл. Мира, д.1/70)
E-mail: cross.keng@yandex.ru

Аннотация. В некоторых дорожно-транспортных ситуациях с наездом на пешеходов водители применяют предусмотренное Правилами дорожного движения РФ торможение с некоторым опозданием относительно объективного момента возникновения опасности для движения либо не применяют никаких мер по снижению скорости. В таких случаях экспертным путем может быть исследован вопрос о величине «гипотетической» скорости движения ТС в момент наезда, до которой водитель мог снизить скорость управляемого ТС при применении торможения в заданный момент. Величина «гипотетической» скорости может быть использована при решении вопроса о причинно-следственной связи между действиями водителя ТС и наступившими последствиями (степенью тяжести травм, полученных пешеходом в результате ДТП).

Ключевые слова: наезд на пешехода, техническая возможность предотвратить наезд на пешехода, причинно-следственная связь, «гипотетическая» скорость движения ТС.

INVESTIGATION OF THE “HYPOTHETICAL” VALUE OF THE VEHICLE SPEED AT THE MOMENT OF HITTING A PEDESTRIAN WHEN THE DRIVER APPLIES BRAKING AT A GIVEN MOMENT OF DANGER OCCURRENCE

Pavel A. Losev, Expert of the Department of Automotive Research
ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Tver region (Tver, Peace sq, 1/70)
E-mail: cross.keng@yandex.ru

Abstract. In some road traffic situations with a collision with pedestrians, drivers apply the braking provided for by the Traffic Rules of the Russian Federation with some delay relative to the objective moment of danger to traffic, or do not apply any measures to reduce speed. In such cases, an expert can investigate the question of the value of the “hypothetical” speed of the vehicle at the time of impact, to which the driver could reduce the speed of the controlled vehicle when applying braking at a given moment. Such a value of the “hypothetical” speed can be used to solve the problem of causal relationships between the actions of the driver of the vehicle and the consequences that have occurred (the severity of injuries sustained by a pedestrian as a result of an accident).

Keywords: hit-and-run, technical ability to prevent hit-and-run, cause-and-effect relationship, “hypothetical” vehicle speed.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Лосев П.А. Исследование «гипотетического» значения скорости движения транспортного средства в момент наезда на пешехода при применении водителем торможения в заданный момент возникновения опасности. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):193-5.

Согласно официальным статистическим данным ГИБДД по итогам 2020 года на территории Российской Федерации зарегистрировано 131776 дорожно-транспортных происшествий, из них 35791 происше-

ствий произошли с участием пешеходов, в которых 3998 человек погибло, 33330 получили ранения¹.

При производстве автотехнических экспертиз по

¹ URL: <http://www.stat.gibdd.ru>.

дорожно-транспортным происшествиям с участием пешеходов нередко эксперт в ходе исследования сталкивается с ситуацией, когда водитель применяет предусмотренные Правилами дорожного движения РФ меры к торможению с некоторым опозданием относительно объективного момента возникновения опасности для движения либо не применяет никаких мер по снижению скорости.

В подобных случаях для анализа причинно-следственных связей между действиями водителя транспортного средства и наступившими последствиями (тяжестью травм, полученных пешеходом) может быть исследован вопрос о «гипотетической» скорости движения транспортного средства в момент контакта с пешеходом в случае своевременного применения водителем торможения. Данный вопрос ранее рассматривался автором в статье «О некоторых аспектах производства автотехнических судебных экспертиз по дорожно-транспортным происшествиям с участием пешеходов» [2].

В соответствии с имеющимися в настоящее время методиками исследования автотехническая судебная экспертиза при наличии необходимых данных позволяет решить вопрос о наличии (отсутствии) у водителя ТС технической возможности у предотвратить наезд на пешехода при применении торможения в заданных дорожных условиях, в том числе и возможность выхода за пределы опасной зоны пешехода при своевременном применении необходимых мер водителем [1]. Однако методики исследования вопроса о «гипотетической» скорости движения ТС в момент контактирования с пешеходом при своевременном применении водителем торможения в настоящее время отсутствуют.

В настоящей статье предлагается алгоритм определения такого значения «гипотетического» скорости движения ТС в момент контактирования с пешеходом при своевременном применении водителем торможения.

В первую очередь необходимо установить, успевал ли водитель ТС привести в действие тормозную систему автомобиля до момента наезда на пешехода по имеющимся методикам [1].

Для этого необходимо определить время, необходимое водителю на приведение в действие тормозной системы:

$$T_{\text{пр}} = t_1 + t_2 + 0,5 \cdot t_3$$

где:

t_1 – дифференцированное значение времени реакции водителя, с;

t_2 – нормативное время запаздывания срабатывания тормозного привода ТС, с;

t_3 – нормативное время нарастания замедления ТС, с.

Если эксперту не задано время движения пешехода в опасной зоне (с момента возникновения опасности), но имеются данные о расстоянии, которое было преодолено пешеходом с указанного момента до наезда, а также известна скорость движения пешехода на указанном участке пути, то при условии равномерного движения пешехода с постоянной скоростью, указанное время можно определить по следующей формуле:

$$t_n = \frac{S_n}{V_n} \cdot 3,6$$

где:

S_n – путь, который преодолел пешеход с момента возникновения опасности до наезда, м;

V_n – скорость движения пешехода на указанном участке пути, км/ч.

Сравнивая полученное значение времени необходимого водителю на приведение в действие тормозной системы $T_{\text{пр}}$ и значение времени движения пешехода в опасной зоне t_n можно сделать вывод о том, успевал ли водитель привести в действие тормозную систему управляемого ТС до момента контакта с пешеходом.

В случае если значение $T_{\text{пр}}$ окажется больше значения t_n , можно сделать вывод о том, водитель не успевал привести в действие тормозную систему ТС до момента наезда и, следовательно, не имел технической возможности снизить скорость управляемого ТС путем торможения.

В случае если значение $T_{\text{пр}}$ окажется меньше значения t_n , следовательно, можно сделать вывод о том, водитель успевал привести в действие тормозную систему ТС до момента наезда и целесообразно произвести дальнейшее исследование.

Для случая движения пешехода перпендикулярно к оси дороги и наезда на него передней частью ТС в условиях неограниченной видимости, для определения «гипотетического» значения скорости движения ТС в момент наезда на пешехода при применении водителем мер к торможению в заданный момент возникновения опасности необходимо преобразовать следующее равенство:

$$S_a = S_{\text{прив}} + S_x$$

где:

S_a – расстояние удаления ТС от места наезда на пешехода в объективный момент возникновения опасности, м;

$S_{\text{прив}}$ – расстояние, которое преодолевает ТС за время, необходимое водителю для приведения в дей-

ствие тормозной системы, м;

S_x – расстояние, которое преодолевает ТС в стадии торможения до момента наезда на пешехода, м.

Расстояние, которое преодолевает ТС за время, необходимое водителю на приведение в действие тормозной системы:

$$S_{\text{прив}} = (t_1 + t_2 + 0,5 \cdot t_3) \cdot \frac{V_a}{3,6}$$

где:

t_1 – дифференцированное значение времени реакции водителя, с;

t_2 – нормативное значение времени запаздывания срабатывания тормозного привода ТС, с;

t_3 – нормативное значение времени нарастания замедления ТС, с;

V_a – скорость движения ТС в момент возникновения опасности, км/ч.

Расстояние, которое преодолевает ТС в стадии торможения до момента наезда на пешехода:

$$S_x = \frac{V_a^2 - V_x^2}{26 \cdot j}$$

V_a – скорость движения ТС в момент возникновения опасности, км/ч;

V_x – скорость движения транспортного средства в момент контакта с телом пешехода, км/ч;

j – значение установившегося замедления ТС, м/с².

После математических преобразований вышеуказанного равенства получим, что для указанных выше условий «гипотетическое» значение скорости движения ТС в момент контакта с пешеходом при применении торможения в момент возникновения опасности будет определяться следующим выражением:

$$V_x = \sqrt{V_a^2 - 26 \cdot j \cdot (S_a - S_{\text{прив}})}$$

или после преобразования получим следующее выражение:

$$V_x = \sqrt{V_a^2 - 26 \cdot j \cdot \left[S_a - (t_1 + t_2 + 0,5 \cdot t_3) \cdot \frac{V_a}{3,6} \right]}$$

Таким образом, несмотря на то, что методами автотехнической экспертизы исследовать причинную связь между действиями водителя и наступившими последствиями не представляется возможным, а возможно лишь установить взаимосвязь между действиями водителя транспортного средства и фактом дорожно-транспортного происшествия [3], тем не менее, в отдельных ситуациях, если водитель ТС до момента контактирования с пешеходом мер к торможению не применял, либо применил их с некоторым опозданием относительно объективного момента возникновения опасности, экспертным путем возможно установить «гипотетическое» значение скорости движения ТС в момент наезда на пешехода в случае своевременного применения водителем мер к торможению. Сопоставление указанного «гипотетического» значения скорости ТС со значением фактической скорости движения ТС в момент наезда на пешехода может служить основой для дальнейшего анализа причинно-следственной связи между действиями водителя ТС и наступившими последствиями (степенью тяжести травм, полученных пешеходом).

Литература

1. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю.М. Дильдина. М.: «Интеркрим-Пресс». 2010.
2. Лосев П.А. О некоторых аспектах производства автотехнических судебных экспертиз по дорожно-транспортным происшествиям с участием пешеходов // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 202-204.
3. Экспертная практика № 76. М., ЭКЦ МВД России. 2014.

References

1. Standard expert methods of investigation of material evidence. Ch. 1 / ed. by Yu.M. Dildin. M.: "Interkrim-Press". 2010.
2. Losev P.A. On some aspects of the production of automotive forensic examinations on road accidents involving pedestrians // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. 2020. No. 6. pp. 202-204.
3. Expert practice No. 76. M., ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014.

Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

О МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОДДЕЛКИ, ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИЛИ ОБОРОТА ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Дина Александровна Мозговая, доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: mozgovayad75@mail.ru

Аннотация. Место преступления в структуре криминалистической характеристики занимает важное место. С местом преступления связано образование следов. Автор в статье анализирует информацию о месте совершения подделки документов.

Ключевые слова: место преступления, поддельный документ, криминалистическая характеристика.

ABOUT THE CRIME SCENE IN THE STRUCTURE OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF FORGERY, PRODUCTION OR TURNOVER OF FORGED DOCUMENTS

Dina A. Mozgovaya, Associate Professor of the Department of Criminalistics,
Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika
Volgina, d. 12)
E-mail: mozgovayad75@mail.ru

Abstract. The crime scene occupies an important place in the structure of the forensic characteristics. The crime scene is associated with the formation of traces. The author analyzes the information about the place of forgery in the article.

Keywords: the scene of the crime, forged documents, forensic characteristics.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Мозговая Д.А. О месте преступления в структуре криминалистической характеристики подделки, изготовления или оборота поддельных документов. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):196-8.

На протяжении ряда лет в научной среде аргументировано, с акцентом на статистические данные отстаивалась точка зрения о необходимости криминализации ряда деяний, связанных с поддельными документами, штампами, печатями и бланками. Свою озабоченность по этому поводу высказывали практические сотрудники. До недавнего времени в рамках правового поля находилась деятельность преступников, направленная только на подделку, сбыт и использование. Принятый Государственной Думой Федеральный закон № 209-ФЗ «О внесении изменений в ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹

существенно изменил диспозицию статьи, криминализовав деятельность по приобретению, хранению и перевозке поддельных документов, бланков, штампов и печатей (ч. 3 ст. 327 УК РФ). В этой связи информация об обстановке совершения преступления в структуре элементов криминалистической характеристики приобретает еще большее значение за счет расширения его границ.

Традиционно в структуру обстановки в числе прочих элементов, взаимодействующих между собой, авторы включают обстоятельства объективной реальности, характеризующие условия места и времени совершения преступления. Их установление с максимальной точностью в каждом случае расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 327 УК РФ, позволит, во-первых, установить ряд

¹ Федеральный закон от 26.07.2019 № 209-ФЗ «О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Российская газета. 2019. 31 июля.

других еще не известных элементов криминалистической характеристики преступлений; во-вторых, построить обоснованные версии относительно количества эпизодов преступной деятельности; в-третьих, подготовить реальный план мероприятий по предотвращению аналогичных преступлений.

Определив, что местом приобретения поддельных документов является конкретное жилое или нежилое помещение, территория парка, торгового центра следователь (дознатель) инициирует ряд розыскных и следственных действий по установлению лиц, сбывавших такие документы, лиц, оказавшихся свидетелями преступления. Ранее при задержании лица, использовавшего поддельный документ, место приобретения исследовалось не в полной мере. Общим упущением являлось то, что оно не изучалось сквозь призму связи с лицом, сбывшим поддельные документы. Выяснив при допросе то обстоятельство, что документ приобретен в конкретном месте у неизвестного лица, необходимость в проведении осмотра места сбыта поддельного документа становилась очевидной. Анализ же протоколов осмотра места происшествия показал, что их большинство отличается малой информативностью, а в некоторых случаях формализмом. Из изученных 382 уголовных дел, в 47% место сбыта осматривалось сотрудником, в производстве которого уголовное дело не находилось. Осмотр места происшествия выполнялся сотрудниками органа дознания в рамках поручения со значительным разрывом во времени с момента возбуждения уголовных дел.

Характерной особенностью, которая была установлена на основе анализа архивных уголовных дел, является то, что место изготовления или подделки документов, бланков, печатей, штампов ни на первоначальном, ни на последующем этапе расследования в большинстве случаев не удавалось установить. Тогда как место приобретения указывалось более чем в 90% случаев. В ситуации, когда в ходе расследования место изготовления подложного документа было установлено, им являлось:

- жилище подозреваемого, чаще арендованное, чем собственное;
- оборудованное складское и подсобное помещение;
- рабочее место подозреваемого;
- переоборудованные строения, такие как бытовки и вагоны.

Показательным является следующий пример, гр-н П., в конце декабря 2015 года в брошенном строительном вагончике оборудовал офис, в котором установил стол, компьютер и принтер, сообщив своим знакомым о возможности изготовления документов миграционного учета. В оборудованном вагончике он изготавливал и распечатывал бланки миграционных карт и уведомлений о прибытии иностранного гражданина или

лица без гражданства в место пребывания¹.

Место подделки паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа в целях его использования в процессе расследования удается установить почти в каждом случае и здесь характерными являются место жительства подозреваемого, место его работы. В нескольких случаях местом подделки являлся салон личного автомобиля.

Местами сбыта подложных документов являются рынки, остановки общественного транспорта, парки, почтовые отделения, крупные торговые центры. Реже местом сбыта преступники избирают место изготовления подложных документов или место жительства «покупателя». Обозначенная ситуация сохраняется на протяжении многих лет.

Авторы в своих работах разного периода отмечали, что местом сбыта в преимущественном большинстве случаев выступает общественное место [1, с. 52]. Вызвано это возможностями для преступников быстро скрыться в случае опасности, не привлекая к себе внимания, под видом деловой или приятельской встречи передать поддельный документ и получить деньги, использовать камеры хранения для вуалирования факта сбыта и приобретения.

В свете последней редакции ст. 327 УК РФ границы осмотра значительно расширяются за счет установления места приобретения поддельных документов, бланков, штампов, печатей, места их хранения и перевозки. Местами приобретения по-прежнему остаются остановки общественного транспорта, парки, крупные торговые центры, вокзалы.

Безусловно, как и место изготовления поддельных документов, так и место приобретения, хранения, перевозки зависит от субъектного состава и преступных навыков. Преступники, осуществляющие противоправную деятельность в составе группы и преступники-одиночки, поставившие изготовление подложных документов «на поток» предпочитают съемное жилье с удобным месторасположением вблизи крупных торговых центров, авто и железнодорожных вокзалов и станций метро. В этой связи полагаем, что общественный транспорт будет избираться преступниками чаще, чем личный.

Не только субъектную связь можно установить, изучив место изготовления, сбыта, приобретения, хранения и перевозки поддельных документов, но и временную. Время совершения подделки документов, печатей, штампов, бланков удавалось точно установить в менее 40% случаев от общего числа расследованных уголовных дел. Отличительной особенностью является то, что подделка в целях дальнейшего использования преимущественно совершалась в вечернее время,

¹ Уголовное дело № 1-182/2018 архив Левобережного районного суда г. Воронежа.

а подделка или изготовление в целях сбыта в дневное.

Имеет ли практическое значение информация о типичном месте совершения подделки, сбыта, изготовления, приобретения, хранения и перевозки поддельных документов или их бланков? На этот вопрос без сомнения можно дать утвердительный ответ. Во-первых, знание сотрудниками полиции наиболее вероятных мест совершения преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, позволит целенаправленно вести профилактическую работу. Во-вторых, изучение места преступления призвано обеспечить информацией о характерных следах, указывающих на определенный способ подделки, изготовления, сбыта. В-третьих, информация о месте преступления неразрывно связано с информацией о личности преступника и, что еще более ценно, о его преступных навыках по изготовлению или подделке документов.

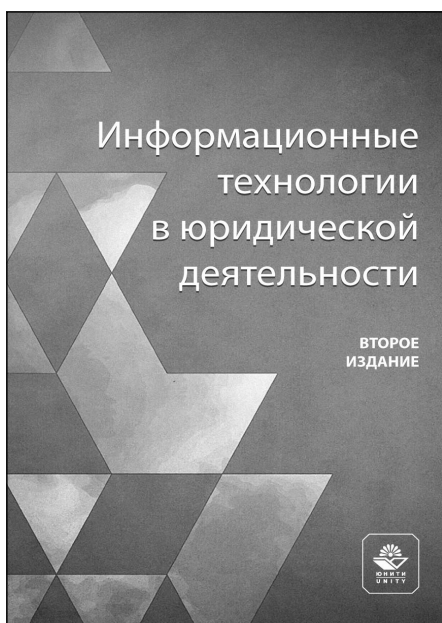
Литература

1. Омелянович В.В., Булатов Б.Б. Сведения об

обстановке совершения подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, печатей, штампов, бланков при осуществлении доказывания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 327 УК РФ // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4(50). С. 51-54.

References

1. Omelyanovich V.V., Bulatov B.B. Information about the situation of the commission of forgery, manufacture or sale of forged documents, state awards, seals, stamps, forms in the implementation of evidence in criminal cases of crimes under Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. №. 4 (50). S. 51-54.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А.И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий.

Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления утраченных данных, надежного удаления данных и т.д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫЙ РОЗЫСК

Максим Юрьевич Тарасов, ведущий научный сотрудник НИЦ-3, кандидат юридических наук, государственный советник юстиции 3 класса, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации
ФКУ НИИ ФСИН России (125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1)
E-mail: tarasov0123@gmail.com

Аннотация. Рассматривается процедура объявления в международный розыск лица в целях ареста и выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора где неизменно фигурируют такие категории как основания и условия. Между тем, в специальной литературе, посвященной вопросам международного розыска, отсутствует достаточная ясность в понимании указанных категорий, в качестве оснований и условий объявления в международный розыск называются разные обстоятельства, часто условия не отграничиваются от оснований, порой они просто смешиваются друг с другом.

На основании проведенного исследования дается понятие оснований и условий объявления лица в международный розыск, приводится их система, аргументируется включение в нее тех или иных обстоятельств. На основе предложенной системы раскрывается конкретное содержание оснований и условий объявления в международный розыск с учетом действующих в этой сфере нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: международный розыск, межгосударственный розыск, основания объявления в международный розыск, условия объявления в международный розыск, содержание оснований объявления в международный розыск, система условий объявления в международный розыск.

BASIS AND CONDITIONS FOR ANNOUNCEMENT IN THE INTERNATIONAL SEARCH

Maksim Yu. Tarasov, Leading Researcher of the Scientific Research Center-3, Candidate of Legal Sciences, State Counselor of Justice of the 3rd class, Honorary Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service Russia (125130, Moscow, Narvskaya str., 15a, build. 1)
E-mail: tarasov0123@gmail.com

Abstract. In the procedure for declaring a person on the international wanted list for the purpose of arrest and extradition for criminal prosecution or execution of a sentence, such categories as grounds and conditions invariably appear. Meanwhile, in the special literature devoted to the issues of international search, there is no sufficient clarity in the understanding of these categories, different circumstances are named as the grounds and conditions for declaring them on the international wanted list, conditions are often not delimited from the grounds, sometimes they are simply mixed with each other.

In the article, on the basis of the conducted research, the concept of the grounds and conditions for declaring a person on the international wanted list is given, their system is given, and the inclusion of certain circumstances in it is argued. On the basis of the proposed system, the specific content of the grounds and conditions for declaring it on the international wanted list is disclosed, taking into account the regulatory legal acts in force in this area.

Keywords: international search, interstate search, grounds for declaring an international wanted list, conditions of the international wanted list, the content of the grounds for declaring it on the international wanted list, system of conditions for declaring an international wanted list.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Тарасов М.Ю. Основания и условия объявления в международный розыск. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):199-204.

В процедуре объявления в международный розыск лица в целях ареста и выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора неизменно

фигурируют такие категории как основания и условия. Так, в Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпо-

ла, утвержденной Приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ 971 от 06.10.2006¹ (далее для краткости – Инструкция по линии Интерпола), есть специальный раздел, который так и называется «Условия и основания объявления в международный розыск обвиняемых и осужденных»². В Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц, утвержденном Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 30 октября 2015 года (далее для краткости – Регламент межгосударственного розыска)³ также говорится об основаниях объявления межгосударственного розыска на территориях Сторон (п. 15) и формулируется ряд условий, в зависимости от которых различаются действия компетентных органов при установлении разыскиваемого лица, объявленного в межгосударственный розыск (п. 25, 26, 27).

Между тем, в специальной литературе, посвященной вопросам международного розыска, отсутствует достаточная ясность в понимании указанных категорий, в качестве оснований и условий объявления в международный розыск называются разные обстоятельства, часто условия не отграничиваются от оснований, порой они просто смешиваются друг с другом.

Так, например, А.И. Бастрыкин в разделе учебника по криминалистике, специально посвященном условиям и основаниям объявления в международный розыск обвиняемых и осужденных, не называет прямо какие-то обстоятельства основаниями для объявления международного розыска [1, с. 191, 193]. А в качестве условий его объявления указываются в разном контексте следующие обстоятельства:

- в результате оперативно-разыскных мероприятий получена информация о выезде разыскиваемого за пределы России либо об имевшемся у него намерении выехать за границу, а также о наличии у него деловых, родственных и иных связей за рубежом;
- по каналам Интерпола может быть объявлен розыск только на территории стран, являющихся членами этой организации;
- международный розыск следует назначать после объявления федерального розыска или

одновременно с ним;

- наличие постановления об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу либо приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы;
- предварительное проведение ряда проверочных мероприятий, направленных на установление сведений о том, выдавался ли разыскиваемому заграничный паспорт; подавал ли разыскиваемый ходатайство о выезде на постоянное место жительства в зарубежное государство; какие идентификационные материалы имеются на разыскиваемое лицо; и др. [3, с. 193-194].

А.С. Шаталов называет основанием для международного розыска официальное обращение (запрос) органа внутренних дел, направляемое в НЦБ Интерпола в России [3, с. 396].

И.В. Путова вместе с В.П. Илларионовым указывает в качестве основания для объявления международного розыска постановление об этом, предлагая ввести в этих целях специальную форму международного ордера на арест, а в качестве условий такие обстоятельства как:

- если в результате оперативно-разыскных мероприятий получена информация о выезде разыскиваемого за пределы России либо об имевшемся у него намерении выехать за границу, а также о наличии у него деловых, родственных и иных связей за рубежом;
- по каналам Интерпола может быть объявлен розыск только на территории стран, являющихся членами Международной организации уголовной полиции;
- международный розыск следует объявлять после объявления федерального розыска или одновременно с ним;
- наличие постановления об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу либо приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы [2, с. 12-14].

Вместе с В.С. Овчинским И.В. Путова указывает в качестве условий международного розыска обвиняемых, задержанных⁴ и осужденных:

- через НЦБ Интерпола не осуществляется международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных за совершение преступлений, носящих политический, военный, религиозный или расовый характер;
- скрывшиеся обвиняемые и подсудимые объявляются в международный розыск через НЦБ Интерпола при условии, что они обвиняются

¹ Приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» // СПС КонсультантПлюс [дата обращения 20.11.2020].

² УПК РФ предусматривает также объявление розыска подсудимого (ч. 3 ст. 253).

³ Регламент компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц. Утвержден решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц от 30 октября 2015 года // Кодекс // <http://docs.cntd.ru/document/420389266> [дата обращения 20.11.2020].

⁴ Об объявлении международного розыска задержанных говорится в использованном источнике, что представляется не вполне логичным: зачем объявлять лицо в розыск, если оно задержано.

в совершении преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления;

- уклоняющиеся от отбывания уголовного наказания и совершившие побег осужденные объявляются в международный розыск через НЦБ Интерпола при условии, что они осуждены к лишению свободы;
- в организации международного розыска по каналам Интерпола может быть отказано в том случае, если в соответствии с национальным законодательством того государства, на территории которого требуется проведение розыскных мероприятий, общественно опасное деяние, в совершении которого обвиняется разыскиваемый или за совершение которого разыскиваемый был осужден, не влечет уголовной ответственности;
- проведение до передачи в НЦБ Интерпола (в филиал) запроса об объявлении в международный розыск обвиняемого, подсудимого и осужденного ряда проверочных мероприятий [4, с. 540-541].

Здесь же в качестве основания для объявления международного розыска с целью ареста и выдачи называется поручение Генеральной прокуратуры РФ обратиться по каналам Интерпола к компетентным органам иностранных государств с запросом о задержании разыскиваемого обвиняемого, подсудимого и осужденного до получения официального ходатайства о его выдаче.

Оценивая приведенные высказывания, необходимо, прежде всего, отграничивать основания объявления лица в международный розыск и условия, необходимые для этого.

В качестве оснований объявления лица в международный розыск выступает совокупность фактических обстоятельств (сведений о них), дающих основание для обоснованного предположения, что разыскиваемое лицо скрывается за границей.

Среди таких обстоятельств следует различать фактические и документальные основания. А.И. Бастрыкин пишет также о правовых основаниях международного розыска, не определяя при этом, в чем они конкретно выражаются [1, с. 191].

Мы полагаем, что правовые основания для международного розыска представляют собой систему нормативно-правовых актов, регулирующих полномочия и порядок осуществления розыскных действий правоохранительных органов. В указанную систему нормативно-правовых актов традиционно включаются Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, международные договоры, нормы и принципы международного права, подзаконные нормативные правовые акты [5, с. 40].

Фактические основания представляют собой све-

дения о таких обстоятельствах, которые указывают на необходимость производства розыскных действий за рубежом.

В Инструкции по линии Интерпола предусмотрено, что международный розыск лиц объявляется лишь в том случае, если в результате проведенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий:

- получены данные о выезде разыскиваемого лица за пределы Российской Федерации;
- достоверно установлены имеющиеся у разыскиваемого лица родственные, дружеские и иные связи за пределами Российской Федерации;
- получена достоверная информация об имевшемся у разыскиваемого лица намерении выехать из Российской Федерации с деловой или иной целью (п. 114).

Именно эти обстоятельства выступают в качестве фактических оснований для объявления лица в международный розыск. Поэтому неточным является отнесение их к условиям объявления розыска, как это делают указанные выше авторы (А.И. Бастрыкин, В.П. Илларионов, И.В. Путова).

Для правильного определения документального основания объявления лица в международный розыск необходимо выделить тот документ, в котором находит отражение первоначальное решение о производстве международного розыска, и выяснить его документальную основу. Таким документом является постановление сотрудника розыскного подразделения, в производстве которого находится розыскное дело, об объявлении обвиняемого, осужденного в международный розыск. В случае международного розыска такой порядок установлен в п. 123 Инструкции по линии Интерпола. Межгосударственный розыск лица также в соответствии с п. 18 Регламента межгосударственного розыска объявляется постановлением компетентного органа, осуществляющего розыск. В обоих случаях в качестве документального основания постановления об объявлении в международный розыск указывается постановление о розыске, вынесенное по уголовному делу в соответствии с ч. 1 ст. 210 УПК РФ, на что прямо указано в Инструкции по линии Интерпола (п. 121.1)

В ст. 253 УПК РФ в качестве документального основания для розыска в случае приостановления производства по делу в отношении скрывшегося подсудимого называется также определение или постановление суда о розыске скрывшегося подсудимого (ч. 3 ст. 253). Это обстоятельство представляется необходимым также отразить в Инструкции по линии Интерпола среди документальных оснований для объявления международного розыска в п. 121.

В Инструкции по линии Интерпола к числу документальных оснований для объявления междуна-

родного розыска добавлено еще указание прокурора, данное по поручению судьи в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 238 УПК РФ (п. 121.2). Строго говоря, в ч. 2 ст. 238 УПК РФ об «указании» прокурора прямо не сказано. Закон предусматривает лишь, что судья «поручает прокурору обеспечить его [скрывшегося] розыск». По логике вещей, прокурор может обеспечить розыск скрывшегося только одним способом – дав поручение об этом органу дознания, осуществляющему розыскную деятельность. Однако ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» или Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» таким полномочием прокурор прямо не наделен, в связи с чем представляется необходимым дополнить текст ч. 2 ст. 238 УПК РФ следующим предложением: «Прокурор в этом случае дает органу дознания соответствующие указания». Тогда норма в п. 121.2 Инструкции по линии Интерпола об «указании прокурора, данного по поручению судьи» обретет необходимую легитимность.

Следовательно, документальными основаниями объявления лица в международный розыск являются:

- постановление о розыске обвиняемого либо постановление о приостановлении предварительного следствия (дознания), содержащие поручение о розыске, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УПК РФ;
- определение или постановление суда о розыске скрывшегося подсудимого, вынесенные в соответствии с ч. 3 ст. 253 УПК РФ;
- указание прокурора, данное по поручению судьи в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 238 УПК РФ [с учетом предложенного дополнения закона].

В специальной норме о документальных основаниях объявления лица в международный розыск, содержащейся в п. 121 Инструкции по линии Интерпола, названы только два из указанных оснований – постановление следователя (п. 121.1) и указание прокурора (п. 121.2). Приведенные выше рассуждения убеждают в необходимости включить в их число также третье – определение (постановление) суда.

В связи со сказанным представляется неточным указывать в качестве документального основания для объявления международного розыска постановление об объявлении международного розыска (В.П. Илларионов, И.В. Путова), запрос органа внутренних дел в НЦБ Интерпола в России (А.С. Шаталов), поручение Генеральной прокуратуры РФ (В.С. Овчинский, И.В. Путова), поскольку указанные документы являются «исполнительскими» в процедуре объявления международного розыска по отношению к постановлению (определению, указанию) об объявлении розыска.

Условия объявления в международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных – это обя-

зательные обстоятельства, предпосылки, определяющие, обуславливающие принятие соответствующего решения. Предпринятый анализ позволяет выделить следующие условия объявления в международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных: политические; уголовно-правовые; уголовно-процессуальные; территориальные; хронологические.

Политические условия объявления в международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных. Суть их состоит в запрете международного розыска лиц, обвиняемых в совершении преступлений, носящих политический, военный, религиозный или расовый характер.

Политические условия объявления в международный розыск вытекают из Устава Международной организации уголовной полиции Интерпола¹, в ст. 3 которого записано: «Организации категорически запрещается осуществлять какое-либо вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера». Аналогичная норма установлена в Инструкции по линии Интерпола, в п. 117 которой предусмотрено, что международный розыск лиц, обвиняемых в совершении преступлений, носящих политический, военный, религиозный или расовый характер не осуществляется.

При несоблюдении этого условия государством – инициатором объявления международного розыска обвиняемого, осужденного Генеральным секретариатом Интерпола может быть в одностороннем порядке принято решение об отказе в международном розыске и исключении сведений о розыске лица из учетов Интерпола.

Уголовно-правовые условия объявления в международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных предусматривают определенный порог тяжести совершенного преступления, ниже которого деяние не включается в сферу системы международного розыска.

В соответствии с п. 118 Инструкции по линии Интерпола обвиняемые, скрывшиеся от органов дознания, следствия или суда, объявляются в международный розыск при условии, что они обвиняются в совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких. В п. 119 той же Инструкции предусмотрено, что осужденные, уклоняющиеся от отбывания наказания в виде лишения свободы или совершившие побег из мест лишения свободы, объявляются в меж-

¹ Constitution of the ICPO-INTERPOL [I/CONS/GA/1956 (2017)] // <https://www.interpol.int/Who-we-are/Commission-for-the-Control-of-INTERPOL-s-Files-CCF/About-the-CCF>. На указанном сайте дана актуальная редакция нормативного акта. В России опубликован текст Конституции в переводе на русский язык по состоянию на 1 января 1986 года: Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол) (вступил в силу 13 июня 1956 г., с изменениями по состоянию на 1 января 1986 г.) // <http://docs.cntd.ru/document/1901939/> [дата обращения 20.11.2020].

дународный розыск при условии, что они осуждены к наказанию в виде лишения свободы на срок не менее четырех месяцев.

Если в соответствии с национальным законодательством того государства, на территории которого требуется проведение розыскных мероприятий, общественно опасное деяние, в совершении которого обвиняется разыскиваемый или за совершение которого разыскиваемый был осужден, не влечет уголовной ответственности, в организации международного розыска может быть отказано.

Уголовно-процессуальные условия объявления в международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных касаются обязательного избрания в отношении разыскиваемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Это условие относится к объявлению только международного розыска. Условия межгосударственного розыска несколько иные. В соответствии с п. 25, 26 Регламента межгосударственного розыска допускается розыск лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, или в отношении которого мера пресечения вовсе не избрана. В отличие от этого при объявлении международного розыска обязательным условием является избрание в отношении разыскиваемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Экземпляр постановления об объявлении лица в международный розыск должен быть вручен следователю для обращения в суд в порядке ч. 5 ст. 108 УПК РФ с целью получения судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого.

В ч. 2 п. 123 Инструкции по линии Интерпола предусмотрено вручение экземпляра постановления об объявлении лица в международный розыск с той же целью также прокурору. Эта норма, на наш взгляд, подлежит исключению из Инструкции, поскольку действующее законодательство не наделяет прокурора правом обращаться в суд с ходатайством об избрании меры пресечения.

Если судьей будет принято решение об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании обвиняемому, в отношении которого вынесено постановление об объявлении в международный розыск, меры пресечения в виде заключения под стражу, то в соответствии с ч. 3 п. 123 Инструкции по линии Интерпола это постановление аннулируется и в дальнейшем возможно лишь проведение проверки по учетам Генерального секретариата и национальным учетам иностранных государств – членов Интерпола.

В соответствии с п. 121 Инструкции по линии Интерпола обязательным условием объявления в международный розыск обвиняемых и осужденных при наличии сведений, указывающих на то, что это

лицо скрывается от уголовного преследования или наказания за пределами Российской Федерации, является постановление органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, об объявлении лица в международный розыск. Мы полагаем такую норму излишней в силу ее тавтологичности. По сути, она предусматривает, что условием для решения об объявлении лица в международный розыск, которое оформляется постановлением сотрудника розыскного подразделения, является это самое постановление.

Территориальные условия объявления в международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных определяют, что розыск проводится в пределах территории государств, заключивших соответствующие соглашения. Соответственно, через НЦБ Интерпола согласно п. 113 Инструкции по линии Интерпола возможно объявление розыска лиц только на территории иностранных государств – членов Интерпола. Межгосударственный розыск в соответствии с Регламентом межгосударственного розыска осуществляется в пределах территории государств – участников СНГ (п. 2). В п. 116 Инструкции по линии Интерпола отмечается, что международный розыск лиц не подменяет собой межгосударственный розыск в пределах государств-участников СНГ и может осуществляться параллельно с ним.

Хронологические условия объявления в международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных – так обозначено условие, в соответствии с которым определяется последовательность объявления международного и межгосударственного розыска, с одной стороны, и федерального розыска – с другой. И международный и межгосударственный розыск не могут объявляться прежде, чем будет объявлен федеральный розыск. При этом и международный и межгосударственный розыск могут объявляться как после, так и одновременно с объявлением федерального розыска.

Так, в соответствии с п. 115 Инструкции по линии Интерпола обязательным условием объявления и осуществления международного розыска лица является его объявление в федеральный розыск на территории России. Международный розыск лица объявляется после либо одновременно с объявлением федерального розыска. При наличии подтвержденных сведений о выезде разыскиваемого лица из Российской Федерации международный розыск объявляется незамедлительно одновременно с объявлением федерального розыска.

Аналогичная норма содержится в Регламенте межгосударственного розыска: межгосударственный розыск объявляется в случаях, когда меры, принятые инициатором розыска, не привели к установлению местонахождения или задержанию разыскиваемого лица и (или) имеются основания предполагать, что

разыскиваемое лицо выехало или намеревалось выехать на территорию Стороны, не являющейся инициатором розыска, и (или) имеются сведения о наличии родственных и иных связей разыскиваемого на ее территории (п. 15).

В Инструкции по линии Интерпола есть норма, определяющая также хронологическую последовательность объявления международного и межгосударственного розыска. В соответствии с п. 116 этой Инструкции обязательным условием объявления международного розыска является предварительное или одновременное объявление межгосударственного розыска. Полагаем, что такая норма является излишней. Во-первых, международный розыск лиц не подменяет собой межгосударственный розыск в пределах государств-членов СНГ и может осуществляться параллельно с ним. Во-вторых, каналы Интерпола для осуществления межгосударственного розыска на территории государств-участников СНГ не задействуются. Наконец, главное, что на территории России сложился такой порядок, в соответствии с которым объявление межгосударственного розыска происходит одновременно с объявлением лица в федеральный розыск без вынесения специального постановления.

Предварительное объявление и проведение федерального розыска означает проведение до передачи в НЦБ Интерпола запроса об объявлении в международный розыск обвиняемого, подсудимого и осужденного ряда проверочных мероприятий, поэтому, по сути, охватывает соответствующее условие, выделенное в исследовании В.С. Овчинского и И.В. Путовой и отмеченное выше.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно определить, что в деятельности по объявлению международного розыска лица в целях ареста и выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора следует различать *основания*, в качестве которых выступает совокупность фактических обстоятельств (сведений о них), дающих основание для обоснованного предположения, что разыскиваемое лицо скрывается за границей (с разграничением правовых, фактических и документальных оснований), и условия – как обязательные обстоятельства, предпосылки, определяющие, обуславливающие принятие соответствующего решения, среди которых в зависимости от предмета различаются политические,

уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, территориальные и хронологические условия объявления международного розыска.

Литература

1. Бастрыкин А.И. Криминалистика. Техника, тактика и методика расследования преступлений. Научно-практическое пособие. СПб.: Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2009. 460 с.
2. Илларионов В.П., Путова И.В. Правовые и организационно-методические аспекты международного розыска преступников. Учебное пособие. М.: Книжный мир, 1999. 94 с.
3. Криминалистика: Учебник / Под ред. А.Г. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2000. 687 с.
4. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова, А.Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2004. 848 с.
5. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М.: ИНФРА-М, 2006. 832 с.

References

1. Bastrykin A.I. Forensic science. Technique, tactics and methods of crime investigation. Scientific and practical guide. SPb: R. Arslanov's Publishing House "Legal Center Press", 2009. 460 p.
2. Illarionov V.P., Putova L.V. Legal, organizational and methodological aspects of the international search for criminals. Tutorial. M.: Knizhnyi mir, 1999. 94 p.
3. Forensic science: Textbook / Ed. A.G. Filippov. 2nd ed., Rev. and add. M.: Spark, 2000. 687 p.
4. Operational-search activity: Textbook. 2nd ed., Add. and revised / Ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilova, A.Yu. Shumilova. M.: INFRA-M, 2004. 848 p.
5. Theory of operational-search activity: Textbook / Ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilova. M.: INFRA-M, 2006. 832 p.

УДК 343.1
ББК 67.411

DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-205-210
© В.Ю. Федорович, О.В. Химичева, А.В. Андреев, 2021

Научные специальности: 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность; 12.00.09 – уголовный процесс

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Василий Юрьевич Федорович, заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12)

E-mail: office@unity-dana.ru

Ольга Викторовна Химичева, начальник кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12)

E-mail: olga-him@mail.ru

Алексей Владимирович Андреев, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12)

E-mail: andreev68rus@yandex.ru

Аннотация. В современном научном пространстве все активнее исследуются потенциальные сферы использования технологий информатизации и искусственного интеллекта. Создается нормативная правовая база использования этих технологий, в том числе и в сфере юриспруденции. Рассматривая возможные способы внедрения технологий информатизации и искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство, авторы предлагают основываться на международных документах и использовать зарубежный опыт. В статье сделан вывод о необходимости ускоренной информатизации производства по уголовным делам и возможности использования в качестве вспомогательного средства при принятии процессуальных решений технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информатизация, будущее уголовного судопроизводства, помощник следователя, процессуальные решения, внедрение искусственного интеллекта, направления развития уголовного судопроизводства.

INTRODUCTION OF INFORMATIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES AS PROSPECTIVE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vasiliy Yu. Fedorovich, Deputy Chief of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot' on scientific work, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: office@unity-dana.ru

Olga V. Khimicheva, Head of the Department of criminal proceedings, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of high school of the Russian Federation

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: olga-him@mail.ru

Alexey V. Andreev, Senior Lecturer of the Department of criminal proceedings, Candidate of Legal Sciences

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: andreev68rus@yandex.ru

Abstract. In the modern scientific space, potential areas of use of informatization and artificial intelligence technologies are increasingly being explored. A regulatory legal framework is being created for the use of these technologies, including in the field of jurisprudence. Considering possible ways of introducing informatization and artificial intelligence technologies into criminal proceedings, the authors propose to be based on international documents and use foreign experience. The article concludes that there is a need for accelerated informatization of criminal proceedings and the possibility of using artificial intelligence technologies as an auxiliary tool in making procedural decisions.

Keywords: artificial intelligence, informatization, the future of criminal proceedings, assistant investigator, procedural decisions, introduction of artificial intelligence, directions of development of criminal proceedings.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Федорович В.Ю., Химичева О.В., Андреев А.В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):205-10.

Двадцать первый век часто называют веком информационных технологий. Новые технологии, пользу которых для граждан, общества и государства трудно недооценить, развиваются столь стремительно, что часто остаются вне сферы правового регулирования. Это порождает оживленные научные дискуссии, вектор которых трансформируется вслед за новыми ИТ-технологиями. Так, еще десять лет назад весьма востребованными были научные изыскания, связанные с систематизацией и анализом различных процессов (ученые пытались проанализировать различные явления и процессы и упорядочить их, описав определенной системой); пять лет назад актуальность приобрели идеи использования «блокчейн» технологий в различных областях жизни общества; а в настоящее время активно обсуждается информатизация общества внедрение искусственного интеллекта¹.

Конечно, не осталось в стороне от процесса цифровизации и уголовное судопроизводство, в которое, несмотря даже на отсутствие должного правового регулирования, все активнее проникают ИТ-технологии. Очевидно, что эти технологии весьма разнородны, соответственно, дифференцируются и способы их использования при производстве по уголовным делам. В связи с этим возникает потребность четкого разграничения понятий «информатизация» и «искусственный интеллект».

Термин «информатизация» произведен от понятия «информационные технологии», к которым Федеральный закон относит процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [3]. Иными словами, под информатизацией следует понимать форму выражения указанных действий, неразрывно связанную с использованием информации и заменяющую процессы в

классическом виде. Так, под информатизацией следует понимать, например, электронный документооборот, различные электронные базы данных, предоставление государственных услуг и сведений в дистанционном формате; а в уголовном судопроизводстве, в частности, – предусмотренный ст. 474.1 УПК РФ порядок использования электронных документов (ходатайств, заявлений, жалоб, представлений).

Искусственный интеллект является более сложным и неоднозначным явлением.

Мощный импульс форсированному внедрению искусственного интеллекта во все сферы жизни общества придала утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [4]. Этот документ обозначил цели развития искусственного интеллекта в Российской Федерации – не только обеспечение роста благосостояния и качества жизни ее населения, но также обеспечение национальной безопасности и правопорядка, достижение устойчивой конкурентоспособности российской экономики, в том числе лидирующих позиций в мире в области искусственного интеллекта. Значение данной стратегии сложно переоценить, поскольку именно в ней определены исходные понятия, сформулированы основные принципы и приоритетные направления развития и использования технологий искусственного интеллекта и др.

В развитие положений указанной Стратегии Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ [2] на законодательном уровне сформулировал понятие «искусственный интеллект» как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека (п. 2 ч. 1 ст. 2). При этом в данном законе не просто продублированы положения Стратегии (п. «а» ст. 5), но и содержится бо-

¹ Так, анализ данных, хранящихся в научной электронной библиотеке «eLibrary» [5], показывает, что по проблемам «блокчейн» в 2016 году подготовлено 112 статей и других публикаций, а в 2018 году – уже 2563; вопросам искусственного интеллекта в 2016 году посвящено 1096 научных публикаций, из них 6 по проблемам уголовного судопроизводства, в 2020 году – 4509, из них 65 связаны с производством по уголовным делам.

лее развернутое толкование сущности искусственного интеллекта – комплекса технологических решений, который включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений (п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ).

Как видим, некоторые шаги по устранению законодательного вакуума в вопросах использования искусственного интеллекта, который, по мнению ряда исследователей, явился следствием отсутствия единого правового подхода к установлению сущностных характеристик данного понятия [8, с. 197–206], уже предприняты. Основываясь на определении, содержащемся в указанных выше Стратегии и Федеральном законе №-123-ФЗ, к основным признакам искусственного интеллекта следует относить: а) технологическую (информационную) систему; б) обрабатывающую исходную информацию (сведения); в) принимающую решение, сопоставимое с результатами интеллектуальной деятельности человека. Другими словами, это некий комплекс технологий, который на основе первоначальных данных принимает решение.

Представляется, что, несмотря на всю прогрессивность технологий информатизации и искусственного интеллекта, не все они в полной мере применимы в юриспруденции, в том числе в области уголовного судопроизводства. И прежде всего, это касается технологий искусственного интеллекта в силу полного отсутствия их уголовно-процессуального регулирования.

Так, сторонники внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство часто ссылаются на Европейскую этическую хартию по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении, утвержденную 04.12.2018 Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы [1]. В этом первом в данной области международном документе сформулированы пять основных принципов, которыми может руководствоваться национальный законодатель при использовании технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве:

- 1) уважения основных прав человека;
- 2) отсутствия дискриминации;
- 3) качества и безопасности обработки судебных решений;
- 4) прозрачности, беспристрастности и справедливости;
- 5) возможности для властей или независимых экспертов проводить внешние проверки («под контролем пользователя»).

Ученый-процессуалист Н.Н. Апостолова, рас-

сматривая проблемы применения искусственного интеллекта, приходит к выводу, что указанные выше принципы должны лечь в основу российского законодательства с учетом национальных особенностей, что в свою очередь приведет эффективности, оперативности и объективности уголовного судопроизводства, отвечающим потребностям жизни современного общества [6, с. 139].

Надо отметить, что отечественный законодатель гораздо более тщательно подошел к разработке принципов развития и использования в нашей стране технологий искусственного интеллекта. Так, согласно п. 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года к числу таких основных положений отнесены:

а) защита прав и свобод человека: обеспечение защиты гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики;

б) безопасность: недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта;

в) прозрачность: объяснимость работы искусственного интеллекта и процесса достижения им результатов, недискриминационный доступ пользователей продуктов, которые созданы с использованием технологий искусственного интеллекта, к информации о применяемых в этих продуктах алгоритмах работы искусственного интеллекта;

г) технологический суверенитет: обеспечение необходимого уровня самостоятельности Российской Федерации в области искусственного интеллекта, в том числе посредством преимущественного использования отечественных технологий искусственного интеллекта и технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта;

д) целостность инновационного цикла: обеспечение тесного взаимодействия научных исследований и разработок в области искусственного интеллекта с реальным сектором экономики;

е) разумная бережливость: осуществление и адаптация в приоритетном порядке существующих мер, направленных на реализацию государственной политики в научно-технической и других областях;

ж) поддержка конкуренции: развитие рыночных отношений и недопустимость действий, направленных на ограничение конкуренции между российскими организациями, осуществляющими деятельность в области искусственного интеллекта.

Представляется, эти принципы использования

технологий искусственного интеллекта нуждаются в адаптации применительно к конкретным сферам общественной жизни. В частности, указанные технологии в уголовном судопроизводстве вряд ли в полной мере могут отвечать требованию «прозрачности» в силу необходимости соблюдения тайны предварительного расследования. Кроме того, если алгоритмы искусственного интеллекта будут транспарентными, то и преступники, готовясь к совершению преступления, смогут так его спланировать, чтобы не позволить компьютерной программе принять решение, осуждающее их.

Безусловными плюсами искусственного интеллекта принято считать объективность и быстроту принимаемого решения. А так ли это на самом деле?

Рассуждая о проблеме объективности принимаемого решения искусственным интеллектом, профессор О.В. Мичурина приходит к выводу: «можно сколь угодно «изобретая велосипед» придумывать новые способы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, но основным останется внутреннее убеждение лица, осуществляющего производство по уголовному делу». Свою точку зрения она обосновывает тем, что едва ли когда-либо будет создан идеальный алгоритм, на который не сможет повлиять программист, создавший его, и лица имеющий доступ к алгоритму [7, с.66-67]. Хотя, напомним, что принятие искусственным интеллектом решений «под контролем пользователя» прямо предусмотрено как один из принципов использования этих технологий упомянутой выше Европейской этической Хартией по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении.

Проблемы применения искусственного интеллекта становятся очевидными на конкретных примерах. Так, еще в 2013 году в США была разработана система рейтинговой оценки подозреваемых в целях применения к ним надлежащей меры процессуального принуждения. Основная задача технологии искусственного интеллекта в данном случае состояла в устранении расовых и других предубеждений судей. В итоге: за первый год данная программа приняла решение об избрании в отношении 30% подозреваемых меры пресечения в виде домашнего ареста; последующие версии программы увеличили данный процент до 85 [11]. Вряд ли данный факт свидетельствует об объективности принятых решений.

Искусственный интеллект, обрабатывая несколько тысяч вариантов решения в секунду, принимает решение быстрее, чем человек. Это очевидно проявляется в математических, логических и других задачах (так, каждый постоянно пользуется этим преимуществом в обычной жизни, например, выбирая маршрут движения на автомобиле). Но быстрота при принятии решения по уголовному делу не всегда оправдана, важнее

говорить о его законности и обоснованности. А для обеспечения законности и обоснованности процессуального решения необходимо корректное внесение в компьютерную программу первоначальных данных, с которым будет работать искусственный интеллект. Другими словами, лицо, ведущее расследование уголовного дела или судебное разбирательство, должно изучить собранные материалы, их проанализировать, обработать в тот вид, который будет понятен для искусственного интеллекта, и загрузить в программу. В большинстве случаев, как мы полагаем, обработка таких данных займет больше времени, чем принятие процессуального решения самим дознавателем, следователем или судьей.

Если обратиться к опыту других стран, то одним из признанных лидеров в такого рода разработках принято считать США. Так, основные направления применения искусственного интеллекта в структуре Федерального бюро расследований и полиции США в сфере борьбы с преступностью нашли отражение в концепции «N4G», которая закрепляет:

- 1) создание и использование единой программно-аналитической среды с единой обработкой данных;
- 2) создание рекуррентной базы данных, суть которой заключается в том, что компьютер будет создавать профиль лица, за ним наблюдать, а в случаях выявления правонарушения сообщать об этом оператору;
- 3) создание частно-государственной платформы по обнаружению мошенничеств и взломов платежных систем;
- 4) создание безбумажного офиса сотрудника;
- 5) экономия бюджетных средств;
- 6) создание единой базы данных, направленной на распознавание подчёрка хакеров [10, с. 20-23].

Как видим, искусственный интеллект рассматривается лишь как вспомогательный инструмент в работе правоприменителя и отнюдь не принимает за него решения.

Технологии искусственного интеллекта применяются в уголовном судопроизводстве и других стран, например, государств Азиатско-Тихоокеанского региона (КНР, Южной Кореи, Япония и др.).

Так, как вспомогательное и весьма эффективное средство помощи судам в крупных регионах КНР (Пекин, провинция Шанхай, провинция Хайнань) функционируют системы искусственного интеллекта. Например, с 2017 года действует Шанхайская интеллектуальная система обработки уголовных дел («Система 206»). В «Систему 206» в автоматически создаваемую электронную папку интегрируются все документы (следственные и прокурорско-надзорные, а также протоколы следственных действий) по конкретному уголовному делу, начиная с заявления (сообщения, жалобы) о преступлении. Система обладает способностью анализировать показания участников

уголовного процесса, данные в ходе предварительного расследования, и в случае их несовпадения по существенным моментам выводит на экран соответствующее сообщение шрифтом красного цвета. По завершении судебного следствия система проводит оценку доказательств и выдаёт «мнение» о доказанности вины подсудимого, необходимой уголовно-правовой квалификации преступления и о возможном виде и размере наказания, учитывая имеющиеся данные о подсудимом и иные значимые факторы [9].

В Японии технологии искусственного интеллекта используются, в частности, при анализе большого объёма процессуальных документов судебной практики применительно к конкретным криминалистическим ситуациям с целью выработки рекомендации суду о правильной уголовно-правовой квалификации преступления [9].

В России также активно внедряют технологии искусственного интеллекта в сферу уголовного судопроизводства. Например, на Чемпионате мира по футболу 2018 года уже применялись технологии программно-аналитической среды с единой обработкой данных, которые позволили выявить преступников, скрывавшихся от следствия и суда [12]; крупными операторами связи и банковскими учреждениями создается «антифрод-платформа» по борьбе с мошенниками [13].

Приведенные примеры указывают на то, что в уголовном судопроизводстве и России, и других государств технологии искусственного интеллекта выступают исключительно вспомогательным инструментом и ни в коем случае не превращаются в «компьютерного следователя или судью», не означают принятия компьютерной программой какого-либо решения по существу уголовного дела.

Не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что развитие искусственного интеллекта влечет за собой определенные риски, которые должны быть купированы; а искусственный интеллект должен стать «помощником» человека [14]. При производстве по уголовному делу такого «электронного помощника» можно обязать направлять различные запросы; собирать информацию и сообщать следователю о месте ее нахождения; выявлять место нахождения подозреваемого и обвиняемого, скрывшегося от следствия или суда, и выполнять другие действия).

Таким образом, не вызывает сомнений необходимость ускоренного внедрения в уголовное судопроизводство именно технологии информатизации: различных способов электронного документооборота, в том числе замены бумажного документооборота на электронную форму (подача жалоб, заявлений и др.); возможности производства следственных действий в дистанционном формате и других. Что же касается использования технологий искусственного интеллекта при производстве по уголовному делу, то компьютер-

ную программу можно и должно рассматривать лишь как помощника должностного лица (дознавателя, следователя, судьи), принимающего решение по уголовному делу.

Вместе с тем в современном уголовном судопроизводстве вопросы информатизации, и тем более искусственного интеллекта, необходимой правовой регламентации до сих пор не получили, в связи с чем разработка теоретических основ использования этих технологий представляется как никогда актуальной.

Литература

1. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment (Strasbourg, 3-4 December 2018) // <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>.
2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798.
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2019. № 41. Ст. 5700.
5. Научная электронная библиотека «eLibrary» // <https://www.elibrary.ru>
6. Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135-141.
7. Мичурина О.В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 65-68.
8. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусствен-

- ного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2.
9. Сумин А.А., Химичева О.В. Искусственный интеллект в уголовном процессе государств азиатско-тихоокеанского региона: общий обзор // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 18-21.
 10. Овчинский В.С., Жданов Ю.Н. Полиция будущего. М., 2018. 166 с.
 11. На помощь судьям призвали искусственный интеллект // «Коммерсантъ» от 23.09.2020 / <https://www.kommersant.ru/doc/4502458>.
 12. Система распознавания лиц помогла поймать шестерых преступников во время ЧМ-2018 // «МКРУ» от 28.06.2018 / <https://www.mk.ru/moscow/2018/06/28/sistema-raspoznavaniya-lic-pomogla-poymat-shesterykh-prestupnikov-vo-vremya-chm2018.html>.
 13. Банки и операторы связи запустят платформу для борьбы с телефонными мошенниками // «Ведомости» от 08.12.2020 / <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2020/12/08/849993-servis-dlya-borbi-s-telefonnimi-moshennikami>.
 14. Путин назвал искусственный интеллект основой для нового рывка в развитии человечества // «ТАСС» от 04.12.2020 / <https://tass.ru/ekonomika/10172451>.
- References**
1. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment (Strasbourg, 3-4 December 2018) // <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>.
 2. Federal law No. 123-FZ of 24.04.2020 “On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the subject of the Russian Federation – the Federal city of Moscow and making amendments to articles 6 and 10 of the Federal law “On personal data” // Reference legal system “ConsultantPlus” / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127.
 3. Federal law No. 149-FZ of 27.07.2006 “On information, information technologies and information protection” // Reference legal system “ConsultantPlus” / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798
 4. National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030. Approved Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation, 2019. No. 41. St. 5700.
 5. Scientific electronic library “eLibrary” // <https://www.elibrary.ru>
 6. Apostolova N.N. Artificial intelligence in legal proceedings // North Caucasian legal Bulletin. 2019. No. 3. Pp. 135-141.
 7. Michurina O.V. Artificial intelligence against internal persuasion: a look into the future of criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. Pp. 65-68.
 8. Shestak V.A., Volevodz A.G. Modern needs of legal support of artificial intelligence: a view from Russia // all-Russian criminological journal. 2019. Vol. 13. No. 2.
 9. Sumin A.A., Khimicheva O.V. Artificial intelligence in the criminal process of the States of the Asia-Pacific region: a general overview // International criminal law and international justice. 2020. No. 2. С. 18-21.
 10. Ovchinsky V.S., Zhdanov Yu.N. Police of the future. М., 2018. 166 p.
 11. Artificial intelligence was called to help the judges // Kommersant from 23.09.2020 / <https://www.kommersant.ru/doc/4502458>.
 12. Facial recognition system helped to catch six criminals during the 2018 world Cup // “MKRU” from 28.06.2018 / <https://www.mk.ru/moscow/2018/06/28/sistema-raspoznavaniya-lic-pomogla-poymat-shesterykh-prestupnikov-vo-vremya-chm2018.html>.
 13. Banks and Telecom operators will launch a platform to combat telephone fraudsters // Vedomosti from 08.12.2020 / <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2020/12/08/849993-servis-dlya-borbi-s-telefonnimi-moshennikami>.
 14. Putin called artificial intelligence the basis for a new breakthrough in the development of mankind // “TASS” from 04.12.2020 / <https://tass.ru/ekonomika/10172451>.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Александр Александрович Вихляев, преподаватель кафедры административной деятельности ОВД
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: vih.alexander2011@mail.ru

Ирина Игоревна Шатковская, курсант 271 взвода Факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: irinashatkovskaya15@yandex.ru

Аннотация. Затрагиваются наиболее актуальные вопросы осуществления государственной политики цифровизации сферы общественных отношений в условиях современных реалий; проведен анализ реализации программы предоставления государственных услуг населению применительно к региональной цифровизации в рамках национального проекта «Цифровое государственное управление»; на базе проведенного анализа и исследований по цифровизации сферы государственного управления в сфере цифровой экономики внесены предложения по совершенствованию системы государственного регулирования процесса цифровизации в региональном сегменте.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, электронный документооборот, аутсорсинг, информационная безопасность, «большие данные».

CURRENT ISSUES OF THE FUNCTIONING OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM AND THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES TO THE POPULATION IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF THE REGIONAL DIGITALIZATION PROGRAM OF THE NATIONAL DIGITAL PROJECT AT THE PRESENT STAGE

Aleksander A. Vikhlyaev, Educator of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika
Volgina, d. 12)
E-mail: vih.alexander2011@mail.ru

Irina I. Shatkovskaya, Cadet of the 271st platoon of the Faculty of Police Training
for Public Order Units
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika
Volgina, d. 12)
E-mail: irinashatkovskaya15@yandex.ru

Abstract. The article touches upon the most pressing issues of the implementation of the state policy of digitalization of the sphere of public relations in the conditions of modern realities; the analysis of the implementation of the program for the provision of public services to the population in relation to regional digitalization within the framework of the national project “Digital Public Administration” was carried out; on the basis of the analysis and research on the digitalization of public administration in the digital economy, proposals were made to improve the system of state regulation of the digitalization process in the regional segment

Keywords: digitalization, public administration, electronic document management, outsourcing, information security, “big data”.

Для цитирования: Вихляев А.А., Шатковская И.И. Актуальные вопросы функционирования системы государственного управления и предоставления государственных услуг населению в контексте реализации программы региональной цифровизации национального проекта «Цифровое государственное управление» на современном этапе. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):211-4.

Жизнь современного общества невозможна без технического прогресса. В эпоху Четвертой промышленной революции многие сферы общественной жизни (от экономики и медицины до культуры и образования) переходят из вербально-контекстной формы передачи информации в сторону дигитализированной (цифровой).

Как отмечают специалисты, цифровизация поможет развить в обозримом будущем новый пласт высокотехнологичного общества, способного выполнять широкий функционал многопрофильных задач.

Так, по данным социологических исследований около 30% рабочих мест с большой вероятностью будут автоматизированы к середине 2030-х годов в развитых и успешно развивающихся странах мира.

При этом, по предварительным подсчетам более 77% работников будут вынуждены в ближайшее время приобрести новые навыки или полностью переквалифицироваться в связи с предстоящей роботизацией и цифровой трансформацией общественных связей.

В краткосрочной перспективе (в период с 2024 по 2030 гг.) 35,5 млн рабочих мест в России (т.е. каждого второго сотрудника) подлежит замене при помощи развиваемых материально-технических и информационных ресурсов¹.

Одним из приоритетных направлений в сфере государственной политики дигитализации является программа «Цифровое государственное управление».

Направление «Цифровое государственное управление» нацелено на предоставление гражданам и организациям доступа к приоритетным государственным услугам и сервисам в цифровом виде, создание национальной системы управления данными, развитие инфраструктуры электронного правительства, внедрение сквозных платформенных решений в государственное управление.

Среди ключевых показателей, стоящих перед программой на современном этапе, обозначены:

- предоставление государственных (муниципальных) услуг проактивно и онлайн, внедрение 25 цифровых «супер-сервисов» по жизненным ситуациям;
- 90% внутри- и межведомственного юридически значимого электронного документооборо-

та государственных и муниципальных органов и бюджетных учреждений будет полностью автоматизировано;

- 60% граждан получают цифровое удостоверение личности с квалифицированной электронной подписью².

Указанные показатели ярко отражают то, что с одной стороны дигитализация выглядит перспективным и приоритетным направлением политики государства в современных условиях, с другой – требует серьезного подхода к указанному процессу в контексте нынешнего уровня технического и информационного развития российского общества.

Одним из важных факторов, существенно влияющих на процесс цифровой трансформации в России, безусловно, является разобщенность системы «центр-периферия» (центр-регион). При этом, развитие субъектов до уровня центра относится к одному из приоритетных направлений государственной политики в области цифровизации.

Так, если более 70% государственных (муниципальных) услуг и сфера электронного документооборота в Москве, Санкт-Петербурге и примыкающим к ним Ленинградской и Московской области полностью цифровизированы, то технологическое обеспечение многих субъектов остается на крайне низком уровне.

В рамках настоящего исследования проводилось выборочное изучение уровня имеющегося технологического обеспечения в Брянской, Владимирской и Тульской областях.

Так, по данным опросов, инициированных в социальных сетях и посредством применения методики контент-анализа официальных ресурсов органов государственной власти указанных регионов, было установлено, что уровень технологического обеспечения остается на «среднем», а в некоторых районах обозначенных субъектов – «ниже среднего» и «низком» уровнях.

При этом, если столичные государственные услуги посредством службы «Единого окна» (многофункциональные центры) и портала «Госуслуг» способны обеспечить потребности широких групп населения, то информационные сервисы описанных регионов не-

¹ Официальный сайт РБК. 20 фактов о цифровой трансформации: статистика, прогнозы, опросы [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5ece23569a79479c90f3377b> (дата обращения: 05.12.2020 г.).

² Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Программа «Цифровое государственное управление». [Электронный ресурс] URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения 30.11.2020 г.).

способны обеспечить и половины предоставляемых в столице сервисов.

Лицам, входящим в контекстные группы, выбранных для изучения общественного мнения по данному вопросу (гражданам различных социальных слоев, составляющим возрастные группы от 18 до 55 лет, постоянно или преимущественно проживающим в Брянской, Владимирской и Тульской областях), предлагалось ответить на три вопроса:

1. «Считаете ли Вы электронную сферу государственных услуг достаточной для удовлетворения Ваших основных потребностей?»

2. «Считаете ли вы, что уровень цифровизации (технического прогресса, информатизации) в Вашем регионе соответствует критериям, заданным государственной программой по цифровой экономике?»

3. «Опишите критерии, которые, по Вашему мнению, влияют на возможный низкий уровень цифровой трансформации сферы государственных услуг в Вашем регионе?»

Проведенное анкетирование 147 респондентов показало, что граждане, прежде всего, были недовольны сферой госуслуг в своем регионе и считали проведение политики цифровизации в них слабой, либо вообще ее игнорировали или относились критически (более 70% опрошенных респондентов). И указанные данные, по нашему мнению, могут быть более чем репрезентативными в указанном контексте.

В качестве основных причин подобного мнения респондентами из числа негативно относящихся к уровню цифровой трансформации назывались следующие факторы: удобство материального документооборота – непосредственного предоставления документов в бумажном виде («по старинке») ответственным лицам (17%); выявленные факты коррупции среди ответственных государственных служащих и чиновников (23%); отсутствие необходимого опыта у работников, предоставляющих электронные государственные услуги населению (25%). Однако, основной причиной (35% опрошенных) называлось падение уровня доходов населения, не позволяющее в полной мере реализовать возможности по дигитализации возможностей общества на получение всего спектра возможностей программы цифровизационного обеспечения не только в сфере государственного управления и предоставления необходимых услуг населению, но и формального включения каждого гражданина в указанный процесс в условиях современных реалий.

При этом, для Москвы и Санкт-Петербурга по данным официальной статистики на портале «Госуслуги», Московской области (портал «Добродел») программа цифровой трансформации реализуется в плановом порядке, и по предварительным расчетам, способна достичь запланированных к 2031 году показателей.

Как мы понимаем, указанных результатов уда-

лось достичь благодаря государственному финансированию «центра», инновационным проектам, прорабатываемым не только в рамках государственных программ, но и благодаря грамотной региональной политике, направленной на повышение уровня доступности указанной сферы для населения (мобильные приложения, интернет-порталы и пр.), постоянному технологическому обеспечению и укомплектованности человеческими ресурсами (квалифицированными операторами высокотехнологичных систем, IT-специалистами), необходимым инструментарием и оборудованием.

При этом, регионы видят выход в разрешении указанного вопроса в активном внедрении диверсифицированного технического аутсорсинга, или полагаясь на помощь одиночек-фрилансеров и фриланс-команд в ресурсном обеспечении (на примере Datamasters).

Безусловно, склонение к постоянному аутсорсингу с одной стороны помогает расширить рынок занятости населения в регионе, с другой – не способствует «воспитанию» собственных специалистов в области дигитализации, способных развивать указанную сферу на должном уровне.

Кроме обозначенных, по нашему мнению, следует упомянуть и такие не менее важные проблемы цифровизации, как проблему хранения «больших данных» и проблему обеспечения информационной безопасности персональных данных граждан.

Указанные проблемы характерны на современном этапе для многих кластеров программы цифровой трансформации и активно обсуждаются на протяжении последних лет.

Отсутствие современного программного обеспечения и отечественных разработок, позволяющих заменить зарубежные аналоги в полном объеме, безусловно, затрудняет развитие сферы информационной безопасности, а отсутствие материально-технической базы – тормозит процессы накопления и систематизации данных, полученных в процессе предоставления необходимых услуг.

В данной статье обозначены не все проблемы, оказывающие существенное влияние на развитие региональной цифровизации в России на современном этапе, однако, по нашему мнению, обозначенные – являются одними из самых основных – требующих скорейшего разрешения.

В качестве предложений по развитию указанного сегмента цифровизации можно выделить следующие:

1) увеличение финансирования и государственного стимулирования экономики субъектов Российской Федерации, позволяющего обеспечить потребности регионов в цифровом наполнении основных, полезных для общественных отношений, ресурсов;

2) подбор и обучение высококвалифицированных специалистов из числа государственных служащих,

способных реализовать весь спектр государственных услуг (от операционного сопровождения до непосредственной обработки, анализа, передачи и хранения информационных массивов данных) и электронного документооборота;

3) усиление сферы государственного контроля в сфере реализации программы цифровизации в регионах;

4) скорейшее разрешение вопроса материально-технического обеспечения процедур накопления, хранения «больших данных», их кластеризации, обработки и доступности для заинтересованных лиц;

5) совершенствование отечественных разработок в сфере программного обеспечения, позволяющего защитить персональные данные граждан и информацию об оказываемых услугах без ущерба для их потребителей, что возможно реализовать за счет развития малого и среднего бизнеса в сфере предоставления ИТ-услуг;

6) решение вопроса о внедрении современных разработок в использовании нейронных сетей и машинного обучения, способных существенно упростить работу операторов информационных систем с наиболее типичными операциями в процессе предоставления государственных услуг.

Важность цифровой трансформации, ее доступности для населения в краткосрочной перспективе обозначил и Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем докладе в рамках конференции Artificial Intelligence Journey, проходившей 04.12.2020 г. В своем обращении к участникам конференции Президент отметил: «В реализации наших замыслов мы должны опираться на суверенные технологические заделы, <...> использовать нужно разработки отечественных инновационных компаний и стартапов, наших математических школ. Для технологических и научных находок, для их продукции создается громадный рынок...»¹.

Обозначенные в данной статье инициативы, по на-

шему мнению, позволят обеспечить высокий уровень информационно-технологического прогресса и надлежащим образом реализовать программу «Цифровой экономики» в сфере государственного управления на современном этапе.

Литература

1. Михайленко Н.В., Бабасян Г.Н., Олимпиев А.Ю. «Цифровизация туристических процессов в условиях модернизации государственного управления Российской Федерации» // Государственная служба и кадры. Юнити-Дана. Москва. 2020. С. 151-155.
2. Михайленко Н.В. Отдельные проблемы цифровизации органов внутренних дел // Актуальные проблемы кибербезопасности в сети Интернет. Сборник научных трудов, М. 2020. С. 102-105.
3. Вихляев А.А. О некоторых проблемах в осуществлении электронного документооборота в сфере государственного управления // Вестник юридического института МИИТ, №2 (30). М., 2020. С. 73-76.

References

1. Mikhailenko N.V., Babasyan G.N., Olimpiev A.Yu. "Digitalization of tourist processes in the context of modernization of public administration of the Russian Federation" // State service and personnel. Unity-Dana. Moscow. 2020. P. 151-155.
2. Mikhailenko N.V. Selected problems of digitalization of internal affairs bodies // Actual problems of cybersecurity on the Internet. Collection of scientific papers, M. 2020. P. 102-105.
3. Vikhlyayev A.A. On some problems in the implementation of electronic document management in the field of public administration // Bulletin of the MIIT Law Institute, No. 2 (30). M., 2020. P. 73-76.

¹ Официальный сайт Агентства РИА-Новости. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20201204/putin-1587672669.html> (дата обращения: 05.12.2020 г.).

ПРОФИЛАКТИКА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ АВАРИЙНОСТИ ПО ВИНЕ ВОДИТЕЛЕЙ В ВОЗРАСТЕ 60 ЛЕТ И СТАРШЕ

Виктор Владимирович Кузнецов, заместитель начальника полиции — Начальник Управления Государственной Инспекции безопасности дорожного движения ГУ МВД России по Московской области
ГУ МВД России по Московской области (129110, Москва, пер. Слесарный, д. 1)
E-mail: ugibddmo.kuznetsov@yandex.ru

Дмитрий Станиславович Горбатенко, старший научный сотрудник кафедры «Системный анализ и управление» Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (125993, Москва, Волоколамское ш., д. 4)
E-mail: mai_kaf604@mail.ru

Олег Михайлович Порташников, заместитель начальника
Центр специального назначения в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России (121170, Москва, ул. Поклонная, д. 15)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Приводятся результаты анализа статистических данных о дорожно-транспортной аварийности по вине водителей, находящихся в возрасте 60 лет и старше, на территории Московской области. Рассмотрены социальные аспекты нарушений правил дорожного движения водителями данного возраста, приведших к дорожно-транспортным происшествиям. Выявлены и сформулированы основные причины возникновения дорожно-транспортных происшествий. Определены основные направления профилактики аварийности по вине водителей в возрасте 60 лет и старше.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, транспортное средство, водитель, возраст 60 лет и старше, улично-дорожная сеть, медицинское освидетельствование, профилактика дорожно-транспортных происшествий.

PREVENTION OF ROAD TRANSPORT ACCIDENTS BY DRIVERS AGED 60 AND OVER

Viktor V. Kuznetsov, Deputy Head of Police – Head of the State Inspectorate road safety General Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow Region
General Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow Region (129110, Moscow, per. Slesarnji, 1)
E-mail: ugibddmo.kuznetsov@yandex.ru

Dmitry S. Gorbatenko, Senior Researcher of the Department “System Analysis and Management”
Moscow Aviation Institute (National Research University) (125993, Moscow, Volokolamskoye shosse, 4)
E-mail: mai_kaf604@mail.ru

Oleg M. Portashnikov, Deputy Head
Special Purpose Center in the field of road safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia (121170, Moscow, st. Poklonnaya, 15)
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. This article presents the results of an analysis of statistical data on road traffic accidents caused by drivers aged 60 and over in the Moscow Region. The social aspects of violations of traffic rules by drivers of this age, which led to road accidents, are considered. The main causes of road traffic accidents have been identified and formulated. The main directions of prevention of accidents due to the fault of drivers aged 60 and older have been determined.

Keywords: road traffic accident, vehicle, driver, age 60 and over, road network, medical examination, prevention of road traffic accidents.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Кузнецов В.В., Горбатенко Д.С., Порташников О.М. Профилактика дорожно-транспортной аварийности по вине водителей в возрасте 60 лет и старше. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):215-8.

Управление транспортным средством (ТС) бесспорно можно отнести к сложному виду человеческой деятельности. Это объясняется тем, что ТС является источником повышенной опасности и водитель, им управляющий, несет ответственность как за свою жизнь, так и за жизни окружающих. Квалификацией и индивидуальными особенностями объясняется способность водителя обеспечить должную безопасность движения.

С возрастом любой человек приобретает богатый жизненный опыт, становится рассудительнее и мудрее. Но, к сожалению, снижается слух, ухудшается зрение, уменьшается скорость реакции и т.п. Пожилому человеку на улицах и дорогах становится сложно ориентироваться, он не всегда успевает должным образом отреагировать на возникшую угрозу и поэтому часто подвергается опасности попасть в беду, в том числе в дорожно-транспортное происшествие (ДТП). Возрастные изменения в хрусталике глаза приводят к ухудшению бокового зрения. Пожилые люди плохо или совсем не видят происходящего справа или слева от них. Поэтому они зачастую не в состоянии рассмотреть движущееся сбоку ТС и определить расстояние до него [1].

Люди пожилого возраста зачастую с трудом адаптируются в новых условиях и долго привыкают к каким-либо новшествам. При современных высоких темпах автомобилизации и новшествах средств регулирования движения, пожилым участникам дорожного движения бывает крайне нелегко, им трудно понять обстановку на дороге, поэтому невольно они могут создавать аварийные ситуации.

На улично-дорожной сети (УДС) Московской области за 2017-2020 гг. по вине водителей в возрасте 60 лет и старше (далее водителей) стабильно происходило в среднем 10% от всего количества ДТП с пострадавшими, и гибла и получала ранения в среднем десятая часть от числа всех погибших и раненных в ДТП людей.

Самыми распространенными видами ДТП являлись столкновения (в среднем в 55% случаев), и наезды на пешеходов (в среднем в 25% случаев).

Самыми «аварийными» являлись возрастные группы 65-69 лет (35% ДТП), и 60-64 лет (33% ДТП). Далее следуют возрастные группы 70-74 лет (17% ДТП), 75-79 лет (8% ДТП), и 80 лет старше 7% ДТП. В среднем 80% водителей в возрасте 60 лет и старше, виновников ДТП, имели водительский стаж 20 лет и более. За редким исключением все водители – граждане Российской Федерации (РФ). Среди граждан РФ в среднем 90% – жители Московского региона (г. Москва и Московская область). В среднем 15% водителей – женщины.

Из водителей – виновников ДТП проходили амбулаторное или стационарное лечение в среднем 25%, а

погибли в среднем 7%.

Вне населенных пунктов происходило в среднем 45% ДТП от общего количества ДТП по вине водителей в данном возрасте, в среднем в 75% ДТП фиксировалось отсутствие недостатков транспортно-эксплуатационного состояния УДС.

На перегонах происходило в среднем 30% ДТП, в зонах регулируемых и нерегулируемых перекрестков в среднем 40% ДТП, на пешеходных переходах в среднем 20% ДТП, в среднем в 35% ДТП фиксировалось отсутствие в непосредственной близости объектов УДС и объектов притяжения. Почти во всех ДТП (в среднем в 95% ДТП) фиксировалось отсутствие факторов, оказывающих влияние на движение транспортного потока или отдельного ТС. При ясной погоде и сухом состоянии проезжей части происходило в среднем 65% ДТП, в светлое время суток происходило в среднем 75%, в среднем 95% ДТП происходило на прямолинейных в плане и с горизонтальным профилем участках УДС.

Самым распространенным нарушением водителями возрастной группы «60+» правил дорожного движения (ПДД), приведшим к ДТП, являлось несоблюдение очередности проезда (в среднем в 25% ДТП), далее нарушение правил проезда пешеходных переходов (в среднем в 20% ДТП), затем неправильный выбор дистанции (в среднем в 15% ДТП), несоблюдение бокового интервала (в среднем в 15% ДТП), несоответствие скорости конкретным условиям движения (в среднем в 12% ДТП), выезд на полосу встречного движения (в среднем в 10% ДТП), превышение установленной скорости движения (в среднем в 7% ДТП), нарушение правил перестроения (в среднем в 5% ДТП), и нарушение требований сигналов светофора (в среднем в 3% ДТП). Помимо нарушения ПДД, в среднем 5% водителей управляли ТС в состоянии алкогольного опьянения [2].

Анализ статистических данных об аварийности на УДС Московской области позволил понять следующее:

- нарушение ПДД водителями ТС, находящимися в возрасте 60+, вносит «весомый» вклад в возникновение ДТП, гибель и ранение в них людей;
- водители этого возраста, виновники ДТП, имели большой водительский стаж и, как правило, ехали по привычному маршруту;
- при нарушении ПДД, приведших к ДТП, на управление ТС водителями не оказывалось влияние каких-либо отвлекающих факторов, также причиной нарушений ДТП не являлись темное время суток, осадки и кривизна дороги;
- нарушения ПДД водителями «60+», приведших к ДТП, чаще всего происходили в местах пересечений транспортных и пешеходных по-

токов (перекрестки и пешеходные переходы), а также вблизи объектов массового притяжения людей и транспорта (главным образом объектов торговли), т.е. в местах, где требуется быстрый анализ дорожной обстановки и принятие решений.

Поскольку для людей старшего поколения пренебрежение требованиями жизнедеятельности (ПДД в частности) является редким исключением, можно сделать вывод о том, что основной причиной нарушения ПДД водителями возрастной группы 60 лет и старше, приводящих к ДТП, можно считать ухудшение психофизиологических функций организма.

В настоящее время механизм получения национального водительского удостоверения в РФ выглядит следующим образом.

Сначала необходимо пройти обучение в аккредитованной автошколе, сдать теоретический и практический экзамены и получить документ о прохождении обучения. Сроки обучения в автошколе зависят от выбранной категории транспортного средства и составляют от одного месяца до полугода. После этого кандидаты в водители допускаются к сдаче экзамена в ГИБДД МВД РФ. Экзамен в ГИБДД состоит из теории, вождению на автодроме и в городе. В теоретической части экзамена необходимо за 20 минут ответить на 20 вопросов. Положительный результат – не более 2 ошибок. В практической части за каждое упражнение выставляется определенное количество баллов, и общая оценка «сдал», «не сдал».

После успешной сдачи экзамена ГИБДД выдает водительское удостоверение. Срок действия водительского удостоверения в РФ составляет 10 лет. По истечении срока действия водительское удостоверение подлежит замене.

При поступлении в автошколу, сдаче экзамена в ГИБДД, а также замены водительского удостоверения, помимо прочих документов, требуется медицинская справка по форме 003-в/у, утвержденная Приказом Минздрава РФ № 344н от 15 июня 2015 г. «О проведении обязательного медицинского освидетельствования водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств)». В соответствии с этим приказом медицинское освидетельствование включает в себя осмотры и обследования врачами-специалистами и инструментальное и лабораторные исследования, а именно: осмотры терапевтом, офтальмологом, неврологом, оториноларингологом; обследования психиатром и психиатром-наркологом; а также электроэнцефалография, определение наличия психоактивных веществ в моче и качественное и количественное определение карбогидрат-дефицитного трансферрина (CDT) в сыворотке крови.

Существует перечень выявленных заболеваний водителей, при которых запрещается (или ограничи-

вается) управление ТС, утвержденное постановлением Правительства РФ № 1604 от 29 декабря 2014 г. «О перечнях медицинских противопоказаний, медицинских показаний и медицинских ограничений к управлению транспортным средством». Однако методика осмотра нигде не утверждена, все зависит от личного подхода врача и традиций самого медицинского учреждения. Врач может оказаться дотошным специалистом, а может ограничиться парой дежурных вопросов, написать «годен», поставить печать, и отправить за руль. Негативную роль в качестве освидетельствования играют и широко известные факты коммерческого подхода медицинских учреждений к проведению освидетельствования.

Соответственно, после такого не единообразного и зачастую сомнительного освидетельствования, человек (в том числе и в возрасте 60 лет и старше) получает право на управление ТС на последующие 10 лет, и в течение этого срока его медицинское освидетельствование на способность управлять ТС проводится не будет.

Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод о том, что основным направлением профилактики дорожно-транспортной аварийности по вине водителей ТС в возрасте 60 лет и старше должно быть обеспечение частого и качественного медицинского освидетельствования водителей данного возраста на наличие и динамику заболеваний, при которых запрещается или ограничивается возможность управления ими автотранспортом. Это может быть осуществлено путем выполнения следующего.

1. Сокращение срока действия водительского удостоверения для водителей данной возрастной группы. Например, при замене (получении) удостоверения человеком в возрасте близком к 60 лет – на 5 лет, в возрасте после 60 лет – на 3 года, в возрасте старше 70 лет – на 1 год. Это заставит водителей чаще доказывать свою пригодность по состоянию здоровья к управлению ТС.

2. Обеспечение при проведении освидетельствования изучения истории болезни (амбулаторной карты) человека. Например, при замене (получении) водительского удостоверения человек в возрасте 60+ должен быть обязан проходить медицинское освидетельствование только в том медицинском учреждении, к которому он прикреплен. В свою очередь, медицинское учреждение должно обеспечить внесение в амбулаторную карту результатов. Это позволит препятствовать возможности «скрыть» какие-либо имевшиеся или имеющиеся заболевания при прохождении осмотра.

Выполнение этого позволит получить следующее:

- обеспечить необходимость частого медицинского осмотра;
- медицинское освидетельствование, как допуск к управлению ТС, будет осуществляться не как первичный поверхностный осмотр,

а как полноценное обследование с анализом динамики состояния здоровья водителя, что должно значительно повысить качество освидетельствования.

Поскольку заболевания, запрещающие и ограничивающие возможность управления ТС, также могут являться запрещающими или ограничивающими в других сферах человеческой деятельности, и, по определению, являются показателями здоровья человека, необходимо признать целесообразность активного использования при медицинских осмотрах пациентов (водителей в возрасте 60+ в частности) аппаратно-программных методик психофизиологического тестирования, используемых в настоящее время только в ведомственной медицине для решения задач профессионального отбора. Это также даст возможность значительно повысить качество осмотров, оперативно диагностировать наличие, предрасположенность и динамику заболеваний [3].

Предлагаемые профилактических меры действительно позволят предотвратить появление фактов управления ТС лицами, имеющих противопоказания по состоянию здоровья. Соответственно, это позволит предотвратить возникновения ДТП, и, как следствие, гибель и ранение в них людей [4].

Возможно, целесообразным будет нанесение на автотранспортное средство, которым управляет пожилой водитель, специальной наклейки на стекла, информирующей других участников движения о возрасте водителя.

Также внедрение данных профилактических мер будет способствовать снижению «коммерциализации» медицинского освидетельствования. А если меры распространить на всех водителей (кандидатов в водители), подлежащих медицинскому освидетельствованию на право управления ТС, то можно будет ожидать ликвидации всяких «псевдомедицинских»

структур, фактически оказывающих коммерческие услуги по выдаче справок.

Литература

1. Подгорная Н.Н. Нарушения зрительных функций в пожилом и старческом возрасте: основные причины, новые возможности лечения. М., журнал «Клиническая геронтология», Выпуск № 7, 2006 г. С. 3-12/
2. Статистические данные о дорожно-транспортной аварийности на территории Московской области за 2017-2020 г. М. УГИБДД ГУ МВД России по Московской области, 2017-2020.
3. Бобров А.Ф., Бушманов А.Ю., Седин В.И., Щепланов В.Ю. Системная оценка результатов психофизиологических обследований. М., журнал «Медицина экстремальных ситуаций». Выпуск № 3, 2015 г. С. 13-19.
4. Острейковский В.А. Теория надежности: Учеб. для вузов. М.: Высш. шк., 2003, 463 с.

References

1. Podgornaya N.N. Visual dysfunctions in old and senile age: main causes, new treatment options. M., journal "Clinical Gerontology", Issue No. 7, 2006. p. 3-12.
2. Statistical data on road traffic accidents on the territory of the Moscow region for 2017-2020. M. UGIBDD GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moscow region, 2017-2020.
3. Bobrov A.F., Bushmanov A.Yu., Sedin V.I., Scheblanov V.Yu. Systemic assessment of the results of psychophysiological examinations. M., journal "Medicine of extreme situations". Issue No. 3, 2015, p. 13-19.
4. Ostreykovsky V.A. Reliability theory: Textbook. for universities. M.: Higher. shk., 2003, 463 p.

ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ПРОТИВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федор Георгиевич Мышко, Директор Института государственного управления и права,
доктор юридических наук, доцент
Государственный университет управления (109542, Москва, Рязанский пр-т, д. 99)
E-mail: fredyqr@gmail.ru

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства об административных правонарушениях против охраны окружающей среды в Российской Федерации высказано несколько суждений: нормативным правовым актом, специально предназначенным для регламентирования административной ответственности в сфере охраны окружающей среды, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; все иные федеральные законы РФ, в которых предусматривается административная ответственность за правонарушения в сфере охраны окружающей среды, не могут противоречить Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях; противоречия между Кодексом Российской Федерации и иными федеральными законами РФ относительно административной ответственности в сфере охраны окружающей среды должны рассматриваться по правилам коллизии.

Ключевые слова: Российская Федерация, право, законодательство, международный договор, нормативный правовой акт, Конституция РФ, федеральный закон РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон РФ «Об охране окружающей среды» от 20 декабря 2001 г., окружающая среда, административное правонарушение.

ON ADMINISTRATIVE VIOLATIONS AGAINST THE ENVIRONMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Fyodor G. Myshko, Director of the Institute of Public Administration and Law, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
State University of Management (109542, Moscow, Ryazansky Prospect, d. 99)
E-mail: fredyqr@gmail.ru

Abstract. In the article, based on the analysis of the legal literature and legislation on administrative offenses against environmental protection in the Russian Federation, several judgments are made: normative legal act designed to regulate administrative responsibility in the field of environmental protection, is the Code of the Russian Federation on administrative offenses; all other Federal laws of the Russian Federation, which provides for administrative liability for offences in the sphere of environmental protection, may not contradict the Russian Code of administrative offences; contradictions between the Code of the Russian Federation and other federal laws of the Russian Federation regarding administrative responsibility in the field of environmental protection should be considered according to the rules of conflict.

Keywords: Russian Federation, law, legislation, international treaty, normative legal act, Constitution of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On Environmental Protection» of December 20, 2001, environment, administrative offense.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Мышко Ф.Г. Об административных правонарушениях против окружающей среды в Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):219-22.

Предметом данной статьи являются административные правонарушения против окружающей среды в Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.
Так, И.В. Поповым «рассмотрена следующая проблема: изучение правоприменительной практики

борьбы с преступным загрязнением природы выявило то обстоятельство, что правоохранительные органы предпочитают более простую административную юрисдикцию. Во многом это обусловлено отсутствием четких критериев криминализации преступлений против природной среды, системы соподчиненности административных и уголовно-правовых норм» («Подводя итог нашим рассуждениям, отметим: сложность отграничения уголовно наказуемых деяний от административных правонарушений в экологической сфере обусловлена тем, что диспозиции уголовно-правовых норм главы 26 УК не содержат точных критериев разграничения. Характер общественной опасности экологических преступлений и правонарушений совпадает. Они посягают на возможность природной среды к самоочищению и самовосстановлению, и тем самым на состояние природной среды и ее пригодность для живых организмов. Разграничение происходит по степени общественной опасности, т.е. интенсивности воздействия на общественные отношения, которая проявляется во вредности наступивших негативных последствий. Но не всегда возможно точно провести «демаркационную» линию. Критерий криминализации, позволяющий отграничить экологические проступки от преступлений, в виде указания на размер вреда, выраженный в денежном эквиваленте, содержится только в ст. 260 УК и ч. ч. 2, 4 ст. 261 УК») [7].

А.Р. Нобелем рассмотрены «нормативные требования к процедуре составления и содержанию иных протоколов, используемых по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды. Автором соотнесены положения КоАП РФ и ФЗ от 26 декабря 2008 г. N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» в части правового регулирования одноименных процессуальных действий: осмотра, изъятия, отбора проб и образцов» («Таким образом, согласно ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ ключевую роль при решении вопроса о допустимости доказательств, закрепленных в протоколах осмотра, изъятия вещей и документов, либо взятия проб и образцов, составленных как в рамках проверки, так и в ходе производства по делу об административном правонарушении, играет соблюдение требований, изложенных в ФЗ от 26.12.2008 N 294-ФЗ и КоАП РФ, регламентирующих соответственно основания, порядок проведения и составления результатов мероприятий контроля (надзора) и процессуальных действий») [5]. Этот же автор обосновал следующее суждение: «Значительная доля правонарушений в области охраны окружающей среды, причинение существенного ущерба экологии в результате их совершения обуславливает актуальность анализа проблем правового

регулирования доказательств и доказывания по делам об административных правонарушениях данной категории. В статье рассмотрено такое обстоятельство, входящее в предмет доказывания по делам об административных правонарушениях, как событие правонарушения, определены характеризующие его признаки. Выделено материально-правовое и процессуальное значение установления места, времени, способа и других обстоятельств административного правонарушения. На основе анализа судебных решений по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды в работе подчеркивается необходимость полного и точного определения события правонарушения. Автор обращает внимание на судебную практику принятия решений о прекращении производства по делу об административном правонарушении, в случае отсутствия подробного описания события правонарушения. По результатам исследования сформулированы рекомендации по совершенствованию действующего административного законодательства» [6]. При доказывании по административным делам необходимо учитывать фундаментальные разработки, предложенные группой авторов – единомышленников [4].

Авторы – единомышленники (С.И. Баскакова и Е.П. Сергеева) применили «основные подходы и некоторые особенности реализации прокурорами полномочий в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере охраны окружающей среды и природопользования» («В экологической сфере очень остро стоит проблема разграничения надзора прокуратуры и контроля иных государственных органов, это связано с тем, что рассматриваемые правоотношения регулируют большое количество законов, подзаконных актов, ведомственные нормативы и инструкции, часто противоречащие друг другу») [1].

Не столь совершенные результаты научных изысканий относительно нравственных начал при экспертизах предопределяют и несовершенство законодательства Российской Федерации.

Первоначально обращаемся к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.¹, в ст. 118 которой закреплен исчерпывающий перечень видов судопроизводств в Российской Федерации: «1. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. 2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. 3. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституци-

¹ См.: РГ. 2020. 4 июля. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

онным законом. Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды».

Положения Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

Так, в Федеральном законе РФ «Об охране окружающей среды» от 20 декабря 2001 г.¹ в преамбуле закреплены следующие положения: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, которые являются основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации. Настоящий Федеральный закон определяет правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Настоящий Федеральный закон регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле, в пределах территории Российской Федерации, а также на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации».

Административная ответственность за правонарушения в сфере окружающей среды предусмотрена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 г.² (введен в действие с 1 июля 2002 г.³). Глава 8 КоАП РФ названа как «административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (ст. ст. 8.1 – 8.49)⁴.

Таким образом, совершенствование законодательства об административной ответственности за правонарушения в сфере охраны окружающей среды необ-

ходимо продолжить.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, нормативным правовым актом, специально предназначенным для регламентирования административной ответственности в сфере охраны окружающей среды, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Во-вторых, все иные федеральные законы РФ, в которых предусматривается административная ответственность за правонарушения в сфере охраны окружающей среды, не могут противоречить Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях.

В-третьих, противоречия между Кодексом Российской Федерации и иными федеральными законами РФ относительно административной ответственности в сфере охраны окружающей среды должны рассматриваться по правилам коллизии.

Литература

1. Баскакова С.И., Сергеева Е.П. Особенности участия прокуроров в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере охраны окружающей среды и природопользования // Административное право и процесс. 2015. 3. С. 66-69.
2. Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.
3. Галузо В.Н. О доказывании в административном процессе Российской Федерации // Научно-практический журнал «Диалог». 2016. № 4. С. 8-13.
4. Доказывание при правоприменении в Российской Федерации: Монография / Под ред. В.Н. Галузо. 4-е изд., испр. и доп. М.: ТЕИС, 2018.
5. Нобель А.Р. Вопросы использования в доказывании по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды иных протоколов, предусмотренных КоАП РФ, и документов, полученных в результате осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Административное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 767-769.
6. Нобель А.Р. Материально-правовое и процессуальное значение характеристик события административного правонарушения как одного из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам об административных правонарушениях (на примере дел в области охраны окружающей среды) // Административное и

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 2. ст. 133; ...; 2021. № 1 (часть I). Ст. 33.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1. РГ. 2021. 8 февраля.

³ См.: Федеральный закон РФ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 20.12.2001 г. // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 2.

⁴ Об этом также см.: Галузо В.Н. О доказывании в административном процессе Российской Федерации // Научно-практический журнал «Диалог». 2016. № 4. С. 8-13.

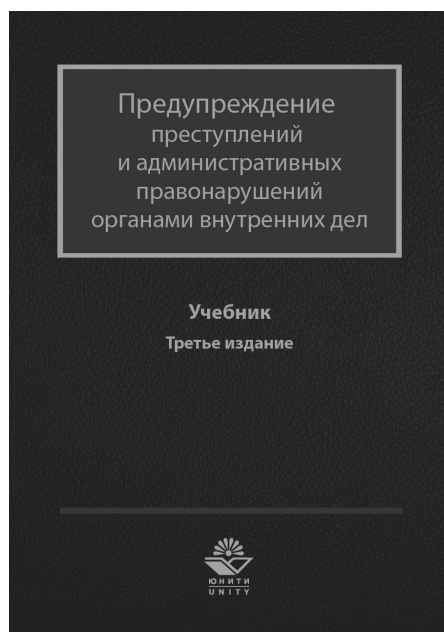

муниципальное право. 2014. № 1. С. 25-29.

7. Попов И.В. Проблемы ограничения преступлений против природной среды от административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 41-45.

References

1. Baskakova S.I., Sergeeva E.P. Features of the participation of prosecutors in the proceedings on administrative offenses in the field of environmental protection and environmental management // Administrative law and process. 2015. 3. pp. 66-69.
2. Galuzo V.N. Is it possible to ensure uniform implementation of legislation in the absence of its systematization? // State and law. 2014. No. 11. pp. 98-102.
3. Galuzo V.N. On proving in the administrative process of the Russian Federation // Nauchno-prakticheskiy zhurnal "Dialog". 2016. No. 4. pp. 8-13.
4. Proving in law enforcement in the Russian Federation: Monograph / Edited by V.N. Galuzo. 4-e Izd., Rev. and EXT. M.: TEIs, 2018.
5. Nobel A.R. Questions of use in proving the cases of administrative offenses in the field of environmental protection and other protocols provided by the administrative code, and documents resulting from the implementation of state control (supervision) and municipal control // Administrative and municipal law. 2013. No. 7. pp. 767-769.
6. Nobel A.R. Material-legal and procedural significance of the characteristics of the event of an administrative offense as one of the circumstances included in the subject of evidence in cases of administrative offenses (on the example of cases in the field of environmental protection) // Administrative and Municipal law. 2014. No. 1. pp. 25-29.
7. Popov I.V. Problems of distinguishing crimes against the natural environment from administrative offenses in the field of environmental protection and nature management // Russian investigator. 2014. No. 1. pp. 41-45.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-

транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ

Юлия Николаевна Сосновская, доцент кафедры административного права, кандидат юридических наук, доцент Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д.12)
E-mail: lisenok1214@yandex.ru

Элеонора Викторовна Маркина, доцент кафедры административного права, кандидат юридических наук, доцент Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д.12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с правовым статусом государственных корпораций.

Основные направления развития корпораций, а также эффективность их деятельности в условиях жесткой конкурентной борьбы определяются способностью к созданию и внедрению в свою деятельность инновационных стратегий. Отечественные государственные корпорации, располагая существенным набором современных уникальных образцов продукции и технологиями по их изготовлению, продолжают свое развитие, не используя современные достижения науки. Государственные корпорации являются участниками административных правоотношений, и осуществляют свою деятельность от имени государства. Административно-правовой статус государственных корпораций исследуется по аналогии с административным статусом государственной гражданской службы.

Ключевые слова: федеральный закон, управление, государственная корпорация, административно-правовой статус, правосубъектность, публично-правовое образование, статус юридического лица, административные правоотношения.

ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF STATE CORPORATIONS

Yulia N. Sosnowskaya, Associate Professor of the Department of Administrative Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: lisenok1214@yandex.ru

Eleonora V. Markina, Associate Professor of the Department of Administrative Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. In the article the authors consider issues related to the legal status of state corporations.

The main directions of development of corporations, as well as the effectiveness of their activities in conditions of tough competition, are determined by the ability to create and implement innovative strategies in their activities. Domestic state corporations, having a significant set of modern unique product samples and technologies for their manufacture, continue their development without using modern scientific achievements. State corporations are participants in administrative legal relations and carry out their activities on behalf of the state. The administrative and legal status of public corporations is investigated by analogy with the administrative status of the state civil service.

Keywords: federal act, management, government corporation, administrative and legal status, legal personality, public instituting, corporate status, administrative legal relationship.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В. К вопросу о правовом статусе государственных корпораций. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):223-7.

Введение законодательством в Федеральный закон Российской Федерации от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» такой формы юридического лица, как государственная корпорация требует решения новых задач, связанных с необходимостью всестороннего исследования и научного анализа не только формы юридического лица – корпорации, но и исследования вопроса об особенностях ее административно-правового статуса.

На данный момент в России существует 5 государственных корпораций, это: ГК «Агентство по страхованию вкладов»¹; ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»²; Государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»³; Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»⁴; Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос»⁵.

В качестве особенностей административно-правового статуса государственных корпораций можно назвать то, что они могут участвовать в правоотношениях как органы государственной власти.

В настоящее время, государственная корпорация, сочетает признаки юридического лица и органа государственной власти. Поэтому в качестве участника административных правоотношений государственные правоотношения рассматриваются как субъект, обладающий публичными функциями [2, с. 18].

В настоящее время в научной литературе дискуссионным остается вопрос относительно правового статуса и правосубъектности отмеченных выше образований.

Проводя анализ правовых норм главы пятой Гражданского Кодекса Российской Федерации, можно сделать следующие выводы относительно правовой природы публичных образований как субъектов гражданских правоотношений.

Во-первых, данные образования, несмотря на административно-властные элементы содержания, участвуют в гражданских правоотношениях на равных началах с другими субъектами – гражданами и юридическими лицами.

Во-вторых, отмеченные выше субъекты приобретают и осуществляют имущественные и личные не имущественные права и обязанности посредством своих компетентных органов, полномочия которых закреплены законом. В связи с этим можно сделать вывод о том, что правосубъектность данных образований носит специальный характер, т.к. во многом определяется нормативно-правовыми актами, регулирующими компетенцию уполномоченных государственных и муниципальных органов.

Важное значение для реализации публично – правовым образованием своих прав и обязанностей имеет его правосубъектность. На сегодняшний день в научной литературе сложились две основные точки зрения относительно качественной характеристики данного правового института.

Согласно первой позиции, правосубъектность публично-правовых образований является универсальной (общей) и в полном объеме совпадает с правоспособностью юридических лиц.

Придерживаясь второй точки зрения, правосубъектность отмеченных выше образований носит специальный (функциональный) характер. Правоспособность данных субъектов всегда ограничена ввиду особенностей последних как участников гражданского оборота, т.к. публично-правовые образования, вступая в гражданские правоотношения, реализуют определенные задачи публичной власти.

Необходимо отметить, что говорить о «двойственности» публично-правовых образований в гражданских правоотношениях не представляется в полной мере целесообразным ввиду следующего: носителями властных полномочий публично-правовые образования могут выступать только в отраслях публичного права (в частности, конституционного, административного и т.д.).

В данных правоотношениях они вправе в одностороннем порядке принимать нормативные и ненормативные правовые акты, которые способствуют возникновению, изменению и прекращению субъективных прав и юридических обязанностей иных субъектов данных правоотношений.

Таким образом, публично правовые образования вступают как в административные отношения власти подчинения, так и в гражданских, то есть горизонтальных – равноправных отношениях.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона Рос-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 23.12.2003 № 177-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // СЗ РФ от 29.12.2003. № 52 (часть I). Ст. 5029.

² Федеральный закон Российской Федерации от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О банке развития» (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ от 28.05.2007. № 22. Ст. 2562.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 23.11.2007 № 270-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» // СЗ РФ от 26.11.2007. № 48 (часть II). Ст. 5814.

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // СЗ РФ от 03.12.2007. № 49. Ст. 6078.

⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 13.07.2015 г. № 215-ФЗ (в посл. редакции) «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» // СЗ РФ от 20.07.2015 г. № 29 (часть I). Ст. 4341.

сийской Федерации «О рынке ценных бумаг»¹ публично правовое образование рассматривается через призму статуса эмитента, т. е. юридического лица, исполнительного органа государственной власти, органа местного самоуправления, которые несут от своего имени или от имени публично правового образования обязательства перед владельцами ценных бумаг по осуществлению прав, закрепленных этими ценными бумагами.

Следует отметить, что публично правовое образование от своего имени может эмитировать ценные бумаги и нести обязательства перед их владельцами. Так, например, данные полномочия используются органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в частности Иркутской области, для выпуска областных долговых обязательств области. Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. (ред. от 15.10.2020 г.) содержит 18 упоминаний термина «публично правовое образование». Статья 6 данного кодекса содержит в себе несколько упоминаний, в том числе, согласно абзацу 20 данной статьи, под расходным обязательством понимаются обусловленные законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанности публично правового образования (Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования) или действующего от его имени казенного учреждения предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично правовому образованию, субъекту международного права средства из соответствующего бюджета. Абзац 22 ст. 6 Бюджетного кодекса РФ упоминает публичные обязательства, определяя их как обусловленные законом, иным нормативным правовым актом расходные обязательства публично правового образования перед физическим или юридическим лицом, иным публично правовым образованием, подлежащие исполнению в установленном соответствующим законом, иным нормативным правовым актом размере или имеющие установленный указанным законом, актом порядок его определения (расчета, индексации).

Кроме указания на равенство государства с субъектами гражданского права, российское законодательство не содержит иных признаков этих субъектов, в том числе не содержит и определения понятия «публично-правовые» образования, применительно к их участию в гражданско-правовых отношениях. Указание законодателем на их равноправие с юридическими и физическими лицами не придает ясности в определении правового статуса этих субъектов, поскольку указанные субъекты относятся к области публичного

права. Вместе с тем в силу особого статуса данного субъекта права участие публично-правовых образований в гражданском обороте не может в чистом виде носить, например, предпринимательский характер. Анализируя правовое положение государства, дореволюционные правоведы рассматривали его в рамках учения о юридических лицах. В основе такой классификации лежало римское право, делившее последние на 2 вида: корпорации и учреждения.

Несмотря на то что законодательство того времени не содержало четкой классификации юридических лиц, правовая доктрина делила их на частные и публичные. Последние включают само государство, ведомства и учреждения, обладающие обособленным имуществом, а также органы местного самоуправления. Утверждалось, что публичные юридические лица возникают помимо воли частных лиц и создаются исторически или в законодательном порядке. При этом учеными того периода государство рассматривалось с точки зрения принадлежащего ему имущества, выделявшегося в отдельный вид юридического лица (казну).

Казна не пользовалась преимуществами, а имела те же права, какие принадлежат ей по праву собственности: распоряжение своим имуществом наравне с частными лицами. Будучи юридическим лицом, казна действовала через своих представителей (государь, присутственные места и должностные лица). Изучая законодательство стран общего права, ученые того периода констатировали, что англо-американское право, сложившееся под действием английской теории, посвященной юридическим лицам и влиянием римско-канонических понятий, под словом «корпорация» понимало не только общества, но и должности, каковыми, например, являлись монарх и епископ. Поэтому такие должности именовались корпорациями с прибавлением слова: *quasi*.

Возможно, под влиянием английской правовой доктрины некоторые русские правоведы высказывали мнение, что различные присутственные места и должности являются юридическими лицами. Однако такое представление не находило широкой поддержки, а личность последних сводилась к личности обширного союза — государства.

Таким образом, дореволюционные правоведы и тенденции развития законодательства того периода прочно стояли на позициях отнесения государства к публичным юридическим лицам, представляя под ним совокупность имущества (казну), которое осуществляло приобретение прав и обязанностей через свои органы. Становление новых правоотношений в советской России, обусловленных иной (не капита-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собр. законодательства РФ. 1996. Ст. 1918.

листической) системой хозяйствования, потребовало переосмысления правового положения государства в гражданских правоотношениях. Советская Россия представляла собой единство фонда государственной социалистической собственности, а также политического и хозяйственного руководства, которое мыслилось представителем всего общества.

В этом смысле социалистическое государство вступало в гражданские правоотношения в качестве непосредственного субъекта имущественных прав в тех случаях, когда оно действовало в качестве казны. Понятие же казны связывалось с понятием государственного бюджета. В отличие от буржуазного государства, в котором все государственное имущество — это имущество казны, понятие советской казны имело более узкое содержание. Вместе с тем в период становления советской государственности в рядах ученых не было единства: например, А.В. Венедиктов отмечал, что в гражданском обороте в лице государственных предприятий выступало само государство. В последующем ученый стал рассматривать государство как собственника имущества, стоящего за государственными органами, являющимися юридическими лицами гражданского права. Иначе говоря, государственное юридическое лицо являлось персонифицированной частью государственного имущества. Вместо нормальных рыночных отношений вводились другие механизмы хозяйствования, например хозяйственный расчет. Объяснялось это тем, что, хотя государство как целое является хозяйствующим субъектом, процесс производства и распределения общественного продукта проходит через некоторые ступени и опосредствован деятельностью государственных органов.

Статус юридического лица ставился в зависимость от финансово-бухгалтерских категорий (самостоятельная смета и возможность быть распорядителем кредитов), которые давали право на совершение сделок, а равно право быть истцом и ответчиком по имущественным спорам.

Таким образом, социалистическое государство (СССР и союзные республики) перестало расцениваться как юридическое лицо публичного права, а воспринималось как некоторое явление, стоящее над субъектами гражданского права и осуществляющее функции хозяйственного управления через разветвленную сеть своих органов. При этом органами советского государства являлись учреждения и предприятия, которые именовались юридическими лицами. Неопределенность правового статуса публично-правовых образований, возникшая в советский период, неприменимость к ним понятия юридического лица оказали влияние на современную российскую правовую док-

трину [4, с. 376].

При этом отличие публично-правовых образований от юридических лиц базируется на многочисленных исключениях, установленных законодателем. В свою очередь, характер исключений предусматривает нормы, применимые исключительно к публичным образованиям, и нормы, устанавливающие ограничения в правовом режиме публичных образований по сравнению с юридическими лицами [5, с. 352].

Современное законодательство иностранных государств также признает публично-правовые образования юридическими лицами публичного права. Критериями, отделяющими данную группу лиц от юридических лиц частного права, называют публичность целей, преследуемых ими, наличие властных полномочий, возникновение и прекращение их на основе специальных актов государственных органов. К ним относят: государство (казну), государственно-территориальные и муниципальные образования, организации и учреждения, осуществляющие общественно полезные функции.

Необходимо отметить, что современное российское государство перешло в новую систему хозяйствования, вступив на путь рыночных отношений. Несмотря на это, российская доктрина использует правовые конструкции (государства и его органов — юридических лиц), разработанные советскими учеными для обоснования существования в условиях советской государственности. Попытки втиснуть новые рыночные отношения в старую правовую форму социалистической экономики не приводят к успеху [7].

При анализе административно-правового статуса созданных и действующих на территории Российской Федерации государственных корпораций позволяет выделить их основные характеристики (признаки):

- Во-первых, присутствие значительного объема осуществляемых государственных функций;
- Во-вторых, государственные корпорации обладают статусом юридического лица;
- В-третьих, деятельность государственных корпораций обусловлена публичным интересом;
- В-четвертых, целью создания данных юридических лиц является осуществление предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что административно-правовой статус государственных корпораций исследуется по аналогии с административным статусом государственной гражданской службы.

Отсутствие статуса юридического лица у органа власти и управления по общему правилу должно повлечь невозможность их участия в гражданских правоотношениях.

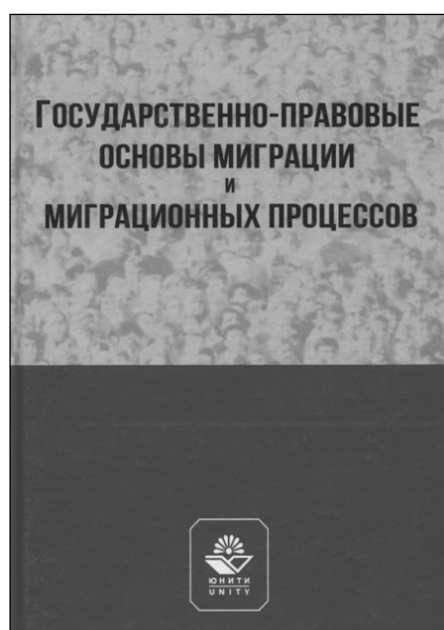

Литература

1. Алехин А.П., Кармолицкий А.А. Административное право России. Особенная часть: учебник. М.: Зерцало-М, 2016.
2. Волков А.М., Дугенец А.С. Об административно-правовой природе государственных корпораций (публично-правовых компаний) // Административное право и процесс. 2012. № 2.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.
4. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2010. Т. 1: Общая часть.
5. Гражданское право: учебник: в 3 т. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2012. Т. 1.
6. Романовская О. В. Правовой статус государственных корпораций в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2018. №1 (1).
7. Слыщенко В. А. Участие государства в отношениях, регулируемых гражданским правом: к вопросу о правовом положении государственных органов // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 6. С. 58-91.

References

1. Alyokhin A.P., Karmolitsky A.A. Administrative law of Russia. Special part: textbook. M.: Zertsalo-M, 2016.
2. Volkov A.M., Dugenets A.S. On the administrative and legal nature of state corporations (public law companies) // Administrative Law and Process. 2012. No. 2.
3. The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary on chapters 1-5 / edited by L.V. Sannikova. Moscow: Statut, 2015. 662 p.
4. Civil law: textbook: in 4 vols. / ed. by E.A. Sukhanov. M., 2010. Vol. 1: General part.
5. Civil law: textbook: in 3 t. / E.N. Abramova, N.N. Averchenko, Yu.V. Baigusheva [et al.]; edited by A.P. Sergeev. M.: RG-Press, 2012. Vol. 1.
6. Romanovskaya O.V. The legal status of state corporations in the Russian Federation // Nauka. Society. State. 2018. №1 (1).
7. Slyshchenkov V.A. State participation in relations regulated by civil law: on the issue of the legal status of state bodies. Vestnik grazhdanskogo prava. 2010. Vol. 10. no. 6. pp. 58-91.

Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А.С. Прудникова. 2020 г. 535 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебное пособие подготовлено с учетом новых теоретических и научно-практических подходов к изучению миграции и ее правового регулирования, обеспечивающих положительную динамику развития миграционных процессов. В частности, в нем нашли отражение такие понятия, как «миграция и миграционная система», «международные стандарты в области регулирования миграции населения», «порядок приобретения гражданства», «правовые основы предоставления статуса беженца и временного убежища».

Дается общая характеристика деятельности государственных органов, участвующих в реализации национальной миграционной политики.

Для студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, преподавателей юридических вузов, а также практических сотрудников подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции.

ПУТИ И СРЕДСТВА ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ СОТРУДНИКАМИ ПДН

Инна Викторовна Федорова, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: karnavalinna73@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ путей и средств воспитательно-профилактического воздействия на личность несовершеннолетнего правонарушителя сотрудниками ПДН; рассмотрены актуальные проблемы по разрешению противоправных деяний среди подростков; даны рекомендации по совершенствованию воспитательно-профилактического воздействия на личность несовершеннолетнего правонарушителя сотрудниками ПДН.

Ключевые слова: сотрудник ПДН, несовершеннолетний правонарушитель, профилактическая работа, профилактические мероприятия, воспитательно-профилактическое воздействие.

WAYS AND MEANS OF EDUCATIONAL AND PREVENTIVE INFLUENCE ON THE PERSONALITY OF A MINOR OFFENDER BY PD OFFICERS

Inna V. Fedorova, Associate Professor of the Department of Administrative Activity Internal Affairs Bodies, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: karnavalinna73@mail.ru

Abstract. Analyzed the ways and means of educational and preventive influence on the personality of a minor offender by PD officers; examines the current problems of resolving illegal acts among adolescents; given recommendations for improving the educational and preventive influence on the personality of a minor offender by PD officers.

Keywords: PD employee, minor offender, preventive work, preventive measures, educational and preventive impact.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Федорова И.В. Пути и средства воспитательно-профилактического воздействия на личность несовершеннолетнего правонарушителя сотрудниками ПДН. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):228-31.

Спектр профессиональных обязанностей инспектора ПДН обширен и включает в себя различные направления деятельности, такие как профилактика, пресечение, предупреждение преступлений и административных правонарушений.

Сотрудники ПДН ежедневно предотвращают противоправные деяния среди подростков. И этот факт, безусловно, влияет на дальнейшую судьбу подростка. Сможет ли он дальше социализироваться в обществе и нормально общаться, приобретать новые знания и навыки, положительный жизненный опыт. Это важно, как для самой личности, так и для всего общества.

Для современных подростков существуют многочисленные соблазны, которые могут подтолкнуть его

к совершению противоправных действий: компании антиобщественной направленности, друзья и новые подруги и перед всеми нужно выглядеть модно, самоуверенно, а для этого необходимы соответствующие атрибуты. Для того, чтобы заработать авторитет необходимо проявить себя как достаточно агрессивного, бесстрашного, авантюрного человека. Именно тогда и наступает право выбора, каким путем всего этого достичь, на стороне закона, либо же обходя его.

При вышеуказанной ситуации необходимо взаимодействие службы и организации, в том числе сотрудников ОВД, инспекторов по делам несовершеннолетних.

Сотрудник ПДН является важным звеном в фор-

мировании положительной гражданской позиции, в формировании активной мотивационной сферы подростков.

Профилактика правонарушений – совокупность организационных, правовых, экономических, социальных, демографических, воспитательных и иных мер по выявлению и устранению причин и условий совершения правонарушений или недопущению правонарушений. Профилактические мероприятия – это методы формирования у личности медико-социальной активности и мотивации на успех, на карьеру, на здоровый образ жизни. Целью профилактической работы инспектора по делам несовершеннолетних – своевременное выявление и устранение причин и условий правонарушений, способствующих их совершению.

Причины совершения правонарушений среди подростков:

1. Семейное неблагополучие – родители выступают в качестве участников возникновения девиантного поведения у подростка и в дальнейшем совершении им незаконных действий.

Каждая семья имеет свой уклад, свою историю развития, разные экономические, психологические и эмоциональные составляющие. Благополучная семья – это полная семья, в которой есть и отец, и мать, и дети. Такая семья счастлива, супруги не ссорятся, дети воспитываются в мире и согласии. Доход благополучной семьи не обязательно должен быть очень высоким, но денег должно хватать, чтобы обеспечивать полноценную жизнь. В такой семье родители активно участвуют в воспитании своих детей, уделяется большое внимание учебной деятельности детей, увлечениям, следят за всесторонним развитием своего ребенка. Вероятность возникновения девиантного поведения не высока. Такая личность успешно социализируется и не проявляет девиаций в своем поведении.

Современными правонарушителями являются так называемые «золотые дети», которые участвуют в административных правонарушениях, при этом во многих случаях являются виновниками правонарушений и преступлений.

В СМИ достаточно часто показывают ролики, где подростки богатых родителей, которые имеют в своем распоряжении большую сумму денег, устраивают сцены вседозволенности и безнаказанности. С виду в таких семьях все благополучно, но если углубиться и понаблюдать за такой семьей, то будет сразу понятно, что внимание к своему чаду и взаимопонимания отсутствует. Скорее всего «благополучная семья» это исключительно пиар и не больше.

Следующий вариант развития дальнейшего поведения ребенка в семье и возникновения у него девиантного поведения это «гиперопека» родителей. Каждая мама пытается угодить своему ребенку, пытается отгородить его от возникающих трудностей, следит за

каждым его телодвижением и не дает свободы в решениях. Такой человек легко подавляемый и внушаемый, его легко будет заманить в группу любой направленности, как позитивной, так и негативной. Этот фактор является опасным как для отдельной личности, так и для всего общества.

Многочисленные отечественные и зарубежные исследования показывают, что именно нарушение семейных отношений (детско-родительских и супружеских) часто является причиной виктимизации детей и формирования их девиантного поведения (И.А. Горькова, В.Л. Хайкин, Э.Г. Эйдемиллер, А.Я. Варга и др.). Все авторы единодушны в том, что отклоняющееся поведение от принятых в данном социуме нравственных и социально-психологических норм наблюдается чаще у детей из неблагополучных семей. Деструктивные семьи оказывают негативное влияние на развитие и воспитание своего ребенка. К негативному влиянию относятся: собственный пример, личностные расстройства и ближайшее окружение.

В семьях, где взрослые употребляют алкогольную, наркотическую продукцию, либо же ведут аморальный образ жизни, нет достойного примера для подражания. Дети считают такое поведение нормой и копируют поведение старших.

Рассматривая ситуацию, где дети видят, как папа использует физическую силу по отношению к другим родственникам, то в дальнейшей своей жизни, при построении собственной семьи такой ребенок будет относиться точно также. Будет применять такой метод всегда, при решении конфликта.

Там, где родители не уделяют должного внимания к воспитанию детей, относятся к ним безалаберно и не желают выполнять свои родительские обязанности, к таким родителям применяется административная ответственность согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях¹.

2. Личностные расстройства.

Личность правонарушителя, по мнению Б.В. Волженкина, — это совокупность негативных социально-значимых индивидуально-типологических качеств индивида, обуславливающая его преступное поведение [1].

Личность несовершеннолетнего правонарушителя имеет характерные особенности, которые позволяют выбрать наиболее целесообразные методы для исправления, индивидуальной воспитательной работы и профилактики. Также необходима коррекция личности подростка, которым присуще асоциальное поведение, оказать содействие в недопущении совершения им преступления. Изучение личности несовершеннолетнего правонарушителя позволяет прогнозировать

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. 04.02.2021) // КонсультантПлюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.

будущее поведение его в социуме.

Если рассматривать личность правонарушителя, то необходимо учитывать возраст несовершеннолетнего. Каждый возраст имеет свои особенности: энергия, повышенная возбудимость, повышенная противоречивость, агрессия, активность или пассивность, даже некоторая неуравновешенность.

Подросток слишком восприимчив к словам или эмоциям окружающих, как позитивно, так и негативно. Восприимчивость и впечатлительность является внутренними механизмами, которые способствуют формированию мировоззрения человека, черт характера, особенностей личности человека. Все это затрудняет процесс адаптации и принятия норма общества подростком, ему кажется, что не существует понимания среди людей, что его не поймет окружение.

Криминологические и социально-психологические исследования показывают, что для личности несовершеннолетнего правонарушителей характерны следующие признаки:

- не проявление интереса к познавательной деятельности и связанная семейной и педагогической запущенностью когнитивная дефицитарность. Таким образом, создается впечатление об умственной отсталости подростка. При этом проявляется хорошая социальная адаптация и ориентировка в обществе;
- отсутствие эмпатии, то есть отсутствие способности сочувствовать другим людям, холодность, не способность прикинуть чувствами собеседника. Проявляется цикличность в эмоциональных отношениях;
- стремление получить блага без особого усилия; в своем поведении видят причины извне. Душевную опустошенность замещают употребление наркотических средств и алкоголь;
- раздражительность, агрессия на конфликтную ситуацию, выраженная жестокостью в поведении;
- не восприятия ценностей общества, семьи, класса, но усвоение асоциальных норм поведения, социально-правовой нигилизм;
- подверженность влиянию взрослых, состоящих в преступных группах.

В таком случае родители должны быть рядом, должны направить подростка на правильную жизненную позицию в обществе, а сотрудник ПДН в профилактической работе объяснить нормы законодательства, санкции, которые может применить государство к несовершеннолетнему.

3. Окружение подростка.

Современные молодежные группы оказывают как негативное, так и позитивное влияние на личность. Многие подростки поддаются уговорам, давлению старших, либо ровесников и тогда жизнь такого подростка начинается складываться по-другому. Такие

группы часто имеют антиобщественный характер (употребление наркотиков, распитие алкогольных напитков, криминальные группировки). В таких случаях без вмешательства правоохранительных органов решить воспитательные вопросы не возможно.

В данном случае алгоритм выявления правонарушений сотрудниками ПДН можно определить, обратившись к Приказу МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»¹. В данном Приказе рассмотрены основные вопросы организации деятельности сотрудников ПДН, права и обязанности, а также организация деятельности ПДН по профилактике правонарушений. Инспектора ПДН обязаны строго следовать пунктам Приказа, необходимо правильно интерпретировать нормы приказа и осуществлять профессиональную деятельность на основании данных пунктов.

Профилактическая работа проводится как индивидуально, так и с группой лиц (в школах или иных образовательных организациях). Профилактические мероприятия проводятся в школах, детских садах (то есть массовое, групповое общение), где школьники имеют возможность задать волнующие их вопросы, связанные с темой профилактической беседы (например, о вреде курения или употребления алкогольной продукции либо наркотических средств), либо же индивидуальная беседа с несовершеннолетним и его родителями, молодыми семьями. Очень важно при проведении индивидуальной профилактической работе выяснить причины совершенного правонарушения, а также определить возможен ли рецидив уже совершенного противоправного деяния. Профилактическая работа сотрудников ПДН для этого и существует, чтобы избежать повторения возможного правонарушения и дать шанс и возможность для перевоспитания.

Главная цель профилактической работы направлена на защиту прав и законных интересов личности, отдельной семьи, общества и государства от противоправных посягательства и незаконного действий.

Сотрудник ПДН проводит профилактическую работу во взаимодействии с другими подразделениями и государственными органами. Для проведения такой масштабной работы должны быть подключены школы, которые должны всегда прикладывать совместные усилия в борьбе за спасение личности подростков.

В профилактической работе участвуют также органы опеки и попечительства, общественные организации, образовательные организации, а также соз-

¹ Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 (ред. от 31.12.2018) «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.02.2014 N 31238).

данные родительские комитеты, социальный педагог и психолог, но основным профилактическим звеном является родители.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹ основными задачами деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних являются:

- предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому;
- обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
- социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;
- выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суицидальным действиям.

В соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»² деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основывается на принципах законности, демократизма, гуманного обращения с несовершеннолетними, поддержки семьи и взаимодействия с ней, индивидуального подхода к несовершеннолетним с соблюдением конфиденциальности полученной информации, государственной поддержки деятельности органов местного самоуправления и общественных объединений по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечения ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних.

Рассматривая работу образовательных учреждений в области профилактики, то здесь необходимо отметить задачи, которые необходимо претворять в практическую деятельность:

- оказание социально-психологической и педагогической помощи несовершеннолетним, имеющие проблемы в поведении и воспитании, а также проблемы в обучении;
- выявление несовершеннолетних, которые на-

ходятся в зоне риска, либо особо опасном положении;

- определение несовершеннолетних, которые систематически пропускают занятия или не посещающие образовательное учреждение;
- выявление проблемных семей и оказание им психологической, педагогической или иной помощи;
- выполнение образовательной организации в области предоставления досугового воспитания, открытия секций: спортивных, художественных, научных кружков; клубов по интересам и привлечение несовершеннолетних в их участие;
- воспитание правовых основ государства.

Литература

1. Волженкин Б.В. Общественная опасность личности преступника // Правоведение. 2008. № 4. С. 262–269.
2. Федорова И.В., Вихляев А.А. К вопросу применения этнолингвистики при осуществлении профилактики правонарушений со стороны детей мигрантов и оседлого населения Российской Федерации, причисляемого к различным этническим и субэтническим группам. // В сборнике: Портрет инспектора по делам несовершеннолетних. Сборник научных трудов Всероссийской конференции. Москва, 2020. С. 60-63.
3. Федорова И.В. Общий обзор профессиональной деятельности инспектора ПДН // В сборнике: Портрет инспектора по делам несовершеннолетних. Сборник научных трудов Всероссийской конференции. Москва, 2020. С. 244-247.

References

1. Volzhenkin B.V. Public danger of the criminal's personality // Jurisprudence. 2008. No. 4. pp. 262-269.
2. Fedorova I.V., Vikhlyaev A.A. On the issue of the application of ethnolinguistics in the implementation of the prevention of offenses by migrant children and the settled population of the Russian Federation, classified as various ethnic and sub-ethnic groups // In the collection: Portrait of a juvenile inspector. Collection of scientific papers of the All-Russian Conference. Moscow, 2020. pp. 60-63.
3. Fedorova I.V. General overview of the professional activity of the PD inspector // In the collection: Portrait of a juvenile inspector. Collection of scientific papers of the All-Russian Conference. Moscow, 2020. pp. 244-247.

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

² Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

АНАЛИЗ МИРОВОГО УРОВНЯ МОШЕННИЧЕСТВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ОРГАНИЗАЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ирина Аркадьевна Горшенева, заведующий кафедрой иностранных языков, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы РФ

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: office@unity-dana.ru

Елена Борисовна Кузевская, доцент кафедры иностранных языков, кандидат философских наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: kougevskaia@gmail.com

Марк Константинович Васильев, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре экономической безопасности, финансов и экономического анализа

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам рассмотрения уровня мошенничества в различных странах и его влияние на деятельность юридических лиц. В рамках рассмотрения вопроса авторы обращают внимание на то, что основной причиной мошеннических посягательств является недостаточная подготовленность многих организаций к профилактике пресечения мошеннических действий.

Ключевые слова: мошенничество, экономические преступления, организации, риски, коррупция, потребительский рынок, взяточничество.

ANALYSIS OF THE GLOBAL LEVEL OF FRAUD AND ITS IMPACT ON ORGANIZATIONS ENGAGED IN ECONOMIC ACTIVITIES

Irina A. Gorshenyova, Head of the Department of Foreign Languages, Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of Russia

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: office@unity-dana.ru

Elena B. Kuzhevskaya, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Candidate of Philosophical Sciences Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: kougevskaia@gmail.com

Mark K. Vasilyev, Adjunct of Faculty of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Staff on the Department of Economic Security, Finances and Economic Analysis

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of considering the level of fraud in various countries and its impact on the activities of legal entities. As part of the consideration of the issue, the authors draw attention to the fact that the main reason for fraudulent attacks is the lack of preparedness of many organizations to prevent the suppression of fraudulent actions.

Keywords: fraud, economic crimes, organizations, risks, corruption, consumer market, bribery.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Горшенева И.А., Кузевская Е.Б., Васильев М.К. Анализ мирового уровня мошенничества и его влияние на организации, осуществляющие экономическую деятельность. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):232-5.

В обзоре глобальной экономической преступности, проведенном компанией PwC в 2018 году, 49% организаций мирового сообщества, осуществляющих экономическую деятельность, заявили, что стали жертвами экономических преступлений и, в частности, мошенничества [4; 5; 6]. Реальность такова, что виктимность таких организаций связана, прежде всего, с тем, что слишком малое их количество в достаточной мере осведомлены о мошеннических рисках, с которыми они могут столкнуться в ходе своей деятельности.

Следует также отметить, что с увеличением уровня зарегистрированных преступлений экономической направленности растут затраты юридических лиц, осуществляющих коммерческую деятельность на борьбу с таким преступлением. Так,

- 42% представителей таких организаций заявили, что за последние два года ими были значительно увеличены расходы по борьбе с мошенничеством и экономическими посягательствами.
- 44% из опрошенных сообщили, что планируют повысить расходы на борьбу с мошенничеством и противоправными экономическими деяниями в течение последующих двух лет.

Таким образом, наряду с уже существующим «арсеналом» методов борьбы с мошенническими посягательствами и в целях сохранения лидерства на рынке, юридические лица вынуждены задействовать все современные «инструменты» и профилактические тех-

нологии для борьбы с мошенничеством.

Важно заметить что, несмотря на ежегодное увеличение расходов на защиту организаций от преступных посягательств, многие компании, борясь с мошенничеством и используя целый «арсенал» защитных средств и технологий, не проводят оценку рисков (см. рис. 1):

- только 54% организаций заявили, что за последние два года они провели анализ возможных рисков мошенничества или противоправных экономических деяний;
- Менее половины заявили, что они провели лишь оценку риска киберпреступности;
- Менее трети респондентов заявили, что их компании проводили оценку рисков в направлениях, касающихся взяточничества и коррупции, отмывания денег или санкций и экспортного контроля;
- Каждый десятый респондент не проводил никаких оценок риска за последние два года [6].

Однако ситуация в целом и общая криминогенная обстановка меняются достаточно быстро. Общественное мнение относительно корпоративного и/или личного недобросовестного поведения возрастает. Мало того, некоторые корпорации и их руководители также совершают противоправные поступки и привлекаются к ответственности за преступления, совершенные в прошлом, когда «неписанные правила» ведения бизнеса не подпадали в рамки уголовно-правового поля.

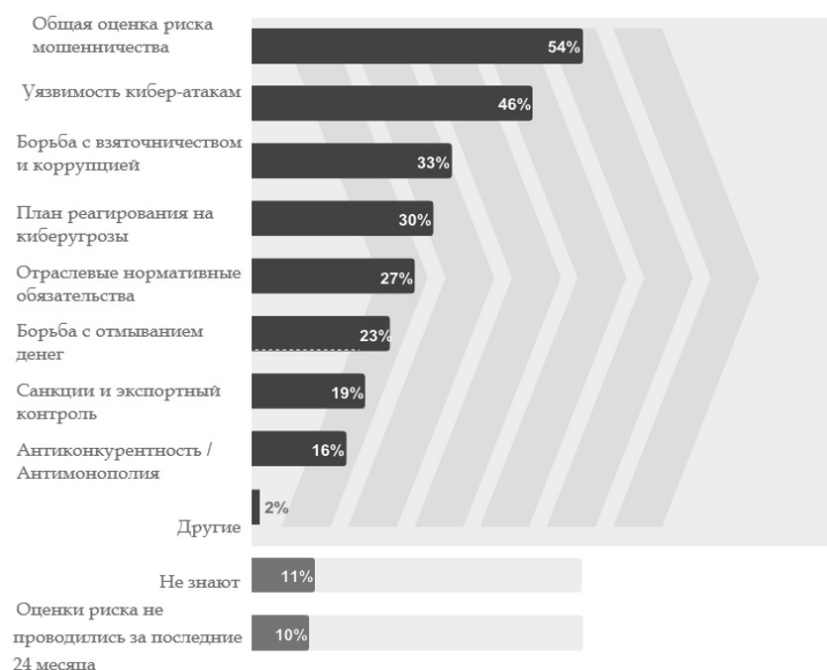

Рис. 1. Оценка рисков, осуществляемая организациями, в %

Следует заметить, что оценка рисков мошенничества может оказать организациям единственную помощь в распознавании конкретных видов мошенничества и предотвращении экономических преступных посягательств.

Среди преступных деяний, направленных против юридических лиц, осуществляющих экономическую деятельность, наиболее распространенными сегодня являются: мошенничество на потребительском рынке и должностные преступления [3, с. 55-56]. В 2018 году впервые такие преступления были выделены как от-

дельные угрозы (рис. 2) [4].

Опрос респондентов, представителей различной организации показал следующее:

29% опрошенных подтвердили информацию о том, что их компании пострадали от мошенничества в сфере потребительского рынка;

28% респондентов заявили, что пострадали от неправомерных действий в сфере бизнеса (что занимает 3-е/4-е место в преступной иерархии после незаконного присвоения активов (45%) и киберпреступности (31%)).

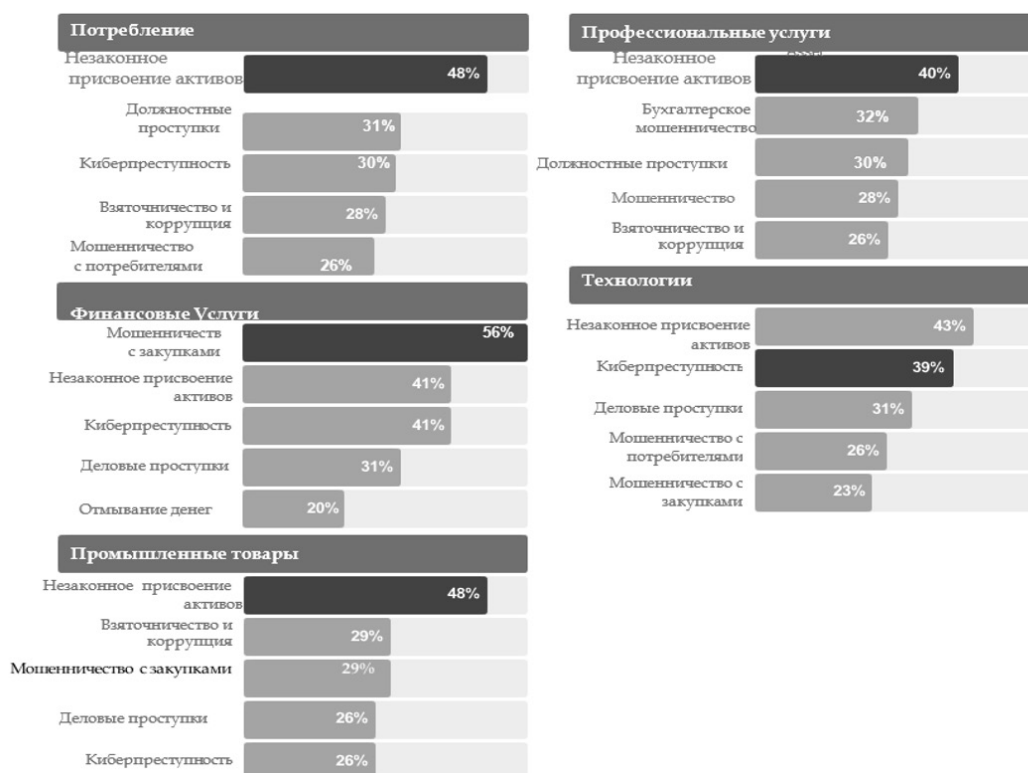

Рис. 2. Виды экономических преступлений, совершенных в 2018 году, в %

Следует отметить, что значительное снижение зарегистрированных случаев незаконного присвоения активов связано в первую очередь с включением этих составов и поглощением их новым видом мошенничества – мошенничества на потребительском рынке [2].

В настоящее время с целью защиты от мошеннических действий многие компании рассматривают валидность (контролируемость), этику и управление рисками предприятия как отдельные функции, иногда они даже наличествуют в отдельных подразделениях внутри одной организации.

Необходимо принимать во внимание тот факт, что традиционные меры профилактики и обнаружение мошенничества выступают вторичной сферой деятельности организации – управление рисками, правовые вопросы, контроль и т.д., что и усугубляет их положение.

Современные же предприятия все чаще внедряют в структуру своей деятельности собственные усиленные меры по предотвращению мошенничества, придавая им первостепенное значение.

В последние годы не только усилилась борьба с экономической преступностью [1], но и изменились требования, предъявляемые ко всем заинтересованным субъектам, начиная от контролирующих органов и общественности, заканчивая социальными сетями и работниками. Сегодня более чем когда-либо прозрачность и приверженность закону имеют определяющее значение.

И это правильно, потому что существует общественное мнение, где репутация может быть выиграна и потеряна в одночасье, и уже сегодня бизнес «несет» ответственность за то, что происходит в данный момент.

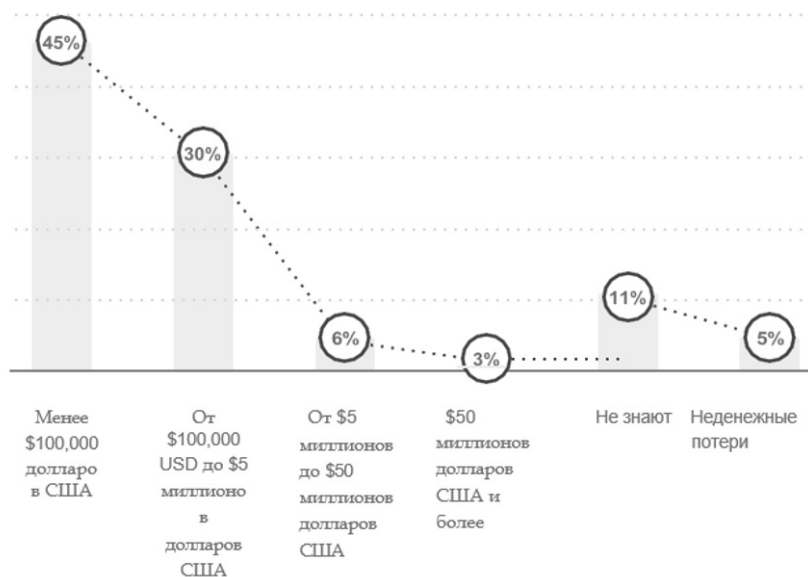

Рис. 3. Ущерб организаций от мошеннических действий, в \$ США

Литература

1. Бабурин С.В., Качурин Д.В., Качурина И.Б. Уголовно-правовая борьба с мошенничеством // монография / Бабурин С.В., Качурин Д.В., Качурина И.Б.; Негос. образовательное учреждение высш. проф. образования Ин-т «Верхневолжье». Тверь, 2008. 110 с.
2. Качурина И.Б. Основы уголовного законодательства // Курс лекций / Москва, 2019. 170 с.
3. Смык Е.И. К вопросу о борьбе со взяточничеством // В сборнике: Правопорядок в России: проблемы совершенствования материалы VI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 2012. С. 55-56.
4. Обзор глобальной экономической преступности и мошенничества [Электронный ресурс]. Режим доступа свободный. URL: <https://www.pwc.com>.
5. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа свободный. URL: <http://crimestat.ru>.
6. Pulling fraud out of the shadows Global Economic Crime and Fraud Survey 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа свободный. URL: www.pwc.com/fraudsurvey.

References

1. Baburin S.V., Kachurin D.V., Kachurina I.B. Criminal-legal fight against fraud // Monograph / Baburin S.V., Kachurin D.V., Kachurina I.B.; Negos. higher professional educational institution education In-t "Verkhnevolzhye". Tver, 2008. 110 p.
2. Kachurina I.B. Osnovy ugolovno zakonodatelstva [Fundamentals of criminal law]. Kurs lektzii [Course of Lectures], Moscow, 2019, 170 p.
3. Smyk E.I. To the question of combating bribery // In the collection: Law and order in Russia: problems of improvement in and materials of the All-Russian Conference of Students, postgraduates and young scientists. 2012. pp. 55-56.
4. Review of global economic crime and fraud [Electronic resource]. The access mode is free. URL: <https://www.pwc.com>.
5. Portal of legal statistics [Electronic resource]. The access mode is free. URL: <http://crimestat.ru>.
6. The conclusion of fraud from the shadow of the Global Economic Crime and Fraud Survey 2018 [Electronic resource]. The access mode is free. URL: www.pwc.com/fraudsurvey.

РЕГИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ И ЦИФРОВОЙ РЕГИОНАЛИЗМ¹

Игорь Васильевич Грошев, доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

(123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1, издательство «Юнити-Дана»)

E-mail: aus_tgy@mail.ru

Алексей Александрович Краснослободцев, кандидат экономических наук

(123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1, издательство «Юнити-Дана»)

E-mail: office@unity-dana.ru

Нодари Дарчоевич Эриашвили, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: professor60@mail.ru

Аннотация. Анализируются факторы, определяющие процесс цифровизации и онлайнизации Российской Федерации. Рассмотрена динамика развития «цифровых возможностей» с актуализацией проблемы изучения процесса «оцифровки» основных сфер жизнедеятельности региональных российских пространств. Представлена схемная модель факториальных переменных, детерминирующих процесс «проникновения» новых цифровых продуктов и услуг на региональные территории страны, одной из которых является региональная креативность. Авторами разработана модель составляющих индекса региональной креативности и выдвинута гипотеза о возможном влиянии эффекта креативности среды на процесс цифровизации. Для выявления корреляционных связей между индексом креативности и уровнем региональной цифровизации на основе метода построения индекса показателя креативности был рассчитан сводный индекс креативности каждого из 85 регионов РФ. Выделены группы регионов-лидеров и аутсайдеров. Для измерения индекса цифровой жизни российских регионов рассчитаны индексы цифровизации. При сравнении рангов регионов по сводному индексу креативности и индексу цифровой жизни сделано заключение об отсутствии прямой корреляции между этими факториальными показателями. Сопоставление позволило выделить три группы регионов, в которых российская экономическая среда структурирует региональные пространства по своим креативно-цифровым матрицам. На основе предлагаемого исследовательского подхода сделан вывод о том, что креативность региона не всегда влияет на скорость и глубину регионального процесса цифровизации и не всегда является одним из детерминирующих факторов региональной «оцифровки».

Ключевые слова: индекс, креативность, локальные цифровые сервисы, оцифровка, регион, регионализм, региональное пространство, среда, сервисная экономика, типология, факторы, цифровая жизнь, цифровая экономика, цифровизация, цифровые возможности, цифровые платформы, экономика данных.

REGIONAL CREATIVITY AND DIGITAL REGIONALISM

Igor' V. Groshev, Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

(123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1, Unity-Dana publishing house)

E-mail: aus_tgy@mail.ru

Aleksei A. Krasnoslobodtsev, Candidate of Economic Sciences

(123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1, Unity-Dana publishing house)

E-mail: office@unity-dana.ru

Nodari D. Eriashvili, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: professor60@mail.ru

¹ Данная статья представляет собой расширенный вариант статьи: И.В. Грошев, А.А. Краснослободцев. Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 66–78.

Abstract. The factors that determine the process of digitalization and online development of the Russian Federation are analyzed. The dynamics of the development of «digital opportunities» with the actualization of the problem of studying the process of «digitization» of the main spheres of life of regional Russian spaces is considered. The paper presents a schematic model of factorial variables that determine the process of «penetration» of new digital products and services on the regional territories of the country, one of which is regional creativity. The authors developed a model of the components of the regional creativity index and put forward a hypothesis about the possible influence of the regional environment creativity effect on the process of digitalization. To determine the correlation between the index of creativity and the level of regional digitalization, a composite index of creativity of each of the 85 regions of the Russian Federation was calculated using the method of constructing the index of the index of creativity. Groups of regions-leaders and outsiders-are singled out. Digitalization indices are calculated to measure the index of digital life in Russian regions. When comparing the ranks of regions on the composite index of creativity and the index of digital life, it is concluded that there is no direct correlation between these factorial indicators. The comparison allowed us to identify three groups of regions in which the Russian economic environment structures regional spaces according to its creative and digital matrices. Based on the proposed research approach, it is concluded that the creativity of the region does not affect the speed and depth of the regional process of digitalization and is not always one of the determining factors of regional «digitization», which is the basis of regional disparities in the level of development of digital economy.

Keywords: index, creativity, local digital services, digitization, region, regionalism, regional space, environment, service economy, typology, factors, digital life, digital economy, digitalization, digital opportunities, digital platforms, data economy.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Грошев И.В., Краснослободцев А.А., Эриашвили Н.Д. Региональная креативность и цифровой регионализм. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):236-54.

Роль и значение цифровизации в развитии региональных жизненных и экономических пространств. Современное развитие Российской Федерации в эпоху информационно-креативной парадигмы немыслимо без учета трендов цифровизации и онлайнизации. При позитивных экстерналиях процесса «оцифровки» основных сфер жизнедеятельности¹, очень быстро будут происходить (и уже происходят) крупные трансформации жизненных и экономических региональных пространств (рис. 1).

Цифровые реалии становятся технологическим инструментарием и драйвером, формирующим новую Россию, определяют контуры национального развития, снижают транзакционные издержки, улучшают качество жизни, оказывая влияние на каждого российского жителя (например, Яндекс), позволяют использовать потенциальные возможности для бизнеса и государства на основе синергии федерального и регионального звена, помогают преодолеть разрыв в цифровом региональном неравенстве и повысить конкуренцию среди ресурсных и менее ресурсных регионов, что особенно актуально при реализации стратегии пространственного развития России [8].

Процесс цифровизации экономики как в России в целом, так и в ее регионах, детерминирована многими экзогенными, учитывая существующие в настоящее время различия (прежде всего, межстрановые) и эндогенными (внутристрановые, – региональные: архитектура региональных рынков, функционал работающих в регионе компаний, их позиции в системе разделения труда, асимметричный доступ различных слоев насе-

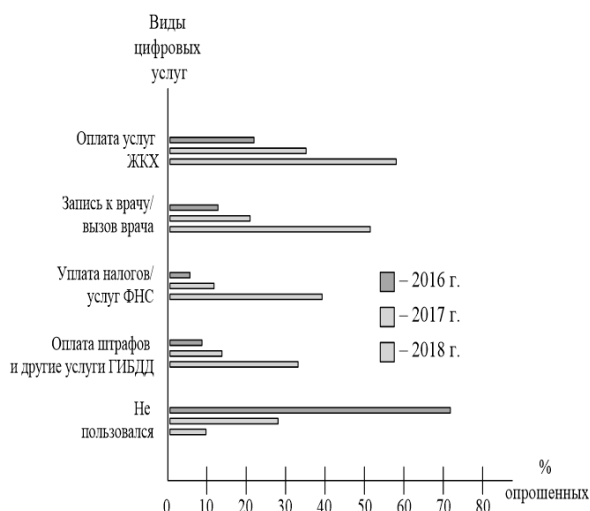
ния к информации и новым технологиям, которые не могут ими пользоваться в силу отсутствия компетенций или материального достатка и ряд др.) факторами, которые в свою очередь порождают регионально-цифровой дисбаланс и неравенства [1; 4; 5; 13 и мн. др.].

Динамика развития процесса предоставления «цифровых возможностей» в региональных кластерах. Использование иерархических процедур кластеризации позволяет совокупность российских регионов по уровню развития информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) и цифровых возможностей представить в виде кластеров. В частности, при изучении региональной дифференциации регионов России по показателям доступности ИКТ в работе М. Архиповой и В. Сиротина, использующих метод k-средних, проводится кластеризация российских регионов, с выделением трех региональных кластеров [1]. Основываясь на представленных названными авторами данных, можно прийти к выводу, что на данный момент «продвинутые в цифре» региональные кластеры находятся на этапе цифрового насыщения, вступив в стадию «вторичной цифровизации». В «продвинутом» российском региональном кластере число пользователей интернета и мобильной связи достигло своего предела уже в 2015 году, что дало возможность более 70% населения пользоваться «близкими цифровыми возможностями» на повседневной основе. Поэтому «отсталые» региональные кластеры становятся точкой роста для дальнейшего процесса онлайнизации. Практики пользования цифровыми сервисами будут постепенно менять не только их внутрирегиональные жизненные и экономические пространства и их структуру, но и саму систему региональных взаимоотношений (рис. 2).

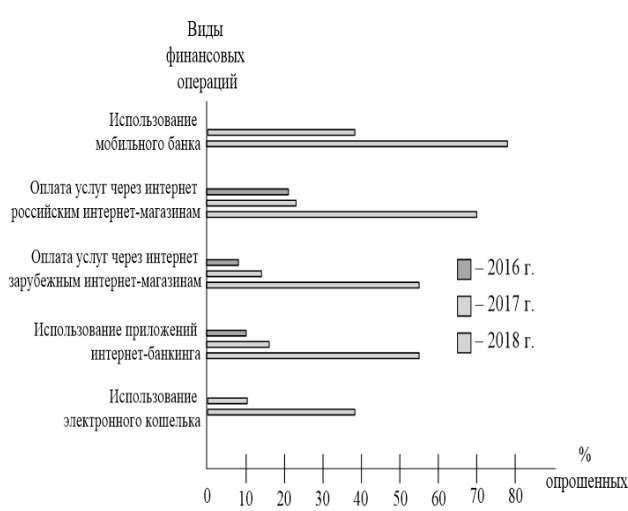
¹ Транспорт, финансы, торговля, медиа, услуги, здравоохранение, образование и управление.

Потребление цифровых услуг в Российской Федерации (2016 – 2018 гг.)

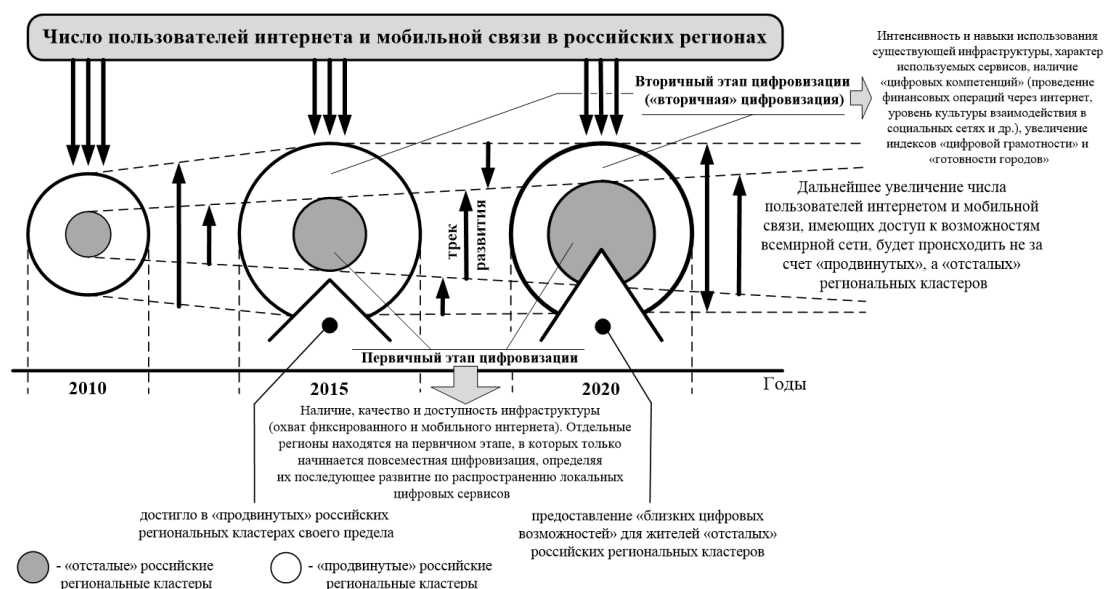

Виды финансовой деятельности, осуществляемой посредством интернета российскими пользо- вателями (2016 – 2018 гг.)

Источники: составлено по данным федеральной социологической статистики (данные Росстата) активности населения в использовании информационно-сетевых технологий и локальных коммуникационно-цифровых сервисов (ИКТ-2018), а также по данным ITU wearsocial/Hootsuite, РОЦИТ.

Рис. 1. Потребление цифровых услуг в Российской Федерации и виды финансовой деятельности, осуществляемой посредством интернета российскими пользователями

Источники: составлено авторами

Рис. 2. Динамика развития процесса предоставления цифровых возможностей для жителей «продвинутых» и «отсталых» региональных российских кластеров

В «отсталых» российских регионах многие цифровые продукты (совокупность информации в цифровой среде) просто недоступны, а если и доступны, то горожане не всегда достаточно осведомлены о возможных цифровых услугах. Имеются определенные особенности поведения, потребления товаров и услуг, коммуницирования. В связи с чем, попытки трансплантации «передовых» институтов цифровизации «продвинутых» регионов путем внедрения цифровых сервисов и «оцифровки» региональных пространств могут оказаться не всегда удачными и быстрыми. Такие переменные, как обеспеченность ИКТ и локальными цифровыми сервисами (ЛЦС), доступность возможностей (финансовых и физических), цифровая грамотность населения, структура цифровых услуг, региональный уровень креативности, наличие креативной среды¹ и др., также детерминируют существующие различия.

Особый интерес представляет «алхимия» развития цифровых региональных пространств России в силу их масштабности. Необходимо понять, в чем специфика региональной цифровизации, какие региональные факторы оказывают влияние на становление и развитие цифровой экономики (ЦЭ) и определяют распространение цифровых продуктов и услуг на региональные российские территории, формируя при этом новые реалии управления, услуг, компетенций и отношений? Объясняются ли лидирующие позиции регионов по развитию ЦЭ только экономическими факторами? Чем вызвана цифровая асимметрия регионального развития и объясняется ли она только дифференциацией населения по доходам? Оказывают ли влияние на цифровое неравенство такие показатели, как специализация региона проживания, возраст, уровень образования проживающего в регионе населения и другие социально-демографические характеристики? Существует ли взаимовлияние между креативностью региональной среды и региональными процессами, способствующими продвижению «цифры», обеспечивая более быструю и глубокую цифровизацию региональных пространств?

Таким образом, исследование явления «оцифровки» как системного регионального процесса, выделения факторов развития информационно-креативной парадигмы, изучение российской специфики виньетирования, масштабности и глубины цифрового регионализма, понимание причинной обусловленности неравномерности доступа к цифровым возможностям и получению преимуществ от использования цифровых платформ, как организациями, так и российскими гражданами в отдельности, становится одной из

приоритетных областей анализа не только с научной, но и практической точки зрения. Данное понимание позволит не только рефлексировать степень регионально-цифрового неравенства, но и оптимизировать дорожную карту реализации программы «Цифровая экономика РФ», направленную на развитие цифровой инфраструктуры и предоставление «близких цифровых возможностей» жителям российских регионов.

Основные исследовательские подходы в изучении факториальных детерминант процесса цифровизации. В современной научной литературе по исследованию проблем развития ЦЭ, по изучению процесса цифровизации как основы развития современного общества и порождаемых им новых форм неравенства², используются различные подходы, среди которых особую роль играет географический подход³. Согласно которому цифровое и информационное неравенство изучается на двух уровнях: между странами на макроуровне и между регионами, городами, индивидами или домохозяйствами в пределах одного государства – на микроуровне [3]. В данной статье анализ проводится лишь на микроуровне, так как исследование на макроуровне требует иной фокусировки масштабности проблематики и временной ретроспективы, выводя при этом на другие заключения и, вытекающие из них рекомендации.

В абсолютном большинстве современных работ, среди определяющих факторов при изучении структуры цифрового неравенства между «продвинутыми» и «отсталыми» региональными кластерами выделяются от трех до пяти основных факториальных составляющих, детерминирующих данное неравенство. При подборе объясняющих переменных для определения детерминант цифрового регионального неравенства, как указывают М. Архипова и В. Сиротин, как правило, изучаются четыре факториально выражаемые показателя⁴, но в зависимости от авторской позиции корректного выбора эконометрического инструмента-

¹ Именно *креативная среда* является той питательной средой продвижения информационно-сетевых технологий и коммуникационно-цифровых трансформаций, как решающего фактора и средства процесса цифровизации, что в итоге обеспечивает более быструю «оцифровку» российского пространства [14].

² Одной из новых форм неравенства становится *цифровое* (страновое, региональное, индивидуальное) неравенство. В этой связи аналогичную точку зрения высказывает М. Кастельс, который указывает, что «...к уже имеющимся источникам неравенства и социальных ограничений в обществе, ...дифференциация между «интернет-имущими» и «интернет-неимущими» добавляет еще один фактор раскола...» [9, С. 67].

³ Общенаучный метод, сочетающий при анализе любой территориальной единицы как минимум два требования: учет пространства и комплектность («от геологии до идеологии»).

⁴ В рейтинге Digital Evolution Index 2017 для оценки каждого государства используется 170 уникальных параметров, которые группируются в 4 главных показателя, определяющих степень цифровизации: уровень предложения – наличие доступа к интернету и степень развития инфраструктуры; спрос потребителей на цифровые технологии; институциональная среда – политика государства, законодательство, ресурсы; инновационный климат – инвестиции в исследования, разработки, цифровые стартапы (Digital Planet 2017. How Competitiveness and Trust in Digital Economies Vary Across the World [Электронный ресурс]. URL: https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2017/05/Digital_Planet_2017_FINAL.pdf (дата обращения 16.10.2019)).

рия используется как большее, так и меньшее их количество [1, с. 672]. Так, например, в работе С. Дасгупта с соавторами исследуется влияние следующих четырех основных факторов, в частности, процентного соотношения городского (доли городского) и сельского населения, подушевого дохода, индекса конкурентности политики и вектора региональных дамми [21]. М. Похьола помимо дохода, включает в состав детерминант относительную стоимость ИКТ оборудования, долю сельского хозяйства в ВВП, открытость экономики и метрики человеческого капитала, одной из которых является региональная креативность [28]. М. Биллон с соавторами при изучении структуры цифрового неравенства пришли к выводу о том, что определяющее влияние на неё оказывают стоимость интернет-услуг, возрастно-половая структура, доля урбанизированного населения, а также средний уровень интеллекта населения [18].

Более того, исследования цифрового дисбаланса обнаруживают значимость внутрирегиональных и персонифицированных характеристик самих индивидуумов и их домохозяйств. Так, Л. Керно и Т. Амарал в своей работе отмечают, что спрос на интернет, например, в Испании, положительно коррелирует с величиной дохода, а с возрастом потребителей, – отрицательно [19]. В Польше, по данным Р. Дудека, доступ к интернету помимо дохода, обусловлен не только уровнем образования, наличием детей в семье, но и уровнем средовой креативности. Помимо этого, как указывает исследователь, меньшими возможностями для подключения к интернетной сети обладают сельское население и домохозяйства, во главе которых находится женщина [22]. В Турции низкая информационно-технологическая компетенция населения, по мнению К. Килана и М. Оздемира, обусловлена неравенством возможностей домохозяйств [20]. Для Бразилии¹ определяющим детерминантом также является фактор низкой информационной компетенции и технологической неграмотности населения, особенно в старших возрастах² [27]. Некоторые авторы, в зависимости от особенностей исследования, выстраивая классификацию показателей, группируют их отдель-

но на экономические, демографические или социальные, инфраструктурные и иные группы [16].

Тема информационно-цифрового неравенства в российском научном сообществе преимущественно разрабатывается политологами [4; 13 и др.] и социологами [6; 10; 11 и др.]. Среди немногочисленных исследовательских работ, содержащих статистический анализ проблемы ЦН, особо выделяется работа О.В. Волченко, в которой автор, используя мультиномиальную бинарную логистическую регрессию, определяет факторы цифрового дисбаланса среди различных групп населения РФ, прослеживая его трансформацию во временной ретроспективе с 2011 по 2013 гг. [5]. Предложенная авторская модель позволяет выявить классические факториальные детерминанты цифрового неравенства, к которым относятся доход респондентов, их возраст, образование и место проживания.

Ю.А. Кузнецов и С.Е. Маркова в своей работе анализируют изменения показателя «проникновение услуг широкополосного доступа интернет для домохозяйств» в период с 2010 по 2013 гг. через разности между его максимальным и минимальным уровнями. Совмещая, полученные при этом «портреты» регионов, авторы делают вывод о качественных изменениях, произошедших в федеральных округах РФ [11]. Как указывают М.Ю. Архипова и В.П. Сиротин, аналогичная методология была применена к анализу проникновения услуг мобильного интернета в домохозяйства российских регионов в период с 2012 по 2013 гг. В результате по обеим характеристикам обнаружено увеличение разрыва в обеспечении доступа для домохозяйств [1].

Используя метод главных компонент, в своей более ранней работе М.Ю. Архипова, В.П. Сиротин и Н.А. Сухарева, из десяти характеристик цифровизации и развития ИКТ выводят три интегральных показателя, свертываемых в единый индикатор для измерения цифрового регионального неравенства в России [2]. В дальнейших своих работах данные авторы, развивая методологию исследования феномена ЦЭ и цифрового неравенства в российских регионах, определяют новые показатели. В частности, для изучения региональных диспропорций в уровне развития ЦЭ вводится композитный индикатор, который позволяет учитывать доступность к базовым ИКТ и доступность услуг проводной связи (высокая стоимость услуг мобильной связи и интернета в месяц по отношению к среднемесячной заработной плате; увеличение в общей структуре расходов домохозяйств расходов на продукты питания – негативно и статистически значимо сказываются на величине индекса доступности). На основе этого предлагается методика классификации (различия по средним значениям переменных по кластерам) регионов России по уровню развития цифровых технологий, то есть определения величины

¹ В период с 2005 по 2013 гг. в Бразилии отмечается тенденция снижения цифрового разрыва и нивелирование (выравнивание) цифрового неравенства.

² Однако в работе М. Архиповой и В. Сиротиной, в процессе проведенного корреляционного анализа в период 2011–2015 гг. было выявлено, что влияние данного фактора происходит нетипичным образом. В частности, на российской выборке было выявлено, что доля населения региона в возрасте 65 лет и старше активно использует цифровые технологии, о чем свидетельствует положительная корреляционная связь показателя «доля населения в возрасте 65 лет и старше и доля женщин в населении региона, % (old)» с индексом доступности ИКТ [1]. Данный факт можно объяснить, во-первых, ментальными особенностями российской выборки и, во-вторых, ролью данного фактора как прокси-переменной для успешности функционирования социально-экономических институтов региона.

неравенства проникновения определенных передовых технологий в разные группы регионов. Более того, на основе моделей регрессии по панельным данным были определены ключевые детерминанты цифрового развития и информационного неравенства, изменение которых влияет на значение индекса доступности ИКТ и основных параметров цифрового неравенства [1]. В итоге было подтверждено превалирующее воздействие экономических параметров на цифровое региональное неравенство, так как переменные именно из этой категории были включены авторами во все три построенные ими модели.

Таким образом, проведенный анализ публикаций по теме исследования, во-первых, продемонстрировал направленность внимания ученых мировых стран к проблемам развития цифровых технологий и цифрового неравенства, во-вторых, выявил наличие потребности в дополнительных исследованиях, посвященных изучению ЦЭ и цифрового неравенства в РФ, как на уровне страны в целом, так и в региональном разрезе, в-третьих, показал, что среди детерминант цифрового неравенства, такая составляющая, как креативность была указана и изучена, лишь в нескольких работах, и только зарубежными учеными. Эти обстоятельства подтолкнули нас к проведению исследования процесса развития ЦЭ России и российских регионов, и, в частности, взаимосвязи региональной креативности (креативности региональной среды) и цифрового регионализма (развития процессов цифровизации).

Факторы, определяющие распространение цифровых продуктов и услуг. Достаточно медленно и неравномерно в «отсталых» российских регионах распространяются цифровые продукты и инфраструктура – ИКТ, ЛЦС, выступающие информационным каркасом «поставки» информации в цифровой форме и создающие цифровую базу для онлайн-услуг, как внутри, так и между российскими регионами.

Проникновение цифровых сервисов в регионы сопряжено не столько с появлением новой инфраструктуры, сколько с изменениями в поведенческих паттернах горожан. Уровень проникновения интернета в домашних хозяйствах уже превышает 70%. Поэтому актуальная задача – сформировать экосистему и культуру использования современных цифровых сервисов и технологий, выработать «цифровые компетенции» и практики.

Синергия многих составляющих влияет на готовность россиян воспринимать новые цифровые продукты и форматы услуг. Эти факториальные переменные включают не только личностные (индивидуальные)/персональные, но и средовые, региональные факторы (рис. 3).

Так, например, по данным Международного союза электросвязи (ITU) существует релевантная зависимость между местом проживания и использованием интернета [17; 26]. Согласно мнения российских ис-

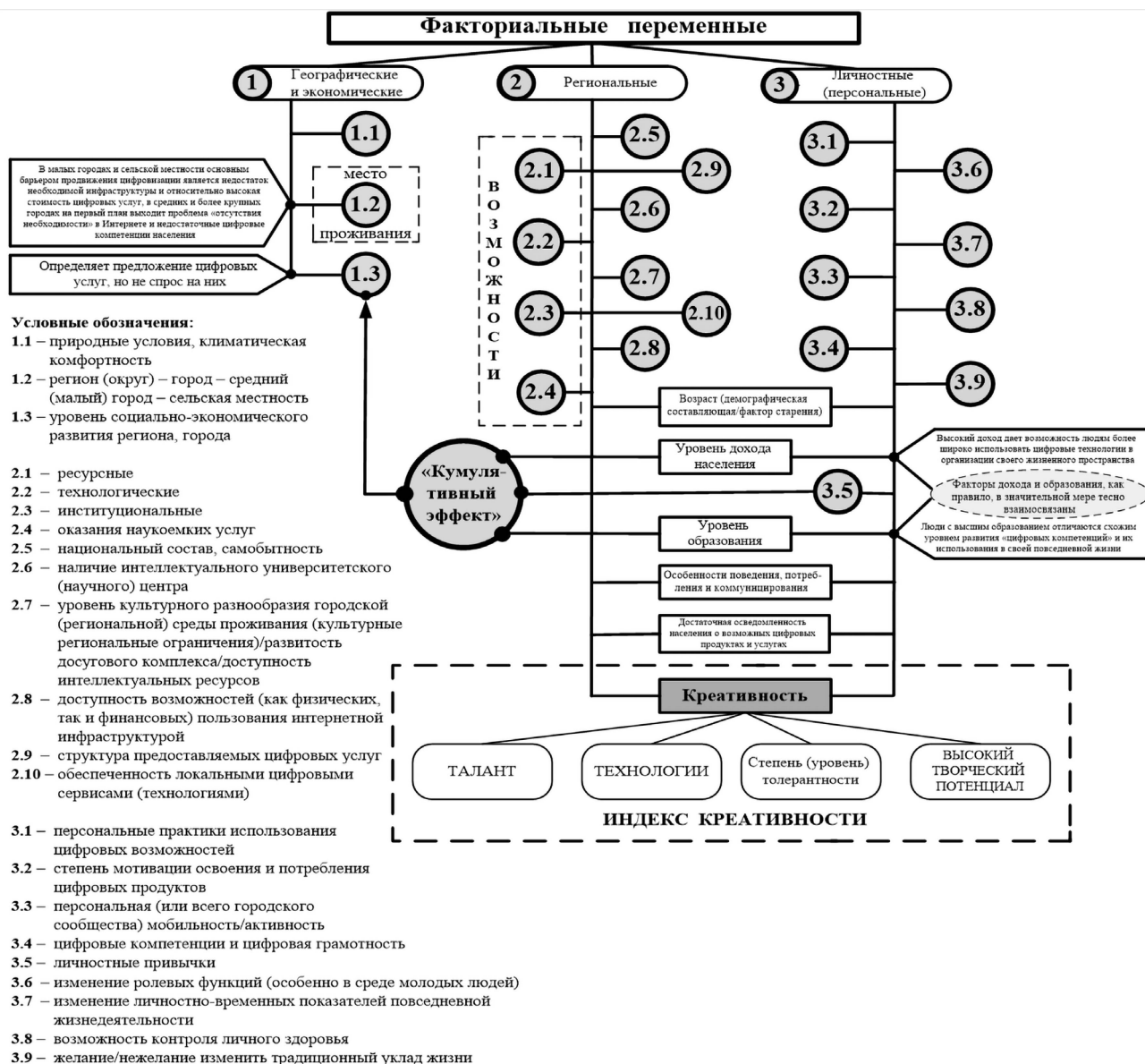
следователей, в «отсталом» региональном кластере из-за низкой цифровой грамотности, а также «кумулятивного эффекта» других факториальных переменных (более узкие цифровые компетенции, низкие уровень образования и цифровые навыки, слабая цифровая грамотность, не высокий уровень доходов и т.д.), интернет преимущественно используется для общения; инкапсулированная в сети «Интернет» функциональность используется лишь частично. Жители «продвинутого» регионального кластера используют его помимо прочего для совершения покупок, получения услуг и проведения финансовых операций [1; 11; 13 и др.].

Региональная креативность – фактор, детерминирующий цифровой регионализм. В 1985 году шведский исследователь А. Андерсон в числе факториальных переменных регионального развития впервые упомянул показатель креативности [15], а Ч. Лэндри¹ и Р. Флорида впоследствии разработали теорию креативности, в которой указывается о детерминирующем эффекте креативности среды на многие региональные процессы [23]. Одним из таких процессов является цифровизация. Следовательно, можно полагать, что креативность (тем или иным образом) способствует продвижению цифровых продуктов, обеспечивая тем самым более быструю и глубокую «оцифровку» регионального пространства. Оценка креативности региона (индекс креативности среды / пространства), как правило, строится на комплексной оценке наличия трех компонентов: «таланта», «толерантности» и «технологий» (принцип «трёх Т»²) [24] (табл. 1).

По мнению Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова «... в оценке креативности ключевую роль играют структурные свойства конкретного регионального сообщества, а именно, значение и место креативной деятельности в его системе ценностей» [7, с. 257], предметное воплощение и реализация которых интернированы в организации городского пространства, производства, досуга, уровне и качестве цифровых услуг, дизайне зданий и офисов, рабочем режиме региональной индустрии сферы услуг, наличии цифровых компетенций и т.д.) (рис. 4).

¹ Без соответствующих количественных индикаторов Ч. Лэндри приводит более десяти критериев креативности. В составе показателей общественная и политическая среда, предпринимательство, исследования и инновации, разнообразие, жизнеспособность, среда для обучения и таланта, стратегическое мышление, коммуникации, местное саморазвитие, хорошие условия жизни, профессионализм и эффективность, развитие сетевых структур. Поэтому более рационально использовать систему оценки Р. Флориды (Landry Ch. [Личный сайт] URL: <http://www.charleslandry.com>. (Дата обращения 12.04.2018)).

² Р. Флорида постоянно подчеркивал, что ни один из данных показателей в отдельности не может обеспечить успешного регионального развития, только системное их сочетание является главным условием инвестиций в технологии, притяжения талантов и открытости новым людям и новым идеям [24].

Источники: составлено авторами

Рис. 3. Схемная модель факториальных переменных, влияющих на проникновение цифровых продуктов и услуг на региональные территории страны

Таблица 1.

Индекс креативности пространства

Индекс креативности пространства		
Принцип «трёх Т»	Талант регионального сообщества	Главная движущая сила, в том числе и процесса цифровизации региона, инкорпорирующая в данном пространственном месте концентрацию творческих, высокообразованных людей.
	Толерантность	Фактор, обеспечивающий для потенциально креативных людей «низкие входные барьеры», точкой притяжения которых, при выборе места жительства является разнообразная, толерантная и свободная среда.
	Технологии ¹	Результат воплощения креативности, прежде всего, в экономической сфере; оцениваются через высокий уровень инноваций, а также степень развития в регионе цифровых технологий.

Источник: составлено авторами

¹ Для учета зависимости уровня развития технологий от концентрации креативности человеческого капитала (таланта), равно как и для учета некоторых других взаимосвязей между отдельными компонентами итогового индекса, обычно применяется регрессионная модель [25].

¹Примечание: для учета зависимости уровня развития технологий от концентрации таланта, равно как и для учета некоторых других взаимосвязей между отдельными компонентами итогового индекса, как правило, применяется регрессионная модель

Источник: составлено авторами

Рис. 4. Схемная модель составляющих индекса креативности региона

Индекс креативности российских регионов оценивался авторами посредством метода сводного латентного показателя. В соответствии с этим методом, значения основных показателей, используемых для построения сводного индекса региональной креативности, приведенные в таблице 2, переводятся в безразмерные индексы

(нормализуются) по формуле: $R_i = (X_i - X_{min}) / (X_{max} - X_{min})$ либо $R_i = 1 - ((X_i - X_{min}) / (X_{max} - X_{min}))$, так, что все регионы ранжируются по шкале от 0 (худшее значение) до 1 (лучшее значение). Частные индексы рассчитываются как среднее арифметическое из составляющих их показателей [7, с. 302].

Таблица 2.

Система показателей, используемых для построения сводного индекса региональной креативности включающего субиндексы «таланта», «технологий» и «толерантности»

Сводный индекс	Субиндексы	Частные индексы и их показатели		Характеристика	Единица измерения
Региональной креативности	Таланта	ИНДЕКС	креативного класса	Число «поставщиков задач» на 1000 жителей	Чел., год
			человеческого капитала	Доля занятых, имеющих высшее образование	%, год
			научного таланта	Число исследователей на 1 млн. жителей ¹	Чел., год
	Технологий		инвестиций в науку	Доля затрат на исследования и разработки в ВРП	%, год
			инноваций	Число патентов на 1 млн. жителей ²	Ед., период (год)
	Толерантности		открытости регионального сообщества	Доля жителей, проживающих не с рождения	%, год

Источник: составлено авторами

¹ Число ученых в среднем по России на 1 млн. жителей составляет 2739 чел. [8].

² Число патентов в среднем по России на 1 млн. жителей составляет 517 единиц [7].

Исследование Р. Флориды, проведенное для 45 стран мира [24] положено в основу методики расчета совокупного показателя (сводный индекс креативности) и рассчитывается как среднее арифметическое частных показателей. Это позволило идентифицировать не ранговую позицию региона по отношению к другому/другим, а реальную ситуацию показателей креативности.

Более подробное изложение методики разработки и расчета представлено в работе Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова [7]. Из-за ограниченного объема статьи представлять весь алгоритм расчетной методики является нецелесообразным, так как научная гипотеза и вытека-

ющая из нее цель статьи, заключается в определении корреляционных связей между креативностью региона и процессом его цифровизации. Иными словами, задача работы – в выявлении качественного уровня корреляционной зависимости (влияния/не влияния) индекса региональной креативности (как одного из детерминантов) с индексом цифровизации регионов, а не в представлении известной методики расчета индексов. В таблице 3 представлены числовые значения сводного индекса креативности, включающего компоненты сводных субиндексов «таланта», «технологий» и «толерантности» для каждого региона РФ в отдельности, а также сводный индекс креативности для России в целом.

Таблица 3.

Сводные индексы таланта, технологий, толерантности и сводный индекс креативности российских регионов (2015-2016 гг.)

Субъект РФ	Сводный индекс			Сводный индекс креативности
	Таланта	Технологий	Толерантности	
Алтайский край	0,24	0,11	0,62	0,32
Амурская область	0,16	0,08	0,71	0,32
Архангельская область	0,20	0,06	0,49	0,25
Астраханская область	0,25	0,10	0,34	0,23
Белгородская область	0,22	0,07	0,51	0,27
Брянская область	0,34	0,06	0,28	0,23
Владимирская область	0,26	0,28	0,45	0,33
Волгоградская область	0,25	0,14	0,63	0,34
Вологодская область	0,20	0,10	0,52	0,27
Воронежская область	0,36	0,36	0,41	0,38
г. Москва	1,00	0,75	0,45	0,73
Еврейская автономная область	0,17	0,01	0,78	0,32
Забайкальский край (Читинская область)	0,16	0,06	0,44	0,22
Ивановская область	0,23	0,14	0,40	0,25
Иркутская область	0,31	0,14	0,60	0,35
Кабардино-Балкарская Республика	0,33	0,07	0,20	0,20
Калининградская область	0,29	0,15	0,83	0,42
Калужская область	0,40	0,44	0,63	0,49
Камчатский край	0,28	0,17	0,74	0,39
Карачаево-Черкесская Республика	0,29	0,08	0,39	0,26
Кемеровская область	0,24	0,09	0,50	0,28
Кировская область	0,21	0,13	0,53	0,29
Костромская область	0,19	0,07	0,48	0,24
Краснодарский край	0,24	0,28	0,64	0,39
Красноярский край	0,29	0,18	0,73	0,40
Курганская область	0,15	0,08	0,51	0,25
Курская область	0,25	0,19	0,37	0,27
Ленинградская область	0,27	0,16	0,88	0,44
Липецкая область	0,23	0,10	0,35	0,22
Магаданская область	0,39	0,12	0,93	0,48
Московская область	0,52	0,63	0,62	0,59
Мурманская область	0,28	0,14	0,79	0,40
Нижегородская область	0,45	0,79	0,33	0,52
Новгородская область	0,24	0,09	0,62	0,31

Новосибирская область	0,43	0,47	0,55	0,48
Омская область	0,30	0,19	0,54	0,34
Оренбургская область	0,18	0,07	0,51	0,25
Орловская область	0,29	0,24	0,42	0,31
Пензенская область	0,28	0,25	0,41	0,31
Пермский край	0,28	0,45	0,42	0,39
Приморский край	0,32	0,19	0,65	0,39
Псковская область	0,16	0,02	0,56	0,25
Республика Адыгея (Адыгея)	0,24	0,01	0,69	0,32
Республика Алтай	0,20	0,02	0,62	0,28
Республика Башкортостан	0,22	0,17	0,42	0,27
Республика Бурятия	0,27	0,09	0,53	0,29
Республика Дагестан	0,20	0,06	0,01	0,09
Республика Ингушетия	0,13	0,01	0,49	0,21
Республика Калмыкия	0,24	0,05	0,71	0,33
Республика Карелия	0,27	0,06	0,68	0,33
Республика Коми	0,26	0,09	0,70	0,35
Республика Крым	0,25	0,08	0,48	0,27
Республика Марий Эл	0,30	0,24	0,49	0,34
Республика Мордовия	0,28	0,07	0,31	0,22
Республика Саха (Якутия)	0,36	0,09	0,61	0,35
Республика Северная Осетия – Алания	0,35	0,15	0,34	0,28
Республика Татарстан (Татарстан)	0,28	0,24	0,43	0,31
Республика Тыва	0,20	0,07	0,42	0,23
Республика Хакасия	0,19	0,01	0,87	0,35
Ростовская область	0,31	0,27	0,53	0,37
Рязанская область	0,28	0,22	0,46	0,32
Самарская область	0,38	0,39	0,59	0,45
г. Санкт-Петербург	0,87	0,77	0,42	0,68
Саратовская область	0,33	0,19	0,55	0,35
Сахалинская область	0,26	0,04	0,66	0,32
Свердловская область	0,30	0,26	0,57	0,37
г. Севастополь	0,17	0,07	0,36	0,20
Смоленская область	0,23	0,09	0,56	0,29
Ставропольский край	0,26	0,08	0,68	0,34
Тамбовская область	0,17	0,16	0,32	0,21
Тверская область	0,28	0,24	0,56	0,36
Томская область	0,46	0,47	0,69	0,54
Тульская область	0,29	0,31	0,42	0,34
Тюменская область	0,31	0,09	1,01	0,47
Удмуртская Республика	0,27	0,13	0,48	0,29
Ульяновская область	0,33	0,52	0,56	0,47
Хабаровский край	0,40	0,19	0,70	0,43
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,21	0,07	0,41	0,23
Челябинская область	0,31	0,26	0,50	0,36
Чеченская Республика	0,22	0,11	0,31	0,21
Чувашская Республика – Чувашия	0,24	0,09	0,43	0,25
Чукотский автономный округ	0,36	0,03	0,79	0,39
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,14	0,17	0,27	0,29
Ярославская область	0,33	0,27	0,36	0,32
Российская Федерация	0,39	0,26	0,52	0,39

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Стат.сб. / Рос. стат. М.: Рос. стат., 2016. 412 с.

В результате расчетов сводный индекс креативности (среднее от индексов таланта, технологий и толерантности)¹ для России оказался равным 0,39, что релевантно оценочным показателям, представленным Р. Флоридой. Сравнение российского уровня креатив-

ности с уровнем креативности, например, европейских и американских городов, которые существенно продвинулись на пути от аграрной и индустриально-промышленной экономики к сервисной и экономике услуг, демонстрирует огромный разрыв по показателям креативности. Причиной априорной некоррелируемости которых является факт того, что российские регионы находятся в начале этого пути [12]. Даже при сходстве многих оценочных показателей, – выводы принципиально иные.

Первые 25 российских регионов, – лидеры по сводному индексу креативности, – это не только столичные агломерации, центральные города и интегрированные с ними области, но и крупные университетские и научно-образовательные центры, которые можно сгруппировать в четыре кластера. Типологизация креативных российских регионов позволяет сделать вывод о том, что в целом для России характерны два основных типа (табл. 4).

Таблица 4.

Типологическая кластеризация креативных регионов и их характеристика

Кластерные региональные группы	Типы креативных регионов	Города, регионы	Характеристика	Общие черты
В первую группу входят лидеры – Москва, Санкт-Петербург, Московская, Томская, Нижегородская, Новосибирская, Ульяновская, Калужская и Самарская области.	Первый тип	Высоко урбанизированные, компактные регионы, крупные городские агломерации, центральные города-регионы, – как и в Европе, – Москва, Санкт-Петербург, Московская, Калужская, Ленинградская, Нижегородская, Калининградская области.	Креативный потенциал формируется за счет всего контура страны, вся её площадь и все её этническое и культурное разнообразие работают на то, чтобы они по уровню креативности оторвались от остальных регионов.	Профиль их главной, часто экспортно-ориентированной экономической деятельности, создает благоприятные «материальные» предпосылки для формирования широкой ориентации на мировые рынки и мировые региональные страны (например, добыча востребованных на мировых рынках природных ресурсов, продукция обрабатывающей промышленности, оказание финансовых, логистических услуг и др.). Экономическая структура обладает значительной гибкостью и пластичностью, способна к оперативной реструктуризации к новому профилю, переменам в специализации в нескольких направлениях сразу за счет наличия мобильных, мало инерционных, легко изменяемых материальных (иногда неспецифичных) активов, которые легко могут быть «собраны» под новые траектории развития. Основные природные и материальные активы обладают свойствами легкой делимости, что облегчает формирование структуры региона.
Вторая группа представлена Тюменской, Магаданской, Ленинградской, Мурманской и Ростовской областями. Высокий потенциал которых обеспечивают позитивные характеристики региональных (местных) сообществ.				
Территории, имеющие высокое значение индексов человеческого капитала (Хабаровский, Приморский край, Калининградская область), инвестиций в науку (Камчатский край, Свердловская область) и инновационной деятельности (Красноярский край) формируют третью группу регионов.	Второй тип	Исключительно российское явление. Это, прежде всего, северные регионы обширных российских пространств, расположенные в нескольких ландшафтных зонах ² , объединяющие огромные, слабо заселенные территории и средние по размеру (менее 1 млн. чел.) городские центры – Республика Саха (Якутия), Красноярский, Хабаровский, Камчатский край, Тюменская, Магаданская области.	Креативность подпитывается за счет объединения носителей разного знания, интенсивной периферийно-центральной внутрирегиональной миграции. Именно ввиду того, что для эффекта ландшафтного разнообразия необходимо, чтобы регион имел значительную площадь, он не действует, например, в странах Евросоюза и США ³ .	
Территории, которые в перспективе могут добиться более высоких показателей и перейти в другие группы образуют четвертую группа регионов: Пермский и Краснодарский край, Воронежская область.				

Источник: составлено авторами

² Чем выше ландшафтное разнообразие внутри регионального контура (сила эффекта ландшафтного разнообразия, как правило, непосредственно зависит от размеров территории региона), тем лучше условия для инновационной, творческой деятельности и потому более креативных городских центров.

³ Поскольку нет внутренних источников культурного разнообразия, как важнейших предпосылок для креативности крупных городских центров, используются механизмы создания такого разнообразия по первому типу, т.е. за счет усиления потока внешних мигрантов в США и западноевропейские города-миллионеры. В частности, весь проект расширения Евросоюза есть, по сути, попытка увеличить культурное разнообразие и креативность городов-регионов старого европейского ядра за счет притока талантливых мигрантов из «новых» стран Восточной Европы.

В общем перечне рейтинга российских регионов-аутсайдеров по сводному индексу креативности также можно выделить два основных типа – аграрные (агроиндустриальные) и исторически русские региональные пространства очень широкой географии Центра, Северо-Запада, Юга, Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока (табл. 5).

Недостаток креативности в этих регионах является консигнатором, замедляющим экономическое развитие, а впоследствии, по мере трансформационного перехода от промышленной к сервисной экономике (второго этапа цифровизации) станет серьезным фактором риска.

В аналогичном рейтинге, например, американских штатов, носителями «постматериалистических» ценностей знания, символов, брендов являются креативные регионы, как правило, высоко интеллектуальной сервисной специализации. «Некреативные» штаты занимаются выпуском материальных/индустриальных ценностей. В российской практике подобной ситуации не прослеживается. Регионально-промышленные зоны, включающие и сервисные центры наравне попадают в список лидеров рейтинга. Внутрорегиональная российская дифференциация прослеживается по оси урбани-

зированных-аграрные. Высоко урбанизированные регионы в отличие от аграрных имеют сильные позиции по сводному индексу креативности. Индустриальная принадлежность выступает производной креативности, аграрная наоборот нивелирует креативный потенциал.

Разные стадии постиндустриальной трансформации в американском и российском случае формируют отличия в экономическом срезе лидеров рейтинга креативности. В США данный переход практически завершен, о чем свидетельствует поляризации регионов с индустриальной и постиндустриальной специализацией. Российские регионы только начинают этот переход [8]. В связи с этим прослеживается отчетливая поляризация на индустриальные и аграрные регионы. Существенные различия креативных и некреативных регионов в России позволяют идентифицировать две модели регионализма. Первая модель креативных регионов в своем целеполагании объективно работает на увеличение индекса креативности. Вторая модель развития региона нацелена на технологическое и техническое его обеспечение в рамках экономической политики региональной промышленной власти, централизованных форм экономической деятельности и управления ею.

Таблица 5.

Типология регионов-аутсайдеров и их характеристика

<i>Типы регионов-аутсайдеров</i>	<i>Города, регионы</i>	<i>Характеристика</i>	<i>Общие черты</i>
Аграрные и агроиндустриальные регионы	Республики Кавказа, Поволжья, Забайкалья; Курская, Астраханская, Брянская, Липецкая, Тамбовская области.	Характеризующим признаком является феномен, получивший название социального склероза [15], ограничивающий возможности поддержания и продвижения талантливых людей с их креативной потенциальностью внутри регионально-пространственного контура.	Одинаково низкими, с небольшой вариацией, являются все индикаторы креативности: информационная закрытость (периферийность); нетерпимость к новым (средовым) условиям; доминирование информационных обменов в жестких пределах одного регионального контура подпитывается сильной местной идентичностью, что приводит к крайне немногочисленным обменам информацией за пределами этих мощных сетей.
	Архангельская, Оренбургская, Псковская, Курганская, Костромская, Читинская, Смоленская, Кемеровская, Белгородская, Ивановская, Вологодская области и Республика Башкортостан.	Сохраняют свою роль жестко организованная производственная жизнь и менее разнообразная культурная среда.	

Источник: составлено авторами

Специфика региональной цифровизации. Для измерения возникающей новой цифровой реальности российских регионов, имея ввиду активное внедрение

информационно-коммуникационно-цифровых технологий, находящей свое выражение в уровне их цифровизации, можно использовать следующие индексы (табл. 6).

Таблица 6.

Индексы измерения уровня региональной цифровизации

№ п/п	Индексы цифровизации	Характеристика																										
1	Индекс развития ИКТ ¹	Основной интегральный показатель уровня цифровизации, позволяющий ранжировать регионы по степени развития цифровой среды.																										
2	Индекс цифровой грамотности	Интегральный индекс, включающий в себя 3 субиндекса: цифровое потребление; цифровые компетенции; цифровая безопасность. Расчет основан на использовании мониторинговых показателей цифровых компетенций субъекта, характеризующие «первичную» цифровизацию (покрытие интернета мобильного и стационарного) и «вторичную» – общие показатели цифровой компетенции (компетентность проведения финансовых операций посредством интернета, культура коммуникаций в соцсетях и др.). Динамика индекса цифровой грамотности в РФ представлена в таблице 6.1. <i>Таблица 6.1</i> <i>Динамика индекса цифровой грамотности жителей российских регионов</i> <table><tr><th colspan="2" rowspan="2"><i>Субиндексы цифровой грамотности</i></th><th colspan="3"><i>Динамика индекса цифровой грамотности (по годам)</i></th></tr><tr><th><i>2015</i></th><th><i>2016</i></th><th><i>2017</i></th></tr><tr><td rowspan="3">СУБИНДЕКС</td><td>цифрового потребления</td><td>5,17</td><td>5,49</td><td>5,35</td></tr><tr><td>цифровых компетенций</td><td>4,48</td><td>5,27</td><td>6,48</td></tr><tr><td>цифровой безопасности</td><td>4,86</td><td>5,57</td><td>5,43</td></tr><tr><td colspan="2">Индекс цифровой грамотности жителей российских регионов</td><td>4,83</td><td>5,44</td><td>5,75</td></tr></table> Источник: составлено авторами по данным расчета индекса цифровой грамотности, 2017 (РОЦИТ)	<i>Субиндексы цифровой грамотности</i>		<i>Динамика индекса цифровой грамотности (по годам)</i>			<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	СУБИНДЕКС	цифрового потребления	5,17	5,49	5,35	цифровых компетенций	4,48	5,27	6,48	цифровой безопасности	4,86	5,57	5,43	Индекс цифровой грамотности жителей российских регионов		4,83	5,44	5,75
<i>Субиндексы цифровой грамотности</i>		<i>Динамика индекса цифровой грамотности (по годам)</i>																										
		<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>																								
СУБИНДЕКС	цифрового потребления	5,17	5,49	5,35																								
	цифровых компетенций	4,48	5,27	6,48																								
	цифровой безопасности	4,86	5,57	5,43																								
Индекс цифровой грамотности жителей российских регионов		4,83	5,44	5,75																								
3	Индекс цифровой жизни	Системный индекс, основанный на оценке цифровизации в таких сферах как транспорт, финансы, торговля, медицина, образование, СМИ, администрация.																										

Источник: составлено авторами

¹ IDI – ICT Development Index Measuring the information Society Report, 2016 (ITU).

Индекс цифровой жизни российских регионов рассчитывался как среднее индексов развития ИКТ, сводного индекса цифровой грамотности, включающего среднее субиндексов цифрового потребления, цифровых компетенций и цифровой безопасности.

В таблице 7 представлены данные по основным индексам региональной цифровизации.

В таблице 8 представлены интересные закономерности, выявленные при сопоставлении рангов регионов по сводному индексу креативности и по индексу

цифровой жизни. Место региона по сводному индексу креативности далеко не всегда совпадает с его рангом по индексу цифровой жизни.

Сопоставление позволяет выделить три группы регионов (табл. 9).

Представленные результаты позволяют прийти к выводу о том, что российская экономическая среда структурирует региональное жизненное и экономическое пространства по своим креативно-цифровым матрицам (рис. 5).

Таблица 7.

Основные индексы цифровизации российских регионов (2017 г.)

Субъект РФ	Индекс развития ИКТ	Субиндекс			Индекс цифровой грамотности	Индекс цифровой жизни
		цифрового потребления	цифровых компетенций	цифровой безопасности		
Алтайский край	2,02	3,09	1,94	1,67	2,23	2,12
Амурская область	2,17	2,59	1,11	1,17	1,62	1,89
Архангельская область	2,20	2,75	2,12	1,45	2,10	2,15
Астраханская область	2,70	3,07	2,21	1,31	2,19	2,44
Белгородская область	3,71	3,15	3,71	1,77	2,87	3,29
Брянская область	2,17	2,84	1,34	1,17	1,78	1,97
Владимирская область	2,63	2,71	1,34	0,97	1,67	2,15
Волгоградская область	3,37	3,23	2,84	2,75	2,94	3,15
Вологодская область	3,41	2,88	1,61	1,94	2,14	2,77
Воронежская область	3,61	3,41	3,11	3,74	3,08	3,34
г. Москва	6,93	8,84	7,08	6,62	7,51	7,22
Еврейская автономная область	2,45	2,71	0,94	0,93	1,52	1,98
Забайкальский край (Читинская область)	2,01	2,67	1,27	1,92	1,95	1,98
Ивановская область	3,04	3,14	3,04	2,20	2,79	2,91
Иркутская область	2,84	3,02	3,15	2,83	3,00	2,92
Кабардино-Балкарская Республика	1,83	2,71	1,19	1,64	1,84	1,83
Калининградская область	3,46	4,27	3,17	4,15	3,86	3,66
Калужская область	2,56	4,13	2,18	2,12	2,81	2,68
Камчатский край	2,26	2,86	1,17	1,23	1,75	2,00
Карачаево-Черкесская Республика	2,86	3,41	2,41	1,42	2,41	2,63
Кемеровская область	3,13	2,79	2,23	1,14	2,05	2,59
Кировская область	2,43	2,81	2,17	1,24	2,07	2,25
Костромская область	2,66	3,23	1,94	2,23	2,46	2,56
Краснодарский край	3,21	3,87	2,75	2,23	2,95	3,08
Красноярский край	2,17	2,97	1,24	1,97	2,06	2,11
Курганская область	2,50	2,79	1,72	1,84	2,11	2,30
Курская область	2,87	3,11	2,37	2,13	2,53	2,70
Ленинградская область	3,45	4,76	4,35	2,41	3,84	3,64
Липецкая область	3,11	2,99	2,70	2,67	2,78	2,94
Магаданская область	1,70	3,15	1,74	1,13	2,00	1,85
Московская область	5,05	6,14	6,93	5,48	6,18	5,61
Мурманская область	1,81	3,04	1,89	2,11	2,34	2,07
Нижегородская область	3,21	3,91	3,13	3,64	3,56	3,38
Новгородская область	2,16	3,30	2,16	2,48	2,64	2,40
Новосибирская область	2,19	5,27	4,17	2,74	4,06	3,12
Омская область	3,14	4,12	3,47	3,74	3,77	3,45
Оренбургская область	2,00	2,88	1,78	1,13	1,93	1,96
Орловская область	2,18	3,10	2,27	3,62	2,99	2,58
Пензенская область	2,73	2,45	1,55	1,75	1,91	2,32
Пермский край	3,23	2,76	1,63	1,43	1,94	2,58
Приморский край	2,96	3,17	2,19	2,31	2,55	2,75
Псковская область	1,99	3,10	1,83	1,27	2,06	2,02
Республика Адыгея (Адыгея)	2,04	2,61	0,79	1,19	1,53	1,78
Республика Алтай	3,44	2,13	1,74	1,65	1,84	2,64
Республика Башкортостан	3,12	2,98	2,66	1,09	2,24	2,68
Республика Бурятия	2,11	2,46	1,43	1,19	1,69	1,90
Республика Дагестан	1,91	2,84	0,87	1,20	1,63	1,77
Республика Ингушетия	1,54	2,84	1,28	1,77	1,96	1,75
Республика Калмыкия	1,98	2,52	0,74	0,61	1,29	1,63
Республика Карелия	1,77	2,83	1,09	1,21	1,94	1,85
Республика Коми	2,71	3,01	1,73	1,17	1,97	2,34
Республика Крым	2,52	2,76	1,93	1,05	1,91	2,21
Республика Марий Эл	2,08	2,64	1,71	1,20	1,85	1,96
Республика Мордовия	1,94	2,35	1,11	2,24	1,90	1,92
Республика Саха (Якутия)	2,12	2,61	1,09	1,20	1,62	1,87
Республика Северная Осетия – Алания	3,01	2,47	1,95	1,73	2,05	2,53
Республика Татарстан (Татарстан)	3,73	4,68	3,83	4,57	4,36	4,04
Республика Тыва	2,10	2,78	1,19	0,89	1,62	1,86

Республика Хакасия	3,03	2,55	1,01	1,64	1,73	2,38
Ростовская область	3,19	2,76	1,67	1,76	2,06	2,62
Рязанская область	3,13	3,25	2,27	2,21	2,57	2,85
Самарская область	3,11	3,24	3,13	2,27	2,88	2,99
г. Санкт-Петербург	5,41	6,91	6,71	6,74	6,78	6,09
Саратовская область	3,12	2,97	2,44	2,71	2,70	2,91
Сахалинская область	2,19	2,67	0,83	0,84	1,44	1,81
Свердловская область	3,78	4,53	2,94	3,15	3,54	3,66
г. Севастополь	2,02	1,91	1,12	0,96	1,33	1,67
Смоленская область	2,97	2,73	1,84	1,19	1,92	2,44
Ставропольский край	3,12	2,77	2,21	1,64	2,20	2,66
Тамбовская область	1,74	2,98	1,65	2,31	2,31	2,02
Тверская область	3,27	2,95	2,14	1,46	2,18	2,72
Томская область	3,94	4,73	5,21	5,17	5,03	4,45
Тульская область	3,31	2,81	2,56	2,83	2,73	3,02
Тюменская область	2,24	2,97	1,23	1,12	1,80	2,02
Удмурдская Республика	2,51	2,77	1,21	1,42	1,80	2,15
Ульяновская область	2,93	2,43	2,41	1,18	2,00	2,46
Хабаровский край	2,79	3,25	2,76	3,01	3,00	2,89
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1,69	1,27	1,09	1,73	1,36	1,52
Челябинская область	2,41	2,74	1,73	1,77	2,08	2,24
Чеченская Республика	2,13	1,97	1,62	2,01	1,86	1,99
Чувашская Республика – Чувашия	2,79	2,62	2,27	1,65	2,18	2,48
Чукотский автономный округ	1,83	2,21	0,96	1,17	1,44	1,63
Ямало-Ненецкий автономный округ	1,09	1,07	0,89	0,94	0,96	1,02
Ярославская область	2,78	3,15	2,17	1,42	2,24	2,51
Российская Федерация	4,87	5,35	6,48	5,43	5,75	5,57

Источник: Measuring the information Society Report, 2017 (ITU); Цифровая жизнь российских мегаполисов, 2017 (Сколково);
Индекс цифровой грамотности, 2017 (РОЦИТ).

Таблица 8.

Результаты сопоставительного анализа рангов российских регионов по сводному индексу креативности и индексу цифровой жизни

Субъект РФ	Ранг региона по сводному индексу		Субъект РФ	Разница в рангах	
	креатив- ности	цифровой жизни			
г. Москва	1	1	г. Москва		0
г. Санкт-Петербург	2	2	г. Санкт-Петербург		0
Московская область	3	3	Московская область		0
Томская область	4	4	Томская область		0
Нижегородская область	5	5	Республика Татарстан (Татарстан)	▼	-17
Калужская область	6	6	Калининградская область	▼	-6
Магаданская область	7	7	Свердловская область	▼	-10
Новосибирская область			Ленинградская область	▼	-3
Тюменская область	8	8	Омская область	▼	-11
Ульяновская область		9	Нижегородская область	▼	-4
Самарская область	9	10	Воронежская область	▼	-5
Ленинградская область	10	11	Белгородская область	▼	-14
Хабаровский край	11	12	Волгоградская область	▼	-7
Калининградская область	12	13	Новосибирская область	△	5
Камчатский край	13	14	Краснодарский край		0
Красноярский край		15	Тульская область	▼	-4
Мурманская область		16	Самарская область	△	7
Краснодарский край	14	17	Липецкая область	▼	-13
Пермский край		18	Иркутская область		0
Приморский край		19	Саратовская область	△	1
Чукотский автономный округ		20	Ивановская область	▼	-9
Воронежская область	15		Хабаровский край	△	9
Ростовская область	16	21	Рязанская область		0
Свердловская область		22	Вологодская область	▼	-3

Тверская область	17	23	Приморский край	△	9
Челябинская область		24	Тверская область	△	7
Иркутская область	18	25	Курская область		0
Республика Коми		26	Калужская область	△	20
Республика Саха (Якутия)			Республика Башкортостан	△	1
Республика Хакасия		27	Ставропольский край	△	8
Саратовская область	19	28	Республика Алтай	△	4
Волгоградская область		29	Карачаево-Черкесская Республика	△	3
Омская область		30	Ростовская область	△	14
Республика Марий Эл		31	Кемеровская область	△	7
Ставропольский край	20	32	Орловская область	△	10
Тульская область			Пермский край	△	18
Владимирская область		33	Костромская область	△	5
Республика Калмыкия		34	Республика Северная Осетия – Алания	△	10
Республика Карелия	21	35	Ярославская область	△	14
Алтайский край		36	Чувашская Республика – Чувашия	△	9
Амурская область		37	Ульяновская область	△	29
Еврейская автономная область			Смоленская область	△	14
Республика Адыгея (Адыгея)	22	38	Астраханская область	△	9
Рязанская область		39	Новгородская область	△	17
Сахалинская область		40	Республика Хакасия	△	22
Ярославская область		41	Республика Коми	△	23
Новгородская область	23	42	Пензенская область	△	20
Орловская область		43	Курганская область	△	16
Пензенская область		44	Кировская область	△	21
Республика Татарстан (Татарстан)		45	Челябинская область	△	28
Кировская область	24	46	Республика Крым	△	21
Республика Бурятия			Удмурдская Республика	△	23
Смоленская область		47	Архангельская область	△	19
Удмурдская Республика		48	Владимирская область	△	27
Ямало-Ненецкий автономный округ	25	49	Алтайский край	△	27
Кемеровская область			Красноярский край	△	36
Республика Алтай		50	Мурманская область	△	37
Республика Северная Осетия – Алания			Псковская область	△	23
Белгородская область	26	51	Тамбовская область	△	19
Вологодская область		52	Тюменская область	△	43
Курская область		53	Камчатский край	△	39
Республика Башкортостан			Чеченская Республика	△	22
Республика Крым	27	54	Еврейская автономная область	△	32
Карачаево-Черкесская Республика			Забайкальский край (Читинская область)	△	24
Архангельская область		55	Брянская область	△	26
Ивановская область		56	Оренбургская область	△	28
Курганская область	28	57	Республика Марий Эл	△	37
Оренбургская область		58	Республика Мордовия	△	27
Псковская область		59	Республика Бурятия	△	35
Чувашская Республика – Чувашия		60	Амурская область	△	38
Костромская область	29	61	Республика Саха (Якутия)	△	42
Астраханская область		62	Республика Тыва	△	32
Брянская область		63	Магаданская область	△	54
Республика Тыва		64	Республика Карелия	△	42
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	30	65	Кабардино-Балкарская Республика	△	31
Забайкальский край (Читинская область)		66	Сахалинская область	△	43
Липецкая область		67	Республика Адыгея (Адыгея)	△	44
Республика Мордовия		68	Республика Дагестан	△	33
Республика Ингушетия	31	69	Республика Ингушетия	△	36
Тамбовская область		70	г. Севастополь	△	36
Чеченская Республика		71	Республика Калмыкия	△	48
Кабардино-Балкарская Республика			Чукотский автономный округ	△	55
г. Севастополь	32		Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	△	41
Республика Дагестан			Ямало-Ненецкий автономный округ	△	48

Источник: составлено авторами

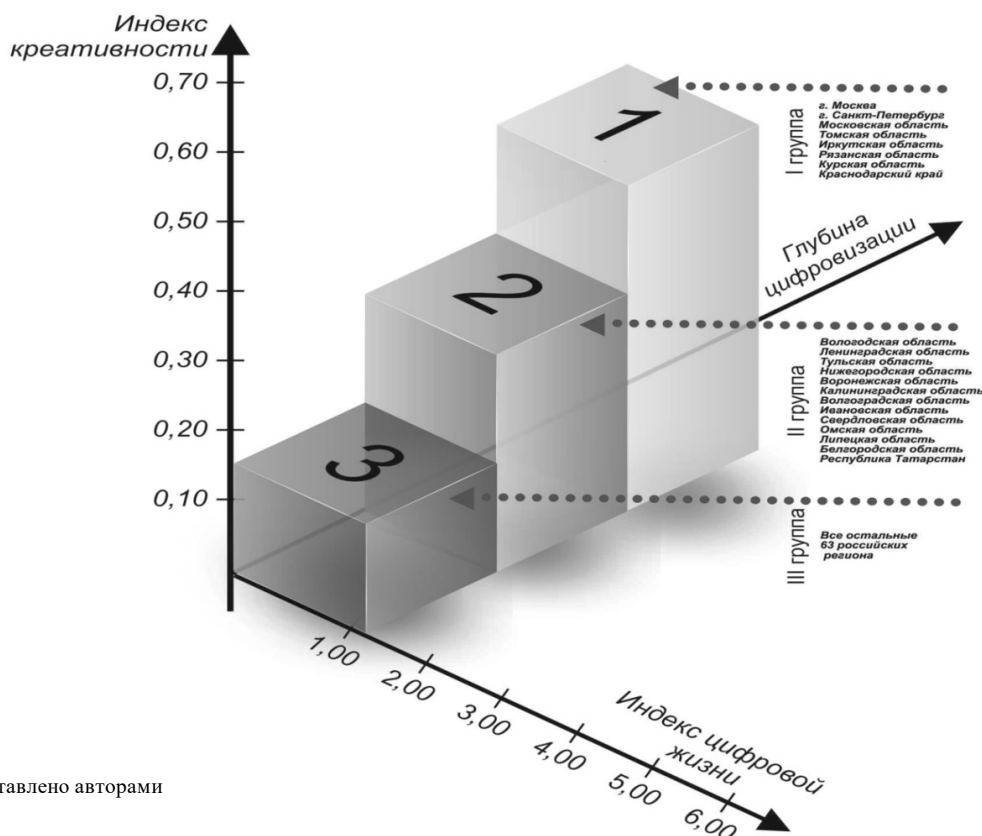

Таблица 9.

Типологическая кластеризация российских регионов и их характеристика в сравнительном разрезе по индексам креативности и цифровой жизни

Групповые кластеры регионов	Характеристика	Результат сопоставления
<i>I группа</i> г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская, Томская, Иркутская, Рязанская, Курская области, Краснодарский край	Лишь в четырех региональных пространствах (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская и Томская области) были выявлены релевантные друг другу индексы, что вполне согласуется с данными по другим рейтинговым показателям. Остальные четыре региона также оказались в первой группе, но релевантности по индексам обнаружено не было.	Ранговая оценка креативности и цифровой жизни является сходной
<i>II группа</i> Вологодская, Ленинградская, Тульская, Нижегородская, Воронежская, Калининградская, Волгоградская, Ивановская, Свердловская, Омская, Липецкая, Белгородская области, Республика Татарстан	Разновекторность идентификации многих жителей является свидетельством способности внедрять и использовать цифровизацию в различных сферах жизнедеятельности региона. Такие регионы еще называют самообучаемыми или цифровыми регионами [18], которые за счет создания цифровой среды и высокой способности «поглощать» и усваивать местным сообществом новые (цифровые) знания, «ёмкости» множества динамичных «знанийевых» организаций, способны не только осуществлять трансферт цифровых компетенций, знания и опыта извне, но и формировать цифровые дивиденды, утверждая нормы информационно-цифровой открытости, тем самым транслируя, как в контуре региона, так и во вне, цифровые бонусы. Экономический рост креативно-цифровых регионов увеличивает пространственное поле возможностей близлежащих территорий, создавая цифровые платформы их жизнеобеспечения.	Уровень креативности региона ниже, чем уровень цифровой жизни
<i>III группа</i> В данную группу попали все остальные 63 российских региона	Это регионы, которые используя свой креативно-творческий потенциал, могут расширять и усиливать процессы цифровизации, наращивая динамику развития «цифровых возможностей». Регионам необходима более глубокая и масштабная «оцифровка» региональных пространств, включающая в себя повышение качества регионального управления, влияющего на развитие цифровой инфраструктуры, внедрение новых ИКТ и создание цифровых платформ их жизнеобеспечения, которые зависят от целого ряда регулирующих воздействий.	Уровень индекса креативности региона значительно превзошел ранг индекса цифровой жизни

Источник: составлено авторами

Источники: составлено авторами

Рис. 5. Креативно-цифровые региональные матрицы

¹ Регионы расставлены по возрастанию разницы в рангах (от -3 до -17).

Таким образом, полученные результаты наглядно демонстрируют интересную корреляцию между показателями региональной креативности и индексом цифровой жизни. Креативность региона не всегда влияет на скорость и глубину регионального процесса цифровизации и не всегда является основным детерминирующим фактором региональной «оцифровки». И если понимать, что процесс цифровизации – это не узкий технократический, а широкий социальный феномен, содержащий в своей основе не только обеспеченность локальными цифровыми технологиями, цифровыми услугами, но и процесс активного коммуницирования, то для выявления более глубоких корреляций нужны тонкие, высокочувствительные индикаторы и новые рейтинги по значимым признакам и критериям.

Литература

1. Архипова М.Ю., Сиротин В.П. Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 3. С. 670–683.
2. Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Сухарева Н.А. Разработка композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России // Вопросы статистики. 2018. № 5. С. 75–87.
3. Бочарников В.Н. О географическом подходе и междисциплинарном синтезе в решении региональных задач // Астраханский вестник экологического образования. 2015. № 2 (32). С. 54–64.
4. Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // ПОЛИС. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–163.
5. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2016. № 5 (135). Сентябрь–октябрь. С. 163–182.
6. Дронов В.Н., Махрова О.Н. Цифровое неравенство Рязанской области. СПб.: Санкт-Петербургский университет управления и экономики, 2015. 312 с.
7. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый хронограф, 2013. 405 с.
8. Зубаревич Н. Социальная дифференциация регионов и городов // Proetcontra. 2012. Т. 16. № 4–5. Июль–октябрь. С. 135–152.
9. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 278 с.
10. Коротков А.В. Цифровое неравенство в процессах стратификации информационного общества // Информационное общество. 2003. Вып. 5. С. 24–35.
11. Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е. Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации // Методы анализа. 2014. № 32 (383). С. 2–12.
12. Пилясов А.Н. Политические и экономические факторы развития российских регионов // Вопросы экономики. 2003. № 5. С. 67–82.
13. Расулов З.А. Информационное неравенство регионов Российской Федерации и информационная политика (как факторы формирования информационного общества) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2013. № 2 (26). С. 42–49.
14. Юдина Т.Н. Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3. С. 12–16.
15. Andersson A. Creativity and regional development // Papers of the Regional Science Association. 1985. Vol. 56. P. 137–152.
16. Ayanso A., Cho D., Lertwachara K. Information and communications technology development and the digital divide: a global and regional assessment // Information Technology for Development. 2014. № 20. P. 60–77.
17. Bannerjee E.A. et. al. Ericsson, PwC, IESE Business School, 2thinknow, ITU. 2017.
18. Billon M., Marco R., Lera-Lopez F. Disparities in ICT adoption: a multidimensional approach to study the cross-country digital divide // Telecommunications Policy. 2009. № 33 (10–11). P. 596–610.
19. Cerno L., Amaral T.P. Demand for Internet access and use in Spain // Governance of Communication Networks. Heidelberg: Physica-Verlag, 2006. P. 333–353.
20. Çilan Ç.A., Özdemir M. Measuring domestic digital divide by using latent class analysis: a case study of Turkey // Istanbul University Journal of the School of Business. 2013. № 42 (2). P. 219–234.
21. Dasgupta S., Lall S., Wheeler D. Policy Reform, Economic Growth and the Digital Divide: an Econometric Analysis // Policy Research Working Paper № 2567. Washington: The World Bank Development Research Group Infrastructure and Environment, 2001. 24 p.
22. Dudek H. Determinants of access to the internet in households – Probit model analysis // Studies & Proceedings Polish Association for Knowledge Management. 2007. № 11. P. 51–56.
23. Florida R. Bohemia and economic geography // Journal of Economic Geography. 2002. № 3. P. 55–71.
24. Florida R. The Flight of the Creative Class. New York, 2007. 212 p.
25. Florida R., Mellander Ch., Qian H. The university, human capital and the creative class in Chinese regional development. New York: Martin Prosperity Institute, 2008. October.
26. Koceva W.Y. et. al. Ofcom, wearesocial ITU, wearesocial. Hootsuite. 2017.

27. Nishijima M., Ivanauskas T.M., Sarti F.M. Evolution and determinants of digital divide in Brazil (2005–2013) // *Telecommunications Policy*. 2016. Vol. 41. P. 12–24.
28. Pohjola M. The adoption and diffusion of ICT across countries: patterns and determinants // *The New Economy Handbook*. San Diego: Academic Press, 2003. P. 77–100.

References

1. Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P. Regional aspects of the development of information and communication and digital technologies in Russia // *The economy of the region*. 2019. Vol. 15. Issue 3. pp. 670–683.
2. Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P., Sukhareva N.A. Development of a composite indicator for measuring the magnitude and dynamics of digital inequality in Russia // *Questions of statistics*. 2018. No. 5. pp. 75–87.
3. Bocharnikov V.N. On the geographical approach and interdisciplinary synthesis in solving regional problems // *Astrakhan Bulletin of Ecological Education*. 2015. No. 2 (32). pp. 54–64.
4. Bykov I.A., Hall T.E. Digital inequality and political preferences of Internet users in Russia. *Political studies*. 2011. No. 5. pp. 151–163.
5. Volchenko O.V. Dynamics of digital inequality in Russia // *Monitoring of public opinion. Economic and social changes*. 2016. № 5 (135). September–October. pp. 163–182.
6. Dronov V.N., Makhrova O.N. Digital inequality of the Ryazan region. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of Management and Economics, 2015. 312 p.
7. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. Russia, which we found: exploring space at the micro level. Moscow: Novy Chronograf, 2013. 405 p.
8. Zubarevich N. Social differentiation of regions and cities // *Proetcontra*. 2012. Vol. 16. no. 4–5. July–October. pp. 135–152.
9. Castels M. *Galaktika Internet: reflections on the Internet, business and society*. Yekaterinburg: U-Factoriya, 2003. 278 p.
10. Korotkov A.V. Digital inequality in the processes of stratification of the information society. 2003. Issue 5. pp. 24–35.
11. Kuznetsov Yu.A., Markova S.E. Some aspects of quantitative assessment of the level of digital inequality in the regions of the Russian Federation // *Methods of analysis*. 2014. No. 32 (383). p. 2–12.
12. Pilyasov A.N. *Politicheskie i ekonomicheskie faktory razvitiya rossiiskikh regionov* [Political and economic factors of the Development of Russian regions]. 2003. No. 5. pp. 67–82.
13. Rasulov Z.A. Information inequality of the regions of the Russian Federation and information policy

- (as factors of formation of the information society) // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Volga region*. 2013. No. 2 (26). pp. 42–49.
14. Yudina T.N. Comprehension of the digital economy // *Theoretical economics*. 2016. No. 3. pp. 12–16.
15. Andersson A. Creativity and regional development // *Papers of the Regional Science Association*. 1985. Vol. 56. P. 137–152.
16. Ayanso A., Cho D., Lertwachara K. Information and communications technology development and the digital divide: a global and regional assessment // *Information Technology for Development*. 2014. № 20. P. 60–77.
17. Bannerjee E.A. et. al. Ericsson, PwC, IESE Business School, 2thinknow, ITU. 2017.
18. Billon M., Marco R., Lera-Lopez F. Disparities in ICT adoption: a multidimensional approach to study the cross-country digital divide // *Telecommunications Policy*. 2009. № 33 (10–11). P. 596–610.
19. Cerno L., Amaral T.P. Demand for Internet access and use in Spain // *Governance of Communication Networks*. Heidelberg: Physica-Verlag, 2006. P. 333–353.
20. Çilan Ç.A., Özdemir M. Measuring domestic digital divide by using latent class analysis: a case study of Turkey // *Istanbul University Journal of the School of Business*. 2013. № 42 (2). P. 219–234.
21. Dasgupta S., Lall S., Wheeler D. Policy Reform, Economic Growth and the Digital Divide: an Econometric Analysis // *Policy Research Working Paper № 2567*. Washington: The World Bank Development Research Group Infrastructure and Environment, 2001. 24 p.
22. Dudek H. Determinants of access to the internet in households – Probit model analysis // *Studies & Proceedings Polish Association for Knowledge Management*. 2007. № 11. P. 51–56.
23. Florida R. Bohemia and economic geography // *Journal of Economic Geography*. 2002. № 3. P. 55–71.
24. Florida R. *The Flight of the Creative Class*. New York, 2007. 212 p.
25. Florida R., Mellander Ch., Qian H. The university, human capital and the creative class in Chinese regional development. New York: Martin Prosperity Institute, 2008. October.
26. Koceva W.Y. et. al. Ofcom, wearesocial ITU, wearesocial. Hootsuite. 2017.
27. Nishijima M., Ivanauskas T.M., Sarti F.M. Evolution and determinants of digital divide in Brazil (2005–2013) // *Telecommunications Policy*. 2016. Vol. 41. P. 12–24.
28. Pohjola M. The adoption and diffusion of ICT across countries: patterns and determinants // *The New Economy Handbook*. San Diego: Academic Press, 2003. P. 77–100.

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОСНОВЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ася Аслановна Кушхова, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре экономики и бухгалтерского учета

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: kushkhova_mvд@mail.ru

Николай Пиманович Купрещенко, профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета, доктор экономических наук, профессор

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: kuper52@mail.ru

Аннотация. В последние годы страны Европы вынуждены вести постоянный поиск решений по урегулированию мигрантского кризиса, вызванного многократным ростом потока нелегальных мигрантов и беженцев в ЕС. Для России мигрантский кризис является процессом перманентным, который протекает в относительно вялотекущем режиме (в сравнении с обострением ситуации в странах ЕС). Изменения в обществе, связанные с пандемией COVID-19, обострили и обнажили многие проблемы в данной области. Для государства одной из первостепенных задач становится урегулирование мигрантского вопроса как одного из важнейших факторов укрепления национальной безопасности

Ключевые слова: миграция, миграционные потоки, миграционные процессы, экономика, социальная среда, рынок труда, нелегальная миграция, национальная безопасность, трудовая миграция.

INCREASING THE LEVEL OF ECONOMIC SECURITY ON THE BASIS OF REGULATING MIGRATION PROCESSES

Asya A. Kushkhova, Adjunct of Faculty of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Staff on the Department of Economics and Accounting

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: kushkhova_mvд@mail.ru

Nikolaj P. Kupreshhenko, Professor of the Department of Accounting, Doctor of Economic Sciences, Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: kuper52@mail.ru

Abstract. In recent years, European countries have been forced to constantly search for solutions to resolve the migrant crisis caused by the multiple growth of the flow of illegal migrants and refugees to the EU. For Russia, the migrant crisis is a permanent process that proceeds in a relatively sluggish mode (in comparison with the aggravation of the situation in the EU countries). The changes in society associated with the COVID-19 pandemic have exacerbated and exposed many of the problems in this area. For the state, one of the primary tasks is the settlement of the migrant issue as one of the most important factors in strengthening national security.

Keywords: migration, migration flows, migration processes, economy, social environment, labor market, illegal migration, national security, labor migration.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Кушхова А.А., Купрещенко Н.П. Повышение уровня экономической безопасности на основе регулирования миграционных процессов. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):255-9.

Под национальной безопасностью понимается защищенность государства от внешних угроз, а также состояние, при котором сохраняется государственная

целостность, самостоятельность как субъекта системы международных отношений. Соответственно, основными элементами национальной безопасности вы-

ступают социально-экономическая, информационная, военная и другие виды безопасности [7].

Миграционные потоки и проблема их регулирования становятся все более существенным фактором угрозы национальной безопасности для ряда стран, среди которых и Россия, проблема урегулирования миграции для которой становится все более острой на фоне происходящих глобальных и внутриэкономических изменений. Серьезность проблемы контроля миграционных потоков в контексте угрозы национальной безопасности стран обусловлена следующими факторами.

В первую очередь, это масштабы миграционных потоков. Так, в России, по версии МВД, ежегодно находится порядка 9-11 млн. мигрантов (рис. 1) – иностранных граждан, прибывающих в РФ с различными целями, как правило, это трудоустройство (67,4%).

Триггерным механизмом миграционной активности традиционно выступает низкий уровень социально-экономического развития ряда стран СНГ, из которых формируется основной поток мигрантов в РФ. При этом вид на жительство или разрешение на временное проживание есть только у миллиона человек (в среднем), большая же часть учтенных трудовых мигрантов (речь идет лишь об учтенных иностранных гражданах, а не о реальных цифрах) работают по выданным патентам [6]. Основные «поставщики» трудовых мигрантов – Таджикистан, Узбекистан, Украина и др. (рис. 2).

В настоящее время, на период конца 2020 г. – начала 2021 г. в России официально находятся порядка 6 млн. мигрантов: снижение количества иностранных граждан обусловлено ограничениями, введенными в период пандемии COVID-19, которые вынудили организовать депортацию, временно приостановить потоки приема иностранцев в связи с закрытием границ.

При этом, масштабность миграционных потоков (исходящих) усугубляется качеством прибывающей рабочей силы. Большая часть мигрантов в РФ заняты на микропредприятиях (порядка 46%) и малых предприятиях (49%). В целом, мигранты составляют порядка 12% рабочей силы в России, а их вклад в ВВП составляет 7,7%, или 8,5 трлн руб. / 1,1 млн руб. на работающего мигранта за 2019 г. [3].

На фоне данных цифр дефицит рабочей силы в РФ также возрастает, не хватает в первую очередь, высококвалифицированных специалистов. По данным FinExpertiza, на начало 2019 г. дефицит достигал 1 млн. специалистов. Основная причина данной проблемы кроется в неутешительной демографической статистике, это вымирание коренного населения и отголоски демографической ямы 1990-х и 2000-х гг.

Факторами, которые в результате ослабляют национальную безопасность в результате низкого уровня регуляции миграционных потоков, становятся:

- обострение межнациональных конфликтов;
- обострение криминогенной обстановки на фоне роста теневых миграционных потоков;
- нагрузка на государственные ресурсы ввиду необходимости решать социально-бытовые вопросы прибывающих, обеспечивать мигрантом продовольствием, жильем;
- как следствие, усиливается социальная напряженность в обществе.

Кроме того, процесс интеграции мигрантов в принимающее общество происходит, как правило, медленно, в том числе, имеют место несоблюдение мигрантами установленных норм поведения, культурных традиций, законодательства принимающей страны. Как показывает опыт государств Европы, попытки адаптировать правовую, социально-культурную среду государства с учетом интересов прибывающих иностранцев, создавая тем самым мультикультурную, многонациональную среду, приводят к обострению конфликтов между местным населением, политическими структурами, мигрантами и их представителями – общественными организациями и т.д., особенно в свете участвовавших нарушений мигрантами законодательства принимающих стран (в основном речь идет об угрозах террористических атак на фоне радикализации мигрантов-исламистов).

Попытки Еврокомиссия найти компромисс отражены в октябрьском (от 2020 г.) решении отменить обязательный прием беженцев странами-членами, и предложением альтернативы: принимать мигрантов, спонсировать их возвращение на Родину, предлагать на местах в странах прибытия материальную помощь. Однако страны так и не могут прийти к компромиссу в попытках одновременно соблюсти правила «политики открытых дверей» и требования национальной безопасности государств [1].

Как отмечает Смидович Г., старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, интеграция мигрантов происходит на муниципальном уровне, на котором должно осуществляться локальное самоуправление, однако затянувшаяся муниципальная реформа в России фактически привела упразднению местного самоуправления как такового, поскольку утверждение поправок в Конституцию в 2020 г., можно сказать, аннулировало местное самоуправление как автономный институт гражданского саморегулирования на местах. Автор подчеркивает важность локализации процессов управления интеграцией мигрантов и выработки индивидуального подхода (например, заключения специальных интеграционных контрактов, как это происходит за рубежом, между главами муниципалитетов и заинтересованными в интеграции мигрантами).

Несмотря на то, что в 2020 г. под влиянием пандемии COVID-19 только в Москве число мигрантов со-

кратилось примерно на 40%, государство не намерено отказываться от привлечения иностранной рабочей силы. Потребность в трудовых ресурсах сохраняется, а с учетом массового оттока иностранцев – дефицит кадров растет.

Какими могут быть регулятивные меры государства в данной ситуации? В марте 2020 г. в целях формирования миграционной ситуации, которая будет отвечать национальным интересам, Президентом РФ утвержден

перечень задач по реализации реформы миграционной политики, в рамках которой предусмотрена новая система налогообложения мигрантов, ужесточение контроля за процедурой трудоустройства иностранных граждан, внедрение фиксированного авансового платежа после оформления электронного патента, специальный реестр для работодателей, выпуск ID-карт с персональными данными, усиленный контроль за недобросовестными работодателями и др. [2; 4].

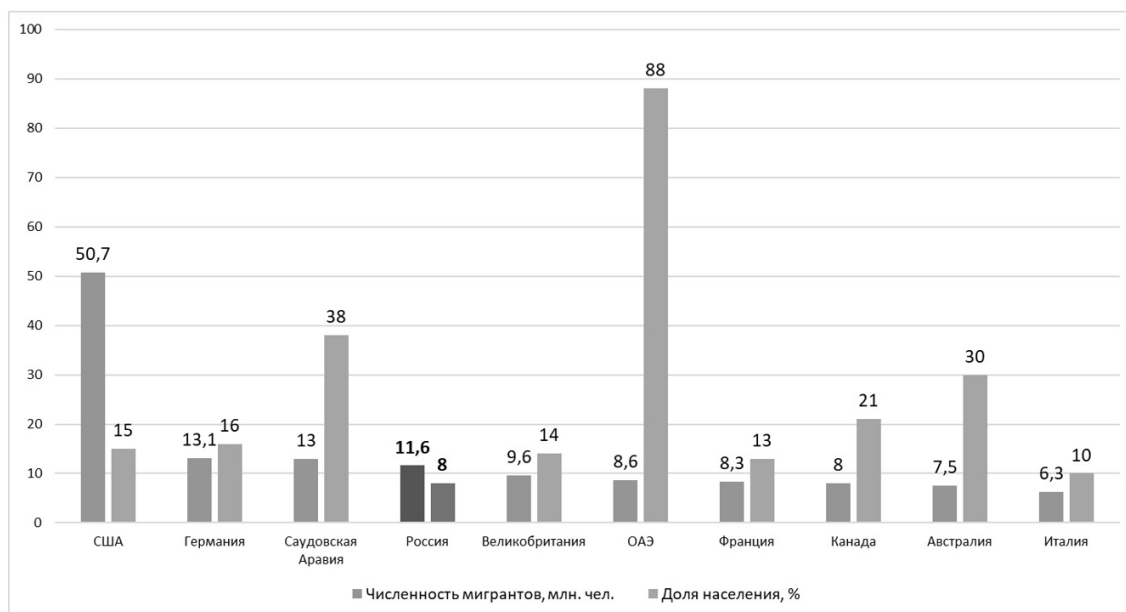

Рис. 1. Распределение стран по количеству мигрантов и доли, которую мигранты занимают в населении стран (по состоянию на начало 2020 г.)

Рис. 2. Распределение стран по количеству прибывающих в РФ трудовых мигрантов (основные «доноры» мигрантов)

На наш взгляд, данных мер, как минимум, недостаточно, поскольку:

а) многие отрасли должны планомерно сокращать зависимость от дополнительной рабочей силы за счет автоматизации процессов, что решает сразу несколько ключевых проблем: теневая миграция и нелегальное трудоустройство иностранных граждан, нарушение прав мигрантов, расходы предприятий на содержание иностранных сотрудников и др. В настоящее время ресурсы внутренней миграции фактически уже исчерпаны, и ожидать притока россиян из экономически более слабых регионов в экономически более активные области не приходится – только за первые 3 квартала 2020 г. внутренняя миграция сократилась на 17% [11]. Поэтому потребность в низкоквалифицированной рабочей силы в виде мигрантов из ближнего зарубежья будет только расти до тех пор, пока в отраслях не будут проведены кардинальные трансформации в области снижения зависимости от ручного труда. С одной стороны, эта идея кажется несколько утопичной, с другой стороны – прогресс неизбежен, уже сегодня многие предприятия в разы сокращают персонал в процессе перехода к автоматизированным решениям;

б) не представлены сколь-либо эффективные решения по снижению оттока квалифицированного персонала из РФ, что является прямой угрозой национальной безопасности РФ во всех отношениях.

Среди отраслей, которые более всего рискуют потерять кадровый потенциал по причине оттока кадров за рубеж – наиболее перспективная ИТ-отрасль. По разным оценкам, в ближайшие 1-2 года из России могут уехать от 10-15 тыс. ИТ-специалистов. Согласно результатам опроса о выручке российских разработчиков ПО, прибыль компаний в 2020 г. сократилась практически вдвое в сравнении с 2019 г.

В числе предложений по преломлению негативных тенденций – включение отрасли в список наиболее пострадавших от пандемии COVID-19 и получение соответствующих мер поддержки, рассрочка выплат страховых взносов в ФОТ и НДС для производителей ИТ-продукции, субсидирование государственного спроса на продукты отечественных ИТ-компаний и др. [8]. Однако данные меры скорее носят характер антикризисных мероприятий и, как и для других отраслей, которые переживают «утечку мозгов» за рубеж, не содержат системных, стратегических предложений по удержанию и привлечению ценных кадров.

Подведем итоги.

Во-первых, предпринимаемые в настоящее время в РФ меры по урегулированию миграционных потоков недостаточно эффективны в контексте сохранения национальной безопасности. Мероприятия должны носить системный и стратегический характер, должны быть направлены не только на урегулирование миграционного законодательства, ужесточение контроля за миграционными потоками, создание новых условий

взаимодействия государства и мигрантов, но также на постепенное снижение зависимости от низкоквалифицированной рабочей силы, что касается именно трудовой миграции. В отношении политики открытых дверей, когда государство-реципиент оказывает меры поддержки иностранным гражданам, в т.ч., беженцам, необходимо принимать во внимание опыт европейских государств, в первую очередь, Германии, которая является во многом ответственной за мигрантский кризис, решения которого на данный момент фактически нет.

Во-вторых, до тех пор, пока в РФ не будет решена проблема оттока интеллектуальных кадров за рубеж, нельзя будет говорить о решении проблемы регулирования миграционных процессов в контексте укрепления национальной безопасности. РФ за последние годы интенсивно теряет рабочую силу – так, согласно данным Всемирного банка и исследованиям РАНХиГС, РФ является одним из лидеров по абсолютной численности эмигрантов среди стран Европы и Центральной Азии. Фактически за последние годы страна лишилась около 10% трудоспособного населения, причем для РФ характерна именно «интеллектуальная миграция».

Крупнейшие города и регионы России не могут конкурировать за наиболее перспективные кадры: специалисты стремятся уехать в поисках карьерных перспектив, лучшего качества жизни, достойного уровня оплаты труда. Так, например, в РФ разница в уровне заработной платы врача и водителя составляет порядка 20%, в Германии этот показатель достигает более 170%, в США – превышает 260% [12].

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что все рассматриваемые процессы и явления не должны изучаться автономно друг от друга. В интересах укрепления национальной безопасности РФ должны быть максимально задействованы внутренние интеллектуальные ресурсы (для которых должна создаваться соответствующая среда и условия), направленные на системное и стратегическое урегулирование миграционных процессов. Соответственно, такие решения должны носить комплексный характер и содержать эффективные предложения в области кадровой политики, цифровой трансформации, регуляции правового поля и других ключевых направлений.

Литература

1. Джгаркава Н. Раскол, мигранты, терроризм: какие проблемы Евросоюза обнажила пандемия // Газета.ру, 09.01.2021 [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/29_a_13420526.shtml.
2. К чему приведет новый закон о мигрантах в России – оценка экспертов// Новостное агентство Sputnik, 14.09.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://ru.armeniasputnik.am/russia/20200914/24459416/K-chemu-privedet-novyy-zakon-o-migrantakh-v-Rossii--otsenka-ekspertov.html>.

3. Как мигранты выживают в кризис // Вedomosti, 16.07.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/07/16/834690-migranti-vizhivayut>.
4. Коженов объяснил, почему Россия сокращает квоты на выдачу РВП для мигрантов // Sputnik, 16.11.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://ru.armeniasputnik.am/radio/20201116/25365722/Kozhenov-obyasnil-pochemu-Rossiya-sokraschaet-kvoty-na-vydachu-RVP-dlya-migrantov.html>.
5. Лузина Т.В., Елфимова О.С. Проблемы миграционной безопасности и региональные тенденции миграционных процессов // Бизнес. Образование. Право, №1 (46), 2019. С. 213-221.
6. МВД: В 2020 году в России снизилось число мигрантов // Российская газета, 16.12.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2020/12/16/mvd-v-2020-godu-v-rossii-snizilos-chislo-migrantov.html>.
7. Резник Г.А., Амирова Д.Р. Миграция как угроза национальной безопасности страны: международные и национальные аспекты // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 8, №6 (2016) <http://naukovedenie.ru/PDF/82EVN616.pdf>.
8. Россия стоит на пороге массового бегства ИТ-кадров за рубеж // CNews, 03.06.2020 [Электронный ресурс] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-06-03_natalya_kasperskaya_rossiya.
9. Смидович Г. Векторы гражданской интеграции // Московский Комсомолец, 24.12.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/12/24/gleb-smidovich-vektory-grazhdanskoy-integracii.html>.
10. Соловьева О. Высокообразованные россияне предпочитают работать в развитых странах // Зависимая газета, 17.12.2020 [Электронный ресурс] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-06-03_natalya_kasperskaya_rossiya.
11. Социально-экономическое положение России, январь-сентябрь 2020 года // Федеральная служба государственной статистики, Москва [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Atluinu9/osn-09-2020.pdf>.
12. Эксперты оценили последствия оттока мигрантов из России // РБК, 03.11.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2020/5f9bf5269a794771485ceb51>.
2. What will the new law on migrants in Russia lead to – expert assessment // News Agency Sputnik, 09/14/2020 [Electronic resource] URL: <https://ru.armeniasputnik.am/russia/20200914/24459416/K-chemu-privedet-novyy-zakon-o-migrantakh-v-Rossii-otsenka-ekspertov.html>.
3. How migrants survive in a crisis // Vedomosti, 16.07.2020 [Electronic resource] URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/07/16/834690-migranti-vizhivayut>.
4. Kozhenov explained why Russia is reducing quotas for issuing temporary residence permit for migrants // Sputnik, 11/16/2020 [Electronic resource] URL: <https://ru.armeniasputnik.am/radio/20201116/25365722/Kozhenov-obyasnil-pochemu-Rossiya-sokraschaet-kvoty-na-vydachu-RVP-dlya-migrantov.html>.
5. Luzina T.V., Elfimova O.S. Problems of migration security and regional trends in migration processes // Business. Education. Pravo, No. 1 (46), 2019. S. 213-221.
6. Ministry of Internal Affairs: In 2020, the number of migrants in Russia decreased // Rossiyskaya Gazeta, 16.12.2020 [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2020/12/16/mvd-v-2020-godu-v-rossii-snizilos-chislo-migrantov.html>.
7. Reznik G.A., Amirova D.R. Migration as a Threat to the National Security of the Country: International and National Aspects // Naukovedenie Internet magazine Volume 8, No. 6 (2016) <http://naukovedenie.ru/PDF/82EVN616.pdf>.
8. Russia is on the verge of a mass flight of IT personnel abroad // CNews, 06/03/2020 [Electronic resource] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-06-03_natalya_kasperskaya_rossiya.
9. Smidovich G. Vectors of civil integration // Moskovsky Komsomolets, 24.12.2020 [Electronic resource] URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/12/24/gleb-smidovich-vektory-grazhdanskoy-integracii.html>.
10. Solovyova O. Highly educated Russians prefer to work in developed countries // Dependent newspaper, 17.12.2020 [Electronic resource] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-06-03_natalya_kasperskaya_rossiya.
11. Socio-economic situation in Russia, January-September 2020 // Federal State Statistics Service, Moscow [Electronic resource] URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Atluinu9/osn-09-2020.pdf>.
12. Experts assessed the consequences of the outflow of migrants from Russia // RBK, 03.11.2020 [Electronic resource] URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2020/5f9bf5269a794771485ceb51>.

References

1. Dzhgarkava N. The split, migrants, terrorism: what problems of the European Union were exposed by the pandemic // Gazeta.ru, 09.01.2021 [Electronic resource] URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/29_a_13420526.shtml.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Андрей Владимирович Минаков, профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета, доктор экономических наук, профессор

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: minakov-info@yandex.ru

Елена Васильевна Егорова, доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета, кандидат экономических наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: e_e_v@list.ru

Аннотация. Предмет исследования – укрепление экономической безопасности в глобальной конкуренции. Цель – обобщение основных подходов к определению основных понятий, анализ экономики стран в условиях нестабильности (политической и экономической), с возможностью обозначения направлений укрепления экономической безопасности относительно этих условий. Применялись методы анализа, синтеза, сравнения. Был проведен анализ текущего состояния экономики стран с учетом влияния различных факторов, что дает понимание об уровне их экономической безопасности и об основных направлениях ее обеспечения в условиях нестабильности. Область применения результатов: прикладные исследования в области экономической безопасности государства. Сделан вывод о том, что в условиях глобальной нестабильности обеспечение экономической безопасности страны требует конструктивных решений с учетом всех факторов влияния и оценки положительных и отрицательных эффектов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, глобальная экономика, глобализация, экономические санкции, пандемия COVID-19, экономическое развитие, экономика России.

ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBAL INSTABILITY

Andrey V. Minakov, Professor of the Department of Economics and Accounting, Doctor of Economic Sciences, Professor Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: minakov-info@yandex.ru

Elena V. Egorova, Associate Professor of the Department of Economics and Accounting, Candidate of Economic Sciences Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

E-mail: e_e_v@list.ru

Abstract. Subject of research is strengthening economic security in global competition. The purpose is generalization of the main approaches to the definition of basic concepts, analysis of the economies of countries in conditions of instability (political and economic), with the possibility of identifying directions for strengthening economic security in relation to these conditions. The methods used: analysis, synthesis, comparison. The analysis of the current state of the economies of countries was carried out, taking into account the influence of various factors, which gives an understanding of the level of their economic security and the main directions of its provision in conditions of instability. Field of application of the results: applied research in the field of economic security of the state. It is concluded that in the context of global instability, ensuring the country's economic security requires constructive solutions, taking into account all factors of influence and assessing positive and negative effects.

Keywords: economic security, global economy, globalization, economic sanctions, COVID-19 pandemic, economic development, Russian economy.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Минаков А.В., Егорова Е.В. Обеспечение экономической безопасности России в условиях глобальной нестабильности. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):260-7.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что, беря во внимание современную реальность, которая включает нестабильность мирового экономического пространства, политических разногласий, как одна из сторон и развитие взаимовыгодных отношений, как другая из сторон, существует необходимость акцентирования особого внимания на экономической безопасности, в качестве обеспечения развития более стабильных экономических процессов.

Рассмотрим подходы к пониманию такой категории как «экономическая безопасность».

Относительно государства под экономической безопасностью некоторые авторы подразумевают понятие, которое отражает большую гамму угроз экономике страны, как внешних, так и внутренних, а также постоянно меняющихся условий материального производства [14]. Основные аспекты, определяющие экономическую безопасность государства представлены: структурой внешнеэкономических связей; масштабами научно-технического прогресса (использование достижений); состоянием социально-экономических отношений; состоянием производительных сил.

По мнению И.В. Ускова возможность развиваться и защищенность экономической системы страны от угроз, как внутренних, так и внешних представляет собой суть экономической безопасности как экономической категории [12, с. 15]. По мнению автора М.С. Бородин под экономической безопасностью территории можно понимать состояние экономики, при котором созданы условия устойчивого развития и воспроизводства относительно социально-экономических характеристик, помимо этого система экономики территории способна к безболезненной реакции на угрозы, как внешние, так и внутренние (без возникновения кризисных явлений, которые могут быть лавинообразными). Также это состояние экономики, при котором на территории возможно поддержание приемлемых значений критериальных показателей ранее заданных, приемлемые значения должны быть на уровне индикаторов экономической безопасности [1, с. 53].

В «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» понятие экономической безопасности трактуется как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации», а «угроза экономической безопасности – это совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере» [9].

Западными учеными сам термин «безопасность»

понимается более узко и конкретно, основу данного видения представляет, понимание защищенности от угроз, прежде всего «внешних», особенно имеющих подоплеку злонамеренности действий противников [16, с. 312; 17; 21, с. 66] это в достаточной мере отличается от понимания данной категории российскими учеными.

Экономическая безопасность является сложным явлением, которое проявляется во многих аспектах:

- ее можно рассматривать с точки зрения факторов, влияющих на устойчивость национальной экономики и политической независимости страны;
- можно анализировать различные уровни экономической безопасности – уровень государства, уровень регионов, уровень предприятий;
- предметом исследования могут быть отраслевые аспекты экономической безопасности (продовольственная безопасность, экологическая безопасность и т.д.);
- отдельным аспектом анализа экономической безопасности может быть институционально-правовой аспект;
- можно выделить отдельные направления или целевые механизмы предотвращения определенных проявлений угрозы экономической безопасности.

Это дает возможность заключить, что экономическая безопасность подвержена рискам воздействия угроз. Угрозы экономической безопасности государства можно разделить (по источнику их возникновения) на внутренние и внешние [3, с. 191].

В целом, экономическая безопасность – это важнейший элемент национальной безопасности, который обеспечивает суверенность экономической системы страны. Суверенная экономическая система государства характеризуется следующими признаками:

- высокая степень защиты экономической системы от внешних и внутренних угроз. Даже при неблагоприятных условиях страна может благополучно развиваться в экономическом секторе;
- осуществление национальных приоритетов страны. Государство должно контролировать национальные ресурсы, а также быть важным субъектом на мировом рынке;
- высокий уровень жизни граждан, развитая социальная сфера, благоприятные условия для инвестиций;
- развитая экономика страны.

На сегодняшний день возникла острая необходимость в обеспечении экономической безопасности, вызванная такими явлениями, как глобализация и усовершенствование методов конкурентной борьбы между странами.

Бородиным М.С. под глобализацией понимается процесс, при котором происходит соединение сфер государств, таких как: социальные, экономические и политические, в одну систему [1, с. 54]. При этом экономическая глобализация играет более значимую роль для обеспечения экономической безопасности. Экономическая глобализация – это процесс экономического объединения между государствами, что приводит к слиянию национальных рынков стран в единую мировую систему. Она предполагает, что за каждой территорией должна быть закреплена роль в создании определенного продукта. Это явление ведет к серьезной утрате экономического суверенитета, так как в процессе разделения отраслей производства между государствами теряется экономическая независимость от иностранных государств [6].

Однако процесс глобализации может негативным образом сказываться на экономической безопасности стран, поскольку усиливается их взаимовлияние друг на друга, как внешнее, так и внутреннее, помимо этого происходит ужесточение конкурентной борьбы за влияние на рынках, в том числе и за счет интеграционных процессов. Усиление взаимозависимости экономик и их взаимообусловленности [10] в рамках процесса глобализации под воздействием внешних факторов, как внешнеполитических (санкции), внешнеэкономических (торговых войн, кризисных явлений в странах), так и внешних биологических факторов (пандемия, обусловленная коронавирусной инфекцией), могут привести к кризисным процессам во многих странах, привести к краху экономик, к их неконкурентоспособности.

В данном контексте также можно отметить и изменения в методах конкурентной борьбы между государствами, которые являются прямой угрозой экономической безопасности для страны, против которой применяются данные методы. В прежнее время это были войны, которые выражались в открытой физической агрессии. Современный этап и процесс глобализации внесли свои коррективы в используемых методах, в данной ситуации можно отметить широкое использование внешнеполитического давления посредством санкций.

Таким образом, рассматривая вопрос экономической безопасности необходимо отметить, что на современном этапе прослеживается влияние на экономические отношения – политических факторов, можно отметить усиление данной тенденции, как минимум за последние шесть-семь лет. В основном именно в сфере внешней политики присутствует одна из основных угроз экономической безопасности для многих стран. Также необходимо отметить влияние внешнеэкономических факторов, поскольку возникающие кризисы в разных странах, в условиях процесса глобализации представляют угрозу экономикам взаимозависимых

стран. Чем глубже процесс глобализации, тем больше стран подвержены воздействию данных угроз.

Влияние внешних биологических факторов (пандемия). Именно они вносят дисбаланс в развитие экономик стран, создавая тем самым условия нестабильности, что с учетом процесса глобализации отражается на экономиках взаимозависимых государств. И опять же чем глубже процесс глобализации, тем больше вовлеченных стран.

Однако воздействие вышеназванных факторов, более существенно дестабилизирует экономическую безопасность при наличии внутренних угроз, выраженных внутренними факторами развития экономики страны.

В данном контексте достаточно интересным будет исследование состояния мировой экономики – уровень развития разных стран в условиях глобальной нестабильности, а также как развивается российская экономика на этом фоне.

Основным методом исследования при анализе экономической безопасности является метод исследования статистических данных или статистический анализ.

В данном контексте можно использовать систему показателей, которая, в свою очередь отражает экономическое развитие страны. К таким показателям можно отнести: ВВП (валовой внутренний продукт), уровень инфляции, уровень безработицы, уровень реальных доходов населения, уровень показателей внешней торговли (экспорт и импорт). Можно отразить темпы прироста данных показателей. Выявленные изменения при помощи предлагаемых показателей, помогут выявить благоприятные или неблагоприятные тенденции относительно экономической безопасности страны. Временной интервал исследования составил 10 лет.

Рассмотрим текущее состояние экономики России в сравнении с показателями некоторых стран (Европейскому союзу, США, Китаю).

На рисунке 1 представлена динамика темпов прироста ВВП.

Данный временной период захватывает кризис 2014-2015 гг. (падение цен на нефть), помимо этого введение санкций и в тоже время период пандемии (2019-2020 год). Также в данной ситуации важно отметить противостояние Китая и США, ввиду таких отношений Китай налаживает более тесный контакт с Россией. Россия в свою очередь также вынуждена склоняться к более тесному экономическому сотрудничеству с Китаем ввиду санкций со стороны США и Евросоюза. Можно отметить тот факт, что в условиях существующей глобальной нестабильности экономическая безопасность России находится под угрозой. Динамика такого показателя как ВВП говорит о высоком влиянии внешних факторов на экономическое

развитие страны. Однако более значительной угрозой для всего мирового экономического сообщества выступила угроза пандемии (вызванная COVID-19). Чтобы сдержать экспоненциальное распространение вируса, страны мира приняли различные меры, начиная от полной изоляции, закрытия границ, введения карантина, ограничения поездок и полного закрытия предприятий [4, с. 947]. Это привело к сокращению предложения товаров, усугубленному паническим накоплением запасов и обвалом спроса из-за самоизоляции

ции [5, с. 2132]. Данная ситуация с высокой скоростью отразилась на взаимозависимых экономиках стран. Замедление китайской экономики как основного поставщика потребительских и производственных товаров привело к нарушению равновесия на мировых товарных рынках из-за нарушения цепочки поставок. Достаточно значительное колебание данного показателя происходит в 2020 году, когда период пандемии обострил без того нарастающий экономический кризис, связанный со снижением мировых цен на нефть.

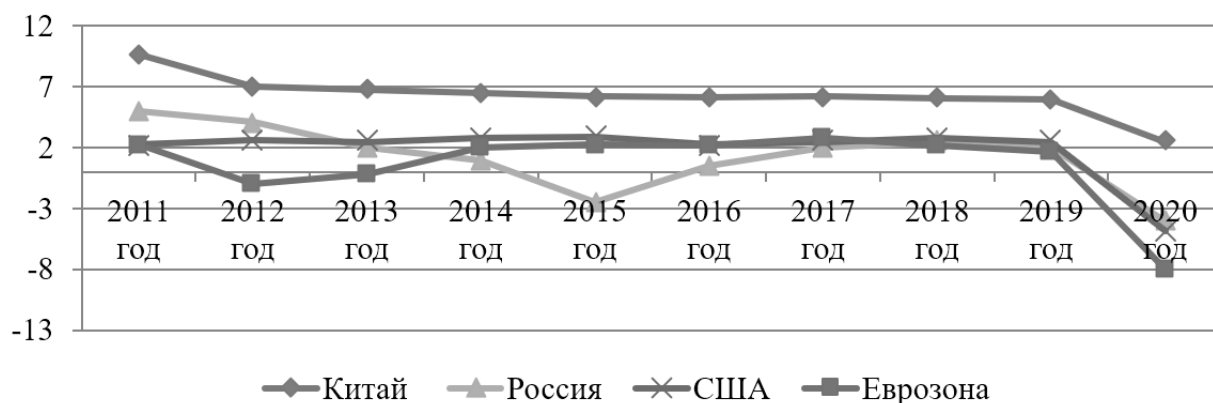

Рис. 1. Динамика темпов прироста ВВП по странам, %

Источник: составлено автором по данным Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Информационно-аналитическое издание Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas/Российская-Федерация/Темп-прироста-ВВП-в-постоянных-ценах>; Ускова Т.В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 7–16.

На рисунке 2 представим динамику уровня инфляции в сравнении со странами, как одного из показателей, характеризующих экономическую безопасность.

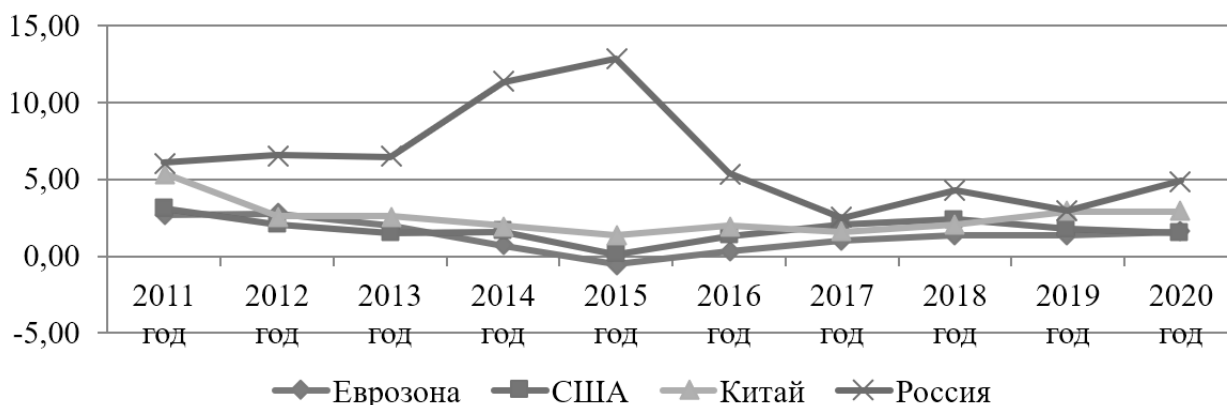

Рис. 2. Динамика уровня инфляции по странам, %

Источник: составлено автором по данным Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Информационно-аналитическое издание Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas/Российская-Федерация/Темп-прироста-ВВП-в-постоянных-ценах>; Годовая статистика международной торговли товарами // Информационно-аналитический интернет портал. 2020. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/China/TOTAL>.

В данной ситуации достаточно ровной является динамика показателей по странам, в тоже время можно отметить подверженность экономики России влиянию внешних факторов. Помимо этого, к 2020 году

колебания показателя не столь значительны как в 2009 году и в 2015 году, соответственно регулирование со стороны государства становится более грамотным, что говорит о работе в направлении обеспечения эко-

номической безопасности страны относительно условий нестабильности.

Можно рассмотреть динамику показателя безработицы (см. рис. 3).

В 2020 году данный показатель увеличился и больше всего это связано с происходящими процессами в период пандемии (остановка производств, массовое закрытие предприятий малого и среднего предпринимательства).

На рисунке 4 представлена динамика показателя внешнеторгового баланса по странам.

Если рассматривать внешнюю торговлю, то можно отметить, положительную динамику внешнеторгового баланса Китая, несмотря на торговую войну с США и другие факторы, такие как пандемия. Китай достаточно быстро оправился от потрясений, чего нельзя сказать о взаимозависимых странах.

На рисунке 5 представлена динамика темпов прироста экспорта и импорта России.

В России происходит спад экспорта, что обусловлено снижением экспорта нефти. Основными факторами стало снижение стоимости нефти в 2019 году в результате ценовой войны между Саудовской Аравией и Россией (образовался избыток), а также в 2020 году вследствие пандемии резко сократился спрос и произошло закрытие китайской экономики. На долю Китая приходится около 14% мирового спроса на нефть и более 75% роста спроса на нефть [19; 20]. Сокращение импорта обусловлено введенными санкциями и закрытием границ стран. Очевидно, что ужесточение ограничительных мер, вводимых правительствами в отношении деловой активности, перемещений, закрытие границ и закрытие предприятий наносят большой экономический ущерб разным странам [15; 17].

В то же время необходимо отметить, что еще в 2014-2015 гг. Россия была подвержена в значительной степени угрозам, как извне, так и внутри страны. Что находило свое отражение в дестабилизации ее экономической безопасности. И это можно отследить по основным показателям экономического развития. Рассматривая период 2020 года, при осуществлении воздействия нескольких факторов – угроз экономической безопасности стране, такие как: падение стоимости нефти, введенные санкции и пандемия, можно отметить, исходя из тенденций показателей, что Россия несет меньшие потери. В данной ситуации можно отметить основные шаги, которые были предприняты для минимизации возникших угроз: уровень внешнего государственного и частного долга низкий, накопленные финансовые ресурсы Фонда национального благосостояния позволяют существенно сгладить негативное влияние текущей глобальной экономической ситуации, в том числе в части сохранения достаточного уровня устойчивости национальной валюты. При этом оперативно заключенное в рамках ОПЕК+ согла-

шение о сокращении добычи нефти оказало позитивное влияние на котировки мировых цен на нефть. Уже сейчас нефтяные цены приближаются к уровню, обеспечивающему бездефицитное исполнение запланированного бюджета страны.

Однако неустойчивость и неопределенность перспектив развития глобальной экономики, которая наблюдалась в последние годы, значительно усиливается (угрозы экономической безопасности, связанные с продолжением глобального экономического кризиса в условиях продолжающегося санкционного давления США и их союзников в отношении России).

Одной из главных проблем остается, то, что Россия является зависимым государством от сырьевого рынка, экономика страны зависима от экспорта углеводородов, который составляет более 60% экспорта. Российская экономика однобоко встроена в глобальное производство: экспорт больше связан с традиционными сырьевыми секторами, а импорт в недостаточной степени становится фактором расширения экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью и сложных услуг [8].

В то же время, одной из проблем является то, что действующая модель государственного управления наукой – технологиями – инновациями не дает принципиальных подвижек в реализации задач «прорывной модернизации». Угрозы закрепления отставания в области научного, научно-технического и технологического развития сохраняются.

Помимо этого, необходимо отметить, что сегодня Россия по сравнению с США, ЕС, новыми индустриальными странами, странами БРИКС является аутсайдером в области инвестиций в интеллектуальный капитал, затрат на науку и НИОКР, образование.

В данной ситуации существует необходимость структурной трансформации для укрепления экономической безопасности, как на уровне традиционных секторов повышения их технологического уровня, так и на уровне расширения секторов экономики, прежде всего высокопроизводительных и наукоемких. В данной ситуации достаточно важным является: поддержка проектов «легкого» импортозамещения (модернизация и поддержка трудоемких отраслей, развитие которых будет способствовать расширению внутреннего спроса при небольших капиталовложениях); повышение восприимчивости российских компаний к новым знаниям и технологиям, развитие системы взаимодействия бизнеса с отечественными организациями сектора исследований и разработок, предлагающими конкурентоспособные технологии и решения; обеспечение поддержки и стимулирования конкуренции на внутренних и глобальных рынках; дотраивание национальных элементов глобальных цепочек добавленной стоимости; стимулирование массового роста производительности на основе современных технологических

решений за счет формирования пакета типовых мало-бюджетных инноваций (коробочных продуктов), в том числе цифровых и организационных решений, обеспе-

чивающих рост производительности труда и эффективности производства в отраслях с относительно низким общим технологическим уровнем.

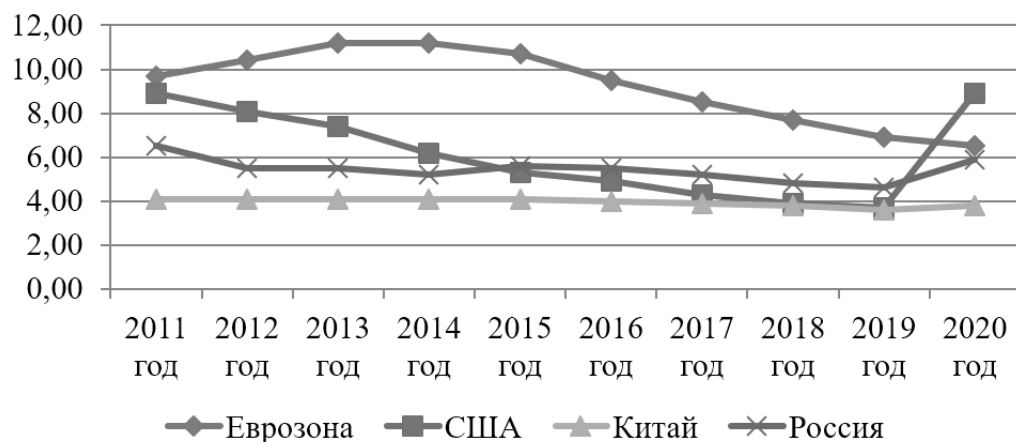

Рис. 3. Динамика уровня безработицы по странам, %

Источник: составлено автором по данным Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Информационно-аналитическое издание Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas/Российская-Федерация/Темп-прироста-ВВП-в-постоянных-ценах>; Годовая статистика международной торговли товарами // Информационно-аналитический интернет портал. 2020. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/China/TOTAL>.

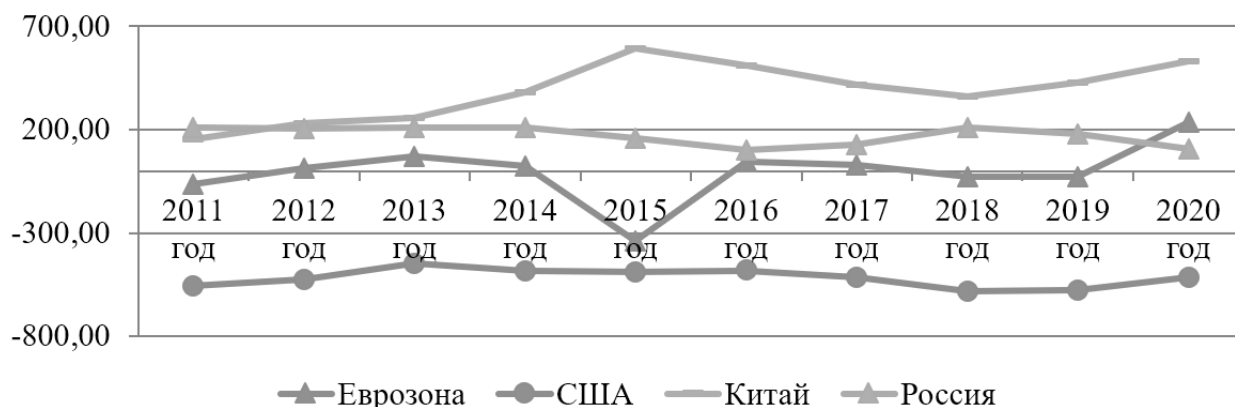

Рис. 4. Динамика внешнеторгового баланса по странам, млрд.долл.

Источник: составлено автором по данным Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Информационно-аналитическое издание Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas/Российская-Федерация/Темп-прироста-ВВП-в-постоянных-ценах>; Торговая экономика // Информационно-аналитический интернет портал. 2020. URL: <https://tradingeconomics.com/about-te.aspx/>

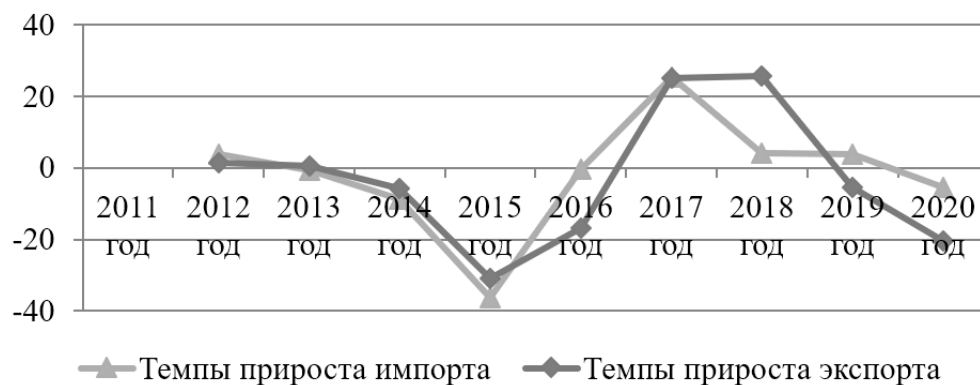

Рис. 5. Динамика темпов прироста экспорта и импорта России, млрд.долл.

Источник: составлено автором по данным Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Информационно-аналитическое издание Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas/Российская-Федерация/Темп-прироста-ВВП-в-постоянных-ценах>; Федеральная служба государственной статистики // Официальный сайт URL: <https://www.gks.ru>.

Кроме того, приоритетными направлениями действий в сфере науки и инноваций являются: стимулирование спроса на инновации, поддержка кооперации науки и бизнеса; создание эффективной институциональной среды для инновационной деятельности; стимулирование массового спроса бизнеса на цифровые технологии и внебюджетных инвестиций в цифровизацию отраслей.

Литература

1. Бородин М.С. Экономическая безопасность и устойчивое развитие // Индустриальная экономика. 2020. № 3. С. 53-57.
2. Годовая статистика международной торговли товарами // Информационно-аналитический интернет портал. 2020. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/China/TOTAL>.
3. Дербенева Е.С., Бессерт О.Б. Экономическая безопасность страны // Вопросы студенческой науки. 2019. № 1(29). С. 189-192.
4. Дробот Е.В. Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // Экономические отношения. 2020. Том 10. № 4. С. 937-960.
5. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Назаренко В.С., Манасян С.М. Влияние пандемии COVID-19 на реальный сектор экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 10. № 8. С. 2135-2150.
6. Мильгуй Т.П., Морозова Н.А. Влияние глобализации на обеспечение экономической безопасности страны // Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова. Экономические науки. 2018. №90-1 // URL: <https://novainfo.ru/article/15709>.
7. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Информационно-аналитическое издание Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas/Российская-Федерация/Темп-прироста-ВВП-в-постоянных-ценах>.
8. Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития: эксперт. докл. / Я.И. Кузьминов (рук. авт. кол.); П.В. Орехин, П.Н. Нетреба (отв. ред.); Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 112 с.
9. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608>.
10. Теория и практика экономической безопасности внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие / А.С. Молчан, К.О. Тернавченко, Е.В.

Лехман. Краснодар: Изд. ФГБОУ ВО «КубГУ», 2018.

11. Торговая экономика // Информационно-аналитический интернет портал. 2020. URL: <https://tradingeconomics.com/about-te.aspx>.
12. Ускова Т.В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 7-16.
13. Федеральная служба государственной статистики // Официальный сайт URL: <https://www.gks.ru>.
14. Экономическая безопасность России: учебное пособие: в 3 ч. / под общ. ред. Т.А. Бондарской. Тамбов: ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2018. 269 с.
15. Baker S.R., et al. (2020). The unprecedented stock market reaction to COVID-19 // The Review of Asset Pricing Studies, raaa008. <https://doi.org/10.1093/rapstu/raaa008>.
16. Cable, V. What is International Economic Security? // International Affairs. 1995. Vol. 71, No. 2. P. 312-317.
17. Cochrane J.H. (2020). Flatten the Coronavirus Curve at a Lower Costs // Wall Street Journal, March 25.
18. Kirshner, J. Political Economy in Security Studies after the Cold War. // Review of International Political Economy. 1988. Vol. 5, No 1. P. 64-91.
19. McKibbin W., Fernando R. (2020). The economic impact of COVID-19. Economics in the Time of COVID-19. R. Baldwin and B. Weder di Mauro (eds). London, CEPR Press.
20. McKibbin W.J., Fernando R. (2020). The global macroeconomic impacts of COVID-19: Seven scenarios // CAMA working paper. No. 19/2020.
21. Yong J. Economic Security: Redressing Imbalance // China Sacurity. 2008. Vol. 3, No 2. P. 66-85.

References

1. Borodin M.S. Ekonomicheskaya bezopasnost' i ustoychivoe razvitie [Economic security and sustainable development]. 2020. No. 3. pp. 53-57.
2. Annual statistics of international trade in goods // Information and analytical Internet portal. 2020. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/China/TOTAL>.
3. Derbeneva E.S., Bessert O.B. Ekonomicheskaya bezopasnosti strany [Economic security of the country]. 2019. No. 1 (29). pp. 189-192.
4. Drobot E.V. The world economy in the context of the COVID-19 pandemic: results of 2020 and prospects for recovery // Economic relations. 2020. Volume 10. No. 4. pp. 937-960.
5. Drobot E.V., Makarov I.N., Nazarenko V.S., Manasyan S.M. The impact of the COVID-19 pandemic on the real sector of the economy //

- Economics, Entrepreneurship and Law. 2020. Vol. 10. No. 8. pp. 2135-2150.
6. Milguy T.P., Morozova N.A. The influence of globalization on ensuring the economic security of the country // Altai State Technical University named after I.I. Polzunov. Economic sciences. 2018. № 90-1 // URL: <https://novainfo.ru/article/15709>.
 7. World and regional statistics, national data, maps and ratings / Information and analytical publication Knoema. URL: <https://knoema.ru/atlas/Russian-Federation/GDP-growth-rate-at-constant-prices>.
 8. Russia in the New Era: Choosing priorities and goals for national development: expert. dokl. / Ya.I. Kuzminov (ruk. avt. kol.); P.V. Orekhin, P.N. Natreba (ed.); Nats. research. Higher School of Economics, Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020, 112 p.
 9. Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030: approved. Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608>.
 10. Theory and practice of economic security of foreign economic activity: textbook. manual / A.S. Molchan, K.O. Ternavshchenko, E.V. Lekhman. Krasnodar: Izd. FGBOU VO "KubSTU", 2018.
 11. Torgovaya ekonomika // Information and analytical Internet portal. 2020. URL: <https://tradingeconomics.com/about-te.aspx>.
 12. Uskova T. V. Key threats to Russia's economic security // Problems of territorial development. 2019. No. 1 (99). pp. 7-16.
 13. Federal State Statistics Service // Official Website URL: <https://www.gks.ru>.
 14. Economic security of Russia: textbook: in 3 hours / under the general editorship of T.A. Bondarskaya. Tambov: FGBOU VO "TSTU", 2018. 269 p.
 15. Baker S.R., et al. (2020). The unprecedented stock market reaction to COVID-19 // The Review of Asset Pricing Studies, raaa008. <https://doi.org/10.1093/rapstu/raaa008>.
 16. Cable, V. What is International Economic Security? // International Affairs. 1995. Vol. 71, No. 2. P. 312-317.
 17. Cochrane J.H. (2020). Flatten the Coronavirus Curve at a Lower Costs // Wall Street Journal, March 25.
 18. Kirshner, J. Political Economy in Security Studies after the Cold War. // Review of International Political Economy. 1988. Vol. 5, No 1. P. 64–91.
 19. McKibbin W., Fernando R. (2020). The economic impact of COVID-19. Economics in the Time of COVID-19. R. Baldwin and B. Weder di Mauro (eds). London, CEPR Press.
 20. McKibbin W.J., Fernando R. (2020). The global macroeconomic impacts of COVID-19: Seven scenarios // CAMA working paper. No. 19/2020.
 21. Yong J. Economic Security: Redressing Imbalance // China Sacurity. 2008. Vol. 3, No 2. P. 66–85.

Экономическая безопасность. Учебник. Под ред. С.С. Маиляна, Н.Д. Эриашвили. 3-е изд., перераб. и доп. 503 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник дает комплексное представление о сущности экономической безопасности современного государства, в том числе о ее основных показателях, критериях и пороговых значениях, разработанных ведущими экономистами.

Особое внимание уделяется теоретическим и методологическим основам экономической безопасности Российской Федерации по таким основным разделам, как государственное регулирование экономики, состояние дел в реальном секторе экономики, инвестиции и инновации, социальная политика и уровень жизни, финансы и государственный долг, внешняя экономика, экономическое регулирование в области экологической безопасности и др.

Для студентов, обучающихся по специальностям экономики и управления, преподавателей экономических вузов, а также работников органов государственного и муниципального управления.

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Лада Ярославовна Смирнова, заместитель начальника кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат экономических наук
Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(143520, Московская область, городской округ Истра, п. Пионерский)
E-mail: smirnov_0303@mail.ru

Аннотация. Описываются актуальные проблемы, влияющие на экономику страны; значение органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности и всевозможные подходы к решению проблем, которые сейчас существуют.

Ключевые слова: экономическая безопасность, органы внутренних дел, криминализация, финансовое развитие, нормативная база, правоохранительные органы, государство, экономическое преступление, административное правонарушение, уголовное преступление, органы государственной власти, правоохранительная система, экономическая угроза, национальная безопасность.

INTERNAL AFFAIRS BODIES IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Lada Ya. Smirnova, Deputy Head of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Candidate of Economic Sciences
Moscow regional branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'
(143520, Moscow region, C.R. Istra, Pionerskiy)
E-mail: smirnov_0303@mail.ru

Abstract. This article describes current problems that affect the economy in the country, the importance of internal affairs bodies in ensuring economic security, and various approaches to solving problems that currently exist.

Keywords: economic security, internal affairs agencies, criminalization, financial development, regulatory framework, law enforcement agencies, state, economic crime, administrative offense, criminal offense, public authorities, law enforcement system, economic threat, national security.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Смирнова Л.Я. Органы внутренних дел в обеспечении экономической безопасности государства. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):268-70.

Данная тема актуальна в наше время, поскольку количество совершаемых преступлений в сфере экономики повышается с каждым днем, в соответствии с данным обстоятельством возникает необходимость разрабатывать новые стратегии по противодействию преступлениям в экономической сфере.

Экономическая безопасность – это охрана экономики страны, как от внутренних, так и внешних неблагоприятных факторов, которые могут создать угрозу для нормального функционирования экономики в целом, а также понизить уровень жизни населения страны.

Для Российской Федерации характерно создание правовых институтов, обладающих государственными

полномочиями, действия которых совершаются в экономической области, и направлены на обеспечение экономической безопасности и предупреждение экономической преступности в целом. На особом месте среди них стоят правоохранительные органы, в том числе органы внутренних дел.

Органы внутренних дел играют значительную роль в противодействии экономическим угрозам, поскольку основной перечень задач по сохранению экономической стабильности решается ими.

На этой основе необходимо изучать методологическую базу работы правоохранительных органов по обеспечению безопасности в сфере экономики. Также стоит обратить внимание на то, что правоохранитель-

ные органы обеспечивают безопасность данной отрасли, являясь одним из основных субъектов экономики в государстве.

Основная направленность деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в области обеспечения экономической безопасности является борьба с экономической преступностью и профилактика коррупции, а также противодействие таким явлениям, как терроризм и экстремизм. В России 84,6% от всех преступлений составляют именно преступления экономической направленности. Только за 2019 год в России было выявлено около 104 тысяч экономических преступлений, ущерб от которых составил 447,2 млрд. руб., общий ущерб составил 627,7 млрд. руб.

На основе вышесказанного, можно определить, что органы внутренних дел играют важную роль в борьбе с экономическими преступлениями. Это связано с тем, что правоохранительные органы осуществляют контроль по обеспечению национальной и экономической безопасности, а именно: осуществляют оперативно-розыскную деятельность, правоохранительную деятельность, деятельность органов следствия и дознания, профилактика и разрешение уголовных дел, связанных с экономикой, борьба с административными правонарушениями в экономической сфере.

Главной задачей правоохранительных органов, которая стоит в сфере обеспечения экономической безопасности – это выполнение функций по выявлению и пресечению угроз экономики государства. Для решения этой задачи необходимо следующее:

- обеспечивать правоохранительные органы профессиональным набором кадрового состава;
- предоставлять современные технические средства для выявления и устранения различных угроз;
- создавать крепкую нормативную базу, которая будет регулировать данный вопрос;
- создать совершенную систему взаимодействия с другими органами государственной власти;
- обеспечить прямой контакт с правоохранительными органами иностранных стран и объединить их полномочия;
- улучшить взаимосвязь с общественностью и средствами массовой информации;
- разрабатывать продуктивные методы прогнозирования для осуществления деятельности, направленной на борьбу с экономической преступностью.

Данный перечень функций определяется нормативными актами, которые определяют порядок действий по определению и устранению угроз экономической безопасности. Это является признаком отнесения этих органов к правоохранительным органам, обеспечивающим экономическую безопасность.

Также в их задачи входит прогнозирование угроз

экономики, которые выявляют иногда другие органы государственной власти, бывает и население, а они принимаются за профилактику и устранение угроз, которые проявляются в административных правонарушениях, уголовных преступлениях и т. д.

Если говорить о том, какое место органы внутренних дел занимают в системе обеспечения экономической безопасности, то можно сказать, что это органы которые в существенной мере пользуются особыми методами, направленными на противодействие криминализации социально-экономической сферы общества, то есть устанавливают уголовную ответственность за преступное деяние и являются обязательными в поддержании порядка в экономической сфере. В целом, влияние органов внутренних дел положительно сказывается на функционировании экономической безопасности, поскольку результаты их деятельности отражаются на всех сферах влияния.

Важную роль в обеспечении экономической безопасности в области противодействия криминализации играют инструменты МВД России. Можно привести мнение известного ученого Кардашовой И. Б. – на экономическую безопасность влияют многие факторы [7, с. 211]:

- многообразие функций и задач органов внутренних дел;
- наличие определенных структур в системе государственных органов, направленных на обеспечение экономической безопасности;
- расширенный объем полномочий правоохранительных органов, в структуру которых входят меры принуждения, предупреждения;
- особый порядок прохождения службы, акцент которой направление на предупреждение и устранение угроз экономики страны;
- существенное количество необходимых средств, влияющих на работу органов в целом.

Кроме того, влияние МВД на обеспечение экономической безопасности положительно, потому что оценено объективно и обусловлено рядом факторов:

- все нарушения происходят во внутренней экономике государства;
- многие преступления связаны между собой последовательностью;
- существует большое количество подразделений, которые специализируются на решении конкретных задач.

Также, в своей деятельности структурные подразделения органов внутренних дел должны обращать внимание на специфические особенности каждого отдельного региона, влияющие на его финансовое развитие. Подобная организация работы позволит своевременно устанавливать возможные проявления угроз и разрабатывать механизмы реагирования и противодействия.

Вместе с тем, понимание серьезности проблемы обеспечения экономической безопасности требует создания той установки, которая будет способствовать противодействию угрозам, подрывающим экономико-социальные условия развития России и, представляющим опасность для государства в целом.

На основании вышеизложенного материала, можно сделать вывод, что обеспечение экономической безопасности не возможно без профессионального функционирования органов внутренних дел.

В заключении хотелось бы отметить, что вся важность выполнения и конечный успех поставленных задач зависит не только от уровня организованности подразделений ОВД, но и от степени согласованности нормативно правовых актов, закрепляющих положения о полномочиях сотрудников органов внутренних дел. Также можно добавить, что развитие правоохранительных органов имеет свое ключевое значение, так как современные проблемы требуют современных решений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 31.12.1993 г.
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ.
3. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
4. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности».
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
6. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4-13.

7. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов / И.Б. Кардашова. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 303 с.
8. Экономическая безопасность Российской Федерации: учебник для вузов. Ч.1. // под общей редакцией С.В. Степанишина. М.; СПб, 2001 г.
9. Официальный интернет-сайт МВД России. Режим доступа URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.11.2020).

References

1. The Constitution of the Russian Federation of 31.12.1993.
2. Federal Law "On Combating Corruption" of 25.12.2008 N 273-FZ.
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030".
4. Federal Law No. 390-FZ of 28.12.2010 "On Security".
5. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of 30.12.2001.
6. Abalkin L.I. Economic security of Russia: threats and their reflection // Voprosy ekonomiki. 1994. No. 12. pp. 4-13.
7. Fundamentals of the theory of national security: a textbook for universities / I.B. Kardashova. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 303 p.
8. Economic security of the Russian Federation: textbook for universities. Part 1 // under the general editorship of S.V. Stepanishin. M.; St. Petersburg, 2001.
9. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL access mode: <https://мвд.рф/> (accessed: 01.11.2020).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Нелли Викторовна Цхададзе, доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Москва, Ленинградский проспект, д. 49)
E-mail: nelly-vic@mail.ru

Аннотация. Повышение эффективности рыночной экономики требует мультипликативного эффекта от оцифровки всех ее сфер. В связи с этим особенно важно активно развивать и постоянно совершенствовать рынок цифровых технологий. Так, наряду с традиционными рынками ресурсов – землей, рынком труда и капиталом, рынок цифровых технологий начинает занимать приоритетное место в деятельности современного бизнеса, особенно в связи с производством и использованием искусственного интеллекта. Общество вступает в эру интеллектуального мира, где все взаимосвязано. Цифровой бизнес представляет собой сочетание физических и цифровых бизнес-ресурсов, стирающих границы между людьми и процессами для достижения бизнес-целей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономическая эффективность, цифровые технологии, цифровая экономика, цифровой бизнес, цифровая инфраструктура.

ECONOMIC EFFICIENCY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Nelli V. Tskhadadze, Doctor of Economic Sciences, Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation (125993, Moscow, Leningradskiy prospect, 49)
E-mail: nelly-vic@mail.ru

Abstract. Improving the efficiency of a market economy requires a multiplier effect from the digitization of all its areas. In this regard, it is especially important to actively develop and constantly improve the digital technology market. So, along with the traditional resource markets – land, labor market and capital, the digital technology market is beginning to occupy a priority place in the activities of modern business, especially in connection with the production and use of artificial intelligence. Society is entering an era of an intellectual world where everything is interconnected. Digital business is a combination of physical and digital business assets that blur the boundaries between people and processes to achieve business goals.

Keywords: artificial intelligence, economic efficiency, digital technologies, digital economy, digital business, digital infrastructure.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Цхададзе Н.В. Экономическая эффективность технологий искусственного интеллекта. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):271-4.

В XXI веке цифровые технологии, которые включают в себя большие объемы данных, искусственный интеллект, сенсорные технологии, беспроводные технологии и т. д., становятся важнейшим фактором роста конкурентоспособности экономики в целом. Использование цифровых технологий приводит к цифровизации бизнеса, в результате чего производство становится более гибким и автоматизированным с доступом к робототехнике, а также конкурентоспособным. Общество вступает в эру интеллектуального мира, где все взаимосвязано. Ценность сетей сегодня высока, поэтому можно наблюдать бум в цифровой экономике.

В настоящее время повышение эффективности рыночной экономики требует мультипликативного

эффекта от оцифровки всех ее сфер. В связи с этим особенно важно активно развивать и постоянно совершенствовать рынок цифровых технологий. Так, наряду с традиционными рынками ресурсов – землей, рынком труда и капиталом, рынок цифровых технологий начинает занимать приоритетное место в деятельности современного бизнеса, особенно в связи с производством и использованием искусственного интеллекта [1].

В целом это способствует формированию качественно новой экономики – цифровой экономики. Цифровая экономика – это экономическая деятельность, где ключевым фактором производства являются цифровые данные, и она способствует формированию ин-

формационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественной и достоверной информации, развития цифровых технологий.

Существует множество интерпретаций цифровой экономики и ее роли в развитии цифрового бизнеса. Цифровой бизнес – это общий термин, используемый для обозначения производства товаров и услуг на основе цифровых технологий для автоматизации бизнес-процессов. Среди основополагающих свойств цифрового бизнеса, прежде всего, стоит отметить возможность копирования и распространения информации без потери ее точности (от бита к биту), а вместе с этим – возможность создавать множество современных технологий, называемых «цифровыми технологиями».

Цифровой бизнес представляет собой сочетание физических и цифровых бизнес-ресурсов, стирающих границы между людьми и процессами для достижения бизнес-целей.

Основные цели цифрового бизнеса – продвижение бренда и увеличение продаж с помощью различных технологий. Цифровой бизнес включает в себя большой выбор маркетинговых тактик для продвижения товаров, услуг и брендов. Цифровые ресурсы помогают предприятиям увеличить прибыль, привлечь новых клиентов и повысить лояльность клиентов к компании.

Бизнес больше не может игнорировать цифровые технологии и не использовать их, потому что уже есть достаточно инструментов, чтобы иметь возможность взаимодействовать с потребителями с помощью новых технологий, особенно для бизнеса, который взаимодействует с конечным потребителем. Сейчас, как никогда, наука выходит на первый план в развитии цифровой экономики. Более того, формируется новая наука – цифровая. В частности, сегодня быстро развиваются технологии искусственного интеллекта. Они оказывают значительное влияние не только на бизнес, повышая его прибыльность, но и на другие технологические сферы такие, как здравоохранение, транспорт, развлечения, сельское хозяйство.

В последнее время искусственный интеллект стал одним из главных технологических трендов мира. Причиной тому является стремительное развитие технологий, глобализация и ускорение научно-технического прогресса. Новые (инновационные) цифровые технологии буквально взрывают традиционные подходы к автоматизации производства и бизнеса. Это приводит к тому, что именно искусственный интеллект становится весомым вкладом в экономический рост любой страны.

Большинство экспертов в этой сфере сходятся на том, что существует три категории (или типы) искусственного интеллекта [6]:

- Искусственный интеллект узкого спектра, или ANI (Artificial Narrow Intelligence) – первый уровень искусственного сознания, который специализируется на принятии решений толь-

ко в одной сфере: например, может обыграть мирового чемпиона по шахматам, но может сделать только это и ничего больше.

- Общий искусственный интеллект, или AGI (Artificial General Intelligence) – искусственный интеллект второго уровня, достигает и превосходит уровень обычного человеческого сознания: может решать математические и логические задачи, абстрактно мыслить, сравнивать и усваивать сложные идеи, быстро учиться, в т. ч. из собственного опыта.
- Искусственный суперинтеллект, или ASI (Artificial Super Intelligence) – третий уровень развития технологий искусственного интеллекта. Он умнее, чем все человечество вместе взятое, сначала незначительного, а потом, как результат самообучения – в триллионы раз.

Аналитики международного консалтингового агентства PwC считают, что в ближайшее десятилетие искусственный интеллект станет главной рыночной тенденцией и лучшим бизнес-инструментом. Так, согласно последнему отчету, вклад интеллектуальных технологий в глобальный мировой ВВП оценивается в 15,7 трлн. долл. США [8]. По прогнозам экспертов, именно благодаря искусственному интеллекту до 2030 года этот показатель вырастет еще на 14%. При этом, на увеличение производительности придется 7 трлн. долл., а на рост потребления – более 9 трлн. дол.

Если анализировать, в чем заключается экономический эффект технологий искусственного интеллекта, то, в первую очередь, отметим, что на рост прибыли от внедрения и потребления инноваций повлияют такие ключевые процессы:

- увеличение производительности за счет повсеместной автоматизации базовых бизнес-процессов (включая использование роботов и автономных транспортных систем);
- усиление уже существующих на рынке рабочих ресурсов с помощью искусственного интеллекта (так называемый «универсальный искусственный интеллект», направленный на помощь и расширения возможностей человека);
- увеличение спроса на ряд товаров и услуг за счет их персонализации и индивидуального подхода к каждому клиенту с помощью использования искусственного интеллекта – ассистентов и аналитических программ.

По мнению PwC, в ближайшие 5-10 лет лидером по успешной эксплуатации и адаптации технологий искусственного интеллекта будет являться Китай. Предполагается, что к 2030 году его ВВП может оказаться еще на 26% выше среднего мирового показателя. Существенным потенциалом обладает и Северная Америка, которая, скорее всего, покажет около 14% дополнительно к ВВП. Западная Европа пока отстает. Но рост интереса к инновационным разработкам европейцев со стороны мировых инвесторов в последние годы дает перспективу на разрастание тенденции

массового применения искусственного интеллекта в базовых отраслях.

Вместе с тем, несмотря на многие существующие и проверенные на практике разработки в сфере искусственного интеллекта в мире, эксперты называют уровень его развития «в состоянии зародыша». Это стимул для развитых стран и перспектива для развивающихся стран, и экономически отсталых государств: они могут осуществить рывок и догнать более успешных конкурентов. При этом, наибольшую пользу от технологий искусственного интеллекта получают сферы финансовых услуг, розничной торговли и медицины. Здесь ожидают наиболее ощутимый рост инновационного воздействия, повышения эффективности и производительности, а также заметное улучшение качества услуг и целевого потребления.

За последнее время резко увеличилось количество изобретений на основе искусственного интеллекта. Лидерами по количеству таких изобретений являются американские компании IBM и Microsoft. Этот рост объясняется тем, что за последние годы искусственный интеллект превратился из теоретической концепции в реальный продукт, который завоевывает мировой рынок.

Стоит сказать, что с момента появления искусственного интеллекта в 50-х годах XX века изобретатели и исследователи подали заявки почти на 340 тыс. изобретений на основе искусственного интеллекта и опубликовали более 1,6 млн. научных статей. Темпы патентования изобретений на основе искусственного интеллекта стремительно растут: более половины выявленных в процессе исследования изобретений были опубликованы после 2013 года, 26 из 30 ведущих заявителей на получение патентов на разработки в области искусственного интеллекта – это компании, а другие – университеты или государственные научно-исследовательские организации.

Компания IBM имеет самый большой портфель патентных заявок на ИИ-технологии, насчитывает 8290 изобретений. За ней следует компания Microsoft, в активе которой 5930 изобретений. Первую пятерку заявителей замыкает японская компания Toshiba (5223 изобретения), а также Samsung Group из Республики Корея (5102 изобретений) и NEC Group из Японии (4406 изобретений). Кроме того, три из четырех академических структур, представленных в списке 30 ведущих заявителей, являются китайскими организациями. Китайская академия наук занимает семнадцатую место и имеет более 2,5 тыс. патентов-аналогов.

Если говорить об академических структурах, то 17 из 20 научных организаций, являющихся лидерами по темпам патентования разработок в области искусственного интеллекта – это китайские субъекты. К тому же на долю Китая приходится 10 из 20 первых мест по количеству научных публикаций, посвященных искусственному интеллекту.

Российские компании в 2019 году инвестировали \$172,5 млн в развитие искусственного интеллекта.

Большая часть (48%) указанных расходов пришлось на серверы, используемые для реализации ИИ-алгоритмов. 24% затрат составили ИТ-сервисы, 14% — приложения ИИ, 6% — системы хранения данных, по 4% — программные платформы ИИ и бизнес-услуги. Больше всех в искусственный интеллект вкладывают представители финансового сектора: 41% инвестиций в 2019 году пришлось на них. Следом расположились такие отрасли, как производство (16%), оптовая и розничная торговля (14%), государственный сектор (6%) и остальные рынки (23%).

В финансовом секторе наибольшей популярностью пользовались решения для расследования мошенничества и системы анализа и предотвращения угроз, автоматизированная служба поддержки клиентов, а также анализ структурированной и неструктурированной информации, прогнозирование, проверка документов на ошибки и т.д. [6].

Вместе с тем, в современной России наблюдается низкий уровень цифровизации промышленного бизнеса. В практическом плане нельзя говорить о современном национальном цифровом бизнесе на уровне мировых стандартов. Основным барьером являются человеческие ресурсы и непродуктивные отношения между цифровой наукой и национальным бизнесом.

Более того, контакты с мировой наукой не установлены. Российская экономика демонстрирует устойчивый иммунитет к цифровым инновациям. Российские предприятия недостаточно вовлечены в цифровые исследования зарубежных компаний. Все это сдерживает рост производства цифровых технологий и их использование.

Чтобы преодолеть эти тенденции государство должно поддерживать развитие цифровых технологий в соответствии с развитием законодательства, с формированием рынков сбыта, с поддержкой на международных торговых площадках.

Учитывая, что все развитые страны мира каждый год ужесточают правила защиты своих производителей в ключевых отраслях, России необходимо развивать собственные предприятия, производящие современные технологические продукты. Если таких предприятий не будет, вся цифровизация экономики сделает страну зависимой от импорта цифровых технологий из-за рубежа. Чтобы этого избежать, необходимо решить проблему роста цифрового бизнеса.

Необходимо развивать собственную отрасль информационных услуг, создавать российский рынок искусственного интеллекта. В противном случае российская экономика может быть полностью «занята» зарубежными цифровыми продуктами. Российская индустрия информационно-коммуникационных технологий должна быть перенаправлена с создания многочисленных продуктов-копий, которые воссоздают устаревшие глобальные разработки, в инновационное развитие отрасли [2].

Видимо, западные стратегии противостояния с Россией рассчитывали именно на это, когда ограничивали доступ РФ к современным технологиям. В

этом случае адекватной стратегией противостояния должно быть не импортозамещение, а так называемое экспортное замещение – создание уникальных разработок в области искусственного интеллекта, не имеющих аналогов в мире.

Более того, максимизация воздействия искусственного интеллекта требует участия правительства. Лидеры стран и правительства сталкиваются с задачей создания благоприятных условий для цифровых компаний.

Другими словами, в РФ необходимо создать благоприятную цифровую инфраструктуру и институты, стимулирующие развитие искусственного интеллекта. Только такой подход даст возможность сделать шаг навстречу цифровой экономике.

Таким образом, существенное ускорение процессов развития передовых технологий способствует значительному усилению их проникновения во все сферы экономической и социальной жизни, в частности в процессы ведения бизнеса. Происходит, так называемая, цифровизация экономики, которая включает в себя работу с большими объемами данных, искусственный интеллект, сенсорные технологии, беспроводные технологии.

Отечественный сегмент искусственного интеллекта и машинного обучения пока находится на начальной стадии формирования и значительно уступает в объемах крупному рынку США. Практическое применение технологий тормозит необходимость достаточно высоких инвестиций в проекты при сомнениях бизнеса в их целесообразности.

Для успешного формирования цифровой экономики и преодоления «цифрового разрыва» необходимо: добиться развития цифровой инфраструктуры; сформировать эффективную систему идентификации, защиты персональных данных; развивать приложения и сервисы, основанные на искусственном интеллекте; защищать интеллектуальную собственность; разработать соответствующее «цифровое» законодательство.

Литература

1. Камнева В.В. Цифровая экономика, цифровизация и цифровая трансформация // Скиф. 2020. № 2 (42). С. 377-381.
2. Сударушкина И.В., Стефанова Н.А. Цифровая экономика // АНИ: экономика и управление. 2017. №1 (18). С.182-184.
3. Цхададзе Н.В., Иоселиани А.Д. Искусственный интеллект: социально-философское осмысление // Фундаментальные аспекты психического здоровья, № 2, 2019. С.196-202.
4. Tskhadadze N.V. Use of Remote Banking Technology// Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Editors: Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Atlantis Press. Sutirman; Sukirno;

Tutut Herawan. Volume 313, April 2019.

5. Tskhadadze N.V., Ioseliani A.D. Challenges and hazards of the modern era of change// International Journal «World Economy Security Problems», № 2, 2019. P. 32-37.
6. Искусственный интеллект (ИИ). Tadvizer. Государство.Бизнес.ИТ. URL: <http://www.tadvizer.ru/index.php/> Продукт: Искусственный интеллект (ИИ, Artificial intelligence, AI) (дата обращения: 22.07.2020).
7. Искусственный интеллект (рынок России). Tadvizer. Государство.Бизнес.ИТ. 22.04.2020. URL: <http://www.tadvizer.ru/index.php/>. Статья: Искусственный интеллект (рынок России) (дата обращения: 22.07.2020).
8. Sizing the prize What's the real value of AI for your business and how can you capitalise? PWC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/analytics/assets/pwc-ai-analysis-sizing-the-prize-report.pdf> (дата обращения: 24.07.2020).

References

1. Kamneva V.V. Digital economy, digitalization and digital transformation // Skif. 2020. No. 2 (42). pp. 377-381.
2. Sudarushkina I.V., Stefanova N.A. Digital economy // ANI: ekonomika i upravlenie. 2017. No. 1 (18). pp. 182-184.
3. Tskhadadze N.V., Ioseliani A.D. Artificial intelligence: socio-philosophical understanding // Fundamental aspects of mental health, No. 2, 2019. pp. 196-202.
4. Tskhadadze N.V. Use of Remote Banking Technology// Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Editors: Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Atlantis Press. Sutirman; Sukirno; Tutut Herawan. Volume 313, April 2019.
5. Tskhadadze N.V., Ioseliani A.D. Challenges and hazards of the modern era of change// International Journal «World Economy Security Problems», № 2, 2019. P. 32-37.
6. Artificial Intelligence (AI). Tadvizer. State.Бизнес.ИТ. URL: <http://www.tadvizer.ru/index.php/> Product: Artificial intelligence (AI, Artificial intelligence, AI) (accessed: 22.07.2020).
7. Artificial intelligence (Russian market). Tadvizer. State.Business. IT. 22.04.2020. URL: <http://www.tadvizer.ru/index.php/>. Article: Artificial Intelligence (Russian market) (accessed: 22.07.2020).
8. Sizing the prize What's the real value of AI for your business and how can you capitalise? PWC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/analytics/assets/pwc-ai-analysis-sizing-the-prize-report.pdf> (accessed: 24.07.2020).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ: РАЗРАБОТКА ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЙ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Сергей Юрьевич Ильин, доцент департамента управления бизнесом, кандидат экономических наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Москва, Ленинградский проспект, 51/1)
E-mail: i.sergey777@gmail.com

Гамлет Яковлевич Остаев, доцент кафедры бухгалтерского учета, финансов и аудита, кандидат экономических наук
ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА (426069, Ижевск, ул. Студенческая 11)
E-mail: ostaeff@yandex.ru.

Борис Николаевич Хосиев, заведующий кафедрой экономической безопасности, бухгалтерского учета, финансов и аудита, кандидат экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Горский ГАУ» (362040, Владикавказ, ул. Кирова, д. 37)
E-mail: hosiev.b@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена авторская позиция на вопросы оценки показателей эффективности и интенсификации финансов в деятельности государств, функционирующих в текущих хозяйственных условиях. В процессе проведенного исследования разработан инструментарий, состоящий из группы показателей, позволяющих государствам проводить их анализ в обобщенной и детализированной формах. Выбор результирующих и факторных показателей эффективности и интенсификации сделан, исходя из современной тенденции развития национальной и мировой экономики, выраженные в глобализации хозяйственных процессов и четкой предметности внутренних и внешних денежных поступлений. Показателями исследования в обобщенной и детализированных формах послужили непосредственная и опосредованная доходности, являющиеся результирующим показателям эффективности общественных финансов, исчисляемые путем сопоставления государственных доходов и государственных расходов и изменения доходного и расходного элементов денежных потоков под воздействием результативности и затратности (влияющих на них факторных показателей) национальных и международных проектов государств, относящихся к результирующим показателям интенсификации. Они сонаправлены со всеми экономическим постулатам и полностью приспособлены к общепризнанным финансово-экономическим и финансово-управленческим хозяйственным требованиям, предъявляемым к деятельности общественного сектора.

Ключевые слова: государства, общественные финансы, эффективность и интенсификация общественных финансов.

PUBLIC FINANCE: DEVELOPING TOOLS FOR MODERN BUSINESS CONDITIONS

Sergey Yu. Ilyin, Associate Professor of the Department of Business Management, Candidate of Economic Sciences
Financial University under the Government of the Russian Federation (125993, Moscow, Leningradsky prospect, 51/1)
E-mail: i.sergey777@gmail.com

Gamlet Ya. Ostaeff, Associate Professor of the Department of Accounting, Finance and Audit, Candidate of Economic Sciences
Russian Izhevsk State Agrarian Academy (426069, Izhevsk, Studencheskaya str. 11)
E-mail: ostaeff@yandex.ru.

Boris N. Khosiev, Head of the Department of Economic Security, Accounting, Finance and Audit, Candidate of Economic Sciences, Professor
Gorsky State Agrarian University (362040, Vladikavkaz, Kirova str., 37)
E-mail: hosiev.b@yandex.ru

Abstract. The article presents the author's position on the assessment of efficiency indicators and the intensification of finance in the activities of states operating in the current economic conditions. In the process of the study, a toolkit has been developed, consisting of a group of indicators that allow states to analyze them in generalized and detailed forms. The choice of the resulting and factorial indicators of efficiency and intensification was made on the basis of the current trends in the development of the national and world economy, expressed in the globalization of economic processes and the clear objectivity

of internal and external monetary receipts. The indicators of the study in generalized and detailed forms were the direct and indirect profitability, which are the resulting indicators of the efficiency of public finance, calculated by comparing government revenues and government expenditures and changes in the income and expenditure elements of cash flows under the influence of efficiency and cost (affecting factor indicators) of national and international projects of states related to the resulting intensification indicators. They are aligned with all economic positions and are fully adapted to the generally recognized financial, economic and financial management economic requirements for the activities of the public sector.

Keywords: states, public finance, efficiency and intensification of public finance.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Ильин С.Ю., Остаев Г.Я., Хосиев Б.Н. Общественные финансы: разработка инструментария для современных условий хозяйствования. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):275-80.

Введение. Социальное равновесие (важнейшее условие стабильности жизнедеятельности населения) во многом определяют уровень и динамика развития общественных финансов, обеспечивающих национальную экономику необходимыми фондами денежных ресурсов и образующих хозяйственный потенциал стран (государств) мира. Благодаря общественным финансам, они гарантируют своим гражданам минимальный набор товаров и услуг, позволяющих им вести безбедный быт, и чувствовать себя социально защищенными в материальном плане. Более того, государственная миссия играет огромную роль в духовном воспитании общества, для чего ему требуются соответствующие денежные фонды, которые нужно использовать рационально и, в то же время, предельно полезно в расчете на каждое такое мероприятие. Значимость данного факта обуславливает потребности государств в инструментарии, объединяющем группы прямых и косвенных показателей эффективности и интенсификации общественных финансов, создающим им возможность оценивать степень результативности и степень затратности бюджетных средств, средств макроэкономических внебюджетных фондов различных назначений, и анализировать существенность их влияния на изменение доходов и расходов. Первичность же именно финансов в современном хозяйственном механизме государств заключается в преобладании товарно-денежного характера экономических отношений в национальных и международных масштабах.

Авторское исследование проведено с помощью трудов Д.С. Аджаматовой [1, с. 9], А.В. Алтынцева [2, с. 159], В. Андреева [3, с. 152], З. Боди [4, с. 143], И.В. Ишиной [5, с. 14], Р.А. Масгрейва [6, с. 257], Е. Пономаренко [7, с. 61], А.В. Ремжова [9, с. 19], О.И. Тишутин [10, с. 8], Р.Р. Яруллина [12, с. 24.], представляющих отечественные и зарубежные научные школы, посвятившие их проблемам стоимостной оценки эффективного и интенсивного применения денежных фондов в общественных интересах, в процессе потребления которых образуются денежные потоки, в том числе результат (государственные доходы) и затраты (госу-

дарственные расходы).

Цель и задачи исследования. Конечным желаемым ориентиром проведенного авторами исследования являются формирование показателей эффективности и интенсификации общественных финансов, выявление степени влияния на них результативности и затратности потребляемых в процессе эксплуатации ресурсов, служащих индикаторами для объективной оценки качества претворения в жизнь государственных мероприятий. Промежуточные желаемые ориентиры по его достижению состоят в обобщении положений в части понимания сущности и содержания обеих экономических категорий на макроуровне, построение зависимостей между искомыми результирующими и факторными показателями и обоснование состоятельности предлагаемого инструментария в области общественных финансов.

Материалы, методы и условия проведения исследований: Выполнение цели и задач исследования осуществлено дедуктивным и индуктивным способами и приемами с элементами экономико-математического анализа, обеспечивающих проведение расчетов показателей эффективности и интенсификации общественных финансов с максимальной степенью точности и детальное выявление степени каждого факторного показателя на значение результирующего показателя через совокупность аддитивных, мультипликативных и кратных зависимостей.

В трактовках, устоявшихся в научных трудах, об эффективности обычно говорится, что она представляет собой отношение результата к затратам и, с авторской позиции, такое понимание отвечает ее содержанию независимо от общественно-экономической формации, типа регулирования национальной экономики, характера национального законодательства, поскольку важно знать, насколько результат покрывает осуществляемые затраты, тем более, в случаях, когда высока вероятность денежных потерь из-за непредвиденных расходов ресурсов по различным объективным и субъективным причинам. Не отступая от общепринятых постулатов по интерпретации ее сущности, сформируем показатели эффективности обществен-

ных финансов, принимая во внимание неоспоримые хозяйственные факты: с одной стороны, деятельность подавляющего большинства государств интернационализирована (они сотрудничают между собой по всем формам экономики внешнеэкономических связей и по интеграционным, и по транснациональным каналам), с другой стороны, ее национальный и международный уровни имеют автономию в части налоговых (внутренних) и международных (внешних) денежных поступлений.

Результаты исследования и их обсуждение. Для выработки решений по обоснованию заданных параметров и решению поставленных задач, предлагаем воспользоваться определенными показателями [8, 11], Учитывая эти обстоятельства, построим зависимости между обобщенными результирующими и факторными показателями эффективности общественных финансов (формулы (1), (2)):

$$\mathcal{E}f_{\text{оф}(n)} = \frac{ГД_n + ГД_m}{ЭГР + ПГР},$$

где $\mathcal{E}f_{\text{оф}(n)}$ – прямая эффективность общественных финансов;

$ГД_n$ – государственные доходы от национальных хозяйственных операций, руб.;

$ГД_m$ – государственные доходы от международных хозяйственных операций, руб.;

$ЭГР$ – экономические государственные расходы, руб.;

$ПГР$ – прочие государственные расходы, руб.;

$$\mathcal{E}f_{\text{оф}(k)} = \frac{ЭГР + ПГР}{ГД_n + ГД_m},$$

где $\mathcal{E}f_{\text{оф}(k)}$ – косвенная эффективность общественных финансов;

$ЭГР$ – экономические государственные расходы, руб.;

$ПГР$ – прочие государственные расходы, руб.;

$ГД_n$ – государственные доходы от национальных хозяйственных операций, руб.;

$ГД_m$ – государственные доходы от международных хозяйственных операций, руб.

Государственная деятельность в национальных и международных масштабах включает в себя доходы от национальных операций с налогами и сборами, национальных производственно-сбытовых, инвестиционных операций, международных операций с таможенными пошлинами, международных производственно-сбытовых, инвестиционных операций и воспроизводственных, инвестиционных и управленческих, социальных, политических расходов. Разложив числитель и знаменатель формул (1), (2), получим тождественные по смыс-

лу детализированные показатели эффективности общественных финансов (формулы (3), (4)):

$$\mathcal{E}f_{\text{оф}(n)} = \frac{(ГД_{n(nc)} + ГД_{n(nc)} + ГД_{n(n)}) + (ГД_{m(m)} + ГД_{m(nc)} + ГД_{m(n)})}{(ВГР_n + ИГР_n + УСПГР_n) + (ВГР_m + ИГР_m + УСПГР_m)},$$

где $\mathcal{E}f_{\text{оф}(n)}$ – прямая эффективность общественных финансов;

$ГД_{n(nc)}$ – государственные доходы от национальных операций с налогами и сборами, руб.;

$ГД_{n(nc)}$ – государственные доходы от национальных производственных и сбытовых операций, руб.;

$ГД_{n(n)}$ – государственные доходы от национальных инвестиционных операций, руб.;

$ГД_{m(n)}$ – государственные доходы от международных операций с таможенными пошлинами, руб.;

$ГД_{m(nc)}$ – государственные доходы от международных производственных и сбытовых операций, руб.;

$ГД_{m(n)}$ – государственные доходы от международных инвестиционных операций, руб.;

$ВГР_n$ – национальные воспроизводственные государственные расходы, руб.;

$ИГР_n$ – национальные инвестиционные государственные расходы, руб.;

$УСПГР_n$ – национальные управленческие, социальные и политические государственные расходы, руб.;

$ВГР_m$ – международные воспроизводственные государственные расходы, руб.;

$ИГР_m$ – международные инвестиционные государственные расходы, руб.;

$УСПГР_m$ – международные управленческие, социальные и политические государственные расходы, руб.;

$$\mathcal{E}f_{\text{оф}(k)} = \frac{(ВГР_n + ИГР_n + УСПГР_n) + (ВГР_m + ИГР_m + УСПГР_m)}{(ГД_{n(nc)} + ГД_{n(nc)} + ГД_{n(n)}) + (ГД_{m(m)} + ГД_{m(nc)} + ГД_{m(n)})},$$

где $\mathcal{E}f_{\text{оф}(k)}$ – косвенная эффективность общественных финансов;

$ВГР_n$ – национальные воспроизводственные государственные расходы, руб.;

$ИГР_n$ – национальные инвестиционные государственные расходы, руб.;

$УСПГР_n$ – национальные управленческие, социальные и политические государственные расходы, руб.;

$ВГР_m$ – международные воспроизводственные государственные расходы, руб.;

$ИГР_m$ – международные инвестиционные государственные расходы, руб.;

$УСПГР_m$ – международные управленческие, социальные и политические государственные расходы, руб.;

$ГД_{n(nc)}$ – государственные доходы от националь-

ных операций с налогами и сборами, руб.;

$ГД_{н(пс)}$ – государственные доходы от национальных производственных и сбытовых операций, руб.;

$ГД_{н(и)}$ – государственные доходы от национальных инвестиционных операций, руб.;

$ГД_{м(т)}$ – государственные доходы от международных операций с таможенными пошлинами, руб.;

$ГД_{м(пс)}$ – государственные доходы от международных

производственных и сбытовых операций, руб.;

$ГД_{м(и)}$ – государственные доходы от международных инвестиционных операций, руб.

Интенсификация же есть изменение результата и затрат в зависимости от изменения прямой и косвенной эффективности. Отсюда, обобщенные показатели интенсификации общественных финансов принимают формулы, размещенные в таблице 1.

Таблица 1.

Обобщенные показатели интенсификации общественных финансов

№ п/п	Формула	Назначение и понятие
1	$Ин_{оф(п)} = d \left[\frac{ГД_n + ГД_m}{ЭГР + ПГР} \right] * \int \Sigma(ЭГР + ПГР)dx,$	где $Ин_{оф(п)}$ – прямая интенсификация общественных финансов (обобщенный прирост или обобщенное сокращение совокупных государственных доходов в зависимости от обобщенного изменения (повышения или снижения) прямой эффективности общественных финансов в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом времени), руб.
	$d \left[\frac{ГД_n + ГД_m}{ЭГР + ПГР} \right]$	– изменение (обобщенное положительное или отрицательное приращение) прямой эффективности общественных финансов в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом времени
	$\int \Sigma(ЭГР + ПГР)dx$	– первоначальный (обобщенный первообразный) размер совокупных государственных расходов (суммы экономических и прочих государственных расходов), руб.
2	$Ин_{оф(к)} = d \left[\frac{ЭГР + ПГР}{ГД_n + ГД_m} \right] * \int \Sigma(ГД_n + ГД_m)dx,$	где $Ин_{оф(к)}$ – косвенная интенсификация общественных финансов (обобщенный прирост или обобщенное сокращение размера совокупных государственных расходов в зависимости от обобщенного изменения (повышения или снижения) косвенной эффективности общественных финансов в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом времени), руб.
	$d \left[\frac{ЭГР + ПГР}{ГД_n + ГД_m} \right]$	– изменение (обобщенное положительное или отрицательное приращение) косвенной эффективности общественных финансов в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом времени
	$\int \Sigma(ГД_n + ГД_m)dx$	– первоначальный (обобщенный первообразный) размер совокупных государственных доходов (суммы государственных доходов от национальных и международных хозяйственных операций), руб.

Детализированные показатели интенсификации общественных финансов будут исчисляться по предлагаемым формулам, представленным в табл. 2.

Разработанный авторами инструментарий состоятелен, потому что сформированные показатели целиком отвечают отечественной и зарубежной конъюнктурам и экономическому происхождению категорий «эффективность» и «интенсификация», по ним возможны исчисление зависимости между resultирующими и факторными показателями и анализ взаимодействия самих факторных показателей первого и иных порядков и получение полной и всесторонней информации об общественных финансах.

Авторский подход к формированию показателей эффективности и интенсификации общественных финансов обладает рядом достоинств:

1. Возможность четкого градирования резервов улучшения результативности и затратности государственных проектов.

2. Комплексный и системный учет факторных показателей (государственных доходов и государственных расходов).

3. Четкость дифференцирования элементов денежных притоков и денежных оттоков.

4. Приведение факторных показателей к единому временному отрезку.

5. Соответствие текущим финансово-экономическим и финансово-управленческим реалиям.

Зная о данных достоинствах, государства смогут оптимально управлять своей деятельностью, полностью используя свои хозяйственные возможности и предельно локализуя имеющиеся хозяйственные недостатки и контролируя целиком денежные потоки, избегая незапланированных потерь от нерациональной эксплуатации ресурсов.

Заключение. Цель достигнута, поставленные задачи исследования решены ввиду адаптированности авторского инструментария к действующим хозяйственным условиям, отличающимся полинаправленностью финансовых отношений современных государств. Он поможет им максимизировать свой экономический потенциал и по максимуму его реализовать во всех сферах и направлениях деятельности, успешно удовлетворяя материальные и духовные потребности общества и добиваясь стабильности своего функционирования на национальном и международном хозяйственном уровнях.

Таблица 2.

Детализированные показатели интенсификации общественных финансов

№ п/п	Детализация	Показатели интенсификации
1	Формула	$Ин_{оф(п)} = d \left[\frac{(ГД_{н(нс)} + ГД_{н(нс)} + ГД_{н(и)}) + (ГД_{м(м)} + ГД_{м(нс)} + ГД_{м(и)})}{(ВГР_{н} + ИГР_{н} + УСПГР_{н}) + (ВГР_{м} + ИГР_{м} + УСПГР_{м})} \right] * \int \Sigma (ВГР + ИГР + УСПГР) dx$
	Назначение и понятие	где $Ин_{оф(п)}$ – прямая интенсификация общественных финансов (детализированный прирост или детализированное сокращение совокупных государственных доходов в зависимости от детализированного изменения (повышения или снижения) прямой эффективности общественных финансов в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом времени), руб.
	Формула	$d \left[\frac{(ГД_{н(нс)} + ГД_{н(нс)} + ГД_{н(и)}) + (ГД_{м(м)} + ГД_{м(нс)} + ГД_{м(и)})}{(ВГР_{н} + ИГР_{н} + УСПГР_{н}) + (ВГР_{м} + ИГР_{м} + УСПГР_{м})} \right]$
	Назначение и понятие	изменение (детализированное положительное или отрицательное приращение) прямой эффективности общественных финансов в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом времени
	Формула	$\int \Sigma (ВГР + ИГР + УСПГР) dx$
	Назначение и понятие	первоначальный (детализированный первообразный) размер совокупных государственных расходов (суммы воспроизводственных, инвестиционных и управленческих, социальных, политических государственных расходов), руб.
2	Формула	$Ин_{оф(к)} = d \left[\frac{(ВГР_{н} + ИГР_{н} + УСПГР_{н}) + (ВГР_{м} + ИГР_{м} + УСПГР_{м})}{(ГД_{н(нс)} + ГД_{н(нс)} + ГД_{н(и)}) + (ГД_{м(м)} + ГД_{м(нс)} + ГД_{м(и)})} \right] * \int \Sigma (ГД_{н(нс)} + ГД_{н(нс)} + ГД_{н(и)}) dx$
	Назначение и понятие	где $Ин_{оф(к)}$ – косвенная интенсификация общественных финансов (детализированный прирост или детализированное сокращение размера совокупных государственных расходов в зависимости от изменения (повышения или снижения) косвенной эффективности общественных финансов в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом времени), руб.
	Формула	$d \left[\frac{(ВГР_{н} + ИГР_{н} + УСПГР_{н}) + (ВГР_{м} + ИГР_{м} + УСПГР_{м})}{(ГД_{н(нс)} + ГД_{н(нс)} + ГД_{н(и)}) + (ГД_{м(м)} + ГД_{м(нс)} + ГД_{м(и)})} \right]$
	Назначение и понятие	изменение (детализированное положительное или отрицательное приращение) косвенной эффективности общественных финансов в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом времени
	Формула	$\int \Sigma (ГД_{н(нс)} + ГД_{н(нс)} + ГД_{н(и)}) dx$
	Назначение и понятие	первоначальный (детализированный первообразный) размер совокупных государственных доходов (суммы государственных доходов от национальных операций с налогами и сборами, национальных производственно-сбытовых, инвестиционных операций, международных операций с таможенными пошлинами, международных производственно-сбытовых, инвестиционных операций), руб.

Литература

- Аджаматова Д.С. Особенности развития финансовой системы в период рыночной трансформации национальной экономики: Монография / Д.С. Аджаматова, С.И. Берлин, Е.В. Бодрова и др. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2018. 311 с.
- Алтынцев А.В. Управление государственными финансами: международный опыт и сравнения / А.В. Алтынцев, К.В. Будаева, А.А. Михайлова, В.В. Климанов, В.А. Яговкина // Общественные финансы. 2014. № 30. С. 159-192.
- Андреев В. Интенсификация общественного производства в свете институциональной теории / В. Андреев, К. Павлов // Общество и экономика. 2006. № 6. С. 152-162.
- Боди З. Финансы / З. Боди, Р. К. Мертон. М.: Вильямс, 2007. 584 с.
- Ишина И.В. Управление общественными финансам: зарубежный опыт / И.В. Ишина, М.В. Дуброва, Н.А. Гузь. М.: Эдитус, 2017. 164 с.
- Масгрейв Р.А. Государственные финансы: теория и практика / Р.А. Масгрейв, П.Б. Масгрейв. М. Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
- Пономаренко Е. Финансы общественного сектора / Е. Пономаренко // Экономист. 2009. № 9. С. 61.
- Остаев Г.Я., Управленческий учет: управление финансовыми потоками сельскохозяйственных предприятий / Г.Я. Остаев, Б.Н. Хосиев, А.С. Клычова // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2018. Т. 13. № 3 (50). С. 134-139
- Ремжов А.В. Общественные финансы как элемент финансовой системы / А.В. Ремжов // Финансы. 2012. № 27 (507). С. 19-29.
- Тишутина О.И. Общественные финансы: теория и практика: Монография / О.И. Тишутина, И.М. Соломко, М.Н. Соломко, С.Н. Солдаткин. Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2016. 124 с.
- Хоружий Л.И., Индикативный метод анализа инвестиционной безопасности в организации

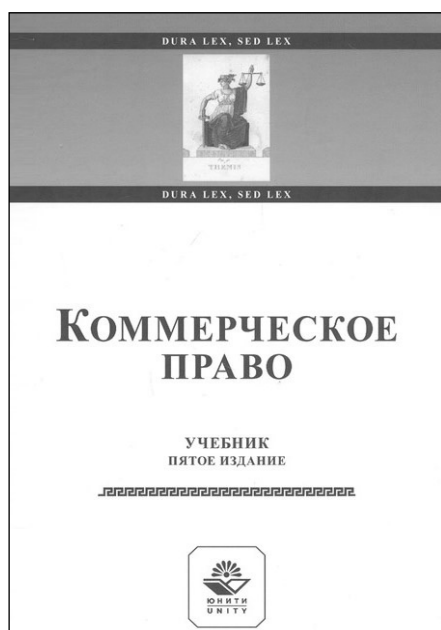

ях АПК /Л.И. Хоружий, Н.Ю. Трящина, Ю.Н. Катков// Бухучет в сельском хозяйстве. 2020. № 1. С. 59-71.

12. Яруллин Р.Р. Проблемы и перспективы развития государственных финансов в России / Р.Р. Ярулин // Наука через призму времени. 2017. № 4 (4). С. 24-27.

References

1. Ajamatoва D.S. Features of the development of the financial system in the period of market transformation of the national economy: Monograph / D.S. Adzhamatova, S.I. Berlin, E.V. Bodrova et al. Nizhny Novgorod: NOO "Professional Science", 2018. 311 p.
2. Altyntsev A.V. Public finance management: international experience and comparisons / A.V. Altyntsev, K.V. Budaeva, A.A. Mikhailova, V.V. Klimanov, V.A. Yagovkina // Public finance. 2014. No. 30. S. 159-192.
3. Andreev V. Intensification of social production in the light of institutional theory / V. Andreev, K. Pavlov // Society and economy. 2006. No. 6. S. 152-162.
4. Body Z. Finance / Z. Body, RK Merton. M.: Williams, 2007. 584 p.
5. Ishina I.V. Public Finance Management: Foreign Experience / I.V. Ishina, M.V. Dubrova, N.A. Guz. M.: Editus, 2017. 164 p.
6. Musgrave R.A. Public finance: theory and practice / R.A. Musgrave, P.B. Musgrave. M. Business Atlas, 2009. 716 p.
7. Ponomarenko E. Public sector finance / E. Ponomarenko // Economist. 2009. No. 9. P. 61.
8. Ostaev G.Ya., Management accounting: management of financial flows of agricultural enterprises / G.Ya. Ostaev, B.N. Khosiev, A.S. Klychova // Bulletin of the Kazan State Agrarian University. 2018.Vol. 13.No. 3 (50). S. 134-139
9. Remzhov A.V. Public finance as an element of the financial system / A.V. Remzhov // Finance. 2012. No. 27 (507). S. 19-29.
10. Tishutina O.I. Public finance: theory and practice: Monograph / O.I. Tishutina, I.M. Solomko, M.N. Solomko, S.N. Soldatkin. Khabarovsk: Khabarovsk State University of Economics and Law, 2016. 124 p.
11. Khoruzhy L.I., Indicative method for analyzing investment security in agricultural organizations / L.I. Khoruzhy, N.Yu. Tryaztsina, Yu.N. Katkov // Accounting in agriculture. 2020. No. 1. S. 59-71.
12. Yarullin R.R. Problems and Prospects for the Development of Public Finance in Russia / R.R. Yarulin // Science through the prism of time. 2017. No. 4 (4). S. 24-27.

Коммерческое право. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Н.Д. Эриашвили. 671 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены понятие, принципы и субъекты коммерческого права, а также механизм правового регулирования коммерческой деятельности в условиях рыночной экономики. Представлены особенности договорной политики коммерческих организаций, классификация договоров, отражающих взаимоотношения сторон при заключении коммерческих сделок, вопросы регулирования налоговых отношений, а также административной и уголовной ответственности за преступления в сфере коммерческой деятельности. Раскрыто участие нотариуса в юридических действиях общества с ограниченной ответственностью и его участников. Учтены последние юридические акты, относящиеся к коммерческой деятельности организаций.

Для студентов, аспирантов, преподавателей экономических и юридических вузов, для предпринимателей и юристов-практиков.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ РЫНКОВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ, ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Дмитрий Владимирович Дианов, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа, доктор экономических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: skad71@mail.ru

Александр Владимирович Кузьмичев, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: Sasha.Kuzmichev44@mail.ru

Аннотация. Представлены возможности вероятностно-статистических методов в эконометрическом моделировании показателя числа зарегистрированных преступлений экономической направленности. По природе причинно-следственных связей и диалектического единства, рассмотрено и количественно оценено влияние на экономическую преступность основных показателей развития различных субрынков экономики: продовольственного, строительного, промышленных товаров и услуг, а также состояния финансов организаций.

Ключевые слова: статистическое моделирование, вероятностное оценивание, экономическая преступность, прогноз экономических преступлений.

STATISTICAL ASSESSMENT OF THE IMPACT OF FOOD, CONSUMER AND INDUSTRIAL GOODS MARKETS ON ECONOMIC CRIME

Dmitry V. Dianov, Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic analysis, Doctor of Economic Sciences, Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: skad71@mail.ru

Alexander V. Kuzmichev, Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific personnel
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: Sasha.Kuzmichev44@mail.ru

Abstract. The scientific article is devoted to the possibilities of probabilistic and statistical methods in econometric modeling of the indicator of the number of registered economic crimes. The nature of causality and dialectical unity, considered and quantified the impact on the economic crime of main indicators of development of the various sub-markets of the economy, such as food, construction, industrial goods and services, and finance organizations.

Keywords: statistical modeling, probabilistic estimation, economic crime, forecast of economic crimes.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Дианов Д.В., Кузьмичев А.В. Статистическая оценка влияния рынков продовольственных, потребительских и промышленных товаров на экономическую преступность. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):281-7.

Введение

На сегодняшний день, в эпоху цифровизации общества, огромного количества информационных по-

токов, переломной стадии развития социума, обусловленного пандемией и характеризуемого повсеместной виртуализацией человеческого общения и экономиче-

ских отношений, реализации товаров, получения дохода, ликвидации и изменения характера целых видов хозяйственной деятельности, возрастает потребность в использовании статистических методов и построении на их основе прогнозных значений для принятия управленческих решений и поиска вариантов развития не только отдельного предприятия, но и всей страны в целом. Особые изменения касаются и экономической безопасности как приоритетного направления защиты интересов Российской Федерации. Именно поэтому анализ состояния данной системы был выбран для рассмотрения в данной научной работе.

Экономическая преступность – сложное, общественно опасное, к сожалению, неизбежное явление, которое оказывает непосредственное влияние на банковскую, экономическую, торговую, социальную и другие виды деятельности и наносит им огромный ущерб. Экономические преступления имеют отличительную черту – имеют достаточно высокую степень общественной опасности из-за высокой деструктивной направленности на состояние и развитие экономики [7]. В данной работе изучим вариацию показателя числа зарегистрированных преступлений экономической направленности как результирующего показателя, и признаков-факторов, которые, по нашему мнению, смогут объяснить изменение показателя преступлений экономической направленности.

1. Группировка регионов России по ключевым показателям рыночной экономики и экономической преступности на основе кластерного анализа

Целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, является раскрытие статистических особенностей изучения экономической преступности, анализа экономических факторов и раскрытия инструмента статистических методов в экономических исследованиях.

Для решения поставленной цели, необходимо решить следующие задачи: раскрыть виды статистического анализа экономических данных; построить и проанализировать кластерную группировку регионов Российской Федерации; сравнить метод одномерной группировки и кластерного анализа при исследовании выбранных показателей; провести статистическое исследование взаимосвязей социально-экономических показателей регионов Российской Федерации; смоделировать взаимосвязь выбранных показателей на основе корреляционно-регрессионного метода; выявить тенденцию показателя экономической преступности в России на основе метода выравнивания трендов и прогнозирования.

Объектом исследования обозначим общественные

отношения в сфере экономики, раскрывающие причины, не то чтобы самой преступности, которые находят отражение в мотивации преступников, а те причины, которые можно рассматривать как объясняющие её факторы в экономической сфере в условиях современных особенностей развития Российской Федерации с помощью применения статистических методов.

Предметом является число зарегистрированных преступлений экономической направленности и механизм его статистического исследования для построения в дальнейшем прогнозов на краткосрочную перспективу.

Не является новшеством то обстоятельство, точнее – требование, что любое статистическое исследование, и в данном случае это экономическая преступность как угроза экономической безопасности Российской Федерации, носит массовый характер, то есть необходимо изучение достаточно большого и представительного количества информации. Данные показатели достаточно многообразны и для моделирования социально-экономических процессов невозможно использовать одно и то же предположение или гипотезу об их изменении для разных регионов и промежутков времени. Это предопределено множеством различных форм собственности, особенностями хозяйственных и экономических отношений, финансово-экономических связей, видов экономической деятельности, демографического и ресурсного потенциала, степени экономического развития регионов и т.д. [6].

Особый акцент сделаем на такой показатель как число зарегистрированных преступлений экономической направленности – индикативный показатель, который может характеризовать уровень экономической безопасности. Применение статистических методов обеспечивает научную обоснованность изучения главных индикаторов, связи и взаимозависимостей показателей и общего состояния экономической безопасности субъектов Российской Федерации [8].

Согласно первому этапу статистического анализа – сбор первичной информации, необходимо выделить и систематизировать данные и методом сводки объединить их в исходный числовой массив. Данный массив должен отвечать определенным требованиям: качественная и количественная однородность, отсутствие аномальных числовых значений.

Единицами наблюдения в данном научном исследовании выступают субъекты Российской Федерации, подлежащие кластеризации, а показатели, их характеризующие, соответственно эконометрическому моделированию.

Иерархические процедуры многомерной группировки приводят нас к формированию 4 кластеров, как представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Кластеризация регионов России по основным экономическим показателям и экономической преступности в 2019 г., млн. руб.

№ кластера	Количество регионов	Средние значения показателей по кластерам					
		Ввод в эксплуатацию жилых домов, тыс. м ²	Объем всех реализованных продовольственных товаров, тыс. руб.	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами	Объем кредиторской задолженности на конец года	Сумма убытка организаций	Число зарегистрированных преступлений экономической направленности
		X1	X2	X3	X4	X5	Y
1	20	285,80	59633393,6	275043,72	97578,2	10272,05	492,45
2	22	644,95	107078031,0	795987,90	226060,3	27104,45	988,68
3	7	1148,43	195883109,0	923577,86	341873,0	47188,57	1881,71
4	11	2088,91	304445219,3	2299703,72	708436,3	47293,36	2234,18

Абсолютно все показатели демонстрируют рост от группы к группе. Такая векторная зависимость может объясняться развитостью регионов, числом жителей, работающих в регионе, развитием жилищного комплекса, темпами производства товаров, работ и услуг, их продажи, объемом задолженности организаций в каждом регионе и их убытков. Как мы видим – чем больше развитие региона по данным показателем – тем выше уровень зарегистрированных преступлений экономической направленности, которая с каждым последующим кластером будет увеличиваться. Так же заметим, что 4 кластер по числу входящих в него регионов меньше первого практически в два раза, но несмотря на это в 4 кластере числовые значения объясняющих показателей и, следовательно, результативного показателя значительно выше, что подтверждает гипотезу о том, что чем более развит регион, тем выше будет значение результативного показателя (Y).

В первом кластере самый низкий уровень ввода в эксплуатацию жилых домов, который не превышает 300 тыс. кв.м, объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, который не превышает 280 млрд. руб. за 2019 год.

Заметим, что первый кластер включает в себя субъекты, характеризуемые самыми наименьшими значениями показателей, связанных с производством и реализацией товаров в данных областях. С каждым последующим кластером, указанные показатели, такие как ввод в эксплуатацию жилых домов, объем всех реализованных продовольственных товаров, объем отгруженных товаров собственного производства,

выполненных работ и услуг собственными силами, объем кредиторской задолженности, и сумма убытка организаций растут.

Во втором кластере сосредоточены регионы с сельскохозяйственной ориентацией, и как следует из аналитической таблицы, при низком объеме всех реализованных продовольственных товаров – 107,1 млрд. руб., наблюдается высокий показатель объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами – 796,0 млрд. руб., что в разнице составляет 688,91 млрд. руб.

При рассмотрении первых двух кластеров наблюдается низкая платежеспособность населения, именно так можно объяснить низкий уровень ввода в эксплуатацию жилых домов, так как это означает, что у населения нет достаточных сбережений и накоплений. По организациям так же наблюдается достаточно высокие показатели: сумма убытков составляет примерно 10,3 млрд. руб. и 27,1 млрд. руб. соответственно, что так же свидетельствует о сложных перспективах развития организаций и их создания в данных регионах. Убыточная картина для организаций региона характерна в условиях сельхоз-специализации в сопровождении значительного бюджетного субсидирования. Поэтому речь идет о плановой убыточности.

Четвертый кластер объединил регионы с наибольшими значениями рассматриваемых и принятых для эконометрического моделирования показателей.

Метод кластерного анализа позволил предварительно оценить влияние именно этих объясняющих показателей на результативный показатель – число зарегистрированных преступлений экономической на-

правленности. Количественное подтверждение этим предположениям даст метод регрессии и корреляции.

2. Расчет парных корреляций между количеством экономических преступлений и объясняющими

При проведении метода корреляции в изучении полученных коэффициентов, будет обосновано сделать предположение, что зависимость между объясняющими и результативным показателем будет различна в каждом кластере.

При рассмотрении 1-го кластера, заметим, что наиболее тесная положительная корреляционная связь из всех возможностей прослеживается между числом зарегистрированных преступлений экономической направленности и объемом всех реализованных продовольственных товаров (X2): коэффициент корреляции в данном случае равен 0,59 – средняя степень корреляционной связи. Этот показатель бесспорно будет наиболее сильнее связан с результирующим, потому что в данном кластере наиболее развита именно реализация продовольственных товаров (рыбная, мясная, молочная, овощная продукция), которые могут выращиваться, производится именно массово только в таких регионах, и поэтому число экономических преступлений так же будет иметь соответствующую специфику. Наиболее низкая отрицательная связь прослеживается между числом зарегистрированных преступлений экономической направленности и суммой убытка организаций и равен -0,092: очень слабая корреляционная связь, это может быть связано с тем, что в таких регионах будет слабо развита предпринимательская деятельность, либо число крупных предприятий относительно мало, либо правоохранительные органы сталкиваются с большим числом экономических преступлений ввиду большого количества мелких организаций, то есть огромный объем рутинной, в каждом конкретном случае – мелкой по размеру материального ущерба работе.

При изучении 2-го кластера, выявлено, что наиболее тесная положительная корреляционная связь из всех возможностей прослеживается между числом зарегистрированных преступлений экономической направленности, так же, как и в 1-м кластере, с объемом всех реализованных продовольственных товаров (X2): коэффициент корреляции в данном случае равен 0,39 и является умеренной, объяснить такое явление можно так же, как и в первом случае, с поправкой на то, что данный кластер может включать не только регионы, которые ориентируются на торговлю продовольственными товарами, но и на другие виды производственно-хозяйственной деятельности.

Региональный состав 3-его кластера таков, что

наиболее тесная положительная корреляционная связь между всё той же парой показателей и ровняется 0,42 – умеренная связь. Влияние торгового сектора на количество зарегистрированных экономических преступлений очевидно. Наиболее сильная отрицательная связь прослеживается между числом зарегистрированных преступлений экономической направленности и объемом кредиторской задолженности (X4) и составляет -0,75. Из этого следует, что увеличение числа зарегистрированных преступлений экономической направленности наблюдается при уменьшении объема кредиторской задолженности организаций: это означает, что снижение масштабов безналичных расчетов делает совершение любых операций, в первую очередь торговых, менее прозрачными, так как сделки совершаются с использованием наличных денег. Таким образом, речь идёт о предпочтении теневого сектора экономики: сокрытии сумм оборота, доходов, обязательств по налогообложению.

Четвёртый кластер характерен тем, что тесная положительная связь между числом зарегистрированных преступлений экономической направленности на конец года и объемом всех реализованных продовольственных товаров, а также с показателем ввода в эксплуатацию жилых домов и составляет 0,78 и 0,65 соответственно. Объяснить это можно тем, что в 4-ый кластер входят наиболее крупные области, которые производят большое количество продовольственной продукции и реализует их не только своим потребителям, но и в другие регионы. Большую связь с показателем X1 можно объяснить так же тем, что в этот кластер входят многонаселённые области и для обеспечения своих граждан-резидентов жильём, необходимо постройка и ввод жилищ в эксплуатацию. Таким образом, чем больше численность населения регионов, тем многочисленнее становятся экономические преступления.

Ещё раз обратим внимание, что наибольшая величина тесноты положительной наблюдается между числом зарегистрированных преступлений экономической направленности и объемом всех реализованных продовольственных товаров.

3. Эконометрическое моделирование показателей развития субрынков и экономической преступности

Проведем регрессионный анализ по показателям всех сформированных кластеров и определим зависимость результирующего показателя от объясняющих показателей в их совокупном факторном влиянии.

Составим сравнительную кластерную характеристику параметров регрессии и коэффициентов эластичности, как она представлена в таблице 2.

**Кластерное представление коэффициентов регрессии
и эластичности для моделирования числа зарегистрированных
преступлений экономической направленности по регионам России в 2019 году**

Кластер	Параметры	X1	X2	X3	X4	X5
1	bj	0,003154	4,49052E-06	3,24026E-05	0,000521	-0,01379
	Эj	0,00183	0,543781107	0,018097558	25048,22	-0,28767
2	bj	0,249303	3,77046E-06	4,40888E-05	3,45E-05	0,000935
	Эj	0,16263	0,408355491	0,035495862	0,00788	0,025623
3	bj	-0,63177	1,88992E-06	-0,000302638	0,001316	0,001316
	Эj	-0,38557	0,196737289	-0,148539711	0,239163	0,033012
4	bj	0,135843	3,56234E-06	-5,3524E-05	0,000108	-0,00839
	Эj	0,12701	0,485429929	-0,055093659	0,034354	-0,17766

Рассмотрим пример экономической интерпретации регрессионной модели по 2-му кластеру как самому многочисленному, где построенное уравнение регрессии обладает следующими параметрами:

$$Y = 355,941 + 0,25 \cdot x_1 + 3,77 \cdot x_2 + 4,41 \cdot x_3 + 3,47 \cdot x_4 + 0,00093 \cdot x_5$$

Увеличение ввода в эксплуатацию жилых домов на 1 тыс. м² приводит к увеличению численности преступлений экономической направленности на 0,25 ед. Такая ситуация для нашей страны понятна – в условиях экономического кризиса у многих строительных компаний появляются трудности, которые преодолевают они незаконным путем. Строительство жилищного комплекса в настоящее время активно развивается, что порой приводит к увеличению числа недобросовестных застройщиков, такая ситуация характерна не только для отдельных регионов, но и для Российской Федерации в целом.

Рост объема всех реализованных продовольственных товаров на 1 тыс. руб. приводит к увеличению численности преступлений экономической направленности на 3,77 ед. Рынок продовольственных товаров в настоящее время является одним из крупнейших секторов экономики, где расчёты производятся за наличные деньги. Поэтому не удивительно, что это сектор представляет собой самую «благородную» почву для экономической преступности. Основная их доля при-

ходится на: незаконное предпринимательство; сомнительный сбыт, производство, приобретение и хранение товаров и немаркированной продукции; нарушение правил использования товарного знака; насыщение влагой рассыпных товаров и другие. Способы совершения такого рода преступлений многочисленны и развиваются по мере развития общества и увеличения рынка – все это приводит к росту числа нарушений.

Увеличение объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, на 1 млн. руб. приводит к увеличению числа преступлений экономической направленности на 4,41 ед. Ситуация может напоминать рассмотренный выше показатель объема всех реализованных продовольственных товаров. В производственном секторе преступления экономической направленности также не в диковинку: например, товар (полуфабрикаты, комплектующие, сырьё и т.д.) или промышленная услуга могут не отвечать требованиям безопасности; неправомерно выдаваться или использоваться официальные документы, удостоверяющие соответствие указанных товаров, работ или услуг. Перечисленное – лишь малая часть того, какие махинации могут применять преступники или должностные лица в такой огромной отрасли хозяйствования, а сосредоточение крупных объемов денежных средств, материальных ценностей, высокотехнологичного оборудования, контроль за которыми достаточно затруд-

нителен – усиливает криминогенную обстановку в данной сфере.

Увеличение объема кредиторской задолженности на 1 млн. руб. приводит к увеличению численности преступлений экономической направленности на 3,47 ед. Кредиторская задолженность – любой вид неисполненного обязательства должника перед кредитором, в ситуации экономического кризиса, многие компании находятся в состоянии упадка и не могут, соответственно исполнять свои обязательства, в том числе перед кредиторами. Тогда руководители организации исполняются мотивацией к уклонению от уплаты задолженности, что приводит к росту числа преступлений. Так же, следует оговориться, что в настоящее время не выработаны самостоятельные подходы к определению «злостность» (ст. 177 УК РФ), что приводит к тому, что нет четких границ преступления, что приводит к ущемлению интересов граждан и подрывает экономическую безопасность страны, из-за неспособности довести к ответственности ту или иную организацию или преступную группу.

Рост суммы убытка организаций на 1 млн руб. приводит к незначительному увеличению численности преступлений экономической направленности. Дотационные организации, обладающие статусом плано-убыточных, реже попадают под призму правоохранительной системы.

Увеличение показателя количества зарегистрированных экономических преступлений можно интерпретировать неоднозначно: во-первых, это индикатор активизации подразделений органов внутренних дел, а во-вторых, это фактический, как количественный рост, так и качественное изменение в прилежании преступников в данной сфере, повышении степени ее опасности. Это, как следствие, приводит к росту теневой экономики и коррупции как формы проявления экономической преступности, что является одним из самых сложных по раскрываемости преступлений [2]. Так же отметим, чем больше рынок (потребительский, производственный, рынок жилищного строительства и т.д.) тем больше будут совершаться преступлений, и не только экономической направленности.

Заключение

В ходе исследования был применен метод кластерного анализа, который позволил сформировать однородные кластеры регионов, классифицировать их как аграрные, промышленные или близкие к мегаполисам. Использование метода регрессии позволило определить, как абсолютное, так и относительное влияние вариации каждого социально-экономического показателя на изменение числа зарегистрированных преступлений экономической направленности. Таким

образом, по результатам проведенного анализа сформированы и выявлены особенности областей в оценивании числа преступлений экономической направленности, дана оценка влияния на данный показатель рассматриваемых объясняющих переменных.

Литература

1. Айвазян С.А. и др. Прикладная статистика: Основы моделирования и первичная обработка данных. Справочное изд. / С. А. Айвазян, И. С. Енюков, Л. Д. Мешалкин. М.: Финансы и статистика, 1983. 471 с.
2. Буров В.Ю., Атанов Н.И., Андриянов В.Н., Судакова Т.М. Теневая экономика и коррупция как формы проявления экономической преступности // Всероссийский криминологический журнал, 2014.
3. Дубров А.М. Многомерные статистические методы. Учебник. М.: Финансы и статистика, 2003.
4. Ищенко А.Н., Ищенко И.Н. Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности (создание простейшей учебной автоматизированной системы бухгалтерского учёта с помощью табличного процессора EXCEL). Учебное наглядное пособие. М.: Перо, 2017. 198 с.
5. Кильдишев Г.С., Аболенцев Ю.И. Многомерные группировки, М.: «Статистика», 1978. 160 с.
6. Кузнецова Е.И., Гамоненко С.С. Финансовый мониторинг как метод контроля в управлении экономической безопасностью // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С.185-189.
7. Кузнецова Е.И., Филатова И.В. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 201-204.
8. Накова М.Р. Анализ влияния налоговых преступлений на экономическую безопасность регионов Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. с. 278-282.
9. Юрьев В.Н., Дыбок Д.М. Кластерный анализ факторов, влияющих на инновационное развитие экономики в регионах Российской Федерации // Статистика и Экономика. 2017. Т. 14. № 1. с. 51-59.

References

1. Ayvazyan S.A. and other Applied statistics: Basics of modeling and primary data processing.

- Reference ed. / S. A. Ayvazyan, I. S. Enyukov, L. D. Meshalkin. Moscow: Finance and Statistics, 1983.471 p.
2. Burov V.Yu., Atanov N.I., Andriyanov V.N., Sudakova T.M. Shadow economy and corruption as forms of manifestation of economic crime // All-Russian Criminological Journal, 2014.
 3. Dubrov A.M. Multivariate statistical methods. Textbook. Moscow: Finance and Statistics, 2003.
 4. Ishchenko A.N., Ishchenko I.N. Informatics and information technology in professional activities (creation of the simplest educational automated accounting system using the EXCEL spreadsheet processor). Educational visual aid. Moscow: Pero, 2017, 198 p.
 5. Kildishev G.S., Abolentsev Yu.I. Multidimensional groupings, Moscow: Statistics, 1978.160 p.
 6. Kuznetsova E.I., Gamonenko S.S. Financial monitoring as a control method in managing economic security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1. P.185-189.
 7. Kuznetsova E.I., Filatova I.V. Economic crime and its impact on economic security // Bulletin of economic security. 2017. No. 3. S. 201-204.
 8. Nakova M.R. Analysis of the impact of tax crimes on the economic security of the regions of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 5. p. 278-282.
 9. Yuriev V.N., Dybok D.M. Cluster analysis of factors affecting the innovative development of the economy in the regions of the Russian Federation // Statistics and Economics. 2017.Vol. 14.No. 1. p. 51-59.

Бухгалтерский учет. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Ю.А. Бабаева, В.И. Бобошко, А.Ф. Дятловой. 611 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Представлена современная комплексная российская национальная система бухгалтерского учета, отчетности и анализа. Рассмотрены основы теории и организации бухгалтерского учета, содержание единой системы бухгалтерского финансового и управленческого учета.

Дана характеристика бухгалтерской (финансовой) отчетности, изложены основные методы анализа финансового состояния и финансовых результатов деятельности экономического субъекта. Приведена характеристика всех объектов бухгалтерского учета, их первичного, аналитического и синтетического учета, система бухгалтерских записей на взаимосвязанных синтетических счетах.

Материал изложен в полном соответствии с действующими российскими законодательными и нормативными правовыми актами по бухгалтерскому учету и отчетности, с учетом международных стандартов финансовой отчетности.

Для студентов (бакалавров, магистров) вузов, обучающихся по экономическим специальностям, преподавателей и практических работников.

ПОСТРОЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Иван Евгеньевич Кириллов, доцент кафедры физики, биологии и инженерных технологий, кандидат технических наук
Мурманский арктический государственный университет (183038, Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15)

E-mail: kirillovi@rambler.ru

Иван Николаевич Морозов, доцент кафедры физики, биологии и инженерных технологий, кандидат технических наук
Мурманский арктический государственный университет (183038, Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15)

E-mail: moroz.84@mail.ru

Павел Михайлович Мурашев, аспирант кафедры информационных систем

Тверской государственный технический университет (170026, Тверь, наб. А. Никитина, д. 22)

E-mail: myptver@gmail.com

Валерий Николаевич Богатилов, профессор кафедры информационных систем, доктор технических наук

Тверской государственный технический университет (170026, Тверь, наб. А. Никитина, д. 22)

E-mail: vnbgtk@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос построения и реализации информационной системы горно-обогатительных предприятий. Первым этапом проектирования являлся этап построения диаграммы классов, созданной в среде Rational Rose. Описаны все виды классов, реализующих рассматриваемую систему. На втором этапе приведено описание взаимосвязей клиентов с сервером, где наглядно раскрывается суть физической структуры всей информационной системы.

Ключевые слова: информационная система, диаграмма классов, Rational Rose.

BUILDING AN INFORMATION MODEL FOR MINING AND PROCESSING ENTERPRISES

Ivan E. Kirillov, Associate Professor of the Department of Physics, Biology and Engineering Technologies, Candidate of Technical Sciences

Murmansk Arctic State University (183038, Murmansk, ul. Kapitana Egorova, d. 15)

E-mail: kirillovi@rambler.ru

Ivan N. Morozov, Associate Professor of the Department of Physics, Biology and Engineering Technologies, Candidate of Technical Sciences

Murmansk Arctic State University (183038, Murmansk, ul. Kapitana Egorova, d. 15)

E-mail: moroz.84@mail.ru

Pavel M. Murashev, Postgraduate Student of the Department of Information Systems

Tver State Technical University (170026, Tver, nab. A. Nikitina, d. 22)

E-mail: myptver@gmail.com

Valery N. Bogatikov, Professor of the Department of Information Systems, Doctor of Technical Sciences

Tver State Technical University (170026, Tver, nab. A. Nikitina, d. 22)

E-mail: vnbgtk@mail.ru

Abstract. The article discusses the issue of building and implementing the information system of mining and processing enterprises. The first stage of the design was the stage of building a class diagram created in the Rational Rose environment. All types of classes that implement the system under consideration are described. At the second stage, a description of the relationship of clients with the server is given, where the essence of the physical structure of the entire information system is clearly shown.

Keywords: information system, class diagram, Rational Rose.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Кириллов И.Е., Морозов И.Н., Мурашев П.М., Богатилов В.Н. Построение информационной модели горно-обогатительных предприятий. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):288-91.

Введение

Современное горно-обогатительное предприятие имеет огромное количество разнородного промышленного оборудования, датчиков и достаточно сложное строение технологических схем производства, в следствие чего проектирование информационной системы горно-обогатительного предприятия является актуальной задачей [1-4].

Решение таких проблем проектирования непосредственно связано с одновременным или последовательным применением различных методов создания информационной системы.

Построение информационной модели

Рассмотрим одну из основных диаграмм, а именно диаграмму классов для горно-обогатительного предприятия (рис. 1).

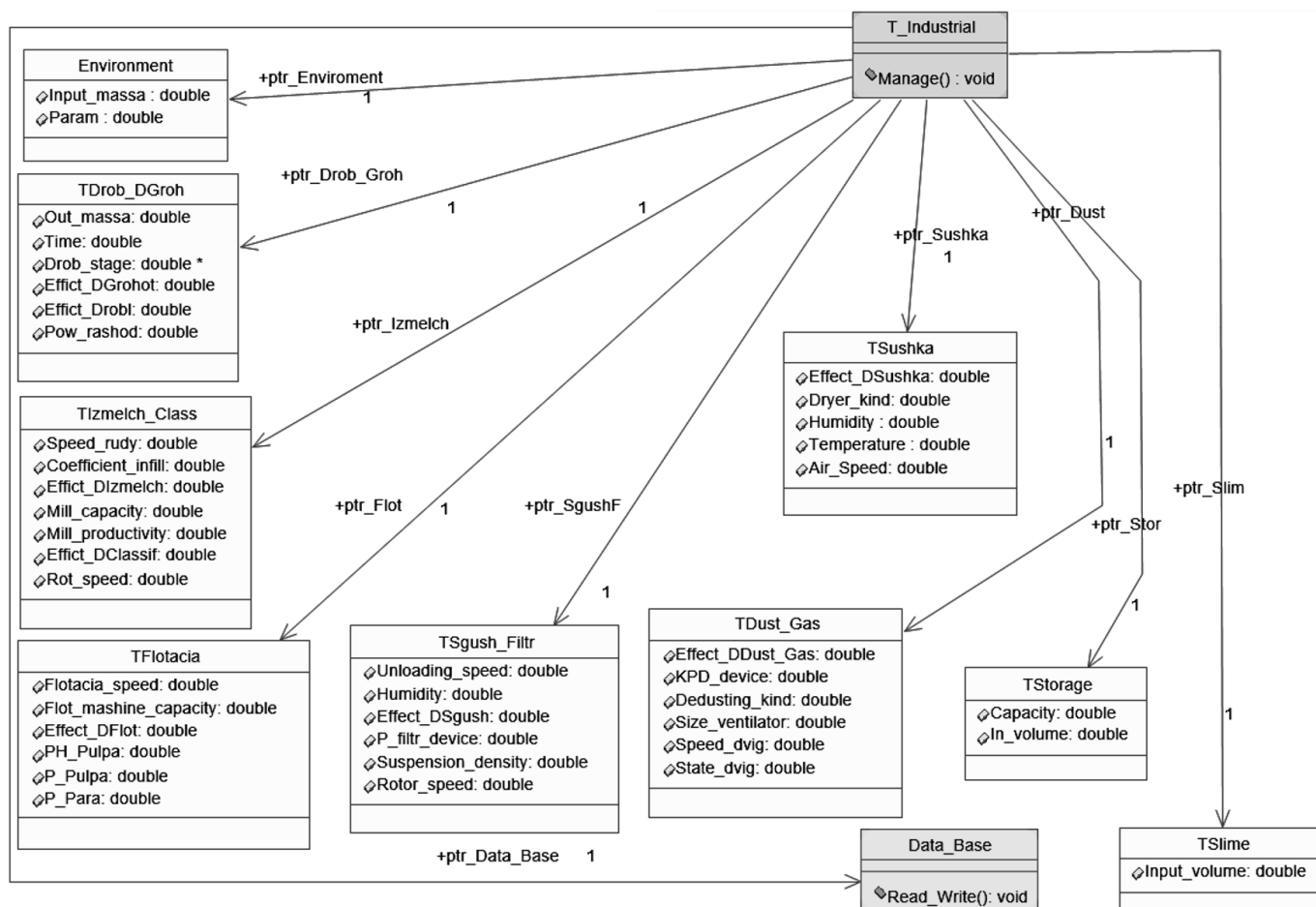

Рис. 1. Диаграмма классов

На данной диаграмме представлены следующие виды классов:

1. Environment – внешняя среда, казалось бы, что нет необходимости представлять внешнюю среду на диаграмме в виде отдельного класса, но у неё как у класса имеется два необходимых для создаваемой системы параметров: Input_massa (количество сырья подаваемого в систему) и Param (параметры этого сырья такие как: плотность, влажность и т.д.).

Знание этих параметров жизненно необходимо для правильной работы системы мониторинга, чтобы система не работала вхолостую, или в ней не возникало

перегрузок.

2. TDrob_DGroh, класс реализующий структуру “клиента”, работающего в цехе дробления и грохочения. Свойства данного класса: Out_massa (выходная масса сырья), Drob_stage (степень дробления), Effect_DGrohot (эффективность дробления), Effect_Drobl (эффективность дробления), Pow_rashod (удельный расход энергии). Эффективность это тот параметр, который должна отслеживать система мониторинга (следует отметить тот факт, что эффективность каждого из подразделений отслеживается соответствующим “клиентом”); степень дробления – основной

технологический показатель, характеризующий процесс дробления, который показывает во сколько раз уменьшился размер куска руды в результате дробления; энергия – один из важнейших параметров, который необходимо отслеживать (так как энергия является одним из самых дорогих ресурсов используемых в производстве).

3. *TlZmelch_Class*, класс реализующий структуру “клиента”, работающего в цехе измельчения и классификации. Этот класс также имеет ряд неотъемлемых атрибутов: скорость подачи руды, коэффициент заполнения мельниц, эффективность измельчения и классификации, частота вращения барабана.

4. *TFlotacia*, класс реализующий структуру “клиента”, работающего в цехе флотации. Этот класс имеет такие атрибуты как скорость флотации, pH пульпы, давление пара, давление пульпы и эффективность флотации.

5. *TSgush_Filtr*, класс реализующий структуру “клиента”, работающего в цехе сгущения и фильтрации. Здесь используются атрибуты: скорость разгрузки сгущенного материала, влажность, эффективность сгущения, перепад давления в фильтровальной установке, плотность суспензии.

6. *TSushka* – класс реализующий структуру “клиента”, работающего в цехе сушки. В этом классе присутствуют атрибуты: влажность, температура, скорость воздуха, эффективность сушки.

7. *TDust_Gas* – класс реализующий структуру “клиента”, работающего в цехе газоочистки и пылеулавливания. Этот класс имеет атрибуты эффективность газоочистки, КПД пылеулавливающей установки, скорость вращения вентиляторов.

8. *TStorage* и *TSlime* – склады и хвостовое хозяйство. Оба эти класса имеют атрибут объема поступающего продукта. Создание этих классов связано с необходимостью отслеживать свободное место на складе (атрибут *Capacity* – вместимость склада) для регулирования потока поступающей продукции.

9. *Data-Base* – база данных, в которую осуществляется запись полученных сервером от клиентов значений параметров.

Необходимо отметить тот факт, что сам сервер не измеряет ни каких параметров, так как в этом нет никакой необходимости, параметры поступают на него непосредственно от клиентов, так же сервер передает необходимую управляющую информацию на “клиентов” для обеспечения максимальной эффективности работы. Потоки информации между сервером и “клиентами”, так же присутствуют в диаграмме классов, к примеру, с самого начала на сервер из “внешней среды” поступает информация содержащая характери-

стику сырья и имеющееся в наличии количество этого сырья, сервер же в свою очередь передает во “внешнюю среду” информацию о количестве сырья которое может принять для переработки цех дробления и грохочения (эту информацию сервер получает от клиента *TDrob_Groh*) [5-10]. Аналогичным образом формируются потоки информации между сервером и другими клиентами.

Заключение

В статье рассмотрен вопрос построения и реализации информационной системы горно-обогатительных предприятий. На каждом этапе проектирования были приведены ключевые моменты, связанные с использованием программной среды *Rational Rose*. Как показала работа предлагаемой модели связь между сервером и клиентом позволяет использовать информационные потоки более эффективно и распределять данные потоки в отдельные блоки программной среды без временных затрат на их обработку в промежуточных ступенях. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-07-00914).

Литература

1. Кулев Е.Г. Обзор современного и мощного средства анализа, моделирования и разработки программных систем – *Rational Rose* / Е.Г. Кулев, Н.А. Войтова // В сборнике: Инновационные направления разработки и использования информационных систем и технологий. 2016. С. 45-49.
2. Применение CASE-технологий *Rational Rose* и *Arise* в моделировании бизнес-процессов Федорова О.В. // Вестник ТИСБИ. 2013. № 2. С. 166-172.
3. Федоров Р.С. Информационная архитектура предприятия / В сборнике: Закономерности и противоречия социально-экономического развития региона. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 178-181.
4. Мороз П.С. О моделировании потоков событий и данных при проектировании баз данных / П.С. Мороз, О.С. Флоринский // Перспективы науки. 2019. № 4 (115). С. 13-18.
5. Черткова Е.А. Автоматизация моделирования требований для проектирования информационных систем / Е.А. Черткова, П.С. Малышев // Качество. Инновации. Образование. 2013. № 11 (102). С. 60-62.
6. Сидорук М.В. Этапы проектного управления при улучшении бизнес-процессов на предпри-

- ятии / М.В. Сидорук, А.А. Григорова // Вестник Херсонского национального технического университета. 2016. № 4 (59). С. 175-179.
7. Турмуратова Д.А. Анализ структуры пакета в UML / Д.А. Турмуратова, Г.А. Султанова // Механика и технологии. 2017. № 2 (56). С. 189-192.
 8. Морозов И.Н. Применение нейросетевого регулирования в управлении водоотливными установками / И.Н. Морозов, Н.М. Кузнецов // Т 78 Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева / НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Нижний Новгород, 2018. №4 (123). С.135-142
 9. Таренко Л.Б. Сравнительный обзор и применение CASE-средств при проектировании информационных систем / Л.Б. Таренко, А.Д. Макарова // Вестник ТИСБИ. 2018. № 1. С. 159-166.
 10. Структурная модель работы вычислительной системы на основе виртуализации / Горбачевская Е.Н., Леонидов А.В. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. contradictions of socio-economic development of the region. Collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 2017. pp. 178-181.
 4. Moroz P.S. On modeling event and data flows in database design / P.S. Moroz, O.S. Florinsky // Prospects of science. 2019. No. 4 (115). pp. 13-18.
 5. Chertkova E.A. Automation of modeling requirements for designing information systems / E.A. Chertkova, P.S. Malyshev // Quality. Innovation. Education. 2013. No. 11 (102). pp. 60-62.
 6. Sidoruk M. V. Stages of project management in improving business processes at the enterprise / M. V. Sidoruk, A. A. Grigorova // Bulletin of the Kherson National Technical University. 2016. No. 4 (59). pp. 175-179.
 7. Tourmuratova D.A. Analysis of the package structure in UML / D.A. Tourmuratova, G.A. Sultanova // Mechanics and technologies. 2017. No. 2 (56). pp. 189-192.
 8. Morozov I.N. The application of neural network regulation in the management of water drainage installations / I.N. Morozov, N.M. Kuznetsov // T 78 Trudy NSTU n. a. R.E. Alekseev / NSTU n. a. R.E. Alekseev. Nizhny Novgorod, 2018. No. 4 (123). pp. 135-142
 9. Tarenko L.B. Comparative review and application of CASE-tools in the design of information systems / L.B. Tarenko, A.D. Makarova // Vestnik TISBI. 2018. No. 1. pp. 159-166.
 10. Strukturalnaya modeli raboty vychislitel'noi sistemy na osnove virtualizatsii [Structural model of a computing system based on virtualization] // Gorbachevskaya E.N., Leonidov A.V. // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2010.

References

1. Kulev E.G. Review of a modern and powerful tool for analysis, modeling and development of software systems-Rational Rose / E.G. Kulev, N.A. Voitova // In the collection: Innovative directions of development and use of information systems and technologies. 2016. pp. 45-49.
2. Application of Rational Rose and Aris CASE-technologies in business process modeling Fedorova O. V. // Vestnik TISBI. 2013. no. 2. pp. 166-172.
3. Fedorov R.S. Information architecture of the enterprise / In the collection: Laws and

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Александр Юрьевич Кабанов, курсант 4 курса 9 факультета (Психологии)
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (123001, г. Москва, Большая Садовая улица, дом 14)
E-mail: sasha-kabanov1999@mail.ru
Научный руководитель: преподаватель кафедры № 6 (физический подготовки) **Е.Н. Лямзин**

Аннотация. Представлены результаты исследования проблемы введения информатизации в образовательные процессы. Цель работы – изучение позитивных и негативных факторов развития информатизации в современном образовании. Анализ проводился на основе систематизации и сопоставления данных теоретических работ исследователей, обобщался опыт практических наблюдений педагогов. Результаты исследования указывают на неоднозначность использования информатизации в образовательной сфере, так как процесс внедрения имеет не только прогрессивные стороны, но и несет некоторые риски.

Ключевые слова: информатизация, образовательные процессы, дигитализация, конвергенция, коммуникационные навыки.

INFORMATIZATION AS A STANDARD PROCESS IN THE MODERN EDUCATIONAL SYSTEM

Alexander Yu. Kabanov, Cadet of the 4th year of the 9th faculty (Psychology)
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia)
E-mail: sasha-kabanov1999@mail.ru
Research supervisor: Teacher of the Department No. 6 (physical training) **E.N. Lyamzin**

Abstract. The article presents the results of a study of the problem of introducing informatization in educational processes. The purpose of the work is to study the positive and negative factors of the development of informatization in modern education. The analysis was carried out on the basis of systematization and comparison of the data of theoretical works of researchers, the experience of practical observations of teachers was generalized. The results of the study indicate the ambiguity of the use of informatization in the educational sphere, since the implementation process implies not only progressive aspects, but also risks.

Keywords: informatization, educational processes, digitalization, convergence, communication skills.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Кабанов А.Ю. Информатизация как естественный процесс в современной образовательной системе. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):292-4.

Введение. Среди совокупности современных образовательных тенденций, одной из ведущих на сегодняшний день остается информатизация образования. Информация, в связи с увеличением ее объемов, стремится к новым, более удобным способам подачи необходимых сведений и знаний, том числе и в образовательных процессах. Использование информационных технологий повышает эффективность образования, благодаря внедрению в школьные и вузовские программы таких подходов в работе с обучающимися как дигитализация, интерактивность и конвергенция, что особенно актуально сегодня не только в образовательной сфере, но и во многих других. Однако исследователи отмечают ряд сложностей

реализации внедрения информационных технологий в образовательный процесс, что препятствует информатизации образования в России.

Теоретический анализ проблемы исследования. Целью нашего исследования стало изучение позитивных и негативных факторов введения информатизации на образовательное поле. К изучению проблемы по данному вопросу обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи: Афанасьева Ю.В., Баранова И.А., Гасумова С.Е. Зуев Н.А., Игнатова В.А., Коллер Д., Левкина Н.Н., Никандров Н.Д., Осипова С.И., Петрова А.С., Сайков Б.П. и многие другие.

Исследователи отмечают, активное использование

информационных технологий повышает эффективность процесса обучения, поскольку образовательный процесс становится более гибким, интенсивным, продуктивным, обеспечивает индивидуальный подход; позволяет быстрее закреплять умения и навыки; преподаватели и учебные заведения получают возможность совершенствования процесса преподавания, обмена передовым педагогическим опытом [4]. Кроме того, дигитализация современных информационных процессов позволяет человеку получать информацию непрерывно, независимо от места и времени – это создает более комфортные условия для получения знаний. При этом социологические исследования говорят о неоднозначности процессов информатизации и дигитализации в образовательной сфере. Так, согласно данным ФОМ, почти треть опрошенных – 27% считают плюсом гаджетов оперативный доступ к самой разнообразной информации и еще 18% используют их, потому что это удобно. Однако только 2% используют гаджеты в образовательных целях, более того 11% опрошенных считают, что дигитализация оказывает отрицательное воздействие на здоровье и развитие ребенка [2].

Таким образом, гипотеза исследования заключается в предположении, что введение информатизации в образование – процесс неоднозначный, и влечет за собой как позитивные, так и негативные факторы.

Метод исследования. Базой для исследования выбраны педагогические наблюдения, статистические данные и нормативно-правовые акты, на основе которых систематизированы и выделены критерии участия информатизации в образовании с использованием примеров, отражающих современную картину образования в России. Такой подход позволяет оценить современную информатизацию образования с разных сторон. Выводы в работе сделаны на основе проведенного сопоставительного анализа.

Ход исследования. Опираясь на мнения современных исследователей, мы выделили следующие положительные факторы развития информатизации в образовательной среде:

1. Доступность.

Одним из самых очевидных причин развития информатизации является доступность различных знаний на площадках в сети интернет. На сегодняшний день существует многочисленное количество образовательных ресурсов, таких как электронные библиотеки, банки заданий, электронные тесты, различные дидактические материалы, которые позволяют педагогу и обучающемуся обеспечить наглядность, оперативность, легкость и широту восприятия информации.

2. Конвергенция.

В связи с прогрессом в технической сфере современные возможности позволяют интегрировать различные научные отрасли на цифровых площадках. Таким образом, в вузах появляются такие образовательные профили как нанотехнология, биоинженерия, информационная безопасность. Способствуя развитию новых областей знаний, информатизация оказывает по-

ложительное влияние на развитие научной индустрии.

3. Коммуникационные навыки и индивидуальный подход.

Информационные технологии позволяют сделать образование более эффективным и персонализированным, используя зарубежный опыт взаимодействия «один на один» или mastery learning [1]. В России согласно статье 16 Федеральному закону от 29.12.2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», образовательным организациям разрешено применять электронное обучение, дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ [8]. Современные информационные технологии дают широкий ряд возможностей в сфере самообразования (различные образовательные ресурсы, диджитал-библиотеки, подкасты и т.д.), индивидуального образования (путем сетевой коммуникации с педагогом), а также дистанционного образования, что особенно актуально в последнее время (использование программ для видеолекций, приложений и мессенджеров для видеосвязи: Skype, Zoom, WatsUp, а также образовательных платформ РЭШ, Дневник.ру, MOODL).

4. Интерактивность и наглядность.

Появление форумов, педагогических площадок позволяет обмениваться опытом педагогам, студентам и школьникам. Образовательные платформы адаптированы под разновозрастную аудиторию, что позволяет создать единый ресурс, который будет доступен как для преподавателей, так и обучающихся. Отметим также, что технический прогресс дал широкий ряд возможностей в сфере визуализации образования. Интернет сервисы позволяют увеличить вовлеченность обучающихся в образовательный процесс, сделать его нагляднее и интереснее. Так, например, интерактивные карты Google и Яндекс, сервисы для мультимедийных проектов Tilda и Infogram, веб-калькуляторы, интерактивные игры и многое другое.

Однако отметим, что перечисленные нами положительные факторы развития образования через призму информатизации – это теоретически идеализированная модель развития. На практике существуют риски, под влиянием которых может возникнуть торможение или неравномерное развитие. Исследование и классификация данных проблем необходима для успешной реализации информационно-цифрового образования в России [6]. Основные трудности заключаются в следующем:

1. Риск повышения общественного неравенства.

Информатизация и дигитализация образования предусматривает использование современных технологий в процессе образования, а значит работу с гаджетами и компьютерами. Приобретение дорогой техники доступно не всем – это может привести к общественному диссонансу.

2. Снижение грамотности, как следствие уменьшения практики устной и письменной речи.

Образовательные ресурсы в системе диджитал стремятся максимально упростить образовательный

процесс, сделать его более наглядным, что приводит к преобладанию картинки и звука над текстовым контентом.

3. Угроза снижения уровня социализации личности [7].

Индивидуальный и дистанционный подход к образованию безусловно упрощает процесс обучения в организационном плане, делая его более доступным, дает возможность заниматься самообразованием. Однако такие методы блокируют коммуникационно-социальные процессы – индивид абстрагируется от общества, делается замкнутым, что может привести к асоциализации и девиантному поведению человека.

4. Иллюзия свободы и вседозволенности в сетевом пространстве.

Интернет-пространство стирает возрастные, статусные и этические границы, что приводит к чрезмерной свободе и вседозволенности в сети. Как результат, возникновение кибербуллинга – цифрового запугивания и травли пользователей в сети.

5. Низкий уровень обеспеченности техникой образовательных учреждений.

Не секрет, что в России остаются населенные пункты, где до сих пор нет интернета, а школы не снабжены компьютерами. В результате возникает «образовательный дисбаланс»: образование россиян в технологически оснащенных населенных пунктах будет отличаться от деревенских школ, куда технических прогресс еще не дошел.

6. Недостаточная подготовленность педагогического состава в технических знаниях [3].

Практика дистанционного образования в России в период пандемии показала, что большинство преподавателей не подготовлены к диджитал-образованию, как психологически, так и технически. Среди педагогов большое количество пожилых людей, которые не владеют компьютером и мультимедийными технологиями в образовании.

Вывод. Таким образом, на основе проведенного нами анализа, были выделены позитивные и негативные факторы введения информатизации в образовательный процесс. Обозначенные нами примеры доказывают, что несмотря на постоянное развитие форм и методов информатизации образования, данный процесс имеет большое число рисков и проблем, связанных с бессистемностью, упрощенностью образования, а также с дефицитом живого общения. В решении данных задач необходимо активное участие государства и других участников образовательного процесса.

Литература

1. Lekciya Dafny Koller v centre Digital October (Moskva). 2013. <http://digitaloctober.ru/player/content/71> (дата обращения: 21.02.2021).
2. Без каких гаджетов люди себя не мыслят? // ФОМ URL: <https://fom.ru/Budushchee/14315> (дата обращения: 21.02.2021).
3. Гасумова С.Е. Информационные технологии в

социальной сфере: Учебное пособие. М.: Дашков и К, 2015. 350 с.

4. Зуев Н.А. Информационные технологии в образовании: возможности и негативные последствия / Н.А. Зуев, Н.Н. Левкина // Общество в эпоху перемен: формирование новых социально-экономических отношений: Материалы V международной научно-практической конференции. Саратов, 2014. С. 92–93.
5. Осипова С.И., Баранова И.А., Игнатова В.А. Информатизация образования как объект педагогического анализа // Фундаментальные исследования. 2011. №12 (часть 3). С. 506-510.
6. Петрова А.С., Афанасьева Ю.В., Левкина Н.Н. // Информатизация образования: проблемы и перспективы URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy-4/viewer> (дата обращения: 21.02.2021).
7. Сайков Б.П. Организация информационного пространства образовательного учреждения: Практическое руководство. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2004. 406 с.
8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г.

References

1. Lekciya Dafny Koller v centre Digital October (Moskva). 2013. <http://digitaloctober.ru/player/content/71> (Date of access: 21.02.2021).
2. Without which gadgets people do not think of themselves? // FOM URL: <https://fom.ru/Budushchee/14315> (Date of access: 21.02.2021).
3. Gasumova S.E. Information technologies in the social sphere: A textbook. M.: Dashkov and K, 2015. 350 p.
4. Zuev N.A. Information technologies in education: opportunities and negative consequences / N.A. Zuev, N.N. Levkina // Society in the era of change: the formation of new socio-economic relations: Materials of the V International Scientific and practical conference. Saratov, 2014. pp. 92-93.
5. Osipova S.I., Baranova I.A., Ignatova V.A. Informatization of education as an object of pedagogical analysis. 2011. No. 12 (part 3). P. 506-510.
6. Petrov A.S., Afanas'eva Yu.V., Levkina N.N. // Informatization of education: problems and prospects URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy-4/viewer> (Date of access: 21.02.2021).
7. Saikiv B.P. the Organization of the information space of an educational institution: Practical guide. M.: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2004. 406 p.
8. Federal Law "On Education in the Russian Federation" No. 273-FZ of 29.12.2012 // Rossiyskaya gazeta. 2012.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Юлия Алексеевна Малюшина, старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта Курганского государственного университета, внештатный лектор лекторской группы УМВД России по Курганской области Курганский государственный университет (640020, г. Курган, ул. Советская, 63, стр. 4)

E-mail: puma-juliya@yandex.ru

Ольга Борисовна Федорова, доцент группы по расследованию преступлений отдела организации дознания УМВД России по Курганской области (640026, Курганская область, г. Курган, ул. Куйбышева, 81)

E-mail: uob.45@yandex.ru

Аннотация. Изучаются психологические аспекты состава преступления; выделяется типология несовершеннолетних правонарушителей. Использовались методы: теоретический анализ литературы, психодиагностические методики, методы математической статистики. Описаны типы несовершеннолетних правонарушителей: «непредсказуемый»; «компенсирующий»; «аффективный». Результаты исследования могут применяться в практической деятельности педагогов, сотрудников полиции, психологов.

Ключевые слова: мотивация, несовершеннолетние, правонарушители, преступление, профилактика, рецидив, типология.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE CORPUS DELICTI AND CLASSIFICATION OF JUVENILE OFFENDERS

Juliya A. Malyushina, Senior Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports of Kurgan State University, Freelance lecturer at the lecture group of the Department Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kurgan Region Kurgan State University (640020, Kurgan, Sovetskaya str., 63, build. 4)

E-mail: puma-juliya@yandex.ru

Olga B. Fedorova, Interrogator of the Crime investigation team of the Investigation Department

Department Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kurgan region (640026, Kurgan region, Kurgan, Kuybysheva str., 81)

E-mail: uob.45@yandex.ru

Abstract. The purpose of the work is to study the psychological aspects of the corpus delicti and to identify the typology of juvenile offenders. The following methods were used: theoretical analysis of the literature, psychodiagnostic methods, methods of mathematical statistics. The types of juvenile delinquents are described: “unpredictable”; “compensatory”; “affective”. The results of the study can be applied in the practical activities of teachers, police officers, psychologists.

Keywords: motivation, minors, offenders, crime, prevention, relapse, typology.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Малюшина Ю.А., Федорова О.Б. Психологические аспекты состава преступления и классификация несовершеннолетних правонарушителей. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):295-8.

Исследование проводилось в рамках гранта №19-413-450002\20 «Исследование субъективного образа социального мира учащейся молодежи Курганской области области с целью прогнозирования социальных процессов в молодежной среде».

Криминальное поведение несовершеннолетних представлено как в психологической, так и в юридиче-

ской научной литературе.

Теоретический обзор юридической и психологической литературы, психологический анализ изученных уголовных дел позволили сделать вывод о том, что несовершеннолетние совершают такие виды преступлений как грабеж, разбой, кража, часто встречается хулиганство, незаконное изготовление, приобретение,

хранение, пересылка либо сбыт наркотических веществ, изнасилование. Стоит отметить, что также увеличивается количество групповых и организованных форм преступлений.

Необходимо отметить, что для квалификации преступления и его психологического анализа важную роль играет состав преступления. Состав преступления – это совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление. Структура состава преступлений состоит из следующих компонентов как объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Обстоятельства, которые отягчают наказание, во всех случаях, когда такой способ не является ни обязательным, ни квалифицирующим признаком (могут быть совершенные с особой жестокостью, издевательства над жертвой).

Одним из часто совершаемых преступлений среди несовершеннолетних является тайное хищение чужого имущества – кражи (ст. 158 УК РФ), следовательно, самоутверждение личности возникает в первую очередь в своих собственных глазах.

На наш взгляд, в основе корыстных преступлений лежит внутренняя неуверенность в себе как личности, а также в развитие заниженной самооценки личности.

Таким образом, корыстные мотивы имеют в своей основе проблемы самооценки индивида.

Следует отметить особенности механизма развития мотивации хулиганства, который может возникнуть в измененном состоянии сознания таких как алкогольное или наркотическое опьянение.

Полимотивационное хулиганство может совершаться под влиянием нескольких криминальных мотивов. Пример: мотивы вымещения и замещения, а также мотивом ложного утверждения перед сверстниками.

Если рассмотреть мотивацию насильственных преступлений, то стоит сказать, что подростки хотят продемонстрировать свою смелость, ловкость, умения, а также определенным образом самоутвердиться и впоследствии получить признание среди сверстников.

Самоутверждение может сочетаться с особой жестокостью. Так Л.Б. Филонов, отмечал, что самое большое число случаев жестокости совершают подростки в возрасте 11-16 лет.

В.В. Гульдман, Т.В. Корнилова, В.Н. Кудрявцев отмечают, что подростки совершают преступления такие как кражи, грабежи, разбойные нападения с целью озорства, они стремятся утвердить свой престиж в группе за счет псевдо романтики, появлением желания получить привлекательную вещь любым способом, даже неправомерным [2].

Необходимо отметить, что в настоящее время до-

минируют насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, например, изнасилования, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера. Соответственно, так как последствия необратимые при этих преступлениях, причинения потерпевшим физических, психических травм они представляют особую опасность. Основным мотивом является удовлетворение половой страсти в грубой форме, сопряженное с желанием унижить женщину, возникает проекция на жертву, появляется определенная агрессия, а также самоутверждения и проявления жестокости [4].

Среди преступлений несовершеннолетних доминируют корыстно-насильственным преступлениям как грабеж, разбой, вымогательство, бандитизм.

Для того, чтобы более подробно рассмотреть особенности мотивации криминального поведения необходимо изучить классификацию несовершеннолетних правонарушителей.

Рассмотрим некоторые классификации несовершеннолетних правонарушителей. Они имеют различные основания.

Например, П.П. Вельский выделял группы несовершеннолетних как таких, которые удовлетворяют свои низшие потребности преступным путем; у некоторых неразвита воля, многие внушаемые, зависимы от других и легко подстрекают к совершению преступления; есть мечтатели, которых привлекает криминальная романтика; а также морально деформированные личности либо действующие под влиянием истерии или психопатии.

А.Г. Ковалев разделил преступников на глобальный, предкриминальный, парциальный тип. Первый проявляется абсолютной зараженностью криминалом, отрицается любые занятия трудом, проявление благотворительности, неуважают других людей кроме членов своей субкультуры. Также проявляются признаки недостатка воспитания или проявления наследственности. Второй тип можно охарактеризовать как ситуативный, совершающий преступление под влиянием обстоятельств, например, убийство на почве ревности или другие.

Парциальный тип, частично криминально зараженный [3, с. 39].

Г.Г. Божович выделяет три группы несовершеннолетних правонарушителей: «Раскаивающиеся»; «Бесконфликтные»; «Циники».

В основу этого деления положено соотношение нравственных мотивов с действующими примитивными потребностями.

Г.М. Миньковский разделяет на четыре типа: случайный; ситуативный; общая отрицательная ориентация личности; преступная установка личности.

Ю.М. Антонян выделяет три наиболее крупные

типологические группы преступников: корыстные, насильственные и корыстно-насильственные.

Также еще одна классификация выделяют по таким критериям: потенциально неопасный; потенциально опасный; потенциально особо опасный, который совершил первый раз корыстное преступление с угрозой применения насилия, опасного для жизни; неопасный, который может совершить преступление с применением насилия, не опасного для здоровья; опасный тип, который совершил корыстное преступление с применением насилия, опасного для здоровья; особо опасный, который также совершил корыстные преступления с применением насилия, опасного для жизни. Значит, лиц, которые совершают корыстные преступления, но не имеют вышеперечисленных признаков, относятся к промежуточным типам.

И.В. Шмаров, М.П. Мелентьев выделяют группы правонарушителей с проявлением определенной стойкой антиобщественной установкой личности; правонарушители с социальной деградацией личности, а также и правонарушителей с антиобщественной неопределенной направленностью.

Также А.М. Яковлев разделял правонарушителей на две категории: с антисоциальной установкой, и у которых образ жизни направлен против правопорядка и асоциальной установкой сознательно.

В разработке классификации могут быть положены различные критерии: соотношение нравственных мотивов с действующими неудовлетворенными примитивными потребностями, по факторам ситуации, криминогенных искажений личности.

При проведении исследования нами была поставлена цель разработать типологию личности несовершеннолетних правонарушителей на основании психологического содержания мотивационной сферы личности и доминирующего криминального мотива в ее структуре. Данное исследование проводилось в течение нескольких лет.

Применялись следующие психодиагностические методики: «Ценностные ориентации» М. Рокича; «Профиль чувств в отношениях» Л. Куликова; «Индекс жизненного стиля» Плутчика – Келлермана – Конте; Проективная методика Тематический Апперцептивный Тест; Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана; «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского; «Опросник межличностных отношений» Шутца; Мотивационная индукция метод (МІМ) Ж. Нюттена; «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; «Доминирующий криминальный мотив» Малюшиной Ю.А.

Способом выявления типов несовершеннолетних правонарушителей стал кластерный анализ.

В результате было получено три кластера. На основании кластерного анализа были выделены типы несовершеннолетних правонарушителей по пси-

хологическому содержанию мотивационной сферы личности.

«Непредсказуемый». Такие подростки совершают проступки или преступления по настроению, возникшему желанию, или эмоции. Самых главным для них является их здоровье, самоконтроль, материальные блага, наличие собственного мнения, а также и аккуратность, и стремление к свободе, отчужденность, конфликтность, а также агрессивность.

В основном у них проявляются гедонические и астенические чувства. В структуре мотивации агрессивный криминальный мотив; аморальный мотив. Виды психологической защиты как компенсация, гиперкомпенсация, отрицание, рационализация, а так же копинг – стратегии как разрешение и избегание. Для них характерны: причинение телесных повреждений, грабежи, а также разбойные нападения, угроза убийством и т.д.

«Компенсирующий». Основное для них: материальные блага, независимость, наличия собственного мнения, а также признание и принятие их в своем обществе, и приоритетное мнение друзей. Они предпочитают жить в свое удовольствие – гедонические чувства, но если что-либо происходит, не как они желают, то появляется депрессивное состояние, тревога. Присутствует агрессивного криминальный мотив, аморальный мотива, мотива самоутверждения. Часто проявляются конфликтность и агрессивность, отрицание и рационализация.

Для них характерны: мошенничество, изнасилование, угон транспортного средства без цели хищения.

«Аффективный». Основное для них: независимость, здоровье, материальные блага, активная деятельность жизнь. Часто встречаются гедонические и астенические Аморальный, агрессивный и эмоциональный криминальный мотивы. Общение, жизнеобеспечение и творческая активность. Проявляются в общении с людьми отчужденность и конфликтность. Механизмы психологической защиты в основном проявляются в виды гиперкомпенсации, замещения и регрессия, а также копинг-стратегии как поиск и избегание. Для них характерны совершения убийства в состоянии аффекта, причинение телесных повреждений, оскорбление представителя власти, а также кража.

Можно сделать вывод о том, что у многих подростков, которые совершили преступления, наблюдаются устойчивые отклонения в нравственной направленности. Для них характерны эгоизм, индивидуализм, озлобленность, встречается упрямство, жадность, легкомысленное отношение к жизни, распущенность, а также неразвитость чувства стыда и т.п. Наблюдается эмоциональная возбудимость, агрессивность поведения, конфликтность, а также несдержанность и повышенная аффективность [1, с. 120].

Рассмотренные типы и их характеристики мож-

но применять при проведении следственных действий, таких как допросы, очные ставки, осмотр места происшествия, проведения обыска, качественному и эффективному расследованию преступлений несовершеннолетних, а также разработке и проведении профилактики рецидивной преступности.

Литература

1. Гусейнов А.Б. Особенности личности несовершеннолетних правонарушителей // Теория и практика общественного развития. 2008. № 2. с.114-120.
2. Кондрашенко В.Т. Девиантное поведение у подростков: социально-психологические и психиатрические аспекты. / В.Т. Кондрашенко. – Мн.: Беларусь, 1988.
3. Криминальная мотивация / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1986.
4. Русинов Г.Б. Мотивация насильственных преступлений несовершеннолетних. / Г.Б. Русинов. Казань: Изд-во Казанского университета, 1993.

5. Ушатиков А.И. Прикладная криминальная психология: Учебное пособие / Под ред. А.И. Ушатикова. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. 596 с.

References

1. Guseynov A.B. Personality features of juvenile offenders // Theory and practice of social development 2008. № 2. P. 114-120.
2. Kondrashenko V.T. Deviant behavior in adolescents: socio-psychological and psychiatric aspects / V.T. Kondrashenko. Mn.: Belarus, 1988.
3. Criminal motivation / Ed. by V.N. Kudryavtsev. M.: Science, 1986.
4. Rusinov G.B. Motivation of violent crimes of minors / G.B. Rusinov.-Kazan: Publishing House of Kazan University, 1993.
5. Ushatikov A.I. Applied criminal psychology: Textbook / Ed. A.I. Ushatikova. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2012. 596 p.

Психология оперативно-розыскной деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Шевченко В.М. и др. Москва, 2020 г. 255 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

В учебном пособии дается анализ теоретических и методологических основ психологии в оперативно-розыскной деятельности (ОРД), исследуются предмет, задачи и методы психологии в ОРД. Рассматриваются проблемы психологии личности, деятельности, профессионального общения оперативных работников с различными категориями участников ОРД, психологические основы раскрытия преступлений оперативными аппаратами органов внутренних дел.

Для курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Светлана Юрьевна Михайлова, преподаватель кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: mixff@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретико-методологические проблемы, специфика и роль профессионального самосознания сотрудников, условия формирования Я-концепции, что позволяет выделить условия, которые способствуют росту дальнейшей профессионализации.

Ключевые слова: становления Я-концепции, профессионально-личностное развитие личности, самореализация, «Я-образ», профессиональное становление.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF FORMING PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF INTERNAL AFFAIRS EMPLOYEES

Svetlana Yu. Mikhailova, Lecturer at the Department of Psychology of Educational and Scientific Complex of Psychology of Performance
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: mixff@mail.ru

Abstract. It is discussed theoretical and methodological problems, the specificity and role of professional self-awareness of employees, the conditions for the formation of the self-concept, which allow to highlight the conditions that contribute to the growth of further professionalization.

Keywords: self-concept formation, professional and personal development of personality, self-realization, "self-image", professional development.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Михайлова С.Ю. Теоретико-методологические проблемы формирования профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):299-304.

В современной прагматической среде, с ее динамикой изменений перехода в пространство виртуальной, на базе своего опыта, внутреннего потенциала и каждодневных усилий за свое будущее сотруднику органов внутренних дел в своей деятельности регулярно приходится в сжатые сроки моделировать окружающую его действительность за счет формирования рефлексивной профессиональной ответственности за решения возникшей задачи и оценки уровня ее сложности. В этой связи сотрудники ОВД должны применять приобретаемые профессиональные компетенции, профессиональный опыт, профессиональную активность, направленные на полное и всестороннее раскрытие его личности в контексте выбранной спе-

циализации для избегания преднамеренных ошибок, совершенных по причине невозможности разрешения проблемной ситуации в рамках правового поля.

Для оптимизации успешного личностно-профессионального поведения роль профессионального самосознания в деятельности сотрудников ОВД имеет колоссальное значение. Профессионализация как интегральная личностная характеристика оказывает разностороннее и многоуровневое влияние на структуру профессиональной Я-концепции сотрудника правоохранительных органов в контексте выполнения профессиональных задач в соответствии с заданной или требуемой программой. Одним из критериев оценки эффективности и успешности профессиональной де-

ятельности сотрудника ОВД выступает уровень его умений адекватно сложившейся ситуации регулировать и корректировать свое поведение в соответствии с установленными нормами и правилами, умениями и навыками. Развитие своего профессионального потенциала происходит уже с порога поступления в ВУЗ в 8-недельном интенсивном обучении (что включает в себя и адаптационные процессы) через профессиональную самореализацию включающую развитие своих навыков и наработку опыта по выполнению служебных обязанностей сотрудника правоохранительной системы. Идентификации с профессией проявляется в динамике профессионально-критичных показателей нормативности оценочно-регулятивной оптимизации собственного поведения. В современных условиях интенсивного социального развития, профессиональное самосознание это профессионализация сотрудника через процесс личностного развития в сфере его профессионально-осознанной деятельности, совмещающей в себе овладение профессиональными знаниями через профессиональное образование, профессиональные умения и навыки в сфере административного и уголовного законодательства, через получение и совершенствования профессионально-юридического опыта через взаимодействие с членами профессиональных групп. По мнению А.В. Булгакова «...целесообразно использовать методологию изучения межгруппового взаимодействия в организациях, учитывая то, что противоречия между членами профессиональных групп ведут к межгрупповым конфликтам, а анализ межгрупповых отношений в организациях позволяет рассмотреть уголовный процесс с точки зрения его психологических механизмов и реализации закономерностей межгрупповой адаптации групп с различными профессиональными компетенциями» [1].

Особенностью статьи является: теоретико-методологическое исследование концепции профессиональной идентичности, Я-концепции профессионала и деятельно-смысловая концепция личности, в рамках которой профессиональная Я-концепция личности рассматривается как «живая» гибкая детерминированная система, постоянно динамически развивающаяся, включающая в себя определенные смысловые целостные образования (подструктуры), которые указывают на рефлексивное отношение личности к себе как к успешному специалисту в своей профессиональной самореализации.

В современный период времени написано огромное количество работ, которые посвящены проблеме Я-концепции личности в рамках развитости Еgo и сохранности Super-Ego. Но, в частности, малоизученным остается феномен соответствия структурных особенностей свойств глубинного самого себя, своей позиции, а также восприятием этих свойств личности

другими людьми, а именно рефлексивностью профессионального самосознания.

При понимании структурирования профессионального становления сотрудников чаще всего превагирует концепция И.С. Кона, в которой выделяются следующие структурные аспекты «Я»:

- первое место выводится «Я» в качестве идентичности (так называемая самость). Раскрывая данный аспект нужно понимать что человек при изменениях окружающей среды, поддерживая и воспроизводя собственную структуру, сохраняет некоторую идентичность;
- вторым аспектом понимания образа «Я» является «Эго», то есть субъектность образа «Я» (связь субъективности явлений сознания, которое получило название Я);
- третьим аспектом выступает сам Образ «Я» (степень адекватности самооенок, и конкретные процессы и механизмы самосознания).

Важно отметить, что перечисленные выше аспекты являются взаимосвязанными, а также следует подчеркнуть необходимость формирования «Я-образа» позволяющее человеку производить и сохранять в своем сознании смыслы, ценности в пределах их объективных значений. В данном аспекте «Я-образ» определяется как некоторая социально-нравственная приемлемо-правовая установка, которая позволяет рассмотреть его как совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих признаков.

В рамках изучения предпосылок успешной профессионализации стоит обратить внимание на структурированно-выдержанную концепцию В.В. Столина и описание содержания профессиональной деятельности сотрудников (основная часть исследователей базируется на классификации профессий) Е.А. Климова, позволяющих сформулировать выводы, что профессиональное самосознание представляет собой гибкую динамическую систему, которая весьма гармонично включает отражение, осознание, оценивание сотрудником самого себя как субъекта профессиональной деятельности и понимание себя через самореализацию в профессиональных отношениях.

Структуру профессионального самосознания рассмотрим через составляющие её компоненты (табл. 1).

1. Рассмотрение когнитивного компонента профессионального самосознания включает в себя, прежде всего, профессиональный «Я-образ». А также предполагает необходимость отдельного анализа процесса самопознания, который выступает главенствующим звеном в процессе формирования профессионального образа Я сотрудника ОВД, а также его результата – комплекса представлений о себе, который соотносится с образом «Я-профессионал»: знания о собственной профессии, представления о себе как о специалисте и личности.

Таблица 1.

Компоненты структуры профессионального самосознания

<i>Когнитивный компонент</i>	<i>Аффективно-оценочный компонент</i>	<i>Поведенческий компонент</i>
Профессиональный образ «Я» Профессиональное самопознание Знание о своей профессии	Профессиональная самооценка Профессиональное самоотношение Отношение к своей профессиональной деятельности	Мотивационно- ценностная Регулятивно- действенная составляющие

Процесс самопознания возможен лишь в русле включения в него взаимодействий с окружающим миром, с другими людьми при помощи различных форм связи «Я» субъекта с «Я» других. Таким образом, происходит процесс познания себя как профессионала за счет постоянного осуществления сопоставления себя с другими профессионалами своего дела, что, в конечном итоге, поможет создать итоговый образ «Я-профессионал».

Главным сопровождающим аспектом на протяжении всего процесса самопознания у сотрудников полиции является непрерывность данного процесса в процессе выбранной ими специализации, которая представляется в всеерном переходе от одного инсайт-знания о себе к другому знанию – планомерно выстраиваемому в его сознании, его расширению, уточнению и углублению в процессе мотивированной профессионализации.

Отличительной чертой формирования данного процесса профессионального самопознания является факт невозможности его описания без учета особенностей профессионального «Я-образа», профессионального мастерства, продвижение по службе, повышение авторитета среди коллег, упрочение социального статуса.

Рассмотрение данной подструктуры – профессиональный «Я-образ» предполагает применение преломления знаний о себе, которые обобщаются и переформируются чаще всего в образы «Я–сотрудник», «Я–успешный специалист».

Следует отметить, что в большинстве случаев, внутренними приемами процесса самопознания являются самонаблюдение (интроспекция) и осознанное самовосприятие.

На следующем – втором уровне – в процессе аутокоммуникации, т.е. коммуникации в рамках «Я и Я», непосредственно происходит соотнесение знаний о себе. Индивид использует уже готовые знания о себе, которые были получены в различное время и в разных ситуациях, которыми может служить даже вынужденная учебно-профессиональная деятельность. В данном случае, особым внутренним способом самопознания выступает самоосмысление и самоанализ.

Необходимо отметить тот интересный факт, что И.С. Кон также разделяет «Я-образ» на отдельные

уровни и трактует его основную функцию как установочная система.

Итак, когнитивная составляющая включает в себя систему представлений о себе как субъекте профессионального саморазвития и совершенствования, из которой в дальнейшем строится профессиональный образ «Я как сотрудник», а также перечень необходимых знаний о выбранной профессии либо специальности.

2. Аффективно-оценочный компонент профессионального самосознания содержит совокупность следующих видов отношений – положительное отношение к себе как к личности и будущему специалисту, отношение к выбранной профессии, а также, что очень важно, адекватная профессиональная самооценка.

Центральная позиция в содержании данного компонента отводится профессиональной самооценке, которая отражает оценку личностью себя в качестве специалиста, своих профессионально-важных качеств, возможностей и своего места в профессиональной сфере.

Необходимо учесть, что о развитости и продуктивности профессионального самосознания сотрудника органов внутренних дел свидетельствует адекватность данной самооценки, которая будет обеспечивать подлинную идентификацию себя и своих личностных выражений в определенных или наоборот неопределенных обстоятельствах профессиональной деятельности, т.е. профессиональная самооценка не должна быть завышенной или заниженной, а должна быть в соответствии с выполняемыми служебными обязанностями, что позволит рационально реагировать на предъявляемые стимулы. Также адекватность профессиональной самооценки будет отражаться в позитивном, благоприятствующем влиянии на итог своей деятельности, грамотном выборе реакции сотрудника на успешность или не успешность в профессиональной деятельности, эффективность его взаимодействия с окружающей средой и другими людьми, регулирования процесса самоактуализации, упорядочении контроля за своим поведением, и, в свою очередь, будет служить основанием для регуляции уровня притязаний индивида.

Адекватность самооценки регулирует выбор целей и масштаб профессиональных планов личности,

разницу между уровнем притязаний и фактическим уровнем способностей и возможностей субъекта в осуществлении деятельности. При этом заниженная самооценка ведет к опасению возможной ответственности, пассивности, постоянному ожиданию неудач, стремлению специалиста ставить перед собой легкие цели и задачи. Завышенная самооценка приводит к постановке целей, которые превосходят возможности профессионала – он стремится к постоянному успеху, недооценивает необходимые сведения и не стремится развивать свои навыки и умения, останавливается на достигнутом уровне саморазвития.

Заслуживающим внимания для проработки «надежности» специалистов является ключевой факт того, что на этапе первоначальной профессиональной подготовки самооценка курсантов представляет собой недостаточно адекватное и неустойчивое образование. Обучающиеся на 1 курсе осуществляют перенос сложившейся ранее самооценки, которая сформировалась на предшествующих этапах обучения в школьный период. Как демонстрирует многолетняя исследовательская практика, возникает и закладывается непосредственно самооценка учебной деятельности на этапе профессиональной подготовки в процессе моделирования постановки сценарно-разноплановых кейсовых задач и модульно-блочных усложняющихся занятий от курса к курсу в ведомственных вузах.

Отношение человека к выбранной профессии оказывает влияние на формирование целостного самоотношения к себе как к сотруднику в структуре профессионального самосознания в исследованиях Л.О. Шараповой, направленные на профессиональное самосознание студентов-психологов. Данный феномен находит подтверждение в работах Л.Н. Корнеевой, которая рассматривает самооценку профессиональной деятельности через призму определения личностью уровня своих адекватных возможностей выполнения деятельности.

Итак, центральная роль в аффективно-оценочном компоненте отводится именно профессиональной самооценке, являющейся свидетельством наличия продуктивного и развитого на достаточном уровне профессионального самосознания.

Опираясь на все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что аффективно-оценочный компонент профессионального самосознания сотрудника ОВД состоит из комплекса следующих факторов: отношение к себе как сотруднику и личности, отношение к выбранной профессии и параметры профессиональной самооценки.

3. Поведенческий компонент профессионального самосознания содержит мотивационно-ценностный, регулятивный и действенный аспекты. Отличительной особенностью этого компонента выступает его целостное, неразделимое единство, взаимоопосредован-

ность, взаимодополнение, взаимовлияние входящих в него структур, причем процесс образования одной из них детерминирует развитие другого. Данное явление предопределяет рассмотрение данного компонента в качестве целостной организации, которая обеспечивает успешность трудовой деятельности.

Непосредственное влияние на формирование поведенческого компонента оказывает когнитивный компонент, который наполняет содержание профессионального самосознания необходимыми сведениями для успешного осуществления профессиональной деятельности и является неким рычагом активности субъекта, при этом наполняя профессиональную деятельность личностным смыслом.

Когнитивное эмоциональное образование, такое как образ профессии, является мотивирующим фактором оценки личностью себя. И, непосредственно, уже сам результат этой оценки будет мотивировать индивида к постановке перед собой определенных жизненных и профессиональных целей.

Таким образом, потребность в самоактуализации и самореализации будет являться основной чертой личности специалиста приводящее к качественному результату выдаваемого подитогового результата.

Достижение определенного идеального профессионального «Я-образа» детерминирует стремление профессионала к самоактуализации. Однако стоит учитывать, что достигнуть абсолютного идеала не представляется возможным. Но, все же, актуальная потребность в саморазвитии и самосовершенствовании профессионала является очень важной ценностью и открывает перед сотрудником огромные горизонты в его профессиональной деятельности и позволяет достигнуть высокого уровня профессионализма. В то же время самоактуализация предусматривает наличие у человека силы воли, самостоятельного и устойчивого мировоззрения, а также исключительную опору лишь на собственные ресурсы и силы субъекта. Это процесс непрерывного развития личности, в ходе которого она реализует свои возможности. В свою очередь, удовлетворенность своей профессиональной деятельностью обуславливает развитие и закрепление за субъектом ценностных ориентаций.

Переживание успеха в своей профессиональной деятельности способствует повышению удовлетворенности и своей профессиональной деятельностью в целом и собой как структурной единицы этого целого, и служит отправной точкой для последующего развития личности.

Для успешного профессионального развития от сотрудника требуются наличие следующих форм улучшения саморегуляции: ответственность, инициатива, сознательное преодоление тяжелых ситуаций с ориентацией на будущее положительное подкрепление. Также сотрудник сам должен выработать у себя следу-

ющие аспекты – сознательное стремление к самовоспитанию, саморазвитию, самосовершенствованию.

Таким образом, поведенческий компонент определяется степенью готовности к профессиональным действиям в отношении объекта будущей профессиональной деятельности и отражается в стремлении к самоактуализации и степени удовлетворенности своей профессиональной деятельностью, а также способности к самостоятельной регуляции своего поведения в различных непредусмотренных ситуациях.

Учитывая все вышесказанное, можно прийти к выводу, что профессиональное самосознание формируется на основе рефлексивных процессов самоотношения, самопознания, саморегулирования и самооценивания, а конечным продуктом взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон самосознания выступает «Я-образ», «Я-концепция».

В целях разграничения данных понятий разработано два подхода. Рассмотрим каждый из них. Первый предполагает отождествление данных понятий, то есть они считаются как синонимичные. Второй же подход сулит о наличии строгих, фиксированных различий.

В работах Е.Т. Соколовой образ-Я определяется как интегративное установочное образование, которое содержит в себе следующие компоненты:

1) аффективный – совокупность следующих видов отношений – отношение к себе как к личности и будущему специалисту, отношение к выбранной профессии;

2) поведенческий – практическая реализация целей, мотивов и условий в русле конкретных поведенческих актов;

3) когнитивный – комплекс представлений о себе, который соотносится с образом «Я-профессионал»: знания о собственной профессии, представления о себе как о специалисте и личности.

Также следует рассмотреть и мнение И.С. Кона, который в своих работах сохраняет данную трехкомпонентную структуру и отмечает, что «Я-образ» – это не только психическое отражение в виде понятий или представлений, но и также социальная установка, которая находит разрешение через отношение личности к самой себе.

Профессиональное самосознание сотрудника непосредственно связано с осуществляемой им деятельностью в рамках правоохранительной системы и новыми требованиями внешней среды (прогнозированию ситуаций, повышению уровня самооценки, самоконтроля освоению способов совместной деятельности и конструктивного разрешения конфликтов и т.д. и т.п.). Каждый специалист при понимании того, что он является субъектом профессионализации, должен осознавать особенности тех связей и отношений, которые складываются у него в результате взаимодействия

с социальным и материальным миром в сфере специфики его профессии в зависимости от степени удовлетворенности профессиональной деятельностью.

Непосредственно в профессиональном самосознании содержатся характеристики, соотнесенные с осуществлением сотрудником мотивированно выбранной профессиональной роли смыслами жизни, ценностей, которые связаны с рассматриваемыми отношениями и профессионально важными качествами. Сотрудник обязан осознавать свои копинг-стратегии, уровень самоконтроля, конфликтности и другие показатели профессиональной надежности к осуществляемым им действиям в неопределенных ситуациях, мотивы своей профессиональной деятельности, а также потребности к самореализации. Составляющие профессиональной надежности являющиеся базой формирования профессионального самосознания являются: опыт, индивидуальные свойства, которые нужны для эффективного осуществления своей деятельности, личностные качества, уровень. В связи с этим, мы можем сделать вывод о том, что развитость профессионализации сотрудника полиции выступает как фактор, влияющий на активизацию механизмов построения профессионального самосознания.

Литература

1. Бельский В.Ю., Чуманов Ю.В. Ситуации неопределенности ориентиров поиска в профессиональной деятельности сотрудников полиции и их психологическое изучение // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 264-270.
2. Лебедев И.Б., Родин В.Ф., Цветков В.Л. Юридическая психология: учебник. 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2015. 382 с.
3. Булгаков А.В. Структура психологических механизмов межгрупповой адаптации как индикатор и инструмент управления развитием организации: социально-когнитивный анализ // Вестник МГОУ. Психологические науки. 2012. № 3. С. 12–22.
4. Булгаков А.В., Екимова В.И., Кокурин А.В., Орлова Е.А., Шашкова И.А. Особенности и психологические механизмы профессионального взаимодействия участников уголовного процесса // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 156-167.
5. Булгаков А.В. Психологическая теория и практика межгрупповой адаптации (по результатам экспериментального исследования на кораблях Военно-морского флота России): монография / А.В. Булгаков. М.: МГОУ, 2006. 228 с.
6. Слесарева Е.А., Михайлова С.Ю., Мирзахме-

дов Д. Ш. Особенности взаимосвязи ценностно-смысловых факторов и ценностных ориентаций курсантов и слушателей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя // Вестник Московского университета МВД России. № 3. 2017.

References

1. Belsky V.Yu., Chumanov Yu.V. Situations of uncertainty of search guidelines in the professional activity of police officers and their psychological study // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. pp. 264-270.
2. Lebedev I.B., Rodin V.F., Tsvetkov V.L. Legal psychology: textbook. 2nd ed. Moscow: Unity-Dana, 2015. 382 p.
3. Bulgakov A.V. The structure of psychological mechanisms of intergroup adaptation as an indicator and a tool for managing the development of an organization: socio-cognitive analysis. Psychological sciences. 2012. No. 3. pp. 12-22.
4. Bulgakov A.V., Ekimova V.I., Kokurin A.V., Orlova E.A., Shashkova I.A. Features and psychological mechanisms of professional interaction of participants in the criminal process. 2019. Vol. 9. no. 2. pp. 156-167.
5. Bulgakov A.V. Psychological theory and practice of intergroup adaptation (based on the results of an experimental study on ships of the Russian Navy): monograph / A.V. Bulgakov. Moscow: Moscow State University of Economics, 2006. 228 p.
6. Slesareva E.A., Mikhailova S.Yu., Mirzakhmedov D.Sh. Features of the relationship of value-semantic factors and value orientations of cadets and students of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 3. 2017.

Организация
социально-психологических
тренингов для курсантов
образовательных организаций
МВД России

Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России. Учебно-метод. пособие. Михайлова С.Ю. и др. 159 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены программы социально-психологических тренингов, направленных на реализацию тракто-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном обучении курсантов-психологов.

Цель тренингов – необходимость развития сферы профессионального самосознания сотрудников полиции с учетом специфики их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем напряженности и риска, дефицита времени и информации при принятии решения и других факторов.

Основные идеи пособия неоднократно были апробированы на практике и в научных разработках в рамках научной школы «Психологическое обеспечение эффективности служебной деятельности», созданной на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и возглавляемой доктором психологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Федотовым и доктором психологических наук, профессором Игорем Борисовичем Лебедевым.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, практических психологов МВД России, адъюнктов и профессорско-преподавательского состава.

РОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ КАК ПРЕДИКТОР ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К СЕМЕЙНОМУ БУДУЩЕМУ

Артур Александрович Реан, Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ, доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Московский педагогический государственный университет (119048, Москва, ул. Усачева, 64)

E-mail: profrean@yandex.ru

Дарья Владимировна Молчанова, психолог, магистр психологии (Манчестерский Университет)
(123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1, издательство «Юнити-Дана»)

E-mail: molchanova.darja@gmail.com

Иван Александрович Коновалов, Аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения
Московский педагогический государственный университет (119048, Москва, ул. Усачева, 64)

E-mail: iv.konovалov@yandex.ru

Аннотация. Анализируются предикторы заинтересованного отношения подростков к вопросу создания собственной семьи посредством изучения дескрипторов, описательных характеристик родительских фигур, а также за счет выявления связей между ощущением счастья и желанием воспроизводить сценарии жизни родительской семьи. Исследуются наиболее и наименее популярные способы описания матери и отца, выявлены тенденции к использованию определенных характеристик. Желание повторять или не повторять сценарий родительской семьи статистически значимо связано с представлением о семье как об обязательном условии счастья. Несмотря на различное количество детей в родительской семье большинство подростков планируют в будущем создать семью с двумя детьми. При этом наличие детей является наименее популярным ответом при ранжировании условий благополучного брака. Полученные результаты сочетаются с представлениями об изменении взглядов подростков на вопрос семьи и детей, но важно отметить положительную тенденцию – в 81,6% случаев подростки все-таки рассматривают возможность создания собственной семьи, несмотря на то, что лишь 41,9% испытуемых хочет повторения родительского сценария.

Ключевые слова: семья, подростковый возраст, ролевая модель, образ матери, образ отца.

ROLE MODEL AS A PREDICTOR OF ADOLESCENTS' ATTITUDES TO THE FAMILY FUTURE

Artur A. Rean, Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Head of Center for socialization, family and prevention of antisocial behavior research of MPGU, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Member of Russian Academy of Education, Honored scientist of the Russian Federation
Moscow Pedagogical State University (119048, Moscow, ul. Usacheva, 64)

E-mail: profrean@yandex.ru

Darya V. Molchanova, Psychologist, MA in Counselling (The University of Manchester)
(123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1, Unity-Dana publishing house)

E-mail: molchanova.darja@gmail.com

Ivan A. Konovалov, Research analyst of the Center for socialization, family and prevention of antisocial behavior research
Moscow Pedagogical State University (119048, Moscow, ul. Usacheva, 64)

E-mail: iv.konovалov@yandex.ru

Abstract. The article analyses the predictors of teenagers' interest in the issue of creating their own family through the study of descriptors, descriptive characteristics of parental figures, as well as by identifying the links between a sense of happiness and the desire to reproduce life scenarios of the parental family. The most and least popular ways of describing a mother and father are investigated, trends in the use of certain characteristics are revealed. The desire to repeat or not to repeat the scenario of the parental family is statistically significantly related to the idea of the family as a prerequisite for happiness. Despite the different number of children in the parental family, most teenagers plan to create a family with two children in the future. Moreover, the

presence of children is the least popular answer when ranking the conditions of a successful marriage. The results match with ideas about changing the views of adolescents on the issue of family and children, but it is important to note a positive trend – in 81.6% of cases, adolescents nevertheless consider the possibility of creating their own family, despite the fact that only 41.9% of the subjects want a parental scenario.

Keywords: family, adolescents, role model, parental images, image of mother, image of father.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Реан А.А., Молчанова Д.В., Коновалов И.А. Ролевая модель как предиктор заинтересованного отношения подростков к семейному будущему. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):305-14.

Актуальным вызовом для современной психологической науки остаётся вопрос предпочтений подростков в вопросе формирования собственной будущей семьи. Поскольку очевидно, что на мотивацию создания семьи влияет множество факторов, исследователи сосредотачиваются на различных аспектах данного вопроса. К одному из таких аспектов можно отнести проблему восприятия подростками значимых других и способов идентификации самого себя с взрослыми.

Отечественный психолог Даниил Борисович Эльконин полагал, что нет прямой связи между гормональным созреванием подростка и развитием психологического «чувства взрослости» [3; 10]. Это специфическое новообразование начинает формироваться в 13-14 лет, оно разделяется на взрослость субъективную и объективную [4]. Понимание Эльconiным «взрослости» как неосознаваемого «отношения подростка к самому себе как к уже взрослому» [10] формирует наш исследовательский вопрос. Задача данной статьи в определении тех вероятных факторов внешней среды, которые могут формировать желание подростка иметь семью и воспроизводить сценарии родительской семьи в своей жизни.

Кроме взрослости, можно также обратиться к термину «зрелость», представляющему не меньший интерес. Этот феномен исследовался разными учеными, в том числе Э. Эриксоном, Б. Г. Ананьевым, Э. Фроммом [5]. В нашей работе воспользуемся идеей А.А. Реана, который выделяет четыре критерия личностной зрелости. К этим критериям относятся ответственность, терпимость, саморазвитие и интегративный компонент, все они являются базовыми и фундаментальными для определения чувства личной зрелости индивида [6].

Отечественный исследователь Т.В. Драгунова различала также несколько видов взрослости [3], часть которых может являться причиной возникновения желания попробовать нечто новое, что делают исключительно «взрослые». При этом «взрослые» воспринимаются как изолированная социальная группа, обладающая знаниями, умениями и навыками, которые

недоступны подросткам. Т.В. Драгунова писала о том, что для подростков характерно появление не только «интеллектуальной взрослости», но также «социальной».

Вовлечение подростка во «взрослый» мир может являться тем фактором, который оказывает наибольшее влияние на выбор структуры будущей семьи. «Чувство взрослости» как составной феномен не изучался в рамках данного исследования, однако является достаточным для теоретического обоснования анализа данных представленных в данной статье.

Таким образом, основной теоретической рамкой становится представление о феноменах (зрелость, чувство взрослости, идентификация себя со взрослыми) как о предикторах, частично определяющих процесс формирования представлений о будущей семье. Безусловно, сложно представить себе возможность полного рассмотрения всех трех феноменов в рамках одной работы, однако в данной статье делается первичная попытка связать их и изучить в контексте планирования семьи современными подростками. В статье используется термин «ролевая модель» – в том понимании, что моделью считается человек, которого индивид признает и на которого хочет быть похож [13; 14]. Кроме того, за «ролевой моделью» индивид может следовать, если ее поступки индивида восхищают [2] или если индивид хочет обладать присущими ролевой модели качествами [1].

В исследовании приняли участие подростки из разных регионов Российской Федерации, общая численность выборки – 7000 человек. Возрастной диапазон исследуемых респондентов – 16-19 лет. Это были учащиеся 10 и 11 классов различных образовательных институций, в том числе общеобразовательных школ и коррекционных школ, колледжей, гимназий и т.д. Из данной выборки под параметры проводимого в статье анализа подошли 5093 респондента.

Средний возраст респондентов – 16,5 лет, при этом представителей 16-летних – 55,5% от общего количества подростков, 17 – 41,8%, 18 – 2,6%, 19 – 0,2%. Характеристика выборки по классам обучения: в 10

классе на момент исследования обучались 52,6% подростков, в 11 – 47,4%. По полу состав выборки также репрезентативен: девушки составили 58% от общего числа учащихся, юноши – 42%. По месту проживания выборка менее равномерная: деревня или село – 17,5%, посёлок городского типа – 8,8%, город с населением до 100 тысяч человек – 19,9%, город с населением от 100 до 500 тысяч человек – 21,2%, город с населением свыше 500 тысяч человек – 32,6%.

Данный анализ является частью масштабного исследования отношения молодежи к институту семьи и семейным ценностям, которое было организовано в 8 субъектах РФ под научным руководством профессора А.А. Реана и профессора С.Б. Малыха. В настоящей статье были проанализированы данные по методике «80 прилагательных» А.А. Реана. Данные по указанной методике были рассмотрены в контексте следующих вопросов:

Что, по-Вашему, является основной причиной создания семьи?

Каковы главные условия благополучного брака?

Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?

Хотите ли Вы в будущем создать семью?

Сколько детей Вы хотели бы иметь в своей будущей семье?

Вы ощущаете себя счастливым человеком?

Считаете ли Вы наличие семьи обязательным условием счастья?

Назовите того, кто в семье оказал на вас в процессе взросления наибольшее влияние.

Поскольку для задач данного исследования было важно понимание состава семьи подростка в социального-демографическом блоке респондентам необходимо было выбрать структуру семьи, к которой относилась их родительская семья. Среди опрошенных школьников у 23% есть оба родителя, а он/она единственный ребенок в семье, у 41,8% есть оба родителя и сиблинг, у 13,5% есть оба родителя и 2 и более сиблингов. Также в выборке представлены неполные семьи.

Только с матерью проживает 11,3% подростков, с матерью и сиблингом – 6,5%, с матерью и двумя и более сиблингами – 2,1% от общей выборки. Исключительно с отцом проживает 0,9% от опрошенных подростков, с отцом и сиблингом – 0,4%, с отцом, двумя и более сиблингами – 0,5%.

Результаты и их интерпретация

Как главную причину создания семьи школьники обозначают «любовь», на втором месте располагается «взаимопонимание», наименее популярный ответ у подростков – «решение материальных и бытовых проблем». Следует отметить, что такую причину соз-

дания семьи как «рождение и воспитание детей» выбрали 334 респондента, что в контексте полученных данных позволяет определить топ-3 причин для создания семьи в данной подростковой выборке: любовь (64,8%), взаимопонимание (18%), рождение и воспитание детей (6,6%) (рис. 1). Поражает разница между первым местом и остальными, однако в целом топ-3 выбранных причин соответствует тем ценностям, которые в основном пропагандируются младшим поколениям в настоящее время в СМИ и культуре [8].

Респондентам был задан отдельный вопрос про условия благополучного брака. Поскольку в одном случае было использовано понятие «семья», а в другом «брак», мы допускаем возможное искажение ответов в связи с тем, что имеет место индивидуальная особенность восприятия данных терминов относительно образа родительской семьи [10]. Итак, подростки следующим образом проранжировали главные условия благополучного брака: 1) любовь (4417), 2) взаимная поддержка (4012), 3) умение идти на компромиссы (2685), 4) похожие ценности и взгляды (2008), 5) общие цели (1264) и наличие детей оказалось на последнем месте, его выбрали 1084 раза как одно из трёх главных условий благополучного брака.

Для того, чтобы оценить специфику восприятия матери и отца современными подростками в качестве ролевой модели, исследуем ответы респондентов на методику «80 прилагательных», в рамках которой они присваивали той или иной фигуре (Мать, Отец) дескрипторы, позволяющие создать характерологический портрет взрослого.

Если обобщать, то ТОП-10(+)¹ характеристик, которые выделили подростки для каждой из названных категорий, выглядит следующим образом (Табл.1). В таблице **жирным** шрифтом отмечены повторяющиеся прилагательные для родительских фигур.

Фигуры матери и отца во многом похожи, однако существуют отличия: «аккуратная», «человечная» и «ласковая мать», а также «веселый», «мудрый» и «авторитетный отец». Подобные отличия связаны с поведенческим компонентом детско-родительских отношений.

Имея на руках подобную картину, посмотрим, насколько она будет актуальна для разных категорий учащихся. Основанием для категоризации выступили ответы на вопросы, касающиеся отношения к семье и понятию «счастья». Проанализируем распределение ответов респондентов на вопросы, выбранные в качестве основания для дальнейшей категоризации (Табл. 2).

¹ Здесь и далее обозначение «ТОП-10(+)» относится к 10 наиболее популярным прилагательным, которые предпочли респонденты в контексте исследуемых вопросов, а обозначение «ТОП-10(-)» – к 10 наименее популярным прилагательным.

Рис. 1. Гистограмма «Причины создания семьи» по мнению подростков (в процентах)

Таблица 1.

10 популярных характеристик-описаний (по данным общей выборки исследования)

	Мать	Отец
1	заботливый	добрый
2	добрый	авторитетный
3	аккуратный	заботливый
4	ласковый	надежный
5	искренний	веселый
6	надежный	семейственный
7	семейственный	умный
8	человечный	мудрый
9	ответственный	ответственный
10	умный	искренний

Таблица 2.

Распределение ответов респондентов по исследуемым вопросам опросника

Вопросы опросника	да	нет	не знаю
Хотите ли Вы в будущем создать семью?	81,6 %	6,6 %	11,8 %
Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?	41,9 %	33,9 %	24,2 %
Считаете ли Вы наличие семьи обязательным условием счастья?	68,5 %	20,2 %	11,3 %
Вы ощущаете себя счастливым человеком?	69 %	12,1 %	18,9 %

Обнаруживаем достаточно сильное расхождение в ответах респондентов в указанных вопросах. Обращает на себя внимание преобладание одной категории ответов во всех вопросах, кроме «Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?». Этот вопрос, возможно, оказался наиболее личностно значимым для подростков. Кроме того, именно при ответе на данный вопрос наибольшее количество подростков предпочли ответ «не знаю», что может являться маркером либо социальной желательности вопроса, либо особой эмоциональной значимости вопроса, либо амбивалентного отношения подростка к родительской семье.

Также мы предположили наличие связи между ответами на вопросы «Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» и «Считаете ли Вы наличие семьи обязательным условием счастья?». Различные категории ответов были

рассмотрены как уровни факторов соответствующих переменных. При проверке данной гипотезы методом корреляционного анализа, было обнаружено, что ответы на рассматриваемые вопросы имеют значимую положительную корреляцию друг с другом ($r = 0,499$, $p = 0,01$). Отмечаем, что желание подростка воспроизвести сценарий родительской семьи связано с представлением подростка о том, что наличие семьи позволяет человеку чувствовать себя счастливым. При этом корреляция между вопросом про собственное ощущение счастья и представлением о семье как о непеременном атрибуте счастливого человека оказалась ниже ($r = 0,32$, $p = 0,01$).

Вопрос, касающийся члена семьи, оказавшего наибольшее влияние, с нашей точки зрения является ключевым для раскрытия идеи выбора подростком ролевой модели в рамках настоящего исследования. Ответы на вопрос «Назовите того, кто в семье оказал

на вас в процессе взросления наибольшее влияние» позволяют проранжировать предпочтительность ролевой модели следующим образом: 1) мать (56,3%), 2) отец (23,5%), 3) бабушка (8%), 4) дедушка (6,2%), 5) старший брат или сестра (6%).

Данное распределение дает нам основание для подтверждения существующей точки зрения о том, что родительское и прародительское влияние оказывает куда большее влияние, чем сиблинговое [11]. Кроме того, на взросление подростка, с его собственной точки зрения, женские фигуры (мать, бабушка) оказывают большее влияние, в совокупности, чем мужские (отец, дедушка) в 2 раза. Косвенным выводом может являться преимущественное влияние лиц женского пола на личностное развитие подростка, более детально данные, касающиеся предпочтения женских фигур в качестве значимых обсуждается в статье А.А. Реана 2017 года [7].

В рамках дальнейшего анализа мы исключали испытуемых, которые выбирали графу «не знаю». С помощью процедуры рандомизации, реализованной в SPSS, было отобрано равное количество респондентов, давших противоположные ответы на вопросы, положенные в основу дальнейшего анализа.

«Хотите ли Вы в будущем иметь семью?»

Ответы респондентов на вопрос «Хотите ли Вы в будущем создать семью» (Табл. 3) показывают общую схожесть ответов подростков относительно восприятия ролевых моделей отца и матери. Базовое отличие (выделенное **жирным**) замечается в дескрипторах «умная мать» и «миролюбивая мать», а также «искренний отец» и «человечный отец». В целом следует отметить более низкие проценты выборов респондентов, которые отвечают на вопрос отрицательно.

Использование большего числа дескрипторов респондентами, которые не хотят заводить семью, может свидетельствовать о том, что их отношение к родительской фигуре является более критичным, в отличие от тех, кто хочет заводить семью. Кроме того, даже если сравнивать просто удельный «вес» дескрипторов в ответах относительно отца, то можно заметить, что данная фигура обладает более низким удельным «весом» ответов – что косвенно может являться симптомом более разносторонней оценки отца с точки зрения подростков. Мы можем предположить, что отцовская фигура вызывает больший разброс ответов испытуемых, в связи с тем, какое место отцы занимают в современных семьях. Роль матери остается более традиционной и типовой, респонденты подтверждают это меньшим разбросом ответов, в то время как отцовские фигуры подростки описывают более неоднородно.

«Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?»

Исследуя подвыборку респондентов, разделенную на основании полярных ответов на вопрос «Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в

которой Вы выросли?» (Табл. 4), обнаруживаем большее количество разных дескрипторов, которые предпочитают подростками.

При этом, отметим, что материнская фигура пока что остается более однородной в восприятии респондентов, различия обнаруживаются в дескрипторах «умная мать», «честная мать», «ответственная мать» и «авторитетная мать». При условии того, что данный вопрос, так или иначе, связан с прошлым опытом школьников, можно предположить, что те качества, которые выделяются в ролевых моделях, могут показывать существенное отличие в поведении и/или отношении родителей к своим детям. При этом, восприятие фигуры отца еще более разнородно: наблюдаются отличия в дескрипторах «веселый отец», «умный» и «мудрый отец», а также «ласковый отец», «человечный отец» и «аккуратный отец».

Иными словами, при описании фигуры отца, низкий удельный вес таких дескрипторов, как «ласковый» и «аккуратный» не встречается в других подвыборках, кроме рассматриваемой. С нашей точки зрения, это может свидетельствовать в пользу трех гипотез: 1) подростки, отвечающие отрицательно на оба рассмотренных выше вопроса, более критичны к описанию родительских фигур, 2) отцовские фигуры вызывают у респондентов более разнообразный отклик, чем материнские, 3) для ответов на вопрос «Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» разброс ответов «да», «нет» и «не знаю» меньше, а по сравнению с другими вопросами увеличивается количество ответов «не знаю». Этот факт, возможно, позволяет критически настроенным подросткам подчеркивать те качества родителей, которых им могло не хватать в их семьях.

«Вы ощущаете себя счастливым человеком?»

В Таблице 5 можно увидеть ответы респондентов на вопрос «Вы ощущаете себя счастливым человеком». Исходя из ответов подростков, мы видим сильно различные ТОП-10 прилагательных для рассматриваемых подвыборок.

Обратим внимание на характеристики «заботливая мать» и «авторитетный отец». Они появляются в ответах и «счастливых» и «несчастливых» респондентов, при этом занимают высокое положение при ранжировании. Однако, наборы оставшихся дескрипторов существенно отличаются в контексте ответов на поставленный вопрос.

Как мать, так и отец с точки зрения «счастливых респондентов» обладают идентичными качествами (добрый, искренний, семейственный, надежный, умный) и различается лишь степень популярности того или иного дескриптора. Качественно разными описательными характеристиками являются «авторитетный отец», «аккуратная мать», «ласковая мать», «человечная мать», «мудрый отец».

Таблица 3.

**Топ-10 дескрипторов в контексте различных ответов на вопрос:
«Хотите ли Вы в будущем создать семью?»**

мать				отец			
+		-		+		-	
заботливый	88%	заботливый	71%	добрый	67%	авторитетный	58%
добрый	85%	аккуратный	69%	авторитетный	65%	добрый	48%
ласковый	82%	добрый	69%	заботливый	65%	заботливый	48%
аккуратный	82%	ласковый	61%	надежный	63%	семейственный	44%
искренний	78%	искренний	59%	семейственный	61%	веселый	44%
семейственный	74%	авторитетный	57%	умный	61%	надежный	43%
надежный	74%	семейственный	55%	веселый	60%	умный	43%
умный	69%	человечный	55%	мудрый	60%	ответственный	42%
человечный	69%	надежный	52%	ответственный	57%	человечный	42%
ответственный	69%	миролюбивый	51%	искренний	57%	мудрый	41%

Таблица 4.

**Топ-10 дескрипторов в контексте различных ответов на вопрос:
«Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?»**

мать				отец			
+		-		+		-	
заботливый	86%	заботливый	84%	авторитетный	77%	добрый	52%
добрый	85%	добрый	80%	добрый	75%	авторитетный	49%
аккуратный	83%	аккуратный	76%	заботливый	74%	заботливый	49%
ласковый	80%	ласковый	76%	надежный	72%	семейственный	46%
искренний	77%	искренний	71%	мудрый	71%	надежный	45%
надежный	74%	семейственный	68%	умный	69%	ответственный	43%
семейственный	73%	надежный	68%	семейственный	68%	человечный	41%
умный	71%	ответственный	64%	веселый	67%	искренний	41%
человечный	70%	человечный	64%	искренний	67%	ласковый	29%
честный	68%	авторитетный	60%	ответственный	64%	аккуратный	26%

Таблица 5.

**Топ-10 дескрипторов в контексте различных ответов на вопрос:
«Вы ощущаете себя счастливым человеком?»**

мать				отец			
+		-		+		-	
заботливый	87%	целеустремленный	77%	добрый	69%	авторитетный	52%
добрый	86%	честный	73%	авторитетный	68%	честный	50%
аккуратный	82%	заботливый	70%	заботливый	67%	целеустремленный	48%
ласковый	82%	сообразительный	68%	надежный	64%	веселый	47%
искренний	78%	черствый	63%	умный	62%	жадный	47%
семейственный	74%	серьезный	63%	семейственный	62%	черствый	46%
надежный	74%	тактичный	60%	мудрый	61%	тактичный	46%
умный	69%	глупый	58%	веселый	61%	аккуратный	44%
человечный	69%	авторитетный	58%	искренний	58%	любопытный	43%
ответственный	68%	любопытный	56%	ответственный	58%	серьезный	41%

Если же рассматривать выбранные дескрипторы «несчастливых респондентов», то обнаруживаем также большую схожесть между образами ролевых моделей матери и отца (целеустремленный, честный, черствый, тактичный, авторитетный). Уникальными дескрипторами являются «заботливая мать», «сообразительная мать», «глупая мать», «веселый отец», «жадный отец» и «аккуратный отец» (табл. 5).

«Считаете ли Вы наличие семьи обязательным условием счастья?»

Также, как и в таблице 5 рассмотрим ответы на вопрос «Считаете ли Вы наличие семьи обязательным условием счастья?», сравнивая представления о ролевых моделях у респондентов из подвыборок, которые соглашаются или отрицают необходимость наличия семьи как условия счастья.

**Топ-10 дескрипторов в контексте различных ответов на вопрос:
«Считаете ли Вы наличие семьи обязательным условием счастья?»**

мать				отец			
+		-		+		-	
заботливый	88%	целеустремленный	80%	добрый	68%	авторитетный	59%
добрый	86%	честный	76%	авторитетный	67%	честный	57%
ласковый	83%	заботливый	73%	заботливый	66%	целеустремленный	54%
аккуратный	83%	сообразительный	69%	надежный	64%	веселый	53%
искренний	79%	серьезный	65%	семейственный	62%	жадный	52%
надежный	75%	черствый	64%	умный	61%	тактичный	51%
семейственный	75%	тактичный	63%	мудрый	61%	черствый	49%
умный	70%	глупый	61%	веселый	61%	аккуратный	49%
человечный	70%	любопытный	60%	ответственный	58%	любопытный	48%
ответственный	69%	раздражительный	58%	искренний	58%	серьезный	46%

В данной подвыборке опять выделяются дескрипторы «авторитетный отец» и «заботливая мать». Кроме того, обратим внимание на отличия, которые можно заметить в группах «согласных» с тем, что, что семья – условие для счастья, и «несогласных» с указанным утверждением.

С точки зрения «согласных» респондентов фигуры матери и отца схожи в описательных характеристиках «добрый», «заботливый», «искренний», «надежный», «семейственный», «умный», «ответственный». Качественно выделяются дескрипторы «ласковая мать», «аккуратная мать», «человечная мать», «авторитетный отец», «мудрый отец», «веселый отец» (табл. 6).

Если рассматривать выборку «несогласных», что семья является обязательным условием для счастья, то существуют ряд идентичных качеств (целеустремленный, честный, серьезный, черствый, тактичный, любознательный). Отличающимися дескрипторами являются «авторитетный отец», «веселый отец», «жадный отец», «аккуратный отец», «заботливая мать», «сообразительная мать», «глупая мать», «раздражительная мать». Следует отметить, что именно в группе «несогласных» появляются довольно значимые, негативно окрашенные слова «чёрствый», «раздражительный», «жадный», «глупый» (табл. 6).

В рамках проведенного анализа часто встречается разный удельный «вес» дескрипторов в зависимости от подвыборки респондентов. В контексте научной дискуссии о влиянии родительской фигуры на выбор подростком своего будущего, данный факт может являться одним из ключевых. Отсутствие положительного опыта, или же «двойные послания», которые могут посылаются как матерью, так и отцом вполне могут сформировать у подростка неоднозначное или негативное отношение к браку и деторождению [12]. Если мы обратим внимание на то, какова частота выбора прилагательных с отрицательным значением, то увидим, насколько их частота меньше. К примеру, первое подобное прилагательное «ворчливый» находится на 44-м месте по упоминанию у отца (1058 выборов) и на

45-ом у матери (776 выборов).

Некоторый процент участников исследования, которые не согласны с повторением родительского сценария создания семьи, могли задумываться не только о межличностных отношениях внутри семьи, но также о самой структуре семьи. Лишь 8,9% подростков заявили, что не хотят заводить ни одного ребенка. Если говорить о количестве возможных будущих детей, то ответы распределились следующим образом: 14,4% – один ребенок, 49,9% – два ребенка, 19,4% – три ребёнка, 7,3% – три и более ребёнка. Для того, чтобы проверить данную гипотезу, рассмотрим таблицы сопряженности. Нам необходимо понять, могла ли структура родительской семьи (количество детей в ней) быть связанной с выбором респондентами структуры своей будущей семьи.

Установлена статистически значимая связь рассматриваемых в табл. 7 признаков ($\chi^2 = 111.06$, $df = 8$, $p < 0.01$). Однако, отметим, что наиболее предпочитаемым вариантом для респондентов, принимавших участие в данном исследовании, является «два ребенка в будущем». Для респондентов, проживающих с родителями (или только с матерью или отцом), но не имеющих братьев или сестер на втором месте по популярности оказался вариант построения в будущем семьи с одним ребенком. При этом, практически аналогичная частота выбора оказалась у варианта «три ребенка» в будущем.

Для респондентов, имеющих брата или сестру, вторым по популярности вариантом оказался «три ребенка в будущем», а «один ребенок» – третьим по популярности. Для респондентов, проживающих в семьях, в которых три и более детей, вторым по популярности оказался вариант «семья с тремя детьми в будущем», третьим – «семья с количеством детей более трех». Данные результаты косвенно подтверждают связь между желанием заводить определенное количество детей и тем опытом, который был у респондентов. Далее проанализируем связь желания иметь детей в будущем и полноту/неполноту родительской семьи.

Установлена статистически значимая связь рассматриваемых в табл. 8 признаков ($\chi^2 = 266.92$, $df = 1$, $p < 0.01$). Большинство респондентов из полных семей сообщили о желании повторения сценария родительской семьи. В то время как большинство респондентов из неполных семей сообщили об обратном.

Установлена статистически значимая связь рассматриваемых в табл. 9 признаков ($\chi^2 = 19.724$, $df =$

4, $p < 0.01$). При ответе на вопрос «Сколько детей Вы хотите в будущем?» наиболее популярным вариантом как среди респондентов из полных, так и из неполных семей оказался вариант «2 детей». Вторым по популярности у респондентов из полных семей оказался вариант «3 ребенка», третьим – «1 ребенок». В то время как у респондентов из неполных семей варианты «1 ребенок» и «3 детей» имели одинаковую частоту.

Таблица 7.

Связь числа детей в родительской семье и планируемого числа детей в будущем

Число детей в родительской семье	Предполагаемое число детей в будущем				
	один	два	три	Более трех	Ни одного
Один	198	667	190	57	19
Два	200	931	347	120	15
Три и более	48	235	162	74	7

Таблица 8.

Связь структурной полноты родительской семьи и предпочитаемого числа детей в будущем

Структурная полнота родительской семьи	Хотите ли вы, чтобы ваша будущая семья была похожа на ту, в которой вы выросли	
	нет	да
Полная	868	1711
Неполная	471	220

Таблица 9.

Связь структурной полноты родительской семьи и предпочитаемого числа детей в будущем

Структурная полнота родительской семьи	Сколько детей Вы хотите в будущем?				
	1	2	3	Более трех	Ни одного
Полная	319	1455	571	204	30
Неполная	127	378	128	47	11

Таблица 10.

Связь желания иметь детей в будущем и желания иметь семью, похожую на родительскую

Хотите ли вы, чтобы ваша будущая семья была похожа на ту, в которой вы выросли	Желание иметь детей в будущем	
	Нет	Да
Нет	29	1310
Да	12	1919

Установлена статистически значимая связь рассматриваемых в табл. 10 признаков ($\chi^2 = 14.01$, $df = 1$, $p < 0.01$). Несмотря на очевидный перекося в выборке, отметим, что желание иметь детей положительно связано с нежеланием повторять родительский сценарий.

Выводы

В результате исследования особенностей выборов подростками дескрипторов, описывающих родительские фигуры, в контексте ответов на вопросы, касающиеся представлений как о родительской, так и потен-

циальной собственной семьи и различных аспектов представления респондентов о счастье, был обнаружен ряд фактов. Мы разделяем наши выводы на те, которые требуют дополнительных исследований, и те, которые выглядят более однозначными. Итак:

- ответы на вопросы «Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» и «Считаете ли Вы наличие семьи обязательным условием счастья?» – статистически значимо связаны друг с другом;
- материнская заботливость и авторитетность отца – две описательные характеристики, которые попадают в ТОП-10 вне зависимости от подвыборки, эти два дескриптора присутствуют во всех ТОП-10, проанализированных в данной статье;
- «отцы» в глазах подростков наделены более разнообразными описательными характеристиками, чем матери, что выражено в большем числе появления уникальных дескрипторов;
- респонденты, ответившие «нет» на вопрос «Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» показывают сильную разнородность дескрипторов по методике «80 прилагательных», при описании как матери, так и отца;
- при этом категория «отец» получает настолько много вариаций ответов, что в ТОП-10 попадают дескрипторы с удельным «весом» 24%;
- вопросы, связанные с феноменом «счастья» сами по себе дают различия в дескрипторах, описывающих родителей; обнаруживается больше схожего не между фигурами отца и матери, а между отрицательными и положительными описаниями любой из социальных ролей (что в предыдущих вопросах не наблюдается);
- состав семьи и количество детей в родительской семье связаны с тем, что хочет видеть подросток в своём будущем, однако в каждой из проанализированных подвыборок наиболее популярным ответом на вопрос «сколько детей Вы хотите в будущем?» становится «два ребенка».

Кроме того, были исследованы особенности выделенных дескрипторов в подвыборках респондентов. Исходя из этого, выделяем следующие гипотетические предположения:

- женские фигуры с точки зрения подростков оказывают большее влияние на взросление учащихся, чем мужские;
- большее число описательных характеристик в выборке школьников, которые не хотят завести семью, может свидетельствовать о том,

что их отношение к родительской фигуре не социально желательное, а реалистичное.

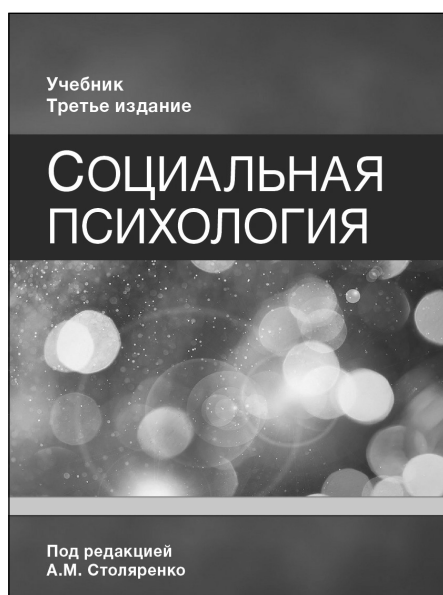
Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург, 2000.
2. Бартол К. Психология криминального поведения. Санкт-Петербург, 2004.
3. Драгунова Т.В. Проблема конфликта в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1972. №. 2. С. 35-38.
4. Новгородцева А.П. Переживание подростками «чувства взрослости» // Психологическая наука и образование. 2006. Т. 11. №. 2. С. 39-54.
5. Психологическая зрелость личности/ Под общ. ред. Л.А. Головей. СПб.: Скифия-принт, СПбГУ, 2014. 240 с.
6. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008.
7. Реан А.А. Отец и мать в сознании детей и подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otets-i-mat-v-soznanii-detey-i-podrostkov> (дата обращения: 08.05.2020).
8. Ростовская Т.К. Семья и семейный образ жизни в системе ценностей поколений // Человек в мире культуры. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-semeynyy-obraz-zhizni-v-sisteme-tsennostey-pokoleniy> (дата обращения: 01.06.2019).
9. Швецова М.Н., Томилина А.И. Образ будущей семьи в представлении подростков // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-buduschey-semi-v-predstavlenii-podrostkov> (дата обращения: 07.06.2019).
10. Эльконин Д.Б. Некоторые аспекты психического развития в подростковом возрасте // Психология подростка: Хрестоматия / Ред.-сост. Ю.И. Фролов. М., 1997. С. 313-320.
11. Axinn W. G., Clarkberg M. E., Thornton A. Family influences on family size preferences // Demography. 1994. Т. 31. №. 1. С. 65-79.
12. Beakel N.G., Mehrabian A. Inconsistent communications and psychopathology // Journal of Abnormal Psychology. 1969. Т. 74. №. 1. С. 126.
13. Lunenberg M., Korthagen F., Swennen A. The teacher educator as a role model // Teaching and teacher education. 2007. Т. 23. №. 5. С. 586-601.
14. Oxford O.E. Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2009.

References

1. Bandura A. Teoriya sotsial'nogo naucheniya. Sankt-Peterburg, 2000.
2. Bartol K. Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya. Sankt-Peterbur, 2004.
3. Dragunova T.V. Problema konflikta v podrostkovom vozraste // Voprosy psikhologii. 1972. № 2. S. 35-38.
4. Novgorodtseva A.P. Perezhivanie podrostkami «chuvstva vzroslosti» // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2006. T. 11. № 2. S. 39-54.
5. Psikhologicheskaya zrelost' lichnosti / Pod obshch. red. L.A. Golovei. SPb.: Skifiya-print, SPbGU, 2014. 240 s.
6. Rean A.A., Kolominskii Ya.L. Sotsial'naya pedagogicheskaya psikhologiya. Praim-EVROZNAK, 2008.
7. Rean A.A. Otets i mat' v soznanii detei i podrostkov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otets-i-mat-v-soznanii-detey-i-podrostkov> (data obrashcheniya: 08.05.2020).
8. Rostovskaya T.K. Sem'ya i semeinyi obraz zhizni v sisteme tsennostey pokolenii // Chelovek v mire kul'tury. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-semeynyy-obraz-zhizni-v-sisteme-tsennostey-pokoleniy> (data obrashcheniya: 01.06.2019).
9. Shvetsova M.N., Tomilina A.I. Obraz budushchei sem'i v predstavlenii podrostkov // Prepodavatel' KhKhI vek. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-budushey-semi-v-predstavlenii-podrostkov> (data obrashcheniya: 07.06.2019).
10. El'konin D.B. Nekotorye aspekty psikhicheskogo razvitiya v podrostkovom vozraste // Psikhologiya podrostka: Khrestomatiya / Red.-sost. Yu. I. Frolov. M., 1997, S. 313-320.
11. Axinn W.G., Clarkberg M.E., Thornton A. Family influences on family size preferences // Demography. 1994. T. 31. № 1. C. 65-79.
12. Beakel N.G., Mehrabian A. Inconsistent communications and psychopathology // Journal of Abnormal Psychology. 1969. T. 74. № 1. C. 126.
13. Lunenberg M., Korthagen F., Swennen A. The teacher educator as a role model // Teaching and teacher education. 2007. T. 23. № 5. C. 586-601.
14. Oxford O. E. Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Социальная психология. Учебник. Под ред. А.М. Столяренко. 3-е изд., перераб. и доп. 431 с. Гриф МО РФ. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник содержит полную и четко структурированную систему современных социально-психологических знаний – важного раздела психологической науки. Это знания о психологии групп и поведения человека в группах, – знания нужные для жизни и деятельности каждому образованному человеку. Развитие человека, его права и свободы учеба, труд, семья, торговля, менеджмент, преступность, культура, досуг, жизненные кризисы, пьянство, наркомания – все так или иначе вплетено в систему социально-психологических связей и зависимостей. Понимание их и умение разбираться в них – важнейшее условие жизненных успехов.

Учебник ориентирован на широкий круг читателей, использование в вузах самого различного профиля, готовящих кадры, чья деятельность требует достаточной социально-психологической компетентности.

Содержание учебника включает весь минимум социально-психологических знаний, предусмотренных федеральными государственными образовательными стандартами. Оно открывает и возможность его профилирования при подготовке будущих профессионалов разных направлений деятельности.

Научные специальности: 19.00.03 – психология труда, инженерная психология, эргономика;
19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии

ПСИХОРЕГУЛЯЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛА КОНВОИРОВАНИЯ ФСИН¹

Инна Витальевна Васильева, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Тюменского государственного университета, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел МВД России, доктор психологических наук, доцент
Тюменский государственный университет (625000, г. Тюмень, пр-д 9 мая, 5); Тюменский институт повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел МВД России (625000, г. Тюмень, ул. Амурская, 75)
E-mail: i.v.vasileva@utmn.ru

Сергей Вячеславович Иванцов, профессор кафедры криминологии доктор юридических наук, профессор Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: isv1970@mail.ru

Аннотация. Сотрудниками отделения конвоирования ФСИН используются как адаптивные копинг-стратегии: планирование решения проблемы, самоконтроль, поиск социальной поддержки; так и условно адаптивные: бегство-избегание, дистанцирование. Напряженность любого из копингов ведет к неадекватности оценивания своего психического состояния сотрудником и, соответственно, к неадекватности регулирования его средствами психологических защит.

Ключевые слова: стресс, сотрудники отдела конвоя ФСИН России, психологические защиты, психические состояния.

PSYCHO-REGULATORY SUPPORT OF THE DOMINANT MENTAL STATES OF THE CONVOY DEPARTMENT OF THE FEDERAL PENAL CORRECTION SERVICE SYSTEM²

Inna V. Vasileva, Head of the Department of General and Social Psychology of the Tyumen State University, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Internal Affairs Officers of the Tyumen Institute for Advanced Training of Internal Affairs Officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

Tyumen State University (625000, Tyumen, proezd of May 9, 5); Tyumen Institute for Advanced Training of Internal Affairs Officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia (625000, Tyumen, Amurskaya str., 75)
E-mail: i.v.vasileva@utmn.ru

Sergey V. Ivantsov, Professor of the Department of Criminology, Doctor of Legal Sciences, Professor Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: isv1970@mail.ru

Abstract. Employees of the convoy department of the Federal Penal Correction Service system of Russia are used as adaptive coping strategies: planning a solution to the problem, self-control, seeking social support; and conditionally adaptive: flight-avoidance, distance. The tension of any of the coping leads to an inadequacy of the employee's assessment of his mental state and, accordingly, to inadequacy of his regulation by means of psychological protection.

Keywords: stress, officers of the convoy department of the Federal Penal Correction Service system of Russia, psychological protection, mental states.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Васильева И.В., Иванцов С.В. Психорегуляционное обеспечение доминирующих психических состояний сотрудников отдела конвоирования ФСИН. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):315-22.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00423.

² The research was funded by RFBR project number 20-013-00423.

Профессиональная деятельность сотрудников отдела конвоирования Федеральной службы исполнения наказания связана с постоянной стрессовой нагрузкой, которая обусловлена необходимостью обеспечивать как собственную безопасность, так и безопасность общества на период изоляции осужденных. Сложность условий профессиональной деятельности связана с постоянными контактами с осужденными за различные преступления, высокой эмоциогенностью этих контактов, наличием физической угрозы от осужденного сотруднику при ослаблении бдительности, противоречием между властными, санкционными функциями сотрудника и декларацией гуманизации пенитенциарной деятельности в целом [4, 5, 6, 11]. Исследования психологических особенностей профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России [7] указывают на то, что психологическое сопровождение должно быть специфицировано на ношении и использовании оружия сотрудником [8, 17]. Эти факторы стрессогенности условий считаются основными, но также выделяются и факультативные, как то: монотония несения службы, доминирование темной цветовой гаммы в окружении, постоянное пребывание в замкнутом пространстве, которые присутствуют в деятельности сотрудника постоянно и постоянно же оказывают на его психическое состояние деформирующее воздействие [10].

Для эффективной профессиональной деятельности требуется совладание с эмоционально напряженными ситуациями и хроническими стрессорами [1, 3, 5, 7, 12]. Исследования [2, 13] показывают, что сотрудники ФСИН испытывают трудности с регуляцией психических состояний при исполнении служебных обязанностей, при этом у них имеется мотивация на овладение навыками саморегуляции, поскольку имеющихся регуляторных механизмов оказывается недостаточно.

А.О. Прохоров [14] показывает, что буферным, промежуточным звеном между ситуацией и психическим состоянием выступает смысл и регуляция психических состояний возможна именно через возникновение новых смыслов, меняющих наш образ мира, в том числе профессиональный. Л.Ю. Субботина [16] указывает на то, что регуляция профессиональной деятельности посредством психологических защит приводит к спецификации этих защит сообразно задачам профессиональной деятельности. Увеличение стрессогенности профессиональных ситуаций приводит шаблонности регуляционного обеспечения личности и как следствие, снижению адаптации к сложным профессиональным ситуациям и неравновесным психическим состояниям, вызываемым ими.

Целью настоящего исследования стало выяснение вклада психорегуляционных механизмов в обеспечение доминирующих психических состояний как индикаторов адаптивности и продуктивности выполнения

профессиональных задач в служебной деятельности.

Описание метода. Выборка испытуемых состояла из 40 мужчин – действующих сотрудников отдела конвоирования федеральной службы исполнения наказаний России. Возраст в диапазоне 22–47 лет, общий стаж работы в структуре ФСИН в пределах 1–16 лет. Для исследования психорегуляционного обеспечения доминирующих психических состояний оценивались параметры стресса, собственно доминирующие психические состояния сотрудников и способы регуляции этих состояний.

Методы оценки психических состояний и стресса сотрудников отдела конвоя: 1) методика определения доминирующего психического состояния Л.В. Куликова (полная версия); 2) тип поведенческой активности С. Дженкинса в адаптации Л.И. Вассермана, Н.В. Гуменюка.

Методы оценки психической регуляции сотрудников отдела конвоя: 1) опросник автономности-зависимости Г.С. Прыгина [15]; 2) опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкмана, в адаптации Т.В. Крюковой с соавторами.

Методы обработки данных: расчет описательных статистик (среднее, медиана, минимум, максимум, стандартное отклонение); оценка нормальности распределения критерием Шапиро-Уилка (установлено, распределение данных близко к нормальному по всем оцениваемым показателям), однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, апостериорные сравнения с использованием критерия Шеффе, уточняющие парные различия.

Результаты и обсуждение. Результаты расчета описательных статистик оцениваемых параметров доминирующих психических состояний и способов психической регуляции сотрудников отдела конвоирования представлены в таблице 1.

Большая часть психических состояний сотрудников отдела конвоирования находится в границах среднего диапазона выраженности. Однако о таких показателях как «спокойствие – тревога» и «положительный – отрицательный образ самого себя» можно говорить, что наблюдается повышение показателей (выше 59 Т-баллов), что указывает на недостаточную критичность в оценивании себя участниками исследования. Также это может быть связано со стремлением скрыть актуальный уровень тревоги, что позволяет сделать вывод о напряженности данной области доминирующих психических состояний сотрудников.

В целом по выборке можно говорить о том, что используемые сотрудниками отдела конвоя способы психологической защиты находятся в рамках среднего уровня напряженности. Наиболее часто используемым способом психологической защиты выступает положительная переоценка, наименее часто – принятие ответственности.

Специфика способа психологической защиты «принятие ответственности» состоит в том, что субъект профессиональной деятельности не только стремится принять на себя ответственность за решение возникающей проблемы, но и проявляет в отношении себя необоснованную критику и самообвинение. Специфика способа психологической защиты «положительная переоценка» связана с тем, что субъект деятельности стремится найти возможности для развития в трудной ситуации, увидеть ее в более широком контексте жизни.

В профессиональной деятельности сотрудников отдела конвоирования такие способы могут быть

связаны с высоким уровнем регламентации для обеспечения безопасности, жесткими стандартами в отношении поведения сотрудников для обеспечения безопасности и сложности в адаптации действий в эмоционально-напряженных ситуациях. Таким образом, ответственность за принятие решений «переносится» на регламент, а регуляция эмоционального напряжения осуществляется за счет переоценки – поиска позитивного, полезного в сложившейся ситуации. Однако для оценки психологической регуляции доминирующих состояний недостаточно описать средние показатели выборки, необходимо также оценить парные различия.

Таблица 1.

Описательные статистики оцениваемых параметров доминирующих психических состояний и способов психической регуляции сотрудников отдела конвоирования ФСИН

Оцениваемые параметры	Количество испытуемых	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Станд. отклонение
Возраст	40	30,20	27,0	22,0	47,0	6,75
Стаж (лет)	40	6,98	6,0	1,0	16,0	4,91
Автономность-Зависимость	40	11,88	13,0	4,0	15,0	2,61
Активное-пассивное отношение к жизненной ситуации	40	46,45	52,0	9,0	76,0	19,84
Тонус высокий – низкий	40	56,35	63,0	25,0	66,0	13,36
Спокойствие – Тревога	40	60,95	64,0	41,0	67,0	8,69
Устойчивость – неустойчивость эмоционального фона	40	58,80	62,0	10,0	68,0	12,72
Удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом	40	62,28	67,0	10,0	81,0	15,35
Положительный – отрицательный образ самого себя	40	58,18	58,5	33,0	73,0	10,75
Тип поведенческой активности в стрессе	40	449,48	451,5	338,0	619,0	66,32
Конфронтация	40	6,88	7,0	0,0	12,0	3,04
Дистанцирование	40	8,00	8,0	0,0	18,0	4,63
Самоконтроль	40	9,15	9,0	0,0	17,0	4,57
Поиск социальной поддержки	40	8,73	8,0	0,0	15,0	3,64
Принятие ответственности	40	5,93	6,0	0,0	11,0	2,70
Бегство-избегание	40	9,28	11,0	0,0	18,0	5,03
Планирование решения проблемы	40	9,30	9,5	0,0	18,0	3,88
Положительная переоценка	40	9,63	9,0	0,0	15,0	3,87

Таблица 2.

Апостериорные сравнения групп по показателю стажа сотрудников отдела конвоирования ФСИН

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: копинг «конфронтация». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 8,1722, df = 37,000 F (2,37)=3,53 при p=0,04			
	Стаж	(1) 6,89	(2) 8,60	(3) 5,27
1	До 5 лет		0,323	0,337
2	5-10 лет	0,323		0,039*
3	Более 10 лет	0,337	0,039*	

Только для такого способа психологической защиты как конфронтация было получено значимое различие по показателям стажа. Сотрудники, работающие в отделе конвоирования до 5 лет, демонстрируют стремление решить сложные ситуации путем конфликта, эскалации агрессии – относительно не часто; однако

с увеличением стажа, в период первого этапа профессионального кризиса (5 лет) наблюдается значительный рост частоты употребления этого копинга, его напряженность, не переходящая, впрочем, в экстремальные значения. При переходе на следующий этап профессионализации (более 10 лет) частота использо-

вания конфронтации как способа совладания со сложными ситуациями снижается. Это говорит о том, что именно в период первого кризиса профессионального развития (5-10 лет) необходимо особое внимание к развитию профессиональной деформации сотрудников, проявляющейся в виде конфликтности, враждебности, неоправданного упорства при нарушении целенаправленности действий.

Сотрудники, демонстрирующие тип поведенческой активности А1 реализуют автономный способ саморегуляции. Для них характерна высокая эмоциональная напряженность, эмоциональная возбужденность, вовлеченность в служебную деятельность и при этом они стремятся самостоятельно принимать решения, определять последовательность действий для их воплощения и нести ответственность за их воплощение. Сотрудники, же демонстрирующие тип поведенческой активности Б1 реализуют зависимый тип саморегуляции. Для них не характерно стремиться к доминированию, они рациональны, осторожны, размеренны в принятии решений, используемый ими зависимый тип регуляции указывает на стремление опираться большей частью на внешние критерии (регламенты, законы), мнение руководства, опытных коллег и снижать, таким образом, собственную психическую нагрузку.

Тип саморегуляции вносит вклад в использование только двух копингов: дистанцирования и положительной переоценки. Для сотрудников, которые в равной мере часто как стремятся самостоятельно принимать решения, так и опираться на внешние критерии (регламенты, мнение руководства, опытных коллег) характерно активное использование копинга дистанцирование и снижено использование копинга «положительная переоценка». Это проявляется в том, что со сложными ситуациями сотрудники стараются справляться за счет снижения эмоциональной вовлеченности путем рационализации, переключения внимания, использования юмора и/или пытаясь философски осмыслить ситуацию, включить ее в более широкий жизненный контекст, рассмотреть в более развернутой перспективе. Такие стратегии в психологической защите от стрессоров в профессиональной деятельности позволяют снизить эмоциональную вовлеченность и, как следствие, психологическую травматизацию.

Сотрудники, в средней мере использующие копинг «дистанцирование» чаще всего уверены в своих силах и имеют подчеркнуто (иногда некритично) позитивный образ себя, чем сотрудники, редко прибегающие к этому копингу. Сотрудники отдела конвоирования, которые редко используют дистанцирование как способ совладания с трудными ситуациями, имеют в целом уравновешенное психическое состояние и также подчеркнуто позитивный образ себя. Не выявлена связь между активным использованием копинга «дистанцирование» и доминирующими психическими со-

стояниями сотрудников. Таким образом, умеренное снижение вовлеченности в сложные профессиональные ситуации способствует сохранению позитивного образа себя и стабильности настроения у сотрудников.

Сотрудники, редко использующие копинг «самоконтроль», что проявляется в отказе от насильственного подавления негативных эмоций, контроля за своим поведением, не стремятся к чрезмерной требовательности по отношению к себе, имеют уравновешенное эмоциональное состояние и адекватный образ себя. Тогда как сотрудники, которые стремятся жестко контролировать свое поведение, подавляют негативные эмоции, стремятся скрывать их, описывают себя неадекватно положительно, описывая образ которому хотели бы соответствовать и завышают самооценку настроения, подчеркивая внешне демонстрируемое благополучие. Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на то, что самоконтроль позиционируется в профессиональной деятельности сотрудников отдела конвоирования как рекомендуемый стиль регулирования психического состояния, он дорого обходится сотрудникам.

Сотрудники, часто использующие копинг «поиск социальной поддержки», для решения проблемных ситуаций и регулирования своего эмоционального состояния, обращаются к социальным ресурсам, таким как: поиск необходимой информации, обращение к экспертам по данной проблеме, обращение к близким за эмпатийным сопереживанием. Психические состояния, которые сотрудника сопровождают при использовании этого копинга – это субъективное ощущение alertности, сконцентрированности на решении задач, готовности к длительной и напряженной работе, при этом уверенность в себе и своих силах.

Сотрудники, редко использующие копинг «поиск социальной поддержки» имеют стабильное эмоциональное состояние и уравновешенный тонус активности по отношению к профессиональным стрессорам. Можно предположить, что обращение к внешним источникам поддержки дополнительно и избыточно стимулирует активность субъекта, заставляет его интенсивно прилагать усилия по решению задачи, снижая способности к оценке необходимости, меры воздействия.

Сотрудники, часто использующие копинг «бегство-избегание» демонстрируют отрицание проблемы, неоправданные ожидания, уклонение от ответственности. Однако это обеспечивает сотрудникам устойчивость эмоционального фона и завышенно позитивный образ себя. Сотрудники, изредка прибегающие к использованию стратегии «бегство-избегание», демонстрируют уравновешенность эмоционального фона и адекватное позитивное представление о себе, выражающееся в позитивном настроении, основанном на реальной оценке ситуации.

Таблица 3.

Оценка вклада саморегуляции в тип поведенческой активности сотрудников отдела конвоирования ФСИН

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: тип саморегуляции. Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 3619,0, df = 37,000 F (2,37)=5,20 при p=0,01			
	Автономность - зависимость	(1) 380,33	(2) 442,38	(3) 467,62
1	Зависимый		0,176	0,011*
2	Смешанный	0,176		0,588
3	Автономный	0,011*	0,588	

Таблица 4.

Оценка вклада саморегуляции в используемые сотрудниками отдела конвоирования копинги

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: копинг «дистанцирование». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 18,978, df = 37,000 F (2,37)=3,52 при p=0,04			
	Автономность - зависимость	(1) 7,67	(2) 11,63	(3) 6,96
1	Зависимый		0,256	0,938
2	Смешанный	0,256		0,040*
3	Автономный	0,938	0,040*	

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: копинг «положительная переоценка». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 13,280, df = 37,000 F (2,37)=3,53 при p=0,04			
	Автономность - зависимость	(1) 6,33	(2) 11,50	(3) 9,8
1	Зависимый		0,042*	0,123
2	Смешанный	0,042*		0,523
3	Автономный	0,123	0,523	

Таблица 5.

Оценка вклада копинга «дистанцирование» в доминирующие психические состояния сотрудников отдела конвоирования ФСИН

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: доминирующее психическое состояние «спокойствие – тревога». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 63,790, df = 37,000 F (2,37)=4,57 при p=0,01			
	Выраженность копинга «дистанцирование»	(1) 65,8	(2) 57,80	(3) 58,67
1	Низкая		0,021*	0,189
2	Средняя	0,021*		0,973
3	Высокая	0,189	0,973	

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: доминирующее психическое состояние «положительный – отрицательный образ самого себя». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 99,699, df = 37,000 F (2,37)=4,09 при p=0,02			
	Выраженность копинга «дистанцирование»	(1) 63,80	(2) 53,95	(3) 57,50
1	Низкая		0,025*	0,434
2	Средняя	0,025*		0,751
3	Высокая	0,434	0,751	

Таблица 6.

Оценка вклада копинга «самоконтроль» в доминирующие психические состояния сотрудников отдела конвоирования ФСИН

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: доминирующее психическое состояние «спокойствие – тревога». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 65,333, df = 37,000 F (2,37)=4,02 при p=0,02			
	Выраженность копинга «самоконтроль»	(1) 65,87	(2) 61,73	(3) 55,30
1	Низкая		0,469	0,031*
2	Средняя	0,469		0,128
3	Высокая	0,031*	0,128	

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: доминирующее психическое состояние «положительный – отрицательный образ самого себя». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 98,275, df = 37,000 F (2,37)=4,24 при p=0,01			
	Выраженность копинга «самоконтроль»	(1) 65,87	(2) 61,73	(3) 55,30
1	Низкая		0,336	0,021*
2	Средняя	0,336		0,143
3	Высокая	0,021*	0,143	

Таблица 7.

Оценка вклада копинга «поиск социальной поддержки» в доминирующие психические состояния сотрудников отдела конвоирования ФСИН

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: доминирующее психическое состояние «высокий – низкий тонус». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 159,47, df = 37,000 F (2,37)=3,32 при p=0,04			
	Выраженность копинга «поиск социальной поддержки»	(1) 65,87	(2) 61,73	(3) 55,30
1	Низкая		0,353	0,047*
2	Средняя	0,353		0,251
3	Высокая	0,0467*	0,251	
№	Scheffe test; сравниваемый показатель: доминирующее психическое состояние «спокойствие – тревога». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 61,536, df = 37,000 F(2,37)=5,42 при p=0,008			
	Выраженность копинга «поиск социальной поддержки»	(1) 65,87	(2) 61,73	(3) 55,30
1	Низкая		0,336	0,021*
2	Средняя	0,336		0,143
3	Высокая	0,021*	0,143	

Таблица 8.

Оценка вклада копинга «бегство-избегание» в доминирующие психические состояния сотрудников отдела конвоирования ФСИН

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: доминирующее психическое состояние «устойчивость – неустойчивость эмоционального фона». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 127,88, df = 37,000 F (2,37)=6,15 при p=0,004			
	Выраженность копинга «бегство-избегание»	(1) 63,58	(2) 62,80	(3) 49,77
1	Низкая		0,984	0,016*
2	Средняя	0,984		0,016
3	Высокая	0,016*	0,016*	
№	Scheffe test; сравниваемый показатель: доминирующее психическое состояние «положительный – отрицательный образ самого себя». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 100,41, df = 37,000 F(2,37)=3,93 при p=0,02			
	Выраженность копинга «бегство-избегание»	(1) 64,50	(2) 57,27	(3) 53,39
1	Низкая		0,190	0,031*
2	Средняя	0,190		0,597
3	Высокая	0,031*	0,597	

Таблица 9.

Оценка вклада копинга «планирование решения проблемы» в доминирующие психические состояния сотрудников отдела конвоирования ФСИН

№	Scheffe test; сравниваемый показатель: доминирующее психическое состояние «положительный – отрицательный образ самого себя». Probabilities for Post Hoc Tests Error: Between MS = 95,48, df = 37,000 F(2,37)=5,09 при p=0,011			
	Выраженность копинга «планирование решения проблемы»	(1) 69,67	(2) 55,54	(3) 58,13
1	Низкая		0,011*	0,105
2	Средняя	0,011*		0,808
3	Высокая	0,105	0,808	

Сотрудники, с умеренной частотой использующие копинг «планирование решения проблемы» пытаются решить сложную ситуацию с помощью планомерного анализа и выработки плана действий с опорой на текущие условия, ресурсы. Это позволяет формировать

сотрудникам позитивный образ себя, поддерживать неадекватно позитивное настроение. Возможно, что, несмотря на адаптивность стратегии, у сотрудников формируется иллюзия полного контроля над ситуацией и именно это обеспечивает неадекватно высокие

показатели представления о себе.

Выводы

Сотрудники отдела конвоирования в области регулирования собственных психических состояний используют как адаптивные копинг-стратегии: планирование решения проблемы, самоконтроль, поиск социальной поддержки; так и условно адаптивные: бегство-избегание, дистанцирование.

Напряженность любого из копингов ведет к неадекватности оценивания своего психического состояния сотрудником и, соответственно, к неадекватности регулирования его средствами психологических защит.

Критический период для развития профессиональной деформации (5-10 лет) проявляется в более частом использовании копинга конфронтации. Это требует особого внимания в рамках профилактической и коррекционной работы.

Литература

1. Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Кокурин А.В., Красов Д.А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний России // Прикладная юридическая психология. 2009. №3. С. 72-85.
2. Воронин Р.М., Красикова Ю.Ю., Шatroва Н.В. Методы психической саморегуляции как средство адаптации к службе в уголовно-исполнительной системе // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. №10 (197). С. 20-26.
3. Зауторова Э.В., Викторова Т.В. К вопросу о формировании морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения к несению службы // Пенитенциарная наука. 2016. №2 (34). С. 77-82.
4. Иванцов С.В. Уголовная политика и пенитенциарная система: актуальные вопросы // Уголовная ответственность и наказание. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова. Под редакцией В.Ф. Лапшина. 2017. Издательство: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань). 2017. С. 210-216.
5. Ивашко Н.Н. Сущность профессиональной готовности сотрудников подразделений охраны и конвоирования исправительных учреждений к служебной деятельности // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. № 1 (1). С. 20-26.

6. Кавокина С.Ю. Проблемы реализации функций конвоирования правоохранительными органами Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 23-27
7. Ковтуненко Л.В. Психологическая подготовка сотрудников подразделений охраны и конвоирования уголовно-исполнительной системы к несению службы с оружием // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 1 (164). С. 21-26.
8. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128.
9. Кулакова С.В., Фадеева К.Ф., Мешкова Л.В. Обеспечение психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы к особенностям службы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. №6 (157). С.15-19.
10. Мокрецов А.И., Кокурин А.В. Современное состояние и перспективы развития психологического обеспечения деятельности спецподразделений по конвоированию уголовно-исполнительной системы России // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 41-52.
11. Никитенко М.Е., Дмитриев М.Д. Обеспечение режима и безопасности при конвоировании в УИС // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 1. С. 94-99.
12. Никитина Т.В., Никитин П.И. Учет специфики профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы при разработке модели подготовки выпускника юридического профиля в Пермском институте ФСИН России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 90-96.
13. Овчарова Е.В. Особенности психических состояний сотрудников отделов охраны уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием // Юридическая наука. 2019. № 3. С. 55-59.
14. Прохоров А.О., Фахрутдинова Л.Р. Рефлексивный и бытийный слои психического состояния // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 5-1. С. 227-239.
15. Прыгин Г.С. Психология самостоятельности. Издательство Института управления. Ижевск, Набережные Челны. 2009. 408 с.
16. Субботина Л.Ю. Интегративная модель психологической защиты // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Не-

красова. 2005. № 1. С.111-117.

17. Сучкова И.В. Психологические аспекты использования оружия в служебной деятельности сотрудников отдела охраны // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 8 (195). С. 55-61.

References

1. Bovin B.G., Kazberov P.N., Kokurin A.V., Krasov D.A. Prognozirovanie professional'noi uspehnosti sotrudnikov podrazdelenii okhrany Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Rossii // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. 2009. № 3. S.72-85.
2. Voronin R.M., Krasikova Yu.Yu., Shatrova N.V. Metody psikhicheskoi samoregulyatsii kak sredstvo adaptatsii k sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noi sistemy // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. 2018. № 10 (197). S. 20-26.
3. Zautorova E.V., Viktorova T.V. K voprosu o formirovanii moral'no-psikhologicheskoi ustoichivosti sotrudnikov otdela okhrany ispravitel'nogo uchrezhdeniya k neseniyu sluzhby // Penitentsiarnaya nauka. 2016. №2 (34). S.77-82.
4. Ivantsov S.V. Ugolovnaya politika i penitentsiarnaya sistema: aktual'nye voprosy // Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professorov kafedry ugolovnogo prava Ryazanskoi vysshei shkoly MVD SSSR V.A. Eleonskogo i N.A. Ogurtsova. Pod redaktsiei V.F. Lapshina. 2017. Izdatel'stvo: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii (Ryazan'). 2017. S. 210-216.
5. Ivashko N.N. Sushchnost' professional'noi gotovnosti sotrudnikov podrazdelenii okhrany i konvoirovaniya ispravitel'nykh uchrezhdenii k sluzhebnoi deyatel'nosti // Teoriya i praktika nauchnykh issledovaniy: psikhologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie. 2018. №1 (1). S. 20-26.
6. Kavokina S.Yu. Problemy realizatsii funktsii konvoirovaniya pravookhranitel'nymi organami Rossiiskoi Federatsii // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2010. № 1. S. 23-27
7. Kovtunen L.V. Psikhologicheskaya podgotovka sotrudnikov podrazdelenii okhrany i konvoirovaniya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy k neseniyu sluzhby s oruzhiem // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. 2016. №1 (164). S. 21-26.
8. Kokurin A.V., Petrov V.E. Lichnostnye osobennosti voennosluzhashchikh i sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov, obuslovlivayushchie psikhologicheskuyu gotovnost' k neseniyu sluzhby s ognestrel'nym oruzhiem // Lex Russica. 2018. № 9 (142). S. 119-128.
9. Kulakova S.V., Fadeeva K.F., Meshkova L.V. Obespechenie psikhologicheskoi ustoichivosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy k osobennostyam sluzhby // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. 2015. № 6 (157). S. 15-19.
10. Mokretsov A.I., Kokurin A.V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologicheskogo obespecheniya deyatel'nosti spetspodrazdelenii po konvoirovaniyu ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. 2008. № 3. S. 41-52.
11. Nikitenko M.E., Dmitriev M.D. Obespechenie rezhima i bezopasnosti pri konvoirovanii v UIS // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2017. №1. S.94-99.
12. Nikitina T.V., Nikitin P.I. Uchet spetsifiki professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy pri razrabotke modeli podgotovki vypusknika yuridicheskogo profilya v Permskom institute FSIN Rossii // Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti. 2016. №3. S.90-96.
13. Ovcharova E.V. Osobennosti psikhicheskikh sostoyanii sotrudnikov otdelov okhrany ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, nesushchikh sluzhbu s oruzhiem // Yuridicheskaya nauka. 2019. № 3. S. 55-59.
14. Prokhorov A.O., Fakhrutdinova L.R. Refleksivnyi i bytiinyi sloi psikhicheskogo sostoyaniya // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2009. № 5-1. S. 227-239.
15. Prygin G.S. Psikhologiya samostoyatel'nosti. Izdatel'stvo Instituta upravleniya. Izhevsk, Naberezhnye Chelny. 2009. 408 s.
16. Subbotina L.Yu. Integrativnaya model' psikhologicheskoi zashchity // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2005. №1. S. 111-117.
17. Suchkova I.V. Psikhologicheskie aspekty ispol'zovaniya oruzhiya v sluzhebnoi deyatel'nosti sotrudnikov otdela okhrany // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. 2018. № 8 (195). S. 55-61.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ: ИСТОРИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анатолий Николаевич Сухов, заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы, доктор психологических наук, профессор, Почётный работник высшего образования
РГУ имени С.А. Есенина (390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46)
E-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Раскрывается актуальность исследования деструктивных социальных, в том числе гибридных конфликтов. Изложены исторический и практический аспекты проблемы на основе анализа не просто конфликтогенных, а по своим последствиям массовых деструктивных событий. Рассматривается сущность подхода к превенции и преодолению деструктивных конфликтов.

Ключевые слова: деструктивный социальный конфликт, последствия, история, терроризм, экстремизм, профессиональная компетентность в области национальной безопасности.

CONSEQUENCES OF DESTRUCTIVE SOCIAL CONFLICTS: HISTORICAL AND PRACTICAL ASPECT

Anatoly N. Sukhov, Head of the Department of Social Psychology and Social Work, Doctor of Psychological sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education
Yesenin Russian state University (Ryazan, 390000, Svobody str., 46)
E-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article reveals the relevance of the study of destructive social conflicts, including hybrid conflicts. The historical and practical aspects of the problem are presented on the basis of the analysis of not just conflict-causing, but in their consequences of mass destructive events. The essence of the approach to preventing and overcoming destructive conflicts is also considered.

Keywords: destructive social conflict, consequences, history, terrorism, extremism, professional competence in the field of national security.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Сухов А.Н. Последствия деструктивных социальных конфликтов: историко-практический аспект. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):323-6.

Известно, что по своей природе конфликты бывают разными: конструктивными и деструктивными. Первые связаны с решением социально-позитивных целей с помощью законных средств. Вторые, напротив. Они приводят к резко деструктивным последствиям: людским потерям, экономическим кризисам и т.д.

К сожалению, при изложении последствий деструктивных социальных конфликтов нередко ограничиваются раскрытием только различных видов толпы: простой, экспрессивной, конвенциональной и действующей. Отрицать это невозможно. Такое имеет место.

Но на самом деле спектр последствий массовых социальных конфликтов куда более обширен. Они проявляются в различных деструктивных формах. Имеются в виду войны, восстания, революции, кризисы,

массовые беспорядки, террор, экстремизм и т. п.

Массовые деструктивные социальные конфликты неразрывно связаны с теми или иными войнами.

Как известно, война – это не что иное, как конфликт между государствами, различными социальными группами, возникающий на основе столкновения интересов сторон и реализуемый посредством военных действий между их вооружёнными силами. Войны бывают разными: глобальными (мировыми), региональными, «горячими» с применением оружия и холодными с использованием мягкой силы, санкционными, торговыми и т.д.

Помимо войн массовые деструктивные социальные конфликты проявлялись и продолжают проявляться в таких формах, как восстания, массовые бес-

порядки, протесты, «цветные революции».

Многие драматические, а порой и катастрофические события так или иначе связаны с экономическими кризисами.

После мирового экономического кризиса (2009 г.) некоторые страны Евросоюза столкнулись с рядом существенных трудностей. В крайне тяжелой экономической ситуации оказались Греция, Ирландия, Португалия, Испания. Правительство ряда стран попыталось выйти из кризиса за счет свертывания социальных программ, что вызвало рост социальной напряженности.

Экономическая ситуация в Греции и некоторых других странах, кишечная палочка неизвестного происхождения, события в Норвегии, миграционный кризис, массовые, периодические протестные выступления во Франции («жёлтые жилеты») выход Англии из Евросоюза («Брекзит»), коронавирус в значительной степени дестабилизируют положение Евросоюза.

Сегодня во многих Европейских странах проходят марши протеста против новых реформ в пенсионных системах, системах государственного образования и других системах социального обеспечения. Беспорядки во Франции, Греции, Германии, Финляндии, Великобритании, Италии и др. странах продемонстрировали, что далеко не все европейцы готовы к сокращению расходов.

Для США коронавирус оказался чрезвычайно серьёзным испытанием. Это нашло своё отражение в реальных тяжёлых социально-экономических последствиях. Но главное состоит в том, что на первый план вышел не просто острейший социально-расовый конфликт, а системный кризис как внутри страны, так и между США и Китаем, в который так или иначе был втянут практически весь мир.

Тем не менее Америка всегда воспринималась как символ демократии и успеха. Имидж США в мире был достаточно высоким. Они воспринимались в качестве эталона. Но во время президентских выборов и коронавируса на поверхность всплыли кризисогенные проблемы, хотя до этого они таковыми не считались.

В своё время форма проявления социальных конфликтов в виде массовых эксцессов не обошла стороной и СССР.

После революции 1917 г. была Гражданская война, был и «белый и красный террор», вспыхивали восстания, массовые репрессии и беспорядки. Они имели место в ряде регионов, в том числе Северного Кавказа и др. Особую активность они приобрели перед распадом СССР. В качестве примера можно привести события в Нагорном Карабахе, Сумгаите, республиках Прибалтики, Средней Азии.

Восстание в Новочеркасске в 1962 году произошло в результате забастовки рабочих местного электровозостроительного завода, к которому присоединились другие горожане. Это была одна из самых массовых акций протеста в истории СССР. Первые публикации в печати о произошедших событиях появились только

во время перестройки в конце 80-х. Было проведено тщательное исследование свидетельств очевидцев и документов. Событиям в Новочеркасске посвящены художественные фильмы «Разыскивается опасный преступник», «Уроки в конце весны», множество документальных лент. В 1961 году массовые беспорядки также случились в Муроме и Краснодаре.

В современной России имели место локальные войны (Чечня), расстрел Белого дома, массовые протесты, Болотная площадь, террористические акты, забастовки, кризисы, массовые беспорядки, в частности, на Манежной площади и т.п.

В то же время необходимо сказать о криминальных, патогенных, экономических и др. последствиях конфликтов. Так, в основе абсолютного большинства преступлений, разводов, инфарктов, инсультов, язвенной болезни, потери рабочего времени лежат те или иные, но прежде всего деструктивные конфликты.

Роль конфликтов в геополитике также трудно переоценить. Конфликтогенная геополитическая обстановка в мире была и остаётся таковой. Шествие глобализм в виде «цветных революций» продолжается. «Конфликт интересов» в мировом масштабе не то, что не спадает, а наоборот нарастает в ходе «торговых, санкционных, информационно-психологических войн».

Впрочем, данный конфликтный фон настолько постоянен, что не вызывает при восприятии всплеска эмоций, тревоги. Он превратился в привычную картину. Но ничего хорошего в этом нет. «Катастрофическое сознание» проявляется не только в виде доминирования постоянных страхов, истерики, паники, но и в индифферентности к опасности. Это тоже результат социальных конфликтов.

Ещё одной чрезвычайно актуальной проблемой в рассматриваемом контексте является влияние последствий гибридных конфликтов на жизнедеятельность различных социальных групп на всех уровнях, начиная от личностного и кончая глобальным, мировым. Они настолько запутывают всё и вся, что ни о какой определённости говорить не приходится. В результате вместо ясности потоком льётся «муть» в буквальном смысле. Поэтому как никогда нужна ясность и определённость во всех областях. Только тогда насупит «момент истины».

Практически всегда деструктивные социальные конфликты используются как повод для осуществления «цветных революций». Такое было многократно в странах бывшего Советского Союза. Впрочем, продолжает иметь место и поныне. Имеется в виду события в Белоруссии и не только.

К числу конструктивных приемов разрешения социальных конфликтов, можно отнести также санкционированные забастовки, шествия и митинги протеста.

Когда санкционированные способы разрешения конфликта не достигают цели, то в таких случаях их участники нередко прибегают к несанкционированным действиям, таким как: объявление голодовки, бло-

кирование административных и производственных помещений, самовольный захват помещений (жилых и административных), перекрытие автомобильных и железнодорожных дорог и магистралей, возведение баррикад, захват заложников, акты самосожжения, пикеты на дорогах, массовое неповиновение.

Поведение участников санкционированных митингов и демонстраций строится по законам поведения толпы.

Социальные конфликты (экономические, политические и этнические) пытаются решить не только законными, санкционированными, т.е. конструктивными методами, но и незаконными, несанкционированными, т.е. деструктивными способами.

К числу деструктивных способов разрешения социальных конфликтов относят, в частности, незаконные забастовки:

- сидячие забастовки, когда работники прекращают производство, но остаются на рабочих местах и отказываются покинуть производственное помещение;
- забастовки с применением насилия.

Помимо незаконных забастовок, митингов и демонстраций для разрешения социальных конфликтов используются и более опасные противозаконные, деструктивные способы.

Деструктивное значение незаконных способов урегулирования социальных конфликтов заключается в том, что они вместо разрешения приводят к их эскалации.

К числу наиболее опасных способов проявления социальных деструктивных конфликтов, прежде всего, следует отнести:

- рост социальной напряжённости и преступности;
- экстремистские движения;
- терроризм, захват заложников;
- крайние национально-освободительные движения, в том числе нацизм, национализм, шовинизм;
- действия агрессивной толпы – погромы, поджоги, массовые убийства;
- несанкционированные забастовки и другие виды протеста.

В настоящее время наиболее опасными последствиями деструктивных социальных конфликтов является терроризм и экстремизм. При этом с помощью терроризма пытаются решить не только геополитические, но и во многом экономические интересы.

Современный терроризм значительно отличается от терроризма, существовавшего в историческом прошлом. Нередко за ним стоит «конфликт интересов». Он не знает ни территориальных границ, ни финансовых, ни информационных преград. В этой связи ни одно государство в современном мире не может чувствовать себя в полной безопасности перед лицом новых угроз. Однако далеко не все международные политические элиты хотят признать в том, что бороться с терроризмом можно только сообща, при тесном со-

трудничестве государств, общества и взаимном обмене информацией.

Существует ряд факторов широкого распространения и активизации терроризма как наиболее опасного вида транснациональной преступности. В их числе: углубление социального и экономического неравенства в мире, усиление наступательного характера западной цивилизации в результате глобализации, обострение национальных противоречий на почве взаимных территориальных претензий, распространение сепаратистских настроений, рост претензий криминала на свое участие в политической власти вследствие расширения масштабов транснациональной преступности и её финансовой мощи.

Преступления террористического характера все больше угрожают безопасности стран и их населению, влекут за собой существенные политические, экономические и моральные потери, уносят жизни ни в чем неповинных граждан.

Терроризм не подлежит оправданию, а его участники должны нести неотвратимое наказание безотносительно к сроку, месту и способу его осуществления. Здесь недопустима политика «двойных стандартов».

Проблема посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) у лиц, пострадавших в ходе террористических актов, становится все более актуальной. Экстремальная ситуация в виде массового заложничества длится дни, иногда недели и месяцы. Целые социальные общности превращаются в заложников со специфической психологией (А.В.Кочергин). Последствия террористических взрывов в местах массового скопления людей (метро, магазины, рынки, жилые помещения) еще более трагичны.

Однако сами террористы оправдывают свои действия. Они считают, что так можно разрешить социально-политические и межэтнические конфликты. По их мнению, массовый захват заложников, взрывы в общественных местах, «публичные казни» привлекают внимание СМИ к социальному конфликту и помогают его разрешить на основе предъявления требований к властям с позиции силы. В этом террористы видят смысл и оправдание своих действий. Об этом говорят события в Европе и прежде всего в Париже.

Террор – это недопустимый способ решения социального конфликта. Террористы оправдывают его, однако весь остальной мир придерживается иного мнения на этот счёт. Это неприемлемый путь разрешения социальных конфликтов и обеспечения общественной безопасности. Об этом свидетельствует история терроризма на территории России, Италии, Испании, Англии, Израиля, Франции, Алжира и США. Все попытки вести политику заигрывания с террористами и использования их в определенных целях обречены.

Экстремистские движения предлагают свои способы обеспечения общественной безопасности: крайние, радикальные как правого, так и левого толка; свои методы разрешения социальных конфликтов.

В связи с этим обращает на себя внимание, прежде всего, крайне радикальные движения националистического толка: националисты и шовинисты.

Деление общества на «граждан» и «не граждан» по языковому признаку, сроку оседлости не способствует его развитию, приводит к возникновению социального конфликта в силу нарушения прав человека. Происходит это не только с помощью определённых структур, элитарных групп, но и специальных организаций, которые действуют в сугубо политико-экономических целях. В данном случае националистические движения превращаются в орудия контроля над определёнными территориями. Как правило, их используют в «тёмную», играя на патриотических чувствах.

Превращение военных преступников в национальных героев – пример сказанному. Такое имеет место в некоторых странах бывшего СССР.

В качестве основного вывода о последствиях массовых социальных конфликтов можно сказать следующее.

Социальная превенция массовых деструктивных социальных конфликтов – это главное направление в деятельности по их недопущению. Однако события в ряде стран говорят о том, что сделать это совсем не просто. Поэтому без профессиональной компетентности, профессионализма сотрудников силовых структур в области обеспечения национальной безопасности здесь не обойтись. Успешное осуществление этого процесса во многом зависит не просто от их конфликтологической, а от антикризисной переговорной компетентности: знаний, умений, стрессоустойчивости, словом, готовности действовать в экстремальных условиях. Сущность профессионализма в области обеспечения безопасности раскрыта в целом ряде публикаций автора, в том числе в учебном пособии: Сухов А.Н. Социальная психология безопасности. М., 2002, 2005; статье «Переговоры с террористами: историко-теоретический аспект» // Вестник НАК. 2 (15), 2016. С.67-73. Разумеется, помимо этих публикаций есть и другие работы, посвящённые данной теме, которые способствуют осуществлению превенции деструктивных социальных конфликтов и тем самым минимизации их последствий.

Литература

1. Верховский А., Крибыловский В., Папп А. Политический экстремизм в России. М., 1996.
2. Зарубежный опыт обеспечения социально-политической стабильности в России. Отв. Ред.-д.и.н. Н.В. Загладин, В.И. Катагарова. М.:ИМЭМО РАН, 2010.
3. Камю А. Бунтующий человек. М., 1993.
4. Ключников И.К. Финансовые кризисы: теория, история и современность. СПб :Изд-во СПбГУЭФ, 2011.
5. Конфликтология. Под ред. А.С. Кармина.

С-Пб., 1999.

6. Ортега-и-Гассет Х. Востание масс // Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 309-350.
7. Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осуждённых. Рязань, 1993. 134 с.
8. Сухов А. Н. Социальная психология преступности. М., 2007. 568 с.
9. Сухов А.Н., Гераськина М. Г. Социальная психология. 8-е изд. М., 2017. 367 с.
10. Сухов А.Н. Общение осуждённых при чрезвычайных обстоятельствах в исправительно-трудовых учреждениях. Рязань, 1984. 60 с.
11. Сухов А.Н. Социально-психологический подход к пониманию массового кризиса // Человеческий капитал. 2015. №10(82). С. 6-9.
12. Юридическая конфликтология. Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1995.
13. Evans, M. D. 1969 [1859]. The History of the Commercial Crisis, 1857–58 and the Stock Exchange Panic of 1859. New York, NY: B. Franklin.

References

1. Verkhovsky A., Kribylovsky V., Papp A. Political extremism in Russia. M., 1996.
2. Foreign experience in ensuring socio-political stability in Russia. Ed. Doctor of Historical Sciences N.V. Zagladin, V.I. Katagarova. M.: IMEMO RAS, 2010.
3. Camus A. The rebellious man. M., 1993.
4. Klyuchnikov I.K. Financial crises: theory, history and modernity. St. Petersburg: SpbGUEF Publishing House, 2011.
5. Conflictology. Edited by A.S. Karmin. S-Pb., 1999.
6. Ortega-i-Gasset Kh. The rising of the masses // Ortega-i-Gasset. Aesthetics. Philosophy of Culture. Moscow: Iskustvo, 1991. pp. 309-350.
7. Sukhov A.N. Criminogenic communication among convicts. Ryazan, 1993. 134 p.
8. Sukhov A.N. Social psychology of crime, Moscow, 2007, 568 p.
9. Sukhov A.N., Geraskina M.G. Social psychology. 8th ed., Moscow, 2017. 367 p.
10. Sukhov A.N. Communication of convicts under emergency circumstances in correctional labor institutions. Ryazan, 1984. 60 p.
11. Sukhov A.N. Socio-psychological approach to understanding the mass crisis // Human capital. 2015. No. 10 (82). pp. 6-9.
12. Legal conflictology. Edited by V.N. Kudryavtsev. M., 1995.
13. 13. Evans, M. D. 1969 [1859]. The History of the Commercial Crisis, 1857–58 and the Stock Exchange Panic of 1859. New York, NY: B. Franklin.

РОМАН ИНГАРДЕН О ПСИХОЛОГИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Людмила Васильевна Молодкина, декан факультета по переподготовке специалистов с высшим образованием, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат философских наук
Государственный университет по землеустройству (105064, Москва, ул. Казакова, 15)
E-mail: lmolodkina@hotmail.com

Аннотация. В представленной научной статье дан краткий анализ феноменологической онтологии и психологии искусства в философских исследованиях польского мыслителя Романа Ингардена. Автор утверждает, что Р. Ингарден весьма точно использует искусство для обоснования психологических аспектов онтологической проблематики, что позволяет признать его основоположником феноменологической эстетики. На ряде примеров из сферы архитектурных памятников как произведений искусства выявляется и демонстрируется движение мемориальных смыслов, выявляемых потоками интенционального сознания, что, несомненно, свидетельствует о научно-философской весомости феноменологических исследований Р. Ингардена, о его самостоятельном вкладе в эстетическую теорию.

Ключевые слова: психология искусства, феноменологическая онтология, феноменологическая эстетика, интенциональность, интенциональный предмет, «горизонт», жизненный мир, смысловой слой.

ROMAN INGARDEN ON THE PSYCHOLOGY OF AESTHETIC PERCEPTION

Lyudmila V. Molodkina, Dean of the Faculty of Retraining Specialists with Higher Education, Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Candidate of Philosophical Sciences
State University of Land Use Planning (105064, Москва, ул. Казакова, 15)
E-mail: lmolodkina@hotmail.com

Abstract. The submitted paper provides a brief analysis of the phenomenological ontology and psychology of art in the philosophical studies of the Polish thinker Roman Ingarden. The author claims that R. Ingarden, as a phenomenologist, very accurately uses art to substantiate the psychological aspects of ontological problems, which allows him to be recognized as the founder of phenomenological aesthetics. A number of examples from the sphere of architectural monuments as works of art demonstrate the movement of memorial meanings revealed by the streams of intentional consciousness, which undoubtedly testifies to the scientific and philosophical significance of R. Ingarden's phenomenological-psychological research, and to his independent contribution to aesthetic theory.

Keywords: psychology of art, phenomenological ontology, phenomenological aesthetics, intentionality, intentional object, "horizon", life world, semantic layer.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Молодкина Л.В. Роман Ингарден о психологии эстетического восприятия. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):327-31.

Для того чтобы воспринять в эстетическом чувствовании «Венеру Милосскую», недостаточно в течение мгновения «посмотреть» на нее только с одной точки зрения. Нужно ее «увидеть» с различных сторон, в различных перспективах, с меньшего или большего расстояния, уметь в каждой фазе переживания на основе чувственного наблюдения... ориентироваться на эти видимые свойства Венеры Милосской, которые открывают ее эстетические ценности в данной перспективе... прийти к рассмотрению целостности ансамбля этих качеств, и только тогда – в особом эмоциональном созерцании – отдаться очарованию красоты сформированного «эстетического предмета».

Роман Ингарден «Исследования по эстетике».

Роман Витольд Ингарден, выдающийся польский философ и эстетик, один из самых известных и знаменитых учеников Эдмунда Гуссерля, стоял у истоков создания и развития феноменологической эстетики, которая в полной мере отражает психологические основы его онтологии и эпистемологии в отношении социокультурной объективности. Еще будучи студентом, Р. Ингарден установил тесные контакты с философами феноменологического направления во Фрайбургской школе Э. Гуссерля в Германии. Так же, как и его великий учитель, Р. Ингарден в течение всей своей жизни испытывал творческое волнение и научно-исследовательский интерес к раскрытию основной проблемы феноменологии, выявлению сущностной динамики сознания в соотношении с бытием. Выявленные постепенно расхождения в философских взглядах учителя и ученика свидетельствовали о том, что точка зрения Р. Ингардена, в отличие от аналитического трансцендентального идеализма Э. Гуссерля, сводилась к интерпретации коррелятивности сознания и объекта с позиции реализма. После публикации множества работ по данной тематике «Ингарден считал себя вполне подготовленным, чтобы приступить непосредственно к исследованию проблемы идеализма-реализма» [1, с. 192]. Многотомный труд Р. Ингардена «Спор о существовании мира» свидетельствовал о наличии разночтений по онтологическим вопросам в сфере феноменологии, о выявлении «узких» в ней мест. Это было главное онтологическое исследование, проведенное Р. Ингарденом «в самые суровые годы второй мировой войны и оккупации – с сентября 1941 до половины января 1945 года. Писал в условиях одиночества, изоляции, не имея под рукой необходимых книг. Это был научный и гражданский подвиг» [1, с. 192]. Философ придает онтологии строго дифференцированный характер, подразделяя ее на материальную, формальную и экзистенциальную. Продолжая традиционно развивать феноменологические концепты, Р. Ингарден на этой основе выделяет множественную социокультурную объективность с особым содержанием и формальным статусом, а именно: произведения искусства – литературные, архитектурные, живописные, музыкальные; религиозные памятники; государственные символы. Тем самым он поддерживает незыблемый интерес феноменолога к онтологическому фундаменту как, прежде всего, художественно-эстетической культуры, так и иных объектов широкой социально-культурной направленности, и, по сути дела, становится основоположником феноменологической эстетики, основным звеном которой явился поиск универсальной установки сознания в данной социально-культурной сфере. В рамках эстетико-феноменологического анализа произведений литерату-

ры, архитектуры, музыки и живописи прослеживается оригинальная – в сравнении с трансцендентальным идеализмом – психологическая тенденция.

Р. Ингарден целенаправленно привлекает психологию искусства для разрешения онтологических вопросов, и это, несомненно, свидетельствует о научно-философской весомости его феноменологических исследований, о самостоятельном вкладе в эстетическую теорию. Категории многомерности, неопределенности, многослойности, бытийности, конкретизации концептуально расширили философско-исследовательские рамки эстетической теории и являются концептуально ключевыми при анализе объектов художественной реальности. Р. Ингарден словно «погружается» в онтологическое пространство произведения искусства, выявляя его смысловую подоплеку и наблюдая движение смыслов, их взаимосвязь с потоками сознания и физическим миром.

В этом контексте Р. Ингарден предпринял феноменологическое исследование художественной литературы как одного из главных компонентов культурно-эстетической объективности, наиболее подходящий по всем объективным и субъективным причинам для тщательного анализа феноменов «идеального мира». В творческом литературном процессе максимально раскрываются феноменальные потоки сознания, объективируясь в нем в форме отрефлектированного социально-культурного опыта. Художественный литературный текст, подчеркивает Р. Ингарден, содержит в себе несколько повествовательных планов, интенционально продуцируемых автором. Это может быть как крупноплановое охватывание исторической эпохи в культурно-образном выражении либо художественная концентрация на интенциях и переживаниях отдельного персонажа.

В дальнейшем философские интересы Р. Ингардена смещаются к углубленной феноменологической интерпретации онтологии музыкального искусства, живописи и архитектуры. Его внимание акцентируется на вопросах «познавания» и эстетического переживания произведения искусства как объекта и интенционального предмета, в котором порождаются разноликие смыслы и многообразные значения, демонстрирующие связи между художественным объектом и сознанием. Р. Ингардена интересовали вопросы объективной многослойности в том или ином виде искусства и взаимосвязи художественного предмета со своим онтологическим коррелятом. Каким образом и насколько музыкальное произведение зависит от звука инструмента или голоса, архитектура – от строения, живопись – от холста и пр.? Например, музыкальное произведение представляется Р. Ингарденом не только как идеальный объект, создаваемый ощущениями ис-

полнителей и слушателей; оно создано композитором в определенный момент времени и требует наличия определенного инструментального сопровождения. Поэтому музыкальное произведение конституируется между реальным и идеальным бытием – бытием чистой интенции. Основой интенционального бытия музыкального, литературного, архитектурного, живописного произведений являются творческие акты художника. Нотный ряд, согласно мнению Р. Ингардена, представляет собой онтический фундамент музыки и обладает менее определенным характером в сравнении с бытийной основой литературного текста – словами или предложениями. В музыкальном произведении содержится много неопределенных точек, таких как громкость исполнения, акцентуация нот и пр. Эти физические атрибуты порой могут создавать весьма неожиданные и непредвиденные нюансы. Поэтому бытийная основа литературного произведения более схематизирована в сравнении с музыкальным.

Художественный образ в сфере живописи Р. Ингарден описывает как интенциональный предмет со множеством онтологических слоев, а именно: начиная от денотата, репрезентируемого в художественно-образной форме, и заканчивая многообразным слоем индивидуального схватывания денотата в различных модусах рефлексии (визуальные, слуховые и пр.) и сознания в целом. Эта феноменологически разработанная онтология художественных жанров является уникальным вкладом в сокровищницу мировой эстетической мысли.

Относительно архитектуры Р. Ингарден замечает, что, безусловно, функциональность архитектурного произведения должна сводить на нет онтологическую множественность и при этом максимально соединять интенции архитектора и реципиента. Однако он подчеркивает, что хотя функциональность и является доминирующим свойством архитектуры, впоследствии акцентируется архитектурная реальность этого социально-культурного объекта не только для утилитарно-потребительского использования, но и для эстетического восприятия. Наблюдатель (реципиент) самостоятельно осуществляет на интенциональном уровне реконструкцию эстетических слоев архитектурной объективности.

Избранные статьи Р. Ингардена по вопросам философии и психологии искусства, о художественном произведении, его структуре и восприятии были объединены и представлены в виде фундаментального монографического труда «Исследования по эстетике», в котором автор одну из глав посвящает феноменологическому анализу архитектуры, создав, таким образом, глубокую и интересную философско-психологическую концепцию зодчества [2]. Философ прослежи-

вает генезис архитектурного произведения, выделив в нем несколько этапов («слоев»), помогающих увидеть в изначальной обычной постройке смысл и значение. Вырисовывается феноменологический «портрет» строения, постепенно преобразующегося в восприятии реципиента в истинное произведение искусства. Формирование эстетических и художественных ценностей постройки происходит в сознании в последовательно нарастающем смысловом «темпе». Р. Ингарден отмечает различные подходы и «точки зрения» («этикеты»), словно приписываемые строению сознанием: взгляд инженера, мнение историка-исследователя или восприятие туристом, «наделяющие» постройку различными смысловыми чертами, приобретающими в самом предмете значимость его качеств и особенностей [2, с. 204–205]. Предмет в совокупности этих извне почерпнутых новых свойств видоизменяется, обретает новый облик, новую квинтэссенцию.

Конституируемый таким образом философский контекст приводит Р. Ингардена к созданию уникальной эстетико-феноменологической типологии этапов в генезисе архитектурного образа с выделением их особой преемственности и взаимообусловленности. Любое строение изначально представляется как реальный целостный физический предмет. Впоследствии, согласно мнению философа, постройка как целое генерируется в стадию бытийной основы произведения архитектуры. Наконец, в сознании интенционально обрастая смысловым многообразием «этикеток», архитектурный объект в той или иной «конкретизации» достигает уровня эстетического предмета с тенденцией к обретению художественно-образных черт произведения искусства. Это наивысшее проявление «бытийности» архитектурного объекта.

Феноменологическую установку Р. Ингардена интересно применить для эстетической интерпретации памятника архитектуры, бытийным фундаментом которого всегда изначально является постройка. При определенных интенциональных актах, при особой конкретизации строение может наращивать в себе мемориальный смысл. Р. Ингарден как истинный феноменолог вначале мысленно акцентирует в постройке реальную предметность («груда камней»). Это некое целое, обладающее физическими свойствами, своими законами, самостоятельной сущностью по отношению ко всяким актам сознания. Реальное целое, заключенное в феномене постройки, автономно и независимо в своем существовании от сознания. Однако философ подчеркивает, что это реальное целое есть некий эквивалент какой-либо «субъективной точки зрения и сознательного поведения субъекта, при котором... избегается осуществление всяких интенциональных актов...» [2, с. 207]. Иначе говоря, феномен строения

как целого не интенционален, это еще не «храм», не «театр», не «святыня», а значит, не «памятник». Если использовать традиционный феноменологический язык Э. Гуссерля, то реальное целое постройки – это ее «жизненный мир», фон, горизонт, на котором впоследствии могут разворачиваться другие особые акты сознания – интенциональные акты.

Согласно феноменологической позиции Р. Ингардена, должно произойти «посвящение в храм» некоторой постройки (или на нашем примере, «посвящение в мемориал, памятник» некоторого комплекса построек в природном окружении). Кстати, именно в этих суждениях философа явно видна проблема памяти, к которой он, очевидно, не был безучастным. Роща может стать священной или кусок полотна превратиться в знамя, которому мы «отдаем воинские почести и сохраняем на протяжении целых столетий на память...» [2, с. 209]. Действительно, усадебный дом и парк вокруг него, а в парке отдельное дерево (например, дуб в усадьбе Остафьево, бывшем владении князей Вяземских) становятся мемориальными, если применить к ним ту же процедуру «посвящения», которая является интенциональным актом сознания.

Большая подвижность, изменчивость в подобных интенциональных действиях нашего сознания неоднократно подчеркивается Р. Ингарденом. Это во многом определяется социокультурной средой, типом общественного и индивидуального сознания, религиозными верованиями, в целом уровнем менталитета. Тем не менее, интенциональный акт сознания, направленный на реальный предмет (постройку, фрагмент ландшафта, бытовой предмет и т.п.) на самом деле ничего не изменяет в реальном физическом мире этих вещей. Важно, что такой реальный предмет приобретает новое интенциональное, ирреальное качество, – он становится бытийной основой некоего нового предмета: храма, памятника. Под иным углом зрения строение интенционально превращается в произведение архитектуры, становится при определенных обстоятельствах истинным произведением искусства. Зритель вырабатывает в сознании особую позицию, определенное мнение в отношении постройки. В данном случае происходит не «посвящение в памятник», а скорее, «посвящение в художественно-эстетическое произведение». Следует отметить возможность обратного процесса, когда памятник в социокультурном пространстве, выйдя хотя бы частично «на волю» из архивных резервуаров, обретает статус произведения искусства.

Р. Ингарден считает наиболее важным конструктивным элементом архитектурного произведения систему геометрических форм, основанных на законах статики тяжелых масс и соответствующих утилитарному смыслу постройки. Другие элементы произ-

ведения в конструктивном отношении являются производными, хотя в эстетическом восприятии этого произведения они могут играть главную роль. Имеются в виду элементы окружающей природы, художественные или декоративно-прикладные дополнения, мемориальные вещи, то есть все то, что составляет материальное содержание образной картины архитектурного произведения. Философ весьма тонко и точно подводит к мысли о том, что, несмотря на трудную для понимания своеобразную внутреннюю необходимость и логику архитектурного произведения искусства, оно является творением человека, основанным, прежде всего, на умозаключении. И это творение воплощает в себе проявление эмоционально-вожделенческих элементов души человека [2, с. 213–214].

Тема человека, а значит, опосредованно и тема памяти рельефно вырисовываются в феноменологических суждениях Р. Ингардена о связи архитектурного произведения с реальным миром и литературным произведением, а также в вопросе его конкретизации. Мыслитель убеждает, что «архитектура выражает человека... путем выражения его основной психической структуры и его способа телесной жизни, его конструктивно-интеллектуальных и эстетически-воспринимающих духовных способностей...» [2, с. 247]. Каждое архитектурное художественное произведение, по Р. Ингардену, связано с реальным миром посредством человека. Человек представлен уже в той утилитарной реальной постройке, по отношению к которой в сознании совершен интенциональный акт. И постройка, таким образом, превращается в восприятии в храм, дворец, а в воспоминаниях – в памятник. В этом состоит психология семантического смысла архитектуры.

Р. Ингарден вводит понятие «конкретизация», которая, с его точки зрения, в архитектурном произведении предполагает разнообразие процессов эстетического восприятия. Каждый зритель воспринимает произведение по-своему, т.е. интенционально направленное на архитектурный предмет сознание различно в своих модусах. Восприятия, говорит Р. Ингарден, могут протекать в художественной форме и тем самым приобретают свойства эстетического переживания. Архитектурное же произведение при этом получают дополнительные интенциональные свойства – художественно-эстетические.

Интенциональная ритмика становится динамичнее за счет движения зрителя как внутри здания, так и снаружи. В интенциональном предмете сопереживает «игра форм, растянутая во времени», «своеобразная жизнь» здания, начинает пониматься «таинственный язык навечно обращенного в камень, неподвижного, и, однако, “говорящего” интерьера здания» [2, с. 247].

«Внешняя» жизнь архитектурного произведения – окружающий ландшафт, восход или заход солнца, полуденный зной, ясное небо, осенний туман, ночной мрак – делает одно и то же здание разнообразным в восприятии его конкретизаций.

Присоединяясь к феноменологическим рассуждениям Р. Ингардена, добавим, что в интерьер здания и в его экстерьер обычно включено немалое множество мемориальных вещей, начиная с самого здания как такового, природных окружающих компонентов и заканчивая личными, бытовыми и прочими предметами. Мемориальные «наслоения» различного характера в архитектурно-природном произведении, будучи переживаемыми в качестве многообразных конкретизаций, поднимают степень его интенциональности до уровня «памятника».

Подводя итоги и проецируя феноменолого-эстетические и психологические принципы Р. Ингардена на сферу архитектурного искусства, заметим, что философизация памяти указывает на духовную обязательность сохранения меморий как со стороны индивида, так и в целом социума, способных возрождать прошлое усилиями воспоминания (теоретического, а, значит, философско-научного, и практического). Благодаря этому происходит процесс актуализации и возобновления прошлого, его «сцепления» с культурно-ценностными парадигмами настоящего в современном социокультурном пространстве. Прошлое и настоящее не отделяются, а взаимодействуют и взаимопереходят, дополняя друг друга. Памятники могут

помочь человеку вновь обрести, «отреставрировать» утраченное естественное чувство – ощущение среды обитания, ее эстетики. Поэтому мемориально-патристическая сюита архитектурного художественного произведения призвана звучать высоко и с новой силой. В этом плане многослойная феноменологическая онтология и психологическая эстетика Романа Ингардена является актуальным философским направлением в силу растущей ныне социальной неоднородности. Динамика культурно-духовной ценностной объективности, эстетических и художественных меморий нацелена, прежде всего, на сохранение и развитие их смыслов и значений, могущих быть вскрытыми и понятыми в сознании современного интерпретатора.

Литература

1. Долгов К.М. Феноменология искусства. М.: ИФ РАН, 1996. 264 с.
2. Ингарден Р. О произведении архитектуры // Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 572 с.

References

1. Dolgov K.M. Phenomenology of Art. Moscow: IF RAS, 1996. 264 p.
2. Ingarden R. About the work of architecture // Research on aesthetics. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1962. 572 p.

**РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ А.Ф. ВОЛЫНСКОГО И В.А. ПРОРВИЧА
«КОМПЬЮТЕРНАЯ КРИМИНАЛИСТИКА В СИСТЕМЕ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
«ТРАДИЦИОННОЙ» И ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ»**

Юрий Викторович Гаврилин,

заместитель начальника кафедры управления органами расследования преступлений,

доктор юридических наук, доцент

Академия управления МВД России

(125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8)

E-mail: yuriy902@gmail.com

**REVIEW
OF THE MONOGRAPH BY A.F. VOLYNSKY AND V.A. PRORVICH
“COMPUTER CRIMINALISTICS IN THE SYSTEM
OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION
OF THE “TRADITIONAL” AND DIGITAL ECONOMY”**

Yuriy V. Gavrilin,

Deputy Head of the Department of Crime Investigation Management

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

(125171, Moscow, ul. Zoe and Alexander Kosmodemyanskikh, d. 8)

E-mail: yuriy902@gmail.com

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Гаврилин Ю.В. Рецензия на монографию А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича «Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики». Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):332-35.

В конце января 2021 года на официальном сайте МВД России размещен информационный бюллетень о состоянии преступности за 2020 год. Особо обращают на себя внимание приведенные в нем статистические данные о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, число которых превысило 510 тыс. и увеличилось на 73,4% по сравнению с 2019 годом. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 14,5% до 25,0%. Иными словами, каждое четвертое совершаемое в России преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Приведенные данные в очередной раз подтверждают сформировавшуюся тенденцию: на наших глазах происходит цифровая трансформация преступности,

проявляющаяся в принципиальных изменениях как в механизме совершения «традиционных» преступлений, возникших в «доцифровую» эпоху, так и в возникновении новых видов преступлений, непосредственно связанных с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и использованием технических средств сбора, обработки, хранения компьютерной информации и ее передачи по линиям связи. Обозначенные процессы требуют самого пристального внимания и глубокого научного анализа.

Следует отметить, что криминалистическая наука не стоит в стороне от данных процессов. Поиск ответов на такие вызовы современной преступности, как цифровизация способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, увеличение числа преступлений, совершенных дистанционным способом, ис-

пользование криптовалют в криминальных взаиморасчетах, рост трансграничной преступности и др., регулярно производится научных форумах самого высокого уровня. Только в Академии управления МВД России данной проблематике были посвящены 58, 59 и 61 Криминалистические чтения¹.

Ранее мы отмечали, что данные условия, придают колоссальный импульс развитию криминалистики², как минимум, в двух направлениях:

Первое направление – актуализация существующих, и разработка новых криминалистических технологий выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, то есть в направлении совершенствования криминалистической деятельности в условиях информационного общества.

Второе направление – состоит в развитии криминалистических знаний, а также совершенствовании уголовно-процессуальной формы их применения.

Следует констатировать, что сложившаяся в конце 50-х годов прошлого века система науки криминалистики сегодня претерпевает существенную трансформацию за счет формирования новых подразделов криминалистической техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений, а также развития существующих и формирования новых частных криминалистических теорий и учений. Одной из таких частных теорий, вне сомнения, является криминалистическое исследование доказательств на электронных носителях информации, именуемая так же, как цифровая криминалистика или компьютерная криминалистика.

В этих условиях, выход в свет монографии А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича «Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики» является исключительно востребованным и своевременным.

При этом, авторы рассматривают проблемы криминалистического исследования цифровых доказательств в контексте более широкой проблемы – противодействия преступлениям, совершаемым в сфере цифровой экономики. Развитие последней, являясь

приоритетным направлением экономической политики Российской Федерации, наряду с неоспоримыми достоинствами в виде повышения эффективности экономической деятельности за счет внедрения цифровых технологий в управление, производственную деятельность, сферу услуг, сопровождается возникновением новых рисков в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности. К числу таких рисков следует отнести следующие:

1. Рост безработицы вследствие высвобождения значительного числа трудоспособного населения за счет автоматизации ручного труда.

2. Недостаточная защищенность персональной информации от неправомерного доступа. В настоящее время в неиндексируемом сегменте сети Интернет (даркнет) размещаются предложения о приобретении различных электронных баз данных, в частности, цифровых пропусков, болевших новой коронавирусной инфекцией COVID-19 и др. В прессе широкий резонанс приобрела утечка данных клиентов Сбербанка³ и пр. Открыто действуют Телеграмм – боты, позволяющие заказать услуги по «пробиву» лица практически по любым базам данных, включая ИБД-Ф и др. Согласно исследованию InfoWatch, в январе-сентябре 2020 года 79,1% утечек данных из российских компаний произошли из-за внутренних нарушений. Причем в России доля «сливов» по вине работников вдвое выше, чем в мире, — более 72%⁴.

3. Нарушение когнитивных функций лиц – потребителей цифровых услуг – вследствие переизбытка информации, с одной стороны, и легкости ее получения с другой. Ситуация усугубляется формированием синдрома «клипового сознания», при котором знания носят фрагментарный и разрозненный характер, ценность информации определяется яркостью образов, их эмоциональным воздействием. При этом возрастают риски массового распространения недостоверной информации с использованием социальных сетей и мессенджеров, способной привести к нарушению общественного порядка, возникновению паники, экстремистским проявлениям и иным негативным последствиям, включая искаженные оценки определенных явлений, фактов, событий, а также недобросовестному манипулированию общественным созна-

¹ См.: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения). М., Академия управления МВД России, 2018; сборник статей Международной научно-практической конференции «Криминалистика в условиях информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения). М., Академия управления МВД России, 2018.

² Гаврилин Ю.В. Основные направления развития криминалистических знаний в условиях информационного общества // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Криминалистика в условиях информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения). М., Академия управления МВД России, 2018. С. 65-73.

³ М. Шеметов. Что известно об утечке данных клиентов Сбербанка [Электронный ресурс] <https://tass.ru/ekonomika/6960961> (дата обращения 20.02.2020).

⁴ Утечки информации ограниченного доступа: отчет за 9 месяцев 2020. Аналитический отчет [Электронный ресурс] <https://www.infowatch.ru/analytics/reports/30708> (дата обращения 20.02.2020).

нием¹. Следствием данного обстоятельства является неуправляемое желание отдельных граждан приобрести товары по ценам, существенно ниже рыночных (с большими скидками), либо помочь родственнику, якобы попавшему в беду, а также сохранить свои сбережения от якобы несанкционированного списания, чем и пользуются мошенники, совершая преступления дистанционным способом.

В этих условиях становится очевидным, что решение задачи повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий исключительно в рамках совершенствования технологий информационной безопасности, а также криминалистических технологий обнаружения, фиксации, изъятия и использования доказательств на электронных носителях, без научного анализа при этом правовой основы функционирования цифровой экономики, не представляется возможным.

Представляется, что главная заслуга авторов рецензируемой работы состоит именно в том, что ими в контексте решения прикладных криминалистических задач проанализированы вопросы состояния действующего законодательства об электронном документообороте, электронной подписи, информационных технологий, цифровых активов, персональных данных, гражданского законодательства и др.

При этом, в отличие от большинства научных работ криминалистической направленности, авторы не делают акценты на проблемах выявления признаков преступлений в электронных документах, идентификации орудий совершения преступления по цифровым следам в информационной системе, вопросах применения специальных знаний, а также вопросах тактики производства отдельных следственных действий. В то же время, авторы обосновывают необходимость новых подходов к выявлению, фиксации и обработке криминальной информации, с учетом динамики ее изменения, фазовых переходов ее видов при совершении юридически значимых действий.

Авторы выражают обоснованные опасения относительно коммерциализации экспертно-криминалистической деятельности в области исследования доказательств на электронных носителях информации в деятельности организаций, занимающихся оказанием услуг в сфере информационной безопасности. При этом, заслуживают внимания следующие аргументы, обоснованные в работе, свидетельствующие об

ущербности технократизации указанной деятельности (с. 166-171):

- недостаточное внимание к правовым аспектам функционирования информационных систем;
- отсутствие единых стандартов подтверждения квалификации привлекаемых к подобной деятельности специалистов;
- игнорирование сложившихся в науке криминалистике подходов к обнаружению, фиксации и изъятию следов и иной доказательственной информации.

К сказанному следует добавить отсутствие единых методологических подходов к производству компьютерных экспертиз, а также использование при их производстве аппаратно-программных комплексов, не всегда отвечающих требованиям законодательства об обеспечении единства измерений. Приведенные обстоятельства негативно сказываются на таких ключевых свойствах доказательств, полученных специалистами коммерческих организаций в области защиты информации, как их допустимость и достоверность.

В данном контексте авторами монографии справедливо ставится под сомнение достоверность результатов применения отдельных технических средств обработки и преобразования доказательственной цифровой информации, обеспечивающих ее «визуализацию» на основании алгоритмов, механизм которых не всегда раскрывается их разработчиками (с. 182-186).

Авторами монографии поднимается вопрос относительно обоснованности передачи отдельных государственных функций на уровень информационных систем с не всегда определенным правовым статусом (с. 177). Здесь особое место занимает правовое положение и порядок формирования электронной подписи. В современной судебно-следственной практике встречается достаточно примеров противоправного использования цифровой подписи, сформированной коммерческими организациями от имени физического или юридического лица, без надлежащей проверки полномочий заявителя. Сформированная в результате электронная подпись использовалась впоследствии при совершении незаконных сделок по отчуждению недвижимого имущества, бездокументарных ценных бумаг, а также иных прав и финансовых активов. Сказанное подтверждает актуальность вопроса о необходимости детальной регламентации порядка идентификации заявителя личности при формировании электронной подписи в рамках противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

На этом фоне авторами поднимается проблема более высокого уровня, носящая характер большого

¹ Ярким примером подобного манипулирования является получившее широкое распространение в США общественное движение «Black lives matter», приведших к многочисленным погромам и беспорядкам в ряде городов в мае-июле 2020 года после гибели афроамериканца Джорджа Флойда от рук белого полицейского Дерек Шовина.

вызова, с которым столкнулась современная криминалистика. Речь идет о проблеме так называемого «научного сепаратизма», проявляющегося в отделении от криминалистики судебной экспертизы и оперативно-розыскной деятельности. Следует признать справедливость содержащегося в рецензируемой работе утверждения о том, что данный процесс не только обеднил научный аппарат самой криминалистики и ничего не дал «отколовшимся» отраслям юридической науки, но и создал ряд проблем на их стыках, которые пытаются решать энтузиасты-компьютерщики привычными для себя средствами в системе цифровых прав и правил своих информационных систем (с. 213). В этих условиях, обоснованное в работе предложение о необходимости создания в рамках компьютерной криминалистики комплексного методического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, представляется целесообразным и весьма своевременным.

В таких условиях представляют значительный интерес выводы авторов о роли компьютерной криминалистики в формировании единого научного фундамента для наук уголовно-правового блока в борьбе с современной преступностью в различных сферах цифровой экономики (с. 221-230). Речь здесь идет, прежде всего, о криминалистических технологиях выявления и фиксации новых видов следов преступлений, формирующихся в цифровом пространстве.

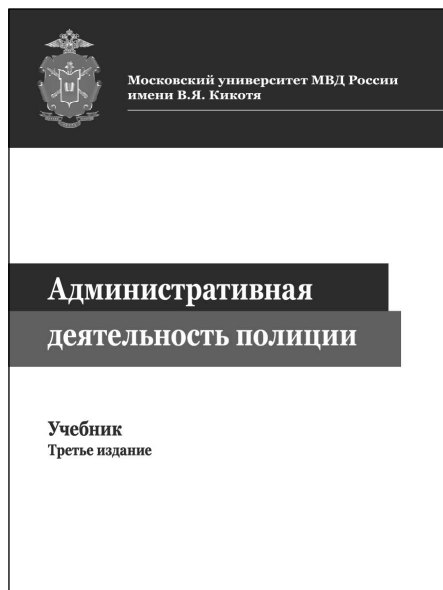
Работа содержит многочисленные примеры, иллюстрирующие возможности компьютерной криминалистики в борьбе с современной экономической преступностью в различных сферах традиционной и цифровой экономики. В результате, авторам удалось показать решающую роль криминалистики в интеграции возможностей всех наук уголовно-правового блока, экономики, информатики, кибернетики в борьбе с

современной экономической преступностью, взявшей на вооружение современные информационные технологии.

Вместе с тем, работа содержит и отдельные дискуссионные моменты, заслуживающие обсуждения в рамках научно-представительских мероприятий.

В частности, вызывает некоторое сомнение обоснованность вывода авторов о том, что для выявления признаков нарушения требований действующего законодательства, регламентирующего деятельность законопослушных субъектов, можно использовать систему соответствующих «эталонных алгоритмов», характеризующих типичную правомерную деятельность (с. 463-464), на основе которых могут быть разработаны криминалистические методики для формирования и обоснованного выбора адекватной модели механизма конкретного преступления и его криминалистической характеристики. Дело в том, что в основе механизма правового регулирования в гражданском законодательстве находится диспозитивный метод (метод дозволения): разрешено все, что прямо не запрещено действующим законодательством. При таких обстоятельствах, возможности разработки типовых «эталонных алгоритмов» правомерного поведения хозяйствующих субъектов вызывают сомнения, поскольку они действуют своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. При этом гражданское законодательство основывается на недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав (ст. 1 ГК РФ).

Однако, приведенное сомнение рецензента, лишь подчеркивает высокий интерес к рассматриваемой авторами проблематике и ни коим образом не влияет на научную ценность и значимость монографии в целом.

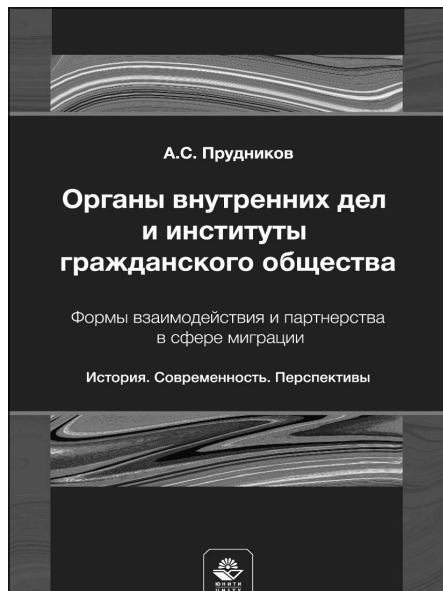
Административная деятельность полиции. Учебник. Под ред. О.В. Зиборова, В.В. Кардашевского. 3-е изд., перераб. и доп. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Органы внутренних дел и институты гражданского общества. Формы взаимодействия и партнерства в сфере миграции. История. Современность. Перспективы. Монография. Прудников А.С. 183 с.

Монография подготовлена с учетом новых теоретических и научно-практических подходов к изучению основ институтов гражданского общества, закрепляющих их правовое положение, анализ форм участия институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля, а также их взаимодействия и партнерства с органами публичной власти в сфере миграции.

Для курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, преподавателей юридических вузов, а также практических сотрудников подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России.